

В.П.Обнинский

ПОСЛЕДНИЙ САМОДЕРЖЕЦ

ОЧЕРК ЖИЗНИ
И ЦАРСТВОВАНИЯ
ИМПЕРАТОРА
РОССИИ
НИКОЛАЯ II

Родовой гербъ Его Императорскаго Величества
Государя Императора.

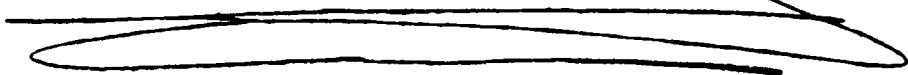

**Малый гербъ Его Императорскаго Высочества
Наслѣдника Цесаревича.**

Большой російскій государственный гербъ.

Kirkland

*Николай Второй,
Император и Самодержец Всероссийский
Московский, Киевский, Владимирский,
Новгородский; Царь Казанский,
Царь Астраханский, Царь Польский,
Царь Сибирский,
Царь Херсониса Таврического,
Царь Грузинский, Государь Псковский
и Великий Князь Смоленский, Литовский,
Волинский, Подольский и Финляндский;
Князь Эстляндский, Лифляндский,
Курляндский и Семигальский,
Самочитский, Белостокский, Корельский,
Тверский, Югорский, Пермский, Вятский,
Болгарский и иных;
Государь и Великий Князь
Новгорода низовские земли,
Черниговский, Рязанский, Полотский,
Ростовский, Ярославский,
Белозерский, Удорский, Обдорский,
Кондийский, Витебский, Мстиславский,
и всея Северные страны Повелитель;
и Государь Иверский, Карталинские
и Кабардинские земли и области Арменские;
Черкесских и Горских Князей
и иных Наследный Государь и Обладатель;
Государь Туркестанский;
Наследник Норвежский,
Герцог Шлезвиг-Голштинский, Сторманский,
Дитмарсенский и Ольденбургский
и прочая и прочая и прочая.*

В.П.Обнинский

ПОСЛЕДНИЙ САМОДЕРЖЕЦ

ОЧЕРК ЖИЗНИ
И ЦАРСТВОВАНИЯ
ИМПЕРАТОРА
РОССИИ
НИКОЛАЯ II

Москва
Издательство
«Республика»
1992

Под редакцией доктора исторических наук
С. С. Волка

Обнинский В. П.

О-20 Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II / Под ред. С. С. Волка.— М.: Республика, 1992.— 288 с.: ил.
ISBN 5—250—01798—3

Эта книга была впервые издана в 1912 году в Берлине тиражом в 500 экземпляров. В ней представлена наша история конца XIX — начала XX века: трагические страницы освободительного движения, русско-японской войны, революции 1905—1907 годов...

Автор воссоздает атмосферу, в которой вырос и сформировался последний русский император, описывает быт и нравы царского двора, ближайшего окружения Николая II.

Книга написана увлекательно, снабжена уникальными фотографиями, представляет интерес для широких кругов читателей.

О 0503020300—021
079(02)—92

ББК 63.3(2)5

© Послесловие С. С. Волк, 1992

ISBN 5—250—01798—3 © Оформление Г. В. Колоскова

ОТ АВТОРА

Пойми же, наконец, что в тебе есть божественное, стоящее выше малодушия, страстей и суеты, от которых тебя передергивает, как балаганную куклу.

Марк Аврелий

Так как народ не знает той истины, с помощью которой он мог бы освободиться, то выгодно, чтоб он был во мраке.

Варрон

Двадцатый век принес с собою крушение последних оплотов деспотизма, прикрывающегося легендой божественного происхождения; одна за другой изменили свой государственный строй три империи Востока — Россия, Персия и Турция. Медлительный Китай, упреждая волнения, обычно сопровождающие этот неизбежный исторический процесс, возвестил введение конституции на 1914 год.

Таким образом, если не считать немногих маленьких государств Азии и Африки, ничтожных, некультурных и являющихся, в сущности, игральными картами в руках великих держав, абсолютизм исчезает с лица земного шара, уступая место самостоятельности освобожденных народов. Но уже известные исторические прецеденты указывают на чрезвычайную сложность в более однородных, чем у нас, средах, революции все же сопровождались кровавыми эксцессами и периодами реставраций старого режима. Можно сказать, что и теперь еще не завершен большинством государств Европейского континента тяжкий переход от рабства к свободе и что мир, несомненно, будет свидетелем грандиозных политических и социальных катаклизмов, предвестником коих можно по справедливости назвать великую русскую революцию.

Расположенная между культурным Западом и азиатским Востоком, империя русских самодержцев складывала свою историю не по установившемуся для Европы шаблону. Роль буфера, отделявшего две различные по духу цивилизации, неминуемо обрекала Россию на ряд колебаний, ставших с течением времени отличительной чертой и политики ее правительства.

В то же время необходимость укрепления славянской стены на границе желтого мира диктовала Европе, занятой своими делами,

пассивную роль во все время мобилизации земель и национальностей по обе стороны Уральского хребта, и это обстоятельство сказалось самым печальным образом на дальнейших судьбах русского народа и его царей. Огромные размеры и разнородный племенной состав государства создавали соответствующую величину и нестройность его власти, не давали отстояться океану людей, лишенных внутренней связи и взаимности интересов, поощряли бесконтрольность и произвол боярщины, незаметно выродившейся в чиновничество. В короткое время язва эта без остатка покрыла поверхность государственного организма, парализовала его рост, остановила движение, разъела нервную систему, разложила мозг.

Цари, некогда вершившие судьбы своего народа личной политикой, теряли мало-помалу всякое влияние на ход управления, и наше поколение застало эпоху полнейшего порабощения их всемогущим бюрократизмом.

Не нужно было ни проницательности, ни знаний, чтобы сознавать ненормальность такого положения вещей и предсказать его естественный конец — революцию. Ибо параллельно с ростом показного величия абсолютизма росло и его внутреннее разложение, причем любой внешний толчок мог разрушить импонировавшую простым душам оболочку, обнаружив раз и навсегда гнилую сердцевину этого первого устоя неограниченной власти. Несомненно также, что приближение катастрофы ощущалось на верху правления еще отчетливее, нежели в глубинах жизни, и придавало умиравшему чудищу полицейского строя то мужество отчаяния, которое толкает на самые решительные, самые неожиданные действия. Чувствуя, что под страхом смерти нельзя выпускать из рук традиционного щита — самодержавия, чиновничество роковым образом должно было отдавать главное время подновлению и позолоте ветшавших традиций, возвышению личности монарха. Не считаясь, однако, с этой бесполезной работой, жизнь народа прокладывала свое русло далеко в стороне от всяких фантомов, стремясь к слиянию с общемировым потоком, незаметно для самой себя стачивая скалу, на которой продолжали покоиться с деланной самоуверенностью правительство, царь и не отстававшие от них немногочисленные развращенные подачками и привилегиями классы поместного

дворянства и высшего духовенства. Постепенно, впрочем, редели ряды союзников, пока не остался вверху снова почти одинокий царь. Для своего спасения бюрократизм охотно пожертвовал бы и им, но издавна отождествив себя с автократизмом, сделать этого последнего предательства уже не может. В свою очередь, и Николай II не остановился бы, вероятно, перед отречением от чиновничества, если бы мог надеяться таким шагом обеспечить хоть сколько-нибудь продолжительное существование своей династии. Но невольные близнецы продолжают оставаться накрепко связанными, и перед нами разворачивается, наряду с открытой войной народа с поработителями, еще и скрытая борьба между половинами одного и того же тела, в которой их ждет один, смертельный результат. При этом положение царя значительно хуже положения чиновничества, которое при всяких условиях нового строя окажется некоторое время необходимым и сумеет приспособиться к изменившимся требованиям времени. Царь же, независимо от достоинств своих или недостатков, от ума или ограниченности, как был, так и останется центральной фигурой борьбы, ведущейся с обеих сторон с нескрываемым ожесточением. Здесь все опасно, даже самой жизни монарха столько же грозит террор, сколько и постоянная возможность дворцового переворота. Отсюда и происходит затаенная ненависть его к ближайшим советникам и родным, умственное и душевное одиночество — все плохое для правителя спутники. Хочется бороться. Личная политика снова выступает на сцену, но уже подпольными ходами, преломляясь в среде разных темных дельцов, низов камарильи, магов, юродивых. Общая конъюнктура усложняется помимо воли действующих лиц.

Тем не менее отдание себе ясного отчета в происходящем продолжает оставаться первой обязанностью всякого участника затянувшейся и распространившейся на огромном пространстве борьбы. В таких случаях ориентируются прежде всего по ставке главнокомандующего, по его фигуре, окруженной штабом. И так как не пришло еще время ни для изложения новейшей истории русского народа, ни для истории последних лет жизни бюрократизма российского, то мы последуем тому же правилу и попытаемся дать очерк только царствования и жизни Николая II, последнего самодержца и, быть может, последнего императора, называющегося Романовым.

Необходимое беспристрастие диктуется нам не только обязанностью историка, но и сознанием трагизма положения, являющегося логическим результатом действия разнородных

сил, слагавших тип византийца и окружающую его среду. В затхлой атмосфере русских дворцов легко отставались лишь низменные черты темпераментов. Показной блеск способствовал образованию внутренней пустоты, обязанности правительства заслоняли назначение быть только первым слугой своего народа. Целый ряд неразлучных спутников жизни этого народа: нужда, бесправие, болезни — оставался для его правителей знакомым не более линий спектра какой-нибудь отдаленной звезды, где названия неведомых газов ничего не говорят уму. Ряд поколений воспитывал в себе духовную слепоту, и нет мудреного в том, что, когда суровая действительность приподняла 9 января 1905 года пред Николаем завесу, он не увидел за ней более того, что подсказали ему окружавшие его насильники и организаторы кровавой бани, перед которой Варфоломеевская ночь и сицилийские вечера были лишь детскими забавами. Это они, избранные бюрократизма, играли на струнах души дегенерата, поощряя лишь темные инстинкты и ограничивая добрые стенами детской, где повелитель стомиллионного народа скрывался от поражений, наносимых врагами, и праздновал победы над собственными подданными. Здесь останавливались еще потоки русской крови, переставали мерещиться страшные гримасы повешенных. Но тем сильней не хотелось выходить из комнаты, где весело звучали детские голоса, туда, в рабочий кабинет, к ожидавшим министрам, сыщикам, казнокрадам. С ними вторгалась снаружи сама жизнь, врывались струи воздуха, насыщенного отчаянием и неправдой, наивной искренностью и застарелым приказным лукавством. Тут давались кому придется и какие угодно полномочия, лишь бы отделаться как-нибудь от докуки управления.

Поэтому то оставляли понежному неприятные царские палаты все сколько-нибудь чистые люди, и власть сосредоточивалась в преступных или запачканных руках.

К этой драме широкой волной приливала и едкая пошлость. Спириты и предсказатели, просто порочные люди и люди с извращенными наклонностями, алкоголики и неисправимые луны — все вносили в эту странную для свежего человека атмосферу свою долю вульгарного, смешного. Но теперь уже не те времена, когда стены дворцов оставались непроницаемыми для непосвященных. Несмотря на все предосторожности, сведения о жизни царей распространяются без замедления и тем легче, что сами участники перестают скрывать ее интимнейшие стороны. Вследствие этого читатель не встретит сенсационного, неизвестного, но лишь правду, не искаженную ни лицемер-

рием придворного историографа, ни страхом русского публициста перед цензурой. В нашем распоряжении находилось к тому же слишком достаточное количество проверенных данных, чтобы мы могли быть увлечены на путь памфлетистов, вынужденных довольствоваться рос-сказнями досужих придворных сплетников.

Мы предвидим, что многие из называемых здесь и еще живущих лиц будут недовольны упоминанием о них, но не считаем возможным

щадить ни самолюбия, ни скромности кого бы то ни было в труде, предназначенном не только для удовлетворения понятного любопытства современников, но и для их осведомления.

С этой именно скромной целью, одушевляемые прежде всего любовью к родине и далекие от каких-либо партийных соображений и оков, приступаем мы к очерку жизни и правления последнего всероссийского самодержца Николая Александровича Романова.

ПОСЛЕДНИЙ САМОДЕРЖЕЦ

Очерк жизни и царствования императора России Николая II

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Брак Александра Александровича.—

Принцесса Дагмара и Николай Александрович.—

Отношение Александра II ко второму сыну.— Занятие искусствами.—

Уединенная жизнь.— Дети.— Война 1877—1878 годов.— Рушукский отряд.—

Запой.— Ванновский.— Боткин.—

Отвращение к военному делу.— 1 марта 1881 года.—

Крушение «конституции». — Победоносцев.— Граф Д. Толстой.—

Уход Лорис-Меликова, Милютин и других.—

Письма к Александру графа Л. Толстого, Цебриковой и других.— Казни.—

Перовская.— Начало реакции.—

Влияние общей обстановки на детство Николая.

В понятном стремлении закреплять свои династии современные монархи всегда торопятся женить сыновей. Рано сосватали и Николая, сына Александра II.

Все улыбалось незначительной и бедной Дагмаре, взятой из семьи датского короля. И грядущее могущество, и обаятельная внешность, так же как и мягкий, приятный характер, делали цесаревича завиднейшим женихом Европы. Но судьба готовила уже очередной удар над человеческим расчетом. Николай умер на Ривьере от болезни, бывшей, как уверяли, последствием излишеств и дурных привычек юношеского возраста *. Наследником русского престола становился второй сын, тихий, неуклюжий и малообразованный офицер. Дагмару не спрашивали о том, нравится ли ей молодой Александр, утешилась ли она после потери любимого жениха. Свадьба была справлена со всей пышностью русского придворного ритуала, и молодая чета поселилась в Аничковом дворце, занимаясь искусствами, живописью и музыкой и совершая ежедневные паломничества в Зимний дворец, резиденцию императора. Там, в долгих ожиданиях высочайшего выхода проводя томительные минуты в рисованье на запотелых стеклах окон, в которые виднелась прекрасная, но холодая и безлюдная площадь с колонной, Александр и Дагмара (отныне Мария Федоровна) познали изнанку жизни и могли подружиться, равно обижаемые вниманием родителей, равно чуждые всему кругу людей, близких к старому двору. Печальная судьба жены Александра II — быть свидетельницей всех любовных походов мужа — миновала

зато Марию Федоровну: будущий император был относительно верным супругом и добрым семьянином. Появившиеся на свет дети, следовавшие один за другим с истинно буржуазной торопливостью, еще сильнее сплотили союз, заключенный без спроса, и эта удача должна была поддерживать раздражение в старевшем отце, в лице Юрьевской-Долгорукой обретшем далеко не спокойную спутницу жизни. Словом, семьи царя и его старшего сына жили врозь, и, когда началась русско-турецкая война 1877—1878 гг., наследник был назначен командовать таким отрядом, какой можно было дать только совершенно чужому, нелюбимому и заведомо неспособному человеку. Имея в распоряжении корпус незначительной силы, но обязанный отвлекать на себя внимание четырех крепостей, из которых каждая, особенно Рушук, способна была раздать заброшенный без помощи отряд Александра Александровича, наследник должен был сильно тосковать. Вдобавок ко всему его представления к наградам офицеров отряда оставались без движения, и главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, имя которого история тесно связывает с царившими в армии хищениями и развратом, совершенно игнорировал человека, который не сегодня завтра мог стать его повелителем. Окруженный бездарными, но честными офицерами штаба, которым начальствовал генерал П. С. Ванновский, человек без всякого образования, Александр и в чисто боевом отношении обречен был на волю судьбы, продолжавшей, впрочем, беречь его для русской реакции.

Турки считали отряд уже потому сильным, что знали, кто стоит во главе его, и сидели себе покойно за крепкими брустверами. В отряде

* Николай Александрович (1843—1865), сведения о его болезни другими источниками не подтверждаются.

продолжали волноваться за свою участь, а его командир топил в вине свои житейские и военные незадачи, искусственно создавая туман, скрывавший от умственного взора милую семью, уютные покои дворца и нескольких близких людей, которых, к слову сказать, Александр Александрович так никогда и не научился выбирать. Злоупотребление алкоголем, к чему должно было быть предрасположение, доходило до настоящих периодов запоя, от которого вылечил впоследствии наследника С. П. Боткин. Мало мудреного, что в такой неприглядной обстановке воспиталось и то отвращение Александра к военному ремеслу, которое резко отличало его от предков, сделавших из солдатчины как бы предмет культа.

Все, однако, кончается: кончилась позорным для России берлинским трактатом и русско-турецкая война. Все вернулись к своим делам, в том числе и группа террористов, подготавливавшая цареубийство. Как и раньше, война оказалась неудачным для нас экзаменом. Недовольство миром и внутренними беспорядками питалось еще и пропагандой революционных идей, бороться с которыми правительство могло только штыками и пушками. Но так как не было подходящей для них цели в виде массовых выступлений, то обычные меры охраны оказались недостаточными, и 1 марта 1881 г. Александр II был убит. Этот акт глубоко всколыхнул общество и народ. За убитым государем числились слишком выдающиеся заслуги, чтобы смерть его прошла без рефлекса со стороны населения. А таким рефлексом могло быть только желание реакции. Не нужно было быть проницательным политиком, чтобы угадать общественное настроение и использовать его в своих целях и выгодах. Положение чиновничества облегчалось тем, во-первых, что народные массы чтители Александра II как своего освободителя от крепостного гнета, затем и лучшая часть русской интеллигенции, прикосновенная к великим реформам шестидесятых годов, негодовала на акт, который должен был во всяком случае замедлить осуществление ее идеалов. Наконец, и это для бюрократии было всего приятней: революционеры были малочисленны, бедны и разбросаны по стране и европейским центрам небольшими группами. Характерно для русского режима, что уже и в то время уверенность в планомерной провокации со стороны правительства была настолько распространена, что одновременно с убийством царя возникла легенда о том, что убили его противники конституции, а террористы были лишь орудиями в руках старого правительства.

Николай II ребенком

Правда, император был убит всего за несколько часов до ожидавшейся санкции манифеста, обещавшего народу некоторое подобие представительного строя. Но люди, стоявшие в то время во главе правления, обладали достаточной силой, чтобы предотвратить заговор в собственной среде, если б таковой образовался. Как бы то ни было, цареубийство окрыляло надежды реакционеров, и стараниями Победоносцева, графа Толстого и других манифест, который новый царь готов был уже подписать, не был выпущен. Победоносцев произнес в совете, обсуждавшем этот вопрос, речь, которая поражает своим лицемерием, ложью, грубостью ораторских приемов. Но в обстановке того времени слова умного, беспринципного и бесчестного бюрократа пали на благодарную почву необразованности и нерасположения к конституции гвардейского генерала, каким оставался царь, и одновременно с обращением его к народу, трактовавшим о всемерной поддержке самодержавия, ушли в отставку все сколько-нибудь выдававшиеся члены прежнего правительства: граф Лорис-Меликов, Милютин и другие.

*К. П. Победоносцев, злой гений России,
советчик реакции трех императоров,
беспринципный бюрократ,
неверующий глава духовенства,
развратный страус нравственности,
подкупный ревнитель честности.*

*Главный виновник разложения православной церкви.
Выведен Л. Толстым в Каренне, чего не мог
простить Толстому и выместил отлучением
последнего от церкви.*

*Граф Д. А. Милютин,
последний из оставшихся в живых
членов министерства Лорис-Меликова,
пытавшегося сломить влияние реакции
с Победоносцевым во главе.*

*Высоко поставил военно-учебные заведения и армию,
которая в 1877–1878 годах
явила большие доблести,
нежели полчища терпеливого Куропаткина
в 1904 году.*

В то же время участников убийства ожидали виселицы. Напрасно обращались к императору с просьбами не начинать царствования убиением подданных. Ни глубоко трогательное письмо графа Л. Н. Толстого, ни умеренные предложения известной политической и общественной деятельницы Цебриковой, ни превосходное письмо самих революционеров не могли поколебать воли царя, уже прочно связанного по рукам и ногам кликой reactionеров. В свое время все подсудимые, которых обвинял ради карьеры талантливый, но глубоко испорченный прокурор Н. Муравьев, были повешены на глазах народа. В их числе погибла и первая русская женщина, приговоренная к смерти, Софья Перовская. Впоследствии мы увидим на перекладинах виселиц целые грозды женских трупов, но в то время казнь Пе-

ровской произвела безвыгодное для ее инициаторов и сильное впечатление.

Благодаря изменам отдельных членов партии, большая часть активных революционеров была в короткое время переловлена, судима и казнена. Остальные отправились в рудники и тюрьмы Сибири, где иных застал еще в живых О'Кеннан, давший потом превосходную и беспристрастную картину этой юдоли отчаяния в своей известной книге «Сибирь и ссылка».

Внутри страны происходила тем временем радикальная чистка в рядах администрации. Все ненадежное устранялось. Учреждены были генерал-губернаторства с определенной целью — давления на всю жизнь, заглушения всяких попыток к общественной организации. Воцарились взаимное недоверие, подозритель-

*Д. В. Каракозов, мститель за гонения на студентов.
Стрелял 4 февраля 1866 года в Александра II
у Летнего сада.*

*И. И. Гриневицкий,
метатель бомбы,
от которой погиб Александр II*

ность, угрюмое молчание. Обыватели, потревоженные в своих гнездах бурными событиями последних лет, войной, смутой и казнями, снова разбрелись по своим местам, отдаваясь мелким интересам.

Одновременно с манифестом, начинавшимся не совсем удачной фразой об убийстве отца — «часть воли Божией свершился» (что делало из убийц как бы слепое орудие божественного промысла), наследником престола был объявлен старший сын императора Николай Александрович. В эту важную и, можно сказать, роковую минуту своей жизни Николай был двенадцатилетним, довольно тщедушным и некрасивым мальчиком, недостаточно большим, чтобы осмыслить совершавшееся вокруг, но и не таким ребенком, чтобы не реагировать на окружающую его обстановку. Первым сильным впечатлением его юности оказывались, таким образом, кровавые страницы русской истории, и будущий царь вступал в сознательную жизнь

под тем именно красным знаком, который преследовал его затем во всех ответственных и важных случаях жизни. Но тогда никто не задумывался над судьбой мальчика в простой матросской куртке, с худенькой шеей и красивыми, от матери унаследованными глазами. Общее внимание сосредоточивалось на мобилизации вокруг нового царя всех сил, способных подкрепить пошатнувшийся было принцип самодержавия, всегда бывший только синонимом чиновничьего абсолютизма.

Что касается до самого царя, то он, видимо, тяготился выпавшей на его долю обязанностью быть всегда на виду и в центре правления. Даже самый Петербург был противен по воспоминаниям, страшил своими широкими проспектами и пустынными площадями, где так часто упражнялись в охоте за царями эти неуловимые и неприятные люди, революционеры. Кончилось тем, что двор перекочевал на постоянное пребывание в Гатчину.

*А. И. Желябов, гениальный организатор
и душа партии «Народной воли».
Арестован 27 февраля 1881 года.*

*Н. И. Кибальчич.
Руководил изготовлением
бомб.*

*С. Л. Перовская.
Ближайшая сотрудница Желябова.
После его ареста руководила организацией покушения.*

*Последние
«шлиссельбуржцы».
М. Ф. Фроленко*

*Последние «шлиссельбуржцы».
М. Н. Тригони*

*Последние «шлиссельбуржцы».
Н. А. Морозов (р. 1854)*

*Последние «шлиссельбуржцы».
М. Ю. Ашенбрeнер, бывший полковник русской армии*

*Последние «шлиссельбуржцы».
В. Н. Фигнер.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

Опять Гатчина.— На антресолях.— Общий тон жизни.—
Семейные добродетели.— Воспитание и образование детей.—
Англичанин.— Спорт.— Живопись.—
Характеры и наклонности трех братьев.— Игра в блоху.—
Английский язык вместо родного.—
Приятные стороны в характере Александра III.—
Его любовь к Мише. Случай в с. Ильинском.—
Генерал Данилович.

Гатчина еще со времени Павла I сохраняет отпечаток казарменности. Все серо, скучно. За внешней чистотой прямых улиц, за пышной зеленью огромного парка, за высокими деревянными частоколами — всюду скрывается невыносимая, холодная пустота, отсутствие жизни. В кристальные воды тихих гатчинских прудов смотрятся лишь молчаливые лебеди, и такие же молчаливые фигуры дворцовой стражи бродят по их берегам и дорожкам зверинца. Настоящее место для почетной ссылки какого-нибудь свергнутого самодержца. И вот сюда-то добровольно сослал себя и семью свою Александр III, который, однако, и сам не знал, что делал со своим самодержавием. Это был просто испуганный человек, которому охотно внушали мысль об уединении как средстве сохранить себя от бомбы или пули террориста.

Та же боязнь, стремление замкнуть теснее вокруг своего тела обычно огромные пустыри дворцовых комнат заставили Александра избрать для постоянного своего пребывания не парадные покои, а нечто вроде антресолей, где в павловы годы гнездилась, вероятно, лишь придворная челядь. Человек среднего роста легко доставал там рукою до потолка, а царь был высок, тучен и любил воздух.

Крохотные комнаты не вмещали в себя не только громоздкой дворцовой мебелировки, но даже рояля негде было поставить, и Мария Федоровна музицировала на обыкновенном пианино. Мещанские кресла и кушетки стояли в мещанском же порядке вдоль стен, на которых чередовались картины новой и старой школ попеременно с фотографиями, прикреплёнными кнопками к простым, скромным обоям.

Как всегда, обстановка внешняя накладывала свою печать и на внутренний строй жизни семьи. Здесь дни протекали не как в центре страшной по размерам власти, где вершились судьбы стомиллионного народа, а как в помещичьей усадьбе 40-х годов, в ограниченном кругу домашних и хозяйственных интересов.

И очередные наезды министров бывали не развлечением даже, а докукой жизни, походившей на сонный пруд, слегка подернутый живописной, но вредной плесенью.

Семейные добродетели Александра как нельзя более гармонировали с таким укладом жизни. Нужно отдать справедливость, что детские годы Николая и его братьев протекали, благодаря этому, вне сферы любовных дрызг, наполняющих обыкновенно царские дворцы. Здесь можно было дать детям должное образование и воспитание, но эта единственная хорошая сторона царского отшельничества не была, да и не могла быть использована как следует. Человек без серьезного образования, немножко ослабленный алкоголем и тяжелыми впечатлениями прежней жизни, Александр едва ли отдавал себе отчет в необходимости для наследника престола тех знаний, отсутствие которых у него самого никто ему не давал понять. Только любовь к детям заставляла искать им воспитателей, за нейтральность и доброту которых можно было бы быть спокойным. Та же картина наблюдалась в старые годы в средних дворянских семьях России: скверные, случайные учителя и хорошие, честные и привязанные няньки.

Такой именно нянькой был воспитатель Николая и его братьев англичанин М-г С. Heath «Карл Осипович», как его обыкновенно называли. Чистейший идеалист, хорошо по своему образованный ум, прекрасный художник (акварелист) и спортсмен, М-г Heath принес во дворец, кроме всего этого, еще и глубоко преданность приютившей его царской семье. Но ни сорок лет, проведенных им в России, ни постоянные встречи и беседы с русскими людьми не принесли ему никакого знания страны, народа, его истории. Поэтому и влияние этого человека было ограничено так же, как и влияние всякой няньки, стенами детской. В раннем детстве оно сказалось привитием, вместо родного, английского языка. И долго еще спустя, когда Николай уже царствовал, его русские речи, если не были при-

готовлены, были подстрочными переводами английских фраз.

В юношеские годы первое место занял спорт всех видов, и царские сыновья хорошо скакали, стреляли, ловили лососей. К живописи и музыке ни у кого не оказалось склонностей, а то, что делали акварелью Николай и Ольга, указывало даже на особенную их бездарность. Характеры детей, как это нередко случается, были совершенно несхожи, несмотря на однородную атмосферу семьи. Никто не прививал, например, Николаю важности и сознания его будущей роли, но он смутно ощущал ее сам. Когда в первый раз появился за обеденным столом старик, с красивым, ласковым лицом типичного английского джентльмена, Николай холодно приветствовал своего будущего воспитателя. А после обеда, когда М-г Heath, желая сломать чувствовавшийся ледок, предложил мальчику поиграть с ним, Николай с не шедшей к его скромной и милой фигурке напыщенностью сказал: «Как мне с вами играть? Я — князь, а вы — простой старик». Умный англичанин схватил тогда «князя» на руки, и через полминуты тот заливался веселым хохотом, защищаясь от блохи, которую изображал из себя М-г Heath. Впоследствии, напоминая подросшим братьям необходимость скромности, он сложил для них очень милую сказку о поросенке, кичившемся своей породой и крючковатым хвостом. Дело кончилось тем, что поросенка опрокидывал в борьбе какой-то плебей того же скотного двора, и вид голубого неба, облаков и деревьев обращал негодного свиненка во вполне порядочную свинью.

Георгий, второй сын, был более замкнут. Будущая болезнь, от которой не застрахованы и обитатели дворцов, отражалась уже на его характере, особенно дисгармонизировавшем с живым, веселым нравом младшего сына Миши, здорового, краснощекого мальчугана и любимца отца.

Не редкость было видеть, как, проезжая по улицам Гатчины и даже Петербурга, Александр сидел, пригнувшись к крошечному человеку в офицерской форме, и как грузное тело царя сотрясалося от смеха, вызванного каким-нибудь замечанием Миши.

В воспоминаниях одного близкого к Двору лица, которые нам довольно часто придется цитировать, находим описание такой сцены в с. Ильинском, где Александр нередко гащивал у своего брата Сергея.

«Взрослые сидели на террасе, уставленной цветами, а Миша копался внизу, в песке. Взяв лейку с водой, бывшую случайно возле него, Александр крикнул: «Ну-ка, Миша, становись

*Император
Александр III
с семьей*

сюда!» Миша стал под террасой, и отец вылил ему на голову немного воды. Все посмеялись и хотели уже послать мальчика переодеться, как он потребовал, чтобы его место занял отец. Делать нечего, Александр сошел с террасы, а Миша, завладев наверху лейкой, все ее содержимое отправил на блестевшую на солнце лысину царя, после чего оба и отправились менять свои туалеты».

Все это было бы мило, если б параллельно с простотой режима шло хорошее образование, к чему, казалось, были все средства. Но здесь-то и поджидало Николая невежество, оставившее его навсегда на уровне гвардейского офицера, с его замашками, неосведомленностью и склонностью судить обо всем под углом зрения человека в аксельбантах. Состав преподавателей был на редкость плох, а те, что готовы были бы поразвязать свои языки на уроках, стеснялись и своего общего

*Последние
«шлиссельбуржцы».
П. А. Антонов
(р. 1857)*

*Последние «шлиссельбуржцы».
Л. А. Волкештейн (р. 1858).
Убита случайно во Владивостоке во время расстрела
мирной процессии.*

руководителя Победоносцева, и присутствовавшего всегда генерала Даниловича, тупого, мало знавшего человека, не имевшего и отдаленного представления о важности и существе выпавшей на его долю задачи.

Совершенно очевидно, что наука, подносящаяся и без того не подготовленному мозгу в столь неказистой форме, должна была только утомлять его, а не развивать, надоедать, а не заинтересовывать.

Не лучше шли и военные предметы: сколько-нибудь талантливые люди держались военным министром Ванновским в черном, что называется, теле, а бездарности из главного штаба давали еще меньше, нежели бездарности из университетов. Надо всем доминировали попы, церковные церемонии и обряды, маневры, формы одежды войск и тому подобные

вещи и дела, способные только принизить интеллект будущего монарха. По странной иронии судьбы, воспитание и образование русских царей подвергалось словно преднамеренной деградации, шедшей в обратном направлении с ростом и усложнением государственной жизни: Лагарп у Александра I и ничтожный швейцарец, любитель богословия, у Николая I, Жуковский у Александра II и Данилович у Николая II, молодой Победоносцев у Александра III и руина — Победоносцев у его сына.

Итак, если от юноши скрывали даже научную правду, то что же ожидало во дворце печальную правду самой жизни? «Пока вы еще наследник, пользуйтесь случаем услышать правду. Станете царем — поздно будет», — не раз говорил М-г Heath Николаю. Но он и сам не знал этой правды.

*Последние «шлиссельбуржцы».
И. Д. Лукашевич (р. 1864)*

*Последние «шлиссельбуржцы».
Н. П. Стародворский (р. 1864)*

*Последние «шлиссельбуржцы».
М. Р. Попов (р. 1851)*

*Последние «шлиссельбуржцы».
Г. А. Лопатин (р. 1845)*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Поездки лиц царской фамилии по России.---

Владимир Александрович и Пугачев. — Крушение в Борках.---

Ушибы и их последствия.---

Охрана царского пути. Начало болезни Александра III.

Да и где было искать ее, эту правду, при Дворе, самый воздух которого насыщен был ложью, где простодушие ценилось постольку, поскольку прикрывало какой-нибудь расчет! Наивный воспитатель Николая был исключением, только оттенявшим общую испорченность нравов.

Нельзя сказать, чтобы не делалось попыток ознакомления великих князей и царей с жизнью страны. Их выпускают иногда с определенной миссией в поездку по определенному заранее числу городов России или заграницы. Притом не инкогнито, потому что теперь и сыщик полицейский с трудом свое сохраняет, а во всеоружии власти, со свитой, с точным маршрутом и циркулярами губернаторам, в таких предписаниях можно найти не только перечень вещей или явлений, которые надлежало бы скрыть от высокого внимания, но и «проекты» речей, с которыми следовало обращаться к гостю.

Понятно, что администрация выполняла все пунктуально и в маленьком размере повторяла подтасовку, сделанную Потемкиным во время вояжа по России Екатерины II. Обратная сторона медали открывалась лишь случайно, когда сквозь строй тщательно профильтрованного «народа» протискивался какой-нибудь человек с прошением в руках и испуганные полицейские кидались на него, принимая за террориста.

Все протекало, впрочем, по шаблону. Войска и агенты охраны кричали «ура», проклиная в душе тяжелый день, когда приходилось быть на ногах и на местах с раннего утра, губернаторы и исправники мысленно молили Творца, чтобы пронес благополучно хлопотливого посетителя. Последний старался делать ласково-милостивое лицо и задавать не слишком уж глупые и пустые вопросы. Разнообразили постоянный тон картины лишь непредвиденные случаи. Так, покойный поэт и придворный хроникер К. Случевский рассказывал о посещениях в 80-х годах прошлого века великим князем Владимиром Александровичем поволжских городов. В Самаре в числе местных достопримечательностей великому князю решили показать столетнюю бабу, еще державшуюся на ногах, что в русском крестьянстве действительно являлось изумительным случаем. Старуха

повалилась на землю, пытаясь поцеловать край княжеской одежды, и затем с чувством перекрестилась.

— Что ты крестишься, бабушка? — спросил ее Владимир, не пропускавший случая пошутить и позубоскалить.

— Как мне, отец, не креститься, — прошамкала старуха, — ведь вот Бог привел под старость вторую царствующую особу видеть.

— А кого же ты еще видела, царя, что ли? — продолжал добродушно Владимир.

— Вестимо, родной, царя, самого нашего батюшку Емельку Пугачева, — неожиданно изрекла самарская древность, к великому конфузу присутствующих. Недовольный великий князь поспешил ретироваться, а губернатор верно счел карьеру свою навсегда испорченной.

Владимир не был глуп и хорошо понял, что если старики на Поволжье продолжали считать главаря крестьянского бунта за царя, то в молодых должна была биться та же жилка ненависти к дворянству и чиновничеству, которая при благоприятных условиях могла привести к новому самозванцу, а уж к бунту — наверное. Так в 1905—1907 годах и случилось. Но тогда, под влиянием широко расцветшей, благодаря общественной поддержке, реакции Александра III, власти были, конечно, далеки от пессимизма и от времени до времени великие князья, а то и сам царь выезжали из своих дворцов знакомиться с народом.

С царем все приготовления и расчеты были еще сложнее, здесь пускались в ход самые сильные бюрократические пружины, чтобы на месте ничто не сорвалось и чтобы не вышло никакого противоречия между тем, что царь увидит, и соответствующим докладом по этому отделу министра. Путешествие осложнялось еще и общим страхом перед покушениями на царские поезда, к чему власти были приучены еще при Александре II. Для предотвращения опасности не оставалось иного средства, как военная охрана всего пути. И вот войска собирались, как на войну. Раздавались боевые патроны, на тысячеверстных железнодорожных линиях вводилось военное положение, станции наводнялись офицерами, жандармами и сыщиками. Пассажиры беспокоились, поезда задерживались, товарное движение наруша-

лось вовсе. Сами служащие на путях рисковали жизнью от пули солдата не менее всякого другого. Достаточно было приблизиться к своей собственной сторожке на разъезде в момент перехода на так называемое «третье» положение (перед проходом императорского поезда), чтобы в сторожей уже стреляли без предупреждения. Под мостами всякое движение прекращалось. Так, бывали случаи убийств плотовщиков, которые лишены были всякой возможности остановить плоты, плывшие по течению под мостом в несчастный момент прохода царского поезда.

Таким образом, редкое путешествие русского царя обходилось без нескольких убийств, в которых, казалось бы, и некого было винить. Но только казалось. О каждом случае стрельбы разносилась широкая молва, она, как горное эхо, удесятерила размеры случая и все приурочивала к царскому имени, внушая крестьянам, что если б царь сидел дома, то ничего бы не случилось.

Гораздо позднее, когда Николай II смог, благодаря разоблачениям роли Азефа, сделанным Лопухиным, и последовавшему за ними разгрому боевой группы революционеров, посетить европейские дворы, произошли на той же почве другие крушения поездов. В Царстве Польском кто-то из начальства распорядился перед проходом поезда развинтить и снять по несколько сажен со всех примыкавших к магистрали путей, а так как о мудрой предосторожности сообщать было некуда, а после прохода

поезда о скорейшем соединении путей позабыли, то два товарных поезда сошли с рельсов и крушились.

Это путешествие Николая долго было темой разговоров на железных дорогах Европы. В Италии на охрану путей согнано было до трехсот войсковых частей, и это смешило народ, привыкший видеть своего монарха среди себя без всякой охраны и первым во всех выдающихся случаях жизни помощником и другом. В Германии же потешались над странной депешей по пути о заготовке во всех местах остановок царского поезда запасов брюссельской капусты «для ослы Его Величества». Оказалось, что царь вез в подарок сыну итальянского ослы, требовавшего, как и подобает придворному ослу, только отборной пищи. Зато самый ход поезда был там, по крайней мере, покоен.

Со времени крушения в Борках всякое пребывание в вагоне должно держать мысль Николая настороже. Второй раз нельзя рассчитывать на чудо¹.

Известно, что в Борках все спасшиеся члены царской семьи получили более или менее серьезные ушибы, а начало смертельной болезни Александра III независимо от подготовленной алкоголем почвы было положено именно ударом в области почек о стол или другой тяжелый предмет вагонной обстановки.

Расходы по путешествиям царей огромны, и львиная доля их погашается средствами народа, а не Двора.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Путешествие наследника вокруг света.— Причины поездки.—

Состав свиты.— Неумение хорошо обставить поездку.—

Как проводили время на корабле.—

Барятинский и Ломен.— Вино, охоты.— Драки между князьями.—

Падение Георгия.— В Японии.— Бестактности.—

Покушение на Николая.—

Было ли сотрясение мозга? — Разращение черепной кости, его последствия.

Первым крупным событием в личной жизни Николая Александровича было его путешествие вокруг света. Снарядить для такой цели наследника престола значило, кроме его образования, поддержать международные связи России, завязать новые сношения с дальневосточными государствами, показать блеск своего царства. Но едва ли задавались тогда этой целью. Ко времени поездки Николая Двор его отца был уже совершенно очищен от просвещенных современников Александра II и там безраздельно властвовали частью простодуш-

ные люди, вроде Черевина, делившего время между Двором и бутылками вина, или Рихтера, остзейского помещика и свитского генерала; частью подозрительные обдeldыватели своих дел, как Гессе, дворцовый комендант Гатчины, и его близкие.

¹ Впрочем, Н. В. Муравьев, бывший тогда прокурором петербургской судебной палаты, не скрывал от близких людей, что крушение было вызвано террористическим актом и что царскую семью спасло не чудо, а хорошее устройство вагона, свинцовое дно которого удержало от сплюснения и вагонные стенки.

Даже врача хорошего не было при царе, так как лейб-медик Гирш отличался заведомым невежеством в своей области. Поэтому не к кому было обратиться за советом, как обставить поездку сына; о самой причине ее говорили, что наследнику необходимо рассеяться и забыть одну из привязанностей, становившуюся опасной.

Великий князь отбыл в дальний путь, окруженный только своими товарищами по преображенскому и гусарскому полкам. Единственным сколько-нибудь грамотным человеком в его свите был князь Э. Ухтомский, будущий историограф этого путешествия, не бывший, впрочем, ни ученым, ни писателем. Главным распорядителем назначили старого и полуслепого генерала князя Барятинского, отличавшегося своею ограниченностью даже и в невзыскательном гатчинском кругу. Вероятно, благодаря этой именно черте, уже с самого начала экспедиции обнаружились трения между морскими и свитскими офицерами, дошедшие потом до резкого конфликта между Барятинским и командиром броненосца «Память Азова», на котором все находились, адмиралом Ломеном. Потом дело уладилось, и твердый адмирал отстоял свою независимость.

Одна за другой мелькали перед равнодушными взорами высокие путешественников европейские и экзотические страны. Красоты не виданной еще никем из них природы сменялись другими. Пересекали моря и океаны, въезжали в глубь чужих государств на слонах, верблюдах, в экспрессах. Но все это было как бы движущейся декорацией в балете «Спящая красавица», с той разницей, что здесь было не сонное, а пьяное царство. Вино лилось рекой ежедневно, и при самом умеренном его употреблении головы всегда должны были находиться во хмелю. Но умеренности не наблюдалось, и князя Николай и Георгий, тоже отправленные в теплые края, не отставали от других. Очень быстро освоились с этими наклонностями путешественников и администраторы государств, принимавших их, почему всякая надежда на обязательное значение поездки должна была отпасть. Мало того, даже увеселительная часть ее оказалась очень короткой. Полное безделье и кутежи на корабле, где женщины отсутствовали, привели в конце концов к возне, борьбе, а там и просто к дракам; во время одной из полушуточных, полусерьезных схваток Георгий Александрович упал, как говорили, с лестницы, расшиб себе грудь и так ускорил процесс, уже бывший в легких, что его пришлось в первом же портусадить и отправить в Россию, где он протянул еще

*Великий князь Георгий Александрович —
будучи наследником цесаревичем — скончался
в Абас-Тумане на Кавказе*

несколько лет в одном из горных курортов Кавказа Абас-Тумане.

Николай продолжал путешествие, стрелял тигров и крокодилов, пользовался всеми запретными удовольствиями в полную свою волю и приближался к Японии, двойную и трагическую роль которой в своей жизни не мог, конечно, предвидеть.

Частью благодаря бестактностям, от которых никто не застрахован в незнакомой среде, частью вследствие невежества русские гости с самого начала раздражали японское простонародье посещением их храмов, где не умели вести себя в присутствии изображений Будды и других местных богов. За фанатиком, взявшим на себя миссию отомстить за исуханов, дело не стало, и Николай едва не погиб от основательного удара японской сабли по своей легкомысленной голове. Второй удар отразил товарищ по путешествию, греческий королевич Георгий¹. Японца успели схватить, и вся компания поспешила на «Память Азова» залечивать первую рану, нанесенную Японией России.

¹ По другим данным, второй удар отразил мичман О. Рихтер.

Опять же никто не мог тогда предвидеть последствий этого печального случая. Но, с одной стороны, у Николая должен был остаться в душе горький осадок, раздражение против страны, так оригинально проявившей свое гостеприимство, с другой — и это самое важное — рана оказалась серьезнее, чем думали в первый момент.

Хотя, по-видимому, сотрясения мозга и не последовало, но в черепной кости, слегка надтреснутой от удара, началось разрушение костного вещества. Процесс шел в обе стороны, и теперь Николай всегда испытывает в левой половине мозга давление, которое должно отражаться и на психических функциях. Продолжаясь годами, такой болевой эффект приводит к основательному расстройству или во всяком случае изменению интеллекта и нарушает психическое равновесие. В стране, где личная политика государя не исключается и где чиновничество умеет использовать всякий дефект правителя, такое травматическое нарушение здоровья не могло остаться без последствий и для самого народа.

В России приключение не произвело сильного впечатления. Народ, понятно, оставался

равнодушен, помня, какие страдания ему приносило последнее царствование, помня, как оно ему приносило лишь голод, нищету, смерть и всегда оставляло его беспомощным в трудные моменты истории, предоставляя выпутываться самому. Нужно сказать, что привязанность русского народа к самодержцу вообще есть такой же миф, как и любовь его к церкви. «До Бога высоко, до царя далеко», — говорит русский крестьянин и покорно ложится под розгу или дает взятку какому-нибудь начальнику.

Интеллигенция была недовольна поведением наследника, предвидя новое ничтожное царствование. В придворных сферах сплетничали и рассказывали небывицы, ожидая возвращения путешественников, чтобы установить истину. Царь должен был быть огорчен искреннее всех, потому что, тяготясь своею ролью, он все же отдавал ей все разумение. И во всяком случае среди мелких, корыстных и безвольных людей, составлявших ряды разросшейся царской фамилии, это была, кажется, единственная определенная, честная и знавшая, чего хочет, величина.

Николай ничего этого не унаследовал.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Закладка сибирского пути.— Генерал Е. В. Богданович.—

Значение дороги.— Хищения.— Технические и стратегические дефекты.—

Внутреннее разложение России впервые делается очевидным для желтой расы.—

Возвращение через азиатские владения.—

Ненаблюдательность.— Показная сторона.—

Результаты путешествия.

Ко времени вступления Николая на русскую землю на пути из Японии подготовлено было своего рода культурное торжество — закладка великого сибирского пути. Он должен был принести на Дальний Восток видимые признаки той мощи России, в которую верили там больше понаслышке. Незвестное всегда пугает, и самодержавной Руси было бы лучше, пожалуй, обождать с проявлением своей действительной силы. Но вера в себя была тогда у правительства велика, и сибирский путь был не только заложен, но и проведен. Многие приписывали себе инициативу этой дороги, больше всех генерал Богданович, которого, кстати сказать, Александр III совершенно основательно презирал, называя не иначе как «болтуном» и отлично зная все шашни генерала, ловившего рыбу в мутной воде с ловкостью прирожденного хищника. На самом деле дорога была нужна всего больше тем каз-

нокрадам, которые в России не только слетаются на всякое государственное предприятие, но и сами провоцируют крупные расходы казны под предлогом государственной необходимости. Надежды на транзитное и стратегическое значение сибирского пути были только лишними поводами к новой «панаме», из которой, не в пример Франции, все вышли сухими.

Дело в том, что благодаря медленности грузового движения, обусловленного плохим устройством пути, и высокому тарифу грузы не только Европы, но и центральной России могли смело идти на Восток морем, не боясь ничьей конкуренции на сибирской линии. Стратегическое же значение дороги при однокольности, необеспеченности от нападений и разрушений, при направлении магистрали ее по чужой территории (Маньчжурии) были скорей отрицательного свойства, указывая на ахилесову пятую русской военной организации. Да

и вообще, это колоссальное предприятие, которое в руках культурного и правового государства могло иметь решающее значение как фактор обогащения и влияния, для России оказалось поводом к одному из тех крахов, которые, точно толкаемые роком, сами создают себе абсолютные монархии.

На Востоке, где хорошо взвешивали всякий шаг России и где только гипноз далекого Петербурга поддерживал дотоле наш престиж, не замедлили учесть все дефекты, технические, военные и административные, коими страдала постройка сибирского пути и которые ярко свидетельствовали о слабости правительства, о разложении власти, о господствующем стремлении к расхищению народных средств. Но до поры, до времени иллюзии сохранялись, по крайней мере с русской стороны. И наследник Александра III проделал всю церемонию закладки, провез тачку песку, постучал лопа-

той и расписался, где нужно. За ним, с видом чрезвычайной серьезности, повторили те же манипуляции господ из свиты, и Николай поехал через Сибирь «на перекладных», рассеянно поглядывая на пустыню, где отдельными оазисами попадались человеческие поселения и где все, что говорило о страдании его будущих подданных или о неумении администрации, тщательно скрывалось за триумфальными арками и банальными речами банкетов. Не было охоты наблюдать, что было бы нетрудно и при изворотливости окружающих, да и уметь не было. Те стороны жизни, что изощряют эту способность у всякого живого существа, исключались из обихода русских царей, а их «очи», как любят величать разные чиновники, всегда мигали, косили и закрывались, когда нужно было смотреть прямо и честно в лицо суровой действительности.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Служба в войсках.— Общий дух гвардии того времени.—

Принц Ольденбургский и его чудачества.—

Извращенные наклонности и их распространение
в петербургских общественных кругах.—

Удаление двадцати офицеров.—

Будущие архипастыри. Гермоген и Серафим в их числе.— Гусары.—

Их командир великий князь Николай Николаевич.—

Пьянство и разврат.— Родство с Гостиним двором.—

Рассказ о волках.— На крыше.—

Плохая компания.— Отравление организма алкоголем.—

Любовные похождения.— Кшесинская.—

Поляки не сумели использовать ее влияния.— Преображенский полк.—

Великий князь Сергей Александрович.—

Привилегии первого батальона и их результат.—

Дурной тон полка.— Нейдгардт.— Рыцарские чувства Николая.

Путешествие не внесло в жизнь Николая ничего нового, и, вернувшись в Петербург, он снова погрузился в полковую жизнь, отрываясь только на короткие часы лекций или заседаний совета по сооружению сибирской дороги, председателем которого был еще ранее назначен. По-прежнему его окружали строевые офицеры, среди коих недавние спутники также бесследно растворились, поделив впечатления от гомерических кутежей и праздно проведенного времени.

Рутинка сказывалась во всем. Так, Александр не любил военной службы, но ничего не предпринял, чтобы ослабить ее влияние на сына. Обратив личное внимание и усилия на подавление в стране революционного брожения, а попутно давая и всю жизнь, он не озаботился о хорошей подготовке наследника к внутрен-

нему управлению. Оставляя ему определенное наследство, он не научил пользоваться им, и неумением Николая воспользовались по его вступлении на престол все, кому это нужно было.

В те годы, когда наследник маршировал перед ротой и скакал перед эскадроном, гвардия не отличалась по духу от общего тона великосветской жизни Петербурга. Офицеры гвардейских полков были желанными гостями в домах высокопоставленных чиновников и не жили теми узкообособленными интересами, что свойственны армейским частям, разбросанным по русским провинциям. Но так как жизнь высшего круга была чрезвычайно пуста, ибо ему не на что было употреблять спокойный досуг, обеспечиваемый реакцией, кроме как на развлечение, то и занятия гвардейской

молодежи сводились к балам, любительским спектаклям и дружеским возлияниям в полковых собраниях. Интересы службы были ничтожны, там все шло по установленному шаблону, и опыт турецкой войны привел только к перемене солдатской формы на такую же непрактичную, дорогую и неудобную, но красивую.

На этом фоне ничегонеделания странно выделялась беспокойная фигура принца А. П. Ольденбургского, командира гвардейского корпуса. Сознательно или бессознательно взяв себе за образец Павла I, он старался «подтягивать», как говорят военные, офицеров и поражал своими чудачествами бездельников и сплетников столицы. Наряду с этим принц уделял немало времени и средств на создание таких, например, учреждений, как институт экспериментальной медицины, и лечил солдат от зубной боли какими-то магнетическими кольцами, совмещая таким образом невежество с инстинктивным стремлением к научному прогрессу, якшанье с шарлатанами с дружбой с великим Пастером. Анекдоты об Ольденбургском всегда были излюбленными темами разговоров на всех парадах, смотрах и маневрах.

Была, однако, одна печальная сторона военного быта того века, и ныне, впрочем, не исчезнувшая, которую ретивый принц тщетно старался искоренить. Это — появление среди гвардейского офицерства привычек, которые внушают отвращение европейцам и приводят иногда на скамью подсудимых даже и таких влиятельных лиц, как, скажем, граф Эйленбург, друг императора Вильгельма. Правда, в этом отношении повинны были далеко не одни офицеры, которые только имели в своем распоряжении больше живого товара в лице солдат и так называемых «кантонистов», учеников полковых школ. Позорному пороку предавались и многие известные люди Петербурга, актеры, писатели, музыканты, великие князья. Имена их были у всех на устах, многие афишировали свой образ жизни. Скандалы, сопровождавшие открытие за кем-нибудь таких похощений, тянулись непрерывно, но до суда грязные дела обычно не доходили. В этом отношении решительности Вильгельма II, не пощадившего и личного друга, Александру не хватало, и, терпя в своей собственной фамилии столь же порочных членов, он ограничивался изредка отставками отдельных офицеров, деяния которых получали уж слишком широкую огласку. Был, впрочем, один случай и массового изгнания. Двадцать гвардейских офицеров были исключены без суда со службы за порочность, что не помешало им, конечно, сделать

потом более или менее удачные карьеры. Удивительней то, что среди них находились два будущих русских архиерея, Гермоген и Серафим, оба оказавшиеся настоящими устоями самодержавной власти, столь сурово с ними самими поступившей.

Курьезно было и то, что пороком страдали не все полки гвардии. В то время, например, когда преображенцы предавались ему вместе со своим командиром чуть не поголовно, лейб-гусары отличались естественностью в своих привязанностях. Зато пьянство гусар носило легендарный характер, а в Преображенском полку царила относительная трезвость.

Обычай назначать командирами полков великих князей был дурной обычай. Они, если и не хотели, развращали офицерство своим богатством, привычками, предпочтением одним другим. Дружбы и расположения лиц, протекция которых впоследствии могла пригодиться, добивались всеми способами, не выключая и разделения порочных наклонностей. В еще большей степени, конечно, развращали целые управления и ведомства стоявшие во главе их безответственные родственники царя, но об этом нам придется говорить далее.

Итак, одни пьянствовали, другие развращались, третьи совмещали и то и другое, а все вообще бездельничали.

Среди выдающихся алкоголиков тогдашней гвардии следует поставить и великого князя Николая Николаевича (младшего), командира лейб-гусарского полка, где проходил свой кавалерийский стаж наследник. Микроцефал по фигуре, охотник по влечению, глупец и неисправимый алкоголик, великий князь Николай Николаевич проявлял не меньше постоянства в своей привязанности к одной царско-сельской купчихе и даже просил у Александра III позволения повенчаться с ней. Царь, отличавшийся, как все Романовы, наклонностью острить, сказал: «Со многими дворами я в родстве, но с Гостиным еще не был, и не буду».

У купчихи действительно была мучная лавка в Царскосельском дворе.

Отказ государя не огорчил лихого гусара, и он продолжал прежнюю жизнь, деля ее между своей купчихой, вином и полком, который держал в образцовом порядке, щеголяя на смотрах новыми ментиками солдат, подбором лошадей и строевыми кунштюками. Главным занятием гусар оставалось все-таки пьянство. Один из них, Ж — в, рассказывает удивительные вещи о службе того времени. Пили зачастую целыми днями, допиваясь к вечеру до галлюцинаций. Иные из них становились как

бы привычными, так что прислуга офицерского собрания (клуба) начинала приспосабливаться к странному поведению господ. Так, нередко великому князю и разделявшим с ним компанию гусарам начинало казаться, что они не люди уже, а волки. Все раздевались тогда донага и выбегали на улицу, в ночные часы в Царском Селе обычно пустынную. Там садились они на задние ноги (передние заменяли руками), подымали к небу свои пьяные головы и начинали громко выть. Старик буфетчик знал уже, что нужно делать. Он выносил на крыльцо большую лохань, наливал ее водкой или шампанским, и вся стая устремлялась на четвереньках к тазу, лакала языками вино, визжала и кусалась. Сцены подобного рода становились тотчас же достоянием городской молвы — в маленьком гарнизоне ничего не скроешь, — но никто не предавался напрасному негодованию, ибо нравы царскосельского общества немногим отличались от гусарского уровня. Случалось запьяневшего командира снимать и с крыши его собственного дома, тоже обязательно голым, где он распевал серенады луне или своей купчихе, быть может заливавшей в этот момент слезами. И т. д.

В такой-то оригинальной обстановке протекали все драгоценные годы молодости наследника, когда всякий, даже рядовой человек, спешит забирать из школы и жизни побольше знаний и опыта. Никто не вмешивался в распорядок его занятий, никто, быть может, не обращал на то внимания, что организм Николая Александровича начинал уже отравляться алкогольным ядом, что тон кожи лица желтел, глаза нехорошо блестели и под ними образовались уже припухлости, свойственные привычным алкоголикам.

Попутно с этим шли обычные в этом кругу излишества в другой сфере, но, унаследовав от отца постоянство привязанностей, Николай довольно долгий период своей молодости провел с балериной Кшесинской, которая, сберегая себя для балета, сберегла будущей императрице Александре Федоровне и ее супруга, оправдавшего себя значительным числом произведенного им потомства.

Связь с полькой, какой была Кшесинская, могла быть опасной, если б в танцовщице билось сердце тех патриотов, что со времен разделов Польши искали роли Юдифи при наместниках, генерал-губернаторах и других властителях присоединенного к России края. Но случилось так, что Кшесинская не смогла вдохнуть в своего возлюбленного и простого расположения к родственной народности, и вся последующая политика Николая в Польше бы-

*Великий князь Николай Николаевич,
глава погромщиков,
работал совместно с Треповым.
Старый алкоголик, лихой кавалерист,
отлично знает охотничий спорт.
Хотел жениться на купчихе,
но Александр III не позволил.
Дворец свой в Петербурге сдал
под «веселый» дом за 46 тысяч рублей в год.
Правда, что отец его ничего,
кроме долгов, после себя не оставил.*

ла диктована тупым равнодушием и желанием угодить соседям, а не заботой о культурнейшей части своей империи.

После гусарского образа жизни наступил период некоторого затишья на службе в Преображенском полку. Эта часть гвардии, ведущая свою историю от «потешных»¹ солдатиков Петра Великого, сыграла, особенно в лице первого своего батальона, крупную роль в истории русских дворцовых переворотов. Но к описываемой эпохе от бывшего значения остались только небольшие привилегии материаль-

¹ Последнее время опять стали заводить «потешные» полки в народных школах и отдельных полках, так как Николаю внушили мысль о пользе таких военных упражнений, якобы поддерживающих в народе патриотизм.

ного характера, которыми пользовались офицеры и солдаты первого батальона, расположенного в сообщавшихся с Зимним дворцом казармах. Однако и эти незначительные отличия вносили свою долю разложения в полковую среду, создавая патрициев службы и ее плебеев. Здесь не было иных обычаев гусар, основанных на ложно понятом чувстве солидарности и выражавшихся, между прочим, в обязательстве ставить свои бланки на всяком векселе товарища, но зато здесь не было и никакого другого суррогата товарищества, а всякий старался делать свою карьеру, пользуясь связями и близостью к командиру полка великому князю Сергею Александровичу.

Этот сухой, неприятный человек, уже тогда влиявший на молодого племянника, носил на своем лице резкие знаки снедавшего его порока, который сделал семейную жизнь жены его, Елизаветы Федоровны, невыносимой и привел ее через ряд увлечений, естественных в ее положении, к монашеству.

Тон, задававшийся полку Сергеем и офицерами первого батальона, был дурен, полк не пользовался симпатиями ни в гвардейском корпусе, ни в Петербурге. Позднее, в годы революции, привилегированное положение первого батальона не мешало ему присоединиться к общим беспорядкам и привело к отдаче под суд всего его состава и ссылке в Новгородскую губернию. Николай Александрович должен был покарать за нарушение дисциплины большую часть своих товарищей по батальону. Но это не мешало многим сделать хорошие карьеры, и среди русских губернаторов можно насчитать несколько человек из бывших сослуживцев Николая.

Оригинальной и симпатичной чертой его характера, чертой, обнаружившейся именно во время службы в Преображенском полку, было поощрение браков офицеров на женщинах, ранее скомпрометированных. Заботы об их карьере — так как полковое общество исключало их из своей среды — Николай брал на себя. Дальше других пошел Нейдгардт, в свое время отличившийся в Одессе как провокатор еврейского погрома. Отданный под суд ревизором-сенатором Кузьминским, он был оправдан сенатом, в то время открыто принесшим юстицию в жертву политике. Позднее, уже сам в качестве сенатора, Нейдгардт ревизовал интендантство в Царстве Польском. Были и другие подобные же случаи покровительства Николая офицерам, делавшим, с точки зрения общества, *mesalliances*’ы, и это обещало в самом наследнике развиться чертам доброго семьянина и отца, что вскоре и оправдалось.

Великий князь Сергей Александрович, генерал-губернатор Москвы, жестокий реакционер, развратник. Известен после Ходынки под кличкой «Князь Ходынский».

Так проходили годы, где под кровом реакционной тишины зрели, с одной стороны, новые общественные настроения, с другой — перемены чисто внешние. Александр обречен был скорой смерти, Николай — бурному царствованию. Но никто не готовился к этой смене правителей, так долго и искусно скрывал царь точившую его болезнь, и так был беспечен наследник, продолжавший маршировать и скакать, вместо того чтобы углубляться в сложные проблемы внутренней и внешней политики. За него должны были делать это чиновники, но ведь и они привыкли к беззвучной смене дней государственной жизни.

В свое время она и застала врасплох обе стороны — и молодого царя, и правительство.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Болезнь Александра III.— Захарьин — Янышев.—

Иван Кронштадтский.— Ливадия.— Кухарка.— Агония.—

Подписание манифеста о восшествии на престол при жизни императора.—

Отказ от престола и женитьбы.—

Смерть Александра.— Итоги его царствования.

Скромный в своих привычках, конфузливый в беседе с посторонними, ласковый с детьми и очень простой в обращении с такими близкими людьми, каким был М-г Heath, Александр принадлежал к числу тех, кто не любит думать о своем здоровье, скрывая по возможности всякое недомогание. Благодаря этому, нефрит почек мог развиваться довольно долго, прежде чем худоба обычно тучного царя сделалась заметной и вызвала заботы и тревогу окружающих. Таким образом, знаменитому московскому диагносту профессору Захарьину оставалось только, после того как его впервые позвали к больному, определить безнадежность положения и указать приблизительный срок, отделявший Александра от гроба.

Этот период царь провел на ногах, не нарушая порядка своих занятий, выезжая даже на парадах верхом на небольшой, но крепкой и покойной лошади. Вскоре, однако, пришлось увезти его на юг, и вся семья поселилась в Крыму, в Ливадии. Отсюда императору уже не суждено было выехать, и так как нефрит равнодушен к солнцу, озону и к чему бы то ни было, то силы царя заметно убывали. В таком положении он впервые позволил себе сказать, что дворцовая кухня никогда ему не нравилась, и просил, чтоб ему готовила обед простая кухарка. И последние дни жизни русского самодержца были облегчены не сознанием исполненного по отношению к народу долга, не спокойствием за судьбу своего наследника, а нехитрыми русскими блюдами, сделанными руками бабы, быть может помнившей еще времена рабства.

Длительная агония должна была разбить нервы всех окружающих царя. Да и в обществе и народе тяжелая болезнь еще нестарого Александра возбуждала сожаления чисто гуманного характера. К тому же необычно было для русских терять монарха в такой патриархальной обстановке. Они привыкли к насильственным смертям царей, к дворцовым переворотам, к таинственности, всегда окружавшей последние минуты самодержцев. Все это вносило некоторую элегичность в суждения и настроения подданных, и даже явления революционного характера как-то сами собой прекратились на время царской агонии.

Во дворце должны были происходить тягостные сцены. Возле умиравшего продолжали бороться разные влияния, в том числе и религиозные. Придворный духовник Янышев ненавидел и боялся известного Ивана Кронштадтского, и оба отбивали друг у друга честь напутствовать Александра в лучший мир. Один утешал тихими речами на божественные темы и пользовался своими придворными навыками. Другой старался поразить исступленными выкриками, возложением рук на голову больного, приемами ловкого шамана. В конце концов влияние Ивана как бы возобладало, и после смерти царя между обоими попами возникла недостойная их санов, но характерная полемика в печати, где они отбивали один у другого роль, быть может казавшуюся им очень важной.

Наряду с молитвословиями шли и драматические разговоры с сыновьями. Утверждали, что Николай одно время упорно отказывался от престола, как бы провидя его тернии. Но так как Георгий присутствовал при отцовской агонии сам уже умирающим, а Миша был мал и регентство Владимира не улыбалось отходившему в вечность царю, то Николаю пришлось не только согласиться, но и подписать при жизни отца манифест о своем вступлении на престол. Какого ни быть мнения об институте монархической власти или семье тогдашнего царя, трагизм этой сцены понятен и должен был потрясти всех ее свидетелей, а особенно воображение Николая. Словно нарочно, жизнь дарила его ударами, которые должны были так или иначе отразиться и на будущем управлении империей.

20 октября 1894 года Александр умер, сидя в кресле, и в полном сознании. Тринадцатилетнее его царствование навсегда останется связанным с представлением об одном из самых реакционных периодов русской истории. Но так как, с одной стороны, период этот совпал с начинавшимся расцветом империализма во всех почти государствах Европы, за которыми в начале XX века последовала даже и великая североамериканская республика, а с другой — как мы указывали — он опирался на сочувствие некоторых кругов населения, раздраженного убийством Александра II, то оценить

в полной мере его реакционность современники едва ли могли.

Правда, на главе правительства стояли такие ярые реакционеры, как граф Д. А. Толстой, успевший наложить свою руку на три огромных и важнейших ведомства — духовное, народное просвещение и внутренних дел; как П. Ванновский, обративший военное министерство в сухую канцелярию, а самую службу в постылое ремесло; как И. Дурново, стремившийся во всем подражать своему предшественнику Толстому и подаривший России институтом земских начальников и земским положением 1890 года, которое ввело в органы самоуправления аграрное большинство.

Да и вообще вся деятельность правительства Александра III, поскольку была активна, носила разрушительный характер. И если нельзя было воспретить восхваления царствования Александра II в печати и речах, то они во всяком случае считались признаками недопустимого либерализма.

Таким образом, все отрасли внутренней жизни подверглись изменению в сторону регресса: школа, печать, армия, чиновничество — все должно было или служить целям реакции, или молчать, как бы не существовать. Административный гнет под влиянием таких опытных людей, как Плеве, звезда которого тогда восходила, или П. Дурново, принимал планомерность, ранее ему не свойственную.

Что семена реакции, обильно рассеявшиеся по всей стране, должны были дать революционный урожай, об этом не задумывались; и отец ее, граф Д. А. Толстой, на такое именно замечание ответил с цинизмом, столь харак-

терным для абсолютизма: «Знаю. Да лишь бы на наш век хватило!»

Расчет министра оправдался, реакции хватило почти на четверть века. Но так как, благодаря ряду ловких финансистов, а особенно Вышнеградскому и Витте, ресурсы государства после войны 1877—1878 годов бывшие в самом плачевном состоянии не только оправились, а стали просто хороши, то престиж России за границей неминуемо должен был возрасти. Это обстоятельство упрочивало внешнее спокойствие, позволяло не увеличивать кредитов на вооружение и заняться внутренними реформами. Благоприятная конъюнктура не была, однако, использована. Армия почилла на лаврах, ослабела и постепенно погружалась в гарнизонную дремоту, из которой ее вывели только японские пушки. Реакционные реформы не могли не привиться в оправившемся, а отчасти и забывшем эпоху Александра II обществе. Иностранные капиталы, искусно привлеченные С. Витте, пошли в грондерские предприятия, а не на подъем производительных сил. Новые железные дороги строились или без расчета, или из стратегических видов и глохли, давая ужасающие дефициты. Словом, повсюду заводилась своего рода государственная паутина, так что ко дню вступления на престол Николая Россия представлялась настоящим заколдованным и запустевшим царством. Новому правителю предстояла завидная задача вдохнуть в него новую жизнь. Но уже из краткого обозрения условий детства и юности этого человека мы выходим подготовленными к тем его поступкам, которые тогда, в 1894 году, многим казались неожиданными, которые, однако, довольно быстро должны были привести страну к революции.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Похороны Александра III.— Беспорядочность процессии.—

Белый и черный рыцари.—

Неорганизованность либеральных кругов.

Впервые после смерти императора Александра I царское тело должно было пропутешествовать в траурном вагоне через всю Россию. Это затягивало похороны, удлиняло период обычной в таких случаях заминки всех государственных отправок, но зато позволяло придать церемонии особенно торжественный характер, муссируя выражения народной печали.

В скверную, чисто петербургскую погоду по улицам, заполненным войсками, за которыми толпился народ, гроб Александра III был перевезен в Петропавловскую крепость, где мерт-

вые цари разделяют общество с живыми революционерами.

Сложный ритуал перевезения не был выполнен с достаточной отчетливостью. Явная беспорядочность процессии поразила тогда всех ее свидетелей. Никто не знал своих мест. Депутации перепутались, под конец разбрелись кто куда. В группах духовенства, придворных лакеев, чиновников, генералов — всюду слышались громкие разговоры, перекидывались поклонами и замечаниями со знакомыми, занимавшими балконы и окна, весело смеялись чьим-нибудь шуткам. Николай понуро брел за пышной

колесницей, не глядя по сторонам, и производил впечатление самого незаметного из всей толпы царедворцев и великих князей человека. Далеко впереди гроба местили осеннюю грязь два мясника, одетые один в белые, другой в черные рыцарские латы, символизовавшие печаль о смерти царя и радость о новом. Но так как никто не присматривал за этими господами, то они окончили тем, что мирно потащились рядом, символизируя весьма наглядно тот хаос, который должен был водвориться в управлении.

На беду, смена царей заставляла общество совершенно неорганизованным, а потому и неспособным выступить в качестве активного элемента жизни. Эта роль оставалась по-старому за чиновничеством, а либеральные круги были раздроблены и не имели между собой живой связи. В каждом классе и сословии можно было насчитать немало видных деятелей, возле которых могла бы объединиться прогрессивная часть населения. Но они так привыкли за царствование Александра к одиночеству, так оберегали свой личный покой, что нельзя было ожидать их выступления. Эту обязанность могли принять на себя органы само-

управления, и, действительно, на приеме в Зимнем дворце одно из земств и отличилось в этом отношении. Но почин оказался во всех смыслах неудачным.

Что касается до революционных партий, то партия «Народной Воли» в лице ее активных героев была почти разгромлена, а избегнувшие виселицы и подземных казематов Шлиссельбурга частью вели теоретическую борьбу с нарождавшимися тогда новыми революционными партиями, частью же подготавливали отдельные террористические акты, сами уже основательно разьедаемые провокацией и шпионажем.

Таким образом, в трудную минуту вступления на престол молодой царь оставался снова в том же кругу сверстников-офицеров, в большинстве получивших флигель-адъютантское звание, и заскорузлых бюрократов. Победоносцев снова готовился стать между всякой попыткой воздействовать на Николая со стороны прогрессистов и тем принципом самодержавия, в который он привык вкладывать совершенно ясное содержание, противопоставляя его учреждениям «гнилого» Запада.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Брак с Алисой Гессенской.— Шутки по ее адресу.—
Впечатление первого ее приезда.— Бедность.— Свадьба.—
Надежды на новое царствование.—
Чиновничий абсолютизм не умирает.— Бессилие царей.—
Организованность бюрократии.— Перестроение рядов камарилы.—
Старые генерал-адъютанты понемногу отстраняются.—
Свита при трех последних императорах.— Ее деградация,
умственная и моральная.— Личные симпатии Николая.—
Дурное общество замыкает его от жизни.

Николай женился позднее принятого для престолонаследников возраста. Ему было двадцать шесть лет, когда при исключительной обстановке чуть не на другой день после похорон отца он повел к венцу свою невесту, гессен-дармштадтскую принцессу Алису. Алиса не была незнакомой для России. За несколько лет до того ее привозил отец, великий герцог, уже имевший здесь зятя в лице Сергея, женатого на старшей сестре Алисы. Но, несмотря на внешнюю красоту, претендентка на руку Николая не имела успеха. Старой императрице не понравилась холодность и замкнутость Алисы. Николай, быть может, сравнивал мысленно эти качества с открытым, живым нравом своей балерины.

И так как Мария Федоровна, как настоящая буржуазная мать, в семейных вопросах имела

всегда перевес над соображениями мужа, то без особых протестов со стороны последнего сватовство расстроилось, и Алиса, «гессенская муха», как ее немедленно прозвали в Петербурге, отбыла в родной Дармштадт, где владетельный дом ее родителей не пользовался хорошей славой. Все дети герцога обладали странным нравом, резко отличавшим их от многочисленной немецкой родни.

Несомненно, что молчаливая Алиса должна была затаить в своем сердце обиду на Николая и его мать, и тем большее торжество должно было доставить ей официальное предложение, сделанное незадолго до смерти Александра III. Несмотря на то что в таком предложении заключалась доля горечи, словно Алису брали за неимением лучших невест, раздумывать было некогда. Выбор между безвестностью и ни-

*Николай и Алиса накануне свадьбы
и «бессмысленных мечтаний»*

*Николай II
и Александра Федоровна*

щенским режимом какого-нибудь захудалого германского княжества и миллионными и блестящими, гарантированными пока что русской императрицей, был не труден, и принцесса с небольшой свитой и скудным багажом вторично вступила на русскую почву, не ставшую ей, впрочем, никогда родной.

«Посреди скорбного испытания, — говорится в манифесте 21 октября 1894 года, — которое всем нам послано по неисповедимым судьбам Всевышнего, веруем со всем народом нашим, что душа возлюбленного родителя нашего в селениях небесных благословила избранную по сердцу Его и нашему разделять с нами верующую и любящую душою непрестанные заботы о благе и преуспевании нашего отечества».

Этим казенным и не вполне грамотным пожеланиям не было суждено оправдаться даже в слабой степени. Но встречали Алису ласково, такая была минута смягчения обычного равнодушия к семейным делам царей.

Традиционные торжества, сопровождающие сватовство и браки царей, были отменены по

случаю траура, и эта скромная торопливость еще более располагала к Николаю общественные круги, почему-то возлагавшие на него свои прогрессивные надежды, народ же бурно приветствовал его 14 ноября. Эти наивные упования на всякое новое царствование характерны для России, но имеют не больше оснований, нежели всегдашние пожелания новогоднего счастья. Как первое января приносит с собою лишь новую календарную дату и прежние заботы, болезни и горе, так и новый царь как личность скромно занимает свое место в тех же календарях и молитвах попов, предоставляя неумирающему чиновничеству приносить народу прежний гнет, извлекать из него деньги и солдат для своего поддержания.

Раб окружающей его среды, самодержец бессилен сделать хотя бы один шаг без спроса нянек-советников, осуществляющих привилегию, никем и никогда им не данную. А за ними плотной стеной стоит великое русское чиновничество, вековая организация которого спасала его сверху донизу так, что довольно

*О. Б. Рихтер,
старейший генерал-адъютант Александра III.
В царствовании Александра II ему предложено было
царем жениться на его возлюбленной —
княгине Долгоруковой (не Юрьевской),
но Рихтер отказался и женился на своей кузине.
Альбединский же, принявший из царских рук
надоевшую княжну, получил генерал-адъютантство
и генерал-губернаторство в Варшаве.
Честному Рихтеру дали дивизию на юге,—
с глаз царских долой.*

*П. А. Червин,
любимый генерал-адъютант Александра III,
хотя на всякого другого
должен был бы подействовать охлаждающее следующий
случай: убивают Александра II,
его сын спешит в Зимний дворец,
на лестнице Червин сует ему бумагу — прошение
об узаконении сына от танцовщицы,
Александр III в передней подписывает бумагу
и этим совершает первый государственный акт,
по существу ему мало приятный.*

тронуть полицейского солдата, чтобы последовал резкий рефлекс с самого верха правления. Из этой цепи нельзя было без революционного подъема вырвать ни одного звена, но то, что казалось ей самой негодным, она сбрасывала, как змея чешую, без боли и шума.

Новое царствование сказывалось только на камарилье. По большей части с царем вступала во власть и сопровождавшая его в юности компания, проводившая к влиянию своих людей. Старые стушевывались, коротая время в воспоминаниях и злой критике своих заместителей. По свите можно было делать некоторые заключения и о самом царе. Так, около Александра II стояли красивые рослые немцы и русские, совмещавшие любовные похождения с прогрессивными взглядами. Высокая

личная честность была их общей чертой, и, хотя жизнь Александра II ознаменовалась победой реакционеров, друзья его ни на минуту не выпускали из рук своего умеряющего влияния, ведя его к признанию необходимости либеральной реформы.

Александр III приблизил к себе таких же простых, грубоватых, как он, не особенно знатных и богатых людей. Общество их было ему приятно, но никакого влияния такие офицеры, как Червин, Рихтер, Ванновский и т. п., не могли иметь, да и не стремились к нему. Поэтому свободное место и заняли немедленно чиновники типа Д. А. Толстого. Что касается до старых свитских генералов, то они сами отстранились от Двора, так же как впоследствии немногие друзья Александра III отстрани-

лись от общества, окружившего Николая Александровича.

Свита нового царя заметно изменилась к худшему. Неопытность императора, его желание быть приятным своим товарищам юности, таким же неопытным людям, сделали то, что ко Двору и свите вскоре начали находить доступ не только сомнительные, но и просто бесчестные типы. Мало того, царь не останавливался впоследствии и перед реабилитацией таких лиц, которые были удалены его отцом за дела чисто уголовного характера. Из них можно назвать хотя бы фон Валя, бывшего петербургского градоначальника, Петра Дурново, известного под кличкой «Бразильского» за кражу документов из стола бразильского посланника фон Клейгельса, также градоначальника Петербурга, о котором было уже закончено следствие как о воре. Когда старейший генерал-адъютант Чертков выразил Николаю печаль свиты, в ряды которой поступали такие ошельмованные господа, царь очень сухо заметил Черткову о невмешательстве в его личные назначения. Порядочным членам свиты оставалось под разными предлогами разъехаться из Петербурга, и возле трона сгруппировались дельцы, вроде описанных, да свитская молодежь, заранее готовая одобрять всякое распо-

ряжение Николая, лишь бы его расположение к ним не остывало.

Многих тогда интересовало, почему не выступили на защиту монарха от натиска негодных отбросов общества те честные и умные люди, которые, находясь еще в полном расцвете сил, держались далеко от придворных сфер и не были лично заинтересованы близостью с царем. Таких людей в одном Петербурге было немало. Но очевидно, что бюрократические традиции оказывались сильнее склонности к какой бы то ни было случайной организации, и такие деятели, как А. Ф. Кони, Таганцев и другие, предпочитали в своем кругу критиковать новое царствование, вместо того чтобы, соединившись, выработать известную программу и лично изложить ее Николаю, готовясь в случае неуспеха хотя бы к полной отставке. В их руках были притом средства подкрепить свой совет и практическими предложениями.

Но события продолжали развиваться во все время царствования Николая в том направлении, куда влекли царя его наклонности, бросающие его от одного промаха, одной бестактности, к другим, все худшим и более громким.

Такой бестактностью ознаменовалось и первое публичное выступление Николая.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Прием депутатов.— Тверские земцы.—

Роль Твери в истории освободительного движения.

Скандал с Тверским блюдом.— Речь из шапки.— Бессмысленные мечтания.—

Общие впечатления в обществе и народе.— Роль Победоносцева.

Как уже упоминалось, органы местного самоуправления одни оказались в это трудное время на высоте положения. В ряде адресов, обращенных к Николаю за два первых месяца его царствования, почти все земства высказались о неотложности коренных реформ во всем строе русской жизни. Но ни одно из них не заикнулось о форме правления, не упомянуло о полном народном представительстве, ни тем более об учредительном собрании. Тем не менее выступления эти возбудили живейшую тревогу в чиновничестве, против которого они и были отчасти направлены, и последнее не замедлило принять соответствующие меры. К 17 января 1895 года, когда должен был состояться прием Николаем депутатов от дворянства, земств, городов и казачьих войск, царь был вполне убежден, что на его власть готовится покушение какими-то крамольниками, самозванно решившими говорить от имени всего русского народа.

Все собрались в большой зале Аничковского дворца.

Повсюду в Европе государи произносят ответственные речи или тосты, читая их. К словам этим прислушивается весь мир, и они являются обычно плодом расчетов и соображений умнейших государственных людей. Но в России, где божественный промысел призван оберегать царя от всяких ошибок, считалось, вплоть до созыва I Думы, как бы непристойным, если новый царь возьмет в руки лист бумаги и прочтет речь, не им лично написанную. И так как Божья милость существовала лишь в виде презумпции, а на деле не вступалась даже в случаях, угрожавших опасностью царской жизни, то предусмотрительные царедворцы вложили в круглую барашковую шапку (измышление Александра II, увековеченное скульптором князем П. Трубецким в его памятнике царю), вложили в шапку, говорим мы, текст предстоявшей речи.

Естественное стеснение, которое должен был ощущать Николай на виду тысячной толпы делегатов, повышенное настроение, диктовавшееся моментом, все это заставляло его волноваться. В этом волнении перепутать отдельные слова не представлялось важным промахом, и царь торжественно провозгласил фразы, ставшие потом нарицательными.

Он говорил, между прочим:

«Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы свои благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель».

Уверяли, что в тексте стояло слово «несбыточными». Но как бы там ни было, оно послужило началом не только всеобщего охлаждения к Николаю, но и заложило фундамент будущего освободительного движения, сплотив земских деятелей и внушив им более решительный образ действий. «Промыслу» угодно было доказать ровно через десять лет, что в пожеланиях земств не было ни мечтаний, ни тем более бессмысленности. Был умеренный, внушенный житейским опытом и непредубежденностью взгляд практических деятелей, и он оправдался в учреждении Государственной думы.

Впрочем, Николаю пришлось испытать много горечи из того же сосуда, постоянно меняя свои слова и отказываясь от исполнения обещаний.

Напрасно также было бы думать, что сорвавшийся на приеме *lapsus linguae* * мог сколько-нибудь огорчить царя. В то время когда он собирался читать свою речь, его резолюции на адресе тверского земства были известны и служили темой столичных пересудов. Тогда уже сказывалась в этих отметках Николая склонность заменять силою выражений мотивировку своего мнения. Ниже мы подробнее остановимся на словах и писаниях царя. На тверском же адресе красовалось: «Крайне недоложен выходкой 36 гласных».

Царь был вправе выражать неудовольствие чем бы то ни было, но фраза о предводителях обнаруживала полное незнание конструкции земских собраний и роли предводителей дворянства в уездах.

Гораздо позднее, когда ему пришлось согласиться на возвращение тверскому земству отнятых прав и деятелей, министру внутренних

Генерал Клейгельс, любимый генерал-адъютант Николая.

*О воровстве Клейгельса
было закончено при министре юстиции Муравьеве
следствие, но оставлено без движения.
Не было того темного дела в России,
где можно было пожить, чтоб имя Клейгельса не фигурировало там,
всегда благополучно ускользая от суда.
Последний процесс этого рода, процесс Вонлярлярский,
едва не обратил Клейгельса
из свидетеля в подсудимого,
но опять старая лиса ускользнула от правосудия.*

дел князю Святополку-Мирскому довелось убедиться в том, что за десять лет царствования Николай не научился отличать земской управы от земского собрания и во всяком земце по-прежнему видел личного врага, подкапывающего под его самодержавие.

Тверь издавна славилась прогрессивностью своих учреждений самоуправления, унаследовавших традиции деятелей эпохи освобождения крестьян. Состав же ее губернского собрания отличался исключительным обилием умственных и интеллигентных сил, вследствие чего и к высказываемым ими мнениям прислушивались с равным вниманием в чиновничьих и земских сферах России. По той же причине решено было на будирующей Твери показать силу верховной власти, уязвленной в самолю-

* Оговорка (лат.).

бии, и ряд репрессий обрушился на злополучных авторов и попустителей тверского адреса.

Предводителям дворянства был объявлен высочайший выговор, который через год пришлось снять, так как бессмысленность его стала чересчур очевидной. Те из гласных собрания, что состояли на государственной службе, были почти все уволены, невзирая на чины. Некоторые, как Врасский (член крестьянского банка), отказывались подавать в отставку, их причислили к министерству, причем жалование не полагалось. Между прочим, Врасский, написавший потом по совету Витте царю покаянное письмо, был возвращен на службу и ко времени роспуска I Думы сделался вполне основательным реакционером. Тот же Витте уволил в отставку П. А. Корсакова, управляющего петербургской казенной палатой. В административном порядке лишен был политических прав известный тверской земец Ф. И. Родичев, впоследствии член парламента, снискавший европейскую славу как оратор и обличитель старого русского строя. Наконец, вся выборная земская управа была не утверждена в должностях. И за все десятилетие, отделявшее Тверь от революционной эры, она продолжала привлекать к себе подозрительное и злобное внимание Петербурга, не стеснявшегося именем царя громить ее самоуправление, ссылать ни в чем не обвинявшихся лиц, назначать в управы своих чиновников, а губернаторами сажать самых ярых реакционеров и на все готовых невежд.

Чтобы закончить печальную повесть тверитян, упомянем, со слов очевидца, о досадном случае с тверской депутацией на том же приеме 17 января. Делегат, державший массивное блюдо, на котором покоился традиционный каравай черного хлеба с врезанной в него золотой солонкой, выпустил подношение из рук в момент передачи царю, и блюдо покатилося ребром по скользкому дворцовому паркету, Николай инстинктивно бросился его подни-

мать. Соль просыпалась к ногам царя, хлеб опрокинулся. Знаток примет могли прочесть целую лекцию о будущей судьбе Твери и самого Николая, мы не последуем за ними.

Инициатором бюрократических козней против земства считали Победоносцева, которому Николай продолжал верить всю жизнь и который мог, таким образом, принести народу столько зла, сколько скопила его умная инквизиторская голова. Под старость, когда паралич сделал Победоносцева почти неспособным к членораздельной речи и когда ему всюду мерещились бомбы террористов, он все еще продолжал нашептывать беззубым ртом своим дрянные слова, подсказывать Николаю решения, которые должны были плачевно отражаться на самом царе. В лице этого достойного члена касты духовенства, выбравшегося в самый верх правления империей, последняя имела своего рода злого гения, разделяя в этом отношении участь династии Романовых и даже самого православия, которые резко упали в глазах народа за полстолетия, отделяющего его от эпохи севастопольского разгрома и реформ царя-освободителя.

Мнение это складывалось в населении, конечно, не сразу. В 1895 году, например, прием во дворце и участь тверского земства комментировались лишь как показатели «бессмысленности мечтаний» о прогрессизме Николая, о его уме и способностях разбираться в событиях и людях. Впоследствии к этим наблюдениям над духовным обликом царя прибавились еще черты жестокости, сухости сердца и рядом с ними, как странные психические контрасты, детская наивность, вера в обряды, чудеса, спиритические предсказания.

Во всяком случае, выступление 17 января 1895 года можно считать первым шагом Николая по наклонной плоскости, по которой он продолжает катиться и доселе, все ниже и ниже спускаясь в мнении и своих подданных, и всего цивилизованного мира.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Министры и приближенные.—

Горемыкин, И. Дурново, Куропаткин, Ванновский, Победоносцев.—

Его роль в синоде.— Случай с митрополитом Иоанникием.—

Витте.— Ермолов.— Граф Муравьев, Боголепов, Т. И. Филиппов.—

Фон-Валь Клейгельс.— Украденный пароход.—

Н. В. Муравьев.— Генералы свиты и гвардии.

Несмотря на органическую неспособность Александра III выбирать людей, нужных государству, он все же разбирался хотя бы в элементарных человеческих свойствах — честности,

прямоты, лукавстве. И когда убеждался в ошибках своих, от которых никто не застрахован, а цари тем более, то без пощады гнал провинившегося.

*Граф И. Д. Делянов,
бывший министр народного просвещения*

*Граф С. Ю. Витте
в эпоху своего могущества*

Так, на докладе об истории с П. Н. Дурново¹, известным больше под кличкой «Петрушки», царь написал: «Убрать этого негодяя в двадцать четыре часа».

Но когда старые реакционеры сошли со сцены вместе со своим царем, на их места уже не нашлось сколько-нибудь способных кандидатов, так как тринадцать лет чиновничьего засилья должны были воспитать новое поколение бюрократов, знавших действительную жизнь только из канцелярских бумаг, а не по опыту.

Это обстоятельство, в связи с ясно выраженным безразличием молодого царя к судьбам государства, открывало доступ в министерства случайным людям, интересы которых не шли дальше окладов содержания и знаков отличия. Разумеется, что для них все средства были хороши для укрепления прочности своего положения, а в числе последних извращение истины всегда занимало первое место. Поэтому от царя не только скрывали неприятную или невыгодную правду, но и открыто лгали, что продолжается еще более открыто и ныне. Даже те министры, что еще оставались от прежнего

царствования, приспосаблились к новым уверткам, чтобы морочить Николая, первое время дарившего их полным доверием. Потом, утратив доверие к кому бы то ни было, он все же научился различать людей и замкнулся бесповоротно в комнате своих ребят.

Ивана Дурново сменил на посту министра внутренних дел Горемыкин, считавшийся специалистом по крестьянскому вопросу, но на деле избравший себе иную специальность — женщин. Он открыто потащил за собой мужей всех своих приятельниц, раздав им места соответственно с достоинствами каждой из них. На докладах во дворце этот старый жуир имитировал сцены, устраиваемые ему возлюбленными, когда они сомневались в прочности своего положения, и однажды разыграл при царе настоящую истерику. Испуганный Николай нежно утешал хитрого министра, гладил его руки и так надолго был обманут, что еще в момент созвания первого парламента не нашел лучшего кандидата в председатели совета министров, чем этого плаксу. Характерно, что на новом месте Горемыкин сменил именно Витте, против которого и направлены были ручьи его слез в царском кабинете. Витте в свое время

¹ Кража документов из стола бразильского посланника.

ссадил Горемыкина, рассказав царю о сношениях его с сэром Джексоном, английским капиталистом, поддерживавшим взятками проведение петербургского метрополитена (не состоялось).

Старый Ванновский был смнен еще при Александре Н. Куропаткиным, который ловко сберегал лучи скобелевской славы, на нем игравшие, служа в отдаленных азиатских краях. Бездарность его, столь очевидно сказавшаяся на японской войне¹, заслонялась тогда стремлением самому вершить даже самые мелкие дела своего ведомства. Но эта-то черта и свидетельствовала об отсутствии широких взглядов, реформаторского размаха и просто талантливости. Он сумел составить себе только изрядное состояние, армии же предоставил идти по тому пути к рутине и регрессу, на который ее направил еще Ванновский. Но в то время как простой, неученый солдат Ванновский неожиданно проявил здравые педагогические взгляды, будучи назначенным после расследования студенческих волнений министром народного просвещения, Куропаткин покрыл себя своей историей войны и дразнами с Витте, Каульбарсом и другими соратниками еще большим позором, чем самой кампанией, когда действовали и другие, помимо его бездарности, причины поражения России.

Витте был тогда в зените своей славы финансиста. Девальвация, о которой так же, как потом о конституции, говорили, что мы «не доросли» (до монометаллизма) и что переход к новому финансовому строю погубит нас, была проведена мастерски, упрочила наш общий баланс и разнесла виттевскую репутацию по всему биржевому и торговому миру. Но в делах подпольного характера этот человек был слабее своих товарищей и сам, постоянно интригуя то против одного, то против другого, попался в сети, расставленные ему В. Плеве, и потерпел временное крушение.

На эти придворные трения, на закулисные ходы и подставление друг другу ног всегда уходит много времени. Широкие способности Витте, имевшего к тому же в своей жене, слывшей просто «Матильдой», умного советника, позволяли ему до поры до времени гнать довольно успешно обоих зайцев — и финансы, и двор; другие были менее одарены и, сосредоточив внимание на своих личных делах, все более запускали свои ведомства, где постепенно и водворялся тот хаос, в котором застала их I Государственная дума.

¹ Превосходную характеристику его дает известный генерал Соболев, командир армейского корпуса, в своем труде «Куропаткинская стратегия».

И. Н. Дурново, бывший председатель комитета министров, вышел в люди из подпоручиков армии, без образования, ума и способностей, креатура графа Д. Толстого, не терпевшего возле себя талантливых людей. По письму князя Мещерского Александр II назначил Дурново министром внутренних дел. Впоследствии Дурново за погашение векселя в 200 тысяч рублей, должных им А. К. Кривошеину, выставил последнего в министры путей сообщения, где последний жестоко проворовался. Злые языки говорили, что Кривошеин разорвал копии, а за подлинные заставил Дурново прекратить о себе следствие.

Ермолов, министр земледелия, прозванный «навозным жуком» как за смешную и мрачную наружность свою, так и за изобретение им телеги для навоза; граф Муравьев, министр иностранных дел и развратник, отравившийся вследствие царской немилости; Т. Филиппов, государственный контролер и интриган, собиравший и сплетни, и старинные русские песни; Боголепов, гроза студентов во время своей профессуры в Московском университете и всей русской школы во время министерства (смертельно ранен Карповичем 14 февраля 1901 года); сам Плеве, все больше и больше забиравший силы, — все они были слабее железного

*И. Л. Горемыкин,
первый председатель Совета министров при
Государственной думе,
старый жуир, типичный бюрократ,
не считающийся с принципами.
После разгона Думы
вышел в отставку,
не желая утруждать себя
какой бы то ни было работой.*

*Генерал Куропаткин.
Бесславный герой поражения русской армии.
Его формула «терпение, терпение и терпение»
характерна для русского бюрократа в солдатском
мундире, так же как «глазомер,
быстрота и натиск» — для истинного солдата Суворова.
Составил миллионное состояние,
на войне жил в дворцовой роскоши,
тогда как войска были обворваны и голодны.
Один из самых жалких типов чиновничьего времени.*

Победоносцева, державшего их в руках своим значением при царе.

По русскому закону обер-прокурор синода является лишь посредником между церковью и государством, не участвуя в заседаниях и решениях синклита иерархов, а лишь следя за закономерностью их действий. На деле же он занимается прямым давлением на церковь в целях государства, и Победоносцев не имел себе равного в этом искусстве предшественника. Дошло до того, что собрание митрополитов стало в его руках театром *Fantoches*, где среди марионеток были умные, хитрые и своекорыстные монахи и желавшие бы выпутаться из крепких обер-прокурорских лап, но бессильные это сделать. Обоюдное раздражение проявлялось только в исключительных случаях, но внешность должна была соответствовать высоким санам участников.

Раз только не выдержал Иоанникий, митрополит Киевский, переведенный из Москвы, вследствие неладов с генерал-губернатором, великим князем Сергеем. Услыхав, что решение синода не может быть доложено царю, так как последний уже высказал волю противоположного характера, и что предложенный Победоносцевым вопрос был им заранее решен, Иоанникий сказал:

— Вы бы, Ваше Превосходительство, выписывали вместо нас наши печати, да и ставили их под своими решениями.

Мышиное лицо обер-прокурора позеленело, но он смолчал.

— Вообще,— продолжал митрополит,— позвольте узнать, по какому праву Ваше Превосходительство присутствует в этом собрании?

— Как по какому праву! — вскипел Победоносцев, — да по закону!

Иоанникий потребовал книгу закона и громко прочел статью, запрещающую присутствие в синодском заседании прокурора. Тогда взбесившийся старик не нашел ничего иного сказать, как: «А я все-таки останусь в заседании».

Но тут-то и готовилась ловушка всесильному прокурору.

— Отцы, — обратился митрополит к остальным иерархам, — непристойно нам ссориться с его Превосходительством; если им не угодно оставить заседание, то мы должны покинуть его.

После чего, перекрестившись на образа,ладыки смиренно вышли гуськом в другие залы синода, оставив Победоносцева одного и «в дураках».

Впрочем, злобный инквизитор переносил эти щелчки с тем стоицизмом, который потом вознаграждает себя мстью, хотя бы мелкой и гнусной. Он продолжал бесконтрольно распоряжаться делами церкви, выдвигал, когда нужно было по его расчетам, на высшие духовные посты развратников, вроде Николая Алеутского, грабителей, вроде Палладия, расхитившего драгоценности грузинских церквей, чревоугодников, вроде Исидора, петербургского

А. С. Ермолов, бывший министр земледелия, был уволен без всякой причины и предупреждения.

Известен как сельский хозяин, но управление собственным имением его представляет образец «неразберихи»; то же, конечно, было и в министерстве.

Торжественное заседание старого Государственного Совета по случаю 100-летнего юбилея (с картины Репина).

За центральным столом сидят (слева направо):

великие князья Сергей, Алексей, Владимир и Михаил Александровичи, царь, великий князь Михаил Николаевич, за ним граф Сольский. Плева стоит перед столом. Для панталон Плева позировал правитель его канцелярии Любимов, ныне виленский губернатор.

митрополита, эротоманов, как Леонтий Московский. Эти господа, за личиной монахов скрывавшие свои истинные наклонности, охотно давали свои подписи под любые решения человека, обеспечивавшего им за то веселое и беспечальное житье, стотысячные оклады, блеск власти, преклонение наивных душ. Наряду с этими крупными акулами, одновременно развращавшими и грабившими народ, мелкие воры, вроде описанных выше фон Валя, Клей-

гельса, Гессе и других, казались мелочью, питавшиеся крохами с чужого стола. В конце концов, пароход, украденный Клейгельсом, доставил ему больше неприятностей, чем удовольствия. Фон Валь в Вильно едва не погиб от пули выведенного из себя поркой еврея Лекерта. Гессе на всех землях, скупленных за счет царской протекции, не заработал столько, сколько любой митрополит получал за наружно законные действия свои.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Коронация. Устарелость церемонии. — Неурядица.

Борьба влияний. — Полицмейстеры Власовский и князь Волконский. —

Московский городской голова Алексеев. —

Ходынская катастрофа. — Впечатление в народе и обществе. —

Новые бестактности, рескрипт Сергею, продолжение празднеств. —

Князь «Ходынский». —

Муравьев и Постников созерцают гекатомбу самодержавия.

Посольства развозят повсюду весть о начинающемся упадке русского бюрократизма.

Плохие чиновники и плохие друзья не могли, понятно, изменить к лучшему те стороны царского быта, которые частью устарели, частью были настолько сложны в условиях современности, что требовали особой распорядительности, на которую никто из членов Двора не был способен.

Население Москвы, которая утепалась за перенесение центра управления в Петербург названием «первопрестольная», перевалило ко времени коронации за миллион. Возле нее разросся огромный фабричный район, притягивавший к себе на целый почти год едва ли не половину взрослого населения московской и окружающих ее губерний. Всю эту толпу простонародья нужно было ожидать на время коронационных торжеств. Между тем прежняя патриархальность давно исчезла под напором нового века и усиливавшейся пролетаризации рабочих, за которыми нужно было очень присматривать, чтобы не вышло из праздника неприятности, тем более что приходилось блеснуть «порядками» перед делегациями всех держав мира.

Московские власти готовились к коронации без малого два года, но так как борьба влияний не ослабевала ни перед какими событиями, то и в этом исключительном положении первое место занимали не заботы об организации грандиозного празднества, а заботы о палках, которые можно было бы бросать в чужие колеса. На этом именно поприще состязались и московский генерал-губернатор Сергей с министром императорского Двора графом Воронцо-

вым-Дашковым. И подобно тому как уличная свалка привлекает к себе зевак, которые бросают для зрелища свои дела, так и здесь все заинтересованные ведомства больше ждали исхода борьбы царского дяди и министра, нежели самой коронации.

Московской полиции приходилось от этих неурядиц труднее всех. Никто твердо не знал, к кому и за какими распоряжениями обращаться, дело вершилось, так сказать, без хозяина, а потому и плохо. Ко времени съезда иностранных гостей не было кончено ничего, словно это была провинциальная выставка, а не коронация могущественного царя.

В то время полицмейстером Москвы был некий Власовский, чрезвычайно взбалмошный, но энергичный человек. Слава о нем шла нехорошая, так как вместе с другим полицейским офицером, богатым и знатным князем Волконским, они пользовались своею властью для устройства столь громких кутежей с женщинами и других скандалов, что ими полна была вся Москва. Заодно с этой компанией был московский городской голова миллионер Алексеев, впоследствии убитый братом одной из жертв этого триумвирата.

В чаду собственных веселых походов полицейские власти как-то позабыли, что самым ответственным пунктом является народное гулянье на обширном Ходынском поле. Не соображаясь с топографией его, позволили расставить антрепренеру Двора палатки со сладостями и обычными коронационными кружками в та-

*Фон Валь, бывший градоначальник,
выгнан за воровство.*

*Николай тем не менее взял его в свиту,
сделал товарищем министра внутренних дел,
казнил из-за него еврея Лекерта,
промахнувшегося в генерала, и жалуется Валя и доселе.*

*Памятник
на могиле жертв
Ходынской катастрофы
на Ваганьковском
кладбище
в Москве*

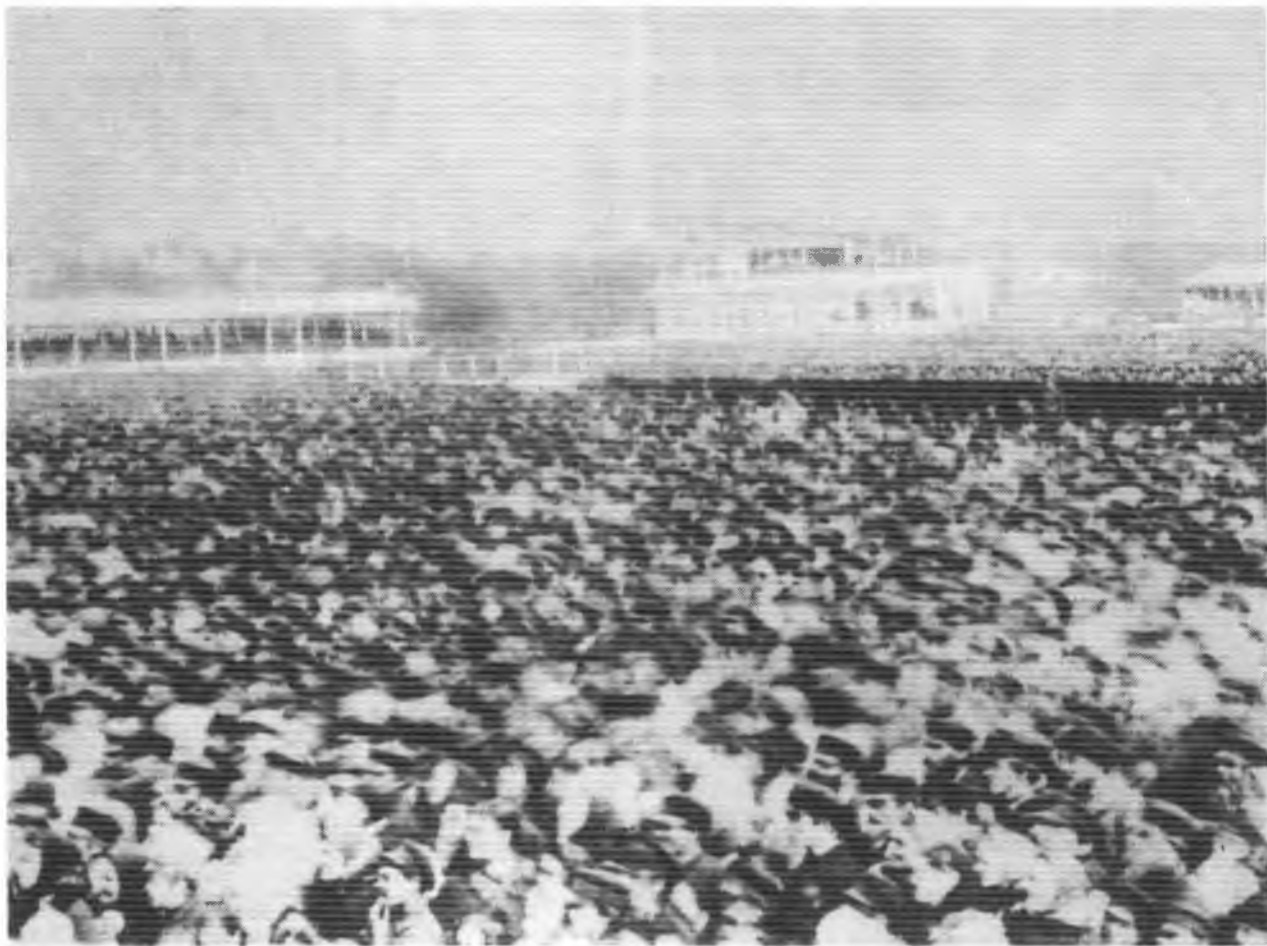
ком месте, что между ними и народом очутился ряд глубоких рвов, каких-то забытых колодцев и тому подобных сюрпризов, в инженерном искусстве известных под именем «волчьих ям»¹. Но для народа, не того народа, который допускается тайной охраной к созерцанию процессий в качестве суррогата толпы, а народа настоящего, рабочего и деревенского, Ходынское гулянье было единственной приманкой в коронации царя. Поэтому поле еще ночью было занято полумиллионной толпой, к утру сгрудившейся в такую компактную массу, что пробиться сквозь нее не могло бы и пушечное ядро.

Вместе с тем в тихую погоду, какая тогда на беду и случилась, углекислота, выдыхаемая та-

кой массой людей и высящаяся над ее головами, сама по себе должна была повести к повальной асфиксии, кроме того, и нетерпение получить подарки действовало возбуждающе. И вот наступил момент, когда раздались крики удушавших женщин и детей, которые заставили толпу попробовать двинуться, кое-где приняли это движение за сигнал к атаке палаток с лакомствами, и вся громада, как дикое, обезумевшее стадо, шарахнулась прямо на ямы. Не прошло, вероятно, нескольких мгновений, как картина поля была уже такова: поваленные палатки и качели и семь-восемь тысяч, по официальной версии, две-три тысячи * поверженных на землю людей, частью трупов с синими лицами, частью живых еще, но молящих о смерти, у которых грудные клетки были расплюснуты и кости торчали

¹ Этим антрепренером был статс-секретарь П. А. Рихтер, управлявший уделами, друг Победоносцева, да помогал ему архитектор Николай, славный перестройкой Большого Петербургского театра в консерваторию, на чем нажил огромные и нечестные суммы.

* По официальным данным, задавлено насмерть 1389 человек и получил увечья 1301 человек (Ерошкин Н. П. Самодержавие накануне краха. М., 1975. С. 16).

Коронационные торжества. Ходынское поле, на котором погибло до восьми тысяч человек, пришедших праздновать вступление на престол Николая.

сквозь праздничные рубашки. Все остальное с воем, плачем и проклятиями мчалось куда глаза глядят, истерически хохоча, крестясь о спасении и забывая об оставленных на поле родных.

Ужасная весть еще утром стала известна в Москве, а к вечеру всей России. Впечатление было потрясающее, особенно в простонародье, разнесшем преувеличенные слухи далеко, по самым глухим деревням. Все были уверены, что царь отменит оставшиеся балы и праздники и, главное, что очевидный виновник катастрофы, великий князь Сергей, который отстоял-таки свою монополию на увеселение племянника, понесет заслуженную кару.

В минуты таких стихийных бедствий цари могут много выиграть, показывая народу щедрость, участие и распорядительность. Но Николай сделал только новый ряд промахов. Он, во-первых, поехал на Ходынское поле не тогда, когда оно являло пышную гекатомбу его само-

державия, а когда пожарные фуры развезли мертвецов и ямы были засыпаны землей поверх мертвых и живых, внизу копошившихся людей. Во-вторых, царь в тот же вечер был на балу у одного из послов, вместо того чтобы бросить все и уехать с глаз долой от негодовавшей столицы. Наконец, он дал великому князю Сергею рескрипт, в котором обычные казенные выражения царской милости звучали чисто мефистофельской насмешкой над собственным народом. Даже подставная толпа встречала его гробовым молчанием. Сергея прозвали «князем Ходынским». Министр юстиции Муравьев и прокурор московской судебной палаты Посников, надев зачем-то высокие сапоги и вооружившись биноклями, тоже посетили Ходынку, но от этого виновники не стали другими. Полицейстер Власовский был уволен. Больше ничего.

Все это произошло в мае 1896 года. Сумрачен вернулся из Москвы Николай. Жена его

хранила еще большее, чем раньше, молчание, странность ее темперамента становилась уже заметной.

Посольства понемногу начали разъезжаться. Здесь вполне отчетливо анализировали события. Как со стороны виднее ошибка шахматиста, так не заинтересованные в русских делах иностранцы тогда же поняли, что, хотя Сергей и явился юридическим виновником катастрофы, все же центр тяжести лежал не в нем,

а в общем режиме государства. Около безвольного, неумного и тупо ощущавшего жизнь царя вились вихри чиновничьих интриг, обделывались дела, не имевшие в виду народных нужд, запугивались одни, возбуждались другие, наказывались третьи, все без определенной даже системы, точно на пожаре, когда всякий только о своем спасении думает. Бюрократия кончала вариться в собственном соку и обращалась понемногу в аморфную массу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Бюрократия начинает опасаться за себя.— Сипягин.—

Плеве.— Реакционные меры.— Усиление власти администрации.—

Земские начальники.— Проект сокращения земского самоуправления.—

Явно враждебная обществу позиция чиновничества.—

Московское юридическое общество.—

Влияние Сергея возрастает.— Выселение евреев.

Ощущение начинающегося разложения не могло не возникнуть и в самом бюрократическом организме. Необходимость дальнейших мер к его подкреплению указывалась и блестящим провалом на коронационном экзамене, и начинавшимся брожением в рабочей среде. Крестьянство оставалось пока не столько нейтральным, сколько неизвестным, затаив свои думы про себя, оно продолжало до времени молчать, давать начальству самому выбирать бородатых старшин для подношений хлеба-соли и выслушивания новых царских напоминаний о предводителях дворянства. Общество русское было разрознено, и вообще, внешний облик жизни был бесцветен и дремотен. Но как в томительный, жаркий летний день, когда все молчит в природе, обоняние тоньше ощущает запах гари от начавшегося где-то лесного пожара, так и в развал реакции 1890-х годов от чиновничьего нюха не могли скрыться признаки тлевшего где-то в глубинах жизни революционного огня.

Но как быть, что именно предпринять для его прекращения, что приготовить, если пожар разгорится? Русское чиновничество не представляло из себя какого-либо нового исторического фактора и должно было, в данных условиях, от доски до доски повторить самоубийственные шаги, которые делали бюрократии всех государств, приступавших к сбрасыванию с себя абсолютизма. Оно решило сделать новый поворот руля против течения, лишнее нажатие пресса, находившегося все еще в его полном распоряжении.

Оставалось только выдвинуть людей, способных на такую работу, и оба близнеца, Двор

и правительство, нашли по своим губам салат в лице нового министра внутренних дел Сипягина, ставленника самого Николая, и Плеве, продолжавшего несколько поодаль от скользкого дворцового паркета пробивать свою дорогу туда, куда влекли его честолюбие и жажда власти. Но так как Сипягин не отличался ни умом, ни инициативой, а плутом всего любил охоту и веселую жизнь, то влиять на него было нетрудно и реакция была обеспечена. Багаж ее был по-прежнему несложен, а радикальные меры послереволюционного периода не имели шанса быть одобренными царем, недостаточно еще лично раздраженным.

Николай весь ушел в эти годы в заботы о наследнике, и семейные занятия заслоняли от него и грядущую смуту, и ее истинных творцов — Плеве, Сипягина и К°. Оставалось, как и раньше, усиливать полномочия местных административных органов, но изменить состав их правительство было бессильно. Власть земских начальников была еще подкреплена циркулярами, но зато и зависимость их от губернаторов возрастала, приходилось далеко отступать от краеугольных начал проекта графа Д. Толстого, которого он не успел до своей смерти провести в целом виде через Государственный Совет. Таким образом, институт сильной и консервативной, но обязательно местной, сродненной с населением власти был подменен новым кадром «людей 20 числа», как в России зовут чиновников, среди которых поместное дворянство, независимое и материально обеспеченное, совершенно отсутствовало. А те землевладельцы, что делали себе из новой службы подспорье для сведения бюджета, так-

же становились рабами губернаторов, как и назначенные из Петербурга корнеты и недоросли. Вследствие этого новое вино реакции вливалось в старые меха и кисло, становясь негодным для той единственной цели, с которой вся операция была затеяна.

Наряду с этим земские учреждения, хотя и безмерно против положения 1864 года ограниченные новым законом 1890 года, проявили удивительную живучесть. В составе земских собраний, а значит, и управ не переводились прогрессивные элементы, влияние которых выходило далеко за пределы узко понятых хозяйственных отправлений земства. Повсюду вообще земская работа сталкивалась с аналогичными ей действиями чиновничества, и не нужно было никакой пропаганды, чтобы население видело полное превосходство земского начала над бюрократическим.

Школы, дороги, медицина, страховое и продовольственное дело — повсюду даже реакционные и неопытные земские управы шли впереди чиновничьих неумелых, некоординированных, убыточных учреждений. Отсюда зародилась и странная мысль об уничтожении этого контраста не путем поднятия одной половины государственной работы до другой, а понижением последней. Нужно было для этого еще более укоротить права самоуправления, но рука не поднималась для удара, материальные последствия коего даже Сипягин мог учесть заранее. Принять от земства созданные им школы, больницы и дороги было еще возможно, но вести их было бы некому. Поэтому решили сделать предварительный опыт в тех губерниях северо-западного края, где земские учреждения не были введены Александром II вследствие необоснованных опасений сепаратизма. Если б опыт удался, то новейшее земское положение предстояло распространить и на те 34 губернии, за которыми была четвертьвековая земская практика. Николай с легким сердцем подписывал всякие вообще законы, указы, манифесты и рескрипты, а что касалось до земства, то личные воспоминания о тверском адресе и рассыпанной земской соли заставляли его соглашаться на сипягинские проекты даже с особойливой радостью. Они казались ему еще слишком уступчивыми, либеральными, потому что сохраняли ненавистные слова «земство», «управа» и т. п., когда ум и ухо признавали лишь «губернатора», «исправника» да «правление» и «присутствие».

«Не все сразу», — говорил министр, вводя в жизнь свое изобретение. Но уже срок был пропущен. Инерция общественного движения начинала сказываться, огненные языки то здесь, то там лизали корни чиновничьего леса,

Сипягин, бывший министр внутренних дел, убит Балмашовым 2 апреля 1902 года. Больше известен как необыкновенный повар. Большой ханжа.

Все комнаты его квартиры были украшены вышитыми по атласу изречениями из Евангелия.

пока наконец убийством самого Сипягина не открылась новая эра русской истории — революционная.

Все последующее было уже простым заливанием пожара. В дальнейшем изложении мы увидим, однако, что для локализации и прекращения пламени употреблялись исключительно горючие вещества и что XX век принес с собой ту бюрократическую панику, которая не могла уже спасти положения абсолютизма. Но в описываемое время контуры его здания оставались еще неповрежденными и только явная враждебность обществу и народу занятого чиновничеством положения становилась очевидной и для недавних слепцов. Прозревшие примыкали поэтому к прогрессивному течению жизни, а все более становившийся близоруким царь поневоле теснее прижимался к столбам некогда прочного сооружения, заслоняясь ими от дышавшего в лицо и все свежевшего ветра с полей России. Его поддерживал в этом положении и великий князь Сергей, продолжавший полновластно распоряжаться судьбой Москвы,

где все живое подвергалось им беспощадному истреблению. Особенно тяжело приходилось здесь еврейской части населения, и гонения, воздвигнутые великим князем на эту народность, достигли своего апогея именно в тот момент, когда убийство Сипягина должно было заставить опомниться всякого реакционера.

Наконец, закрытием московского юридического общества князь Сергей бросил в ряды активной оппозиции и всю лучшую часть столичной интеллигенции.

Так своими руками подготавливали постепенно высшие государственные власти недалекий уже переворот.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Усиление деятельности политической полиции. —

Умеренность либеральных кругов. —

Необходимость создания фикции их революционности. —

Система застрашивания царей. —

Постепенное овладение жандармами и самих чиновников. —

Мнение об этом А. Лопухина. — Институт провокации. —

Зубатовщина. — Неподатливость рабочих.

Мы хотим теперь передать слово человеку, компетентность которого устанавливается службой во главе русской полиции и которого служебная честь и высокая добросовестность привели в холодную сибирскую ссылку, — бывшему директору департамента полиции Алексею Лопухину.

В его небольшой, но полной глубочайшего значения книге «Из итогов служебного опыта» читаем:

«Присущий самодержавно-бюрократическому строю формализм представления о государстве как о чем-то отвлеченном от народа вполне последовательно вел к отрицанию народа как целого... Всякая группировка обывателей должна была неминуемо стать в противоречие с основной идеей государства, а потому государство рассматривало каждый общественный союз как явление ему враждебное. Вынужденное юридическое признание общественных организаций государством делало их только терпимыми и... подлежащими с его стороны надзору».

Этим определялись задачи и роль полиции в ряду учреждений государства.

Политическая полиция, которой не знают законодательства других европейских государств, естественно завершала громоздкий, всю жизнь страны пронизывающий аппарат. Основание ее было вызвано бунтом 14 декабря 1825 года, и так как с самого начала все учреждение поставлено было в полную независимость от местной власти, то оно и не замедлило укорениться и понять все выгоды самостоятельности. Николай I, создавший это коренное русское зло, был сам к концу царствования в руках корпуса жандармов. Бенкендорф, его шеф, неоднократно указывал императору на его собственное «дело» в жандарм-

ском архиве, если нужно было побороть волю Николая и получить санкцию новой репрессии. *Охрана самодержавия*, первая и последняя задача политической полиции, осуществлявшаяся до 1871 года системой доносов, с этого момента становилась обязанностью органа судебного исследования и преследования политических преступлений. Орган этот получил еще большую независимость. Не только губернаторы и сенат, но даже и прокуратура не имела контролирующей власти над видоизмененным жандармским корпусом, связанным через департамент полиции с министерством внутренних дел. Но закон и тут так тщательно оберег жандармскую независимость, что корпус в скором времени сделался надсмотрщиком и за самим департаментом полиции. Охранные отделения, учрежденные в наиболее опасных в смысле революционности городах, должны были отчасти корректировать странное взаимоотношение департамента и жандармов, но цели не достигли, очутившись опять же всецело в руках стоявших во главе отделений жандармских офицеров.

«Будучи поставлено в такие условия, — говорит Лопухин, — совершеннейшее по качествам личного состава учреждение ничего, кроме произвола и, следовательно, вреда для населения и интересов государства, принести не может».

Впрочем, о личном составе бывший шеф полиции невысокого мнения: «При отсутствии элементарных научных понятий о праве, при знакомстве с общественной жизнью только в ее проявлениях в стенах военной школы и полковых казарм, все политическое мировоззрение чинов корпуса жандармов заключается в представлении о том, что существуют народ и государственная власть, что последняя

находится в непрестанной опасности со стороны первого, что она подлежит от этой опасности охране и что для осуществления таковой все средства безнаказанно дозволены. Когда же такое мировоззрение совпадает со слабо развитым сознанием служебного долга и неспособностью по умственному развитию разобраться в сложных общественных явлениях, то основанные на нем наблюдения останавливаются только на внешних признаках этих явлений, не усваивая внутреннего их содержания, и потому всякое явление общественное принимает характер для государственной власти опасный. Вследствие чего охрана государственной власти в руках корпуса жандармов обращается в борьбу со всем обществом, а в конечном результате приводит к гибели и государственную власть, неприкосновенность которой может быть обеспечена только единением с обществом. Усиливая раскол между государственной властью и народом, она создает революцию. Вот почему деятельность политической полиции представляется не только враждебной народу, но и противогосударственной».

Таково и было на деле положение вещей. Оно носило тем более трагикомический характер, что либерализм широких общественных кругов, интересовавший правительство гораздо сильнее, чем революционность меньшинства, был весьма умерен. Впереди всех продолжали идти все те же земства; как выясняется из истории платформ партии «Земли и Воли» и народовольческой, стремления даже крайних организаций не шли далее скромных конституционных гарантий, без которых, по мнению этих групп, никакое развитие государственной жизни не было возможно.

Чиновничеству хорошо были известны и умеренность прогрессистов, и скромность революционных сил, не шедших дальше единичного террора и непонятной народу пропаганды. Но признание такого общественного настроения равнялось бы необходимости пойти ему навстречу, а этого чиновничество допустить не могло. Оставалось, за отсутствием широкой революционной организации, создать ее фикцию, и в этом отношении указанная Лопухиным умственная ограниченность жандармов была весьма на руку российским Макиавелли, из которых связь департамента полиции с корпусом жандармов была живой связью, а сам департамент начал действовать с еще большей беспринципностью, бесконтрольностью и откровенностью. Не только расширялась работа его по устройству обысков, административной ссылке и заключению под стражу, но, подобно тому как в дореформенном III отделении собственной Его Величества

А. А. Лопухин, бывший директор департамента полиции и эстляндский губернатор, разоблачивший Азефа.

Одна из самых драматических фигур русского лихолетья, расплатившийся вечной ссылкой в Сибирь за ошибку — вступление в ряды русской политической полиции.

Тонкий знаток административных вопросов, лично безукоризненно честный деятель, всегда бывший искренним в своих поступках.

канцелярии секли заподозренных в неблагонадежности молодых людей, в департамент полиции вызывались выдающиеся общественные и земские деятели для внушений и нотаций, которых не чуждался и сам Лопухин.

Разница между ним и Плеве была только та, что, в то время как Лопухин искренно стремился к объединению правительства с обществом, Плеве столь же искренно хотел уничтожить всякий намек на организацию общественных сил. Но, как верно замечает Лопухин, в корне испорченное учреждение всегда обращалось против его творцов, и на этот раз оно не пощадило его самого. Только уйдя из департамента полиции, мог он познать ошибочность шага, приведшего его, выдающегося юриста, представителя рода, давшего России одну из ее цариц, самостоятельного и честного человека, в объятия выскочки, мстившего обществу за свое плебейство, беспринципного временщика

В. Плеве. Много позднее, когда и Плеве был убит, и Лопухин был далек от всякой служебной деятельности, этот неверный шаг сказался на его судьбе последним роковым ударом.

Если, однако, Плеве мог обойти такого человека, как Лопухин, то Николай не представлял для него и в этом отношении никаких трудностей. Старинная система запугивания царей опасностью для их жизни была доведена в последнее царствование до небывалого совершенства путем провоцированных полицией покушений на ближайших к императору лиц. Здесь Плеве проявил, кроме врожденной преступности, такую жестокость души, которой позавидовал бы опытейший из профессиональных убийц. Но, вызвав к деятельности провокаторов, он и сам пал жертвой Азефа. *Так в конечном счете над департаментом полиции и над самим жандармским корпусом возвышались влияние и власть людей без всякой совести, без всякого государственного сознания.* Худший вид боевого анархизма нагло разваливался на самодержавном троне, который так тщательно защищали от умеренного конституционализма.

К такому концу дела пришли, конечно, не сразу. Если для борьбы с обществом довольно было расширения власти губернаторов и усиленной охраны, то против движения в рабочей среде, откуда всегда могли грозить организованные и массовые выступления, требовались иные меры. Обычный шпионаж среди подпольно действовавших социалистов и революционеров не достигал цели, и Плеве приступил через своих агентов к осуществлению двоякого плана: организовав рабочих, вызвать со стороны их активное выступление и одним ударом раздавить революционную гидру. Торопливость тут могла только испортить дело, нужно было вооружиться терпением, и Плеве, уже испытанный в заговорщическом отношении жандармом Судейкиным, с которым они обсуждали план убийства графа Д. А. Толстого и разделения между ними действительного самодержавия, начал заплетать свою сеть очень осторожно.

Москва была центром заводско-фабричного района, где издавна существовало брожение, с которым великий князь Сергей, следовавший за самой столицей, справиться не мог. Здесь-то свил себе гнездо Зубатов, имевший, как и большинство провокаторов, за своей спиной quasi *-революционное прошлое. В данное время он числился на службе в общей полиции и действовал с напускной искренностью человека, желающего рабочим всякого добра. К его и Плеве радости, рабочие весьма быстро пошли на закинутую им приманку легальной организации, показав при этом выдающиеся способности к усвоению себе партийной сплоченности и дисциплины. Довольно сказать, что, когда Зубатов решил демонстрировать правительству свою армию, он вывел в годовщину освобождения крестьян в Кремль, к памятнику Александра II, не менее пятнадцати, а уверяли, что и двадцати пяти тысяч рабочих. Они продефилировали с венками, но без речей перед безобразной будкой, в которой был заключен бронзовый Освободитель и около которой стоял ни жив ни мертв великий князь Сергей, вероятно плохо веривший глазам своим. Но этот пролетариат-парад был и лебединой песнью Зубатова. Организация его целиком попала в руки более близких по духу рабочим людей, и через несколько лет на похоронах Баумана, убитого наемным хулиганом Михайловым, среди двухсот тысяч человек, провожавших гроб, покрытый красным знаменем, были, вероятно, целиком зубатовские ученики.

Подобная же неудача постигла попытку организовать одесских рабочих. И только своеобразный талант священника Гапона склонил на один момент весы на сторону наследников убитого уже Плеве. Но и здесь дело сорвалось: 9 января 1905 года Николай, который мог бы созерцать из своего дворца расстрел безоружных толп, доверчиво шедших к нему со своими мольбами, увидел бы встававший над залитой кровью площадью призрак настоящей революции, призрак, державший в руке Манифест 17 октября того же года.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В высшей школе.— Крушение толстовской политики.—

Разгон лучших профессоров по заграничным университетам.—

Ковалевский, Виноградов, Муромцев, Эрисман и другие.—

Кого выдвигал Делянов на их места.— Понижение уровня преподавания.

Ничего не может быть страннее для русского гражданина, как узнать о том, что сын какого-нибудь европейского государя поступил в университет,— так далеко это отстоит от русских

нравов. При вотчинном взгляде царей на землю и народ совместное воспитание детей их

* Почти (фр.).

с детьми рабов представлялось невозможным. Еще для поддержания царского престижа в армии практиковались фиктивные зачисления наследников в кадетские корпуса и маленькие князья маршировали иногда на парадах в рядах сверстников, но эти акты снисхождения дальнейших последствий не имели, и только полковая служба сближала будущего царя с несколькими совершенно случайными товарищами. Ниже мы увидим, какие последствия ожидают это совершенное безразличие государей в выборе товарищей детства для своих старших сыновей.

Таким образом, и в деле образования не выдерживалась аристократическая система отделения высокородных от плебса. Только отношение к гражданской школе оставалось всегда неизменным. Ни стены средней школы, ни тем более университетские никогда не видали царских детей. Последние никогда не слышали веселого гама, наполняющего гимназические залы, не видели аудитории высшей школы, замершей от напряженного внимания во время лекции любимого профессора. Они не впитывали в себя ни единой капли от тех драгоценных юношеских порывов, воспоминания о которых впоследствии, на склоне дней человеческих, увлажняют глаза и разглаживают морщины. А вместе с тем вся будущая деятельность князей должна была протекать в связи с отношением их к образованной части подданных. Но, не зная ее совершенно, чем можно руководствоваться при выборе сотрудников, как гарантировать управление от элементов негодных?

И это неудобство, конечно, может умеряться наличностью чутья, инстинкта, влекущего интеллигентного юношу к подобным себе. Однако Николаю не предстояло и такого корректива.

Взгляды, заставлявшие прежних царей приглашать к своим сыновьям просвещенных наставников, были чужды Александру III, оставленному отцом без всякого почти образования. Своего сына, из страха покушений, он не выпускал даже в кадетские роты; Николай воспитывался в полном уединении, и военные преподаватели играли большую роль при нем, нежели профессора.

Это постоянное предпочтение армии, оказываемое русскими монархами, не могло не отражаться и на усилении антагонизма между гражданской и военной частями населения. Ничтожная роль армии в мирное время внушала к ней пренебрежительное отношение населения, отдававшегося производительному труду. Тунеядство военных ложилось тяжело на народ и в налоговом смысле, и только победо-

М. М. Ковалевский. Знаменитый государствовед, бывший профессор Московского университета, проведший лучшую пору жизни в изгнании, обогащая своими знаниями студентов западноевропейских школ. Член I Думы, потом член Государственного Совета. Грози министров, выступающих под флагом науки; никто так мягко не дерет им ушей, но и никто так не клеймил навсегда невежества Столыпина и К°.

носные войны вносили равновесие в отношения этих двух государственных факторов. Но доминирующим всегда оставалось чувство некоторого презрения к военному ремеслу, и царская фамилия, поголовно несшая службу в войсках, не могла не занять в общественном представлении того же низкого места, которое отводилось и ее военным сослуживцам. Равным образом и князья заражались казарменными навыками, а мышление их приобретало тот самоуверенный, но вполне невежественный характер, который свойствен большинству строевых офицеров.

Гражданской школе, особенно высшей, здесь платили тем же пренебрежением, что и от нее исходило по адресу военных.

При таких условиях к общему прогрессивному тону, которым отличалась русская школа со времени Александра II, не могли не примешиваться и антидинастические ноты, громко звучавшие при всяком случае так называемых студенческих волнений.

Школьная политика графа А. Д. Толстого, доведенная его преемником Деляновым до абсурда, не принесла ожидавшихся результатов. Та умственная нивелировка на уровне мертвой буржуазности, которой добивалась система классического образования, привела только к тому, что средняя школа выбрасывала ежегодно тысячи юношей, поголовно попадавших в объятия крайних политических партий, а уцелевшие быстро наверстывали потерянное время в университетских прогрессивных кружках.

Для того чтобы правители могли сознать эту простую истину, требуется иногда целый исторический период, и для России он еще не закончился. Краткое время освобождения высшей школы из-под старого пресса снова сменилось его нажатием, снова министерство народного просвещения начинает применять в школе деляновские приемы. Невольно приходит на память то время, когда лучшие профессора университетов изгонялись из своих кафедр. Европа благодаря этому могла не только познать сущность русской политики, но и использовать освободившиеся силы русской науки для своего юношества. Софья Ковалевская в Стокгольме, П. Виноградов в Оксфорде, М. Ковалевский и Е. Н. Роберти в Париже, Эрисман в Цюрихе — все унесли за границу свои таланты и сведения, а на их местах водворялись ставленники Делянова, не соображавшегося даже с научным багажом кандидата. Будущие профессора писали работы, на которых не стеснялись ставить в заголовке слова: «по приказанию г. министра народного просвещения», и за это получали кафедры, с которых их невежество звучало в пустых аудиториях.

Низкий уровень преподавания еще более отживал студенчество от научных занятий

и склонял его к политическим доктринам, усвоение коих носило по большей части академический характер. Не основанные на личных наблюдениях, не проверенные собственным житейским опытом, доктрины эти не претворялись во что-нибудь живое, а вырождались, усыхали, так сказать, еще на корню и наделали много вреда освободительному движению, внеся и в практическую борьбу то же расслоение взглядов, даже настоящий раскол, которыми отличалась словесная борьба прошедших лет.

Но крупные выступления высшей школы еще предстояли. Отдельные вспышки волнений не указывали еще на заражение студенчества революционными учениями и быстро ликвидировались. Школы еще не объединялись между собою и не реагировали сообща при обрушившихся на одну из них репрессиях.

Для того чтобы свободно применять эти репрессии, в царе поддерживали постоянное раздражение против студенчества. Его только сбивали в этом отношении с толку, что он не затруднился, например, дать санкцию на отдачу политически неблагонадежных студентов в солдаты. Нужно было, чтобы на посту министра народного просвещения очутился именно простой солдат Ванновский, чтобы отменить распоряжение, оскорблявшее армию, которая являлась как бы арестантским учреждением, а не красною и частью нации; распоряжение вредное для самого царя и его правительства, ибо молодежь насаждала в войсках либеральные взгляды; наконец, распоряжение неумное, возбуждавшее смех, негодование, но не утешавшее решительно никого.

Эта и подобные ей меры привели только к сплочению студенческой массы и подготовили солидарные выступления ее в недалеком уже тогда будущем.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В армии.— Результат реформ Ванновского.—

Пьянство и кулачная расправа. Драгомиров. —

Отсутствие живого интереса жизни солдата
как следствие введения всеобщей воинской повинности.—

Разложение военного духа. —

Регресс военной техники.— Изобретатели.—

Воровство интендантов.

Можно было ожидать, что военное образование, служба в строю и управление целыми отраслями военного дела сделали из русской царской фамилии серьезных знатоков, способных лично двигать боевой прогресс армии и,

во всяком случае, способных открывать в нем задерживающиеся моменты. Но этих сторон солдатчина ни в ком из князей не развивалась; русские императоры оказывались бессильными вносить в излюбленное ими ремесло что-либо,

кроме новых форм одежды (не ими, понятно, изобретавшихся) и новых знаков отличия. В этой области прогресс шел зато непрерывно, и Николай отметил свое царствование таким длинным списком указов о пуговицах, кисточках, вырезах, шапках и надписях, а также таким числом всяких медалей, крестиков и значков, как никто из его предков.

Теперь, после войны, русская армия переодета с ног до головы, так что само военное министерство запуталось в разнообразии форм. Довольно сказать, что военный министр Сухоминов беседовал на обеде у германского посла в Петербурге с русским офицером по-немецки, сочтя его за прусского офицера. Кавалеристы опять стали похожи на опереточных гусар, а груди гвардейских и, особенно, полицейских офицеров могут спорить, в смысле количества украшений котильонного характера, с любым знаменитым борцом или фокусником. Что касается до существа воинского дела, то оно всегда было неизвестно или чуждо царям.

Николай I знал, например, о воровстве военных инженеров, но не мог его искоренить. Александр II страшно любил только парады, хорошую экипировку, хлесткие ружейные приемы. Но за него, по крайней мере, работал военный министр, просвещенный граф Милютин, благодаря которому русская армия, потерпев на турецкой войне дипломатическое поражение, все же вернулась домой в ореоле славы. Александр III ничего военного не любил и знать не хотел, а его излюбленный министр Ванновский был стар, невежествен и только лично честен. Под его руководством рутинная плотная засела во всех отделах военного хозяйства и управления. Вследствие этого понизилась и самая техника дела, перевооружение пехоты и артиллерии совершалось медленно, опаздывая против европейских армий, а тактика не менялась, несмотря на новое оружие, делавшее ведение боя со старыми тактическими приемами невозможным. Главным же недостатком, в котором, впрочем, не Ванновский был виноват, а институт всеобщей воинской повинности, было разобщение солдат и офицеров. Последние являлись одни профессионалами войны, а солдаты выступали под знамена на все более короткие промежутки времени.

Отчужденность двух частей армии одна от другой вносила разложение и в самый дух войска, утратившего всякие традиции. Одновременно падали и вспомогательные учреждения, разные управления, школы, заводы. Изобретатели технических усовершенствований предпочитали продавать их за границу, нежели годами дожидаться выдачи привилегий или по-

М. И. Драгомиров, один из способнейших русских генералов, привычный алкоголик и остряк, старавшийся подражать Суворову лаконичностью своих приказов. Бывший киевский генерал-губернатор. Накануне японской войны советовал отдать Маньчжурию обратно, бросить Восточно-Китайскую железную дорогу и отойти с армией в исконные русские земли Сибири. Будучи скептиком и усталым человеком, не сделал ничего для того, чтобы разумный совет его был кем-нибудь принят ближе к сведению.

купки их изобретений Россией. Интендантское ведомство воровало безнаказанно, подготавливая провал японской войны и свой собственный. Словом, недостатки армии вполне отвечали самодержавному строю государства, а достоинства — общая повинность, короткий срок службы и т. п. — ему не соответствовали, делали армию ненадежной в политическом отношении, что потом и сказалось. Все это шло мимо глаз царя, словно пыль, поднимаемая эскадронами на парадном плацу. Он, царь, оставался во всем военном деле, как и на парадах, только машиной, произносящей одно слово: «спасибо».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Во флоте.— Развращение всей среды.—
Безответственность генерал-адъютанта.— Самодурства Константина.—
Великий князь Александр Михайлович и Кази.—
Их интрига.— Кастовый характер ведомства.— Непотизм.—
Перепроизводство морских офицеров.— Цензовая система.—
Хозяйственный способ постройки судов.—
Адмирал Верховский.— Частые крушения.—
«Русалка», «Гангут».— Заклепки.—
Невнимание ко всему этому Николая.—
Такое же невнимание его и во всех других отраслях
государственного хозяйства.

Еще хуже было положение флота. Находясь в течение полустолетия под совершенно бесконтрольным и безответственным управлением братьев-государей, он претерпел такое основательное разложение, что, по мнению немногих оставшихся честными адмиралов, исправить теперь уже ничего нельзя. Нужно переменить весь личный состав, а это равносильно уничтожению всякого флота лет на тридцать, когда образовалось бы новое поколение моряков. Пока живы были традиции парусного флота, он страдал от самодурства генерал-адмирала Константина, обладавшего нередкой среди Романовых двойственностью. На море и на суше это были два разных человека. В эпоху освобождения крестьян великий князь всецело стоял на стороне прогрессивных деятелей, окружавших царя, а в то же время во флоте секли и били матросов как никогда.

На душе Константина лежит и одно из самых нелепых крушений XIX века. Военный корабль вышел в кругосветное плавание из Кронштадта, не закрепив пушек, так как великий князь приказал сделать это на море. Но, спустя момент по выходе корабля, налетел легкий шквал, пушки с одного борта сорвались, перекатились к другому, и на виду у родных, махавших еще с пристани платками, стройный и изящный корвет перевернулся вверх килем, унося на дно несколько сот жизней. Позднее, при великом князе Алексее, когда корабли стали плавучими крепостями страшной ценности, около этих денег быстро развратилось все ведомство, где кастовый характер выражался еще сильнее, чем в армии. К тому же отдельные семьи сделались как бы монопольными поставщиками офицеров флота, почему и непотизм разросся до огромных размеров.

В то время великий князь Александр, один из сыновей Михаила Николаевича, служил во флоте. Беспокойная кровь, которую принесла в эту семью их мать, великая княгиня Ольга Федоровна, бывшая дочерью еврейского бан-

кира, и которая сказала в жизни и деятельности всех ее детей, заставила молодого князька пойти на удочку ловкого и умного интригана Кази, директора одного из судостроительных казенных заводов. Кази для лучшей обделки собственных затей хотел спихнуть путем разоблачений генерал-адмирала Алексея и посадить на его место неопытного и молодого Александра, которого рассчитывал подчинить своему влиянию, чтобы самому пройти затем в морские министры. Союзники выпустили для этой цели за границей памфлет, но из интриги вышло только то, что Кази получил отставку, а Александра перевели для «пользы службы» на второстепенный броненосец.

В противоположность армии, где никогда не хватало офицеров и где производились в них совершенно необразованные нижние чины и вольноопределявшиеся, флот страдал необычайным перепроизводством *. Было одно время, когда на трех матросов приходился один офицер. Естественно, что большинство проводило время на суше, стараясь ничего не делать и употребляя протекцию лишь для фиктивных зачислений на плавающие суда. Этим выполнялись условия плавательного ценза, а кстати, и жалованье усиленное получалось, как на море. Таким образом, и молодые мичманы успевали развратиться задолго до получения сколько-нибудь ответственных мест, и когда добирались до них, то взяточничество, растраты, недобросовестное отношение к обязанности и карьеризм были им родственны **. Отдельные меры не приводили ни к чему, зло оставалось всеобщим.

Так, еще при Александре III адмирал Верховский выпросил разрешение строить суда

* Корабельные офицеры были непричастны к строительным кредитам. Неверно также сообщение о перепроизводстве морских офицеров — их всегда не хватало.

** У строевых офицеров иногда случались растраты, но взятки им никто не давал.

хозяйственным способом, сдавая с торгов отдельные работы по сооружению. Подрядчики, которые львиную долю подрядной суммы отдавали строителям и светским адмиралам в виде взяток и которые сами должны же были что-нибудь нажить, брали таких рабочих и допускали такие отступления от условий, что броненосцы начали выходить с верфей вполне готовыми к путешествию на морское дно. Действительно, ряд крупных аварий и крушений ознаменовал переход к хозяйственной системе. Впрочем, и прежние суда были немногим лучше, если только сооружались в России. Достаточно было задуть свежему ветру, чтобы броненосцы типа «Русалки» перевертывались и гибли. Малейшая царапина кия о подводный камень разворачивала днище на несколько сажен, и десятиллионные великаны на глиняных ногах шли ко дну, как «Гангут». Когда во время стрельбы у острова Крита на «Сысое Великом» разорвали орудие и повреждения заставили ввести этот «новейший» броненосец в док Тулона, обшивку судна без слов рассказала французским инженерам о государственном строе, при котором только и могут твориться такие преступления. Из сотни заклепок металлических было не более двадцати пяти, остальные состояли из деревянных пробок, тряпок, наконец,— просто суриковых шляпок, имитировавших округлые концы заклепок *.

Лейтенант Долгобородов рассказывает, что, когда он вел из Петербурга в Кронштадт только что спущенный на воду миноносец, этот последний на середине дороги вдруг почувствовал желание нырнуть на дно. С трудом дотащили обновку до кронштадтской гавани, где она благополучно и затонула. Но еще на пути водолазы успели вытащить штук двадцать стеариновых свечей, которыми был заклепан миноносец. Лейтенант представил их при рапорте своему начальству. Через некоторое время был вызван и сам Долгобородов, но не для крепкого рукопожатия благодарного адмирала, а для предложения взять обратно свечи и рапорт или выйти в отставку. Он взял рапорт обратно, что было недобросовестно, но понятно в человеке, всецело зависевшем от жалованья. На японской войне Долгобородов отличился выдающейся отвагой и, вернувшись домой почти без ног, был назначен в свиту к Николаю, которому, надеемся, и расскажет когда-нибудь о том, как строится флот Его Величества **.

* Относительно заклепок большое преувеличение. Они были сделаны с грубым нарушением технологии — не стальные, а свинцовые.

** Долгобородов в свиту не включался.

Великий князь Алексей Александрович, развративший все морское ведомство, глубокий алкоголик; в день цусимского поражения спокойно разъезжал по Петербургу. Связь его с Балетта, актрисой французского театра, была общеизвестна, и великий князь не считался с необходимостью соблюдать какой-нибудь декорум. Под конец жизни мало что понимал.

То обстоятельство, что даже III Государственная дума систематически отклоняет ассигновки на постройку нового флота, лучше всего характеризует его состояние *. Но и в крупном, как в малом, человек остается верен себе. Николай, который не имел никогда мужества покерать ни одного из ведомых ему самому казнокрадов и продолжал навешивать ордена на строителей броненосцев, которые тонули, и зданий, которые его самого возмущали, как петербургская консерватория, Николай прикрывал собой воровское морское ведомство и так противился сенаторской ревизии, как

* В конечном счете ассигнования на флот, утвержденные Думой, достигли 500 миллионов рублей (Шацкило К. Ф. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны. М., 1968. С. 77, 158—159).

будто она и его самого грозила скомпрометировать.

Первого Николая боялись, но обманывали. Затем боязнь последовательно из царствования в царствование уменьшалась, а обман прогрессировал. Второго Николая не только не боялись, но смеются над ним ближайшие же советники и слуги, а общее воровство

в империи приняло геометрические размеры. Но человек, защищавший от изгнания из Думы государственного изменника Шмита, продавшего секрет флота и приговоренного к лишению прав,— такой человек сам подготовил себе неуважительное отношение подданных. Ему суждено было, впрочем, опуститься еще ниже.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В администрации.— Губернаторы.— Их подготовка.—

Безответственность. Протекция.—

Общее разращение на принципе — «рука руку моет». —

Назначения военных на административные места учащаются.—

Способности и знания губернаторов.— Взятчники.

Всякое хозяйство, за которым хозяин не может присматривать сам, неминуемо переходит в распоряжение доверенных людей, и, чем больше их, тем значительнее убытки. При расширении такой системы владельцу грозит настоящее разорение.

Эта элементарная житейская истина относится и к государству, где управление централизовано. В России доверенными людьми издавна были губернаторы, первая и важная инстанция на пути от престола к населению. По смыслу закона они должны были подчиняться государю, но практика обратила их в простых чиновников министерства внутренних дел, и министр является фактическим начальником их. Необходимость согласовать действия местной власти с общей внутренней политикой как бы объясняла *volte-face* *, сделанную с губернаторами, а они, конечно, подчинились своей судьбе, сохранив в виде всеподданнейших ежегодных отчетов царю и фикцию непосредственного с ним общения.

В отчетах губернаторы опять же писали не то, что стали бы на их месте писать люди честные и не заинтересованные материально, а то, что соответствовало «видам правительства». Эти два сакраментальных слова постепенно заменили не только закон, но и царскую волю. Если последняя не соответствовала чьим-нибудь видам, то и не исполнялась. Правило и в крупном, и в мелком действовало одинаково, пока не кончилось дело тем, что царя перестали слушаться не только министры, но и мелкая чиновничья сошка. Так, когда адмиралу Рождественскому понадобился второй комплекс сигнализационных флагов для эскадры и он лично на то испросил разрешения царя, маленький чиновник сказал адмираль-

скому офицеру, сославшемуся на царский приказ: «Не будет флагов!» И их не было у Рождественского *.

И если бы какой-нибудь губернатор, даже любой из его подчиненных, сказал то же о личном царском распоряжении, то в его руках было бы и безнаказанное осуществление священной чиновничьей воли.

Зато министерский циркуляр был для губернаторов высшим законом. Здесь кончалось их собственное самодержавие и начиналось уничижительное рабство. Только совершенно безобразный юридический язык циркуляров и постоянное противоречие их с законами, а зачастую и со здравым смыслом вносили живописное разнообразие в отправлении губернаторской власти и приводили иногда к неурядицам, повергавшим самих министров в отчаяние.

Все эти причины заставляли обращать особое внимание на подготовку опытных губернаторов. Они изготовлялись в петербургских канцеляриях из воспитанников привилегированных учебных заведений, проходили некоторый стаж в великосветских гостиных и, почти ни разу не видавши ни губернского города, ни деревни, смело пускались управлять краями величиной с хорошее германское княжество, с населением, иногда не говорившим по-русски, с действующими сепаратными кодексами. — словом, в незнакомые места.

Но единства системы не было и в назначениях губернаторов. Вдруг царю приходило в голову поддержать дворянство. И предводители становились излюбленными кандидатами министра, заискивавшего при Дворе. Когда военные забрали там силу, губернаторы пошли назначаться из гвардейских офицеров.

* Флаги на кораблях по другим источникам все же были.

* Резкая перемена взглядов (*фр.*).

В годы революции Витте заготовил список прогрессивных кандидатов и т. д.

В общем, за все столетие не успели наладить губернаторского вопроса. Внутренняя политика менялась с каждым новым министром, а не новым царем, и колебалась от умеренного либерализма до самого беспробудного реакционерства. Впрочем, каково бы ни было направление, отличительной чертой, общей всем эпохам, оставалась фактическая безответственность губернаторов. Предвзятая мысль о безошибочности действий правительства не была чем-то искусственным, притянутым за волосы ради выгоды. Нет, она являлась логическим последствием перехода самодержавной власти к чиновничеству. Царь не может ошибаться и потому безответствен. Передав бюрократии свои прерогативы, он складывал к ее ногам и непогрешимость, и безответственность, сам за то становясь в глазах народа простым смертным, на которого падали упреки, негодование, ненависть его.

Министры, в свою очередь, должны были для своего укрепления передать безответственность на следующую ступень, и так она докатывалась до самых низов чиновничества. Организм последнего завершал свое развитие, делался неуязвимым и развешивал над покоренной страной свое знамя, на котором по справедливости надлежало бы изобразить две моющие друг друга руки.

Раз получив абсолютную власть, чиновничеству не было трудно установить такой порядок ее отправления, который гарантировал бы и долговечность. Жизнь изображалась на бумаге такой, какой хотел ее видеть данный министр, и для этого вовсе не нужно было давить на чиновничью совесть. Далекая от действительности, всякая канцелярия искренно могла считать себя добросовестной, ибо выполняла определенное поручение начальства, которое и несло ответственность за ее ошибки. Но так как и начальство исполняло лишь поручение, то ответственность восходила все выше и выше, пока не достигала министра. Последний же утверждал, что исполняет только волю монарха.

Итак, вся ответственность в действительности снова возвращалась на плечи царя, не давая уже ему прежнего места в управлении, гарантируя свободу действий чиновничеству, внося понятное разложение во все отправление государственной машины, последняя становилась игрищем страстей, влияний, злоупотреблений у ее котла безответственных механиков.

Такое положение не могло долго оставаться незамеченным.

Еще в расцвете эпохи Николая I носились в государственной атмосфере микробы разложения, незримые пока для масс, но очевидные для отдельных общественных групп. Севастопольская война была результатом разрушительной работы этих именно микробов. Временная очистка воздуха реформой 1861 года не была достаточна, и чиновничество снова одолело народ, чтобы в 1877—1878 годах опять разоблачать себя. Цареубийство 1 марта являлось поэтому прямым результатом отказа народу в либеральной реформе, а разгром России в 1904 году и революция 1905—1906 годов напомнили Николаю о его обязанности, а правительству о грозящей ему опасности еще настоятельней. Переживаемый теперь реакционный период не вносит уверенности в мирном характере предстоящей вспышки, так как никто, конечно, не сомневается в ее наступлении. Рано или поздно наступит она, но этот вопрос мы оставляем в стороне, возвращаясь к прерванному рассказу. Чувствуя себя свободнее в среде военных, Николай стремился устраивать своих полковых товарищей и на административные места. Следует, однако, признать, что военно-полицейский строй государства заставлял и предшественников Николая давать некоторые преимущества военным кандидатам на гражданские должности. Поэтому, например, в России все почти посты исправников, полицеймейстеров, станковых и урядников замещены бывшими военными. Но на губернаторские места и в сенат строевые офицеры начали попадать только при Николае II. Следствием этого было новое понижение административного уровня. Военные приносили с собой, правда, больше инициативы, но, основанная на невежестве и нежелании считаться с законами, она давала только отрицательные результаты. Один из любимейших ставленников Николая, тамбовский губернатор фон-дер-Лауниц, гусарский генерал, аферист и истязатель крестьян, рассердившись однажды на чиновника, ссылавшегося на закон, вскричал: «Да покажите мне наконец этот свод законов, на который вы постоянно ссылаетесь!»

И когда ему принесли шестнадцать толстых книг, губернатор безнадежно махнул рукой и подписал, не заглядывая в них, новое свое беззаконие. Между прочим, не имея представления ни о какой вообще систематизации, он удивлялся уменью своего помощника быстро ориентироваться в своде законов и был искренне уверен в том, что при всякой справке нужно перелистывать все шестнадцать книг.

Не лучше чувствовали себя в этом отношении и Нейдгардт в Одессе, Веретенников в Костроме, Джунковский в Москве, Толмачев

*Н. М. Богданович,
Уфимский губернатор,
убитый Герцуни (1903) по наущению Азефа ни за что
ни про что. Из мемуаров жандармского генерала
Новицкого явствует,
что убийства этого желал Плеве,
которому Богданович мешал на романтической почве.
Удивляться Плеве нельзя после того,
что известно о его переговорах с Судейкиным
насчет убийства
министра внутренних дел
графа Д. Толстого.*

*Н. В. Муравьев,
бывший министр юстиции и посол в Риме.
За 25 000 рублей вернул из Сибири сосланного по суду.
Брал и другие взятки;
так, выдвигал карьеры подчиненных
за дешево отдаваемые имения и т. д.
Умный, честолюбивый и талантливый человек;
мечте его стать во главе правительства
не суждено было осуществиться.
За 50 000 рублей он уступил графу Витте
свое право на поездку в Портсум
для заключения мира с Японией.*

в Одессе, Трепов в Киеве, не говоря уже о военных генерал-губернаторах. Среди них были и добросовестные люди, но почти неизменно добросовестности сопутствовала такая умственная ограниченность, что все дело бывало ею испорчено.

Взяточничество, эта общая болезнь русского бюрократизма, быть может, менее всего было развито в среде губернаторов. Правда, они очень произвольно распоряжались своими кредитами и охотно просили о сохранении исключительных полномочий, обычно подкреплявшихся лишними ассигнованиями. Не брезговали они, как князь Горчаков в Вятке, освещать электричеством свои дворцы за счет города или, как Офросимов в Калуге, продавать тому же городу свою мебель при переводе в Петербург. Но открытым взяточничеством отличались немногие губернаторы, и, не имея

в виду никаких разоблачений, мы не упоминаем известных нам героев лихоимства.

Ежегодно в определенный месяц в министерстве внутренних дел сосредоточивались первые экземпляры всеподданнейших докладов губернаторов. Царю надлежало прочесть вторые экземпляры, сокращенные и приносившие к «видам правительства», посылавшиеся непосредственно ему, по крайней мере, сделать вид такого прочтения. Но человеческих сил не может хватить для подобного подвига. И вот снова приходилось царю полагаться на министра, представившего сводку всего материала, составленную под нужным ему углом зрения. Для отвода глаз в отчетах отмечались отдельные места, и царь охотно упражнялся в лаконизме на полях бумаги. «Отрадно», «приятно», «жаль», «неужели» и тому подобными пометками пестрели губернаторские отчеты, которые

писались по большей части правителями их канцелярий. Наиболее же часта была пометка Николая: «Прочел с удовольствием».

Эти три слова сделались в России такой же поговоркой, как «бессмысленные мечтания», «долгой самодержавие» и тому подобные ходовые возгласы последнего времени.

Отметки доводились до сведения счастливых губернаторов, которые, будучи рабами министра, любили утешать себя и других указаниями на службу «государю», «моему государю», «царю-батюшке». К нему они чаще обращались в случаях грозивших им отставок, если находилась только придворная протекция, а это не было редкостью, так как та же протекция бывала обычно и причиной назначения на должность.

В известных «Записках губернатора» князь Урусов, член I Думы, откровенно рассказывает о том, как, только едучи на службу в Кишинев, он в вагоне стал знакомиться с законами и своими будущими обязанностями. Между тем он получил одну из самых ответственных губерний. То обстоятельство, что этот губернатор не довел Кишинев до нового еврейского погрома, указывает только на его способности и честность, качества, редко совмещаемые у русских администраторов. У большинства из

них не бывает ни способностей, ни опыта. Дело в том, что министерство именно в том и заинтересовано, чтоб его первая инстанция состояла из безличных, склонных к послушанию чиновников. Всякая губернаторская инициатива грозит заботами и неприятностями, таких губернаторов торопились убрать, как, например, Косича из Саратова.

Таким образом, внутренняя политика реально сосредоточивалась в руках министра, но делала его совершенно неспособным что-нибудь создать. Разросшаяся и территориально, и численно империя требовала гения, которого при современных условиях бесполезно было ожидать. Поэтому дела шли год от года хуже, и все направлялось не к тому уже, чтобы хотя медленно, да подвигать вперед колесницу государственного управления, а чтобы удерживать ее естественную инерцию, парализовать ноги коней, тормозить колеса. В этом направлении искусство правительства достигло настоящей виртуозности. Но и оно не могло спасти его от краха. И только разрозненность общества после революции и отсутствие материальных средств в руках рабочих масс могли укрепить чиновничество, вновь отсрочив его крушение на известный промежуток времени. Этим попутно закреплялось и положение царя.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Юстиция.— Крушение заветов 1864 года.—

Деградация принципов правосудия.— Манасеин.— Муравьев.—

Манухин.— Его мнение о наказании убийцы великого князя Сергея.—

Акимов.— Дело Ермолова.— Щегловитов.—

Разложение нравов судебной магистратуры и самих судей.—

Сенат. Судейская несменяемость.—

Новое поколение юристов.— Бегство в адвокатуру.—

Создание особого типа обвинителя и защитника по политическим делам.

Судьба, видимо, благоприятствовала Николаю, откладывая кризис и словно давая опомниться ему и его правительству. Мало того, она оставляла в их руках аппарат, правильное функционирование которого могло принести неисчислимую пользу абсолютизму, если бы он только совмещался с ним. Таким аппаратом была русская юстиция, в 1864 году поставленная Александром II на небывалую до того высоту. Суд присяжных в высшей степени уживался с юридическим темпераментом народа, а приток в судебное ведомство лучших интеллигентных сил того времени сразу дал тон и всей последующей его деятельности.

Нужно было употребить почти невероятные усилия, чтобы испортить великую реформу, развратить лучшую отрасль управления, но

русское чиновничество не остановилось перед такими усилиями, и уже реакционный период Александра III дает нам на посту министра юстиции реакционера Муравьева, которому ум, карьеризм и беспринципность давали в руки все козыри для ведения игры наверняка. В сравнении с ним даже Манасеин, предшественник по министерству, казался либералом, да едва ли не казался таким и преемник Манухин. По крайней мере, когда Каляев убил великого князя Сергея, Манухин очень убедительно просил Николая о даровании преступнику жизни. Он, видимо, считался с общими условиями того времени, правильно оценивая общественное настроение. Но Николай, обуреваемый своей врожденной мстительностью, отказал. Он лишился в лице своего дяди лучшей опоры.

Впоследствии, когда и другой столп реакции, великий князь Владимир, сошел в могилу, генерал Данилов, бывший командир гвардейского корпуса и довольно близкий к Николаю человек, говорил: «Государь никому теперь не верит. После смерти Владимира Александровича он считает, что возле него остались одни революционеры. Да, да, он и Константина Константиновича, и даже принца П. А. Ольденбургского называет революционерами».

Такое настроение не могло не сказаться и на отношении Николая к судебному ведомству, продолжавшему еще руководствоваться законом и народной совестью. Но министры юстиции могли охранять свое влияние, только подлаживаясь к царскому образцу мыслей, а потому настойчиво проводили новые требования среди своих подчиненных. Попыткой помиловать без суда полицейского офицера Ермолова, убившего в Москве безоружного доктора, помогавшего раненым на улице, и притом убившего его в доме выстрелом в спину, словом, попыткой помиловать одного из гнуснейших убийц Николай ясно выразил общее направление своих желаний. Министру стоило немалого труда доказать невежде-царю, что помиловать никогда не будет поздно, но что отменять суд, когда наследниками убитого (приват-доцента Московского университета Воробьева) предъявлен гражданский иск, — значит подорвать всякую юстицию в корне. Упрямый царь покорился. Ермолов держал себя на суде вызывающе. Наказание — три года арестантских рот было заменено ему монархом несколькими днями ареста, после которого убийца получил новое повышение по службе и перевод в Петербург, поближе к особе Его Величества. Тут же можно было предсказать будущее отношение царя к погромщикам и убийцам из «Союза русского народа».

В лице Щегловитова он нашел деятельного сотрудника по реакции. Если Муравьев выживал из ведомства старых юристов и заменял их своими креатурами, если Акимов не стеснялся говорить следователям по аграрным делам, что «от них самих зависит обратить невыгоды командировки в выгоды», намекая на желательное направление следствий, то Щегловитов не только откинул в сторону всякие стеснения, но и оформил свои взгляды с неслыханным цинизмом, заявив с думской трибуны о нежелании считаться с законом.

Политика водворялась таким образом и на место юстиции, как давно уже пребывала в министерстве внутренних дел. К немалому изумлению общества, сенат с большой готовностью разделил направление генерал-прокурора и, начав с так называемых «разъяснений» избирательного закона, в короткое время опустился до степени простой рептилии, исполняющей волю министра. При таких условиях и несменяемость судей должна была неминуемо обратиться в фикцию, и позднее мы увидим удивительные по откровенности удаления неугодных царю (сенатор Арнольд), министру (председатель Московского суда Н. Давыдов) и просто губернатору (председатель Томского суда Витте) судей.

Разумеется, среди магистратуры нашлось из нового поколения юристов довольно охотников делать карьеру на поводе у Щегловитова, но все прогрессивные силы ведомства начали переходить в адвокатуру. А так как поводом к бегству была политика, то не замедлил создаться как бы особый класс политических защитников, в противовес коим выдвинуты были специально натасканные прокуроры.

Богине правосудия ничего не оставалось, как уйти, забрав с собой свои весы и оставив произволу вершить ее дела.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Печать. — Рептилии. — «Московские ведомости».

Катков. — Петровский. — Грингмут. — Лев Тихомиров. —

Суворин. — Ухтомский. — Мещерский. —

Отношение царя к рептилиям. — Юбилей «Московских ведомостей».

Подарок царя бывшему революционеру. —

Проблески будущего черносотенства.

Сократив, по возможности, проявления общественной совести в судах, правительство оставалось теперь наедине с общественным мнением, выразившимся в прессе. Этот враг поддавался, к досаде министерства, труднее. Здесь не место для исследования причин, приведших

к традиционной независимости и неподкупности прогрессивной русской прессы, для нас достаточно установить этот, впрочем, общеизвестный факт.

В руках власти были лишь два средства воздействия на такую печать, и оба издавна поль-

*Грингмут, Карл-Амалия,
«истинно русский» немец,
редактор «Московских ведомостей»,
глава московских погромщиков, умевший
тянуть деньги из казны, но не принесший
правительству по бездарности
и презрению к себе общества никакой пользы*

*А. С. Суворин, редактор-издатель «Нового времени»,
способный журналист, без убеждений,
типичный флюгер, переходящий от черного к белому
и обратно без малейшего размышления.
В высшей степени соответствует чиновничьему строю,
полуофициозом которого его орган считается.
Недавно праздновал 50-летие своей деятельности.*

зовались одинаковым неуспехом. Ни репрессии по адресу враждебных журналов, ни своя собственная рептильная пресса не оказались способными задавить голос общества, бывший, опять же нужно сказать, всегда умеренным. Но, кажется, в этой скромности стремлений и лежала причина устойчивости, с которой тщетно воевало правительство. Много лет назад оно имело в лице известного публициста, изменившего своим прежним либеральным принципам, Каткова довольно серьезного союзника. «Московские ведомости» начала 80-х годов сумели использовать акт 1 марта в интересах нового политического курса и создали себе известный круг читателей, который при следующих редакторах (неизменно получавших субсидии от казны): бездарном Петровском, нечистоплотном Грингмуте, тупом Будиловиче и изменнике Тихомирове — таял не по дням, а по часам.

Столпом реакционной прессы оставалось одно «Новое время» Суворина. Но способность этого органа менять свои мнения в полную угодку всякому начальству создала ему неуважение даже и в чиновничьих кругах. С ним считались лишь как с полуофициозом. Остальные органы, вроде «Петербургских ведомостей», сданных на кормление князю Э. Ухтомскому, царскому товарищу по путешествию, или «Гражданина» князя В. Мещерского, талантливого журналиста, но беззастенчивого лгуна и сплетника, еще более известного своим порочным образом жизни, за который его неоднократно били, — такие газеты всегда дышали только на субсидии, не имея вовсе читателей. При губернаторах издаются еще губернские ведомости, подписка на которые обязательна для чиновников и

органов крестьянского и земского самоуправления.

Влияния на жизнь вся эта пресса решительно не имела, что и заставляло правительство все более и более переносить внимание свое на репрессии против печати оппозиционной. Сравнивать, однако, положение ее до и после революции не приходится. Это — пресса двух разных исторических периодов. Несмотря на неслыханное и незаконное отношение последних лет, прогрессивная печать имеет возможность, благодаря наличности Государственной думы, говорить теперь о вещах, о которых и при лучших цензурных условиях дореформенного периода думать не смела.

Но как тогда, так и теперь органы этой печати не доходили до Дворца. Цари читали или проглядывали отметки, делавшиеся для них в «Новом времени» или «Гражданине», Николай же и такому чтению уделял мало времени, занятый играми с детьми, поддержанием живых сношений с черными сотнями и частыми докладами министров.

Он не упускал, однако, случаев поощрения рептильной печати. Так, в день 150-летия «Московских ведомостей» он послал Грингмуту милостивое поздравление. А его заместителю, Льву Тихомирову, перекинувшемуся из революционеров в реакционеры, подарил даже чернильницу с традиционным двуглавым орлом, на сей раз как бы символизовавшим две карьеры Тихомирова.

Будущая черносотенная пресса еще не существовала и лишь намечалась.

*Князь Г. Львов, главный инициатор и руководитель общеземской организации помощи раненым на войне и продовольствия переселенцев.
Член I Государственной думы*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В земствах.— Усиление административного гнета.—
Неорганизованность реакционеров-гласных помогает
сплотиться прогрессивным земским элементам.—

«Союз освобождения» начинает подсказываться общей конъюнктурой.

Была еще одна фабрика общественного мнения — земские учреждения. Ежегодно собирались люди, уже по одному названию своему — земские гласные — бывшие глубоко подозрительными Николаю. *Земство* — это антипод чиновничества, а *гласность*, зачем она нужна для благоденствующих подданных? Такое отношение к земству, которое еще Александр III неоднократно проявлял в своих отметках на отчетах губернаторов, не было оставлено без внимания правительством. Хотя оно было очень заинтересовано в хозяйственном процветании центра России, видимо начинавшего хиреть, и хотя сознавало, что поднять его может только расширение компетенции земства, все

же политические соображения взяли верх. Несмотря на реформу 1890 года, отдавшую земство во власть губернаторов, последние получили определенную инструкцию всячески тормозить развитие тех сторон земской деятельности, которые могли увеличивать оппозиционность населения. А так как не было ни одной отрасли земской работы, где бы она не опиралась на вольнонаемных служащих, учителей, агрономов, врачей и статистиков, то все дело в короткое время стало и развиваться дальше не могло. Право неутверждения служащих привело к такому упадку хозяйства, а кое-где и к развитию настоящих гнезд эпидемий и эпизоотий, что весь центр России оскудел,

и это обратило наконец на себя внимание правительства. Впоследствии те же причины заставили Витте созвать местные совещания, сыгравшие весьма полезную роль для недалекого уже освободительного движения.

Не менее беспокоили министерство и те выступления земств, где они являлись филантропами, например при организации помощи голодающим. Здесь тоже чинились всякие препятствия, а продовольственное дело (помощь при неурожае хлебов) было вовсе изъято из рук земства. Все это не могло не заботить прогрессивных земских гласных, и обмен мнений между ними невольно должен был сводиться к тем общим причинам, что вызывали всем им равно досадные дефекты земского дела. Так возникала понемногу та солидарность во взглядах, которая потом, когда всякий поневоле сделался политиком, сплотила земские голоса, положила начало и «Союзу освобождения», и земским съездам и вообще помогла выполнить историческую роль земства в первый революционный период. Что касается до reactionеров,

то они в то время были совершенно несогласованны, держались порознь, пугливо сторонились всякого намека на политику и начинали постепенно терять способность ориентироваться среди надвигавшегося хаоса событий.

Плеве, в бытность свою министром, учитывал это настроение, принимал самые решительные меры, до сенаторских ревизий включительно, но момент был пропущен. Еще Плеве был жив, когда листки «Освобождения», органа «Союза», ввозились в Россию из Штутгарта в головах алебастровых царей и Венер и цвет русского земства съезжался в Москву для склонения на все лады ненавистного правительству слова «конституция».

Губернаторы оказались бессильны удержать дырявой сетью репрессий поток живой воды, и она проложила себе русло мимо них, мимо Плеве и царя, к Государственной думе, завершившей собой недолгий, но бурный период первой половины царствования Николая. Немудрено, что ненависть к земству живет в нем сильнее других чувств.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Первые проявления брожения.— Рабочие.— Студенческие волнения.—

У Казанского собора.— Князь Вяземский и генерал Клейгельс.—

Печать.— Террор снова усиливается.—

Карпович открывает серию министерских убийств.—

Покушение на Победоносцева.— Тупая политика правительства.—

Польский вопрос.— Поездка царя в Варшаву.—

Финляндский вопрос.— Бобриков и его мнение о финляндцах.—

Убийство Бобрикова.— Культ Шаумана.— Кавказ.— Голицын.— Величко.—

Армяно-татарская распря.— Раздача нефтеносных земель.—

Чиновничье землевладение.— Падение русского престижа на Кавказе.—

Батум.— Духоборы.— Их выселение в Северную Америку.—

Участие в этом деле графа Льва Толстого.—

Старообрядчество.— Насильственное крещение детей старообрядцев.—

Рогожское кладбище.— Повсюду сеется раздражение,

но пресс продолжает завинчиваться.—

Принцип самодержавия начинает колебаться в народе.—

Продолжительность отождествления чиновничества с царем

и его возможные последствия для династии Романовых.

Довольно пробыть один день в семье, покой которой тронут взаимным раздражением ее членов, чтобы уловить признаки начавшегося разложения сквозь толщу внешних приемов буржуазного света. Довольно было прожить в России первые пять лет царствования Николая, чтобы безошибочно определить степень недовольства в населении, брожения в интеллигентской среде, растерянности администрации, раздумья высших сфер, обособленности царя.

С 1899 года начинается уже ряд явлений, последовательное накопление которых должно было логически привести в течение ближайшего же пятилетия к первому серьезному взрыву.

Волнения начались почти одновременно в рабочих и студенческих сферах. И гораздо раньше Россия видала такие беспорядки. Достаточно вспомнить стачку сорока тысяч рабочих Морозовской мануфактуры или еще более известное избивание демонстрировавших студентов Московского университета мясниками

Охотного Ряда (центральный рынок Москвы). Но эти и подобные им вспышки носили спорадический характер, вызывались случайными поводами и не находили широкого отклика в других городах, районах и школах.

Теперь картина резко изменилась. Одновременное увлечение интеллигенции и рабочих марксизмом, словно воскресшим после долголетней спячки, было вызвано стихийными причинами. Мысль наиболее подвижной и умственно и физически части народа не случайно фиксировалась на доктринах, шедших в диаметрально противоположном направлении со всей внутренней политикой русского правительства. Инерции реакции была противопоставлена инерция поступательного движения. И так как последнее всегда было жизненное и ему не доставало только организованности, то устранение последнего недостатка делало кризис неизбежным.

Инстинктивное ожидание такого кризиса и становится основным тоном общественного настроения второй половины 90-х годов.

Социал-демократическая пропаганда широкой волной вливается в высшую школу, фабрики и заводы, затрагивает даже деревню, куда на летние месяцы возвращается для полевых работ большая часть русских рабочих, и объединяет рабочую и интеллигентскую молодежь в желании чаще и резче проявлять воле свои чувства и солидарность. Стачка фабричного района волнует университет ближайшего центра, студенческие волнения откликаются на заводах и фабриках. Но и само общество, все еще недостаточно сдвинувшееся с узкой позиции, на которую его загнала реакция, начинает по-иному относиться к новой форме движения, открыто высказывая свои симпатии стачечникам и демонстрантам. Даже чопорный Петербург меняет свою физиономию. Так, известная демонстрация студентов у Казанского собора, когда генерал Клейгельс, сидя верхом на коне и размахивая по воздуху саблей, вел в атаку на безоружную толпу молодежи казаков и жандармов, заранее спрятанных во дворе поповского дома, демонстрация эта глубоко потрясла столичное население. А благородный поступок князя Вяземского, пытавшегося защитить от наскока градоначальника студентов, столпившихся возле него, горячо одобрялся даже и в некоторых великосветских кружках. И, несмотря на то что всем было известно, что Клейгельс не более как вор, а Вяземский — человек, по крайней мере, честный, царь отстранил последнего на один год от присутствования в Государственном Совете, а на его место назначил заведомого обманщика и преступника Клейгельса.

*Последние «шлессельбуржцы».
П. В. Карпович,
убивший министра народного просвещения Боголепова
(р. 1875)*

Это и подобные ему события разносились далеко по стране, комментировались в земских, даже крестьянских кругах, понемногу вырабатывали однородность суждений о царе его подданных. Печать все еще безмолвствовала, а если и говорила об опасных в цензурном отношении вопросах, то таким эзоповским языком, который далеко не всем был понятен. Эта вынужденная скромная роль прессы в подготовительный период революции должна была печально отразиться и на будущем движении, так как вся организация общественных сил пошла по подпольному пути, следовательно, медленно и с наклоном к неправильному учету сил. Но развитие оппозиционности не могло от этого прекратиться, ибо само правительство восполняло своими актами недостаток возбудителей в среде народа ¹.

Оживление шло повсеместное, и там, где сосредоточивались наиболее активные силы

¹ Мы даем в приложении (VI) известный протест представителей петербургской интеллигенции против избиения на площади у Казанского собора. Подписавшие все подверглись репрессиям.

оппозиции, оно должно было сказаться и новым подъемом боевых выступлений. К таким именно явлениям следует отнести покушения на жизнь министра народного просвещения Боголепова и обер-прокурора синода Победоносцева. Нападения на лично честного Боголепова и престарелого «великого инквизитора» ясно указывают на степень брожения в учебных заведениях и в глубине страны. Боголепов умер от раны, Победоносцев остался жив. И, как ни печально по существу это явление, в огромных кругах населения определенно сказывалась радость по поводу успеха Карповича и печаль о промахнувшемся Лаговском. Никто, кроме родных, не пожалел министра, но царь, конечно, написал на докладе: «Незаменимая утрата», как всегда он делал при известиях о смерти выдающихся деятелей реакции. Он одобрял политику своего правительства, а оно из-за каменных петербургских громад продолжало не видеть жизни страны, давно походившей на встревоженный улей, только смутно улавливая ее непонятный шум.

Всегдашним результатом чиновничьего анализа общего состояния государства оказывалось в России подозрение окраин. Оттуда, из этих провинций, говоривших на чужих языках, молившихся чужим богам и не ассимилировавшихся ни на йоту с Великороссией, чудились ползущими на родину самодержавия глетворные влияния. Поэтому всякий раз, что внутри страны замечалось нарастание брожения, первой мерой правительства оказывалось новое давление на русские окраины. 90-е годы кончались при явном возбуждении великороссов, значит, за последних в первую голову должны были отвечать поляки, финляндцы, жители Кавказа. Умерщвлением жизни по окружности круга рассчитывали умертвить и самый центр.

В Польше почему-то продолжали рассчитывать на Николая. Поэтому, когда дипломатия польских магнатов добилась поездки царя в Варшаву, там сделали все возможное, чтобы достойно демонстрировать перед монархом и культуру польскую, и лояльность. Затрачено было до миллиона рублей на прием. Только царь съездил безрезультатно для себя и Польши: все осталось по-старому. Генерал-губернатор и губернаторы продолжали по-прежнему безуспешно русифицировать край, а попечитель учебного округа применял те же принципы на местной школе. Успех достигался обратный. Ненависть к русскому правительству доросла до того, что и весь народ русский стал отождествляться с чиновничеством. Сепаратистские стремления, при всей их эфемер-

ности, культивировались политикой, имевшей противоположные цели¹. Польша перестала думать об ослаблении режима и направила общественную мысль и дело на организацию того же движения, которое росло уже за ее русским рубежом. Окраины спаивались с центром довольно неожиданным для правительства цементом — общей к нему ненавистью.

У Польши оставался еще один, хотя и слабый повод утешаться в неуспехе своих скромных стремлений. Это — познанская политика прусского правительства. К тому же живущее поколение русских поляков забыло о временах автономности, притерпелось к современному режиму.

Не то было в Финляндии. Ее своеобразное положение в ряду членов государственной семьи тем более кололо глаза правительства, чем далее последнее уклонялось с пути законности. И, несмотря на очевидную безыгодность раздражения тихой и лояльной провинции, начиная с царствования Александра III и до воцарения его сына, не прекращалось враждебное к Финляндии отношение правящих сфер. Но Александр III любил задумчивые фиорды финского побережья, застенчивых белокурых детей, подносивших скромные букетики цветов его семье, располагавшейся на берегу, как дома. И соображения последовательного реакционера, каким был этот не вполне еще понятый государь, до известной степени умерялись интуицией меланхоличного туриста.

Николай оказался чужд такого рода эмоциям. Ловля лососей в устьях финских рек и плавание между скалистых островов залива ничего не оставляли в его душе, и чиновники могли свободно вкладывать в нее то понимание финляндского вопроса, которое подсказывалось их собственными соображениями.

Странная мысль — поднятие своего престижа за счет угнетения слабейшего соседа не давала покоя и находила поддержку даже в таких способных деятелях, каким, несомненно, был и финляндский генерал-губернатор Бобриков.

В один из своих приездов из Гельсингфорса Бобриков долго говорил однажды в нашем присутствии о финляндцах. Со стороны могло казаться, что здесь льется речь блестящего делегата финского народа, прибывшего в Петербург для защиты интересов своей родины, так горячо восхвалял генерал опекаемый им край,

¹ Самые прогрессивные русские круги высказались против отделения Польши и лишь за ее автономию. На краковских торжествах 1910 года этот вопрос повлек за собой словесную стычку между Серошевским и Ф. Родичевым.

его учреждения, культуру, население, нравы, природу.

«Так зачем же вы, Николай Иванович, ведете там политику, пригодную разве только для восставшей колонии?» — спросил его один почтенный земский деятель, старый консерватор и родственник Бобрикова. Последний молча развел руками.

В этом жесте можно было прочесть и то, что «таковы веления высшей государственной мудрости», и простое «творю волю пославшего меня».

В тот самый год, когда Николай, предвзято готовившийся уже почин германского императора, созвал первую мировую конференцию в Гааге, он же совершил над Финляндией акт, вызвавший глубокое негодование всего цивилизованного мира. 3 февраля 1899 года был издан манифест, за официальным названием коего «Об основных положениях составления, рассмотрения и обнародования законов, издаваемых для империи вместе с Финляндией» скрывалось прямое, грубое и непредотвратимое покушение на целостность финляндской самостоятельности. В марте прибыла оттуда депутация во главе с сенатором Мехелином для подачи царю прошения по делам Финляндии, но успеха, конечно, не имела. На финляндскую прессу, школу, на решения сеймов, на все проявления финляндской жизни установился один определенный взгляд, как на крамолу, направленную против России вообще и Петербурга в частности, и репрессии обычного типа посыпались одна за другой, как капли затяжного осеннего дождя. Результатом их были беспорядки в отдельных городах края, протесты (особенно по поводу уничтожения финских войск и нового закона о воинской повинности) и вообще подъем общего раздражения. Царская семья перестала высаживаться летом на финский берег.

Дальше больше. Губернаторы-финляндцы были заменены русскими. Сенатор Мехелин и многие другие были высланы из Финляндии, эмиграция и беспорядки усилились, новобранцы не являлись на службу. Наконец 3 июня 1904 года убит был генерал-губернатор Бобриков.

Одна из культурнейших европейских стран снизошла до террора, сравнившись только в этом со своей метрополией. Имя убийцы, сына сенатора Шаумана, покончившего с собой на той же площадке сенатской лестницы, где лежал труп врага его народа, сделалось в Финляндии предметом своеобразного национального культа, прочно связав в борьбе с общей опасностью недавно еще враждовавшие местные партии.

Только на Кавказе, в обстановке невысокой культуры и южных темпераментов, разрушительная политика правительства сопровождалась некоторым внешним успехом. Градоначальствующий Кавказа, князь Голицын, привезший с собой из Петербурга вместе с совершенным незнанием края полную готовность следовать предписаниям начальства и вдобавок литератора Величко, имевшего задачей способствовать в печати политике *divide et impera* (разделяй и властвуй. — *Пер. с лат.*), Голицын оказался на высоте своего призвания. Армяно-татарские отношения, и без того зависевшие от предвзятого взгляда мусульманского мира на эту способную и промышленную народность, не замедлили обостриться вследствие явного предпочтения, оказываемого Голицыным и его окружающими татарам Кавказа. И здесь, как в Финляндии, дело кончилось покушением на жизнь главноначальствующего, не сумевшего понять пагубности своего поведения. И, как нередко в то время бывало, курс правительства немедленно сделал скачок влево. Так, после убийства Бобрикова ослаблены были меры, принятые против печати, обществ, неоявлявшихся новобранцев; после демонстрации у Казанского собора Ванновский был назначен министром и получил рескрипт, признававший благовременность пересмотра университетского устава; после покушения на Голицына курс кавказского управления был также изменен влево.

Такого рода временные боязливые колебания не приносили ничего кроме вреда, свидетельствуя о внутренней слабости правительства и отсутствии в центре его всякой руководящей идеи. Крайние партии видели в них поводы для новых, уже не оправдывавшихся обстановкой выступлений, умеренные слои населения должны были рассчитывать только на самопомощь. Кавказские неурядицы осложнялись еще и материальными промахами казны. Так, богатейшие нефтеносные земли раздавались без торгов, в так называемых «*путях монаршего милосердия*» — странные слова, которыми прикрывают в России явные беззакония власти, — лицам из большого света или царской свиты. Только в III Государственной думе вопрос этот получил достойное освещение, и на нем потерпел фиаско quasi * - либеральный министр государственных имуществ Тимирязев, возведший в теорию стремление царя раздавать не свои земли приближенным богачам.

Кавказские земли вообще интересовали чиновничество. Когда принц Ольденбургский

* Почти (*лат.*).

и Витте устраивали кавказскую Ривьеру на Черноморском побережье, все лучшие участки были по дешевым ценам проданы чиновникам. Если б взглянуть на эти земли с высоты аэроплана, мы увидели бы своего рода «табель о рангах», демонстрированную парцеллами благодатной земли с субтропической растительностью: I класс у самого моря, II повыше и за ними, в горах, остальные двенадцать классов чиновничества.

Это стремление забирать земли было, впрочем, отличительной чертой чиновников-плебеев, родовитые дворяне и без того владели огромными латифундиями в разных местах империи. Довольно было прочесть списки высших чинов хотя бы одного министерства внутренних дел того времени, чтобы предвидеть будущее поведение бюрократии при оглашении аграрного законопроекта I Государственной думы.

Откровенное хозяйничанье русских на Кавказе и всякое отсутствие желания их ознакомиться если не с нуждами, то хоть с бытом Кавказа, привели, с одной стороны, к совершенному падению русского престижа, а с другой — к той своеобразной истории, которая разнесла славу русского варварства далеко по свету. Мы говорим о выселении духоборов. Семь тысяч человек трезвых, работающих русских, вносивших в край подлинную и благотворную ассимиляторскую струю, были выброшены за борт государства как негодный хлам только потому, что не признавали права убивать людей другого государства по приказу начальства.

В Америке, куда при деятельной помощи графа Льва Толстого и его друзей переселились кавказские духоборы, их сумели оценить по достоинству, и Канада, их приютившая, только стала богаче от новых трудолюбивых и религиозных колонистов.

Эта удивительная наклонность насильственного привития идеи государственного единства, которой отличаются все годы русской революции, логически должна была привести чиновничество и к религиозному преследованию всех, кто не разделял веры господствующей церкви. Не говоря уже о стеснениях, испытываемых издавна в России католической церковью, и подчинении, в котором находятся армянская, грузинская и другие автокефальные церкви, следует отметить систематическое преследование старообрядчества. Между прочим, и здесь наблюдалось то же оригинальное явление, что и с духоборами, старообрядцы в большинстве были богаче, трезвее и честнее чисто православного населения. И вот, чтобы принизить его до общего уровня путем подчинения

*Князь Г. С. Голицын,
бывший главноначальствующий гражданскою частью
на Кавказе, темный реакционер*

православному ведомству, Победоносцев принимает ряд мер совершенно незаконных, но диктуемых злобным сердцем обер-прокурора и одобряемых царем, для которого обряды церкви и попы доселе являются непререкаемыми авторитетами во всех вопросах совести.

Великий князь Сергей ретиво содействовал разрушительной политике сипода. Богатейшая из старообрядческих общин Москвы, так называемое «Рогожское Кладбище», была закрыта, храм ее опечатан, и чтимые членами ее святыни разбросаны по частным рукам. Подальше от центров дело шло еще проще, пока наконец не дошел до них шум о поголовном насильственном крещении старообрядческих младенцев в одной из приуральских епархий. На этот раз возмущенная общественная совесть заставила немного опомниться зарвавшегося обер-прокурора, и речь известного земского деятеля М. Стаховича на орловском миссионерском съезде о свободе совести послужила толчком к пересмотру и всей тактики сипода. До поры, до времени он как бы съезжился, и старообрядцы вздохнули свободней.

Нечего говорить, что всякий такой неуспех чиновничества, в какой бы области управления ни обнаруживался, сказывался и на настроении Николая.

Что было оскорбительно для правительства, то оскорбляло и его, зато все, что было в общей политике неумного, преступного, то в народе и обществе приписывалось отсутствию здравого государственного смысла и даже духовной испорченности монарха. История с отлучением от церкви Льва Толстого отразила в себе эти взаимоотношения с особой силой.

И мы не без умысла остановились несколько дольше на деталях чиновничьего управления, чтобы указать на пределы распространения недовольства, критицизма, простой злобы. От Або до Баку и от Варшавы до Владивостока — повсюду подданные русского царя терпели в своей жизни утеснения, отовсюду к нему продолжали еще по инерции тянуться депутации, жалобы, протесты. Но уже раз навсегда связав судьбу свою с судьбою чиновничества,

Николай твердо стоял на принятых решениях, и его курс колебался только тогда, когда убивали министра или другой какой-нибудь испуганный министр начинал склонять его к перемене. Вследствие этого в народе появилась новая, ранее казавшаяся кошунственной тема разговоров.

Царское самодержавие как принцип начало вульгаризироваться, колебаться. Видимое бессилие царя понималось как сознательное соединение его с опротивевшим народу чиновничеством, его кажущееся безволие трактовалось как скрывание злой воли. Трезвый инстинкт народа, создавшего государство под ферулой византийцев — русских царей периода собирания, подсказывал ему и те черты византизма, которые действительно были вкраплены в темперамент Николая, но которые теперь, в XX веке, могли только привести к гибели государства, если б дать им волю развиваться. И тягота чиновничьего ига понемногу сливалась с мыслью о тяготе для России династии Романовых.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Неведение еще царит в Петербурге. — Сипягин. —

Его личная дружба с царем. —

Личные средства не мешают обычному обращению с народными. —

Дверные ручки в министерской квартире. —

Проповедь самодовлеющей реакции. —

Упрощенное земское самоуправление. — Общая путаница. —

Губернаторские недоумения. —

Воссоздание опричнины. — Земские стражники. —

Убийство Сипягина. — Петербургское настроение в этот день. —

На него не обращают внимания.

Процесс просачивания в толщу народной жизни антиправительственных и антидинастических идей совершался, конечно, незаметно, следуя закону капиллярности. Поэтому тогдашнее петербургское равнодушие к тому, что происходило в народном самосознании, легко объяснимо, да и далеко не во всех интеллигентских центрах отдавали себе в то время ясный отчет о накоплении горючего материала в глухой провинции. Оптимизм, основанный на неведении, продолжал отличать акты и распоряжения высшей власти.

С водворением на посту министра внутренних дел Сипягина, личного приятеля царя и постоянного спутника его охот, этот оптимизм принял такие размеры, что реакция объявлялась уже как бы чем-то самодовлеющим, своего рода государственной доктриной. И казалось, что остается сделать еще два-три ма-

стерских удара кистью, чтобы картина полной победы бюрократизма, alias * самодержавия, была закончена. Легкость этого последнего маневра располагала министра к устройству своей квартиры вполне по своему вкусу. Будучи лично довольно состоятельным человеком, одаренным к тому же вкусом к вещам барского обихода, Сипягин входил в детальные указания архитектору. А так как дверных ручек в России не оказалось достаточно художественных, за ними был на казенный счет командирован за границу один из чиновников, которые в России так и называются «чиновниками для особых поручений»¹. Такое легкое отношение к на-

* То есть (лат.).

¹ Недурно и то, что министерская столовая была скопирована с московской Грановитой палаты, для чего командированы архитектор и чиновники на казенный счет.

родным средствам характерно для многих министров. Так, и министр юстиции Н. Муравьев (впоследствии посол в Риме), за хорошие деньги возвращавший из Сибири сосланных по суду и за земли дававший высокие назначения, истратил на «ремонт» своей квартиры, бывшей, понятно, в полном порядке, 60 тысяч рублей.

Итак, Сипягин покойно вертел новыми ручками. Для страны у него были готовы два проекта, об одном из коих, упрощенном земстве, говорилось выше. Другой, не менее простой, заключался в восстановлении института, изобретенного еще Иваном Грозным, именно опричнины. Сипягину казалось, что если атрибуты опричника XVI века — собачью голову и метлу — заменить ружьем и нагайкой XX, то и самый страж самодержавия от нападения земщины примет европейский облик. Но народ не дал провести себя, и за «земскими стражниками», введенными для пробы в наиболее беспокойных губерниях, так и осталась стародавняя кличка «опричников». Деньги в размере миллионов рублей, которых не находилось для народного просвещения, нашлись для полицейского наблюдения за народом. Разумеется, что с введением нового института циркуляры губернаторам еще участились, общая путаница возросла, число недоразумений, побоищ, убийств также.

Но Сипягин не успел даже удивиться этому. Только что собрался он для демонстрации насажденного им благоденствия созвать какой-то чиновничий съезд, как 2 апреля 1902 года студент Балмашов совершил над ним самосуд.

И вот что поучительно: Петербург, сухая штаб-квартира бюрократизма, ясно радовал-

*С. В. Балмашов,
убийца Сипягина,
министра внутренних дел (р. 1881).
Казнен в 1902 году.*

ся убийству и похороны Сипягина забавляли толпу, а не устроили. Но на это явление в высших сферах снова не обратили никакого внимания. Реакция должна была еще сыграть один акт старой пьесы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Без колебаний.— Назначение В. Плеве.—
Его характер и темперамент.— Охрана министра.—
Жалованье.— Плеве забирает силу.—
Отношение его к Государственному Совету.— Отношение к земству.—
Неутверждение Д. Шипова.— Ревизии Зиновьева и Штюмерера.—
Подбор губернаторов.— «C'est à en pleurer!» *—
Выплывают герои безвременья: Гурко, Стишинский, Шванебах.—
Их идеолог С. Шарапов.— Общество «Пахарь».—
Типичный продукт разложения нравов.— Реакция усиливается.—
Плеве понимает опасность положения.— Борьба с С. Витте.—
Креатура Вышнеградского.— Кто пишет рескрипты?

Почти непосредственно после смерти Сипягина был назначен преемником ему Плеве, словно только и дожидались случая выдвинуть

этого человека. На самом деле всех нетерпеливее дожидался этого случая он сам. Как некогда раньше член Государственного Совета Куломзин, так в описываемую эпоху Плеве числился постоянным кандидатом на различ-

* «Это плачевно!» (фр.)

ные министерские посты. Но инстинкт заставлял его не выказывать до поры до времени своих стремлений, и он довольствовался ролями товарища министра внутренних дел, а затем государственного секретаря. Сохранив наилучшие связи с департаментом полиции, в котором он частью сам прошел, частью преподавал курс политической провокации, Плеве был всегда в курсе дел, касались ли они революционной работы подполья или придворных и министерских интриг. Стоя навзгяду перед царем на заседаниях Государственного Совета, он пронизывал его своим острым взором в то время, как отточенные периоды бюрократической речи сами собой укладывались стройными рядами в рассеянном мозгу Николая. Заседающие по обе стороны монарха министры и первые чины государства слушали в гробовом молчании доклады государственного секретаря, но сквозь почти телные физиономии и позы их ясно сквозила затаенная мысль: «Куда метишь, голубчик?»

Плеве метил не только на управление министерством внутренних дел, но и на самое спасение Руси от надвигавшейся смуты и на самодержавную власть, которой должно было компенсироваться это спасение. Вспоминая сорвавшееся покушение на графа Толстого, подготовляя убийство человека, несколько мешавшего его любовной связи, перебирая в памяти наиболее выдававшихся агентов-провокаторов департамента, министр был полон всякими комбинациями и решениями. Сын бедного калужского аптекаря, ногами месивший грязь большой дороги, возвращаясь с каникул в университет, он знал изнанку жизни и хотел теперь использовать ее казовую сторону. Плебей, он затаил навсегда презрение к родовитости и любил ставить глуповатых предводителей дворянства и губернаторов в неловкое положение умышленно недоступными им вопросами. Хороший юрист, он знал цену облику закономерности, хотя бы она прикрывала, как венецианские дворцовые фасады — грязь каналов, гнусную грязь провокации и предвзятых ревизий. Умный администратор, наконец, Плеве притворялся перед всяким нужным ему человеком искренним слугою родины и народа и любил в таинственных выражениях обнаруживать якобы таившиеся в нем залежи либерального золота, на деле бывшего лишь серным колчеданом.

Словом, это была нешаблонная, сложная натура, на голову превосходившая всех влиятельных членов правительства. И только Витте мешал ему на дороге к безраздельной власти над Россией и царем. Это была драгоценная жизнь, и на охрану ее не следовало жалеть ни денег, ни людей. Министерский дом и улицы,

отделявшие его от Государственного Совета, дворцов и вокзалов, закишели агентами охранного отделения. Велосипедисты, шмыгавшие около кареты министра, приличные молодые люди, на рысачках следовавшие впереди или сзади ее, случайная публика, окружавшая Плеве на ступенях дебаркадера, — все это были чины охраны, в общей сложности стоившие стране сотни тысяч рублей за всякий год министерской жизни. При этом лично Плеве не был трусом и любил обуславливать свои обещания стереотипным: «Если завтра буду жив».

Вознаграждение министра достигало почтенных размеров. Будучи неподкупным и ничего ранее не скопив, он оставил своей семье за два года службы до 150 тысяч рублей.

В сферах, где протекала подготовительная часть работы Плеве, нетрудно было забрать силу. Ум, беспринципность и ловкость хищника обеспечивали здесь успех всякому, в ком эти качества сочетались. Легкость, с какою Плеве преодолел обычные в начале такой карьеры трения, располагала его даже к нескрывавшемуся неуважению к окружающим, которое выливалось подчас в довольно резкие определения.

«Государственный Совет — это просто стадо валухов» (быков, оперированных для увеличения мясистиости), — любил он говаривать о высшем органе правительственной власти. И он обращался с этим стадом, в котором было немало почтенных людей, с аллюрами грубого пастуха, гонящего скотину туда, куда хочется.

Само собою разумеется, что весь административный аппарат был в руках Плеве лишь безмолвной пружиной, передававшей в страну малейшее движение твердой и властной руки. И наличность в тридцати четырех губерниях центра органов самоуправления оказывалась единственной помехой закрепощения бюрократическому Молоху всей народной жизни. Эту помеху надлежало поскорее удалить, потому что из земских кругов уже поднималась туча, заслонявшая всесильному министру чистый дотол горизонт его государственного идеала. Здесь нечего и некогда было рассуждать о практических последствиях сокращения земской компетенции. Сначала следовало снести негодную постройку, а там оставалось довольно времени обдумать, чем заменить ее. Но Плеве был далек от простоватых ухваток своего убитого предшественника. Прежде чем уничтожать земство, нужно было доказать его разложение, ненужность, злобредность. Достаточно, казалось, послать двух-трех надежных ревизоров, чтобы нарисовать перед царем и Государственным Советом такую безотрадную карти-

ну, какая сама натолкнула бы их на смертельный удар лучшей реформе Александра II. Сам Плеве остался бы в стороне, он даже вздыхал бы о конце земства, приговаривая при встрече с бывшими земцами: «Tu l'avoulu, Georges Dandin!» *

Таковыми ревизорами были намечены Зиновьев и Штюмер, бывшие губернаторы и заведомые враги всякого самоуправления. Ревизором был, в сущности, один Зиновьев, как сенатор. Штюмер же получил особое высочайшее поручение расследовать делопроизводства губернских земских управ. Для этого он использовал свои связи с отбросами земских служащих, заложенные еще в прежней его службе председателем тверской управы по назначению от правительства. Три экземпляра этого расследования — образцового сыщицкого произведения — были назначены царю, министру и самому Штюмеру, но сделались известны и земским кругам. Но так как «на всякого мудреца довольно простоты» бывает, то и здесь дело сорвалось на грубости приемов перестаравшихся слуг. Общество насторожилось при одной вести о покушении на его любимое детище. Всякий шаг ищек Плеве был испорчен тем, что нигде не оказывалось почвы, которую можно было бы подготовить для симуляции непригодности земства. Чиновничество в своей вражде к нему, но для этого и не стоило делать ревизий.

Раздосадованный первой крупной неудачей, Плеве ограничился мерами, которые только свидетельствовали о его собственном поражении. Он не утвердил в должности председателя московской губернской земской управы Д. Н. Шипова, пользовавшегося заслуженной репутацией сведущего, умеренного и безукоризненного лояльного деятеля. В тверском земстве были посажены чиновники (в тверской губернской и новоторжской уездной управах).

Все вообще губернаторы земских губерний получили ряд циркуляров, на сей раз написанных хорошим юридическим языком, которые наставляли их сокращению всякого намека на организацию земских сил. Распоряжения земств по случаю голода, основание общеземского органа печати, обсуждение вопроса о мелкой земской единице — все решительно не допускалось. Роль земства сводилась к узкохозяйственным распоряжениям и к обсуждению отдельных правительственных проектов, вроде ветеринарного или аптекарского, которыми

Сенатор Зиновьев, которого Плеве посылал ревизовать губернские земства, чтобы дискредитировать вообще идею земского самоуправления. Пристрастный и готовый на все чиновник.

Плеве собирался занять время и речи земских собраний, раз что проект уничтожения последних приходилось отложить до лучших дней.

Но лучшие дни упорно не являлись на смену министерским неудачам, и Плеве очень скоро понял, где здесь была «похоронена собака». Один он не был, как гласит поговорка, «в поле воином», а армия его оказывалась из рук вон плоха. И в первую голову обнаружился перед Плеве стародавний, но обострившийся дефект — негодный состав губернаторов. В своих «Записках» князь Урусов довольно живописно рисует перед читателями одну из тех печальных картин, которые обычно остаются скрытыми от обывательских взоров. Сорок человек губернаторов, собранных министром для обсуждения коренных, но элементарных вопросов управления, молчат, переглядываются, мычат и, как школьники, прячутся один за другим, чтобы Плеве не вызвал к ответу. Так ничего и не вышло из собрания, и даже один из наиболее бездарных убожеств бюрократии, понатершийся в канцеляриях Стишинский имел полное право воскликнуть, покидая залу, где сконфуженно топтались злополучные губернаторы: «C'est à en pleurer!»...

Перед Плеве стояла дилемма: управлять одному, ни на кого не надеясь, или изменить весь

* «Ты этого хотел, Жорж Данден!» (фр.) (Мольер). Жорж Данден — тип человека, которому, кроме самого себя, не на кого пенять за свои невзгоды.

Х. Х. Шванебах, бывший управляющий имениями графа Шереметева, за что и проведен в государственные контролеры. В годы реакции оказался ярким черносотенцем. В контроле пасадил еще больший беспорядок, чем был до него.

С. Шаратов, даровитый публицист, продавший перо свое графу Витте за 50 000 рублей субсидии заводу негодных «шаратовских» плугов

губернаторский состав, поступившись частью собственной инициативы. Для властолюбивого человека не было здесь выбора, и Плеве остался с прежними помощниками. Назначение князя Урусова в Кишинев было исключением, вызванным необходимостью загладить впечатление слухов об участии Плеве в организации грандиозного еврейского погрома в апреле 1903 года.

Около себя, в Петербурге, он также не имел никакого выбора в людях и должен был выдвигать таких чиновников, как тот же Стишинский, как Шванебах, Гурко, будущий герой скандального процесса о поставке хлеба на голодающие губернии, и им подобных, готовых на все государственных разбойников. Впрочем, эти господа имели свою «прессу». Систематическим восхвалением их занимался даровитый, но безденежный публицист С. Шаратов, в своем еженедельном органе «Русский труд». Это была, быть может, первая ласточка будущей продажности части русской прессы, прикрывавшей грубые расчеты прогрессивным шитом.

В то время Шаратов, как и всегда, впрочем, сильно нуждался в деньгах. Его завод крестьянских плугов не шел, давая убытки, и Ша-

рапов клонил дело к тому, чтобы получить субсидию от правительства. Для этого нужно было задобрить Витте, но так как это оказалось невозможным, то оставалось только подкапываться под влиятельного финансиста. Задача облегчалась общей чиновничьей ненавистью к выскочке, державшему через финансы в руках и царя, и правительство. Шаратовские резкости сходили с рук. Наконец, видя, что лай этой голодной собаки продолжается и что длящаяся критика девальвации оставляет в невежественных придворных сферах известное впечатление, Витте выбросил Шаратову кусок хлеба, но, конечно, не своего, а казенного, и дал 50 тысяч рублей на завод плугов. Он же устроил Шаратову демонстрацию этих вполне, впрочем, негодных орудий перед царем в Петергофе. Нечего и говорить, что критика «Русского труда» немедленно сменилась восторженными похвалами финансовому гению Витте, но репутация Шаратова была похоронена навеки.

Плеве такие люди не были нужны. Его позиция укреплялась час от часу, и пора уже было подумать об устранении последнего занавеса между ним и Николаем, о свержении Витте.

Ловкий финансист, Витте был выдвинут Вышнеградским, который говаривал про него: «Отогрел на своей груди змею!»

Действительно, Витте не без ехидства вывел однажды царя из кабинета в приемную, где впадавший уже в старческий маразм Вышнеградский безмятежно спал, свесив некогда светлую и мошеническую голову на впалую грудь. Но и только. Старому министру пора

было на покой, на его место заступал столь же способный. Переход к золотому обращению поднимал престиж Витте очень высоко. Рескрипты следовали один за другим. Будучи не у дел уже, бывший временщик любил перебирать проекты рескриптов, не скрывая от посетителей, что писал их сам. Далее этого облегчение работы самодержца идти уже не могло. Плеве должен был свалить зазнавшегося временщика.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Записка Витте о земстве.— Местные совещания о нуждах сельского хозяйства.—
Падение Витте.— Развал затей Плеве.— Восточные проекты.— Пекинский поход.—
Генерал Грибский и благовещенское потопление трех тысяч китайцев.—
Разгром на Востоке готовится.

Следует оговориться, что если задача, поставленная себе Плеве, была трудна вследствие ловкости его противника, то она облегчалась комплектом других мер в руках Плеве, которые Витте были недоступны по его служебному положению. Наконец, в лице местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности Витте указал сам свое уязвимое место, и с того момента часы его могущества были сочтены.

Плеве заблуждался, если искренне приписывал Витте какие-либо реформаторские замыслы. Оба они были типичными и одинаковыми продуктами породившего их чиновничьего строя, и закрепление бюрократизма было общей их задачей. Но так как на верху этой лестницы стояло только одно кресло, спинкой которого служила спина царя, то двоим там не было места, и, твердо решив воссесть на бюрократический престол, Плеве должен был обезопасить себя от претендентов. И так как не было лучшего средства, как играть на скрытой политической неблагонадежности врага, то сюда и направились все ходы Плеве. Здесь все годилось: и письма к Витте от людей, ответы на которые должны были скомпрометировать его; и подкуп прислуги на средства департамента полиции, не удававшийся только вследствие колоссальных наградных, которые выдавал ей Витте дважды в год, где дальше игры на бирже «Матильды», жены Витте, ничего нельзя было открыть; и обычные придворные наветы, ведшиеся через подставных лиц, так как Плеве инстинктивно продолжал сторониться от Двора.

Витте, разумеется, не дремал и парировал удары с тем большею легкостью, что его либерализм, вероятно, смешил его самого. Он надеялся даже поставить самого Плеве в невыгодное положение своей запиской о «Земстве

и самодержавии». В этом документе, который был вскоре издан за границей и стал известен в обществе, Витте со свойственной ему уверенностью и подготавливая путь отступления, стремился, так же как Плеве, Сипягин и другие их предшественники до графа Д. Толстого, противопоставить понятие земщины как института самоуправления абсолютизму как исконному устою русского государственного строя.

Карта была неудачна. Из записки не явствовало, зовет ли Витте царя на определенное решение или предоставляет ему и выбор, и ответственность. Здесь Плеве, с его радикальной программой уничтожения земства, импонировал Николаю безмерно больше.

Но роковым ходом Витте оказались местные совещания. Плеве, не без умысла, конечно, гарантировал им по просьбе Витте известную свободу выражения мнений, за которую ответственность возлагалась на инициатора совещаний. Гарантия эта не помешала, разумеется, Плеве преследовать потом откровенных земцев, сослать Бунакова, Михайлова и других, но, объявленная вперед, она очень помогла ему провоцировать общую «неблагонадежность» совещаний. Вероятно, и Витте не ожидал ни того успеха, который возымела его идея в земских кругах, ни того направления, в котором двинулись единодушные заявления совещаний. Это было первой попыткой правительства нащупать пульс общества, и если результаты получились неутешительные, то теперь, по крайней мере, Плеве с большою точностью мог наметить свою будущую программу. В этом отношении Витте натаскал ему своими руками каштанов из огня.

Он мог впоследствии считать себя отомщенным, видя куски тела соперника в гробу, а себя еще немного спустя — графом. Но промах был

очевиден, и Плеве уже не стоило никакого труда, поставив вопрос ребром, добиться удаления Витте с поста министра финансов и временной приостановки всякой его деятельности. Трудно допустить, чтобы неожиданная отставка была приятна Витте, и едва ли утешил его последовавший вскоре рескрипт за десятилетнее управление финансами. Но он, во всяком случае, оставлял после себя недурное наследство. Если бы не скопленный им путем займов и других финансовых махинаций золотой запас, то и Плеве не мог бы приступить к выполнению своего плана поднятия престижа самодержавия.

Весьма возможно, что идея дальневосточной войны приходила в голову не одному министру внутренних дел. После того как Японии не позволили воспользоваться плодами ее победы над Китаем и вместе с Англией и Германией основались на Квантунском побережье для наблюдения за новой силой, мысль о дальнейших захватах, естественно, приводила к возможности войны. Нельзя было надеяться, что Китай и Япония будут вечно давать себя в обиду Европе. Китай не мог забыть похода на Пекин соединенного отряда Вальдерзее, после осады посольств, и еще больше не мог забыть подвига генерала Грибского, потопившего в Амуре трехтысячную толпу мирных китайцев, которых выстрелами загнали в воду с русского берега.

Япония в молчании готовилась к реваншу. Обе державы пристально наблюдали характеры и приемы европейских правительств и не могли не заметить резкую разницу между планомерными действиями германцев в Киао-Джоу или англичан в Вей-ха-Вее и бессистемностью русских; последние прежде всего приступили к созданию города Дальнего, тогда же прозванного «Лишним», где верфи, склады и форты заменялись дворцами наместника Алексева и его штаба и где 38 миллионов рублей было вложено без малейшей надежды наверстать их путем развития торговли.

Порт-Артур, очищенный японцами и бывший первоклассной естественной крепостью, предполагалось вооружить новейшими боевыми приспособлениями, но война 1904 года застала Россию и там неподготовленной. Железная дорога, соединявшая эти приобретения с центром, проходила по чужой территории, и охрана пути была столь же слаба, как и самый путь. Стоившая казне колоссальных денег Маньчжурская дорога даже в лучшие годы давала до семи тысяч рублей дефицита на версту пути. Охрана ее была совершенно невыгодна, и даже жизнь чинов последней не была предметом заботы правительства.

Хунхузы скоро оценили такое положение вещей, а японцы воспользовались их уроками. Наместничество, учрежденное в июле 1903 года, могло только еще скорей привести былой престиж России на Востоке к крушению, так как Алексеев с самого начала показал себя как дипломат с невыгодной стороны. Его пышные приемы и повадки сатрапа прикрывали ту же пустоту, то же хищничество окружающих, ту же беспечность, что и действия всякого самодержца.

Итак, на Желтом море одни мечтали о грядущих авантюрах, другие — об отличиях, третьи — о захватах, но никто не думал о возможности разгрома. В то же время бесчисленные японские шпионы при содействии побитых ими, но родственных китайцев спешно доканчивали свои работы в крепости — городе Дальнем в Маньчжурии.

А в еще более дальнем Петербурге, где все расчеты строились на донесениях Алексева и где давно министр иностранных дел граф Муравьев был фактически устранен от политики, хитроумный Плеве подсчитывал уже мысленно великие результаты завоевания Кореи, инкорпорации Маньчжурии и миллиардной контрибуции. Как некогда Ермак, он хотел поклониться царю новым царством, новым титулом какого-нибудь корейского или маньчжурского владыки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Подготовка Японской войны.— В Корею.—

Концессии на Ялу.— Чьи деньги?—

Алексеев, Безобразов, Абаза, Павлов и Ко.—

Безошибочный расчет Японии.— Красная книга о японских переговорах.—

Разговор Плеве с Лопухиным.—

Способности камарилы развертываются, а царь втягивается в грязь.

Как и в жизни частного человека, где крупные перемены назревают как бы само собой и вне его воли, государства готовят не-

заметными для населения актами события, значение которых оценивается всегда поздно. За десять тысяч верст от Японии все представ-

лялось в преумноженном перспективном виде, и в этом отношении правительство, общество, народ, царь — все были одинаково близоруки. Опереточная японо-китайская кампания, крохотная территория, населенная низкорослыми, тщедушными людьми, вялый, всему покорный Китай, как все это тускнело перед боевой историей «победоносного русского воинства», необозримой русской территорией, пред блеском царя России и его чиновничества!

Ослепленный собственным величием военный министр Куропаткин, любезно допущенный Японией к осмотру ее боевой готовности, проглядел то, что ему как солдату прежде всего должно было броситься в глаза, — дух нации, отражавшийся в войсках. После этого коренного просмотра не было уже удивительно, что Куропаткин не видел ни первоклассного японского флота, ни грамотности солдат, ни их близости с офицерами, ни выносливости, ни удобной обмундировки, ни рациональности снабжения армии всеми предметами довольствия, ни общей честности. С обычной хитровой усмешкой будущий полководец объяснял, вероятно, Николаю, Плеве и Витте ничтожность Японии в боевом, административном и финансовом отношении. И успокоенные собеседники начали строить еще лучшие воздушные замки, и новые миллионы переводились на Дальний Восток, и все досаднее было слушать предостережения незаинтересованного графа Ламсдорфа.

Первая проба силы состоялась на корейской реке Ялу. Завоевание предполагалось сначала мирным. От концессий на эксплуатацию лесных богатств до охраны интересов «России» вооруженной силой, от договоров финансового характера до полного влияния на безвольного корейского императора и его подкупное правительство, и вот уже она, вся Корея, прочно зажата в когтях российского двуглавого орла. Беда, однако, если блудливая гиена рискует подражать ухваткам прямодушного хищника льва, ее всегда ждет неуспех, а то и смерть.

Какими путями проникли во дворцы и высшие чиновничьи сферы предложения дать деньги на концессию в Корее, для нас безразлично. Важно установить, что, подобно южноафриканской «Chartered С-пу», общество для разработки лесов на Ялу состояло из лиц императорской фамилии и немногих их приближенных. Одни отрыто, как вдова Александра II и ее сын Михаил, другие через подставных лиц и даже камердинеров внесли крупные, многомиллионные вклады, поступившие в полное заведование компании авантюристов, среди

Адмирал Алексеев, один из виновников японской войны. Вел себя на Дальнем Востоке как самодержец; после выяснения его преступной деятельности остался безнаказанным и в милости по-прежнему.

которых первые места принадлежали наместнику Дальнего Востока Алексееву, его петербургскому alter ego * Абаза, послу Павлову и Безобразову, в короткое время из полной неизвестности попавшему в друзья Николаю и его статс-секретари.

Опьяненные запахом чужих денег и собственной властью, эти люди не могли дожидаться естественного течения событий, постепенного захвата Кореи. Им хотелось подготавливать эти события, скорей втиснуться в эту игру, казавшуюся игрой на верняка. В азарте и алчности забывалось, да и не сознавалось, вероятно, что игра ведется за счет царя, поставившего на карту не только известную сумму денег, но и судьбу своего народа. А если б и сознавалось, то игроки знали, сколько в Петербурге друзей у них и как мало людей, отдававших себе отчет в опасности, да и те все равно не могли открыть глаза Николаю.

* Второе «я» (лат.).

Для Плеве восточная комбинация была настоящей находкой. Легкими лаврами, добытыми в будущей войне, так красиво можно было украсить поблеклый принцип абсолютизма, так серьезно пригрозить смуте и революции штыками армии, влюбленной в своего верховного вожда!

Он не мог даже удерживаться от мечтаний своих в присутствии посторонних и так же, как Николай, раздражался малейшим противоречием заманчивому плану. Так, когда А. Лопухин выразил некоторые сомнения в конечном результате предполагавшейся войны, Плеве с неудовольствием заметил: «Значит, вы считаете, что пятьдесят миллионов больше ста пятидесяти? Здесь простой арифметический расчет».

Арифметика именно играла в истории войны самую последнюю роль, но министры не всегда знают историю.

Японии не представлялось иного выхода, как так же предупредить события.

Всякий месяц отсрочки давал России возможность перекидывать лишние корпуса, кончать порт-артурские форты, укреплять берега Ялу. Отдать же без боя единственные земли, где мог бы разместиться избыток населения, отказаться от роли своей на Китайском материке в пользу европейцев было равносильно для Японии политической смерти и вырождению расы.

Таким образом, ставки были не равноценны, и весь перевес в действительности находился с самого начала авантюры на стороне Японии, подвижной могучим инстинктом самосохранения. Россию же влекло на Восток не пресловутое стремление к теплему морю, которого народ решительно не ощущал, а кучка аферистов и благосклонное напутствие Германии, для которой всякий исход войны был чистым выигрышем.

Но и здесь Япония показала свою государственную мудрость. Будучи почти уверена в успехе войны, она хотела сберечь средства и своих лучших граждан и сделала всё возможное для того, чтобы предотвратить конфликт мирным, даже союзным договором. Граф Ито, впоследствии убитый на русской территории, являлся со специальной миссией в Петербург, но здесь встретил совершенно ту же обстановку, как если бы дело происходило в XVI—XVII веках: царь, окруженный наушниками и лукавыми боярами, жалкий во внешнем великолепии и противный в лицемерном благоволении речей; народ, безмолвно ожидающий очередного удара абсолютизма; затаенная мысль

о ходе, ускоряющем роковое решение, и эгоизм ничтожной группы временщиков. Ито заручился после этого союзом Англии и обещал, по крайней мере, бой своей родины один на один с северным колоссом. О том, что ноги колосса были из глины, Япония знала хорошо, и, убедившись в неизбежности войны, она с лихорадочной и веселой быстротой принялась заканчивать приготовления к мобилизации, десанту, сухопутной и морской кампаниям.

В Петербурге, впрочем, спешили не меньше. Но расстояние, отделявшее русские мобилизационные пункты от будущего театра военных действий, одноклейность сибирского пути, нераспорядительность и хищничество, отсутствие новой артиллерии, особенно пулеметов, большая часть которых стояла в коридорах дворцов для их охраны, и другие обычные дефекты сказывались самым досадным для Плеве и Алексеева образом. Но делать было нечего. И вот, когда уже совсем ясны стали намерения русского правительства и японский посол начал добиваться приема у царя для выяснения значения боевых приготовлений на Востоке, с ним в XX веке поступили совершенно так же наивно, как поступали триста лет назад с послами, когда желали затянуть ответ.

Книга об этих последних переговорах пестрит ссылками в ответ послу на недосуг царя. То он отбыл на охоту и вернется лишь через неделю, то готовится к святому причастию и никого не принимает, то нездоров, то примет в такой-то день. Но когда наступал назначенный день, Николай прятался от посла за спиной чиновничества, как задолжавший офицер его гвардии от сапожника и портного со счетами за спиной своего денщика. Камарилья, к этому времени вполне спевшаяся и изучившая царя до корней его темперамента, действовала открыто, увлекая русского самодержца в грязь, из которой ему уже никогда не суждено было выбраться¹.

Здесь надлежит нам показать и те черты Николая, на которых играли его приближенные и которые привели Россию к переживаемому ею и теперь лихолетью.

¹ Из опубликованных за границей документов, записки графа Ламсдорфа и оранжевой книги особого комитета по делам Востока явствует, впрочем, что Николай очень охотно пошел навстречу проектам своих друзей и до самого открытия военных действий скрывал свою инициативу с ловкостью византийца, с тою лишь разницею, что его предки вели двуличную политику, имея в виду благо государства, а царь свой кошелек. Все мелькает на этом свете!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

- Потаканье невежеству Николая.—
Его набожность и устарелые религиозные понятия.—
Аудиенция Л. Л. Толстого.— Клопиада.—
Незадачи с наследником.—
Переход к увлечению спиритизмом, понимаемым как колдовство.—
Филипп.— Справка Рачковского о судимости этого шарлатана.—
Награды Филиппу.— Письмо Николая к Лубэ.—
Использование легенды о старце.—
Обычная подкладка извлечения трупов монахов.— Курская история.—
Губернатор Милютин.— Серафимовы мощи.—
Отказ архиерея в признании их святости.— Смена архиерея.—
Саровские торжества.— Русский чиновничий Лурд.—
Вакханалия лицемерия.— Мода на Серафима.—
Убогие простаки и фарисеи.—
Козельский юродивый «Митька», казанский мужик.—
Отношение к церкви русских царей.—
Победоносцев и англиканский епископ.—
Архиерейские карьеры.— Леонтий Московский об Иверской Божией Матери.—
Растраты, хищения.— Монастырские имущества.—
Отзывчивость монашества к народным бедствиям.— Темное царство.

Вокруг современных монархов плетутся те же сети, что и в века их отдаленных предков, но в то время как одни почти не ощущают на себе петель, свитых из лести и сплетни, другие путаются в них и спотыкаются на своем пути, третьи, наконец, перестают различать свет от тени и охотно драпируются в навязываемые им качества, становясь посмешищем прежде всего своих же приближенных. Николай II и оказался таковым.

Каким образом внешние признаки культа во дворцах, так же как и на вершинах церковного управления служащие лишь целям представительства, могли привлечь к себе душу Николая, остается непонятным. В детстве он не отличался особой набожностью, а его юношеский образ жизни и того меньше обещал развиться пиетизму, столь приготившемуся для окружающих. Возможно, что избавление от смерти в Борках, спасение от японской сабли и другие сильные впечатления молодости и способствовали появлению веры в особое покровительство божества; при том искусстве, с которым духовники царей связывают это воображаемое покровительство с обрядностью и церковными таинствами, немудрено было использовать подходящую почву и заложить в сознании Николая черты, логически приведшие его через открытия мощей и паломничество к спиритизму и гаданью.

Типы ханжей, не различающих веры от суеверия и религии от обрядности, в русской интеллигенции отсутствуют, и даже среди крестьянской молодежи не встречается теперь то-

го невежества, что еще царит в мелкобуржуазном обществе захолустных уездных городков, словно упавших с поезда прогресса и обреченных умиранию. С этими-то косными, ничтожными и пассивными элементами своих подданных оказался на одном уровне и русский самодержец. Подобно им, он аккуратно выполнял все положенные церковью обряды и вертел столы тотчас после обедни. Подобно им, он умилялся в положенные дни над крестными муками Христа и радовался избиениям своих единоверцев и страданиям своих единомышленников.

Нечего и говорить, что этот врожденный аморализм был как нельзя более под стать самому грубому, открытому влиянию и что такой практик, как Плеве, не мог пройти мимо свойств монарха, суливших ему полную победу над ним.

Но пока Николай попался в его лапы, прошло еще немало времени, когда его слабым умом и больной волей вертели менее ловкие пальцы.

Ни умственная ограниченность, однако, ни безволие не мешали царю глубоко задумываться над коренными вопросами правления. Сквозь сомкнутые ряды придворных, сквозь цепи охраны, сквозь листву парков до него доносился смутный гул жизни России, в котором даже неопытное ухо улавливало дисгармонию нот недовольства и отчаяния с фанфарами благополучия, разыгрываемыми на министерских трубах. От времени до времени царь делал даже попытки нащупать твердую почву на пу-

ти к своему народу, но всякий раз они кончались смешно и неудачно. Так, он дал однажды аудиенцию сыну графа Льва Толстого, Льву Львовичу, известному по литературе под кличкой Тигра Тигровича. Это был не вполне уравновешенный, как и все дети великого писателя, человек, в глубине души завидовавший славе отца, но совершенно бездарный.

Свидание продолжалось около двух часов, времени было достаточно, чтобы поговорить о серьезных материях. И действительно, беседа коснулась, в конце концов, формы правления. Толстой имел мужество указать на неизбежность конституции. Царь, как часто и потом делал, уверял, что его останавливает лишь клятва, данная в Успенском соборе во время коронации, поддерживать самодержавие. Впоследствии на этой именно черте отлично сыграли главари черных сотен, и вопрос о самодержавии, к радости чиновничества, стал поперек свободного развития конституционных учреждений. Граф Толстой, под конец разговора значительно осмелевший, стал призывать царя к опрощению, не убивать животных, не курить, ни пить вина. Диалог принял комический характер и результатов никаких по себе не оставил.

Затем, в один из голодных годов, а их в России до 1909 года было подряд пятнадцать, к Николаю подпустили некоего Клопова, неизвестного и ничтожного, но обуреваемого мыслью спасения родины человека. Здесь дело так пошло на лад, что царь дал Клопову почти неограниченные полномочия по обследованию голодающих губерний. Но так как ревизия такого рода менее всего могла нравиться министру внутренних дел, то немедленно были преподаны администрации соответствующие инструкции и «Клопиада», как окрестили недолгую эпопею в Петербурге, кончилась так же плачевно, как и все попытки Николая действовать помимо чиновников. Чужие смычки допускались только на религиозную струну, но царь даже и в этом не мог следовать влечениям своей души, подчиняясь посторонним влияниям.

А душа все время находилась в смятении. Поздний брак, а главное — непрерывный ряд дочерей и отсутствие сына делали шатким положение престола, около которого начали уже разыгрываться аппетиты боковых линий. Что-то комическое было в этом постоянстве рождений девочек, свет встречал бедных малюток хохотом. Огорченный царь катался по ночам в лодке по Неве, рассеивая на влажном просторе точившую его грусть. Царица со слезами отворачивалась от комочков мяса в кружевах, и ее молоко было всегда отравлено досадой и дурным настроением духа.

Оба родителя становились суеверны, видя злой перст судьбы несходящим со своей жизни. И когда умер, уткнувшись лицом в шоссе канаву, чахоточный Георгий, у нового наследника, Михаила Александровича, был отнят традиционный титул «цесаревича», из суеверной боязни, как говорили, что титул этот помешает появлению на свет мальчика. Напрасно Сипягин возил злополучную пару на поклон московским святыням, уверяя, что это поможет прекращению дождя девочек. Святыни угрюмо молчали, тела монахов, лежащие в открытых гробах, и пальцем не пошевелили в ответ на горячие мольбы Николая и Александры. И, отвратившись от реликвий православия, они с легким сердцем примитивных натур уехали в Крым вертеть столики, колдовать в обществе французского оккультиста Филиппа, к общему смущению и смеху.

Появлению в России Филиппа предшествовала такая история: в Париже в то время служил политическим агентом, проще — шпионом, некий Рачковский, впоследствии занявший такое видное место в истории русской провокации. На его обязанности, между прочим, лежало и доставление справок обо всех французах, отбывавших в Россию для надобности Двора. И вот добросовестный шпион достает четыре справки об уголовной судимости Филиппа и аттестует его Двору как простого мошенника, по которому, как в России говорят, «Сибирь плачет». Эффект получился неожиданный: царь, уже наладившийся колдовать появление наследника, не хотел верить справке, рассердился на Рачковского и впервые на собственной коже почувствовал неудобства шпионажа. Конечно, уголовное прошлое не помешало Филиппу найти широкое гостеприимство у русского императора, ибо здесь много было людей того же преступного уровня. Никто друг за друга не краснел, всякие новые пальцы крепко переплетались с уже замкнувшимися.

Наступил, однако, момент, когда чародейства Филиппа должны были закончиться. Царица была вновь беременна, и по всему выходило, что мальчиком. Обласканный, осыпанный деньгами и награжденный крупным орденом, французский шарлатан отправился восвояси. Упорно говорили, что царь написал по его просьбе письмо президенту Лубэ, в котором рекомендовал своего нового и «ученого» друга вниманию французской академии наук. Но для «alliance» было довольно миллиардов, ссуженных России, чтобы еще наводнять ученые учреждения Франции колдунами по рекомендации царя. Просьба Николая не была исполнена, и Филипп обратился к своей обычной

клиентуре и очередным конфликтам с французским уголовным кодексом.

На этот раз царица родила даже не девочку, а вовсе ничего (*fausse-couche* *). Наступило временное разочарование в столоверчении, предсказаниях и гаданье. Место их снова заняли попы, которым, понятно, и в голову не приходило делать огорченный вид или указывать царю на соблазн, идущий от его спиритических занятий по всей стране. Они спешили использовать свой момент и были счастливы найти в Плеве, в это время забравшем полную силу, хорошего союзника. Паломничества по монастырям уже не годились, бессилие старых мощей не внушало к себе доверия. Нужно было открыть новые, самые чудодейственные, самые свежие, так сказать, мощи. По счастью, не только имелся налицо кандидат из числа неканонизированных монахов, но и легенда, которую легко было связать с затеваемым религиозным торжеством.

В роду царя передавалось со слов будто бы очевидца о существовании предсказания Серафима, отшельника в Сарове (Тамбовской губернии), которое относилось к ряду будущих царствований. Самый текст предсказания был якобы записан одним отставным генералом и, по соображениям Александра III, должен был находиться в архиве жандармского корпуса, бывшем одновременно как бы архивом самодержавия. Поиски не привели, однако, ни к чему. Тогда догадались обратиться в департамент полиции, и здесь желанная бумага нашлась. К этому моменту неблагополучно вступил на престол и тот царь, о котором значилась самая интересная часть Серафимова прорицания.

«В начале царствования сего монарха,— говорилось там,— будут несчастья и беды народные. Будет война неудачная. Настанет смута великая внутри государства, отец подымется на сына и брат на брата. Но вторая половина правления будет светлая и жизнь государя долговременная».

На суеверного человека подобный документ должен был оказать тем большее воздействие, что совпадал с действительностью. Правда, война и революция были еще впереди, но Ходынка, голод, студенческое и рабочее движение, аграрные беспорядки в Полтавской губернии — все это как нельзя более подходило к первой части предсказания.

Серафим отличался влиянием на простодушную православную массу. Его отшельнический образ жизни, долгие стояния на камне, погружения в ледяную воду, добродушие, молитвен-

Великая княгиня Елисавета Федоровна следует за крестным ходом вокруг собора в день торжества 12 июня 1909 года в Кашине при открытии мощей Св. Анны. Позади Беннигсен, тверской губернатор.

ность — все привлекало в основанную им пустынь ищущих утешения церкви людей. После его смерти монастырь имел все основания рассчитывать на канонизацию Серафима, и столетний срок, необходимый для пребывания будущих мощей «под спудом», то есть под землей, по справедливости мог быть сокращен для столь выдающегося слуги Господа.

Все это было учтено Плеве. Он знал, что монахи ради выгод, которые сулят монастырю торжества и обязательные чудеса при открытии мощей, не будут слишком педантичны и отступят от церковных правил, если это понадобится. Министру лучше, чем кому другому, была известна обычная подкладка открытия мощей, служивших к подкреплению не столько православия, сколько монастырских средств. Характерно в этом отношении дело о покушении на икону в курском монастыре,

* Выкидыш (*фр.*).

случившееся почти одновременно с саровскими торжествами.

Икона считалась чудотворной, но приток богомольцев стал почему-то убывать. Время начиналось смутное: то здесь, то там вспыхивали небольшие волнения, министров убивали. Монахи и задумали поэтому симулировать террористический акт, направленный против святыни. Задача была легка, но техника требовала большой ловкости, так как нужно было произвести взрыв с таким расчетом, чтобы все кругом образа разрушить, а образ оставить невредимым. Чудо явилось бы воочию, дела монастыря поправились бы. Под иконой был прикреплен прочный металлический щит, который должен был направить силу взрыва в безопасном направлении. Ночью монахи заложили свой динамит, зажгли шнур, и Курск был разбужен оглушительным треском. Немедленно явились власти, не бывшие в заговоре, а поэтому злополучный предохранительный щит фигурировал в первых же строках следственного производства, явно указывая на причину и авторов хитрой выдумки. Дело постарались замять, но губернатор Милютин (сын фельдмаршала), не выходивший никогда из пьяного состояния, любил рассказывать о проделке монахов, плативших ему за то открытой ненавистью.

В Сарове не было надобности в уголовных деталях, но дело все же не обошлось без нарушения закона, на этот раз церковного. Дело в том, что совершенно необходимым условием признания трупа за мощи является его нетленность. Аскетический образ жизни таких монахов и почвенные условия монастырских кладбищ, располагаемых обычно в песчаных местах, парализуют процесс гниения, и через известное число лет труп усыхает, превращаясь в коричневую массу с полным обликом человека. В одной из пещер Кавказа были найдены сразу семь таких мощей, которые и были расхвачены местными православными и старообрядческими общинами для своих храмов. Вскоре, впрочем, обнаружилось, что это лишь трупы известной шайки разбойников, загнанных некогда в пещеру и умерших там от истощения.

Итак, был полный расчет на нетленность Серафима. Но каково же было общее изумление, когда в гробу оказался простой скелет с истлевшими волосами и клочками савана вместо благообразного старца, каким положили в гроб саровского праведника! Местный архиерей, скандализованный плачевным состоянием останков Серафима, отказался подписать протокол, в котором говорилось об их нетленности. Но такая мелочь, как мнение вы-

сшего представителя церкви, не могла, разумеется, остановить Плева, и непокорный архиерей после безуспешного увещания был просто заменен более податливым.

Вскоре состоялось и самое торжество. Чтобы угодить царю, все приближенные старались пожертвовать что-нибудь новому угоднику. Лампады, ковры, всякие украшения стекались в счастливый монастырь вместе с богомольцами, заранее предвкушавшими великолепие церковных служений, обилие трапезы, созерцание чудесных исцелений. Калеки, убогие, эпилептики, ревматики съезжались со всех окрестных губерний, и полиции было немало трудов регулировать это непрерывное стечение народа.

Погода благоприятствовала. Поля, покрытые жалкою растительностью, избы, из коих утварь была продана за недоимки, истощенные голодовками люди, грязные дети — все было скрыто соответствующими декоративными измышлениями, которые так хорошо разработаны для обмана великих мира сего. Царь, искренне увлеченный всеми перипетиями канонизации, молился в церквях, у камней и источников воды, носил образа и дубовую колоду с серебряными украшениями, в которую положили скелет Серафима, и думал верно, что и все вокруг с тою же светлой радостью и надеждой поклоняется новоявленным святым мощам. Но, кроме больных и наивных крестьян, здесь не было, быть может, ни одной души, ни одного сердца, бившегося в такт с царевым.

Все, начиная с хитрых монахов и Плева и кончая последним лакеем свиты, таили про себя свои думы, учитывали настоящие или будущие барыши царской «простоты» и боялись пропустить всякий лишний случай демонстрации своего усердия и религиозности. Над скромным гробом отшельника, так хорошо знавшего цену людям, от которых он скрывался в сосновом бору Сарова, разыграна была настоящая вакханалия лукавства, лицемерия, двоедушия, всяческого обмана. Казалось, именно здесь, под кровом святости, разверзлась вся бездна человеческой порочности, и монастырские колокола несли весть о неслыханном глумлении над верой в безоблачные небеса, к престолу самого божества!

Царь уехал, выкупавшись в прудике Серафима, успокоенный и за появление наследника, и за наступление светлой половины своего правления. Но пророчество Серафима не все еще было исполнено судьбой, и, не вовремя потревоженный, он как бы сам готовился принять участие в разгроме, уже подготовлявшемся в то время языческой Японией.

Все, кто не мог или не успел быть в Сарове с царем, спешили съездить потом и довести о своем подвиге непосредственному начальству. Тамбовский монастырь стал настоящим чиновничьим Лурдом, где вымаливались места, чины, ордена, сокрытия преступлений, и все за счет веры Николая в чудесную силу серафимовских костей.

Тем временем монахи спешили нажиться. Изображения Серафима изготавливались тысячами, его жизнеописания и виды разных мест монастыря широкой волной лились в провинцию, разнося славу мощей и делая имя Саровского старца модным именем. В его честь сооружались образа, часовни, храмы, благотворительные учреждения. От него все верующие ожидали чудес, а неверующие боялись критически относиться к общему увлечению. Но все скоро проходит в этом мире. Наследник не появлялся, война и смута приближались, чиновники новых милостей не получали. И постепенно мода начала проходить, реже появлялись в Сарове важные богомольцы, и оно возвращалось к своей прежней скромной роли местной святыни. Наконец, и во дворце начали забывать недавний подъем веры, пока не наступила новая реакция, снова бросившая царя в объятия шарлатанов.

Эта постоянная потребность эмоций мистического характера не могла быть простым результатом безделья и пустоты придворной жизни. Вероятней, что царя не переставали волновать вопросы, непосильные его уму и казавшиеся поэтому вообще недоступными человеческому воздействию потусторонними проблемами. И если святые и попы не могли объяснить и решить их, то, быть может, были в русской земле другие люди, на которых премудрый Творец возложил бремя полного знания? Оставалось найти таких людей, и камарилья скоро угадала это душевное стремление Николая.

В Козельском уезде Калужской губернии расположена живописная Оптиная Пустынь, ныне разросшаяся в огромный монастырь. Она славилась благодаря отшельнику Амвросию, дававшему советы, утешавшему в скорбях, умевшему говорить и с крестьянской бабой, и с великим князем. После его смерти дела монастыря значительно пошатнулись — нужно было, за отсутствием святого, изобрести его. Тут же, в городе Козельске, нашелся и заместитель Амвросию, юродивый мещанин Митька, с детства лишенный членораздельной речи, постоянный клиент монастыря. Нашелся другой мещанин, Ельпидифор, который заявил, что ему дан дар понимания митькиного воя, и, так как проверка такое заявление не

*Странник Антоний,
любимец черных сотен.
Во время I Думы
призывался к царю
для подачи мудрых советов.*

подлежало, ему охотно поверили. С той поры оба мещанина перекочевали на постоянное жительство в монастырь, и богомольцы начали разносить славу нового блаженного, в непонятные звуки которого, столь же непонятно толкованные переводчиком, можно было вкладывать тем более смысла и значения, чем они были бессмысленней.

Царь никогда не узнал бы о Митьке, если б его флигель-адъютант Николай Оболенский не был козельским помещиком и если бы великий князь Константин не жил несколько лет подряд вблизи Оптиной Пустыни на даче. Другой брат Оболенского, считавшийся почему-то другом философа Владимира Соловьева, с которым он на самом деле не имел ничего общего, занимался — для виду или искренне, это безразлично, — религиозными вопросами и был короткое время обер-прокурором синода.

Этих господ было слишком довольно для того, чтобы Митька мог очутиться в Царском Селе. С Митькой привезли и долмача (переводчика).

Обоих вымыли, одели и показали Николаю. Митька, увидав царя, замычал. Спросили мещанина Ельпидифора: что это значит? Тот, видимо приготовившись, ответил довольно удачно: «Детей повидать желает».

Чадолубивому царю это очень понравилось, и детей немедленно вывели. Взглянув на такую милую и веселую компанию, юродивый дико завопил и проявил даже некоторое возбуждение, которое переводчик не замедлил объяснить. «Чаю с вареньем просит», — сказал он. Нелепость объяснения кинулась даже в близорукие глаза царя. Чаю дали, поддержали некоторое время во дворце и отправили на родину. Но всего примечательнее то, что спустя некоторое время Митьку вновь выписали для каких-то действий. На втором визите слава его, впрочем, и погасла. При Дворе начал орудовать новый святой, казанский мужичок. Этот был одарен всеми нужными для тонкого шарлатана свойствами и так ловко использовал поголовное невежество и нравственную испорченность камарильи, что устроился и сам хорошо, и чиновников в лучшие места выводил. Одно время многие назначения шли через него. Неотразимым приемом его было выплевывание из своего рта в рот какой-нибудь придворной ханжи так называемого «причастия». Трудно верится всему этому, но факты слишком общеизвестны, чтоб могло возникнуть сомнение в них.

Здесь уже упоминалось о нейтральном отношении православной церкви к занятиям царя, бывшим, с ее точки зрения, кощунственными и еретическими. Время патриархов, державших делать указания светским властителям, миновало, выгоды материального характера связали накрепко духовенство с чиновничеством, а царь был узлом, на котором держалась и вся работа. В этом союзе всякий волен был жить как хочет и следовать любым влечениям, лишь бы внешность оставалась неизменной.

Всякое постороннее влияние отстранялось поэтому дружно и ревниво. Так, когда еще в царствование Александра III в Россию прибыл один из епископов англиканской церкви с разумным и выгодным для православия проектом соединения этих церквей, Победоносцев категорически отказался за свой синод от всякого обсуждения предложения. Когда же епископ осторожно упомянул о своем намерении поговорить о деле с царем, обер-прокурор

с достоинством ответил: «Государь относится к церкви, как сын к матери!»

Епископ отъехал ни с чем, а в управляемой Победоносцевым церкви продолжали развиваться привитые им черты, среди которых атеизм стоял на первом месте. Действительно, нигде так не развиты атеистические воззрения, кощунство, пренебрежение к самым основам христианства, нигде самое имя галилейского учителя не служит так часто темой насмешек и непристойных куплетов, как в русских духовных учебных заведениях. Отсюда будущие священники несут эти разлагающие черты к престолом своих алтарей и далее в самые верхи православия. Архиерейские и митрополичьи посты давно сделались чиновничьими местами, которых жадно добиваются духовные карьеристы и при замещении которых связи играют такую же роль, как и скрытые виды обер-прокурора.

Русская церковь давно уже привыкла видеть в своей главе людей, отличавшихся от спящих в кремлевских соборах патриархов, как только вор и развратник может отличаться от бесребреника и аскета.

Когда в селе Ильинском умирала от после родовых судорог несчастная жена великого князя Павла Александра Георгиевна, в Москве был поднят вопрос о посылке в Ильинское чудотворной иконы Иверской Божией Матери, первой из московских святынь. К митрополиту Леонтию явился почтенный протоиерей, ученый богослов, с просьбой о разрешении взять икону. Леонтий, ухмыляясь, смотрел на ученого попа, потом, взяв его за висевший на груди крест, спросил:

— Это что у тебя?

— Магистерский крест, Ваше Высокопреосвященство, — отвечал священник.

— Вижу, что магистерский, вижу... Магистр, магистр, — насмешливо продолжал Леонтий, — а еще толкуешь — чудотворная икона. Эх, ты!..

То, что позволил себе сказать попу циник и эротоман Леонтий, другие скрывали про себя, продолжая морочить легковерных к своей выгоде и влиянию. Архиереи продолжали расхищать епархиальные имущества (Смоленск, Тифлис, Новгород и др.), которые потом переходили в частные коллекции (княгини Тенишевой в селе Талашкине и др.) или исчезали бесследно в лавках старьевщиков. Монастыри по-прежнему оставались общинами туенядцев, где царили пьянство, обжорство, разврат и где народные бедствия, как голод и эпидемии, и народные нужды, как образование и медицина, вызывали не более сочувствия, чем в папуасах Новой

Гвинеи. Народ все более и более отворачивался от своих пастырей и, отождествляя их с религией, от самой религии, так же как, отождествляя чиновничество с царем, он отворачивался и от царя. Сумерки бесправия

и безверия все более сгущались над Россией, и это темное царство все более отставало от прогресса человечества, пока не стало, наконец, и ему мешать как постоянный очаг революции.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Порядочные люди мало-помалу устраниются. — Возвышение Трепова. —

Высокие связи. — Покушение на него. — Перевод в Петербург. —

Блестящая атмосфера для развития его способностей. —

Погромы времени Плеве. — Кишинев, Гомель. —

Письмо Плеве к губернатору Раабену попадает в «Times». —

Вопрос Стэда и ответ ему министра.

То же, что в духовном ведомстве, происходило и во всех гражданских. Повсюду честные и способные люди устранились искусственно или сами торопились уйти, предпочитая скромную службу в земстве или частных учреждениях чиновничьей карьере. Случаи открития хищений были редки, являясь скорей результатом неосторожности, над которой все смеялись и никто не негодовал, нежели действий следственной власти. Там, где продавались казенные леса директорами департаментов, брались взятки министрами юстиции, не преследовались растраты капиталов, собранных народом на памятник Царю-освободителю, и где великие князья подавали пример общему стремлению грабить казну, там не было места порядочным людям, порядочным чиновникам. Легкие деньги толкали на легкий образ жизни, и большие города сделались одновременно центрами общественного развращения. Изредка разве раздавался выстрел, которым сановный хищник сводил счеты с жизнью, и еще реже суд видел перед собой лицо чиновника.

В этой атмосфере легко жилось и дышалось только тем, кто весь без остатка отдавался во власть чиновничеству или пристраивался в ревнивые ряды камариллы. Придворная служба продолжала быть прямой дорогой к влиянию на царя, и здесь рука об руку шествовали выскочки вроде Витте и Плеве с Рюриковичами и потомками любовников Екатерины II, умные авантюристы обнимались с ограниченными рядовыми членами царской свиты. Здесь язык был дан для лжи, глаза — для угадывания выражения лица, уши — для подслушивания, ноги — для подставления их другим. Здесь все было дурно направлено, и нельзя было оставаться незараженным общим пороком никому. Отсюда выбрасывались как негодный элемент такие люди, как князь Павел Долгоруков, А. А. Муханов, Сабуров и другие, известные обществу за честных, прямых, преданных мо-

нархическому принципу деятелей. Их места занимались Валями, Клейгельсами, Треповыми.

Последняя фамилия была представлена всеми сыновьями бывшего петербургского градоначальника генерала Трепова, в которого стреляла Вера Засулич. Все они сделали блестящие карьеры, несмотря на чрезвычайно скромные способности, но далее братьев пошел Дмитрий Трепов, красивый офицер конной гвардии. Еще в полку он проявлял свои полицейские наклонности, расследуя шашни полковой молодежи и копаясь в грязном белье товарищей. Но карьера ждала его не в строю, а в администрации, и с момента назначения Трепова московским обер-полицмейстером звезда его восходит с быстротой, которой завидуют сверстники.

При дворе великого князя Сергея и даже в его семье Трепов становился своим человеком, равно близким обоим супругам, равно необходимым и как правая рука генерал-губернатора, и как друг дома. С его помощью организуется крестовый поход на московских евреев, и он же способствует организации благотворительных учреждений, в которых желает заниматься Елизавета Федоровна. Москва начинает считаться с растущим влиянием временщика, и все ее прогрессивные круги оказываются под давлением этого необразованного, тупого и подозрительного человека, его, наконец, оценивают и при царском Дворе, где великий князь Сергей дает своему другу наилучшие аттестации. Мысль Трепова стремится туда же, и, пройдя неизбежный террористический стаж, он покидает наконец Москву для службы в Петербурге. Там, в самой гуще дьявольских махинаций, беспринципность и готовность на всякие преступления будут тем более оценены, что к ним присоединятся высокие придворные связи и возможность влияния на Николая через третье лицо. Здесь пройдет и курс организации погромов.

Незадолго до этого времени Плеве, разочаровавшийся в надеждах на действие мощей Серафима и не вполне еще уверенный в возможности дальневосточной войны, обратился к традиционному средству подновления патриотизма и самодержавия — к погромам. В апреле и августе 1903 года произошли два крупнейших погрома той эпохи, в Кишиневе и Гомеле. Несмотря на то что в обоих случаях действовали одни и те же причины, не бывшие ни в какой связи с еврейским вопросом, общее внимание сосредоточилось впоследствии главным образом на кишиневском погроме. Произошло это потому, что из секретного стола губернатора Раабена было вынуто за огромную сумму собственноручное письмо Плеве, уличавшее его как инициатора и организатора бойни, жертвами которой оказались несколько сот еврейских семейств Кишинева.

Техника погромов теперь известна всем, и нет надобности останавливаться на ней. Князь Урусов, назначенный в Кишинев тотчас после погрома, говорит в своих «Записках губернатора», что нигде в делах департамента полиции не мог найти следов участия министра внутренних дел в устройстве погрома. Нужно быть или притвориться наивным, чтобы ожидать оставления таким испытанным конспиратором, как Плеве, каких-нибудь прямых улик своего преступления. Письмо к Раабену остается пока единственным документальным доказательством вины Плеве¹. Можно себе представить, как был взбешен высокопоставленный погромщик, когда «Times» разнес по всему миру текст этого документа. Губернатор Раабен был неожиданно смещен. Не зная, что петербургский корреспондент «Times» был ни при чем в извлечении письма Плеве из стола Раабена и что это было дело рук местных евреев, а уплачено было за письмо одним из деятелей позднейшей эпохи освобождения, Плеве выслал корреспондента из Петербурга. Мало того! В запальчивости он потерял меру власти и заявил высылаемому англичанину, что в лице его он наказывает газету «Times». Заявление это вызвало гомерический хохот всей английской прессы, а известный публицист Стэд обратился к Плеве с открытым письмом в своем журнале «Review of Review».

Что оставалось делать министру?

Сфабриковать ответ, где благородное негодование сквозило бы в сдержанных строках государственного человека, да назначить хоро-

¹ Существует предположение, что это письмо апокрифично, но мы имеем сведения от лица, все время бывшего в сношениях с самим Плеве, которое подтверждает подлинность документа, опубликованного впоследствии в «Times».

Генерал Трепов, бывший диктатор, без образования, без способностей, вышедший из ничтожной среды кавалерийского полка в настоящие самодержцы. Организатор октябрьских погромов, круто изменил тактику в 1906 году, советуя царю отдаться оппозиции. Потерял за это любовь и влияние и умер от мании преследования, оставленный на смертном одре Николаем.

шего губернатора в Кишинев? Это и было сделано.

Царь был во время погрома в гостях у брата своей жены, гессен-дармштадтского герцога, который и показал ему письмо Плеве в «Times». Николай, пока еще сомневавшийся в том, что кровь подданных может укреплять абсолютизм и династию, выразил неудовольствие. Несколько спустя, когда маленькая принцесса Ирена, дочь великого герцога, гостившего у Николая, умерла со всеми признаками отравления, рассказывали, что это была месть Плеве царицыну брату и что отравка только не дошла по назначению. Разумеется, версия эта маловероятна, но она характерна для общественного мнения о человеке, в фактическом управлении которого находилась тогда вся Россия.

Чтобы доказать свою непричастность к ки-

Тела убитых при кишиневском погроме евреев. Доселе живет версия об инициативе Плеве; письмо его об устройстве погрома, найденное в столе губернатора фон Раабена, было помещено в «Times».

кишиневскому погрому, Плеве допустил в августе того же года погром в Гомеле. В тех же «Записках губернатора» мы находим косвенное указание на продолжавшееся преступное влияние Плеве.

Между этими двумя погромами Плеве дал

убить уфимского губернатора Богдановича, как это установлено теперь мемуарами жандармского генерала Новицкого. Россия была в уверенных в себе руках: террористы работали не только во славу революции, но и во славу любовных походов министров.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

В ожидании войны.— Круговой обман.— Две иностранные политики.— Дешши к Алексею.—

38-я параллель и традиционное «Господь с вами».— Наивная вера в помощь Бога преступлениям.—

Жестокое наказание ожидает царя.— Стягивание войск.— Недочеты вооружения, одежды, продовольствия.—

Поздно исправлять.— Последние приготовления Японии.—

Внутренние осложнения одновременно с возникновением войны.—

Аграрные беспорядки в Полтавской и Харьковской губерниях.—

Князь И. М. Оболенский и телесные наказания.— Лопухин — знаток аграрного вопроса.—

Плеве сманивает его в департамент полиции, но поздно и здесь что-либо исправлять.—

Гроза приближается.— В Дальнем и Порт-Артуре.— Общее веселье и неосведомленность.—

Бал в Зимнем дворце.— Царь о войне с Японией.— Обычная обстановка балов.—

Где делаются иногда карьеры? — Рассказы графа О. Келлера.

В конце 1903 года неизбежность войны с Японией стала настолько очевидной, что приготовления к ней почти перестали скрываться¹. По официозу военного министерст-

ва, «Русскому инвалиду» (характерное название для органа действующей армии), можно было следить за комплектованием частей и подготовкой перевозочных средств.

¹ Говорили в начале 1904 года, будто царь на новогоднем приеме дипломатов довольно резко дал понять

японскому посланнику, что Россия велика и сильна и что воевать с ней он не советует.

Мобилизация в деревне. Призывной просит мир не оставить его семьи в случае его смерти на войне.

Эти сведения, во всяком государстве составляющие секрет, у нас ни во что не считались, и японцы из первых рук и без расходов могли получать все нужные справки. То же продолжалось и потом, во время кампании. Но ни желание воевать, царившее в высших сферах правления, ни полная неготовность армии, ни равнодушие населения к надвигавшейся беде не учитывались тогда в достаточной мере общественным мнением России. Оно словно преклонялось перед фатумом, ожидая естественного хода событий и привыкнув за годы реакции обсуждать их *post factum*, когда ничего нельзя уже было исправить или предотвратить.

В значительной степени это равнодушие общества было кажущимся. Пресса продолжала изнемогать в непосильной борьбе с цензурой, свободы собраний и слова не существовало. Но если проследить за внутренней жизнью страны в месяцы, предшествовавшие войне, мы повсюду натолкнемся на явные признаки серьезного брожения умов, даже на прямые приготовления к использованию предстоящей кампании в целях освободительного движения. Наружный покой был весьма обманчив, а без-

гласность только помогала Безобразову, Абаза и Николаю вести свою иностранную политику вне зависимости от патентованных дипломатов. Между резиденциями царя и его азиатского наместника Алексеева происходил оживленный обмен телеграммами, из которых очевидна роль Николая в провокации столкновения, казавшегося выгодным и легким. Несколько ниже мы найдем и документальное подтверждение тому, что если царя обманывали, то и сам он платил тем же, лишенный чувства ответственности за свои слова.

Алексеев, при всей своей самоуверенности и неосведомленности, все же знал о подготовке Японии, для которой Корея была нужней, чем для России, и не решался начинать войну на свой, так сказать, страх, поэтому нужно было договориться с Царским Селом о том, что считать за *casus belli* *, когда нужно обидеться и заступиться за честь империи. Условились на том, что если японцы перейдут 38-ю параллель северной широты, то Алексеев начинает военные действия. Деша царя кончалась

* Повод к войне (лат.).

традиционным призывом благословения Божи́я на русское оружие и самого наместника¹. Эта наивная вера в то, что Творец всегда озачлен русскими делами, хотя бы это были преступления, как дворцовые перевороты Екатерины II, ее внука Александра I, или мошенничества, как с концессиями на Ялу, проходит красной нитью через все этапы русской истории, запечатленные манифестами, указами и депешами царей. И хотя та же история неоднократно давала обратные уроки, подчеркивая поражениями русской политики обязательность для царей и их правительств общепринятой морали, мы снова присутствовали в 1904 году при кошунственном привлечении Бога к благополучному завершению желанной войны, авантюристический характер которой был ясен, вероятно, и для самого Николая.

Жестокое поражение ожидало надежды царя, наместника и Плеве, оно ожидало и русские войска, бывшие верным отражением всех сторон государственного режима. Люди же, которые должны были удобрить своею кровью и костями чужую землю, а также и те, что образовали из себя отдели в водах Желтого моря, являлись как бы последней жертвой разоренной самодержавием страны, приносимой року за освобождение ее от этого зла.

Итак, солдаты, лошади и пушки тянулись на Восток непрерывной вереницей поездов. Не обращали внимания на то, что из новых орудий не умели стрелять и даже офицеры артиллерии не знали их устройства, в чем великий князь Сергей Михайлович убедился при инспекторском объезде батарей. Не считались с такими дефектами обмундирования и обуви войск, которые должны были внести болезни, ссадины ног, обмороживания и тем понизить боевую пригодность армии, ибо прав был великий Наполеон, говоря, что «только хорошо одетый, обутый, накормленный и выпавший солдат годен для победы».

Интендантство готовилось не к войне, а к наживе за счет всеобщего разорения. Солдаты хранили угрюмость, офицеры смотрели на предстоящую кампанию как на военную прогулку и развлекались карточной игрой, вином и женщинами, потянувшись на Восток, как стая ворон, чующая обильную поживу. Мало

кто обращал внимание на отсутствие планов, на общее незнакомство с китайским и японским языками. В штабе не представляли себе, чтоб японская армия, пришедшая с крохотных островов, могла сколько-нибудь успешно маневрировать на безбрежных плоскогорьях восточной Азии, где, наоборот, было где разгуляться русским, привыкшим к широким маневрам на пространствах сотен тысяч квадратных верст.

«Шапками закидаем!» Этот глупый и праздный клич шовинистов раздавался в Петербурге, где не свою ведь кровь собирались лить во славу самодержавия. Крестьяне готовились к отдаче своих лучших сыновей, и из солдатских песен мы давно знаем, с каким печальным настроением они идут в бой, творят чудеса храбрости, проигрывают по бездарности полководцев битвы и возвращаются домой, где ожидают их новые эпохи разорения, гнета, невыносимой пустоты жизни и безрадостности труда.

В стороне держалась пролетарская интеллигенция. И из ее рядов много пошло на войну, много сложено голов, но она вознаградила себя по крайней мере тем, что не только принесла домой правдивые вести о войне, но и там, на театре сражений, не теряла времени для просвещения темной солдатской массы. Можно быть разных мнений о вовлечении армии в политическое движение, и мы принадлежим к числу противников этих опасных экспериментов, но в деле русского освободительного движения пропаганда, ведшаяся в войсках и, между прочим, совершенно не могшая отразиться на исходах боев, так как никто еще не обвинил солдата в трусости или сознательном уклонении от сражений, сыграла немалую роль.

Будь граф Витте прямодушней и смелей, а Куропаткин умней, почетный мир с Японией был бы также обеспечен, как и бескровный успех революции. Манифест 17 октября можно было бы продиктовать на полгода раньше, и не из Петербурга, а из Сибири. Войска и царь принесли бы присягу на верность конституции, и история России пошла бы по иному пути.

Но в то время, о котором идет речь, об этом никто не загадывал. Приходилось расхлебывать круто заваренную кашу, хотя смутная тревога уже носилась в воздухе. Дело в том, что, чем ближе подвигалась развязка переговоров с Японией, тем чаще приходили сведения о беспорядках внутри России. Потому ли, что у всей администрации было много хлопот с мобилизацией и вообще военными приготовлениями или вообще надзор за жизнью поезда, но только положение было нехорошее. Достаточно бегло взглянуть на хронику по-

¹ Вот подлинный текст этой депешы: Пб. 26. I. 1904. «Желательно, чтобы японцы, а не мы открыли военные действия. Поэтому если они не начнут действий против нас, то вы не должны препятствовать их высадке в южную Корею или на восточный берег до Гензана включительно. Но если на западной стороне Кореи их флот с десантом или без оного перейдет к северу через 38-ю параллель, то вам предоставляется их атаковать, не дожидаясь первого выстрела с их стороны. Надеюсь на вас. Помогите вам Бог!» (Следует подпись царя.)

следних месяцев перед объявлением войны, чтобы понять степень начинавшегося брожения. Сентябрь 1903 года. Во время приема армянских церковных имуществ произведены крупные беспорядки армянами городов Карса, Баку, Елизаветполя и Нухи.

Вторичная стачка железнодорожных рабочих в Борисоглебске.

В Елизаветполе казнено четверо.

Усиленная охрана введена в пяти городах Закавказья.

Во Владикавказе обнаружен склад оружия.

ОКТАБРЬ. В городе Уфе убит председатель суда.

Главначальствующий на Кавказе князь Голицын тяжело ранен.

Усиленная охрана в городах Витебске и Двинске (северо-западный край).

Тюремные беспорядки в четырех городах.

Стачка в городе Ревель.

Взрыв бомбы в городе Риге.

НОЯБРЬ. Нападение на белостокского полицмейстера.

Забастовка фабричных рабочих в городе Белостоке.

Студенческие беспорядки в городе Киеве.

Беспорядки в Николаеве и Бахмуте.

Антиправительственная демонстрация в Харькове.

В Херсоне казнены двое.

ДЕКАБРЬ. Студенческие беспорядки в Варшаве и Киеве.

Ряд аграрных волнений в южных губерниях.

Наконец, в январе 1904 года совершаются покушения на жизнь ломжинского губернатора барона Корфа и тифлисского полицмейстера.

Несомненно, однако, что все эти случаи меньше волновали и заботили правительство, чем аграрные волнения, которые помимо их будущего развития должны были и теперь отразиться на настроении солдат и новобранцев, отправлявшихся на Дальний Восток. Ниже, говоря об аграрном законодательстве Государственных дум, мы остановимся на причинах, вызвавших такие широкие волнения в среде крестьянства. Здесь упомянем только, что предвестником будущей бури оказалось расхищение амбаров графини Карловой, жены одного из многочисленных в России мекленбургских герцогов. Отсюда беспорядки довольно быстро распространились по всей Полтавской губернии и перешли в соседнюю Харьковскую.

Полтавский губернатор Бельгардт, не желавший прибегать к карательным экзекуциям, был уволен в отставку. Харьковский же, князь И. М. Оболенский, широко применял розги и в короткое время добился покушения на свою собственную жизнь. А. Лопухин, кото-

рый служил в то время прокурором харьковской судебной палаты, собрал обширный материал по делам о волнениях и мог благодаря этому представить впоследствии царю составленную по поручению князя Святополк-Мирского записку, в которой не только предсказывал с чрезвычайной точностью расцвет аграрного террора на следующие годы, но и предупреждал о готовящемся заговоре на жизнь самого Николая. Записку эту царь прочел в день своих именин, 6 декабря 1904 года, и она ему не понравилась своим трезвым, деловым тоном. Лопухин с этого момента стал ему неприятен, потому что не лгал для успокоения, а между строк приглашал думать, заботиться, работать.

Впрочем, время и в этом отношении было давно упущено. Нужно было недюжинное мужество, чтобы прервать приготовления к войне и приняться за внутренние реформы. Царю это было непосильно, Плеве — невыгодно. И Лопухин, которого Плеве не мог не оценить как первоклассного работника и которого ему удалось-таки сманить из Харькова в департамент полиции, вдвойне ошибся, рассчитывая и полицию реформировать, и внимание правительства на переустройство всей русской жизни направить. Туча на Дальнем Востоке сгустилась уже настолько, что от грозы не спасли бы теперь никакие громоотводы. Там все и велось именно к тому, чтобы привлечь на себя ряды скопившегося политического электричества, но, как часто при этом бывает, менее всего беспокоились в том углу имперского здания, которому больше всего грозила опасность.

В городе Дальнем приемы и балы у наместника чередовались с увеселительными прогулками по морю. В Порт-Артуре копошились на батареях, мирно работали над сооружением сухого дока и развлекались картами и вином. На эскадре же, стоявшей на рейде и разбросанной по разным пунктам корейского и русского побережья, так были уверены в неподготовленности японского флота, что не принимали никаких мер по ограждению броненосцев от нечаянного нападения, а самый рейд все еще не был минирован, как надлежало. Это было тем более недопустимо, что большая часть порт-артурских судов была заграничной стройки, а потому находилась в исправности.

Январь 1904 года кончался. На 19-е был назначен большой бал в Зимнем дворце. Войны ждали с часу на час и почему-то были уверены, что царь сам объявит о ней собравшимся гостям. Но все шло своим порядком, о войне никто не говорил, только общая невозможность выдавала важность момента.

Наконец во время ужина за царским столом зашла-таки речь о конфликте с Японией, и притом речь с самим Николаем. В записках очевидца читаем: «За ужином возле царя сидела жена посла в Лондоне графиня Бенкендорф. Вдруг, посреди незначашего разговора, она спрашивает Николая Александровича: «Ваше Величество, будет у нас война с Японией?» И, видя, что даже этого застенчивого человека покорила ее бестактность, добавила: «Я спрашиваю Вас не из любопытства и не как жена Вашего посла в Лондоне, а как мать. Ведь у меня сын в Порт-Артуре, на эскадре!»

Семейные чувства всегда трогают царя, и он тотчас же ответил: «Войны не будет. Я ее не хочу и сделал все, чтобы ее не было».

Здесь не знаешь, чему больше удивляться. Способности ли сознательно затемнять правду, выгораживая свою инициативу за стену правительства, ибо телеграмма о 38-й параллели была уже отредактирована, или же наивности царя, продолжавшего, быть может, думать, что Япония только шутит, что она откажется в последний момент тягаться с Российской империей?

Итак, у царя танцевали за неделю до начала разгрома. Здесь кстати будет привести и характеристику этих царских праздников, сделанную бывшим гвардейским офицером. При очевидной преувеличенности и устарелости, она характеризует взаимоотношения царей, чиновничества и дворянства, оставшиеся и поныне теми же. Вот что пишет автор:

«Не знаю, как теперь, но двадцать лет назад придворные балы служили прекрасным экзаменом культурности высшего петербургского света. Не говорю о том, что пускались в ход всевозможные средства, чтобы попасть на бал, а попав, подвергаться почаше на глаза великих мира сего,— это обычные свойства людей, в долголетней материальной зависимости от правительства или Двора потерявших чувство собственного достоинства: обычные свойства профессиональной прислуги, одинаковой всюду, где сохранилась возможность их проявлять.

Но что было поразительно, так это стадная жадность на такие вещи, которые у каждого гостя и дома могли найтись. Дело в том, что вдоль большой, прелестной залы Зимнего дворца, где свободно помещались тысячи две человек, тянулся коридор, сплошь занятый открытым буфетом с чаем, тортами, конфетами, фруктами и цветами. Считалось почему-то, что маленькие придворные карамельки в простых белых бумажках отличаются особенным вкусом, они пересыпались другими сортами, не привлекавшими алчного внимания приглашен-

*Граф Ф. Э. Келлер, бывший губернатор;
на японской войне командовал корпусом,
искал смерти, удрученный неурядицей и видимым
крушением русской военной мощи.
Способный генерал. Убит в сражении при Вафангоу.*

ных; фрукты же и цветы — самые обыкновенные гиацинты, гвоздики, кое-где ландыши, хорошие груши и яблоки, вот и все.

Забавно было смотреть, как увешанные звездами и лентами сановники и нарядные дамы лавировали по залу, становясь так, чтобы и царский выход не пропустить, и к дружной атаке буфета не опоздать. И вот, когда кончался третий тур польского и царская фамилия скрывалась на минуту в соседней комнате, вся эта чиновная и военная знать кидалась, как дикое стадо, на буфет, и во дворце русского императора в конце XIX века происходила унижительная сцена, переносившая мысль к тем еще временам, когда ради забавы русские бояре кидали с высоких крылец в толпу черни медные монеты и пряники, любуясь давкой и драками.

Столы и буфеты трещали, скатерти съезжали с мест, вазы опрокидывались, торты прилипали к расшитым мундирам, руки мазались в креме и мягких конфетах, хватали что при-

дятся, цветы рвались и совались в карманы, где все равно должны были смяться, шляпы наполнялись грушами и яблоками. И через три минуты нарядный буфет являл грустную картину поля битвы, где трупы растерзанных сладких пирожков плавали в струях шоколада, меланхолически капавших на мозаичный паркет коридора. Величественные придворные лакеи, давно привыкшие к этому базару пошлости, молча отступали к окнам и дожидались, когда пройдет порыв троглодитских наклонностей; затем спокойно вынимали заранее приготовленные дубликаты цветов, ваз и тортов и в пять минут приводили все в прежний вид, который и поддерживался до конца бала, так как начинались танцы, и от времени до времени государь проходил по коридору и залам, говоря по паре слов знакомым ему чинам».

Тот же автор повествует далее о том, как на таких балах делались карьеры и как вообще цари пополняли свои свиты.

«Мне рассказывал граф Э. Келлер, как он попал в флигель-адъютанты к императору. У Келлера смолodu была особенность — одна половина бороды седая, другая рыжая.

«Стою я на балу,— рассказывал он,— в коридоре, проходит царь (судя по времени, описываемому здесь, Александр II, тем более что Александр III не говорил уже «ты» офицерам и чиновникам) и говорит:

— Когда это ты, Келлер, обреешь свою бороденку?

Я, не долго думая, бегу в комнату первого попавшегося придворного лакея, прошу бритву, наскоро сбриваю бакенбарды и опять являюсь в залу. Снова проходит Александр, вглядывается в меня:

— Ты, Келлер?

— Так точно, Ваше Императорское Величество!

— Поздравляю тебя флигель-адъютантом!

В другой раз Александр II шел по Летнему саду, зимой там делались для гулявших высокие мостки. Навстречу попался П., тогда еще молодой сапер, огромного роста¹; чтобы дать

дорогу царю, П. сошел с мостков, увяз по колени в снегу и все-таки оказался выше Александра, который за это и взял его в свиту».

Наконец, находим описание конца придворного бала:

«Котильон подходит к концу, скоро ужин, для трех тысяч человек все сервировано в нескольких больших залах: танцующие имеют привилегию на так называемый «золотой» зал с золочеными колоннами, где на небольшом возвышении стоит и царский стол, покрытый цветами. Еще задолго до открытия дверей в этот зал возле них начинает толпиться народ, преимущественно дамы, старые генералы и те из нетанцующей молодежи, кто знает, что в «золотом» зале посвежее провизия, ибо приготовить большой ужин на три тысячи душ даже и придворная кухня не может меньше чем в три-четыре дня. Попал и я раз, прижаться, в эту толпу, влекомый желанием лучше поесть. Со всех сторон окружали меня женщины в открытых бальных туалетах, притом исключительно пожилые, недостатки бюстов возмещались искусным размещением наличного материала на каких-то полочках, которые я поневоле созерцал, будучи выше их ростом. Спины, покрытые прыщами и припудренными пятнами старческой экземы, острый запах пота, не заглушаемый никакими духами,— все это создавало атмосферу лихорадки, а не дворца, наконец мне просто стало больно, так напирала со всех сторон. Градоначальник Грессер (погибший впоследствии от впрыскивания себе какой-то молодой жижи) с искаженным злобой лицом заслонял своей огромной фигурой заповедную дверь и тщетно призывал дам не тискаться. Но вот замер последний звук музыки. Грессер распахнул дверь и немедленно был отброшен в сторону потоком женских тел, стремившихся занять места за столами». И т. д.

Не совсем так, но в этом же роде протекал и бал 19 января 1904 года. И не успели улечься его впечатления, как в истории России наступил роковой для династии поворот.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Взрыв трех броненосцев.— «Коварный враг». —

Манифест.— «Укус блохи». — Первые впечатления.—

Патриотический подъем.— «Варяг». — Черносотенные демонстрации.

26 января, в то самое время, когда офицеры порт-артурской эскадры веселились на именинах своей адмиральши и когда в темноте рейда

блестели только освещенные иллюминаторы броненосцев, три японских миноносца подошли, не торопясь, без шума к самым бортам «Цесаревича», «Ретвизана» и «Победы» и выпустили свои мины.

¹ Вероятно, Прескотт, ныне инженер-генерал.

Так началась война. Хорошая конструкция судов и отсутствие стеариновых заклепок спасли их от немедленного потопления, но надолго вывели из строя. В Порт-Артуре заторопились, рейд начали минировать, причем потопили немало собственных судов и транспортов, натывавшихся на всплывавшие мины. Комендант крепости Стессель, составивший себе славу пекинским походом, абсолютно бездарный, невежественный и трусливый человек, обращал больше внимания на свои личные дела, нежели на гарнизон, он ссорился с адмиралами, с собственными подчиненными, говорил войскам праздные слова, вызывая жидкие крики «ура» у людей, уже предвидевших ужасы осады. В штабе Стесселя находился один лишь дельный, не терявшийся человек — генерал Кондратенко, впоследствии погибший на передовой позиции и которому гарнизон обязан лучшими страницами боевой истории. Все остальное началось точно на подбор отличалось неспособностью, необразованностью, трусостью. На процессе о сдаче Порт-Артурса с поражающей ясностью нарисована была картина беспомощности командиров перед лицом врага, за которым, с легкой руки Николая, осталась кличка «коварный».

Царь, по-видимому, был уверен, что всякой войне с Россией¹ предшествует официальное объявление ее правительством враждебной стороны, нечто вроде древнего вызова славянских князей: «Иду на вы!» И хотя международное право совершенно не знает такого обычая, а около Николая всегда терся знаток этой науки профессор Мартенс, ему все-таки не объяснили закономерности японских действий. В Царском Селе полагали, таким образом, что рубить втихомолку чужие леса и возводить укрепления на чужой еще территории — значит осуществлять какое-то право, а объявлять войну не бумагой, а миной есть непозволительное коварство.

Так-таки в манифесте царя и значилось: «коварный враг». Но и здесь Николай не был искренен; одно из двух: или событие в Порт-Артуре потрясло его, и тогда во всех отзывах о нем он должен был оставаться верен впечатлению, или нет — тогда нечего было говорить громких слов. Но именно в эти же ближайшие к 25 января дни царь поражал всех веселостью и легкомысленным отношением к начинавшейся драме.

Так, когда кишиневский губернский предводитель дворянства Крупенский, представляясь ему, заговорил о потоплении судов, сделав

¹ Для России же, как видно из его депеши Алексееву, такого правила не полагалось.

ДОКЕТРЕННОЕ ПРИВЪВЛЕНЕ

Вѣдомостѣ Спб. Градоначальства

Спб. 28 января 1904 года

Высочайшій Манифестъ.

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ.

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЪВЛАСТЕЦЪ РУССКАГО ЦАРСТВА.

Вѣдомостѣ Спб. Градоначальства
Спб. 28 января 1904 года

Вѣдомостѣ Спб. Градоначальства
Спб. 28 января 1904 года

*Facsimile манифеста об открытии
военныхъ действий противъ Японіи,
напечатанного в полицейской газетѣ
вечеромъ 28 января 1904 года*

приличную случаю мину, Николай небрежно заметил: «Ну, знаете ли, я смотрю на это как на укус блохи!»

На общество начало войны произвело иное впечатление. Даже в тех сферах, где оппозиционные чувства никогда не остывали и где умели связывать такие случаи, как потопление броненосцев, с общими условиями русского государственного строя, даже и там к горечи подтверждения недостатков этого строя примешивалось пробуждение здорового патриотизма. Он будил заснувших в реакционную ночь, толкал ленивых, указывал новые пути действия заблудившимся между прогрессивных доктрин.

Если представить себе народ как аморфный раствор соли, то 26 января было той последней

крупницей ее, после прибавления которой процесс кристаллизации совершается с чрезвычайной быстротой.

Момент этот всякое иное правительство сумело бы использовать для укрепления своей политики. Колонии Англии не сочувствовали войне с бурами, но помогли метрополии, зная, что авантюризм начала кампании не поведет к угнетению бывшей трансваальской республики, а принесет ее населению все блага английского конституционализма. Но русское правительство достаточно ясно вело себя, чтобы кого бы то ни было ввести в заблуждение относительно конечных своих целей.

Сознательный подданный Николая отлично знал, что война затеяна не для его блага, а для царского, что всякое укрепление абсолютизма равнозначно увеличению гнета над страной, усилению чиновничества. Поэтому и патриотизм подданных не думал выражаться в сочувствии к царю или одобрении правительства, а с самого начала принял направление к уменьшению страданий народа и его детища — армии. Органы самоуправления первые откликнулись на призыв к пожертвованиям и там, где не вмешивались губернаторы и где реакционеры были в меньшинстве, назначали свои ассигнования исключительно на лазарет, питательные пункты, помощь семьям убитых. Но были и такие учреждения, что дали себя обмануть искаженными версиями о гибели порт-артурских судов, а особенно «Варяга» и «Корейца», якобы геройски прорывавшихся из Чемульпо, и назначили большие суммы на постройку миноносцев. В том же направлении вели агитацию в деревнях и земские начальники.

Много трудовых копеек пошло на это дело, но теперь известно, что среди построенных на крестьянские и земские жертвы миноносцев были такие, где разве одни флаги были новые, все же остальное сделано было из старогохлама, валявшегося в кладовых и на дворах судостроительных заводов. Даже и те суда, что спешно строились в то время на некоторых иностранных верфях, оказались потом негодными, как, например, работы Виккерса или газолиновые моторы Никольса. Купленный на миллион рублей, данных графом Строгановым, транспорт тоже оказался неспособным к плаванию и так и не вышел из Балтийского моря. Словом, правительство, а в частности морское министерство, оказалось на прежней высоте разложения, да иного нельзя было и ожидать.

* Сведения о постройке миноносцев из «старогохлама» неверны.

Хорошо сознавая свою непопулярность и видя, что ни манифест, ни басни о «Варяге», ни портреты восточных героев Алексеева и Стесселя не вызывают восхищения населения, Плеве считал благовременным симулировать это восхищение. Губернской администрации было предписано организовать повсеместно патриотические демонстрации, привлекая для этого все подходящие элементы, не выключая и школ.

В России, где флаги вывешиваются и иллюминации зажигаются по распоряжениям полиции и где общественные чувства выражаются по команде, нетрудно было устроить шествия по городским улицам с хоругвями, царскими и алексеевскими портретами, с хорами музыки. На то, что «народ» составляли дворники, босьяки, хулиганы, переодетые полицейские и что только впереди процессий замечались иногда ученики школ и гимназий, довольные всяким случаем пошуметь, не обращалось внимания. И только когда оказалось, что поднятое из своих берлог городское отребье не желает ограничиться выражением патриотизма, а стремится заодно к разбитию кабаков, к скандалам в общественных местах и зданиях, даже к грабежам, то поняли опасность и поспешили прекратить демонстрации.

Царь охотно рассказывал представлявшимся чинам, как там-то и там ему делались, как он выражался, «демонстрации с портретами». Возможно, что он не подозревал, что портреты эти выдавались дворникам из полицейских участков, что флаги шились там же и что народ начисто отсутствовал в скандальных процессиях. Цари воспитываются в сознании, что любовь и преданность к ним подданных заложены в русской крови, как шарики гемоглобина, и что проявлять эти чувства вояку для них так же естественно, как дышать. Какой наивный самообман!

Полоса демонстраций сплыла так же быстро и по тому же полицейскому распоряжению, как и была вызвана. Но, вероятно, никому не приходило тогда в голову, что правительство, тоже, быть может, бессознательно, произвело обширный и очень для себя удобный опыт. Не дальше как через тридцать шесть месяцев он пригодился для симуляции контрреволюции, вызвавшейся в ряде погромов и основании «Союза русского народа». Полицейский государственный строй, не имевший корней в народе, должен был сам изыскивать суррогаты этих корней и этого народа и нашел их в участковых регалиях и жителях городских трущоб.

Деревня продолжала жить обособленной жизнью и в расчеты не входила; когда было нужно, приговоры патриотического характера писались земскими начальниками,

доставлялись губернаторами Николаю, и его неизменные отметки: «прочел с удовольствием» — передавались на крестьянских сходах, недоумевавших о причинах царской радости. Участникам сходов было теперь не до того:

мобилизация отнимала последних работников. Резервисты плелись к знаменам и пушкам под вой женщин и детей, и русская водка обильно смешивалась со слезами, которыми Россия встречала укус блохою ее самодержца.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Война.— Тюренчен.— Артур.— Осада его.—
Госпожа Стессель.— Цены продуктов.— Моряки.— Назначение Макарова.—
Гибель «Петропавловска» с Макаровым и Верещагиным.—
Рассказ Рыздзевского.— Лаоян.— Мукден.—
Терпеливый полководец.— Эскадра Рождественского.—
Небогатов.— Небывалый морской переход.— Угольные станции.—
Потопление английских рыбаков.— Пробойна «Авроры».—
Цусима.— Общее раздражение.— Развал армии.—
Линевич.— Петербургские влияния.— Гриппенберг.—
Кандидатура великого князя Николая Николаевича.—
Дети великого князя Владимира на войне.—
Обезеды войск по городам.— Серафим не помогает.— Неслыханный позор.—
Крушение престижа России на Западе и Востоке.

Мы не имеем намерения долго останавливаться на Японской войне. Отчасти история ее общеизвестна, отчасти постоянный характер ее, отступления русской армии и победы японской делают лишним описание отдельных периодов.

Под Тюренченом обнаружили те самые качества военачальников, дезорганизация войск и технические дефекты, что привели Куропаткина к Лаояну и Мукдену. Порт-Артур, где совершенно напрасно надеялись на выручку с суши, был в свое время отрезан, и супруги Стессели могли обратиться к торговле съестными припасами, предоставив гарнизону умирать от тифа, цинги и японских «шимоз». Беря за корову пятьсот, за индейку 50, за курицу 25 рублей, можно было обеспечить заранее покупку дома по сдаче Артура. И когда Стессели надоели укоры генерала Кондратенко, а слащавые депеши к «матушкам-царицам» и «батюшке-царю» стали оставаться без ответов, негодный трус и лавочник просто послал своего офицера к маршалу Ноги и не только подписал позорную капитуляцию, но еще и лошадь свою подарил победителю, и фотографию снял совместную, чем, вероятно, особенно поразил его.

С гарнизоном Артура к японцам переходили запасы провианта и снарядов, достаточные для нескольких месяцев осады. Но так как условия, в которых боролся Артур, были вообще тяжелы, а роль Стесселя в то время еще не была выяснена, то ему со всех сторон выражали симпатии, и, как известно, даже император Вильгельм хотел пожаловать будущему подсу-

димому высокий знак отличия. Флот, запертый в Порт-Артурской бухте, медленно таял, не принося ни малейшего вреда японскому, наши снаряды не долетали до судов, с которых русские броненосцы расстреливались безошибочно. На назначение адмирала Макарова возлагали особенные надежды, и это было характерно для оценки общего упадка духа в крепости. Но «Петропавловск» наткнулся на мину, по-видимому нами же поставленную, и затонул в такое короткое время, что спаслись лишь очень немногие. Утонул и Макаров, а с ним и лучший русский баталист-художник Верещагин. Едва не погиб и сын Владимира, великий князь Кирилл.

В России гибель «Петропавловска» была сочтена за начало конца, да так оно и было. Но в Царском Селе не унывали.

В день гибели Макарова должность министра Двора исполнял один из развратнейших генералов свиты, Рыздзевский,— барон Фредерик был в отпуску. У Рыздзевского в три часа дня был назначен доклад царю. Крайне огорченный тяжелой вестью с войны, Рыздзевский с ужасом думал о той сцене, которая должна была разыграться в кабинете, где искренно любимый им Николай останется с ним наедине и даст волю бушевающему его отчаянию. Утром была надежда на отмену доклада, но в три часа Рыздзевского вызвали во дворец.

«Приезжаю я,— рассказывает он,— оказывается, государь на панихиде по Макарове. Ну, думаю, еще хуже вышло все. Но вот служба кончается. Николай в морской форме возвращается из церкви, весело здоровается со мной,

тянет за руку в кабинет и говорит, указывая на окна, в которых порхали крупные снежинки: «Какая погода! Хорошо бы поохотиться, давно мы с вами не были на охоте. Сегодня что у нас — пятница? Хотите, завтра поедем?»

Совершенно сконфуженный и сбитый с толку Рыздзевский пробормотал что-то в ответ и, скомавав свой доклад, поспешил откланяться. В приемной он встретился, однако, с приятелем и несколько минут поговорил с ним. А когда спускался по лестнице в вестибюль, то в окно увидел Николая, стрелявшего в саду ворон из небольшой винтовки.

Невольно просится сопоставление с Людовиком XVI, отмечавшим дни, когда не было охоты, словами: «ничего не было», хотя именно тогда его задерживали в Париже революционные вспышки и французский трон трещал по всем швам.

С тою же развязностью встречал царь и дальнейшие поражения своей армии. Нельзя думать, что такое отношение покоилось на полном нравственном уродстве, тем более что, наряду с равнодушием к народу, Николай проявлял нежную любовь к детям и милое внимание к отдельным лицам из придворного и чиновничьего мира. Вернее, здесь наблюдалось временное притупление мышления, вызванное рядом неудач и ощущением своего бессилия.

Это соображение подтверждается и тем сопротивлением, которое в это время царь обнаруживал всякому длительному разговору или докладу, посвященному войне и внутренним делам, приводя неприятную беседу скорей к концу. Он точно зажмуривался от страшных картин синематографа реальности, смутно предчувствуя, что они являются лишь прелюдией к драме, личное участие в которой сделается для него непредотвратимым. В этом естественном психологическом процессе была тем не менее одна глубоко печальная сторона — это постепенное отвращение к неприятной правде, ко всему, что заставляло углубляться в себя, к мотивировке решений, к детальной критике.

На самом верху правления водворялся дилетантизм, притом дурного сорта, ибо исходил не из положительных, а из отрицательных сторон царского интеллекта. Он подсказывал огульные определения, вроде того, что «все евреи — кадеты, а вместе они — масоны», что, наоборот, «союзники» оклеветаны и в политических убийствах неповинны. Что губернаторы всегда правы, а земцы всегда виноваты. И так далее.

Таким образом, и самый неуспех военных действий продолжал объясняться «коварностью» японцев, а не неспособностью генералов

*Вице-адмирал С. О. Макаров.
Погиб в Порт-Артуре
вместе с художником В. Верещагиным
31 марта на борту броненосца «Петропавловск»,
подорвавшегося на японской мине.*

во главе с Куропаткиным. Армия являлась как бы обманутой бесчестным врагом, который не вывозил своих орудий на видные места, а стрелял из оврагов и горных ущелий перекидным способом, который не жалел своих войск и генералов и делал обходы целыми армиями, притом в сотни верст, а не атаковал наших позиций в лоб.

И если главнокомандующий Куропаткин, созерцавший все это, терпел, приглашая и всех остальных к терпению, то почему бы не терпеть и сделаться наконец равнодушным к разгромам и самому царю, жившему за восемь тысяч верст от полей сражений, от госпиталей, от скотских вагонов, где в навозе метались в бреду раненые подданные, от блиставших электричеством поездов, где жуировали его генералы и кузены, от куропаткинских роялей, на которых упражнялся в музыке терпеливый стратег, и его кроватей с розовыми шелковыми

одеялами, ныне украшающими музей трофеев в Токио?

Здесь, в меланхолическом потоке царско-сельских садов, глохли впечатления страшных вестей и битва при Лаояне не казалась тем, чем была, то есть величайшей из битв, известных военной истории мира, а обычной неудачей, происшедшей оттого, что какой-нибудь полк или дивизия опоздали на десять минут.

Здесь, на мягком ковре детской комнаты, быть может изображавшем в этот момент море, и где шесть веселых детских телец копошились, играя в морскую войну, весть о Цусиме не звучала как *memento mori* * для престижа России и самого самодержавия, а была досадной помехой бывшей в разгаре забавы.

Здесь, наконец, на какой-нибудь охоте, преследуя с гончими стадо испуганных лосей, мчащихся в панике через кусты и канавы, не хотелось думать о том, что под Мукденом такими лосями были русские полки и что японские маршалы испытывали те же чувства, что и царственные охотники в Беловежье или Гатчине...

Между тем постоянные поражения так же сопровождались чудесами храбрости, как и славные победы прошлого времени. Солдаты умирали именно терпеливо, как того и хотел Куропаткин. Если начальники не бежали, то целые полки гибли, не сходя с места под дождем шимоз, и во рвах укреплений русские и японские трупы свидетельствовали об одинаковом ожесточении, озверелости с обеих сторон. Да и на море, наряду с отвратительными деталями разложения нравов, были обнаружены такие традиции славного флота времен Нахимовых и Корниловых, которые вызывали и вражеское изумление.

Адмирал Рожественский, получивший в команду эскадру, составленную из всякого морского хлама, с экипажами, пополненными арестантами морских тюрем, со снарядами не рвавшимися и пушками рвавшимися ¹, провел эту армаду вокруг всего земного шара без потерь, без отставших, без серьезных нарушений дисциплины. Не его вина, если один слух о нахождении японских миноносцев у Доггер-банки вызвал в офицерстве панику и стрельбу по рыбацким судам, которые своими маневрами действительно напоминали маневры атакующих миноносцев. И скандальный третейс-

* Помни о смерти (*лат.*).

¹ Между прочим, когда собственным снарядом была пробита «Аврора» во время Гульского боя с рыбаками и экипаж счел это за японское нападение, командир поспешил успокоить его, заявив: «Если б это были японцы, снаряд разорвался бы, а этот не разорвался. Наши стреляют!» **

** Сведение о неразорвавшемся снаряде другими авторами не подтверждается.

Генерал Кондратенко, герой Порт-Артура

кий суд нужен был не ему, Рождественскому, хладнокровно шедшему навстречу гибели, а тем офицерам, которые боялись идти на Восток и хотели спастись с эскадры на берег. Адмирал не был причиной и тому, что его капитаны неспособны оказались хранить вверенные им тайны, а значит, неспособны и к морской войне. Когда он собрал их к себе, в Ревеле, перед выходом в море, чтобы передать название места, где должна была произойти первая нагрузка угля, он отобрал у всех честное слово в держании названия в секрете.

Все дали слово, а к вечеру, еще не выходя из Ревеля, последний матрос знал, где встретятся угольные суда! * Между тем вопрос этот отличался особой деликатностью, ввиду обязательности для держав нейтралитета. Известно теперь, что вопрос об угле был решен личной перепиской Николая с одним из европейских

* Участники похода не подтверждают слух о том, что место рандеву было широко известно.

Адмирал Рожественский и адмирал Того

государей и что последний лично вручил царю список мест, где угольщики должны были ожидать эскадру. Нейтралитет, несомненно, нарушался, но зато угольная промышленность была щедро поддержана и, главное, произведен широкий опыт снабжения углем судов во время войны. Опыт блестящий, ибо через час-два по приходе Рожественского в условленное место на горизонте показывались дымки угольщиков и перегрузка совершалась без шума и опоздания.

Когда эскадра стояла у Мадагаскара, изнемогая от жары, бурь и безделья, так как снарядов было слишком мало для того, чтобы практиковаться в стрельбе, пришел французский крейсер. С него спустили шлюпку, и через несколько минут на борт «Суворова» поднялся офицер, бледный, с трудом говоривший и потребовавший адмирала для передачи ему пакета. Когда пакет был передан, офицера пригласили в кают-компанию, где он и впал в истерику, упорно отказываясь объяснить ее и прося отпустить его на свой крейсер. Он привез весть о сдаче Порт-Артура. Это потрясение, испытанное офицером чужого флота, где к союзнической жалости могло бы примешаться из-

вестное профессиональное злорадство, полезно сопоставить с отношением русского царя к событиям на войне.

Эскадра вышла в подавленном настроении. И когда Того расстреливал ее суда, как перепелов, которые от ожирения не могут подняться с поля, броненосцы терпеливо гибли, хороня в холодных, чужих водах все секреты своего поражения, всех людей, повинных в нем и неповинных. Сдача отряда Небогатова, бегство к Владивостоку уцелевших судов, черты позора — в оставлении бедствующих товарищей без помощи, преступное поведение адмирала Ухтомского — все это осталось ничтожными штрихами на картине морского побоища, перед которым гибель эскадры Сервера у острова Кубы была небольшой стычкой игрушечных корабликов.

Для России этого было довольно. После Цусимы и Мукдена общее настроение переходит из отчаяния и апатии в резкое возбуждение, печать развязывает язык, люди начинают собираться и говорить о том, что пора положить конец государственному позору. В армии обнаруживается серьезное брожение, газеты, приходящие с родины, будят

*Великий князь Борис Владимирович,
известный скандалист и кутила.*

*Выпускал голых французенок в общую залу
ресторана «Медведь»; повез с собой в Маньчжурию
целый гарем под видом сестер милосердия,
а Куропаткину оцарапал саблей нос за выговор.*

*Этого почтенного родственника
Николай уполномочил в 1911 году заменить его
на коронации английского короля.*

*Генерал
Гриппенберг,
бежал с войны в Петербург
жаловаться на Куропаткина.
Николай I
повесил бы его,
а Николай II
повесил... лишнюю звезду
на негодного генерала.*

интерес к ней, обращают солдатские мысли на общие причины неуспеха, заставляют различать влияния отдельных лиц от влияния всей совокупности условий русской жизни. Поэтому ни смена полководцев, когда Куропаткин не сумел даже с достоинством уступить место Линевичу и, из нежелания потерять богатый оклад жалованья, остался при армии, ни петербургские слухи о том, что главнокомандующим будет назначен великий князь Николай Николаевич для возбуждения храбрости армии, ни скандальное бегство из армии генерала Гриппенберга, которого во всякой другой стране расстреляли бы за это, — все это уже мало интересовало.

В штабах судачили еще о том, как вели себя на войне дети великого князя Владимира, осо-

бливо Борис, привезший с собой целый гарем, среди которого были японские шпионки, как он бранился с Куропаткиным и даже оцарапал ему саблей нос и т. п. Но общий тон становился серьезен. Чувствовалось, что с окончанием войны, которую продолжать было уже невозможно, наступит второй акт там, в оставленной позади России.

Итак, Серафим не помог. Напрасно царь благословлял его изображениями войска и с лошади, и с земли, и из коляски, напрасно Куропаткин был завален образами всех возможных святых. Боги не дали себя обмануть и предоставили суровой Правде разобрать спор между авантюристами, грабителями и развратниками, с одной стороны, с руководи-

телями народа, увлеченного идеей отечественной славы и пользы,— с другой.

Престиж России рушился в мире. Отныне страна царей переходила на последние роли

в постоянно разыгрываемой пьесе, с ней можно было не считаться. Наступал выгодный для Германии и Австрии исторический период. А для России наступал революционный.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Негодование нарастает.—

Раскаianie земства и других учреждений в ассигнованиях на войну.—

Красный Крест и общеземская организация.—

История с генералом Сухомлиновым.—

Хищения открываются.— Интендантство и пожары складов.—

Организация общественных сил начинается.—

Убийство Плеве.— «Плевок».— Участие Азефа установлено.

Хроника второй половины 1904 года пестрит событиями, указывающими на наступление внутренних осложнений. От былого стремления прийти на помощь к правительству, оказавшемуся в беде, ничего не остается, наоборот, неудачи его вызывают открытое злорадство общества, и это явление характеризует одновременно и слабое культурное развитие страны, и безнадежность позиции, занятой царем и чиновничеством. Все точно разбрелись в разные стороны, почувствовав себя чужими друг другу. Земства начали каяться в своих ассигнованиях на войну, изнемогая от обязательных по закону расходов на семьи резервистов. Служащие земских управ и даже правительственных учреждений стали брать назад свои постановления об отчислениях из жалованья на нужды армии и флота. Крестьяне вовсе перестали жертвовать.

Общеземская организация, работавшая на войне параллельно с Красным Крестом и избравшая свою специальностью устройство питательных пунктов, одна продолжала пользоваться общими симпатиями, и стоявший во главе ее князь Г. Львов не перестал получать от земств средства. В Красном же Кресте открывались такие непорядки, после которых назначение судебного следствия бывает обычным явлением. Но, подобно тому как Николай прикрывал собой от ревизий и суда морское ведомство, его мать, Мария Федоровна, прикрывала собой хищников Красного Креста. Как бы предполагалось, что цари не могли ошибаться в выборе лиц и что их присутствие, хотя бы и номинальное, обращало учреждения, известные народу за притоны хищничества и лени, в храмы бескорыстия и усердия. Отдельные вспышки негодования, например по поводу киевской истории с генералом Сухомлиновым (ныне военный министр), допустившим растрату пятьдесят пять тысяч рублей, с бароном Мейендорфом, распустившим

своих петербургских подчиненных до полной откровенности в устройстве своих дел, и т. п.,— обычно заминались влиятельными людьми, и высокие покровители навешивали quasi-обиженным лишние значки и подписывали лишние рескрипты.

Еще покрупнее аферы начинали открываться в интендантстве. Ни одна из предыдущих кампаний России не давала этому ведомству такой обильной поживы. Благодаря куропаткинской системе постоянных отступлений, явилась возможность сжигать все склады с похвальной целью не оставлять их японцам. Но так как некому было проверять обгорелые груды запасов, то писать в отчетах можно было что угодно, и хищения приняли гомерический характер.

Вагоны исчезали тысячами, если в них были хорошие вещи, которые можно было продать китайцам, и, наоборот, загромождали станции, если шли порожними или с ранеными. В общей неурядице, царившей в армии с самого начала войны, обычные дурные инстинкты людей должны были гипертрофироваться до чудовищных размеров, а всякий страх ответственности исчезнуть. Попутно развращались и строевые офицеры, а легкие деньги и жизнь по станциям (ибо армия была точно приклепана к рельсам сибирского пути) поощряли трусость, тунеядство, заставляли не брезговать самыми наивными симуляциями, самыми позорными способами, чтобы только не возвращаться в строй, а тереться возле интендантов и, скопив денег, эвакуироваться на родину.

С таким фундаментальным распадом одной части населения можно было бороться только усиленной мобилизацией другой.

К этому времени и относится начало организованных выступлений общества.

Процесс этот, который мы рассмотрим ниже, протекал в неблагоприятной для себя обстановке. Повсеместное беспокойство, где за

родных, находившихся на войне, где за имущества, все более не обеспеченные от нападений и расхищения, где за собственную свободу, как в интеллигентских кругах, делало все взаимоотношения обостренными, приподнятыми. Вследствие этого и те чисто теоретические разномыслия, что могли бы волновать только в аудиториях, переносились теперь и на самое существо вырабатывавшихся в горниле страданий убеждений.

Будущие политические нелады намечались уже в оценке таких, казалось бы, бесспорных вопросов, как военное поражение, революционная пропаганда в войсках, отношение к пленным японцам, которых чествовали кое-где как избавителей, и т. п. Но в общем русское общество никогда еще не переживало такого эмоционального и идейного подъема, как в описываемое время. Такое настроение неизбежно должно было отразиться и на деятельности крайних организаций. Хроника дает ряд чисто антиправительственных демонстраций, из коих наиболее грандиозной была варшавская, а равно и аграрных беспорядков решительного и вызывающего характера.

Наступал момент, когда и провокация, поскольку она становилась самостоятельным институтом русской жизни, могла проявить себя с выгодой для будущих махинаций. Евно Азеф, давно променявший карьеру инженера на прибыльное ремесло шпиона и имевший за собой несколько благополучно сошедших террористических актов, приступил к выполнению плана, который должен был открыть ему неограниченное доверие центрального революционного комитета или выдвинуть в первые ряды правительства, если б оно уцелело от разгрома. Игра шла на две стороны, успех был обеспечен.

Азеф решил убить самого Плеве.

В его руках за это время находились нити охраны министра и нити, соединявшие между собой известнейших деятелей комитета. Наметьте среди них подходящих людей было нетрудно: многие рвались к совершению политических убийств. Не было надобности и в особой конспиративности, так как от Азефа зависело выдать в любой момент участников заговора и он же мог отвести от них внимание не посвященных в дело чинов охраны Плеве. Как курьез можно отметить, что даже самое изготовление снарядов, предназначавшихся для Плеве, было произведено по его, Плеве, приказанию, переданному Азефом пиротехнической мастерской военного министерства. Скорпион готовился нанести себе смертельный удар собственным жалом.

*Генерал Сухомлинов,
военный министр,
малоспособный кавалерийский офицер.
Бывший киевский генерал-губернатор:
погромов не устраивал,
но денег местного
Красного Креста не берет.*

Нужно было спешить. Убийство генерала Бобрикова в Гельсингфорсе, бывшее неожиданным для революционеров, подготовило почву для нового акта, который явился бы планомерным осуществлением одного широкого заговора. И через пять недель после этого события Сазонов бросил у Варшавского вокзала бомбу в окно кареты Плеве, который, как говорит убийца, успел взглянуть в глаза его и понять ужас своего положения прежде, чем от тела и кареты остались небольшие куски.

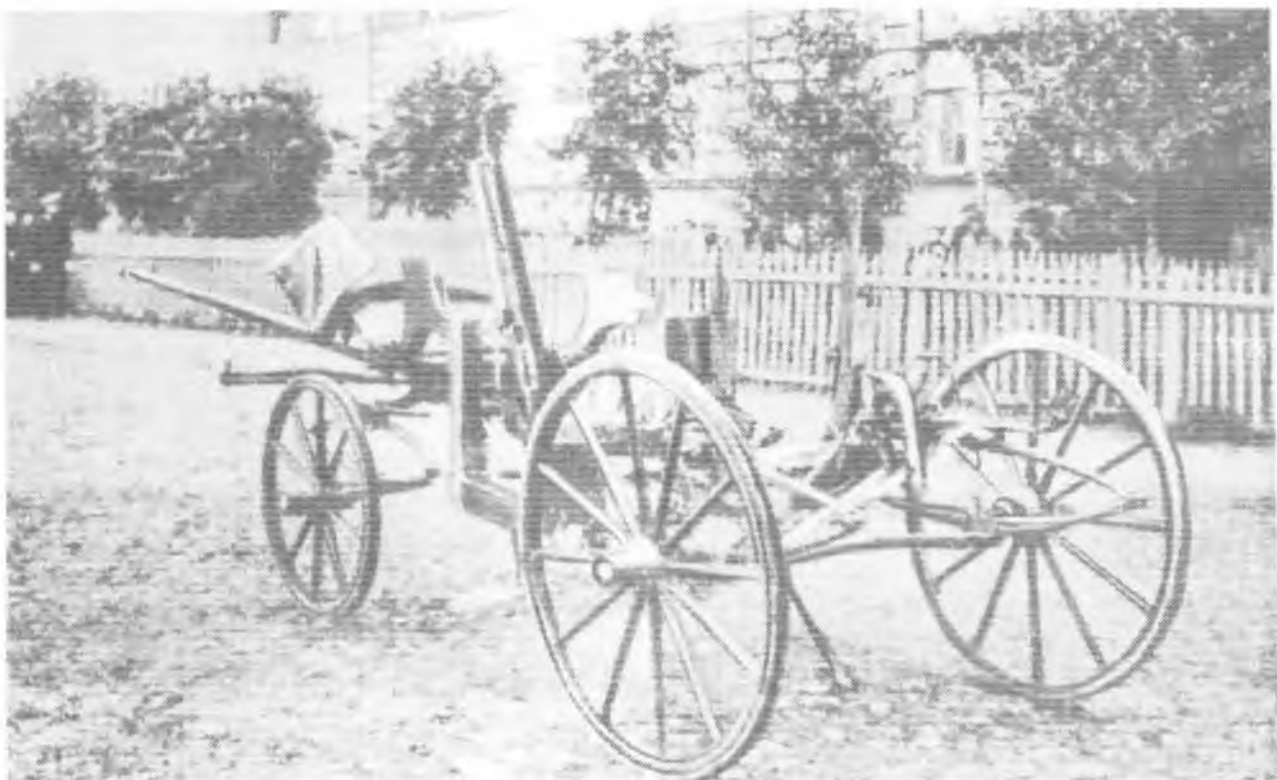
*Е. С. Сазонов, убийца Плеве (р. 1879).
Лишил себя жизни на каторге
вследствие истязаний в 1911 году;
фотография снята незадолго до совершения убийства.*

*Е. С. Сазонов
в 1906 году на каторге.
Разительная перемена
за четыре года.*

*Все, что осталось от Плеве после взрыва бомбы, брошенной Сазоновым в окно кареты.
Сазонов, ныне лишивший себя жизни в акатуйской тюрьме
вследствие истязаний его администрацией тюрьмы, рассказывал,
что в момент бросания снаряда взгляд Плеве встретился со взглядом Сазонова,
и этого выражения предсмертного ужаса последний никогда не мог забыть.
Ныне установлено, что главным устроителем покушения был Азеф.
Направо и внизу большое пятно крови.*

Остатки кареты, в которой находился Плевэ в момент взрыва

Место катастрофы. Дом, в котором не осталось ни одного уцелевшего стекла

Следственная комиссия с министром юстиции Н. В. Муравьевым на месте катастрофы

Гроб с останками В. К. Плеве

Известно также, что убийство великого князя Сергея было организовано тем же Азефом. И не тому ли следует приписать аналогичные последствия взрывов обеих карет (их силу и направление), что снаряды были изготовлены по всем правилам пиротехнической науки в казенных мастерских?

В России все шло точно наизнанку. Снаряды, которые должны были рваться на войне, делались из дрянных материалов, а там, где элементарные соображения должны были внушить подозрения и отказ от работы, последняя совершалась безукоризненно¹.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

«Союз освобождения». — Его печатный орган и мнения о нем в России. —
Программа Союза. — Временное замешательство правительства. —
Назначение князя Святополк-Мирского. —
Эра «доверия». — Несколько новых назначений. — Бессилие отдельных лиц. —
Правитель канцелярии министра внутренних дел Любимов
как символ бюрократической живучести. —
Борьба князя Святополк-Мирского с камарильей. —
Тверское земство. — Возвращение высланных земцев. — Наследие Ширина-Шихматова. —
Земство оживает и готовится к организованному выступлению. —
Департамент полиции также. — Банкеты. — Съезд земцев 6—8 ноября 1904 года. —
Резолюции большинства и меньшинства. — Адреса царю земские и дворянские. —
Неудовольствие чиновников. — Указ 12 декабря 1904 года. —
Недоверие общества. — Что думали лучшие представители бюрократизма? —
Совещание о созыве Земского Собора.

В то самое время, когда открыто готовились бомбы для министров и великих князей, всякое проявление общественной самостоятельности преследовалось, а потому неизменно оставалось конспиративным. Это было одинаково для террористов и мирных теоретиков конституционализма, для экспроприаторов и буржуазной демократии. Нечего и говорить, что работа в подобных условиях совершалась медленно, шла подчас окольными путями к целям, находившимся в двух шагах, и придавала полезной для государства подготовительной деятельности прогрессистов заговорщический характер. Тем не менее нужно было или применяться к русским условиям, или вовсе не работать. И появление «Союза освобождения» прошло под тем же покровом тайны, как если бы это была боевая революционная партия.

Нужно, однако, заметить, что Союз был чист от той заразы, которая возникает одновременно с рождением всякой нелегальной организации. В нем решительно не было места шпионажу, так как входившие в состав Союза земцы и представители науки и литературы органически были неспособны к выдаче товарищей.

Плеве поименно знал большинство Союза, прошлое его членов ручалось министру за их участие в партии, представлявшейся ему тем более опасной, чем более она была неуловима. И однако Союз периодически собирался на заседания, бывшие иногда много-

людными, причем составлялись протоколы их, велась постоянная переписка бюро с отдельными членами.

Мало того, у Союза был и свой орган — известное всем «Освобождение», издававшийся в Штутгарте под редакцией Петра Струве. Листки и номера «Освобождения» циркулировали по всей России, журнал корреспондировал со всеми. Большая часть оглашавшихся в нем деяний правительства и отдельных лиц бюрократического и придворного мира снабжалась доказательствами получения сведений из первоисточников. Язва «Освобождения» заползала, таким образом, в святая святых чиновничества, и дело дошло до того, что князь В. Мещерский, всегда игравший в искренность, приветствовал в своем реакционном «Гражданине» разоблачения революционного «Освобождения».

Союз выработал свою политическую программу (см. прил. I), которая впоследствии вошла в программу партии конституционалистов-демократов и выразилась также в адресе I Государственной думы. Умеренность программы зависела как от личного состава членов Союза, так и от их житейского опыта. Большинство еще раньше успело выработать

¹ Появившиеся в середине 1910 года разоблачения Савинкова, одного из деятельных сотрудников Азефа, категорически подтверждают участие этого излюбленного слуги правительства, которого защищал Столыпин с думской трибуны, в убийстве великого князя Сергея, Богдановича и других лиц. «Почему же Лопухин в ссылке?» На этот вопрос дает ответ содержание этой работы.

в себе то именно мировоззрение, которое объединяло Союз и отражалось на его работах и резолюциях.

Так Плеве и умер, не успев переловить членов «Союза освобождения» и даже не помешав его развитию.

Убийство второго министра внутренних дел несколько обескуражило придворные и правительственные сферы. Курс заколебался, самые противоречивые слухи заходили в обществе относительно ближайшей политики Николая. Но уже поворот в финляндском вопросе предвещал новую либеральную диверсию, и действительно, назначением князя Святополк-Мирского показали, что чистокровное чиновничество скомпрометировано в глазах царя и он хочет освежить его состав относительно новым и независимым человеком.

На свой ли риск или по совету с Николаем, только Мирский с первых же дней управления министерством начал проявлять довольно необычные для бюрократа свойства. В сентябре 1904 года он произнес свою известную речь, одно слово которой окрестило потом и всю недолгую эпоху, предшествовавшую революции. «Доверие», сказал министр, должно лежать в основе взаимоотношений правительства и общества, и это, казалось бы, шаблонное и бесспорное определение было такой новостью в России, что около него немедленно начали собираться надежды, робкие попытки открытых организаций, скромные общественные выступления. Органы земского и городского самоуправления, как более подготовленные факторы освободительного движения, не замедлили широко и совершенно искренно откликнуться на призыв министра, сделанный как бы от имени правительства и царя. Со всех сторон на Мирского посыпались сочувственные приветствия, в которых кое-где всматривались и намеки на то, что земские люди готовы принять и более активное участие в работе правительства по переустройству государства.

Поскольку упования земства были чистосердечны, они были и наивны. Чиновничество оставалось глухо к смене настроения во дворце и населении, оно давно привыкло к самостоятельному существованию, кристаллизовалось, приобрело традиции, и даже, если откинуть в сторону соображения материального характера, не могло тронуться с насиженного места с тою же охотой, с какой сошли с него общество, народ и сам министр. Чувство самосохранения подсказало ему поэтому немедленно и соответствующие меры, и, чтобы не ходить далеко за примером, тотчас вслед за либеральной речью Мирского его товарищ, заведовавший корпусом жандармов, был на-

Министр внутренних дел князь Святополк-Мирский

значен заведовать и всей полицией, что объединяло действие двух главных столпов самодержавия.

С тех пор все короткое пребывание у власти обратилось для Святополка в скрытую войну против реакционно настроенных подчиненных и в еще того более тонкую борьбу с камарильей, где генерал-адъютанту Мирскому все было известно лучше, чем министру Мирскому в среде бюрократов. В руках последних находились к тому же козыри, делавшие шансы игры неравными. Конец 1904 года ознаменовался рядом новых антиправительственных демонстраций и, в противовес им, еврейских погромов, которым тем легче было приписать политический характер, что они устраивались провокаторами, бывшими на службе у департамента полиции. Так и чередуются данные хроники: демонстрации в Петербурге, Варшаве, Риге, Харькове и Гельсингфорсе — погром в Могилеве (через неделю после демонстрации), всегда, впрочем, с перевесом чистого брожения над подставным. Мирский же, по натуре умеренный человек, естественно, склонялся к умеренным общественным кругам, а таковыми были именно земские и городские деятели. Поэтому первым делом его было возобновить сношения, грубо порванные близорукой политикой Плеве.

В короткое время были возвращены из ссылки Родичев, Петрункевич, Бунаков и другие лица; земствам, где было ограничено право самоуправления, дозволено было вернуться к обычному и законному порядку. А так как главным очагом раздоров считалось тверское земство, то Мирский поспешил убрать из Твери губернатора Ширинского-Шихматова, организовавшего весьма наивную, но все же вредную систему взаимных доносов, и назначил туда князя Урусова, показавшего себя в Кишиневе с хорошей стороны.

Это назначение и несколько других, менее заметных, не могли, разумеется, ни на йоту изменить общий чиновничий строй управления и были теми каплями дождя в засуху, которые только раздражают жаждущего путника, не принося ему облегчения. Мирский мог бы убедиться в своем бессилии, не выходя даже из канцелярии: ее правитель, Любимов (сын бывшего профессора физики в Московском университете и доносчика на товарищей, про которого говорили, что он «не профессор, не ученый и даже просто непорядочный человек»), встречал либерального начальника с тою же чиновничьей грацией, как и его реакционного предшественника, которого запросто величал (как и все, впрочем, чины министерства внутренних дел) «Плевком»; он готов был хоронить Мирского с тою же почитательностью, как и двух убитых раньше министров. Это был олицетворенный символ самого русского бюрократизма, сохранявшего жизнеспособность и устойчивое равновесие в самых разнообразных положениях. И когда, в момент открытия I Государственной думы, Любимов назначен был губернатором в Вильно — лучшего признака чиновничьего неунывания нельзя было и выдумать.

Помощники этого типа тормозили, каждый в меру своих специфических способностей, деятельность Святополка, уже начинавшего ощущать непосильность борьбы на три фронта: с тенденциями бюрократии, крайних политических партий и Двором, спешившим вооружить царя против либерала-министра. Когда же по вопросу о возвращении прав тверскому земству обнаружилось, что Николай с такою же готовностью может вернуть права и вовсе их лишить и что он продолжает не разбираться в азбуке устройства собственного государства, Мирский должен был прийти в полное отчаяние. Он чувствовал себя в положении частного управляющего, попавшего к помещику, которого все кругом обманывают и который не знает толком даже границ своего имения.

Поместье на сей раз было слишком обширно, а обман слишком глубок, чтобы кто-ни-

будь из людей мог в одиночку управлять и одолеть их. Только созыв народных представителей мог помочь Мирскому, и сюда начали направляться его действия. В этом отношении он шел наравне с лучшими общественными силами, но, так как они не были еще достаточно организованы, Мирский не мог удержаться один против армии чиновников и отстранился от дела после того, как 9 января 1905 года эта армия дала освободительному движению генеральный бой. Будь, однако, министр моложе, здоровей и опытней, он понял бы, что на площади Зимнего дворца одержана была пиррова победа и что ею открывалась новая эра, эра недоверия России к своему царю, совершалось истинное крушение абсолютизма, окончательное скомпрометирование в народных массах и самого монархического принципа. Но тут уже должны были вступить в бой новые силы, и в предстоявшей сече не мог бы удержаться вообще никакой руководитель правительства.

Как бы то ни было, но с министерством князя Святополк-Мирского связаны даты крупнейших событий предреволюционного полугодия. Это — съезд земских деятелей 6—8 ноября, указ царя от 12 декабря и провокация Гапона 9 января. Все эти даты оставили глубокие следы в последующем движении, как бы наметив и те вехи, по которым должна была направиться ближайшая история России, то есть продолжающуюся умеренность политических и социальных требований русской интеллигенции, нарушения царем своих горжественных обещаний и даже клятв, поскольку это относится к Финляндии, например, наконец, расцвет азефовщины и окончательное смещение крайних революционных и контрреволюционных элементов.

После разгрома земства в 1890 году ни одна серия земских собраний не проходила при таком повышенном настроении земских сфер, как в 1904 году. К осени этого года выяснилось окончательное поражение на Востоке, общее недовольство в центре, революционное брожение на окраинах и намерение правительства свернуть со своего традиционного пути. Несмотря на то что все эти факторы движения нарастали в известной последовательности, момент оказался все же как бы неожиданным, а общество — неподготовленным. Этим обуславливалась, по-видимому, и та спешка, с которой земства, города, печать, общество, университеты приступили к мобилизации своих сил, к демонстрации прогрессивных убеждений, к нащупыванию союзников. И так как общее стремление было влево, то и подошел такой период, когда могло казаться, что все, что стоит против абсолютизма и чиновничест-

ва, есть чисто революционная масса, что крайние действия одобряются на обоих флангах оппозиции и что террор и вооруженное восстание исповедуются чуть не самыми умеренными земскими элементами. Заблуждение было очевидно, но правительство охотно поддалось ему и с этого момента размежевалось окончательно с народом, мысленно объявив ему войну. Департамент полиции деятельно начал готовиться к первому сражению и, верный своей практике, выставил для этого фальшивый стяг — пропаганду Гапона.

Рядом с этой грязью открытые действия «Союза освобождения» принимают особенно светлый характер. Первоначально Мирский дает разрешение на созыв съезда земских и городских деятелей в Петербурге: приглашения рассылаются, представители земств начинают уже съезжаться, как вдруг в Царском Селе взгляд меняется, и Мирскому предлагают не допускать съезда. Однако поздно это делать и неудобно, съезд объявляется только закрытым, частным собранием, на которое министр обещает «смотреть сквозь пальцы».

От 6 до 8 ноября в квартире Брянчанинова происходило первое официальное собрание русских конституционалистов, большинство коих принадлежало к «Союзу освобождения». Сплоченность, дисциплина, умение разбираться в вопросах, вести прения, формулировать решения — всем этим съезд был обязан предыдущей деятельности Союза.

Идеи, одушевлявшие участников исторических ноябрьских заседаний, получили в то время широкое распространение. Начиналась полоса банкетов, на которых впервые раздалось смелое слово вчерашних рабов бюрократизма, почувствовавших свое завтрашнее освобождение. Нельзя было ожидать, чтобы эти первые и пылкие речи были взвешены и продуманы, чтобы они имели большое воспитательное значение. Это были крики измученных людей, возбуждавшие повсюду отклик и объединявшие разные круги населения скорее по чувству, нежели по рассудку. А так как чувства были однородны, то снова получалась иллюзия полного единодушия русского общества, смешивалась общая ненависть к чиновничеству с единством политических и социальных идеалов. Зрительному и слуховому обману поддавались обе стороны, и он сыграл свою роль в ходе событий. В то время как общество, видимо переучитывая свои силы, набиралось смелости и все резче наступало на чиновничество, последнее начало сомневаться в своем всемогуществе и сделало первую уступку, выразившуюся в царском указе 12 декабря.

В приложениях к этой книге приводятся оба

документа: и резолюция съезда 6—8 ноября, и первый указ Николая, свидетельствовавший о сходе абсолютизма с рельсов (см. прил. II и III).

В самый развал войны и домашних забот, вызванных убийствами Бобрикова и Плеве, родился наконец у Николая давно жданный наследник. Событие прошло незамеченным народом, да и правительство на сей раз не рекламировало царской радости, погруженное в свои дела. Но земства, решившие воспользоваться осенней сессией для представления адресов царю по поводу нового курса, не могли обойти важного для Николая случая, отсюда произошла та странная двойственность многих адресов, которая может поразить будущего исследователя. Почтительные поздравления, невольно слагавшиеся во фразы, свойственные взаимным отношениям самодержца и слуг, дисгармонировали с настойчивостью указаний о неизбежности изменения государственного строя. Некоторые земства, во избежание этого, расчленили поздравления и конституционные стремления свои и послали параллельные адреса. Так поступило и калужское земство, бывшее первым в этой цепи демонстрантов.

Теперь курьезно звучат ультраумеренные выражения его адреса, о котором царь сказал, что он «сердечно написан». Вот что сказали Николаю калужские земцы:

«Государь, Вашему Императорскому Величеству угодно было ознаменовать сороковую годовщину русского земства словами доверия, высказанного через министра Вашего Величества. Одушевленное ими, калужское губернское земское собрание радостно приступает к своим очередным трудам, в твердом уповании на то, что вместе с земскими работниками, чувства которых Вам, Государь, известны, и все лучшие люди, облеченные доверием общества, сплотятся вокруг великого престола, готовые защитить его от врагов твердого правопорядка. Верьте, Государь, что искренно лишь свободное слово, производителен лишь труд равноправных и лично неприкосновенных граждан, чиста лишь свободная совесть и горячая молитва в открытых храмах всех исповеданий. И если настанет день, когда Вашему Величеству угодно будет призвать к государственной работе выборных представителей земли, они образуют ту мощную рать, которая поможет монарху вывести прекрасную страну его на торный путь мирного развития всех духовных и промышленных ее сил, ко благу грядущих поколений и к неувядаемой славе царствования Вашего Величества».

По этому типу составлены были адреса

и других земств. Дворянство не замедлило потянуться по той же дороге, но его адреса по большей части повторяли заезженные выражения верноподданнической преданности и проходили незамеченными печатью и бюрократией. Дворянство в это время было вообще на плохом счету, его игнорировали.

Более чем вероятно, что серия однородных земских и городских адресов столь же повлияла на появление указа 12 декабря, как и резолюции съезда 6—8 ноября. Полное умолчание указа о дворянстве еще подтверждает это предположение (дворянские адреса пошли только с января 1905 года, а земство, разумеется, о дворянских привилегиях и нуждах не заикалось), и в общем конъюнктура складывалась благоприятно для прогрессивной части населения.

Но недоверие общества, воспитанное политикой всех русских царей, а того больше — чиновничества, нельзя было поколебать таким неопределенным актом, как указ 12 декабря. Россия привыкла к громким фразам и тихим делам и нуждалась в реальных доказательствах твердости намерений правительства. Поэтому и в декабре продолжались те же волнения, банкеты и съезды, невольно симулируя наличность революции, бывшей на самом деле только в зародыше. Бюрократия, в свою очередь, была недовольна быстротой и широтой уступок Николая и Мирского и волновалась не меньше своих врагов. Лишь весьма немногие представители правительства отнеслись к намерениям царя сочувственно, считая их серьезными, другие просто не верили своему монарху, хорошо зная его готовность на меры самого противоположного характера. К числу первых немногих принадлежал министр земледелия Ермолов, который так писал, в частном обращении к приятелю, об указе 12 декабря:

«...я должен высказать убеждение, что указ 12 декабря, при том развитии, которое предположено дать намеченным в нем началам, составит эру в истории нашей жизни, после которой возврат к старому будет уже невозможен. Комитет министров собирается теперь два раза в неделю и твердо стоит на возвышенной Государем почве законности, свободы совести, гарантий прав личности и т. п.

Мы делаем только часть дела, к дальнейшему развитию которого, несомненно, будут в той или иной форме привлечены и общественные силы... Мы пока кладем только основы делу, даем ему дальнейшее направление, которое, несомненно, будет идти далее не исключительно бюрократическим путем... Как это будет, я еще не знаю, но уверен в том, что будут оправданы те ожидания, которые вызывает в русском обществе указ 12 декабря».

Выдержка эта характерна как для правительства, готового сколько угодно стоять на почве законности, но не двигаясь с нее, так и для наивности бедного министра, которому первому пришлось испытать на себе прелести «не исключительно бюрократического пути». Ермолов был высажен Николаем из министерского кресла так, как не рассчитывают теперь и прислугу, то есть без всякого предупреждения и объяснений. Просто встал утром министр и прочел в газете о своем увольнении.

Но в одном министр земледелия был прав: указ составил эру и, при содействии революции, привел-таки к положению вещей, от которого возврата к прошлому не может быть, несмотря ни на какую реакцию.

В феврале 1905 года состоялось совещание под председательством царя о созыве Земского Собора.

Удержаться на позиции не помог и Гапон.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Священник Гапон. — Рабочие организации. —

Генерал Фулон. — Двойная игра. — Грандиозный план. —

Приготовления к шествию. — Накануне 9 января. — Бессилие князя Святополк-Мирского. —

Совещания в редакции «Сына отечества». — Хождения по министерствам. —

В царской семье. — Трусость эксплуатируется инициаторами бойни. —

Свита и великие князья. — Угрозы великого князя Владимира. —

День 9 января. — Все разыгрывается как по нотам. — Общие впечатления. — В рабочих сферах. —

Письма Гапона к царю, рабочим и крестьянам. — Неудача провокации. — Революция делается неизбежной. —

Убийство в Москве великого князя Сергея Александровича.

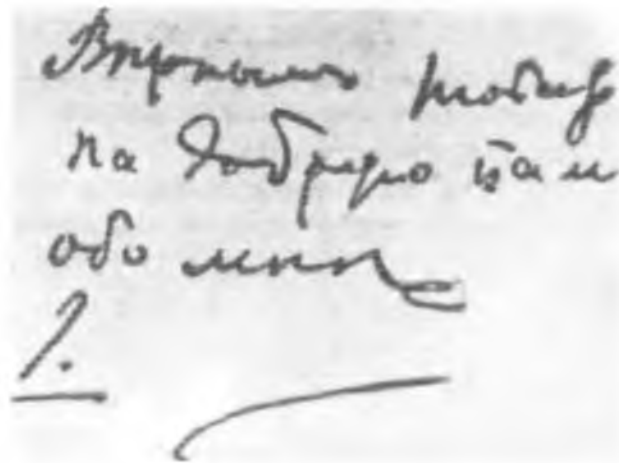
Гапон был тюремным священником и, по свидетельству политических заключенных тюрьмы, отличался всегда грубой жестокостью и реакционностью в проповедях, произноси-

мых после воскресной службы. Он никогда не смотрел в глаза собеседника и в ту пору своей жизни не имел, по-видимому, друзей, так как никто не может рассказать, каким образом

попал он из тюремной церкви в петербургские рабочие организации. Но уже один факт, что организации эти были устроены по зубатовскому плану, намечает путь, по которому Гапон пришел к трагедии 9 января. Там, в тюрьмах, полицейских департаментах, в жандармских застенках хорошо знают способности и темпераменты сослуживцев. Предложение могло быть сделано Гапону в такой форме, которая сразу разбудила его честолюбие, внушила веру в свои силы и окрылила надежды занять выдающееся место. В чем или где именно, натуры двойственные, какими всегда бывают талантливые провокаторы, он и сам не знал. Работая на два фронта, он мог не сомневаться в победе одной из сторон и рассчитывать оправдаться от обвинений другой.

Можно сказать, что провокаторы типа Гапона и Азефа так и останутся навсегда загадками, и только Гаргинги, Рачковские и т. п. *diu minores* * провокации являются шаблонными отбросами человечества, в которых сосредоточены все низменные стороны его при полном отсутствии воображения. Что касается до Гапона, то роль его теперь установлена, и то обстоятельство, что правительство продолжало якшаться с ним долго спустя после январской истории, ясно указывает на происхождение ее. Гапон работал сначала для Плеве, потом для Витте, для Трепова и вообще для всех тех, кто из рабочих волнений или их подавления думал извлечь для себя выгоду. Поэтому-то и после смерти Плеве рабочие собрания продолжались, лекции по-прежнему сбивались на политическую пропаганду и случайные посетители аудиторий незаметно организовывались в отряды, готовые идти за своими вождями. Князь Мирский не мог не знать об этом, не мог не знать о влиянии Гапона, но, как человеческая натура, легко поддался обману и видел здесь, вероятно, как бы приоткрытый клапан, в который понемногу выходят пары революции. Что Гапону легко было закрыть этот клапан и сразу довести котел до взрыва, никто не думал, Гапон меньше всех. Он уверенно шел к тому, чтобы подставить рабочих под пули войск безоружными, но, как человек умственно ограниченный, едва ли сознавал, что этой жертвой он одновременно удовлетворяет заказчиков провокации и зажигает революционный костер.

Вторая половина 1904 года прошла в деятельной подготовке рабочих. Гапон был неутомим, его ораторские способности развились от постоянной практики, возле него подбирался уже штаб из вожakov отдельных

Автограф священника Гапона

фабричных районов, кое-кто из них был потом уличен в сотрудничестве с Гапоном, а один из обманувшихся в вожде застрелился.

Указ 12 декабря был лучшим моментом для мирной демонстрации рабочих, если б гапонский план был чист. Но задача была иная. Нужно было показать царю, что, чем больше он уступает, тем шире разливается море брожения; нужно было подготовить в Николае раздражение против общества и народа, вынудить у него разрешение на расстрел толпы, запугать одним разом и царя, и страну.

Поэтому подождали еще месяц, пораспустили немного административные и полицейские вожжи, допустили выход такой ярко окрашенной в красный цвет газеты, как «Сын отечества».

Гапон в деятельном общении с петербургским градоначальником, свитским генералом Фулоном и департаментом полиции приступал к последним приготовлениям. По диспозиции, выработанной для 9 января, сразу видно, что одному попу немыслимо было составить ее, сколько бы рабочих ни помогало при этом. Чувствовалась рука специалиста, военного, которых немало среди жандармов. Одиннадцать рабочих отделов соединялись в несколько колонн, маршруты которых были рассчитаны так, чтобы дефилировать к центру города не одновременно и чтобы еще раньше можно было бить их с хорошего обстрела. Царские портреты и флаги были розданы заранее. Условились поднимать руки в знак невооруженности, и Гапон обещал всем колоннам идти впереди сам.

Параллельно с последними распоряжениями Гапона шла по петербургским казармам задача патронов, готовились лазаретные линейки

* Меньшие боги (лат.).

и походные кухни, офицеры с вечера собирались к своим частям. Здесь тоже все было расписано, как на царской охоте: дичь должна была попасть под выстрелы не только в назначенном месте, но и в определенную минуту. Вечером 8 января, в то самое время, как о предстоящем побоище знал весь Петербург и только рабочие продолжали верить Гапону, когда несколько представителей столичной интеллигенции обивали пороги министров, умоляя предотвратить кровопролитие, Гапон держал к народу свою последнюю речь. Место было довольно необычное: он говорил с подоконника второго этажа дома, vis-à-vis * которого высилась Невская полицейская часть.

Пристав этой части, полковник и честный служака, стоял на запруженной народом улице и, не веря ушам, слушал революционную речь попа. Он имел распоряжение допустить ее. Но когда Гапон перешел все границы и начал грубо поносить Николая, полковник решил потревожить по телефону генерала Фулона и доложил ему о невозможном поведении Гапона. Градоначальник приказал оставить Гапона в покое. Сомнений у пристава быть не могло: Гапон был агентом правительства.

Хуже всего чувствовал себя князь Мирский, на которого падала ответственность за акт, в котором он не был виноват. Непонятная слабость его, заставившая ждать с прошением об отставке, вместо того чтобы 8-го уже оставить министерство, объясняется, быть может, той коренной чертой славянского темперамента, которая всегда склоняет к затяжке решений, в смутной надежде, что все еще может измениться в последний момент.

Но ничего не изменилось. 9-го, в тусклый петербургский день, рабочие были расстреляны войсками, действовавшими в уверенности, что перед ними революционеры, угрожающие царю. Царь же дрожал вместе с семьей в своем загородном дворце, потому что, дав позволение убивать подданных, он не был уверен ни в поведении войск, ни в бессилии толпы, ни в верности своих приближенных. Трусость Николая, который отлично знал о своей непопулярности в стране, вообще развязывала во многих отношениях руки влиявшим на ход политики лиц. Только у труса можно было испросить разрешения стрелять в безоружных, только перед дворцом труса можно было убивать детей и нянек в Адмиралтейском сквере. Только на труса-племянника мог кричать великий князь Владимир, грозивший дворцовым переворотом в случае ущерба самодержавию. Николай прятал свою волю под чужие влияния

9 января 1905 года. У Невских ворот, откуда началось шествие безоружных рабочих

с той же поспешностью, как голову от японских ударов под крепкие руки греческого королевича.

Итак, день 9 января прошел, как пьеса, разыгрываемая без суфлера, не отступая от расчетов. Пока расстреливали рабочих и пока не причастные к заговору чиновники уподобляли их парижским коммунарам, а Фулона — генералу Галлифе, в редакции «Сына отечества» совещались те же представители столичного общества, что накануне ходили по министрам. Вскоре все они были арестованы по подозрению в намерении «объявить себя временным правительством в случае успеха восстания». Но обвинение было обставлено столь наивно, что арестованных пришлось выпустить.

Несколько тысяч трупов валялись в этот день на петербургских улицах, и население не скрывало своего возмущения¹. По адресу

¹ По неполным данным, было убито более 1000 и ранено около 5000 человек (Краткая история рабочего движения в России (1861—1917). М., 1965. С. 315).

* Напротив (фр.).

войск, особенно офицеров, отовсюду раздавались оскорбительные возгласы, и были единичные случаи насилия над военными. В некоторых частях города агитаторы революционных партий, пользуясь повышенным настроением толпы, пытались вызвать беспорядки, валили телеграфные столбы для баррикад, шумели. Но все это так мало походило на революцию, что войскам не было поводов к новым расстрелам. Рабочие в угрюмой тишине собраний, бывших с этого момента уже нелегальными, обсуждали поступки своих руководителей. Та цель, к которой стремилось правительство, не была достигнута, но освободительное движение выиграло в этот день крупную победу. Престиж царя должен был крушиться именно там, где сосредоточивались главные кадры будущей революции, в рабочих кварталах столицы, по всем вообще фабричным районам России.

Гапон, симулировавший бегство и не без ловкости устроивший себе выступление в одном из собраний того же дня, причем вывел его не кто другой, как Максим Горький, поддавшийся общему доверию к попу-провокацию. Гапон рвал и метал, что дело сорвалось, что не последовало попытки вооруженного восстания, столь нужной правительству. Именно злоба на неуспех могла продиктовать бывшему тюремному священнику те слабые обращения к народу, рабочим и царю, которые начали циркулировать в Петербурге с 10 января и которые никого уже не могли ввести в заблуждение, хотя Гапона и не обвиняли еще в тот момент в провокации. Достаточно прочесть самое скромное из этих произведений неумного агента полиции, чтобы вся природа событий тех дней сделалась очевидной. Берем первое послание Гапона к рабочим.

«Родные, кровью спаянные братья-товарищи рабочие,— писал поп, притворяясь «душой нараспашку»,— мы мирно шли девятого к царю за правдой. Мы предупредили об этом его опричников — министров, просили убрать войска, не мешать нам идти к нашему царю. Самому царю я послал 8 письмо в Царское Село, прося его выйти к своему народу с благодарным сердцем, с мужественной душой. Ценою собственной жизни мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. И что же! Невинная кровь все-таки пролилась. Зверь-царь, его чиновники, казнокрады и грабители русского народа, сознательно захотели быть и сделались убийцами безоружных наших братьев, жен и детей.

Пули царских солдат, убивших за Нарвской заставой рабочих, несших царские портреты, прострелили царские портреты и убили нашу

Священник Гапон и петербургский градоначальник Фулон в одном из собраний Общества трезвости рабочих петербургского фабричного района. В таких собраниях Гапон пропагандировал освободительные идеи, подготавливая демонстрацию 9 января. Генерал Фулон был посвящен во все детали провокации, которую и провели до ее кровавого конца.

веру в царя. Так отомстим же, братья, проклятому народом царю и всему его змеинному царскому отродью, министрам и всем грабителям несчастной русской земли! Смерть им всем, кто чем и как может! Я призываю всех, кто искренно хочет помочь трудовому русскому народу свободно жить и дышать, на помощь. Всех интеллигентов, студентов, все революционные организации (социал-демократов и социал-революционеров), всех. Кто не с народом, тот против народа! Братья! Товарищи, рабочие всей России! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пишу, чтобы накормить себя, своих жен и детей, разрешаю вам брать, где и как можете. Бомбы, динамиты, все разрешаю, не грабьте только частных жилищ и лавок, где нет ни еды, ни оружия, не грабьте бедняков, избегайте насилия над невинными! Лучше оставить девять сомнительных негодяев, чем уничтожить одного невинного. Стройте баррикады! Громите царские дворцы и палаты! Уничтожайте

Преображенское кладбище. Могилы погибших на улицах Петербурга в ночь 9 января и в другие дни 1905 года

ненавистную народу полицию! Солдатам и офицерам, убивающим своих невинных братьев, их жен и детей, всем угнетателям народа — мое пастырское проклятие! Солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы, — мое благословение! Их солдатскую клятву изменнику-царю, приказавшему пролить невинную кровь, их солдатскую клятву разрешаю.

Дорогие товарищи-герои! Не падайте духом, верьте, скоро добьемся свободы и правды! Неповинно пролитая кровь тому порукой. Перепечатавайте, переписывайте все, кто может, и распространяйте между собой и по всей России это мое послание и завещание, зовущее всех угнетенных, униженных и обездоленных на Руси восстать на защиту своих прав. Если меня возьмут, если расстреляют, продолжайте борьбу за свободу! Помните всегда данную мне вами, сотнями тысяч честных рабочих, клятву! Боритесь, пока не будет создано Учре-

дительное собрание на основании всеобщего, прямого, тайного избирательного права, где будут избранные вами самими защитники ваших прав и интересов, выставленных в вашей петиции изменнику-царю. Да здравствует грядущая свобода русского народа! Спб. 9 Января, 12 часов ночи. Священник Гапон.

В каждый из II отделов собрания фабрично-заводских рабочих послано за собственноручной моею подписью одно такое послание».

Когда и этот призыв остался без последствий, Гапон испробовал более краткий стиль; во втором письме к рабочим он говорит: «...неповинная народная кровь пролилась. Затаим же чувства злобы и мести к зверю-царю и к его шакалам-министрам. И верьте, близок тот день, когда рабочая рать, более грозная, более сознательная, встанет, как один человек, встанет за свою свободу, за свободу всей России! Не плачьте же по погибшим героям, утешь-

тес! Мы разбиты, но не побеждены. Разорвем лучше все портреты кровопийцы-царя и скажем ему: да будешь ты проклят со всем своим августейшим змеиным отродьем! Свящ. Георгий Гапон».

Наконец, чтобы окончательно «навести лак» на казавшуюся Гапону искусной махинацию, он распространил следующую версию своего письма к царю, написанного им 7 февраля 1905 года из-за границы:

«Письмо к НИКОЛАЮ РОМАНОВУ, БЫВШЕМУ ЦАРЮ И НАСТОЯЩЕМУ ДУШЕГУБЦУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

С наивной верой в тебя как в отца народа я мирно шел к тебе с детьми твоего же народа. Ты должен был знать, ты знал это.

Неповинная кровь рабочих, их жен и детей малолетних навсегда легла между тобой, о душегубец, и русским народом! Нравственной связи у тебя с ним никогда уже быть не может. Могучую же реку сковать во время ее разлива никакими полумерами, даже вроде Земского Собора, ты уже не в силах.

Бомбы и динамит, террор единичный и массовый над твоим отродьем и грабителями бесправного люда — все это должно быть и будет непременно! Море крови, как нигде, прольется!

Из-за тебя, твоего всего дома Россия может погибнуть. Раз навсегда пойми это и запомни! Отрекись же лучше поскорей со всем своим домом от русского престола и отдай себя на суд русскому народу! Пожалей детей своих и Российские страны, о ты, предлагатель мира для других народов, а для своего — кровопийца!

Иначе вся имеющаяся пролиться кровь на тебя падет, палач, и твоих присных!

Георгий Гапон.

Знай, что письмо это — оправдательный документ грядущих революционно-террористических событий в России!

Г. Гапон».

(Петиция, бывшая при рабочих 9 января, находится в приложении IV.)

Стиль письма к Николаю резко разнится от стиля Гапона и заставляет предполагать, что в Париже, куда отправился лукавый священник, он показался искренним революционному комитету. Впрочем, среди членов последнего в то время играл уже видную роль Азеф, и сношения с Гапоном были использованы в целях дальнейшей, но более ловкой провокации.

Нельзя отрицать, что досада Гапона могла временно повернуть его намерения в иную сто-

Министр внутренних дел Булыгин

рону, в расчете, что успех будущей революции, становившейся после истории 9 января несомненной и неизбежной, будет и его, Гапона, успехом и реабилитацией. Но возобновленные вскоре сношения с департаментом полиции указывают, что если и был поворот, то краткий, после чего Гапон не раз делает попытки организовать новые выступления петербургских рабочих. Когда же все они сорвались, Гапон собрался устроиться от дел на более долгий срок, для обеспеченности прихватив часть принадлежавших рабочим организациям денег. Но суд бывших товарищей был недалек: на даче в Озерках бывший сотрудник Плеве, Азефа и Рачковского был удушен в апреле 1906 года рабочими и найден, спустя несколько дней, разложившимся.

Январская драма оставила по себе глубокий след. Рабочие стали подозрительней относиться к своим вожакам, возник ряд своеобразных судов в их среде, начались разногласия и раздробление сил, бывшие столь приятными правительству. В этом отношении Гапон оправдал его надежды. В других — он сыграл на руку революции.

С февраля 1905 года общий тон недовольства делается ощутительней. В свою очередь, у правительства не остается в запасе ни новых

мощей, ни новых кампаний, ни даже новой провокации. Силы снова делаются более или менее равными, общество поднимает голову, организует новые выступления. Сверху начинается ряд уступок. Правда, вместо князя Мирского, после 9 января вышедшего в отставку, назначается заведомый реакционер и глупец Булыгин, но зато министром князя земледелия делают прогрессиста Кутлера. Закрывают газеты «Наша жизнь» и «Наши дни», но допускают новые съезды и петиции.

В замутившейся воде всплывают темные дельцы, ставленники Плеве и жандармов, ныне переходящие в ведение Трепова, назначенного петербургским генерал-губернатором. Неудача 9 января ведет за собой новую: к царю приводят депутацию от рабочих, составленную наполовину из стариков черносотенцев, наполовину из агентов полиции. Старикам строго приказано было молчать, что бы ни говорил Николай, агентам даны были инструкции.

Речь царя на этот раз была не в шапке,

а в руках, и, произнося ее, Николай сам роздал по экземпляру делегатам.

В рабочих кругах аудиенция произвела еще худшее впечатление, чем в обществе.

Старики были осмеяны, царские листки разорваны. Все вообще убедились в готовности Трепова опуститься на самое дно провокации, и он вскоре показал себя.

В то же время Азеф совершает убийство его, Трепова, благодетеля, великого князя Сергея Александровича.

4 февраля 1905 года, немного не дожив до смерти нового своего помощника по охране Москвы графа Шувалова, убитого во время приема просителей, погиб от бомбы Каляева московский сатрап.

Событие это в равной мере потрясло Николая и жену Сергея, Елизавету Федоровну. Первый обратил к уступкам, скрывая точившую его злобу и готовясь при случае все отобрать назад. Вторая простила от души, изгнала из памяти образы людей, приведших к гибели ее мужа, и отдалась благотворительности не за страх, а за совесть.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Роль интеллигенции в начавшемся движении.—

Съезды земских и городских деятелей.—

Высочайшие указы переходного времени.—

Депутация земцев у царя 6 июня.— Состав депутации.—

Обоюдные впечатления.— Острота графа Гейдена.—

Значение делегации и речи князя С. Трубецкого.— Булыгин.—

Характеристики его, сделанные царем и «Петрушкой» Дурново.—

Булыгинская Дума.— Назначение Трепова товарищем к Булыгину.—

Просьба об отставке Булыгина и князя Урусова.—

Резолюция Николая на прошении Булыгина.—

Трепов забирает силу.—

Волнения растут.— Избиение детей и булыгинское остроумие.

Ни один период русской истории не давал в руки Романовых столь удобного случая согласовать выгоды династии с выгодами государства, как время между концом японской кампании и великой октябрьской забастовкой. На всем его протяжении мы встречаем попытки умеренных, но прогрессивных сил страны прийти на помощь царю и даже чиновничеству, разработать для них канву реформ, необходимость коих сознавалась тогда и в правящих сферах. Без всякого усилия со стороны бюрократии намечался солидный центр будущего парламента, опираясь на который она могла бы надолго закрепить свое положение, отрешившись только от бесконтрольности и безответственности. Даже и в такой тревожный момент, какой переживался тогда Россией,

работы организованной части общества носили деловой, покойный характер. Документальным закреплением их являются программы демократических партий и даже первая программа октябристов (времени графа Гейдена и М. Стаховича).

Что касается до адреса I Думы, то одно сопоставление его с обстановкой, в которой созвана была и открыта Дума, подчеркивает лояльность палаты, в которой всякое разумное правительство, всякий мудрый монарх располагали бы подавляющим большинством. Но бюрократизм никогда не лечит своих болезней сам или у хорошего врача, предпочитая дожидаться уличного кровопускателя, и самодержцу, по-видимому, кажется столь же невозможным склониться перед возведшим его на-

родом, как каменному истукану перед своим благочестивым ваятелем. В обоих случаях насилие приходит в наилучшие стремления народа; жирондизм при всей его духовной красоте никогда не был решающим фактором государственных переворотов.

Те деятели, что периодически съезжались со всех концов страны для выработки конституции, и были русскими жирондистами, не переставшими до последнего дня надеяться на то, что воодушевляющие их идеи найдут отклик в царе и чиновниках, что там, в разращенном мире правителей, проявится благородство духа, трезвый государственный смысл, уважение к народу, кормящему их, наконец, сознание своей ответственности перед судом истории.

Все это были мечтания, и, как грубо сказал Николай, «бессмысленные», с точки зрения Клио, ни разу еще не встречавшей в своих анналах их осуществления. Вот почему если мы и находим в 1905 году ряд высочайших указов, дающих или обещающих какие-нибудь реформы, то все они вынуждаются не вниманием к голосу умеренных подданных царя, все еще остававшихся монархистами, а страхом, низким и злобным, перед крайними партиями, импонировавшими русскому правительству тем, чем оно само было сильно: террором, неразборчивостью средств, нетерпимостью, неуважением к чужим правам. Две разнозначные силы сталкивались в бою не на жизнь, а на смерть, и между ними тщетно кидались, стараясь унять бойцов, безоружные мечтатели, получая увесистые удары и насмешки с обеих сторон. Нужно было довести этот нейтральный элемент до выборгского манифеста, чтобы он усвоил себе давнишнюю истину, что абсолютные монархии умирают только насильственно. Той скромной революционности, которой продиктован был этот исторический документ, не было и признаков в резолюциях съездов земских и городских деятелей, ни тем более в их декларации Николаю, сделанной князем С. Трубецким 6 июня 1905 года.

Между тем с 9 января настроение петербургских кругов было далеко не воинственным, уступки следовали одна за другой и в союзниках должны были нуждаться. Правда, Николай ухитрялся и тут одной рукой отнимать то, что давал другой, и издавал взаимно противоречащие акты, помеченные иногда одним и тем же днем. Так, всеобщее изумление вызвали указ сенату 18 февраля и манифест того же числа.

В указе предписывалось Совету министров заняться рассмотрением поступающих от частных лиц и учреждений «видов и предложений

Князь С. Н. Трубецкой, умерший от разрыва сердца в заседании Совета министров, обсуждавшем положение высшей школы, незадолго до открытия I Думы

по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства», а в манифесте те же, очевидно, «частные лица и учреждения» назывались «ослепленными гордыней злоумышленными вождями мятежного движения», «дерзновенно посягающими на... основные устои Государства Российского», полагающими, разорвав естественную связь с прошлым, разрушить существующий государственный строй и вместо одного учредить новое управление страной на началах, «отечеству нашему несвойственных». В заключение Николай призывал сплотиться возле него всем, «верным заветам родной старины», для укрепления «истинного Самодержавия».

Что манифестом этим царь удовлетворял какие-то особые группы, по-видимому великокняжескую и придворную, явствует из того, что опять же 18 февраля он издает рескрипт Булыгину, в котором прямо говорит о «лучших выборных людях», призываемых к законодательству, то есть об институте, коренным образом противоречащем всякому, и «истинному», и подставному, абсолютизму¹.

¹ Совет министров, пораженный нелепостью, совершенной царем, выехал к нему в полном составе и настоял на издании второго, опровергающего указа. Спешили так, что сенату послан на опубликование черновик, писанный карандашом.

Затем следует ряд мер, направленных к удовлетворению тех самых требований, которые вчера еще признавались за крамолы. Частью они касаются вопросов религии, как указ 25 февраля о разрешении печатать богослужебные книги в Малороссии на местном языке: частью регулируют окраинную политику — указы о восстановлении наместничества на Кавказе и об отмене ограничений по приобретению поляками недвижимости в Царстве Польском; частью относятся к более ограниченному, но зато и сильнее наболевшим нуждам населения: так, 5 апреля даются голодающему народу серьезные льготы и сложение со счетов по уплате продовольственных и семейных долгов. Опять же и здесь, словно боясь, как бы крестьяне не запросили чего больше, Николай утверждает неразумное и вредное представление чиновничества «об имущественной ответственности сельских обществ, крестьяне коих принимали участие в происходивших в последнее время в некоторых местностях беспорядках». Не говоря о том, что беспорядки происходили на почве хронического голодания, а следовательно, и нищеты и что сложение одних долгов с обременением новыми не согласовалось, но и явно карательный характер новой меры мог только разжечь новые страсти, повести к новым беспорядкам. Наконец, юридически этот акт противоречил отмене круговой поруки крестьян тем же царем в 1903 году.

Самым важным указом следует, однако, признать акт 17 апреля 1905 года «об укреплении начал веротерпимости». Им ликвидировалась вековая вражда православной церкви со старообрядчеством, возвращались части населения права, считавшиеся им более дорогими даже, нежели права политические, и возбуждалось хорошее, радостное чувство в тех хотя бы и малокультурных слоях народа, которыми брезговать правительству, опирающемуся на штыки, никогда не приходится.

Но даже и этот акт не был вызван ни моральными, ни утилитарными соображениями, а голым страхом перед революцией. Лучшее тому доказательство — последующая судьба закона о свободе совести в Думе в 1910 году, когда страх миновал и когда все данное отбиралось обеими руками и с такой жадной торопливостью, что от нее претило даже небрежливый октябристам.

Таким образом, то двойственное положение, в котором находилась Россия со времени разгрома на Востоке, не только не устранялось работами правительства, хотя бы и реакционными, но и поддерживалось противоречивыми актами, питая иллюзии

обеих сторон, чиновничества и народа, толкая обе к новым конфликтам. От взоров «Союза освобождения» и земских съездов не могла не ускользнуть опасность такой политики, и организациям этим не оставалось, по-видимому, иного средства, как путем личного обращения к Николаю выяснить, с одной стороны, серьезность его намерения созвать народных представителей, а с другой — и самому царю открыть глаза на положение страны, словно застрявшей между Сциллой абсолютизма и Харибдой революции. К этому времени будущая конституционная программа была уже почти выработана Союзом и съездами. На заседаниях 22—26 апреля 1906 года были детально разработаны известные одиннадцать пунктов ноябрьского съезда 1904 года (см. прил. V).

Поражение при Цусиме было последней каплей, переполнившей чашу терпения русской Жиронды. От умереннейшей ее части, именно от группы, примыкавшей к известному земскому деятелю Д. Н. Шипову (меньшинство ноябрьского съезда), исходило на этот раз предложение созвать «коалиционный съезд» земств и городов¹. Он состоялся в Москве 24—26 мая, объединив весьма разнообразные круги интеллигенции в намерении добиться ответа царя на мучивший страну вопрос. Отсюда и настойчивый тон адреса, с которым решено было обратиться к Николаю.

«Ваше Императорское Величество! — писали члены съезда. — В минуту величайшего народного бедствия и великой опасности для России и самого престола Вашего мы решаем обратиться к Вам, отложив всякую рознь и все различия, нас разделяющие, движимые одной пламенной любовью к Отечеству.

Государь! Преступным небрежением и злоупотреблением Ваших советников Россия ввергнута в гибельную войну, наша армия не могла одолеть врага, наш флот уничтожен, и грознее опасности внешней разгорается внутренняя усобица.

Увидав, вместе со всем народом Вашим, все пороки ненавистного и пагубного приказного строя, Вы положили изменить его и предначертали ряд мер, направленных к его преобразованию. Но предначертания эти были искажены и ни в одной области не получили надлежащего исполнения. Угнетение личности и общества, угнетение слова и всяческий произвол множатся и растут. Вместо предуказанной Вами отмены усиленной охраны и административного произвола, полицейская власть усили-

¹ Самая инициатива съезда принадлежала известному московскому психиатру и общественному деятелю профессору Н. Н. Баженову.

вается и получает неограниченные полномочия, а подданным Вашим преграждают путь, открытый Вами, дабы голос правды не мог доходить до Вас.

Вы положили созвать народных представителей для совместного с Вами строительства земли, и воля Ваша осталась без исполнения донныне, несмотря на все грозное величие совершающихся событий, а общество волнует страхи о проектах, в которых обещанное Вами народное представительство, долженствовавшее упразднить приказной строй, заменяется сословным совещанием.

Государь! Пока не поздно для спасения России во утверждение порядка и мира внутреннего, повелите без замедления созвать народных представителей, избранных для сего равно и без различия всеми подданными Вашими. Пусть решат они в согласии с Вами жизненный вопрос государства, вопрос о войне и мире, пусть определят они условия мира или, отвергнув его, превратят эту войну в войну народную. Пусть явят они всем народам Россию, не разделенную более, не измогающую во внутренней борьбе, а исцеленную, могущественную в своем возрождении и сплотившуюся вокруг единого стяга народного! Пусть установят они в согласии с Вами обновленный государственный строй!

Государь, в руках Ваших честь и могущество России, ее внутренний мир, от которого зависит и внешний мир ее! В руках Ваших Держава Ваша, Ваш Престол, унаследованный от предков! Не медлите, Государь! В страшный час испытания народного велика ответственность Ваша перед Богом и Россией!»

В состав делегации, которая должна была представить Николаю этот адрес, вошли следующие лица:

1. Граф П. А. Гейден, предводитель дворянства Опочецкого уезда, известный общественный и судебный деятель. 2. Князь Г. Е. Львов, председатель тульской губернской земской управы и глава общеземской организации помощи раненым и больным. 3. Н. Н. Львов, предводитель дворянства Балашевского уезда и председатель саратовской губернской земской управы, будущий основатель партии мирного обновления. 4. И. И. Петрункевич, ветеран тверского земства, полжизни проводивший в административной ссылке и возвращенный Николаем по настойчивому требованию князя Мирского. 5. Ф. А. Головин, председатель московской губернской земской управы. 6. Князь Павел Долгоруков, предводитель дворянства Русского уезда, камергер Высочайшего Двора. 7. Н. Н. Ковалевский, председатель харьковской губернской земской управы, инициативе

коего Харьковская губерния обязана введением всеобщего обучения. 8. Ю. А. Новосильцев, предводитель дворянства Темниковского уезда. 9. Ф. И. Родичев, тверской земец и будущий трибун. 10. Князь Д. И. Шаховской, будущий секретарь I Думы. 11. Князь С. Н. Трубецкой, профессор Московского университета, философ, один из самых светлых людей эпохи. 12. Барон П. Л. Корф, старый петербургский гласный. 13. А. Н. Никитин, заместитель председателя петербургской городской думы. 14. И. П. Федоров, петербургский гласный.

Из этого перечня видно, что делегатами являлись исключительно дворяне, более чем наполовину титулованные, причем все прошли долгий и трудный стаж земской деятельности. Добавим, что все были не только обеспеченными, но и богатыми людьми. Наконец, текст адреса свидетельствовал о крайней умеренности желаний представителей этой якобы революционной, крамольной части населения.

Приему во дворце предшествовали долгие переговоры с министром Двора, классическая глупость которого еще больше тормозила их, нежели традиционные бюрократические оттяжки. Барон Фредерикс настаивал, между прочим, на сообщении ему текста речи, с которой предполагал обратиться к царю князь Трубецкой, но земцы не давали его. Кое-как с этим вопросом уладили. Начались споры из-за состава делегации. Особенно восставал Фредерикс против И. И. Петрункевича, которого Николай почему-то считал своим личным врагом. Наконец, граф Гейден своей шуткой кончил и с этим делом.

«Э! барон.— сказал он,— Франц-Иосиф ни за что не хотел принимать графа Андраши, а тот не только вошел во дворец, но и сделался другом императрицы!»

6 июня 1905 года состоялась первая встреча царя с людьми, открыто назвавшими бюрократический строй «пагубным и ненавистным». Это было равносильно тому, как если бы те же эпитеты были приложены ими к понятию «самодержавие», и Николай должен был сознавать это. С другой стороны, делегаты хорошо знали, кто, в сущности, будет стоять перед ними, в полковничьем мундире, с застывшей улыбкой и внимательным взором, с заранее приготовленным ответом, соображенным не с нуждами страны, а с реальным соотношением сил чиновничества и оппозиции. При таких условиях взаимные впечатления и неблагоприятность их для обеих сторон и самого дела можно было предвидеть.

Царь, очень хорошо державшийся во всех вообще случаях представительства и умеющий, как большинство Романовых, быть

приятным в обращении с малознакомыми людьми, принял делегатов любезно.

Князь Трубецкой сказал ему (текст столь важного обращения, конечно, был продуктом коллективной работы, но, благодаря одушевлению, охватившему в этот момент оратора, он обратился как бы в импровизацию, что только могло бы усилить впечатление на Николая, привыкшего к иному стилю, иным мыслям. Но этого не произошло):

«Ваше Императорское Величество! Позвольте выразить Вашему Величеству глубокую, искреннюю благодарность за то, что Вы приняли нас после нашего к Вам обращения. Вы поняли те чувства, которые руководили нами, и не поверили тем, кто представлял нас, общественных и земских деятелей, чуть ли не изменниками Престолу и врагами России. Нас привело сюда одно чувство — любовь к Отечеству и сознание долга перед Вами.

Мы знаем, Государь, что в эту минуту Вы страдаете больше всех нас. Нам было бы отрадно сказать Вам слово утешения, и если мы обращаемся к Вашему Величеству теперь в такой необычайной форме, то верьте, что к этому побуждает нас чувство долга и сознание общей опасности, которая велика, Государь.

В смуте, охватившей все государство, мы разумеем не крамолу, которая сама по себе, при нормальных условиях, не была бы опасна, а общий разлад и полную дезорганизацию, при которой власть осуждена на бессилие. Русский народ не утратил патриотизма, не утратил веры в Царя и в несокрушимое могущество России, но именно поэтому он не может уразуметь наши неудачи, нашу внутреннюю неурядицу, он чувствует себя обманутым, и в нем зарождается мысль, что обманывают Царя. И когда народ видит, что Царь хочет добра, а делается зло, что Царь указывает одно, а творится совершенно другое, что предначертания Вашего Величества урезаются и нередко проводятся в жизнь людьми, заведомо враждебными преобразованиям, то такое убеждение в нем все более растет.

Страшное слово «измена» произнесено, и народ ищет изменников решительно во всех: и в генералах, и в советниках Ваших, и в нас, и во всех «господах» вообще. Это чувство с разных сторон эксплуатируется. Одни натравливают народ на помещиков, другие — на учителей, земских врачей, на образованные классы. Одни части населения возбуждаются против других. Ненависть неумолимая и жестокая, накопившаяся веками обид и утеснений, обостряется нуждой и горем, бесправием и тяжкими экономическими условиями, поднимается и растет; и она тем опаснее, что вначале

облекается в патриотические формы, — тем более она заразительна, чем легче зажигает массы.

Вот грозная опасность, Государь, которую мы, люди, живущие на местах, измерили до глубины во всем ее значении и о которой мы сочли долгом довести до сведения Вашего Величества. Единственный выход из всех этих внутренних бедствий — это путь, указанный Вами, Государь, созыв избранных народа. Мы все верим в этот путь, но сознаем, однако, что не всякое представительство может служить тем благим целям, которые Вы ему ставите. Ведь оно должно служить водворению внутреннего мира, созиданию, а не разрушению, объединению, а не разделению частей населения, и, наконец, оно должно служить «преобразованию государственному», как сказано было Вашим Величеством. Мы не считаем себя уполномоченными говорить здесь ни о тех окончательных формах, в которые должно вылиться народное представительство, ни о порядке избрания. Если позволите, Государь, мы можем сказать только то, что объединяет всех нас, что объединяет большинство русских людей, искренно желающих идти по намеченному Вами пути.

(Николай сделал жест, что продолжает слушать со вниманием.)

«Нужно, чтобы все Ваши подданные, равно и без различия, чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдельные группы населения и группы общественные не исключались из представительства народного, не обращались бы тем самым во врагов обновленного строя, нужно, чтобы не было бесправных и обездоленных. Мы хотели бы, чтоб все Ваши подданные, хотя бы чужие нам по вере и крови, видели в России свое Отечество, в Вас своего Государя, чтоб они чувствовали себя сынами России и любили Россию так же, как мы ее любим. Народное представительство должно служить делу объединения и мира внутреннего. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословным. Как русский Царь, а не Царь дворян, не Царь крестьян или купцов, не Царь сословий, а Царь всей Руси, так и выборные люди, от всего населения призываемые, чтобы делать совместно с Вами Ваше Государево дело, должны служить не сословным, а общегосударственным интересам. Сословное представительство неизбежно должно породить сословную рознь там, где ее не существует вовсе.

Далее, народное представительство должно служить делу преобразования государственного. Бюрократия существует везде, во всяком государстве, и, осуждая ее, мы виним не от-

дельных лиц, а приказный строй. В обновленном строе бюрократия должна занять подобающее ей место. Она не должна узурпировать Ваших державных прав, она должна стать ответственной.

Вот дело, которому должно послужить собрание народных представителей. Оно не может быть заплатой в старой системе бюрократических учреждений. А для этого оно должно быть поставлено, и между ним и Вами не может быть воздвигнута новая стена в лице высших бюрократических учреждений империи. Вы сами убедитесь в этом, Государь, когда призовете избранных народа и станете с ними лицом к лицу, как мы стоим перед Вами.

Наконец, предначертанные Вами преобразования столь близко касаются русского народа и общества, ныне призываемого к участию в государственной работе, что русские люди не только не могут, но не должны оставаться к ним равнодушны. Посему необходима самая широкая возможность обсуждения государственного преобразования не только на первом собрании выборных, но ныне же, в печати, в общественных собраниях. Было бы пагубным противоречием призывать общественные силы к государственной работе и вместе с тем не допускать свободного суждения. Это подорвало бы доверие к осуществлению реформ, мешало бы успешному проведению их в жизнь».

После этого М. П. Федоров добавил несколько слов о нуждах городов и сказал, между прочим:

«У Вашего Величества есть, правда, люди, и люди талантливые, но их немного, и они могут присматриваться к потребностям и нуждам только из своих кабинетов и канцелярий, тогда как предстоящая работа потребует людей, стоящих у самой жизни. Вот почему и города всецело присоединяются к голосу земских людей».

Николай ответил на эти речи с обычным видом искренности и словами, которые можно было бы только приветствовать, если б они оправдались делами:

«Я рад был выслушать вас. Не сомневаюсь, что вами, господа, руководило чувство горячей любви к родине в вашем непосредственном обращении ко мне.

Я вместе с вами и со всем народом моим всей душой скорбел и скорблю о тех бедствиях, которые принесла России война и которые необходимо еще предвидеть, и о всех внутренних наших неурядицах.

Отбросьте ваши сомнения! Моя воля, воля Царская, созывать выборность от народа — непреклонна; привлечение их к работе государ-

ственной будет выполнено правильно. Я каждый день спешу и стою за этим делом.

Вы можете об этом передать всем вашим близким, живущим как на земле, так и в городах. Я твердо верю, что Россия выйдет обновленною из постигшего ее испытания.

Пусть установится, как было встарь, единение между Царем и всею Русью, общение между Мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам. Я надеюсь, вы будете содействовать Мне в этой работе».

Депутаты почтительно склонились перед царем и направились к выходу.

Было во всем происшедшем нечто, не поддающееся точному определению словами, но ощущавшееся, по-видимому, всеми делегатами. Князь С. Трубецкой, как натура в высшей степени нервная, впечатлительная и тонкая, формулировал, быть может, правильно мысли своих товарищей.

«И это — царь!» — сказал он с горечью, спускаясь по пышной дворцовой лестнице.

Там, наверху, за плотно закрывшимися массивными дверями красного дерева, впечатлениями делились проще и в более прямых выражениях. Ни делегаты не понравились, ни того больше — их речи. У жены Николая вырвалось даже определение, отнюдь не вытекавшее из слов Трубецкого, но характерное для самих царей, все еще воображающих себя помещиками, вотчинниками:

«Они торгуются!»

В России вообще удивлялись быстрому приспособлению немецкой принцессы к самодержавным навыкам, но известно, что дурные привычки заразительны. Культурные европейцы, попадающие в африканские колонии, быстро опускаются до уровня самоуправства и даже ниже того, до преступлений. Жена русского товарища министра путей сообщения судилась не дальше как в 1910 году за побои, причиненные своей горничной. И нужно прямо сказать, что крепостнические тенденции доселе живы в некоторых русских кругах, особенно придворных, где они поддерживаются традиционным, вошедшим в кровь пресмыкательством перед царской фамилией. Доселе разные генералы и сановники норовят целовать руку царю при приемах, и все старшие великие князья продолжали до самой смерти говорить знакомым и незнакомым русским — ты. Грубость нравов вытекала из этих привычек логически; самая способность разбираться в ощущениях была принижена в царской фамилии, и речи ее представителей всегда отличалось неинтеллигентностью. Что касается до Николая, то, как нам не раз придется убедиться, все речи его

отличались грубой конструкцией, если не были написаны другими, а его пометки на докладах, особенно по делу Лопухина, свидетельствуют о врожденной невоздержанности языка, а значит, и невоспитанного мышления.

Несмотря на обоюдное разочарование, свидание 6 июня для обеих сторон не осталось без последствий. Царь и чиновники должны были задуматься над речами, за которыми слышалась сила земской организации и умеренность которых не могла скрыться от правительства. Деятели же съездов могли путем широкого распространения среди крестьянства речи Трубецкого и ответа Николая совершить крупную агитационную и организаторскую работу и в значительной степени парализовать ею пропаганду крайних партий. Действительно, последующее течение аграрных беспорядков указало, что крестьянство не склонно было к истреблению помещиков, и террор выразился лишь в уничтожении инвентарей. Кроме этого, аудиенция 6 июня повысила темп деятельности тех коллегий, которым высочайшими указами этого года поручалась разработка отдельных реформ, а в частности и Булыгин зашевелился в своем покойном кресле. О его способностях можно судить по отзыву собственного товарища по кабинету, «Петрушки» Дурново, которому при всей его порочности нельзя отказать в трезвом уме.

«Булыгин, что это такое?... — говаривал он, — просто толстый человек в кресле, который сидит и улыбается». Но кажется, что эти черты и нравились всего более лимфатической натуре царя, потому что ни разу еще в деловых рескриптах не давалось ни одному савоинику такого высочайшего патента на добрый характер, как рескрипт Булыгину о разработке «Положения о Думе».

«...Хорошо зная многолетнюю административную Вашу опытность и ценя спокойную уверенность характера Вашего, я признаю за благо»... и т. д., включительно до обычного Божия благословения.

Итак, Булыгин горючил со своим проектом. Интересно отметить, что, работая вместе с Крыжановским, бывшим толстовцем и либералом, Булыгин настолько не имел какого-либо собственного мнения о природе будущего русского парламента, что составил на всякий случай два параллельных проекта: один либеральный, другой реакционный, точно и впрямь готовясь к торговле, сообразно спросу минуты. И так как русский мелочной торгаш всегда норовит всучить покупателю товар попуще сортом, то и правительство выдвинуло в первую голову реакционный проект Булыгина. Но потребитель не дал провести себя. Совещание

земских и городских деятелей в июле того же года вынесло резолюцию, в коей говорилось:

«Осуществление проекта гофмейстера Булыгина или иного проекта, построенного на сходных с ним основаниях и потому не создающего народного представительства в истинном смысле этого слова, не может внести успокоения в страну, предотвратить все опасности, ей угрожающие, и вывести ее из настоящего состояния анархии на путь правильного и мирного развития на основах твердого государственного правопорядка».

В свою очередь съезд опубликовал в газетах свой проект «основного закона империи», который был встречен правительством очень враждебно. Местной администрации немедленно же было поручено всячески бороться с забиравшим силу влиянием земцев, и с этого времени ни работа на местах, ни съезды в Москве уже не проходили без вмешательства властей и полиции. Начиная с закрытия собраний и до сенаторского следствия все было пушено в ход. Характерен для того момента разговор в Английском клубе в Москве с Камышанским, впоследствии стяжавшим широкую реакционную славу по делу о Выборгском воззвании, а тогда состоявшим при сенаторе Постовском, искавшем земскую крамолу. На приветствие отдельных членов клуба по случаю раскрытия революционных замыслов земцев Камышанский заявил, что не только ничего революционного в работах съездов не найдено, но, наоборот, они являют собою именно то, что теперь России всего нужнее.

Разговор получил огласку и снова окрылил земские надежды на мирный ход освободительного движения. Но расчет делался без хозяина. Как раз в эту же половину 1905 года, когда уступчивость правительства выражалась всего ясней, оно принимало решительные меры для борьбы с движением, видимо предпочитая революцию кровавую, дававшую повод для применения грубой силы, революции мирной, для борьбы с которой годились только широкие реформы. Таким образом, снова сходились желания чиновничества и крайних партий, снова оставалась между молотом и наковальней русская Жиронда. И даже когда 6 июня царь советовал земцам «отбросить сомнения», им был уже совершен самый «сомнительный» для народа шаг. Трепов был назначен официально товарищем министра внутренних дел, с подчинением ему полиции, жандармов и губернаторов, а на самом деле — диктатором, сосредоточившим в своих руках всю внутреннюю политику и всю власть.

Было совершенно очевидно, что для прекращения тех беспорядков, которые весной 1905

года выражались в забастовках и единичных случаях террора, не было нужды в диктатуре и что назначение Трепова метило в иную область государственной жизни. Чиновничество и Двор соединились для совместного выступления против всяких серьезных реформ и сошлись на человеке, готовом на все, любимом царем и платившем последнему чисто собачьей преданностью. Выбор был настолько удачен, а цель назначения так ясна, что для скольконибудь уважающего себя администратора не оставалось возможности продолжать службу. Но бюрократия так была деморализована, что среди нее нашлось всего двое лиц, демонстративно выразивших Николаю свое негодование. Это были тверской губернатор князь Урусов и сам министр Булыгин. Урусову отставку дали, а на булыгинском прошении Николай написал следующие слова, опять указывающие на его невежество и непонимание своего места в ряду органов власти: «У нас не республика, министры выходят в отставку не тогда, когда они хотят, а когда я хочу. Пока я вам доверяю, вы останетесь на своем посту».

Булыгину оставалось повторить свою просьбу и лишиться вместе с местом всего содержания или использовать «спокойную уверенность» своего характера, что он и предпочел, принявшись с горя за проект Государственной думы.

Как и следовало ожидать, с водворением в министерстве Трепова беспорядки не уменьшились, а продолжали расти. В них приняли участие как рабочие, разочарованные в комиссии Шидловского, созданной для пересмотра законодательства о рабочих, и все более дисциплинированные своими вожаками, так и крестьяне, недовольные голодом и безземельем. Начинали доходить слухи о глухом брожении в армии и, особенно, в черноморском флоте. Общественная нервозность возрастала, и ею умело пользовались активные деятели движения, организуя общества, союзы, агитируя в прессе и собраниях, размножаясь на глазах властей, словно по волшебству. Московский губернский предводитель дворянства князь Трубецкой решил вновь напомнить царю о неотложности реформ, указывая на беспорядки, и прямо сказал ему: «Государь, это не возмущение, а революция».

Но какие реформы можно было проводить с Булыгиным и Треповым!

Нужно признать, что, если б Николай и был искренен и сердечно желал бы обновить русский государственный строй, ему некому буквально было бы поручить такую работу, до того косно, бездарно, развратно было чиновничество революционного периода. Оно было

способно только тормозить, осаживать, не пускать. А так как чувствовалось уже, что испытанные тормоза отказываются служить, осаживающие руки слабеют, то оставался единственный путь — путь контрреволюционного движения, а за невозможностью создать его — симуляция. Для этой цели Трепов с его беспринципностью, губернаторы, не имевшие ни воли, ни рассудка, ни опыта, и низшие полицейские агенты, в большинстве состоявшие из людей невысокого культурного и нравственного уровня, были таким аппаратом, который должен был оправдать самые смелые надежды кучки заговорщиков с великим князем Владимиром во главе.

И вот с весны 1905 года, наряду с известиями о стачках, аграрных беспорядках, студенческих волнениях, все чаще начинают мелькать антиеврейские погромы, патриотические демонстрации и, наконец, избиения людей. Проба была сделана, как это ни кажется низким, на детях, а юношеская экспансивность и моральная неиспорченность всегда толкают к демонстрациям, в которых смысл часто приносится в жертву благородству побуждений. Так и здесь, на общие волнения откликнулись за студентами и школяры, и из многих городов приходили вести о шествиях гимназистов, о пении в гимназиях революционных песен, о кошачьих концертах нелюбимым наставникам и т. п. Натравить на малышей ту самую публику, которая в начале войны таскала по улицам царские портреты и флаги, было пустым делом, а невозможность сопротивления со стороны детей разнуздывала и поощряла.

Затея оказалась, однако, не из удачных. Правда, в нескольких местах дети были избиты толпой городских хулиганов, а в Курске, родине известного думского скандалиста Маркова 2-го, избиение приняло довольно трагический характер. Но общее возмущение выразилось так ярко, что Трепов должен был приказывать отмену. Как трудно было, работая в такой клоаке, не заразиться миазмами ее, показал в это время Булыгин. Давно ли он подавал в отставку, не желая служить с Треповым? А теперь, когда ряд общественных и земских деятелей обратились к нему с телеграммами о недопущении детских погромов, министр сделал строгие внушения всем, кому по службе можно было только их передать. В своих депешах губернаторам Булыгин предлагал земцам «раньше подавать в отставку, а потом уже протестовать».

Отождествление правительства с государством всегда диктовало бюрократии подобные взгляды.

«Или со мной, или против меня».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Стачное движение.— Надежды крайних партий.—
Ликвидация войны.— Мир в Портсмуте.—
Соревнование Муравьева и Витте.—
«Отступное».— На фабриках и в деревне.—
Популярность стачечного принципа.— Волнения во флоте.—
«Потемкин».— В Севастополе.—
Великая забастовка.— Москва и Петербург.—
Общее сочувствие и соучастие.—
В Царском Селе.— Смятение.—
Витте в роли спасителя отечества.

До 1905 года русские рабочие были весьма слабо организованы. Общее число их доходило тогда до трех миллионов (теперь меньше — вследствие промышленного кризиса), из которых едва ли сотня тысяч состояла членами каких-нибудь профессиональных союзов. Первой серьезной пробой способности их к организованному действию была провокаторская попытка Зубатова.

По воле судьбы все крупнейшие факторы революции создались руками русского правительства, и если одни из них, как, например, вооруженное восстание в Москве, были выгодны для чиновничества, то другие, как стачечное движение, привели самодержца к 17 октября и продолжают грозить всякому реакционному строю и в будущем. Что касается до способности русских крестьян, из которых состоит большинство фабрично-заводских рабочих, к организации, то тому известна история артельного начала в России, тот не удивится тому мастерскому выполнению всеобщей стачки, которым варварская Русь поразила в октябре 1905 года высококультурную Европу. Скорей можно удивиться, что рабочие пошли после успехов в октябре на явно пагубные повторные забастовки.

Общий высокий подъем духа, на который всего больше надеялся Совет рабочих депутатов, может быть, не обманул бы и дальше, если б сам Совет не увлекся и не дал сигнала к новым стачкам, не обеспечил их материально. Но в расчеты Совета рабочих входило одно обстоятельство, от благоприятного учета которого было трудно воздержаться, это настроение армии и флота. Перетянув их решительно на сторону революции, можно было бы диктовать и правительству, и либералам любые условия, и, хотя победа была бы во всяком случае недолговременной, кто устоял бы против увлекательной мечты?

Действительно, ликвидация войны совершалась в том же беспорядке, в каком начиналась и велась самая война. Как около назначения генералов и даже планов кампании оплетались

петербургские влияния и интриги, так миссия Витте в Портсмуте служила игрищем бюрократических сфер. Бывшему министру юстиции Муравьеву хотелось ехать мириться с японцами не менее, чем Витте, оба видели в командировке средство выплыть снова на широкую воду. Кончилось тем, что Витте дал, как говорили, Муравьеву, который всегда был падох на подкуп, пятьдесят тысяч рублей и откупился таким путем от опаснейшего конкурента.

Провожаемый благословениями Николая и овациями уличной толпы, С. Витте поплыл за море добывать себе новое влияние и графский титул, а главари рабочего движения поспешили использовать предстоящее возвращение резервистов и самих войск. Агитационная литература, никогда не блиставшая разборчивостью средств и крупно сыпавшая революционную соль на туманные посулы социального блаженства, переправлялась на восток чуть не вагонами, а недовольные войной солдаты упивались ею, мечтая о расправе с надоевшим начальством и легкой жизни за счет «господских» земель и средств. На фабриках и заводах пропаганда к тому времени была уже не нужна, там открыто совещались о предстоявших стачках, и только в деревне стачечный принцип не был еще достаточно популярен, частые перерывы работ на фабриках отражались на достатках деревни, плохо верившей в хороший исход борьбы (и бывшей по-своему правой). И быть может, не столько привычка к стачкам, становившимся хроническими, сколько толки о возмущениях в черноморском флоте придали подозрительному землепашцу веры в свои силы и растопили лед между деревней и фабрикой.

Весть о возмущении на броненосце «Потемкин Таврический» была для России неожиданной. Мятежный корабль, бросивший офицеров в воду, пытавшийся при благожелательном нейтралитете других судов эскадры бомбардировать Одессу, диктовавший свою волю генералам и уплывший, наконец, к берегам Румынии,— все это было до такой степени дико для

Совет рабочих депутатов

русского ума, что общее замешательство длилось довольно долго, прежде чем были приняты необходимые меры укрощения, и за это время деревня почувствовала силу организованного народа.

Памяти фаворита Екатерины не везло: броненосец его имени начал кровавую часть русской революции, в его петербургском дворце делались приготовления для представителей революции мирной.

Конец лета (история во флоте относится к половине июня 1905 года) прошел в частичных забастовках и окончательной организации «Союза союзов» и Центрального Совета рабочих депутатов. В предвидении близкого боя сомкнули свои ряды даже враждовавшие политические группы: лихорадочная деятельность разволновала всех. Школы еще с весны были закрыты, на казенных заводах работы прекращались еще чаще, чем на частных, все словно стоворилось против правительства, быть может, один Трепов с жандармами и департаментом полиции не поддались в это тревожное время отчаянию. Но их час еще не наступил, Николай оставался пока беспомощен перед надвигающейся бедой.

В конце сентября общая стачка стала неизбежной, а с 4 октября известия о новых

примыкающих к ней районах и органах делаются непрерывными. Если верить данным книги «Полгода русской революции» Обнинского (ее цифры скорей преуменьшены), то с 4 по 19 октября было 163 известия о присоединениях к общей стачке, в которой участвовало, по подсчетам автора, более миллиона граждан*. Из телеграмм правительственного агентства видно также, что «не было такой общественной группы, которая не имела бы своих представителей среди бастовавших: ученики всевозможных заведений, начиная с детей школьного возраста и кончая студентами высших школ; железнодорожные служащие от стрелочников до инженеров; сельскохозяйственные рабочие и рабочие фабрик и заводов; телеграфисты и почтовые чиновники, наборщики типографий и редакций газет и журналов; врачи; целые войсковые части, земские и городские управы, чиновники захолустных присутствий и огромных центральных учреждений, где не стеснялись освистывать министров, как это было, например, в Государственном банке; адвокаты и судьи; домашняя прислуга; официанты ресторанов; служащие водопроводов и газовых

* В действительности по стране бастовало более двух миллионов человек (Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 129).

заводов, аптекари и фармацевты; дворники и полиция и т. д. и т. д.».

Столицы словно вымерли. Ночью на улицах было темно, как в средние века. В больницах нельзя было оперировать, так как не было в водопроводах воды. Прекращались банковские операции, и вексельному обращению грозил такой же кризис, как и промышленности. Биржевые ценности стремительно летели вниз, и были дни, когда в конторах Государственного банка не принимали к размену и покупке собственной ренты более чем на 500 рублей. Крупная буржуазия несла грандиозные убытки и волновалась, но это и был единственный моральный союзник правительства. Все остальное население империи, от среднего чиновника и интеллигента до самого скромного рабочего, было объято какой-то сверхъестественной солидарностью, объясняющей длительность и дружность главного момента стачки — недели перед 17 октября.

Провинция была отрезана от центров, и только правительственный телеграф работал с грехом пополам, разнося распоряжения Трепова. Но в эти дни и его престиж не был выше курса ренты. Губернаторы хранили угрюмое молчание, беспомощно опустив бразды своего правления. Никто не жаловался им на забастовку, ниоткуда не приходило вестей о проявлении «здорового» народного негодования и возвращении к работе фабрик или железных дорог.

Существует расчет, что Европа может выдержать не более восьми суток всеобщей стачки, далее должна будет начаться резня, борьба всех против всех, и современное отрицательное отношение к принципу генеральной стачки со стороны руководителей европейской социал-демократии говорит только об их способности учитывать соотношение сил, так как победа либерально-буржуазных элементов должна быть при конъюнктуре начала XX века несомненной.

Может быть, и русский опыт позволил произвестить этот учет точнее, но, как бы там ни было, октябрьская стачка должна была поразить мир своими размерами. Поэтому нельзя удивляться охватившей Царское Село и Петербург (чиновничий) панике и готовности правительства и царя пойти на любые уступки народу, неожиданно показавшему такие острые зубы.

Здесь не без торжественности выступил в роли нового миротворца герой Портсмута, вчерашний граф, Сергей Витте. Он решился сказать, что спасет Россию и царя, и ему поверили с тем большей охотой, что ничего иного и не оставалось делать.

17 октября после краткого совещания с князем Оболенским и несколькими другими не потерявшими головы сановниками Витте переписал начисто проект манифеста и повез его к царю, который отсиживался ни жив ни мертв в Петрограде.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

17 октября.— Манифест.— Сцены во дворце.—

Неподготовленность администрации.— Забастовка Булыгина.—

Витте бездействует.— Трепов не теряется.—

Синод и армия.— Наверху разделяются на два лагеря.—

Темные силы торжествуют.— Митинги.—

Демонстрации.— Общее ликование.— Опять «бессмысленные мечтания».—

Предвестники новой «Ходынки».

Несмотря на то что остановка всей жизни, наступившая с 10 октября, когда начали прижимать к стачке железные дороги, должна была подготовить общественное внимание к решительному шагу правительства, Манифест оказался как бы сюрпризом. Едва ли главари стачки ожидали большего: им лучше, чем кому иному, было известно, что боевое настроение забастовщиков идет на убыль вследствие голодовки семей и что дольше 19 октября стачка не продержится. Впоследствии чиновники упрекали графа Витте за торопливость, намекали на то, что он знал о слабости стачки и играл Манифестом на руку революции, чуть ли не из

расчетов на кресло президента будущей русской республики.

Во всем этом не было тени истины. Витте о положении стачки знал не больше других, так как состояние кассы ее не было никому, кроме Совета депутатов, известно; забастовщики, правда, голодали, но в России этим никого не удивишь, рабочие нередко голодают и без всяких стачек. Если б стачка кончилась сама собой до Манифеста, то все равно последовал бы новый подъем возмущения, в другой, быть может, форме, но еще более внушительный. Страна была настолько единодушно настроена, что нечего было и думать

отделаться от ее требований «булыгинской» Думой.

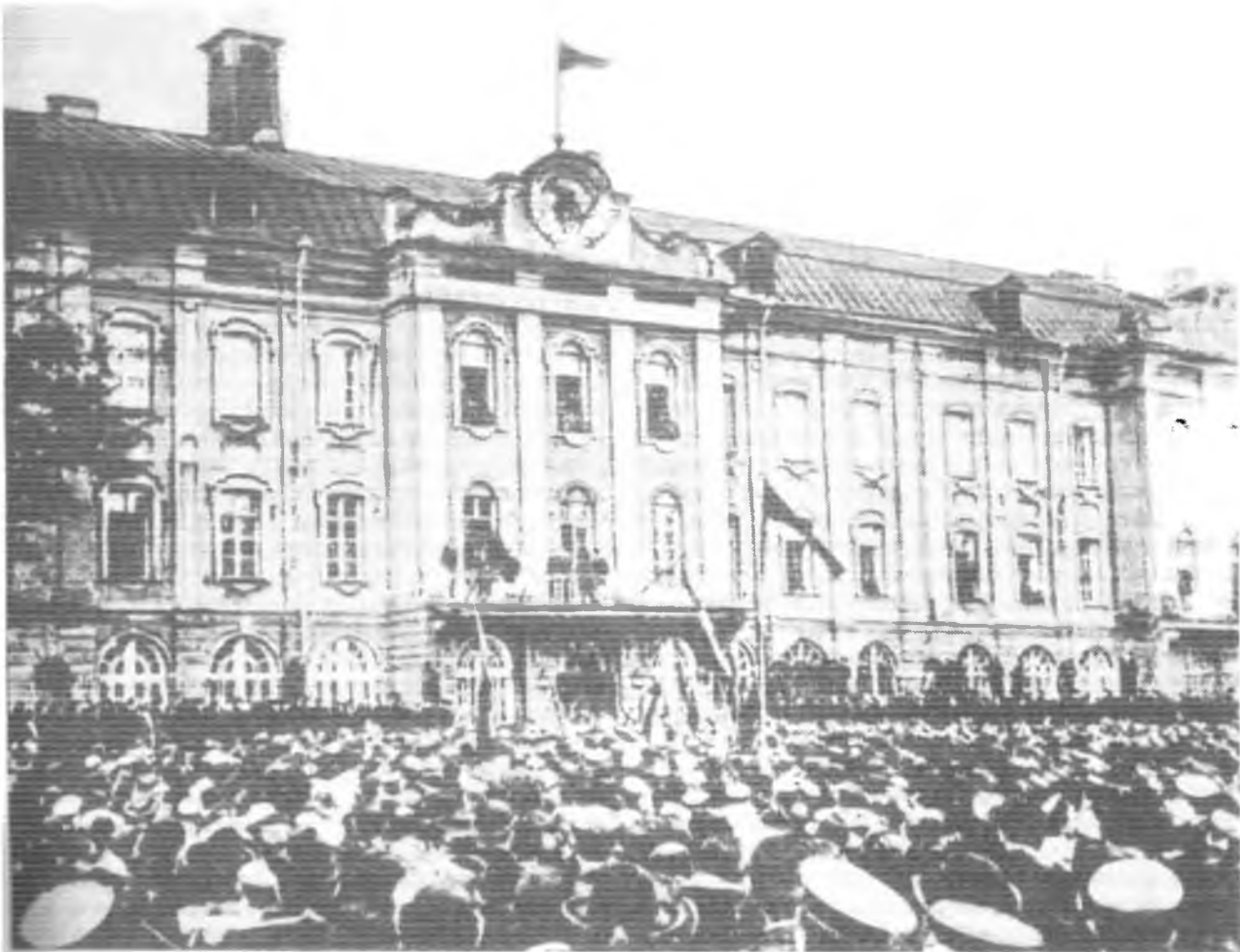
В Манифесте 6 августа, говоря о законодательном характере будущей Думы, царь еще решался подчеркивать неприкосновенность основного закона «О существе самодержавной власти» и выражать надежду на то, что будущие депутаты «покажут себя перед всей Россией достойными царского доверия». Даже и в такой серьезный момент Николай не мог отделаться от вотчинного взгляда на Россию и обнаружил непонимание депутатских обязанностей. И снова читаем праздные слова об особом отношении к России Бога, без чего не обходится ни один государственный акт этого царствования.

Манифест не произвел сильного впечатления, совещательной Думе никто не придавал веры и значения, все понимали, что она будет без остатка проглочена чиновничеством.

То же самое было бы и в октябре, и, если б

Николай выступил бы с чем-нибудь подобным, умиротворения не наступило бы.

Месяцем-двумя позднее, но сдача правительства была столь же неизбежна, как в свое время и мир с Японией. И как портсмутский договор, несмотря на разгром Японии, можно считать одним из удачнейших актов русской дипломатии, так и Манифест 17 октября независимо от последующей судьбы своей был началом новой эры русской истории вне всякой зависимости от стараний отдельных лиц. Оба эти события были логическим результатом невозможности для России вести войну на два фронта. И будь только правительство искренно, а Николай честен в держании слова, то мир внутренний оказался бы не менее прочным, чем внешний. Но так как бурная сцена во дворце, где великие князья нападали на царя чуть не с кулаками, а женская половина истерически рыдала, сделалась тотчас же известной, то можно было с уверенностью рассчиты-

18 октября 1905 года. Возле Петербургского университета, традиционное место демонстраций чаще бывавшее свидетелем кровопролитий и избиений, нежели радости

Студенческая демонстрация 18 октября 1905 года на улицах Петербурга

вать на скорое раскаяние Николая в своем решении подписать Манифест. Это вовсе не была сильная натура, чтобы до конца противостоять родственным влияниям, и не трезвый ум, чтобы отличать мнения придворных и чиновников от требований своего народа.

Да, наконец, все те черты его темперамента и характера, которые мы бегло наметили выше и которые были до глубины исследованы окружающими, ручались за двойственное, нерешительное отношение к важнейшему акту царствования. С другой стороны, и самый Манифест носил на себе следы торопливости, несогласованности, неясности, был изложен не юридическим языком. Даже на равнодушного читателя он должен был произвести впечатление вынужденной испугом уступки, а не обдуманного шага, кладущего начало новому государственному пути. А между прочим, только этому характеру октроирования конституции обязаны мы дальнейшим течением революции. Только он развязывал в равной мере руки Трепову, великому князю Владимиру и другим погромщикам, с одной стороны, и крайним партиям, шедшим с этого момента на поводу провокаций, — с другой. Не опираясь на последние распоряжения закрепляющего харак-

тера, Манифест повисал в воздухе, как простая тряпка на ветру, колеблемая революционной бурей.

«Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей, — говорил царь 17 октября, — великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народа и печаль народная его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое настроение народное и угроза целости и единства державы нашей.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы для успешнейшего выполнения общих предначертанных нами к умиротворению государственной жизни мер признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и

3) Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле».

Как видно, даже и в той, меньшей, половине Манифеста, которая имела сколько-нибудь деловое значение, все было глухо и темно, возбуждало недоумение. Поэтому особое значение придавалось приложенному к Манифесту докладу графа Витте с пометкой царя: «принять к руководству». И одновременное опубликование обоих документов, и категорическое указание Николая делали из доклада законодательный акт, с которым следовало считаться правительству.

Мы приводим здесь произведение графа Витте целиком, так как сопоставление актов, один из коих был продиктован чиновничьим, а другой — гражданским смыслом, весьма поучительно и объясняет наступившую после созыва I Думы и полного устранения от дел Витте неразбериху действий правительства. Перестав руководиться докладом опального министра, кабинет не знал, на что опереться в двусмысленных фразах Манифеста, и он дал себя увлечь вместе с царем в черносотенную яму, где Трепов и К^о намеревались восстановить неограниченное самодержавие.

Вот что докладывал граф Витте:

«Волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо как следствие частичных несовершенств государственного и социального устройства или только как результат организованных действий крайних партий. Корни этого волнения, несомненно, лежат глубже. Они — в нарушенном равновесии между идейными стремле-

ниями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы. В уровень с одушевляющей благоразумное большинство общества идеей должны быть поставлены внешние формы русской жизни. Первую задачу правительства должно составлять стремление к осуществлению теперь же, впредь до законодательной санкции через Государственную думу, основных элементов правового строя: свободы печати, совести, собраний, союзов и личной неприкосновенности. Укрепление этих важнейших сторон политической жизни общества должно последовать путем нормальной законодательной разработки, наравне с вопросами, касающимися уравнивания перед законом всех подданных Вашего Императорского Величества, независимо от вероисповедания и национальности. Само собою разумеется, что предоставление населению прав гражданской свободы должно сопутствоваться законным ограничением ее для твердого ограждения прав третьих лиц, спокойствия и безопасности государства. Следующей задачей правительства является установление таких учреждений и таких законодательных норм, которые соответствовали бы выяснившейся политической идее большинства русского общества и давали положительную гарантию в неотъемлемости дарованных благ гражданской свободы. Задача эта сводится к устройению правового порядка. Соответственно целям водворения в государстве спокойствия и безопасности, экономическая политика правительства должна быть направлена ко благу широких народных масс, разумеется, с ограждением имущественных и гражданских прав, признанных во всех культурных странах.

Намеченные здесь в нескольких словах основания правительственной деятельности для полного своего осуществления требуют значительной законодательной работы и последовательного административного устройства. Между выраженным с наибольшей искренностью принципом и осуществлением его в законодательных нормах, а в особенности проведением этих норм в нравы общества и приемы правительственных агентов, не может не пройти некоторое время. Принципы правового порядка воплощаются лишь постольку, поскольку население получает к ним привычку, гражданский навык. Сразу приготовить страну с 135-миллионным населением и обширнейшей администрацией, воспитанными на иных началах, к восприятию и усвоению норм правового порядка не по силам никакому правительству. Вот почему далеко

не достаточно власти выступить с лозунгом гражданской свободы. Чтобы водворить в стране порядок, нужны труд, неослабевающая твердость и последовательность.

Для осуществления сего необходимым условием является однородность состава правительства и единство преследуемой им цели. Но и министерство, составленное, по возможности, из лиц одинаковых политических убеждений, должно еще приложить все старания, чтобы одушевляющая его работу идея стала идеей всех агентов власти, от высших до низших. Заботой правительства должно быть практическое водворение в жизнь главных стимулов гражданской свободы. Положение дела требует от власти приемов, свидетельствующих об искренности и прямоте ее намерений. С этой целью правительство должно поставить себе непоколебимым принципом полное невмешательство в выборы в Государственную думу и, между прочим, искреннее стремление к осуществлению мер, предпринятых указом 12 декабря.

В отношении к будущей Государственной думе заботой правительства должно быть поддержание ее престижа, доверие к ее работам и обеспечение подходящего сему учреждению значения. Правительство не должно явиться элементом противодействия решениям Думы, поскольку эти решения не будут, что невероятно, коренным образом расходиться с величием России, достигнутым тысячелетней ее историей. Правительство должно следовать мысли, высказанной Вашим Императорским Величеством в манифесте об образовании Государственной думы, что Положение о Думе подлежит дальнейшему развитию в зависимости от выяснившихся несовершенств и запросов времени. Правительству надлежит выяснять и установить эти запросы, руководствуясь, конечно, господствующей в большинстве общества идеей, а не отголосками хотя бы и резко выраженных требований отдельных кружков, удовлетворение которых невозможно уже потому, что они постоянно меняются. Но удовлетворение желаний широких слоев общества путем той или иной формулировки гарантий гражданского правопорядка необходимо.

Весьма важно сделать реформу Государственного Совета на началах видного участия в нем выборного элемента, ибо только при этом условии можно ожидать нормальных отношений между этим учреждением и Государственной думой.

Не перечисляя дальнейших мероприятий, которые должны находиться в зависимости от обстоятельств, я полагаю, что деятельность власти на всех ступенях должна быть

охвачена следующими руководящими принципами.

1. Прямота и искренность в утверждении на всех поприщах даруемых населению благ гражданской свободы и установление гарантий сей свободы.

2. Стремление к устранению исключительных законоположений.

3. Согласование действий всех органов правительства.

4. Устранение репрессивных мер против действий, явно не угрожающих обществу и государству, и

5. Противодействие действиям, явно угрожающим обществу и государству, опираясь на закон и в духовном единении с благоразумным большинством общества.

Само собою разумеется, что осуществление поставленных выше задач возможно лишь при широком и деятельном содействии общества и при соответствующем спокойствии, которое позволило бы направить силы к плодотворной работе. Следует верить в политический такт русского общества. Не может быть, чтобы русское общество желало анархии, угрожающей, помимо всех ужасов борьбы, расчленением государства».

Теперь, несмотря на незначительный относительно промежуток времени, отделяющий нас от этих документов, мы обладаем достаточной исторической перспективой для их оценки. В России каждому известно, что доклад графа Витте тоже не был продуктом обдуманной и коллегиальной работы, да это явствует из его текста. Мало того, он был написан уже после Манифеста, и с тою же торопливостью. Но, как мы говорили, авторами доклада (Витте, князь А. Д. Оболенский и др.) руководили иные соображения, чем те, которые они по свойственным бюрократам опасливости и изворотливости вложили в слова Манифеста. Они просто стали на минуту русскими гражданами, которые в большинстве разделяли умеренное и трезвое положение этого доклада.

Но именно поэтому нельзя было ожидать их осуществления. Прямо противоположные стремления высшего чиновничества и царской фамилии, положения эти должны были раздражать Двор и правительство, побудить Трепова к скорейшему выступлению и подготовить царя к тому, чтобы симуляция контрреволюции была принята за голос народа, ожесточившегося ущербом самодержавию.

Витте после 17 октября оказался почти одинок в среде придворных и чиновников, и ему оставалось только попробовать привлечь к себе тех общественных деятелей, имена которых ругались бы обществу за искренность намере-

Один из митингов в Тифлисе в октябре 1905 года

ний власти. Но в эти же дни начались погромы, все спуталось, и темные силы повсюду встретили такую открытую поддержку администрации, которая навсегда устраняла доверие русского народа к ней и министерству. Администрация была не подготовлена к проведению реформ, но к погромам вполне готова.

При заведомой беспринципности местных агентов, развращенных десятилетиями беспрекословного послушания петербургским начальникам, таким же беспринципным, успех миссии Трепова был заранее обеспечен, и для установления живой связи между ним и губернаторами было довольно четырех месяцев пребывания его у власти.

Булыгин после неудачи со своей отставкой сам, в сущности, присоединился к стачечникам, так как ровно ничего не делал. Вообще в это критическое для Николая время один Трепов хранил вид уверенности в себе и должен был чрезвычайно импонировать запуганному Двору. В два-три дня после Манифеста он получил неограниченное влияние на дела, а чуткие к петербургскому ветру губернаторы сразу это поняли. Поэтому Витте мог сколько ему было

угодно совещаться с Д. Н. Шиповым, князем Е. Н. Трубецким, князем С. Урусовым и другими людьми, от этого затея Трепова и великого князя Владимира не становилась невозможной. Разумеется, что приглашаемые в министерство деятели прекрасно учили действительные силы Витте и, не считая для себя возможным рисковать своими репутациями союзом с заранее скверной компанией, один за другим отказались от предлагаемых портфелей. В то время многие прогрессисты обвиняли их за отказ, но ближайшие же погромные дни оправдали их и доказали их политическую дальновидность.

Так, с чрезвычайной быстротой и интенсивностью, совершались последние этапы общественной, чиновничьей и придворной дифференциации. Все спешили примыкать к единомышленникам, использовать момент замешательства, неорганизованности, кажущейся растерянности администрации. Духовенство, не привлеченное, так же как и армия, к перевороту, охотно стало на сторону чиновничества, всегда сливаясь с ним в стремлениях и политике. Отсутствие присяги конституции со сторо-

ны царя и его властей как бы еще больше развязывало руки заговорщиков против Манифеста и давало возможность представлять Николаю акт 17 октября как вынужденный графом Витте, скрытым революционером, замышлявшим едва ли не свержение династии. Для царя, не забывавшего своей коронационной присяги, такая интерпретация была как нельзя более по плечу, и всякий последующий шаг к отобранию дарованных народу свобод оправдывался приближением к *status quo ante* * неограниченного самодержавия, этого устоя монархии и специально для России Богом предназначенного извечного института.

До царя, однако, должен был бы доходить еще раньше погромного веселый гул ликования общества, вызванного Манифестом. Бесчисленные митинги, заседания обществ, резолюции собраний, пресса — все решительно было посвящено новорожденной конституции, и русская Жиронда праздновала недолгий час

* Положение, которое было прежде (*лат.*).

бескровной победы над старым, опостылевшим строем. Волны гимнов свободе, привета деятелям освобождения, мнения общества и настроений народа докатывались до Петербурга, не ослабевая. Но на крошечном пути до Царского Села они словно в бездну вливались, болотом впитывались. А поверх них шли театральные волны просьб о сохранении самодержавия, рабских чувств, влиянья рептилий. И эти-то декоративные, наивные в своем духовном убожестве суррогаты общественного мнения впускались во дворец во все окна и двери, наполняли его атмосферу, жадно подхватывались всеми окружающими царя и им самим как желанный голос помощи в беде, как свет спасательной ракеты. Трепов мог теперь покойно дать сигнал к контрреволюции.

Опять после «бессмысленных мечтаний» о мирном переходе к новому строю Россию ожидала своего рода ходынская катастрофа — «Ходынка», как говорят в России про массовое истребление людей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Контрреволюция.— Простота организации.—

Готовность чиновничества к перевороту.— Старые дрожжи.—

Еврейские погромы.— Типография в департаменте полиции.—

Трепов, Рачковский, Комиссаров, Будоговский,

Богданович, Николай — погромщики.— Прокламации.—

Климович и другие.— Материальные средства.—

Отдельные сцены погромов.—

Расстрелы в Минске, Ревеле и других городах.—

Участие полиции и войск.— Негодование в России и за границей.

Неделя после Манифеста 17 октября навсегда останется одним из самых сложных и поучительных моментов русской истории. Словно во главе правления был не Николай II, а гениальнейший из детей сатаны, сеявший одной рукой добро, а другой зло, чтобы хохотать над общим смятением, натравливать друг на друга целые общественные классы, утомить самые несокрушимые энергии, развратить и обездолить целое человеческое поколение.

Действительно, в те самые дни, когда царь подписывал указ об амнистии, правда далеко не полной и не беспристрастной, когда он возвращал Финляндии ее автономию, отнятую в 1899 году, когда он слагал с крестьян из страха аграрной революции выкупные платежи на десятки миллионов рублей, когда, наконец, упразднил треповскую диктатуру, он подписывал также и все то, что подсказывал ему Трепов, клялся великим князьям в несокрушимо-

сти самодержавия, посылал генерал-адъютантов и карательные отряды в охваченные волнениями губернии, назначал министром внутренних дел «Петрушку» Дурново, а Трепова брал к себе поближе, в дворцовые коменданты. Он давал ему при этом право руководить всеми делами департамента полиции, снабжал средствами для погромной деятельности, которую называл «организацией общественных сил», и готовился повесить на Рачковского станиславскую звезду с приложением 75 тысяч рублей за его провокаторскую работу. 20 января 1906 года деньги эти и были вручены Рачковскому. Если не считать высшее чиновничество и жандармов, материально заинтересованных в поддержке постоянного брожения и репрессиях, то контрреволюционных элементов в стране не было. Ни среднее и мелкое чиновничество, ни внешняя полиция, ни низшие классы городского населения ничего не проигрывали от кон-

ституции. Наоборот, известное упорядочение служебных отношений гарантировало от начального произвола, освобождало от тягчайшего из видов рабства — служебного. Городское отребье и в новых условиях продолжало бы праздную и пьяную жизнь, пока филантропия и разумные меры исправления не оказали бы на него своего воздействия. О крестьянстве и говорить нечего, да и Трепов не имел его в виду при организации погромов.

И тем не менее ничего не могло быть легче, как устроить кровавую баню для новорожденной конституции. Административный аппарат находился в исправности и полном подчинении у Трепова. Среди губернаторов было довольно таких, которым можно было доверить непосредственное устройство погромов, у других находились полицмейстеры, готовые отличиться, у третьих — такие же чины низшей полиции. Жандармы и охранники умело и быстро передавали им всякое приказание начальства. Между кабинетом Трепова и логовищем какого-нибудь босняка, предназначенного для убийства и поджогов, было в практическом смысле не больше инстанций, чем между двумя абонентами телефона.

Если б даже не было установлено факта провокации погромов департаментом полиции и участия в этом деле Трепова и царя, он вытекал бы из самого развития октябрьской травли. Ни великая забастовка, ни грандиозные демонстрации с красными, черными и всякими другими флагами после Манифеста не вызвали нигде никаких возмущений, столкновений и вообще противодействия. Демонстранты ограничивались пением рабочей «Марсельезы» и похоронного марша, на митингах тысячные толпы, ровно ничего не понимавшие в законе ренты и Учредительном собрании, выслушивали длинные речи социал-демократических ораторов, но не устремлялись к экспроприации имущества и выборам временного правительства, а спокойно расходились по своим домам и делам. Словом, не было злобы ни с той, ни с другой стороны. Контрреволюционные прокламации не имели бы ни малейшего влияния на население, знавшее цену неорганизованным выступлениям, если б не сопровождались не только организованными действиями агентов Трепова, но и денежными подачками.

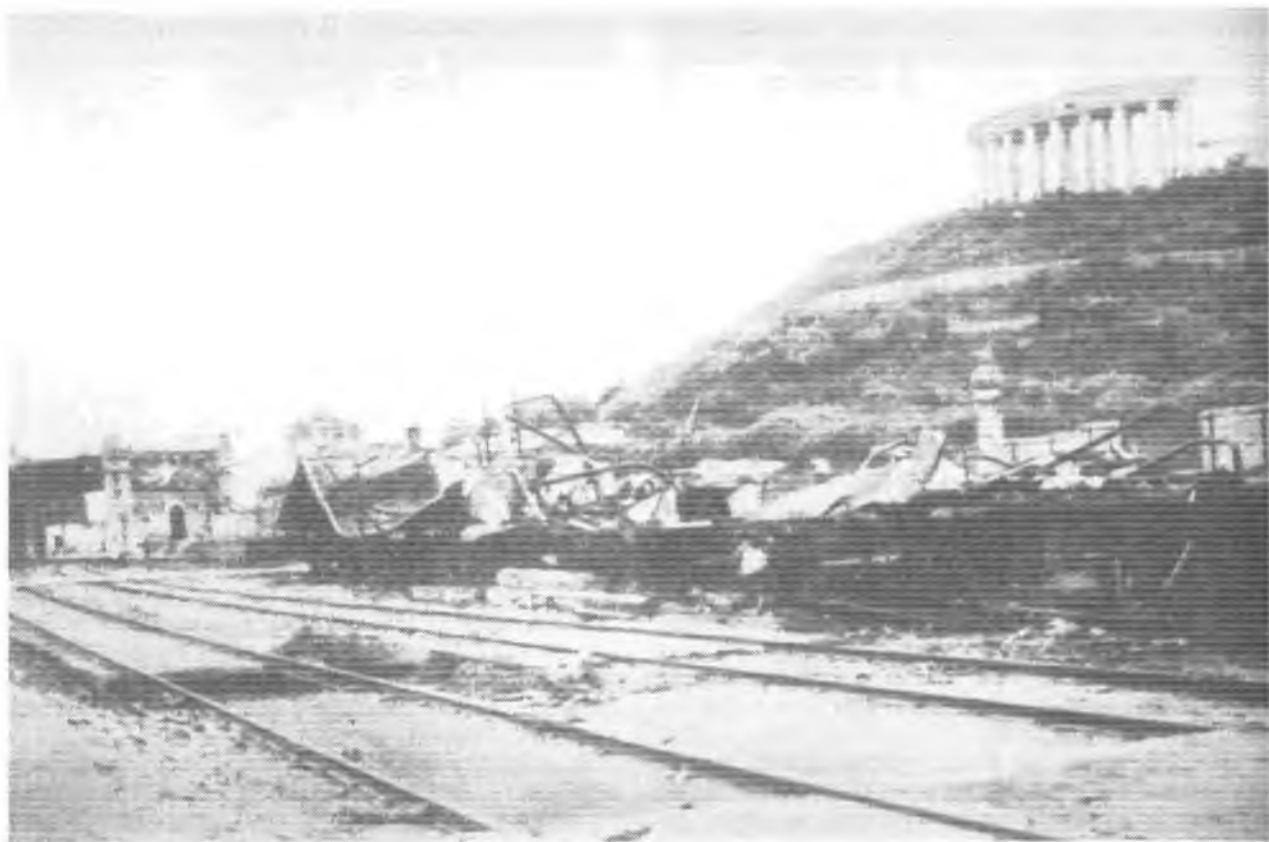
Схема действий была проста и всегда одна и та же. Жандармские отделения получали прокламации, инструкции и деньги. Губернаторы получали предложения «допустить» патристическую манифестацию, военному начальству предлагали «не отказывать» в оркестрах музыки, духовенству — в молебнах на площадях. Срок назначался трехдневный, как при

еврейских погромах. В прокламациях, распространявшихся на базарах и окраинах, к «жидам» нужно было присоединить только студентов, земцев и вообще «крамольников», все остальное должно было протекать по шаблону. Погрому политическому предпосылалась, правда, чиновничья демонстрация.

Губернатор и архиерей в сопровождении чиновников и военных проходили с казенными флагами и портретами царя, выданными из присутствий, по главным улицам города. На площади из толпы требовали молебен, духовенство немедленно облачалось и служило. В это время в задних рядах толпы бывало уже немало пьяных, среди коих сновали агенты Трепова. Эти же агенты толклись возле губернатора для имитации якобы народных требований послышки царю патристических депеш. Губернатор выражал полную готовность, телеграммы посылались, и на другой день царский ответ служил к началу настоящего уже погрома с убийствами, разбитием винных лавок, поджогами. На четвертый день все как по мановению ока прекращалось и губернаторы вводили обязательные постановления о недопущении вообще никаких сборищ.

В городах еврейской оседлости сигналом к убийствам служил традиционный выстрел полицейского в воздух и крик другого: «Жида убивают!» В центральных городах за таким провокационным выстрелом следовал возглас: «Революционеры бьют!» Вариантов и отступлений от испытанного способа почти не случалось. Разве там только, где во главе местного гарнизона стоял толковый и честный генерал, дело обходилось без участия войск, но в таких случаях губернаторы не передавали своей власти военному начальству и погромщиков охраняли одни полицейские. Если же генерал был глуп и бессовестен, он получал полноту власти, и в гарнизоне всегда находились части и офицеры, принимавшие деятельное участие в убийствах и грабежах. Что этим развращались войска, не задумывались. Нужно было любой ценой вызвать видимость контрреволюции, чтобы дать этим в руки правительства право суровых репрессий и подавления общественной самостоятельности.

Что могло противопоставить такому плану Трепова русское общество? Умеренные его слои не участвовали ни в каких милициях, не сочувствовали ни политическому, ни аграрному террору, не имели навыка к боевым выступлениям. Слои крайние были ослаблены длительной забастовкой, стремились к заработку, не были, наконец, вооружены. Да если б и образовались солидные боевые дружины, войска разбили бы их шутя, по обязанности

Одесса в октябре 1905 года. Сгоревшая эстакада, многомиллионное сооружение

не допускать гражданских сражений. Расчет Трепова был элементарен, но если простота и выдала его и Николая с головой, то от этого жертвам октябрьских погромов не было легче. В сотне с небольшим городов было убито в октябре 1905 года около четырех тысяч человек и ранено и изувечено более десяти тысяч. Убытки должны быть исчислены в сотни миллионов рублей.

Здесь нет возможности перечислить даже наиболее выдающиеся случаи. В Томске, например, был подожжен театр, в котором сгорела тысяча человек, причем губернатор Азанчевский-Азанчеев смотрел на это живописное зрелище из окна своего дворца, а архиерей благословлял погромщиков с соборной паперти. Между прочим, когда назначали в Томске этого губернатора, царю хорошо было известно, что он простой вор-рецидивист, избегший суда и тюрьмы только потому, что жил и служил в России. Впрочем, Николай не постеснялся однажды формулировать свой взгляд на взяточничество и казнокрадство, говоря, что если полицейский возьмет слишком много, то это преступление, а если «по чину», то это как бы

дополнение к жалованью. Вот почему, когда погромщики обнаружили и когда оказалось, что большинство из них были одновременно и ворами, это последнее обстоятельство не помешало царю миловать и награждать их наравне с честными, так сказать, громилами, вроде Нейдгардта.

В столицах было почти невозможно организовать избиения, и операции Трепова носили партизанский характер. Так, когда после амнистии был выпущен из тюрьмы врач Бауман, то на него направили мелкого вора домашних вещей Михалина, который и убил его ломом, вскочив в извозничью пролетку, в которой возвращался к семье Бауман.

Похороны его обратились в грандиозную демонстрацию, своего рода генеральный смотр московского пролетариата. За гробом шло не менее двухсот тысяч человек, причем порядок не был нигде нарушен и полиция отсутствовала. Но на возвращающиеся с кладбища группы были произведены нападения, казаки, спрятанные в манеже, стреляли в сумерках по тротуару, ведущему к университету, и поранили и убили около тридцати человек.

То же было, несколько спустя, после похорон князя С. Н. Трубецкого, большое сердце которого не выдержало эмоций этого бурного года и который умер в заседании комиссии, обсуждавшей университетский вопрос. В Петербурге дело ограничилось отдельными нападениями на прохожих, и, хотя полиция вообще в погромные дни отсутствовала (частью по приказу, частью вследствие личного участия), вскоре наступило спокойствие, так как милиционеры из рабочих жестоко расправлялись с хулиганами. Убийца Баумана был, конечно, помилован.

В нескольких городах зато Трепову выпала особая удача, это где губернаторы и начальники гарнизонов были одинаково ретивы и бесцеремонны. В Минске, например, Курлов устроил настоящую бойню заманенной к вокзалу мирной толпы, войска давали перекрестные залпы по бегущим и перебили множество людей без малейшего сопротивления. Курлов вскоре был повышен по службе и некоторое время состоял товарищем министра внутренних дел Столыпина, его даже прочили на место последнего, так как царю импонирует его решительность¹. Этот же Курлов, будучи неко-

лько раньше вице-губернатором в Курске, сек розгами крестьян после манифеста об отмене телесных наказаний.

Все это хорошо знал Николай. Он не переживал в эти дни тех тяжелых мучений, что выпадают на долю людей хотя бы и жестоких по натуре, но сознающих свою ответственность за пролитие крови. Наоборот, последующее отношение царя к подвигам карательных отрядов и его личные симпатии к таким администраторам, как фон-дер-Лауниц, указывают, что кровавые сцены погромов доставляли ему известное удовольствие. Ниже мы приведем и другие подтверждения взгляда, в русском обществе прочно сложившегося, что в лице Николая империя имеет монарха с признаками морального вырождения, почти «нравственного уроды», как называют таких людей учебники психиатрии.

В октябре 1904 года черты эти начали обнаруживаться, но только близкие люди, как Трепов, Рачковский, великий князь Владимир и т. п., могли знать, что нет той картины человеческих страданий, которая могла бы тронуть это высушенное вырождением сердце, нет предела полномочий, которые царь не был бы готов дать кому угодно для нещадного избияния своих подданных. Эти господа поэтому покойно печатали прокламации в департамен-

¹ Но эта же популярность может привести и к иному концу. Воскресенский, убивший жандармского полковника Карпова, представил суду список лиц, на которых покушения разрешались. В нем фигурировал и Курлов.

Одесса в октябре 1905 года. Часть эстакады после пожара в порту

В Севастополе в дни революции. «Вечная память» убитым

те полиции. Их слуги в провинции, сделавшие потом все поголовно прекрасные карьеры, разбрасывали эти прокламации по городским улицам и площадям, как Климович, Цихоцкий и другие, или собирали черносотенные дружины, как жандарм Будоговский. Генерал Богданович писал тексты тех воззваний, что назначались для войск, и по стилю они не лишены своеобразной красоты и ловкости. Трепов сочинял мало, ему больше нравились простые, грубые обороты, открытые призывы к убийствам. Классическими стали его слова: «патронов не жалеть!», которыми он встретил радость Петербурга о конституции.

Средства на погромы понадобились немалые. Десятимиллионный фонд, употребляемый на нужды, «известные Его Императорскому Величеству», был к концу года, как водится, почти роздан разным царским protégés, частью расхвачан не забывавшими себя министрами. Значит, деньги были даны особым распоряжением царя, так как без его ведома ни один министр не решился бы подписать ассигновки на внебюджетный расход. Это называлось «ор-

ганизацией общественных сил», все равно как приготовление бомб Азефом, Гартингом и Рачковским называлось «техническими исследованиями».

Россия была ошеломлена погромами Трепова не менее, чем и весь остальной мир. Как-то не верилось никому, чтобы из того критического положения, в котором находились царь и чиновничество, они решились выйти таким антигосударственным способом. И тем не менее, как показала дальнейшая судьба освободительного движения, контрреволюция, хотя бы и симулированная, сыграла выгодную для Николая роль. Она возбудила новую волну негодования, а негодование — плохой советчик, оно всегда толкает к резким рефлексам. Таким именно рефлексом было Московское вооруженное восстание, а подавление его правительством поднимало престиж твердой власти, окрыляло надежды и усилия чиновников, одушевляло черные сотни и прежде всего самого царя. Будущее уже не представлялось таким мрачным, безысходным. С Думой можно было пооттянуть немного, а о выборном давлении

Николай был, как увидим, иного мнения, нежели Витте.

Вообще погромы вносили осложнение, занимали общество, отвлекали его от покойной, планомерной организации. Волновали страсти,

перекатывались кое-где запоздалым эхом и по-немногу выясняли, что «черные сотни» в хороших руках могут пригодиться и на будущее время. В это время и самое слово «черные сотни» получило право гражданства.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Революция развивается.— Умышленное бездействие администрации.—

Брожение в рабочей среде.— Во флоте.—

Лейтенант Шмидт.— На окраинах.— Балтийское движение.—

В Польше.— На Кавказе.— Необходимость репрессий.— Террор усиливается.—

Убийство губернаторов Богдановича, Старынкевича и Блока.

Трудно допустить, чтобы правительство рассчитывало на прекращение революции после погромов. В его среде было немало трезвых голов, не потерявших за обделыванием своих дел способности разбираться в государственных ошибках, а треповские погромы относились к числу последних. После них не только не наступало тишины, а наоборот, гул недовольства переходил в настоящую бурю. Но, как известно, правительство в эти месяцы не имело ни малейшего влияния на администрацию, находившуюся по-прежнему в полном подчинении у Трепова, и это повело к тому исключительному в истории революции поведению местной власти, которое можно назвать чиновничьей забастовкой. Внезапно, точно по уговору, ослаб тот надзор за покойным течением городской жизни, который обязателен для администрации. Репрессии направились исключительно в сторону политики, даже внешняя полиция была целиком привлечена к сотрудничеству с жандармами и охранниками и не имела времени для выполнения своих нормальных функций. Конечно, от класса, живущего преступлениями, не мог укрыться удобный момент, и из всех щелей городов повыползли уголовные элементы, чтобы на дневном свету и в относительной безопасности проделывать то, что раньше требовало ночного времени и риска. Начальство как бы говорило обществу: «Вы хотели гражданской свободы, конституции — вот вам плоды их, смотрите сами, подходит ли новый строй России?»

Погром из явления спорадического становится хроническим, и нельзя отказать Трепову в своеобразной изобретательности. Он только не учел современного развития общества и основ его настроения. За четверть века, отделявшую эру его погромной деятельности от убийства Александра II, в России одновременно совершались два глубоких внутренних процесса, из коих первый вызывал другой как неизбежный результат: разложение правительства и мобилизация общественных сил.

Между убийством готового даровать конституцию государя, в балансе которого числились раскрепощение миллионов рабов, судебные уставы и земское положение, убийством царя, бывшего при армии на Балканах и слезами провожавшего солдат в бой; между этим актом и Манифестом 17 октября, вырванным у Николая II, за плечами которого виделись призраки убитых на Ходынке, на Дворцовой площади и в других местах, который обзывал «бессмысленными» благороднейшие стремления и вместо себя посылал на войну иконы Серафима,— здесь была целая пропасть, заполнить которую нельзя было ни погромами, ни чем другим.

Пять лет спустя, в 1910 году, Столыпин, этот законнейший сын от брака Двора и бюрократии, должен был признать всеобщее недовольство в России, и указание его на то, что Россия собой недовольна, не было софизмом. Да, к ненависти к чиновничеству примешивалось и недовольство собой, своей неорганизованностью, своим утомлением, неизбежностью некоторого периода бездействия. Но на этой базе вести разрушительную политику было государственным безумием, а мы как раз видели ряд актов разрушительного, даже революционного характера, которыми ознаменовалась эра официального успокоения страны.

Эта неспособность к созиданию отличает все русские правительства реакционного периода, но после революции она обратилась в истинное уничтожение культурных и правовых основ жизни, в своего рода манию, достигшую апогея в момент наибольшей общественной слабости.

В описываемое время соотношение сил было, впрочем, иным; нужно было расслоить общество, натравливать части его одну на другую, делать буржуазную обстановку неспокойной, агитировать против всяких свобод как факторов распушенности, анархии. Будущие октябристы тогда еще только намечались, черные сотни оставались без идеологов, и Николай еще

не становился в их главе, не ласкал еще вниманием воров и не пожимал грязных и красных рук. Положение чиновничества продолжало оставаться критическим, и, наряду с описанными здесь ухищрениями Трепова, идут и работы по созыву I Думы.

Но в те дни, когда преступная бездеятельность администрации была у всех на виду, работы кабинета графа Витте, в который так-таки и не вошло ни одного прогрессиста, если не считать товарища министра внутренних дел князя Урусова, прослужившего несколько месяцев, оставались под покровом тайны. Когда этот покров был приподнят I Думой, за ним оказались результаты понимания правительством неотложности крупных реформ, именно проекты о перестройке прачечной и сооружении оранжереи при одном из университетов. Больше ровно ничего.

Недоверие к чиновничеству оказалось правильным, поэтому, когда к обычному его законодательному бездействию присоединилась еще и административная стачка, обществу ничего иного не оставалось, как продолжать организовываться, творить самосуд, волноваться, корить правительство, пропагандировать революционные идеи. Время реформ отступало все далее и далее, а разлад жизни, водворившийся одновременно с войной, не ждал ни минуты, каждый упущенный момент усложнял общее положение в геометрической прогрессии. В такой же прогрессии росли и политические требования и программы. Если при Плеве были бы рады законосовещательной Думе, а при Булыгине законодательной, то при Трепове нужно было уже Учредительное собрание. Если бы в 1904 году, вместо войны, поднесли народу самые скромные свободы, он поддер-

Лейтенант Шмидт, глава мятежа Черноморского флота. Исключительно одаренная, но психологически неуравновешенная натура. Монархические и социалистические начала уживались в его программе, но не могли ужиться на деле.

Монарх, которому он продолжал верить, отказал в помиловании одному из лучших русских граждан.

Для дела революции одним этим приговором сделано больше, чем годами реакции и бесправия.

жал бы династию на много лет, а в конце 1905 года не было ни одной деревенской улицы, где бы Николая не оскорбляли словами, не называли «цыганом», то есть обманщиком, не желали бы ему и всей его семье всего худшего. В русском воздухе начинали носиться самые не свойственные ему идеи о вооруженных восстаниях, а на окраинах с нерусским населением идеи эти стали уже реальностями. Экзальтированные головы находились повсюду, и за ними народ валил, как за пророками, куда ни поведут.

Одним из таких импровизированных вождей был и лейтенант флота Шмидт, имя которого известно теперь всякому европейцу. Иллюминат по натуре, идеалист по убеждениям, Шмидт пользовался симпатиями матросов, не привыкших к человеческому отношению начальников. Освободительное движение захватило его целиком, и ни при каких других условиях его качества не могли бы вспыхнуть так ярко. В короткое время Шмидт делается настоящим народным трибуном, зажигает толпу, сам зажигается от нее и приходит к фантастическому выводу, что вооруженное восстание флота может вывести его родину из кризиса и принести народу социалистический рай, в котором Богом будет не кто иной, как Николай II. Ему, этому будущему Богу, шлет он свои телеграммы, где верноподданного нельзя отделить от революционера, ему он готов кричать «ура» и играть гимн за реформу того строя, к разрушению которого безумный лейтенант собирается призвать черносотенную эскадру. Интересная, красивая личность, судьба, трагизм которой тонет в ореоле славы и мученичества.

Попытка Шмидта крушится о неорганизованность команд и полное отсутствие сочувствующих восстанию офицеров флота, прикрывших патриотизмом свое бессилие к какой бы то ни было работе. «Очаков» расстрелян, эскадра приводится к новой присяге, Шмидта с немногими главарями из матросов расстреливают на о. Березань.

Николай наглядно показывает своему идеологу, к чему он питает большую склонность, нежели к реформам. Смерть Шмидта залегла между флотом и его руководителями непроницаемой переборкой. Обычная ненависть матросов к своим офицерам питается теперь еще и легендами о «добром лейтенанте», желавшем мира и царю, и народу, а себе ничего не просящем. История учит нас, как, возле каких легенд возникали целые движения. Убит один Шмидт, на его месте вырастут в неожиданный для царя момент десятки. Эту безвыгодную для Николая казнь можно сравнить с казнью

Лейтенант Шмидт с семьей. Одна из тех идиллий, за которыми в России часто чудятся виселица или взрыв бомбы террориста

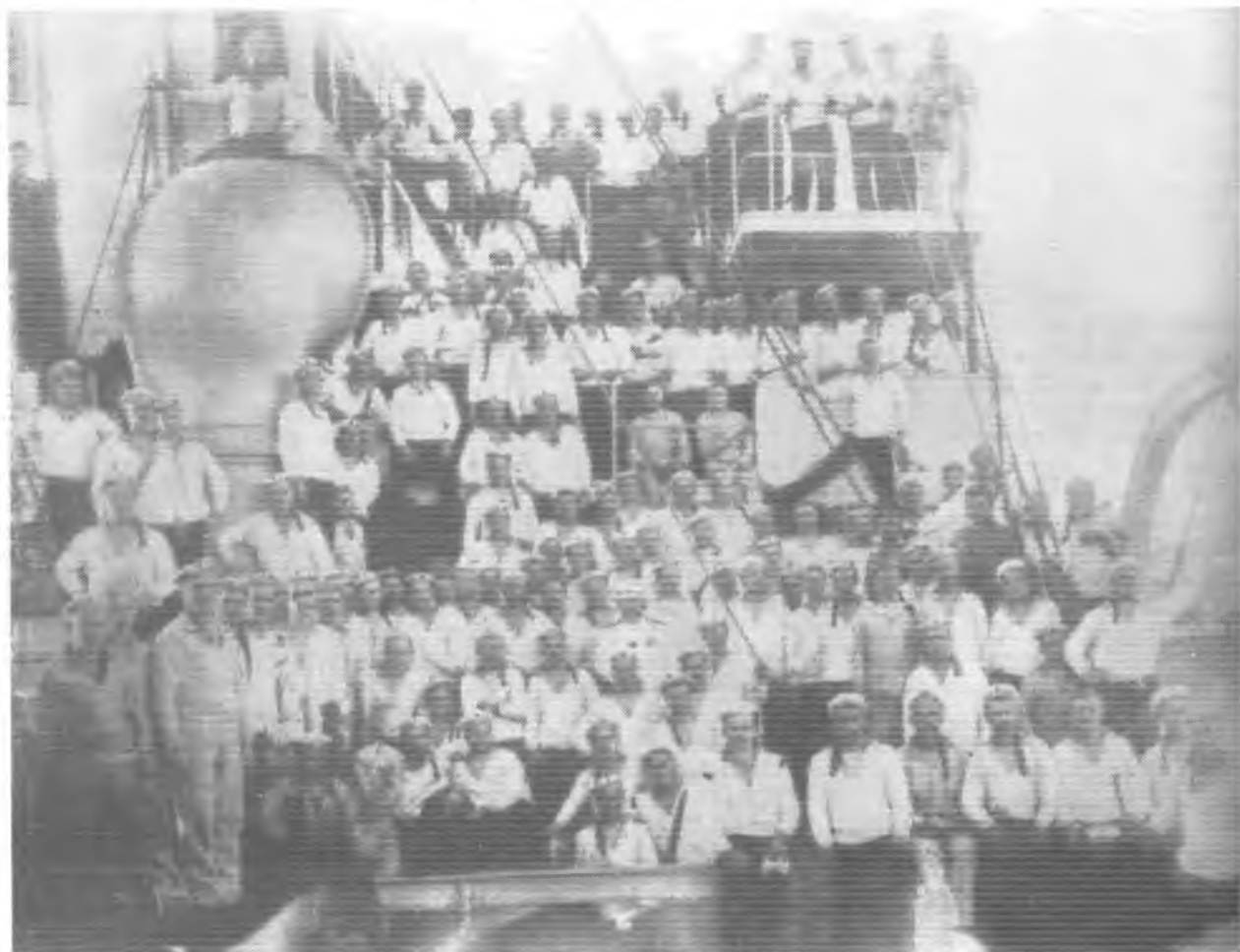
Феррера, сделавшей личную безопасность Альфонса и влияние испанских клерикалов еще более проблематичными.

При всяких иных обстоятельствах история восстания на черноморской эскадре и жизнь Шмидта сделались бы предметами обширных исторических и психиатрических исследований. Но в 1905 году в России события развивались с такой калейдоскопической быстротой, что и теперь, через пять лет, трудно следить за их хронологичностью и взаимной связью. Не следует забывать, что одновременно с мятежами на Черном море шли крупные волнения на двух русских окраинах, в Прибалтийском крае и на Кавказе, не говоря об аграрных беспорядках в центральной России. Все расплзлось по швам. Сводились счета с давнишними врагами, ликвидировались национальные отношения, в злостности коих повинна была все та же политика русских царей и чиновников.

Нельзя обвинять современное правительство за то, что оно противопоставляло вооруженным

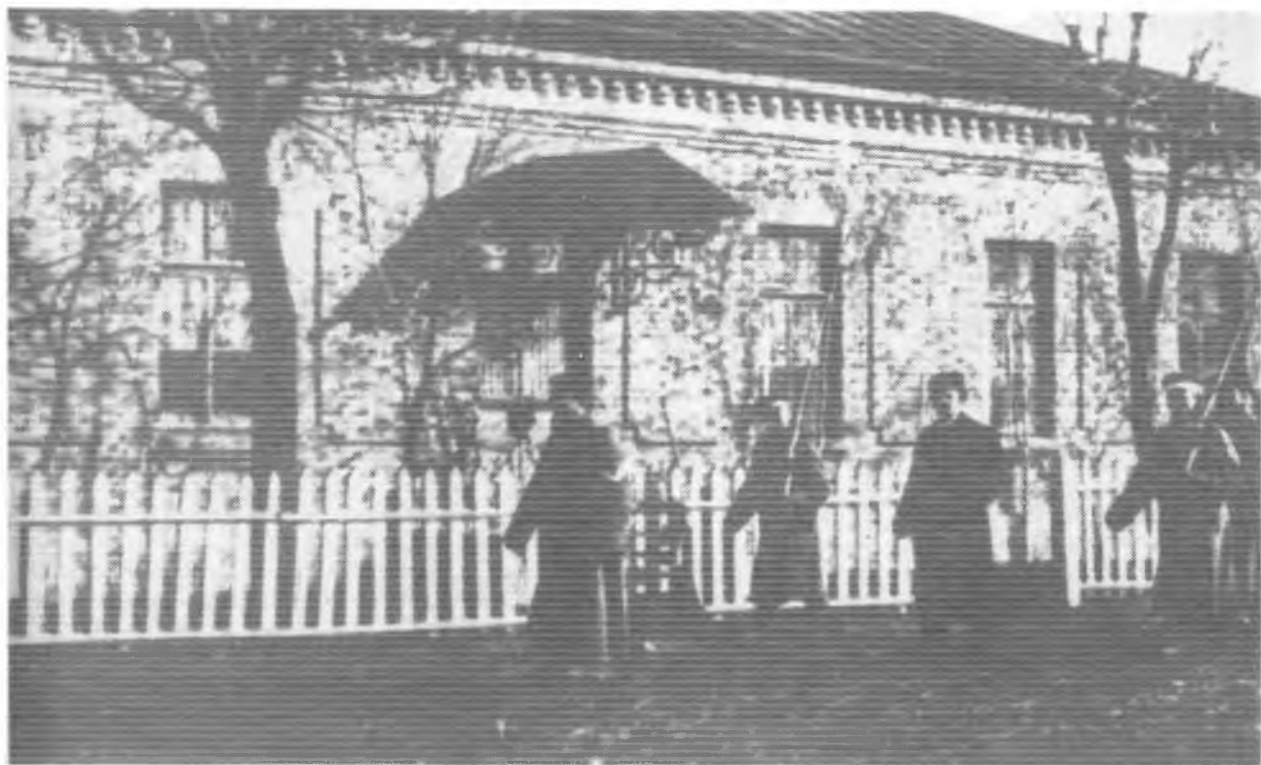
Крейсер 1-го ранга «Очаков», на котором вспыхнуло восстание матросов в октябре 1905 года

Команда «Очакова», принявшая участие в мятеже под предводительством Шмидта

Товарищи лейтенанта Шмидта: кондуктор Частник (налево), общий любимец, казнен; студент Пятин, случайно оставшийся на «Очакове» и не имевший прямого отношения к мятежу (направо), в середине рабочие, все трое были приговорены к каторге, но бежали. Шмидт и Частник, побег которых тоже можно было организовать, отказались от него.

Лейтенанта Шмидта ведут на судебное заседание с гауптвахты, где он содержится в г. Очакове

выступлениям народа вооруженную же силу. Но мудрые правительства знают меру репрессий. От русского никто этой меры не ждал, ее и не было, поэтому даже и в той области, где действия Николая и чиновников были наиболее законными и целесообразными, они осуждались народом, он как будто переставал признавать за государством право самосохранения и переходил к анархическому образу жизни. Здесь наблюдалось то же антикультурное явление, что и в массовом сочувствии к террору. Даже такие акты, как убийство, по одобрению Плеве, губернаторов Богдановича, Старынкевича и Блока, совершенные при участии Азефа и его агентов, не волновали общество своей бессмысленностью, ненужностью. Между тем убиты были примерные, честные администраторы. Просто считалось естественным охотиться на властей, как естественно весной ходить на тягу, а зимой на волков.

*Защитники лейтенанта Шмидта.
Все были душевно измучены до последней степени,
защита прерывалась слезами,
да и за судейским столом иные вытирали глаза;
один Шмидт неизменно сохранял то спокойствие,
которое приносится человеку сознанием
до конца решенной задачи.*

*Остров Березань. Место казни лейтенанта Шмидта.
С собственноручного рисунка Шмидта, сделанного на транспорте «Прут» (плавучая тюрьма)*

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Аграрное движение. — Лауниц, Струков. — Пантелеев, Сахаров. — Курлов. Движение в Прибалтийском крае и на Кавказе. — В Сибири. — Карательные экспедиции. — Их состав. — Кавалерия и казаки. — Орлов, Безобразов, Меллер-Закомельский, Соллогуб, Ренненкамф. — Офицеры, солдаты, матросы. Сиверс и барон Корф. — «Молодец!». — «Лесные братья». — Озверение с обеих сторон. Ермоласв, Левицкий, Веверн, Алиханов. Старосельский и Наливкин. — Скалон, Бурчак и другие. — Генерал Рудов. — Филонов и Луженовский. — Открытое письмо Короленко. — Аврамов и Жданов. — Отношение царя к явлениям самоуправления. — Отличие Лауница за его поведение в Тамбовской губернии. — Жена офицера Данилова и инженер Яновский. — Общий беспорядок в делах. Падение курса. Почтово-телеграфная забастовка. — «Петрушка» Дурново выдвигается. — Новые съезды, резолюции и волнения в войсках. — Земцы у графа Витте. — Союзники у царя. Новые попытки забастовок. — На наклонной плоскости революции.

Устремив все внимание на города, правительство невольно ослабило надзор за деревней, где пропаганда не прекращалась со времени первых волнений в Полтавской губернии. С ней не могли совладать ни стражники, ни войска, ни губернаторы. Из избы в избу переходила крамольная зараза, неуловимая и неуловимая. Она ставила крестьянство перед дилеммой: решить аграрный вопрос самим или дожидаться Думы. И так как никто тогда не мог предвидеть столь решительной победы «кадетов» и решимости их настаивать на принципе принудительного отчуждения земель, какие были проявлены полгода спустя, то крестьянству не особенно верилось в Думу, и его легко было увлекать к рискованным действиям. Странно было бы ждать при этом проявлений культурности от массы, которую систематически держали в невежестве. В течение столетий она находилась под давлением духовенства и боярщины, и только сорок лет тому назад земские учреждения внесли первый свет туда, где царила власть тьмы. И крестьяне разоряли вековые помещичьи гнезда с тою же ненужной жестокостью, с какою дети их разоряли весной птичьи.

Творения гениальных зодчих екатерининской и александровской эпох жглись и разрушались вместе с хранившимися в них собраниями стильной мебели, картин, фарфора и бронзы. Мало того, убивались породистый скот и лошади, вырубались сады, уничтожались посевы и огороды. Действия толпы всегда напоминали поступки безумцев. Но спрашивается, что было им делать в момент всеобщего развала, в предчувствии государственного краха, среди слухов о повсеместных

восстаниях и нелепых карательных подвигах солдат и полиции? А главное, смута политическая с новой и небывалой еще остротой вызывала смуту аграрную. Земля! Земля! Та кормилица, из чахлой груди которой Россия высасывала свой двухмиллиардный бюджет, ведь она сама питалась трудами и руками крестьянства и была ему близка, как ни одно дитя не может быть близко и дорого, близка и чувствительна, как собственная кожа.

Ведь вечное созерцание помещичьих пустырей и латифундий, облагаемых значительно меньшими налогами, нежели ничтожные крестьянские надель, помещичьих усадеб и своих разваливающихся от ветра лачуг, веселой помещичьей жизни летом, в страдную для крестьянства пору, — разве все это не подсказывало дикой, невежественной массе, что от господ, если они и в Думу попадут, земли не получишь, что лучше взять ее силой? Они не задумывались над тем, что захватное землевладение не будет прочно, что при низком сельскохозяйственном уровне и большие участки не принесут достатка, что никакое правительство не закрепит за ними революцией добытого имущества.

Ослепленные незнанием, голодом, угнетением, отчаянием, русские крестьяне произвели невиданное еще в России опустошение в деревне. Но тем более изумительно ничтожное число аграрных убийств: оно было в дни революции меньше, чем в самое тихое время до нее. Мирный характер населения, тот самый характер, который отражался в солдатских и в светских песнях, та неугасимая вера в правду и

Голод. Семья крестьянина

Голод. Крыши изб разбираются на топливо и корм скоту. Семьи переходят из разоренных изб к соседям. От тесноты, грязи и голода развиваются цинга, трахома, тиф.

справедливость, которые рано или поздно должны же быть оказаны русской земле ее горькою судьбою,— всего этого не могли искоренить ни цари, ни попы, ни чиновники. Не их влиянию, не пропаганде обязаны помещики сохранением своих жизней, а чертам народного темперамента, на которых всякое иное правительство, иная династия, иная религия воздвигали бы счастье и радость народные.

Впрочем, кажется, и Николай понимал, что одним устрашением не избыть аграрной революции. Наслышавшись о полезности генерал-адъютантских ревизий, он послал в главные очаги волнений трех членов своей свиты, генералов Пантелеева, Струкова и Сахарова. Но Пантелеев был стар и глуп, кроме своего строя, ничего не знал. Струков считался со своими помещичьими привычками и черносотенными воззрениями. В погромные дни он вместе с курским губернским предводителем дворянства графом Доррером раздавал громилам деньги, натравливая их на дома своих политических врагов. Сахаров, наконец, бывший военный министр, преждевременно одряхлевший от обжорства, был, как все обжоры, скорей добродушен, но потому-то и не мог ничего поделать там, где требовались

*Генерал Н. К. фон Ренненкампф.
Знаменитый сибирский палач, казнивший
многие сотни людей, зачастую без вины и суда.
Отчет его карательной экспедиции составит одну
из тяжчайших страниц истории русской революции.
Каким-то чудом уцелел в эпоху террора.*

*Генерал Сахаров, бывший военный министр.
Убит террористкой во время командировки его
для расследования причин аграрных волнений.*

твердость, беспристрастие и энергия, и был во время своей ревизии убит. Все подобные миссии оставались без результатов, и правительство считало себя, после того особенно, вправе предписывать неумолимость начальникам карательных отрядов.

Движения прибалтийское и кавказское осложнялись национальными усобищами, неравенством прав, угнетением слабых сильнейшими. К тому же при всей культурности латышей и эстов, в их темпераменте отсутствовала русская мягкость, даже вялость, сказали бы мы, и движение повлекло за собой наряду с разгромами усадеб и убийства баронов. На Кавказе действовали еще иные черты — легкая возбудимость южан и религиозный мусульманский фанатизм, искусственно разжигавшийся русскими властями. Таким образом, общее положение шло, усложняясь от центра к окраинам, упираясь, наконец, в международные границы и привлекая на себя опасливое внимание соседей. Что касается Сибири, то там со времени войны осталась чисто революционная закваска: ряд

сибирских городов и гарнизонов выступили с такими лозунгами и намерениями, которые так же мало можно было допускать, как аграрный террор.

Убедившись в том, что вожжи окончательно выпущены из рук гражданской власти, правительство передало все дело успокоения в руки военных. И мы вступаем в фантастическую полосу русской истории, когда, наряду с приготовлениями к выборам в первый парламент, шла истинная вакханалия военных разгромов, диктатура солдат и офицеров, когда установилось какое-то карательное самодержавие. Умирение беспорядков должно было бы отличаться от карательных действий, независимо от того, что последние всегда бывают обоюдоостры. Но, благодаря чрезвычайной готовности властей, гражданских и военных, к злоупотреблению полномочиями, все вообще выступления их обратились в карательные. Оно и неудивительно.

После реформ Ванновского, восстановившего кадетские корпуса, образовательный уровень офицерства сильно понизился, а раздражение, вызванное позором войны, диктовало излишнее усердие в войне внутренней. Трусость, проявленная в битвах с японцами, компенсировалась истинно «беззаветной», как любят писать в реляциях, храбростью при встречах с безоружными крестьянскими толпами. Полное неравенство сил вызывало ожесточение, свойственное хищникам при умерщвлении своих слабых жертв, и так как обе стороны — бунтующие крестьяне и солдаты — были одинаково слепы и невежественны, то никаких третьих решений не бывало; отряд счел бы мис-

Барон Меллер-Закомельский, известный «карательный» генерал. В молодости убил в Ташкенте за карточной игрой своего партнера, за что был сделан флигель-адъютантом и от суда избавлен. Задатки убийцы в нем пышно расцвели в Прибалтийском крае в 1906 году.

Прибалтийский край. Патрули на улицах Риги в январе 1905 года

сию свою неисполненной, если б не перебил и не перекалечил известного числа людей даже и в том случае, когда беспорядки прекратились до его прихода. Не рассчитывая, однако, на всю армию, правительство исключило из состава карательных отрядов всю армейскую пехоту и артиллерию.

Взамен их назначались части гвардейского корпуса, не ходившего на войну и менее тронутого революционной пропагандой. Николаю выгодно было подчеркивать преторианскую роль гвардии, роль, давно уже вышедшую из репертуара самодержавия. Там же, где требовалась особая беспощадность, вербовались смешанные отряды из матросов бунтовавших экипажей, принесших раскаяние. Из офицеров, стремившихся в командировки, выбирались те, кто был связан с беспокойной местностью какими-нибудь личными интересами. Так, в прибалтийских отрядах насчитывалось немало баронов, вообще немцев, а двое из наиболее прославившихся усмирителей, Орлов и Безобразов, были женаты на родных сестрах, графинях Стембок-Фермор, местных помещицах. На Кавказе орудовали генералы кавказского происхождения, также помещики. Идея была злая, но, с точки зрения Николая, правильная. Он давал своим слугам армию на поддержание, так сказать, для ликвидации брожения, разорвавшего одинаково и аграриев, и династию. Но так как регулярных войск не хватало,

пущены были казачьи полки, за которыми шла традиционная слава грабителей и которые нарочно держались в особом невежестве, для чего в свое время были уничтожены земские учреждения в области Войска Донского.

Что волнения были велики, видно из ряда повторных мобилизаций казачьих частей, с явным притом нарушением закона, разрешающего царю призывать вторые и третьи очереди казаков лишь в случае внешней войны.

Было бы бесполезно перечислять случаи зверств, допускавшихся отрядами; о них существуют и правительственные данные в исследованиях комиссий (Вейденбаума и др.), и показания членов кабинета в Думе, неоднократно сформулированные Столыпиным (повторявшим, впрочем, сравнение, сделанное «Петрушкой»), что, «когда горит здание, о разбитых стеклах не жалеют». Эти люди не думали, по-видимому, о том, что в лице граждан и их имущества они уничтожали не стекла, а само здание и что если кто и мог быть приравняем к стеклам, которые можно достать в любой лавчонке, то это сами чиновники — штампованные на один образец и пригонявшиеся к любому отверстию, лишь бы блеснуть и загораживать приток свежего воздуха.

Итак, карательные отряды отправлялись внутрь страны, напутствуемые благословениями царя и циркулярами начальства, развязывавшими все руки и обещавшими безответст-

Вооруженная демонстрация рабочих и крестьян. Северная Латвия. Декабрь 1905 года

венность. «Арестованных не иметь»,— говорилось часто в приказах, и это означало, что все подозрительные встречные будут перестреляны без суда и следствия. Когда отрядам пришлось раздробиться для партизанских действий по отдельным деревням и волостям, эти страшные полномочия были переданы младшим офицерам.

И не редкость было видеть, как какой-нибудь корнет или мичман являлся и следователем, и судьей, и палачом в трибунале, состоявшем из него одного. Генералы Соллогуб, Орлов, Безобразов, Меллер-Закомельский и другие сидели в штаб-квартирах, беседовали с представителями местной прессы о том, что непомещение нужной для правительства статьи грозит расстрелом, и одобряли действия своих подчиненных по телеграфу и эстафетами. Подчиненные убивали людей залпами и беглым огнем, виновных и невиновных, делали из тяжкого долга веселую забаву, забывая, что каждым выстрелом осложняют и без того нелегкое положение правительства.

Нарушение элементарных велений совести было настолько очевидно, что, как только она просыпалась в офицерах, они свершали над собой тот же скорый и тоже неправый суд, лишая и себя жизни. Так погибли барон

Корф, Назимов, Зальца и другие, но их трупы не лежали поперек победоносного шествия Николаевых преторианцев. Латышские фермы пылали наравне с замками, и поля бедняков вытаптывались, а плодовые деревья рубились так же, как поля и сады богачей. Над цветущим краем стояло непреходящее зарево гражданской войны, воздух был наполнен стонами неостреленных людей, и такие офицеры, как Сиверс, считали себя мягкосердными, когда из револьверов добывали корчившихся во рвах латышей. На рапорте военного министра о предании суду одного из подобных командиров царь написал: «Молодец!», чем сконфузил честного шведа Редигера, понявшего тогда, с кем имеет дело. Кончилось тем, что целые селения бросали свои дома, переселялись в леса, дичали там от голода и непогоды, начинали разбойничать и убивали неосторожных солдат, приближавшихся к их логовищам. Не было недостатка и во взаимных драках и поджогах среди местного населения, в котором всегда находились богатеи, любимцы баронов, тянувшие их сторону и сочувствовавшие карательным отрядам. Бывало и так, наконец, что поджог и убийство грозили человеку с обеих сторон. Офицер обещал расстрелять его за то, что не донес, а какой-нибудь разыскиваемый «лес-

Прибалтийский край. Карательная экспедиция. Порка крестьян

Прибалтийский край. Разгромленная ферма

ной брат» — за донос. И если солдаты не успевали застрелить этого «лесного брата», он сводил свои счета с доносчиками.

История балтийского усмирения пестрит картинками вандализма и озверения, проявленных обеими сторонами, разница заключалась разве в том, что одни зверели от отчаяния и призрака разорения и смерти, а другие симулировали раздражение, для которого серьезных причин не было.

Совершенно то же видим и на Кавказе, только отдаленность его от центра управления, климат и топографические условия придавали работе войск яркость, обращавшую мысль к временам гуннов, когда кровь лилась и дома загорались не в боевом чад, а как бы для украшения пиршества извращенных и диких людей. Целые провинции, даже царства, как Грузия например, приводились в разорение, а на спасавшихся от разгрома накладывались контрибуции явно непосильные.

Беззаконие доходило до того, что секвестрованные без суда земли продавались новым

лицам и правительственные места документально закрепляли акты, где на одной стороне было беззаконие, а на другой бесправие. Насиловались не только девушки и жены грузин и армян, но и дети, и семидесятилетние старухи. Когда данные ревизии были оглашены в III Думе, то один из представителей ее центра, октябрист Половцев, позволил себе закричать на всю палату, что он, Половцев, таких старух не стал бы ¹... Если такой цинизм был проявлен депутатом, считавшим себя чуть не конституционалистом, и пять лет спустя после кавказских зверств, то можно себе представить, что проделывали там офицеры и солдаты, ровно ничем не связанные.

Здесь оба элемента армии не отличались друг от друга; если на японской войне это были два разных лагеря, то в карательных отрядах, где подбор был сделан мастерски, простым призывом всех негодных к культурной работе людей, единодушные царило полное. К военным

¹ Мы не решаемся повторить подлинное его выражение.

примыкали и чиновники. Некий Ермолаев, например, лично обливал керосином дома (из которых не было сделано ни одного выстрела, ибо таких отряды избегали, оберегая себя от опасностей), жег их, созерцал насилия над женщинами и вообще вел себя так, что благодарное начальство, вопреки мнению ревизора, пыталось выхлопотать ему значительное повышение по службе. С ним соперничали по бессмысленной жестокости офицеры Веверн, Левицкий, Алиханов и другие.

Все были осыпаны в свое время царскими орденами и террористическими бомбами. На Кавказе самосуд свил себе прочное гнездо еще раньше, чем началось общее брожение. Известный провокатор бакинских погромов губернатор Накашидзе, о предании которого суду безуспешно хлопотал ревизор сенатор Кузьминский, дождался вместо суда казни от руки простого бакинского обывателя.

Среди всеобщего превышения власти странное впечатление производили два администратора того времени: кутаисский губернатор Старосельский и один из вице-губернаторов Закаспийской области, Наливкин. Оба принадлежали к левому крылу оппозиции, причем Наливкин был впоследствии членом II Думы,

и оба совмещали социал-демократические взгляды со службой самодержцу. Как живой анахронизм, они свидетельствовали о том хаосе, что господствовал в верхах правления, где кандидатов на ответственные места по-прежнему не находилось. Такие опасные пункты, как Польша, вручались управлению бездарных генералов, под ферулой которых расцветали самоуправство низших военных чинов и лихоимство гражданских.

Позднейшая ревизия учреждений Царства Польского обнаружила такие плоды правления генерал-губернатора Скалона, которые должны были бы и его привести на скамью подсудимых. Но как было сделать это, когда Скалон был видный генерал свиты Николая! Как было удерживать Витте и кому бы то ни было Орловых, Безобразовых, Меллеров и всех других начальников карательных отрядов, когда все это были свитские генералы и полковники, «милые» люди и собутельники царя! Нужно было недюжинное мужество, чтобы докладывать Николаю об их подвигах, и не всякому было приятно расходиться с ним в мнениях относительно того — вешать ли разбойника или давать ему ордена и аттестацию «молодца». Когда же суд добирался до кого-нибудь из

Прибалтийский край. Расстрел

мелких преступников, вроде корнета Бурачка-Абрамовича, разгромившего мирное село и лично убившего нескольких крестьян, прятавшихся от него по погребам, то его ждало полное помилование доброго государя и повышение на другой служебной лестнице.

Во внутренних губерниях, где население отличалось наибольшей приниженностью, вследствие долговекового чиновничьего гнета, с ним расправлялись без малейшей церемонии. Черниговский жандармский генерал Рудов, который и теперь на лучшем счету у царя, выжигал целые деревни, объявляя о своих нашествиях заранее, и держал губернию в такой панике, какой не испытывали, вероятно, предки флегматичных малороссов при вести о приближении печенежских полчищ. В этих безответных провинциях разнуздывались самые низменные страсти.

В Полтаве советник правления Филонов порол розгами подряд все население деревень, не выключая женщин и детей, заставлял их перед экзекуцией стоять целыми часами на коленях в снегу, под дулами казацких винтовок и, сидя в кресле, любовался эффектами, напоминавшими ему театральные драмы и щекотавшими его нервную систему. Он подчинялся тому же чувству, что заставило и Николая сказать своему кузену, великому князю Николаю Михайловичу, в разгар революции: «Это щекотно!»

Известный писатель В. Короленко обратился к Филонову с открытым письмом в газетах, прося объяснить или опровергнуть о его похождениях. Но последний не мог уже этого сделать, так как был убит.

Также был убит и тамбовский чиновник Луженовский, устроивший себе из карательных наездов род спорта. Его убила М. Спиридонова, до того и не мечтавшая о карьере террористки, до такой степени были взвинчены безнаказанными истязаниями нервы местного общества. На долю Спиридоновой выпала громкая известность, благодаря тем насилиям, которые произвели над ней казацки офицеры Аврамов и Жданов, и тем беззакониям, что были допущены при судебном следствии полицией. Общественное мнение единодушно требовало суда над истязателями, но тщетно. И оба были убиты. Из общей среды выделились для этого два новых убийцы, тоже не думавшие о своей палаческой роли, истинные уполномоченные всенародного суда, совершавшего свое производство не в канцеляриях, а в сердцах!

Вероятно, злоупотребления описанного типа были бы значительно реже, если б не стала общеизвестной печальная любовь Николая к историям самоуправства, к описаниям пожа-

*Кавказ. Карталинский разmist (рев.-анархист)
Хубаивили со своей женой*

ров, экзекуций, расстрелов. Его приводил в настоящее восхищение тамбовский губернатор Лауниц.

Это был гусарский генерал, за злоупотребления по какой-то опеке предназначенный к исключению из дворянства Харьковской губернии и так же ловко лавировавший между русскими судами, как и между эскадронами своего полка. Что губерния была провоцирована Лауницом, явствует из того, что, когда он был назначен в Петербург, беспорядки прекратились в день его выезда из Тамбова. Он совершенно не знал удержу. Арестовывал адвокатов во время защиты на суде, засекал до смерти крестьян деревень, по ошибке принятых за беспокойные, и довершал цикл своих преступлений аферами по скупке по дешевым ценам земель и продаже их по высшим — поземельному банку.

Царь так полюбил за все это Лауница, что назначил его петербургским градоначальником и в свою свиту, где стало еще одним мошенником больше.

Случалось, что подвиги таких офицеров не разделялись их семьями, и тогда возникали тяжелые конфликты, разводы супругов, самоубийства детей и т. п. А бывало и наоборот, когда жены ободряли мужей, сопутствовали в походах. Особой славой пользовалась жена начальника карательного отряда Витебской губернии Данилова. Она делала моментальные снимки с расстрелов. Между прочим, этому обязан был спасением жизни инженер Брестской железной дороги Яновский, предназначенный к расстрелу Даниловым. В этот момент жена его случайно отсутствовала, но взяла с мужа слово, что он без нее Яновского не расстреляет, так как фотография обещала быть особенно занимательной. Но через три часа по аресте инженера явились гражданские власти, следствие пошло своим ходом, непричастность Яновского к вооруженному восстанию была доказана, и он живет и по сию пору, благодаря, быть может, Бога за жестокость развращенной женщины.

Граф И. И. Воронцов-Дашков, наместник Кавказа. Достаточно было ему оставаться просто честным чиновником, чтобы навлечь на себя гнев черносотенцев. «Новое время» систематически травило Воронцова, а «правые» в Государственной думе делали запросы о крамольном генерал-адъютанте.

П. Н. Дурново, бывший министр внутренних дел, ныне опальный член Государственного Совета. «Столыпин говорит», — сказал он, — что мы интриганы, так он увидит, что такое настоящая интрига». К сожалению своих друзей, Дурново почти ослеп, но живой и хитрый ум еще сохранился.

Затянувшиеся карательные операции неминуемо должны были отразиться на материальных взаимоотношениях населения. Никто не был уверен в завтрашнем дне. Помещик ждал разгрома усадьбы, крестьянин — казачков и Филоновых, купец — экспроприации, фабрикант — стачки, интеллигент — ареста и административной ссылки, все приберегали деньги на черные дни, и мало-помалу остановилось то обращение капитала, которое одно поддерживает финансовое равновесие современных государств. Вследствие этого курс ренты понизился еще больше, а в области промышленности и сельского хозяйства водворился хронический кризис, спутавший расчеты не только русского, но и европейского рынка. В довершение всего грандиозная почтово-телеграфная забастовка прервала всякое общение внутри страны и так расстроила денежные операции, что пришлось рядом высочайших указов восстанавливать вековые сроки.

Немало темных дел было сделано, благо-

даря общей неурядице, особенно по части продажи с торгов просроченных имуществ, когда банки отговаривались (в том числе и отделения крестьянского ¹) неполучением платежей от заемщиков. Доказывать, что деньги не могли быть посланы вследствие почтово-телеграфной забастовки, было нелегко, и много имений перешло к господам, вроде Лауница.

Причины этой забастовки, поражавшей своей выдержкой и организацией даже после октябрьской, лежали глубже общих политических условий той эпохи. В России труд почтовых служащих доселе оплачивается так скудно, а работа так тяжела, скучна и ответственна, что нужно еще удивляться бесконечному терпению этого несчастного, заброшенного правительством класса. Таким образом, он не мог пропустить удобного момента для профессиональной стачки и хотя не добился серьезных облегчений, но по крайней мере показал способность к организованному выступлению. Считаясь с нею, правительство дало впоследствии некоторые льготы, улучшило общее положение почтовых парий.

На этой стачке, между прочим, сделал себе имя «Петрушка» Дурново, сломивший упорство забастовщиков со всею ловкостью старой полицейской крысы школы графа Д. Толстого. Здесь все было пущено в ход: и подкуп, и провокация, и застрашивание, и ссылка, и даже грандиозная комедия добровольного отправ-

ления почтовой повинности представителями петербургского света, комедия, приведшая к пропаже бесчисленного числа пакетов и значительной суммы денежных отправления.

1905 год завершался, таким образом, в еще большем смятении, нежели его предшественник. Жиронда России сделала новую попытку внести мир в разбушевавшиеся революционные страсти. Депутация земских съездов была у графа Витте с целью договориться о форме будущей конституции ¹ и указать портсмутскому миротворцу, что пора заключить мир с Россией. Но одновременно и царь принимал главарей нарождавшегося черносотенного «Союза русских людей», где самым комическим образом были соединены представители всех сословий государства. Царь не решался еще в то время высказываться по душе и потому упомянул о неизменности акта 17 октября. Но он снова повторил свой призыв помогать властям в деле «водворения спокойствия» и этим открыл двери союзу к вооружению револьверами и убийствам.

Все вообще заспешили. И Совет рабочих депутатов, совершив ряд тактических ошибок повторными забастовками в ноябре и декабре, сам провоцировал недалекое уже Московское восстание и ставил все дело революции, поскольку оно было в его руках, на наклонную плоскость, ведущую прямо в реакционное болото.

¹ В приложении (V) мы даем проект конституции, выработанный первым к.-д. съездом.

¹ Виленское, например.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Московское вооруженное восстание.— Была ли здесь провокация? —

Влияние провокации и шпионажа на течение русской революции.—

Участие в подготовке восстания войск, студентов и рабочих.—

Явное сочувствие населения.— Дружинники.—

Дом Фидлера.— Пресня.— Адмирал Дубасов.— Семеновцы.—

На Казанской железной дороге.— Мин.— Риман.—

Награды.— Подавление восстания.

Вооруженное восстание в условиях нашего времени следует раз навсегда признать средством для усиления реакции, если только армия не находится на стороне революции, но так как очевидно, что в случае сочувствия войск и надобности в вооруженном выступлении общества не будет, то приходим к тому же выводу о бесполезности боев в современных столицах мира, ни в техническом, ни в моральном отношении восставшие не могут преодолеть правительственные войска и инерцию городского населения, жизнь которого не может быть надолго остановлена.

Вот почему можно было заранее осудить московскую попытку. Подобно тому как в шахматной партии наступает момент, когда невыгодный ход является неизбежным результатом прежних ошибок, а не неверного расчета на будущую игру, так и в Москве пришлось расплатиться за промахи повторных забастовок.

Трудно допустить поэтому, что восстание было спровоцировано самим правительством. Азеф, Рачковский и другие, конечно, приложили свои руки к этому делу, но им пришлось подталкивать уже катившуюся вниз колесницу,

а не сдвигать ее с места. В этом отношении крайние партии так явно играли в руку своих врагов, что со стороны последних было бы непростительно просмотреть всю выгоду восстания для реакции. Расчеты, однако, не оправдались с обеих сторон. Пролетариат вышел из восстания ослабленным, а правительство не нашло в населении сочувствия своей карательной московской неделе.

Быть может даже, что урок, данный властью народу, принесет последнему больше пользы, чем первой, и что «поправка на провокацию», которую надлежит теперь делать во всех планах борьбы со старым строем (где бы такая борьба ни происходила), позволит избежать многих тактических ошибок. Что касается до революции русской, она обязана провокации наиболее красными своими страницами, и кровь, пролившаяся с обеих сторон, лежит целиком почти на совести одной из них — правительственной. В особенности кровь 9 января и декабрьская. Как в январе 1905 года рабочие весело готовились к своей мирной демонстрации, увлекаемые общественным сочувствием, так и в декабре Москва шла навстречу дубасовскому избиению без тени сомнения в успехе. Это увлечение охватывало далеко не одни революционные круги, оно сказывалось и в чисто буржуазной части московского населения.

Незначительные части войск, студенчества и рабочих, близких к приготовлениям, организации боевых и санитарных дружин, покупки и экспроприации оружия и т. п. совершенно тонули в инертной массе, продолжавшей торговать, ходить на службу, веселиться. И однако эта самая масса не только не протестовала в ожидании неудобств, связанных с восстанием, но своим нескрываемым сочувствием ускорила его наступление, если не провоцировала. И когда 7 декабря была объявлена новая всеобщая стачка с переходом в вооруженное восстание, народ не попрятался пугливо по домам, а весь высыпал на московские улицы, поглядывая, когда начнут валить телеграфные столбы, срывать для баррикады вывески и ворота, скатывать с рельсов вагоны трамвая. Прислушивались не к голосу благоразумия, диктовавшему отмену безумной затеи, а к тому, не грохочут ли где первые выстрелы, не выходят ли дружинники с красными знаменами, горящими глазами и с песнями о свободе.

Гарнизон Москвы действительно был неподдажен — пропаганда велась там издавна и успешно. Но так как в руках военного начальства было могучее средство — деньги, то неудовольствие солдат, питавшееся главным образом экономическими, вообще служебными причи-

Адмирал Дубасов, покоритель Москвы, безжалостный глава московской администрации, отсиживавшийся за тремя цепями охраны во время восстания.

Азефская бомба случайно не прекратила жизни, наполненной злом и несправдой.

нами, быстро сменилось признательностью за мыло, водку и мясо, недовольные были выданы головой, рассажены по льям, и в руках Дубасова, тогдашнего генерал-губернатора, очутился изрядный кадр войск, верных долгу. И если Николай прислал из Петербурга часть своих преторианцев, то это не потому произошло, что с дружинами не могли бы совладать полки местного гарнизона, а потому, что ему хотелось наказать Москву, разгромить ее, если потребуется. Он спускал на революционеров худшие элементы гвардии с тем злорадным чувством, с которым охотники спускают на волка злобных собак, готовых не только душить зверя, но и терзать его.

В самом деле, общее число дружинников не доходило до полутора тысяч, а число ружей было и того меньше — револьверы преобладали. Организация их хромала, дислокация была случайная, сообщения плохи, распоряжения из

Московское вооруженное восстание. Баррикады на Арбате

центра к периферии и сведения в обратном направлении передавались несвоевременно.

Зверь был не только неопасен, но даже жалок своей слабостью. Загонять его в течение трех-четырех дней в тот угол Москвы, где рабочее население ютилось в лачугах, и громить нищенские кварталы из пушек можно было лишь в целях карательных. Обстреливать бульвары и улицы, давать залпы по окнам частных квартир, убивая вместо революционеров кормилиц с детьми (в одной найдено было шесть пуль), бить прохожих на выбор с колоколен церквей и из окон жандармских казарм — это не значило подавлять небывшее восстание, а устрашать буржуазию, вселять в ней слепую ненависть к свободе и спасительный страх к власти.

Наконец, отправкой семеновцев на железные дороги московского узла наводилась паника на всю губернию, фабрики которой лепились возле рельсов. Семеновцы, офицеры и солдаты, устрашали московских людей с тем же хладнокровием, что и латышей. Но если ненавистью немногочисленного племени правительством могло пренебрегаться, как величиной ничтожной, то ненависть великорусского большинства империи едва ли входила в его расчеты.

Между тем форма подавления Московского восстания возбудила такое омерзение к роли гвардии, к Дубасову и в такой степени пошатнула авторитет царя, торопившегося навесить на палачей свои ордена и наговорить им ласковых слов, что это сказалось на последующем чрезвычайно резко. Ведь вместо ожидавшейся возможности оттянуть созыв Думы и восстановить абсолютизм правительство решилось поторопиться с выборами. Общественное мнение продолжало прорываться в прессе и резолюциях, жизнь страны не упорядочивалась после ухода карательных отрядов, а делалась только беспокойней. И сцены, происходившие при расстреле реального училища Фидлера, где дети играли в революцию, избиения при разгоне митинга в «Аквариуме», казни на Казанской железной дороге — все это усугубляло сочувствие к боровшимся за свободу, а не становилось против них.

Тысяча с лишком человек пала в одной Москве, не считая расстрелянных на Москверекe и в полицейских участках. Из них только тридцать пять приходится на долю войск, полиции и жандармов. Зато детей убито 97, а женщин — 126. Этим цифр довольно, чтобы характер героической бойни обнаружился из-за

Московское вооруженное восстание. Неоконченная баррикада на окраине города. Въезд в Екатерининский парк

Московское вооруженное восстание. Баррикада в центре города на Садовой, где всего дольше задерживались войска

громких реляций Дубасова. Но следует и то сказать, что, потеряв из состава боевых дружин всего двенадцать душ, организаторы восстания должны бы признать, что восстания не было.

Одни были неосторожны, объявив, что начинают восстание, другие сделали вид, что поверили, и на всякий случай переколотили тысячу человек. Престиж воителей от этого не повысился. Главари революционных партий должны были еще больше отдалиться от требований момента, топя в беспробудной резкости слова и выступлений свою досаду, и то же оставалось делать чиновничеству, вступившему на путь самодовлеющей репрессии, объявляя войну всем встречным. Этот путь, как какой-нибудь московский бульвар, начинает с декабря 1905 года обстреливаться из министерских пулеметов такими мерами, после которых всякое проявление жизни общественной делается актом смелости, а не обыденной картиной жизни правового государства. Здесь начинается та странная полоса русской истории, где параллельно идут явления неукротимого произвола и конституционные, где на парламенте реакционное правительство выезжает как на боевом коне и где царь, протягивая одну руку Хомякову или Гучкову, другой так нежно обнимает убийцу Дубровина, мошенника Коновницына и других представителей черной сотни, как если б это были любимые его дети.

Такое неестественное положение вещей опиралось и на неестественные законы.

Во время восстания. «Не ходи»

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Чрезвычайные законы вместо свобод.— Краткая история их.—

Мнения П. Дурново, Хрулева и других реакционеров.—

Затяжной произвол власти.— Неуважение к закону.—

Неумение остановиться вовремя и поощрение беспорядка в управлении.—

Частичные отмены.— Обман Европы.

Правда, Россия привыкла к таким законам, а правительству они должны были казаться столь естественными, что когда дело дошло до «свобод», лежащих в основе конституции, то замена их новыми порциями исключительных положений произошла как бы сама собой.

«Положением 14 августа 1881 года о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» мы обязаны реакции, наступившей после убийства Александра II. Нужно ли было в то время это Положение или нет, нас может не интересовать. Но то обстоятельство, что закон этот просуществовал без перерыва, все более толстая от дополнений и покойной жизни, до 1905 года, а после этого завершился военно-полевым судом en

regime * , заставляет признать за этим институтом значение незыблемой основы русского государственного строя. Самодержавие царя свергнуто, парламент работает, «Готский альманах» рекомендует Россию как «une empire constitutionnelle sans un Zar autocrate» **, но чиновничий абсолютизм не тронулся с места ни на вершок, ибо нет лучшего внешнего выражения этого абсолютизма, как постоянное замещение общих законов исключительными.

Вместе с тем даже такие столпы реакции, как П. Дурново, Хрулев, главный начальник тюремного ведомства, и большинство членов

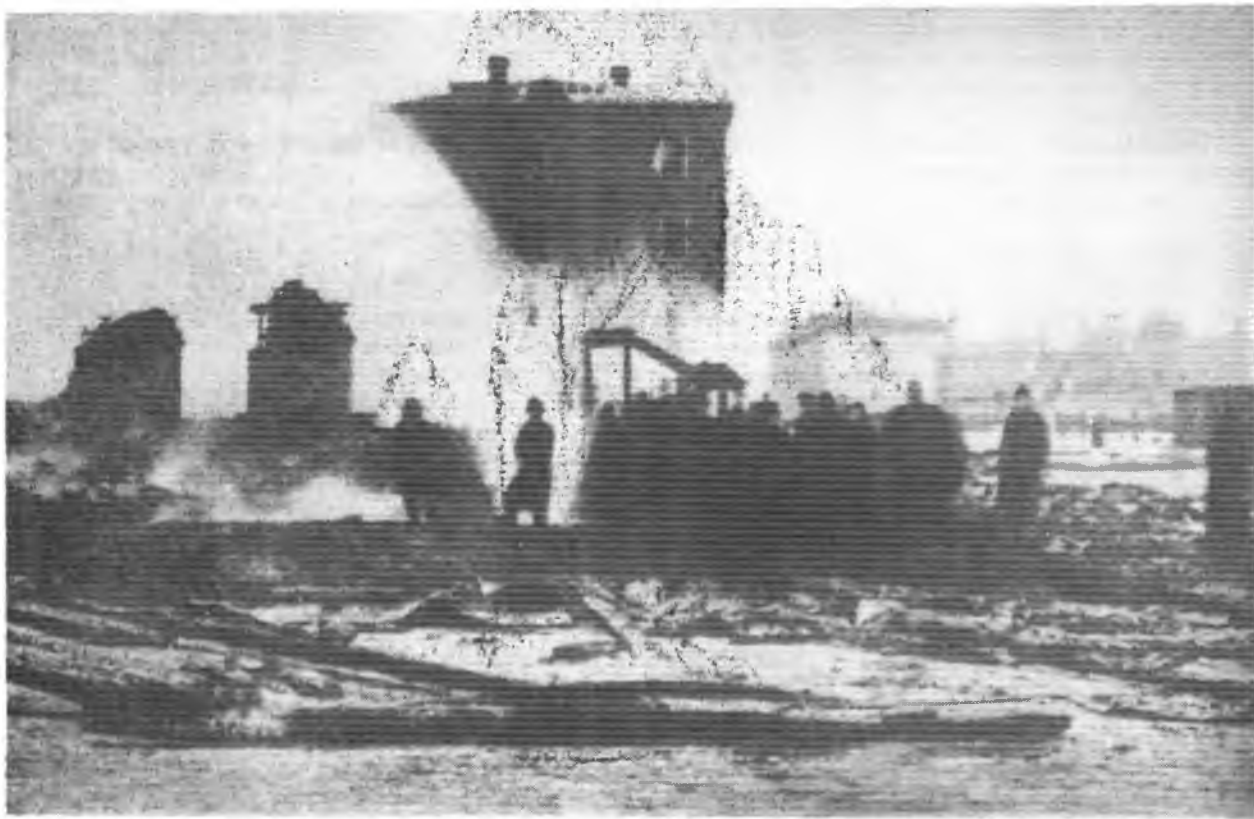
* Непрерывно, постоянно (фр.).

** Конституционная власть без самодержца (фр.).

Совета министров единодушно высказались в 1904 году по поводу длительности и даже вреда исключительных законов. «Как показывает опыт,— говорит Особое Собрание 1904 года,— постепенное обращение их в постоянную форму управления ведет к ослаблению их воздействия, ибо к ним приспосабливаются до известной степени и население, и органы власти, и меры эти в конечном выводе вместо пользы приносят один вред, способствуя притуплению чувства законности в общественном сознании». В частности, об охранных отделениях и жандармах дали правдивые, но отрицательные отзывы Хрулев, сенатор Кузьминский и другие чины правительства, а на потерю народом чувства законности и нарастание недовольства произволом власти и оппозиционности указывает и Особое Собрание. В его журнале подробно говорится о традиционных проявлениях исключительного положения: арестах, обысках, ссылке, штрафах и т. д., и все эти меры подвергаются уничтожающей критике тех самых лиц, которые теперь снова стоят у власти и снова управляют

страной негодными, по их признанию, способами. Вопиющее противоречие, вытекающее отсюда, есть, однако, лишь оптический обман. За тридцать лет существования исключительного положения воспиталось целое чиновничье поколение; эти люди привыкли к отравленному воздуху, их легкие не выдерживают давления атмосферы законности, их руки прикладываются к нарушению элементарных гражданских прав как к единственной пище, приемлемой чиновничьей утробой.

Без боязни впасть в преувеличение можно сказать, что чиновничество нынешней формации уже не виновато в своей политике. Другой оно не может вести. Несчастье заключается в том, что, прикрывая свои разоряющие действия именем царя, оно придает им тот характер закономерности, всякое выступление против которой является политическим преступлением. Систематически нарушая законы империи, чиновники должны были приучить к тому же и Николая, чтобы союз был прочен. Отсюда и постоянные противоречия в актах, лежащих на личной ответственности монарха, отсюда

Кровавые дни в Москве. Пожар от разорвавшихся снарядов на Миусской площади, в Пыховом переулке

Московское вооруженное восстание. На сожженной Пресне

Московское вооруженное восстание. Баррикады из конок на Лесной улице

*Кровавые дни в Москве.
Одно из помещений в сгоревшем доме товарищества И. Д. Сытина*

унизительные даже для частного лица нарушения своих слов и торжественных обещаний, которыми пестрит жизнь Николая. Отсюда, наконец, распространение и на него того презрения, той ненависти, того издевательства и осмеяния, которыми издавна дарит чиновничество весь русский народ.

Это неуважение к носителю идеи законности отметил для России известный Флетгер еще четыре века тому назад, и двадцатое столетие вместе с конституцией принесло империи царей такой расцвет озлобления, такое глубокое проникновение в народ анархических принципов, которые помимо всяких внешних проявлений революции могут сточить и снести

с лица земли вместе с чиновниками и царями и весь тот скромный запас культурности, что с такими лишениями скопила Россия трудами своих лучших сынов. Беспорядок управления поощряется потому, что стал принципиальным и что только при нем могут прожить еще немного приверженцы самодержавия, принимаемого как самоуправство. Частичными отменами исключительных положений (причем все предыдущие распоряжения администрации остаются в силе) можно обмануть внимание Европы, но не русское. 90 процентов поверхности империи продолжает пребывать во власти положения 1881 года в 1911 году.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Учреждение Государственной думы.— Отношение к ней различных общественных групп.—
Некоторое влияние их на будущий центр Думы.— Политические партии организуются.

Именно традиционному недоверию народа ко всякому акту царя или его правительства обязано было «Учреждение Думы» встречей, оказанной ему обществом. В то время как русские жирондисты, не приведенные в равновесие духа ни погромами, ни подавлением Московского восстания, приветствовали новый закон как основу будущего государственного благополучия, радикальные круги и организации не стеснялись открытым выражением пренебрежения к новому канцелярскому произведению, кое-как сшившему булыгинские измышления с поправками, внесенными Манифестом 17 октября.

В этих кругах идея бойкота Думы нашла столько же сторонников, как и в августе, после оглашения проекта Булыгина. Что идея эта была пагубна и просто нетактична, показали выборы в следующие Думы, когда левые партии в гораздо уже худшей обстановке решили участвовать в выборах. Но, освободив оппозицию от крайнего большинства, бойкот I Думы имел то хорошее значение, что царь и правительство могли лучше учесть настроение масс, определить свое место среди различных течений общественной и политической мысли, взвесить силы и наметить будущий курс. И если чиновники и Николай не пошли вслед за умеренным конституционным большинством парламента, а предпочли путь революционно-го законодательства Столыпина, то этим они только лишний раз подтвердили справедливость мнения о себе, которое мы кратко формулировали выше.

Строй, порядок, твердость закона — все это

было ядом для тунеядцев, воров и разбойников, стоявших во главе управления, и они не замедлили подобрать себе сторонников из подонков народа. Из самой конституции они ухитрились извлечь выгоду для себя, организовав черные сотни, и предоставить им широкую свободу в III Думе, когда путем переворота 3 июня 1907 года Николай с легким сердцем еще лишний раз обманул своих подданных.

В то время, впрочем, черные сотни только еще намечались. Радикализм почти безраздельно царил в рядах оппозиции, и нельзя отрицать, что под его влиянием прошли не только выборы в Думу, но сложились и некоторые части политических программ тогдашних умеренных партий. Никто не задумывался над тем, что правительство являлось реальной силой, в борьбе с которой компромисс мог бы оказаться одним из орудий. Казалось, что из принципа «все или ничего», свойственного всем не жившим еще политическим народам, нельзя убавить ни одной йоты, и избиратели напутствовали своих кандидатов требованиями не уступать царю и чиновникам ни одной пяди своих программ, составленных без точного расчета на немедленное осуществление. Сдвинувшись с места, общественное настроение стремительно полетело вперед и вверх. Но когда пришлось спуститься в Таврическом дворце до земного уровня, то первое же соприкосновение с трением нижних слоев политической атмосферы воспламенило страсти и I Дума, мелькнув, как красивый метеор, сгорела без остатка, рассыпав осколки свои по русским тюрьмам.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Центр: кадеты, партия «демократических реформ».—

Правое крыло: октябристы первого призыва.—

Левое крыло: радикалы, трудовики, социал-демократы, социал-революционеры.— Анархисты.— Дашнакцутюн.— Максимумизм.—

Симпатии Николая лежат вне этой амплитуды настроения масс.—

Причины в воспитании и обычном невежестве русских царей.—

Приспособление к этим чертам вызывает организацию черных сотен.

Теперь, когда репутации Столыпина, его товарищей и самой III Думы установились прочно, не будет преувеличением сказать, что в лице первого парламента Россия имела представление умеренной части русского народа, далекой от пропаганды и делания революции.

В этом отношении Столыпин с его аграрным и финляндским законами стоит гораздо ближе к тактике боевых революционеров, не считающихся обыкновенно ни с чем, кроме собственного увлечения, и возлагающих на все исцеляющее время обязанность ликвидировать

эксцессы настоящего. Но в ту пору, перед созывом I Думы, в Петербурге были уверены в прочном союзе всей оппозиции и в яркой ее революционности. К сожалению, тактического союза не было, как впоследствии в Турции.

Социальная сторона движения, впервые в истории доминировавшая над узкополитической, клином входила в самые искренние попытки объединиться. Был только общий подъем настроения, независимо от чьей бы то ни было воли имитировавший реальное объединение прогрессивных русских элементов. Никто, впрочем, из активных членов партий, а равно никто в осведомленных чиновничьих кругах не делал себе иллюзий. Не заглядывая в программы различных партий, можно было по одному составу их предсказать то или иное отношение к движению, к роли будущей Думы, к судьбам страны.

В начале 1906 года, когда все должно было толкать на объединение, мы и замечаем наибольшее стремление к раздроблению. Точно люди из темноты и рабства брошенные капризною судьбою в прекрасное, светлое и просторное здание, где все имеют одни права, одно значение, одну свободу, начали вместо соединенного труда по укреплению нового положения строить отдельные каморки, запихиваясь туда до тесноты, стесняя своих единомышленников не меньше, чем рабов, предавая анафеме иначе верующих не менее страстно, чем делали это средневековые иллюминаты.

Стоит прочесть список открыто заявивших себя тогда партий, чтобы понять, почему новорожденная политическая свобода осталась у них, как дитя у семи нянек, без глаза. Вот он, слева направо:

Социал-революционеры.

Социал-демократы.

Радикалы.

Свободомыслящие.

Конституционалисты-демократы.

Демократический союз конституционалистов.

Умеренные прогрессисты.

Прогрессивно-экономическая партия.

Всероссийский торгово-промышленный союз.

Союз 17 Октября.

Партия правового порядка.

Монархисты-конституционалисты.

Русский народнический всеобщесловный союз.

Отечественный союз. Русское собрание.

Потом большинство этих партий исчезло без следа. Другие изменили свои названия, третьи — тактику, четвертые — программу. Диф-

ференциация, это неизбежное и живящее начало политической жизни, в русских условиях приняла уродливые формы и углубила различия между партиями, значительно сократив их число. Через пять лет оставались: социал-демократы (эсдеки), социал-революционеры (эсеры), трудовики (народные социалисты), партия народной свободы (кадеты), мирнообновленцы, Союз 17 Октября (октябристы), союз русского народа (черная сотня). Среди них терялись, с одной стороны, максималисты, анархисты и кавказский «дашнакцутюн», с другой — думские националисты, не имевшие корней вне Таврического дворца.

К первым трем группам по-прежнему принадлежала учащаяся молодежь, земские служащие, рабочие массы и немногие крестьяне, к четвертой и пятой — все прогрессивные и умеренные слои населения, не склонные к доктринерству, но глубоко ненавидящие абсолютизм и демократичные по натуре. Ибо демократизм буквально влит в русскую кровь, издавна смешивавшуюся по всевозможным перекрестным направлениям. Агрии и служилое дворянство числились в октябристах, к которым по недоразумению примыкало десятка полтора вполне достойных, искренних людей. Как будто их пугал кадетский радикализм. Наконец, в черносотенных организациях концентрировались совершенно негодные элементы — все неспособное к труду, к искренности, все подкупное, беспринципное. Симпатии Николая, как и следовало ожидать, лежали вне широкой амплитуды социализма — октябризма. Он не смог высвиться до примирения со своей участью, участью монарха, у которого народ отнял им же некогда дарованное самодержавие. В его темпераменте, быть может, еще больше, чем в традиционном невежестве русских царей и их необразованности, заложены были черты, на которых так легко было играть союзникам.

Он глубоко затаил в себе ненависть ко всему, что так или иначе соприкасалось с днем 17 октября, днем слабости, днем измены клятве о самодержавии, днем радости русского народа. С истинно византийским лукавством Николай продолжал участвовать в приготовлениях к созыву Думы, подписывал указы конституционного характера, принимал депутации. Но помыслы его склонялись всегда к перевороту, к возвращению неограниченной возможности жить бесконтрольно, раздавая полномочия свои по частям чиновникам, обеспечивающим за то покой и иллюзии народной любви. Сделать в этом направлении можно было, конечно, немного.

Чиновничество не могло уже обеспечить прежнего покоя. Лишь долго спустя, в 1910 году, рискнули выпустить Николая в экипаже по Петербургу и так довольны были этим малым успехом, что повсюду даже депеши разослали, дескать, Государь проследовал в открытой коляске, и народ приветствовал его. Какой народ, чиновники и камарилья хорошо знают, в столице, где одних дворников, числящихся лишь номинально за домохозяевами, а на деле полицейского резерва, несколько десятков ты-

сяч, не говоря уже о мелкоте из лавок и мастерских, там можно симулировать народные восторги. Этим дело и кончилось. Не имея ничего за собой в стране, оставалось и бюрократам, и придворным, и самому самодержцу опереться на черную сотню. Только она предлагала (за вознаграждение, понятно) свои услуги. Этим шагом «Союз русского народа» поднялся на небывалую высоту. И одновременно полетел в пропасть всесветного позора и презрения Николай Романов.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Черные сотни.— Их состав.— Поведение администрации и духовенства.—

Центральный орган.— Центральные средства.—

Апологет черносотенства Е. Богданович.—

Его прошлое и настоящее.— Сабля Буланже.— Дубровин.—

Кацауров.— Полубояринова.— Марков 2-й.—

Граф Доррер. Развитие «Союза русского народа».—

Возложение знаков Союза на царя и наследника.—

Окончательное вступление их в организацию погромов и убийств.—

Прием черносотенных делегаций. Извозчики.—

Положение упрощается.— Кажущаяся двойственность царя.—

Витте о политических убеждениях Николая.—

Столыпин, Гучков и Милюков борются с ними.

Как ни печально в этом сознаваться, но Россия, за исключением Финляндии и нескольких небольших округов западной окраины, должна быть названа страной некультурной, ее наука, литература и искусство хотя и давно держатся на общеевропейском уровне, но еще не успели углубить корней своих в широких массах населения, которое продолжает не знать и игнорировать своих лучших представителей.

В такой разреженной атмосфере не могло существовать и сплоченности общественных сил, и если события 1904—1907 годов выяснили, с одной стороны, чрезвычайную способность русских к организации и единодушным выступлениям, то с другой — они же показали и отсутствие культурного фундамента: стоило пройти революционному порыву, как казавшееся прочным здание осело и дало трещины, в которые свободно задул ветер реакции, заносило его пылью и грязью. Вышесказанным объясняется, почему и черносотенное движение вылилось в России в те уродливые формы, которые под названием «погромов» стали известны всему миру и которые граничили в крайних проявлениях своих с максималистской практикой левых. Не сила убеждения, не вера в полезность известных действий, а сила физическая и вера в безнаказанность руководили черными сотнями, состав коих и не мог не совпадать с преступными или дикими элементами населе-

ния. Они, эти элементы, органически не могли выдвинуть из своих рядов вожаков контрреволюционного движения, и правительство Николая должно было само стать во главе его, взяв на себя самую технику и руководство.

Административный аппарат, основанный на повиновении за страх и на беспринципности, этих отличительных качествах русской бюрократии, был в распоряжении правительства, духовенство, по крайней мере монаршествующая его часть, примкнуло к правительству ради продления своих привилегий. С этими силами можно было объявить войну народу, и ряд сражений — погромов лучше всяких манифестов указал России истинные намерения ее царя и чиновничества.

В центре организации поместился «Союз русского народа», за спиной которого орудовали высокопоставленные погромщики — великие князья, архиереи и министры, деньги притекали широкой волной из разных параграфов государственной сметы, и народ, таким образом, оплачивал из своих карманов не только революцию, но и контрреволюцию. Последней тоже нужны были апологеты, и она нашла их в лице генерала Богдановича, попов Илиодора, Ивана Кронштадтского и нескольких других, более мелких персонажей с уголовным или распутным прошлым. Богданович, бывший мич-

*Доктор Дубровин,
председатель «Союза русского народа»,
организатор убийств Герценштейна,
Иоллоса и других прогрессивных деятелей;
неоднократно удостоивался аудиенций у царя
и разных знаков царского внимания и одобрения.
Ныне разоблачен, но под судом еще не был.
Уговаривая Столыпина вступить
в «Союз русского народа», Николай сказал:
«Ведь Дубровина теперь нет, отчего же Вы не хотите?»
Столыпин не посмел сказать ему,
что верх непонимания своего долга —
вступить царю в политическую партию.*

ман флота, в севастопольскую войну был осужден за трусость, вместо казни его выгнали со службы, — он вымолил прощение у богомольного генерала Остен-Сакена, простояв перед генеральскими образами целую ночь на коленях. Затем вся его служба протекала по этому же шаблону. Протекция ставила на места, преступления всякого рода приводили к изгнанию и т. д. до генеральского чина, до растрат церковных сумм Исаакиевского собора, вымогания средств у кого придется на патриотические издания, отвратительной семейной жизни и, наконец, физической слепоты, наступившей позднее моральной. Человек даровитый, недюжинный оратор, красавец собой, Богданович в условиях русской жизни мог ши-

роко развить свои отрицательные черты и по справедливости может быть поставлен во главе других авантюристов, построивших свое житейское благополучие на гнилой абсолютистской почве. Наклонность к чисто политической аванюре сказалась у слепого генерала гораздо раньше, чем наступила революционная эра.

В том году, когда генерал Буланже начал играть роль будущего спасителя Франции и когда Рошфор также рассчитывал на него, как и какой-нибудь неугомонный роялист, Богданович собрал большую сумму денег на «почетную» саблю герою парижских бульваров и поднес ее, якобы по поручению и от лица русской армии. Он называл себя при этом другом императора Александра III и на своих визитных карточках именовался «генерал-адъютант Его Величества», хотя в свите никогда не бывал. За эти проделки «друг» выгнал его вовсе из военной службы, но связи пересилили монарший гнев, и Богданович пристроен был к министерству внутренних дел, пока Николай II не вытащил его вместе с другими выгнанными его отцом мошенниками, вроде фон-Валя, Петра Дурново, Клейгельса и других, снова на свет Божий.

В погромные годы Богданович отблагодарил своего повелителя добросовестно. Это он писал прокламации для войска и для черных сотен, это он разбрасывал их с автомобилями в Петербурге и его окрестностях, это он открывал местные отделы «Союза русского народа». Перед ним и его работой совершенно тускнеют громкие подвиги других черносотенцев, доктора Дубровина, Кацаурова, Полубояриновой, дающей только деньги, графа Доррера, оплачивавшего курских погромщиков, даже Маркова 2-го, мелкого мошенника и скандалиста. Не будь Богдановича, возложение знаков «Союза русского народа» на царя и наследника не носило бы торжественного характера и, быть может, не состоялось бы неслыханного в истории факта открытого зачисления императора и его наследника в состав контрреволюционной партии, где боевая дружина устраивала убийства, грабежи и поджоги.

После этого аудиенции всяким черносотенным депутатам делаются заурядным явлением. Здесь не нужно готовиться к дипломатическим речам, к обходам неприятных вопросов, к притворным знакам внимания, созерцая зверские и тупые лица союзников, в том числе ломовых извозчиков и просто хулиганов, можно было и самому расписаться, выражать свои мысли в кратких, но многозначущих словах, коими впоследствии вполне освящались и оправдывались погромы.

«Объединяйтесь, истинно русские люди»... «Благодарю за службу»... «Вы мне нужны»... «Буду миловать преданных»... — все крепко запоминалось теми, кто из погромов делал себе карьеру. И царь хорошо держал эти слова, не то что обещания манифестов или слова, дававшиеся земской делегации или I Думе. В Николае черная сотня имела достойного капитана, настоящего «отца-командира», как зовут солдаты хороших начальников. В этой области колебания не было, и положение вещей упрощалось, уяснялось для обеих сторон. А определенность всегда лучше сомнений. В этом отношении Николай гораздо больше сослужил будущему движению, нежели его правительство, все еще играющее с октябристами в конституцию.

Мы достаточно долго останавливались на центральной фигуре нашей книги — русском царе, чтобы иметь право задать себе, и не в первый раз, вопрос о том, не скрываются ли в нем черты двойственности, обычной в этих сферах, и возможной наследственности, в которой не может быть сомнения. Полагаем, беря en bloc * всю психологию Николая, что двойственность существует в действительности. Патриархальность и измены жене, любовь к детям и казням, скромная обстановка жизни и поощрение роскоши у других, ласковость в обращении и нанесение удара в спину (отставка графа И. Толстого, которому царь сказал, что желает оставить его на месте, в то время как Кауфман был уже назначен им министром народного просвещения), наконец, и официальная двойственность — знаменитые указы 18 февраля 1905 года о Думе и против Думы — все рисует нам психический облик Николая в двух красках. Но был уголок его души, ярко сказывавшийся и в жизни, где царь оставался всегда неизменным, всегда ровным, всегда откровенным, своеобразно честным и верным в слове, это в его привязанности к черносотенству и контрреволюции. И вовсе не потому, что он как-нибудь особенно понимал самодержавие, пользу России, верил в провиденциальное значение монархического принципа, и даже не потому, что путем реставрации хотел выполнить свою клятву о под-

держке существовавшего тогда строя. Нет, он просто ненавидел прогресс, культуру, цивилизацию, все то, что заставляло думать, перестраивать свою и чужие жизни и отношения, работать, совершенствоваться. Эту ненависть переносил он и на людей, не следовавших за ним в его направлении и которых он огулом зачислял в ряды революционеров.

«Взять бы всех этих революционеров да утопить в заливе», — мечтательно изрек он в беседе с одним общественным деятелем, глядя в окно на мутные финские воды, схоронившие в себе тела казненных матросов.

Когда революция пошла на убыль, а черносотенство расцвело и газета «Вече» сделалась органом погромов и предсказателем убийств, которые и совершались, граф С. Витте говорил однажды с одним из близких себе людей о царе. По старой чиновничьей привычке, он рассыпался в льстивых и ненужных эпитетах, называл его ангелом и т. п.

— Ну, граф, — перебил его собеседник, — скажите же, однако, о политических убеждениях государя, теперь ведь всякий должен иметь их...

— О политических убеждениях? — ответил Витте, и лукавый огонек блеснул в глазах кровно обиженного царем бюрократа, — газету «Вече» знаете?

— Знаю, — пробормотал изумленный гость.

— Так вот, они вполне соответствуют направлениям этого органа.

Это было правдой, правдой до конца. Открытая проповедь контрреволюции, шедшая с престола, донельзя стесняла правительство, которое не могло идти за царем в это болото. Столыпин употреблял все меры, чтобы бороться с афишируемыми царем взглядами, и не раз, по совету министра, в Государственной думе Гучков и Милюков выступали против «Союза русского народа», клеймя его членов названиями «убийц», «погромщиков» и т. п. Но все было тщетно, и царь тоже не раз говорил преданному слуге Петру Аркадьевичу: «Отчего вы не запишетесь в «Союз русского народа»? Ведь Дубровина теперь там нет?»

Да, Дубровина-то не было, зато Николай оставался. Люди понемногу отвращались от него.

* Целиком (фр.).

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Выборы в I Думу.— Витте отказывается от давления на выборы.—

Упреки Николая.— Как в Европе делают.— Дурново волнуется.—

Неожиданные результаты.— Бойкот Думы социал-демократами.—

Повсеместная победа конституционных демократов.—

Имперский съезд.— Приподнятое настроение.—

Временное сокращение террора.—

На это обращают внимание Азефа и его помощников, которые

и подготавливают покушение на адмирала Дубасова

и убийство адмирала Кузьмича.—

Бюрократы, в свою очередь, торопятся с изданием основных законов.—

Небрежная редакция их.— Откровенность графа Витте по этому поводу.—

Отставка кабинета графа Витте.— Новое министерство.—

Горемыкин, Столыпин, Щегловитов.—

Отношение царя к будущему парламенту выясняется.

Как ни хотелось правительству оттянуть срок выборов в I Думу и как ни муссировалось для этой цели впечатление Московского восстания и непрекращавшихся, хотя и частичных, стачек, срок этот наступил. С начала 1906 года идет бесконечный ряд предвыборных собраний, на которых впервые принципы конституционализма делаются открытым, незапретным достоянием избирательной массы. Административное вмешательство почти отсутствует, и это обстоятельство производит тем более странное впечатление, что во всех других областях внутренней жизни страны проводится планомерное и жесткое репрессивное начало.

Несколько позднее из надписи царя на прошении об отставке графа Витте дело выясняется. По причинам, оставшимся доселе скрытыми, портсмутский миротворец и автор Манифеста 17 октября проявил большую настойчивость в вопросе о правительственном давлении на выборы. Сомнительно, чтоб он, подобно Петру Дурново, ожидал победы умеренных элементов или чтоб он верил, как впоследствии проявлялась коренная черта авантюризма — риск, но риск, никогда не доведенный до конца и упирающийся в трусость. Трусость же ярче всего сказала на повторных прошениях Витте об отставке; не только перспектива появления перед Думой в качестве ответственного главы кабинета министров, но и страх за исход выборов диктовали свою волю некогда всесильному временщику. Однако царю точно хотелось помучить своего заклятого врага, и он не только не давал отставки, но еще и язвил Витте своими пометками на его просябах.

«А что касается до выборов,— пишет он своим неровным почерком, выдающим дрожание пальцев,— то вы сами виноваты в их результате. Это вы потребовали (!) у меня, чтобы правительство не оказывало на них давления, тогда как во всей Европе такое давление дела-

ется». Это нескрываемое противопоставление интересов династии и чиновничества интересам народа и государства характерно для Николая, и потом настойчиво проводившего ту же основную точку зрения во всех своих актах. С одной стороны, положение упрощалось, с другой — вследствие большой еще жизнеспособности старого правительственного организма — грозило осложнениями, и последующее пятилетие именно и характеризуется изоляцией царя и бюрократии в крепости реакции, откуда нет иного выхода, как капитулятивного.

Еще больше, чем Витте, волновался министр внутренних дел Дурново, для которого победа прогрессистов была синонимом вынужденной отставки и отстранения от казенных фондов, из которых ловкому хорьку перепадало немало сверхсметных тысяч. Разумеется, «Петрушка» не одобрял церемонности своего начальника и охотно перервал бы горло всем либералам, для чего в его распоряжении было довольно административных средств. Но приходилось подчиняться и все больше и больше съезживаться под наплывом известий о повсеместных победах опаснейшей для правительства политической группы — конституционалистов-демократов. Социал-демократия, вступившая еще со времени великой забастовки на сомнительный и опасный путь переучета собственных сил, воздержалась от выборов в I Думу и этой новой грубой ошибкой была увлечена на ряд столь же пагубных, как Московское восстание, действий в период существования Думы и особенно после ее разгона.

На этом пути ждали эту партию сети провокации, и она запуталась в них так основательно, что и теперь, после окончательного разоблачения системы Азефа — Рачковского, ей не удается выйти на то чистое место, где с таким успехом работает, скажем, немецкая социал-демократия.

Депутаты I Государственной думы выходят из Зимнего дворца

Как бы то ни было, бойкот рабочих и большей части интеллигентного пролетариата дал Думе несколько десятков лишних кадетских депутатов, способствовал еще большей устойчивости и единодушию первого русского парламента и позволил умеренной программе большинства вылиться в такой кристаллизованной форме, что и донныне адрес Думы, в коем программа эта выражалась, сохраняет облик настоящего политического канона, вне коего никакая либеральная реформа уже не мыслится.

Победа не вскружила голов кадетов, но настроение их было, естественно, приподнятым, и это особенно сказалось на имперском съезде партии перед открытием Думы. В свою очередь, и общественное внимание фиксировалось на этом съезде, где можно было ознакомиться как с будущей физиономией парламента, так и с его тактикой. И если обществу знакомство это сулило широкие, но умеренные реформы, то правительству должны были достаться одни трения. Опасным для него признаком было и временное сокращение террора, как будто крайние партии также готовились признать новый строй, обещавшийся кадетской программой.

Всегда, как только существованию бюрократии грозила серьезная опасность, выступала из своего логовища гнусная провокация, и так было и на этот раз. Успокоение, наступившее в стране, жаждавшей порядка и верившей в способность Думы этот порядок водворить, нужно было во что бы то ни стало нарушить. И Азеф выступает со своим планом убийства московского генерал-губернатора Дубасова, подогнанным к самому открытию Думы.

Для того же, чтобы одновременно взбудоражить общественное мнение обеих столиц, в Петербурге приносится в жертву бюрократическому Молоху безобидный адмирал Кузьмич, начальник одного из казенных заводов, любимец рабочих. Махинация удастся как нельзя лучше,— Азеф, сидя в кофейной рядом с Дубасовским дворцом, сам подслушивает взрыв и радуется спасению адмирала, который потом поможет реакции. А случайное совпадение аплодисментов на съезде кадетов с объявлением о покушении дает повод правительству обвинить их чуть не в антропофагии и представить Николаю будущий парламент как сборище революционеров, не останавливающихся ни перед чем. Поэтому и издание основных законов за три дня до открытия Думы, этот явный знак

недоверия и пренебрежения к народному представительству, выдается за акт глубокой государственной мудрости. И только наличие в этом законе таких статей, как о жалованье и пенсиях высших чинов, да совершенно небрежная, не юридическая редакция всего закона вскрывают перед нами истинную его природу.

Все здесь диктовано страхом перед сокращением штатов, окладов и наград, все клонится к тому, чтобы как можно выше возвести стену между новым строем и развалинами старого. Четыре года спустя откровенность графа Витте позволила восстановить жалкую картину торопливого составления основного закона империи кучкой дрожащих, растерявшихся са-

новников, как бы нарочно изыскивавших неопределенные термины, чтобы потом сыграть на этой неопределенности, как это было с интерпретацией 2-й статьи о Финляндии, 87-й о праве правительства издавать законы в периоды бездумья и т. д.

Растерянность Двора и чиновников, несмотря на такие возможности, как издание основных законов или заключение без ведома Думы грандиозного займа, продолжала расти. Кстати сказать, союзная Франция оказала русской реакции огромную услугу, ссудив ей столько денег и заранее обеспечив успех разгона Думы и всей последующей полосы репрессий, иначе вознаграждение полиции и администрации, а главное — передвижение и содержание всей

Члены I Думы. Муромцев, Кокошкин, Шаховской и другие

армии, обращенной на народ, были бы невозможны. Плоды этой услуги еще впереди, в момент ликвидации эпохи милитаризма мощный союзник окажется в военном отношении никуда не годным и Франция будет предоставлена собственным силам на восточной своей границе¹.

Кабинет Витте, запятнанный казнями, расстрелами, карательными экспедициями и тому подобными атаками белого террора и чувствовавший себя хорошо лишь в кровавой борьбе, совершенно не был подготовлен к конституционным отношениям и должен был пасть накануне открытия Думы без малейшего давления русской оппозиции. Царь, все больше и больше склонный к резкой откровенности суждений, не постеснялся написать на новой просьбе графа Витте об отставке: «Теперь, когда новый заем заключен, я могу отпустить вас, тем более что вы жалуетесь на упадок сил».

Витте пал вторично, и на сей раз, по-видимому, бесповоротно. Дальнейшее его поведение было рядом жалких, ненужных бестактностей, унижительных маневров по направлению к трону, который поторопились окружить новые люди, призванные Николаем быть посредниками между ним и народными представителями. Впрочем, «новыми» можно было назвать этих господ лишь в хронологическом смысле, на деле перетасовывалась все та же засаленная и помятая колода карт, из которой вот уже тридцать лет выдергивают все тех же червонных валетов бюрократизма, воображая, что они спасут самодержавие и династию от ждущего их конца.

Уже самый премьер вызывал недоумение и смех. Что мог дать Горемыкин, старый жуир и ловелас, глубоко равнодушный ко всему, кроме женщин и денег? У него не было никакой инициативы, товарищи по кабинету не могли уважать его, и, быть может, было бы тогда же лучше назначить председателем Совета министров молодого Столыпина, когда за ним еще сохранялись намеки на политическую чистоплотность, от которой он с таким быстрым успехом сумел отделаться потом. В его лице монарх имел верного и энергичного слугу, умеренно-либеральные круги — приличного губернатора, бюрократия — работника, правительственная программа — яркого защитника.

Впрочем, только два месяца отделяло этого новоявленного избавителя от высшей власти и возможности перейти к чисто революционной политике в аграрном и окраинном во-

С. А. Муромцев. Председатель I Думы

просах. Из остальных членов кабинета выделялся только Щегловитов, из либералов открыто переваливший в крайний правый лагерь и игравший всеми цветами беспринципности и сервилизма, остальные были заведомо бездарны или просто неумны. Все, однако, должны были жаться друг к другу, заранее обреченные на травлю в Думе, и все молчаливо согласились выпускать на последнюю своих худших собак Гурко и Павлова: первый отстаивал «священную» собственность земельную, а второй — не менее священную для чиновничества виселицу. Смена произошла быстро, кабинет и физически не мог быть готов к открытию Думы. Общій беспорядок продолжал увеличиваться, а организация общественных сил — крепнуть.

¹ Опасение это оправдывается теперь.

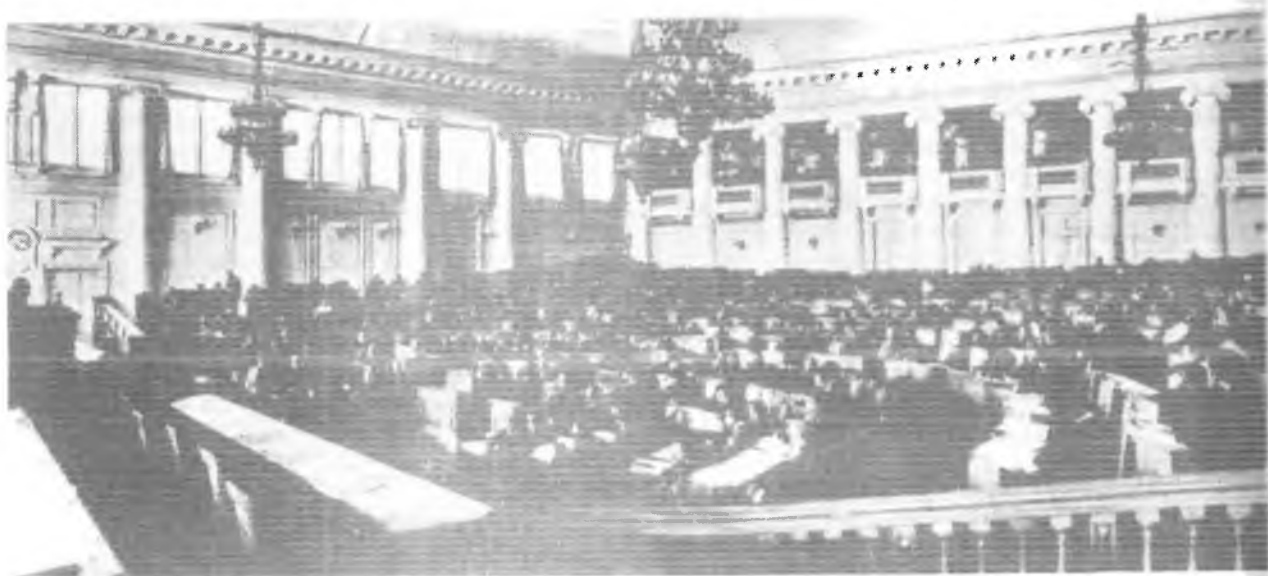
ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Созыв Государственной думы. — На местах. — Проводы депутатов. —
Кто прошел в Думу. — Депутаты съезжаются в Петербург. —
Обыски. — Охрана повсюду. — Петербург оживляется. —
Молодая царица раскладывает мантию. —
Ее отношение к готовящемуся событию. — 27 апреля. — На улицах.
Во дворце. — Клака. — Тронная речь. —
Скандальное молчание Думы. — Впечатления на царской трибуне. —
На Неве. — «Кресты». — У Таврического дворца.
Маневры артиллерии. — Гусары практикуются. —
Острота фон-дер-Лауница. — В Думе. — Молебен. —
Открытие Думы. — Фриш. — Министры. — Избрание Муромцева. —
Требование амнистии и значение этого вопроса в дальнейшем ходе
событий. — Наивность и неосведомленность депутатов. —
Присяга и титул самодержца. — Когда началось падение Трепова. —
Доклад Муромцева и знакомство его с царем. — Кадетский клуб.

На 27 апреля 1906 года было назначено открытие Думы, и это событие отзывалось повсеместно лихорадочной спешкой, нервностью общественного настроения, обострением партийной борьбы. Выборы закончились еще в марте, и население имело время ознакомиться со своими первыми избранниками. Успех всякого выступления прогрессивных депутатов, шумные и часто трогательные демонстрации доверия к ним, торжественные проводы в Петербург — все указывало правительству, что будущая Дума найдет в народе если и не организованную поддержку, то во всяком случае такое открытое сочувствие, с которым в случае конфликта с парламентом придется так или иначе считаться. Как мы увидим дальше, сочувствие это было переучтено и самой

Думой. В то время буйного роста всех гражданских и политических сторон жизни нетрудно было обмануться в стойкости новых побед, тем более что барометр правительственного настроения продолжал падать. Даже и такие меры, как обыски у депутатов и назойливое следование за ними сыщиков, указывали на панику, а не на силу власти, готовившейся предстать на суд народа со всеми своими старыми грехами.

В Петербурге царило особенное оживление, в министерствах перебирали заявлявшиеся проекты реформ, но не находили ничего дельного, никакой программы, в чиновничьих и придворных сферах учитывали шансы сокращения окладов и контроля наград, во дворце готовились к приему обеих палат. В тронной

Общий вид залы заседаний I Государственной думы

Таврический дворец

зале Александра Федоровна сама раскладывала по креслу, на котором должен был сидеть Николай, горностаевую мантию, продолжая не скрывать злобы и ненависти к новым учреждениям и чуя женским инстинктом, что муж ее пользуется такой же любовью народа, как и она сама. Немудрено поэтому, что в царской семье ждали дня 27 апреля, как своего рода смертного часа.

Абсолютизм готовился скрепить акт 17 октября всенародным объявлением о рождении и крещении своего преемника — российского конституционализма. Чем больше выяснялась радость по этому случаю населения столицы, тем смущеннее становились власти. И, прокладывая свой путь через толпы, запрудившие все прилегающие ко дворцу улицы и набережные, по молчанию, провожавшему мундиры, и крикам приветствия по адресу черных депутатских одежд можно было безошибочно определить безвозвратность былого престижа самодержавия. Опора последнего — офицерство по-прежнему наполняло огромные дворцовые залы, но не имело прежнего победоносного вида. Старый Государственный Совет, среди расширенных мундиров которого терялись фракы членов по избранию, разместился напротив Думы, и молчаливое созерцание друг друга обеими палатами не было лишено комичности.

Сенат сохранял вид бесстрастия, еще не определив своего будущего отношения к народному представительству. Министерство являло вид довольно жалкий. Отставные Витте и Дурново смотрели даже бодрее, как школяры, успевшие удрать от начальнической розги и наблюдавшие из-за угла, как будут расправляться с оставшимися в классе. На трибуне для царской фамилии царил альпийский холод. Бриллианты дам и золото мужских одежд блестели на весеннем солнце невеселым блеском, словно символизируя непрочность царского бытия, не обвеянного теплом из долины народной жизни. На хорах толпились какие-то черные и серые люди, кляка, мудро припасенная распорядителями спектакля на случай провала первого актера.

Николай вошел с царицей и стал между Думой и Советом, пока попы служили молебен. Его лицо, с припухшими веками глаз и заученной складкой рта, не выражало смущения. Привычка быть на виду у сотен глаз, а главное, искренняя набожность, проявляемая при всяком богослужении, заслоняли страх перед минутой приветствия людей, явившихся сюда живым результатом волнений последнего времени, людей, едва ли привезших с собой прочную привязанность к династии, доверие к желанию правительства работать вместе.

Члены I Государственной думы в помещении Таврического дворца

По окончании службы царь взошел по ступеням на трон, присел на секунду на оставшийся непокрытым мантией кусочек его сидения, потом встал и, взяв у Фредерикса, министра Двора, лист бумаги, прочел громко и внятно свою речь, доселе остающуюся единственным непосредственным обращением царя к депутатам парламента.

«Всевышним промыслом врученное Мне попечение о благе Отечества побудило Меня призвать к содействию в законодательной работе выборных от народа.

С пламенной верой в светлое будущее России, Я приветствую в лице Вашем тех лучших людей, которых Я повелел возлюбленным Моим подданным выбрать от себя.

Трудная, сложная работа предстоит Вам. Верю, что любовь к родине, горячее желание послужить ей воодушевят и сплотят Вас.

Я же буду охранять непоколебимыми установления, Мною дарованные, с твердой уверенностью, что Вы отдадите все свои силы на

самоотверженное служение Отечеству для выяснения нужд столь близкого Моему сердцу крестьянства (при этом царь взглянул по направлению Думы), просвещения народа и развития его благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благоденствия государства необходим порядок на основе права.

Да исполнятся горячие Мои желания видеть народ Мой счастливым и передать сыну Моему в наследие государство крепкое, благоустроенное и просвещенное!

Господь да благословит труды, предстоящие Мне в единении с Государственным Советом и Государственной думой (новый взгляд на палаты), и да знаменуется день сей отныне днем обновления нравственного облика земли русской, днем возрождения ее лучших сил!

Приступите с благоговением к работе, на которую Я Вас призвал, и оправдайте достойно доверие царя и народа.

Бог в помощь Мне и Вам».

Нерешительность выражений этого документа, подчеркивание вотчинного взгляда на страну, игнорирование правды, создавшей день 27 апреля, обычное празднословие и злоупотребление Божьим именем, а главное, полное умолчание об амнистии — всего было слишком довольно для того, чтобы определилось единодушное отношение Государственной думы к царским словам. Не сговариваясь, не думая о последствиях, депутаты ответили Николаю хмурым молчанием. С высоты трона оно было особенно заметно, и ни усердие кланки на хорах, ни офицерские глотки, кричавшие «ура» по обязанности, ни старческое шамканье членов Совета не могли скрасить или скрыть неожиданного скандала.

На царской трибуне лица словно одеревенели, фигуры застыли. Рот царицы сжался в еле заметную линию. Николай сошел с возвышения. Прием кончился. Рассказывают, что на половине царя злобно-подавленное настроение его разрешилось спазмой в горле (globus

И. И. Петрункевич, один из старейших борцов за освобождение России, член центрального комитета к.-д. партии. В день открытия I Думы требовал от ее лица амнистии.

Князь Д. И. Бебутов, инициатор и председатель первого политического клуба в России — «Клуба Народной свободы» (к.-д.). Общественный деятель и неутомимый работник оппозиции

hystericus) и что два часа Николай не мог произнести ни слова. Правда это или нет, но по сравнению с оживлением на улицах, даже в тюрьмах, где ожидали с часу на час амнистии, Зимний дворец был словно изолированным, зачумленным местом.

Тем временем депутаты плыли по Неве к Таврическому дворцу, мимо бесчисленных толп народа, под нескончаемые возгласы радости и привета.

Мрачное здание «Крестов», политической тюрьмы, расцветилось белыми и красными платками, которыми заключенные махали проходившим пароходам, откуда депутаты отвечали тем же. У Таврического дворца пришлось им пробираться через плотную толпу людей, хватавших своих избранников за руки, закидывавших их спешными вопросами и цветами. А еще за два дня до этого на широких улицах, окаймлявших здание Думы, маневрировали артиллерийские орудия, словно репетируя осаду и разгром революционного конвента, ибо именно в стремлении Думы обратиться в конвент не сомневались на верху русского правления. И еще час спустя после открытия

*Ф. И. Родичев, излюбленный трибун русской оппозиции,
автор крылатого слова
о «столытинском галстуке» (петля висельника),
гроза крайней правой в III Думе.
Один из немногих к.-д.,
прошедших через все три Думы*

заседания несколько гусар выскочили из казарм кавалерийской школы, расположенной здесь же, и с гиком и бранью начали «очищать» улицу от народа, и без того расходившегося. Эти небольшие детали, как и напыщенная острота петербургского градоначальника, известного уже читателю фон-дер-Лауница, что он «сумеет умереть при атаке Таврического дворца», лучше всяких исторических документов живописали истинную природу взаимоотношений правительства и народа. Но депутаты далеки были от этих сопоставлений.

Момент открытия первого парламента, в какой бы обстановке он ни протекал, всегда захватывает без остатка мышление счастливых, на чью долю выпадает участие в этом торжестве народа над деспотом, всегда украшает радужным ореолом будущее, всегда толкает от сердца к сердцу, к мозгу несколько лишних унций крови. Поэтому новый молебен в кулуарах Думы не привел к себе, кроме министров и десятков трех крестьянских депутатов, ни-

кого, все толпились в зале заседаний, ожидая открытия заседания.

Наконец все скамьи заполнились, министры начали чувствовать себя неловко под взглядами четырехсот пар недружелюбных глаз, и старый Фриш с трудом поднялся на высокую председательскую трибуну, чтобы приветствовать Думу и предложить ей избрать себе председателя. Как известно, Муромцев был избран таковым единогласно: Дума с первого шага обнаружила единодушие, к которому призвал ее в своей речи Николай.

Она была столь же объединена и в требовании политической амнистии, которое в трогательных словах было заявлено с ораторской трибуны И. Петрункевичем, одним из старейших членов Думы, испытанным бойцом за мирное освобождение народа от гнета самодержавия. Когда в ответ на его слова вся Дума поднялась как один человек и слово «амнистия!» загремело под сводами потемкинского дворца, как раскат недалекой бури, лица министров заметно удлинились. Первая встреча

*М. Я. Герценштейн, член I Думы,
убит 18 июня 1906 года в Териоках
наемными убийцами «Союза русского народа»;
значки этой организации носят Николай II и его сын.*

с представителями народа не предвещала ничего хорошего.

Между тем заблаговременное и положительное решение вопроса об амнистии могло бы устранить большую часть препятствий с пути примирения народа с царем. В свою очередь, Дума держалась бы иной тактики с правительством, а последнее не решилось бы столь открыто перейти на сторону черных сотен и начать конституционную эру недостойной главлей парламента на страницах официального «Правительственного вестника». Конечно, если бы депутаты знали в то время истинное настроение царя, которое и толкало его окружающих на возбуждение в нем ярко выраженных черносотенных чувств и актов, то не было бы ни волнений первых дней Думы, ни надежд на примирение, ни веры в прочность нового порядка.

Работа парламента, вероятно, протекала бы в ином русле; и кто знает, быть может, и Дума оказалась бы долговечней. Но неосведомленность депутатов граничила с наивностью, и, вероятно, многие из них воображали, что оговорка, с которой расписывались члены Думы на листе присяги, где стояло слово «самодержец», не была истолкована как дерзкий вызов царю, а требование амнистии — как революционный клич, достойный пыткой расправы. Между Таврическим и Петергофским дворцами было слишком довольно передаточных инстанций, чтобы все, что делалось в первом, могло являться во втором в желательном для приближенных Николая свете.

После своего избрания Муромцев также обратился к Думе с речью, умеренный тон которой несколько дисгармонировал с только что происшедшей сценой требования амнистии. В этой речи царь впервые назван был конституционным монархом. И не это ли оригинальное совпадение присяги самодержцу и официального объявления конституции дало повод «Готскому альманаху» поставить после

слова: «Russie» — «L'empire constitutionnelle sous un tsar autocrate» *.

Между прочим, еще задолго до открытия Думы можно было уяснить себе отношение Николая хоть бы к одному этому слову «самодержец». Когда Тренов в заседании, происходившем под председательством царя, ответил на вопрос об ограничивающем значении Манифеста 17 октября, что «после этого акта русский монарх перестает быть самодержцем», то карьера временщика была уже кончена. Он впал в немилость, и все последующее в его жизни было лишь агонией, приведшей к неизбежному концу забвению в самый момент смерти.

Итак, Дума была открыта. Председатель ее должен был лично доложить Николаю о своем избрании и таким образом «познакомиться» с царем. Когда начался выборгский процесс, царь требовал Муромцеву особого наказания, именно ссылаясь на то, что «он со мной знаком был».

Большая часть депутатов отправилась в клуб партии народной свободы (к.-д.) — первый открытый политический клуб в России, сыгравший в общем движении огромную роль. Устроенный стараниями князя Бебутова, портрет которого постановлением общего собрания решено было повесить в зале клуба, он пережил Думу тремя днями и был закрыт в день возвращения депутатов из Выборга. Этот клуб при следующих Думах не возродился уже в прежнем объеме и значении. В то же время здесь бил пульс всей политической жизни, и, вероятно, кабинет Горемыкина не меньше прислушивался к тому, что происходило в стенах клуба, чем к думским заседаниям. И там, и здесь кипела работа. Словно предчувствуя скорую смерть, Дума торопилась жить, говорить и действовать.

* «Россия конституционная монархия при царе-самодержце» (фр.).

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Конституирование Думы. Партии. Адрес царю.
Союз автономистов. Крестьянская группа. Ероинское общежитие.
Отсутствие черносотенцев. Депутаты Спесобный и Ильин.
Кто оказался на правой. Центр и его лидеры —
Левые и их лидеры. Умеренные и их лидеры.
Общая характеристика I Думы. Начало раскола.
Работоспособность министерства Горемыкина.
Его ораторы: Столыпин, Павлов, Гурко, Макаров, Коковцов.
Президиум Думы. Комиссии. Вид залы заседаний.
Телеграммы в «Правительственном вестнике». —
Переписка Муромцева и Горемыкина по этому поводу.

Карты раскрываются.— Декларация 13 мая.—
 Первый запрос Думы о типографии в департаменте полиции.—
 Речь князя Урусова. Двойственность Столыпина обнаруживается.
 Письма к нему князя Урусова и Лопухина.—
 Невежество министра.— Первомайские погромы.—
 Вологда.— Жандарм Пышкин.— Тон речей Столыпина и Гурко.—
 Прения по аграрному вопросу.— Герценштейн, «иллюминации».—
 Принцип принудительного отчуждения.—
 Над Государственной думой собираются тучи.—
 Слепота центральных партийных комитетов.—
 Переговоры о кадетском министерстве.— Мнение левых о нем.—
 Общая атмосфера.— Надежда народа на Думу.— «Ходоки».—
 Поездки депутатов на родину.— Белостокский погром.—
 Подготовка войск.— Прокламации генерала Богдановича.—
 Бессилие гражданской власти.— Губернатор Кистер.—
 Предупреждение в европейской прессе.— Деркачев и Шереметев.—
 Отзывы местных депутатов о взаимоотношениях еврейского
 и христианского элементов населения.—
 Отдельные сцены погрома.— На вокзале.— Трехдневный срок.—
 Как реагировала на погром Государственная дума.— У Столыпина.—
 Парламентская анкета.— Ее результаты.—
 Приготовления к разгону Думы заканчиваются.—
 Треповские переговоры.— Правительственные сообщения
 о Белостоке и аграрное контрсообщение Думы.— Его перипетии.—
 Срыв сообщения.— Левые и польское «коло».—
 Междупарламентский конгресс.—
 В ожидании разгона.— Манифест заготовлен.—
 Легенда о горемыкинском покое.—
 Столыпин-обманщик.— Логичность разгона.

История первых парламентов довольно од-
 нообразна. Созываемые под давлением внут-
 ренних потрясений и в моменты правительст-
 венной паники, они обычно не удовлетворяют
 ни одну из борющихся сторон и крушатся
 вместе с победой любой из них. Самая работа
 таких законодательных палат носит на себе
 признаки общественной нервности, протекает
 бурно, и редко остается от нее сколько-нибудь
 заметный след в последующей более мирной
 эпохе.

Судьба первой русской Думы не вполне уло-
 жилась в этот исторический шаблон. Несмотря
 на новизну дела и общее напряженное состоя-
 ние страны, выборы прошли в общем в удиви-
 тельном порядке — это одна из крупнейших
 заслуг графа Витте, настойчиво твердившего
 Николаю о невмешательстве (читай: не давле-
 нии правительства). Отдельные случаи арестов
 кандидатов и стеснения предвыборной агита-
 ции, конечно, были, но от них не застрахованы
 и отстоявшиеся в представительном строе го-
 сударства.

С другой стороны, предыдущая практика бо-
 льшинства депутатов — в земстве, в городских
 думах, в земских съездах и «Союзе освобожде-
 ния» — выработала из них достаточно опыт-
 ных парламентариев, способных с первого же

дня приняться за органическую работу. Нако-
 нец, — и это самое важное — молодой пар-
 ламент обладал внушительным большин-
 ством, умеренным, являвшим в программном
 отношении ту равнодействующую столкнув-
 шихся общественных сил, к которой стоило
 только примкнуть правительству, чтобы лик-
 видировать смуту.

Вот почему конституирование Думы не заня-
 ло много времени. Оно шло одновременно с об-
 суждением ответа на тронную речь (см. прило-
 жение), с окончательной кристаллизацией фрак-
 ций, по которым разбивались беспартийные
 крестьянские депутаты, с организацией новой
 группы, так называемого «Союза автономис-
 тов-федералистов». В конечном счете из пяти-
 сот почти депутатов осталось всего десятка три
 беспартийных, преимущественно крестьянских
 представителей; они жили вместе в так называ-
 емом «Ерогинском общежитии». Ерогин, бы-
 вший офицер генерального штаба, а тогда де-
 путат Гродненской губернии, был подговорен
 министром внутренних дел П. Дурново орга-
 низовать крестьянскую группу в Думе.

Лукавому бюрократу казалось легким делом
 противопоставить прогрессивному интелли-
 гентскому большинству темных крестьян,
 в монархизме коих правительство все еще

Крестьяне — члены I Государственной думы в столовой общеземства

было тогда убеждено. Затея кончилась провалом, сам Ерогин как-то стусевался, и многие жильцы его квартиры стали предметом насмешек своих товарищей. Итак, черносотенцы в I Думе отсутствовали. Их имитировали два-три человека, в том числе адвокат Способный, говоривший за сохранение смертной казни, и московский крестьянин Ильин, демонстрировавший от времени до времени свой патриотизм; это было все, что сочувствовало в I Думе старому режиму. На крайней правой оказались такие почтенные деятели, как М. Стахович, граф П. Гейден, князь Н. Волконский и другие члены бывших земских съездов.

В центре размещался 161 представитель кадетской партии с их лидерами — И. Петрунkevичем, Набоковым, Кокошкиным и другими, давно себя определенно зарекомендовавшими общественными деятелями. Новыми людьми были только социал-демократические депутаты да «трудовики», составлявшие ступень между первыми и кадетами. Они выдвинули ряд недюжинных ораторов, из которых наибольшую известность стяжал себе Аладьин, выплывший из заграничной эмигрантской массы ко дню созыва I Думы и канувший туда же после ее роспуска.

Насколько нам известно, его партия тяготилась своим лидером, резкость коего как-то диссонировала с общим тоном Думы, была ненужна, звучала фальшиво. Другие ораторы тру-

довой группы, Жилкин и Аникин, производили лучшее впечатление, и за ними чувствовалась та демократическая масса, от имени которой они выступали. Более умеренная, чем кадетская, партия «демократических реформ», прозванная в шутку «партией лидеров без партии», состояла из известных ученых, вроде М. Ковалевского, Кузьмина-Караваева и других, и из тех деятелей, как князь С. Урусов, которые не находили почему-либо возможным примкнуть к большинству. Польское «коло» и депутаты других окраин России составляли ядро союза автономистов и держались вместе, правее кадетов.

Наконец, на крайней левой сидели кавказские социалисты и члены «дашнакцутюна», революционной партии, о которой в то время ходили фантастические слухи. Общий вид залы заседаний указывал на чрезвычайную пестроту населения государства, а выступления Думы — ее удивительную сплоченность; последняя обусловлена была не столько общностью политического и социального мировоззрения, сколько ненавистью к правительству и всему старому государственному строю. Некоторый раскол обнаружился только после рассадки депутатов по партиям и по образованию фракционных бюро. Как ниже увидим, правительство ловко воспользовалось этим расколом перед разгоном Думы.

Наряду с работоспособностью и горячим желанием работать нового органа власти, ста-

*Князь С. Д. Урусов, член I Государственной думы,
бывший товарищ министра внутренних дел.*

Всем памятна его речь,

*выяснившая существование особой типографии
при департаменте полиции для провоцирования погромов.*

рый оказался в исключительно смешном положении. Не только не было подготовлено к открытию Думы ни одного законопроекта, но было совершенно очевидно, что их не умели и не желали создавать. Никто не мог рассчитывать на такой цинизм правительства, иначе партии заготовили бы еще до Думы свои проекты.

Теперь же Дума оставалась как бы висящей в воздушном пространстве, импотентной при высшем напряжении сил, но вера в себя спасала ее от взрыва негодования, столь естественного в таком неслыханном состоянии, и недаром удивлялись посещавшие заседания иностранцы тому покойному тону, в котором проходили даже самые горячие прения, той внешней выдержке и дисциплине, которые так выгодно отличали первый русский парламент от его европейских предков.

Спокойствие Думы было тем более удивите-

льно, что отдельные чины министерства Горемыкина не уставали провоцировать парламентские бури — умышленно или неумышленно, это безразлично. Как часто бывает, пустота содержания стремилась заполниться шумихой фраз, патриотических выкриков, демонстрацией преданности царю, передержками основных законов.

Ретивый Столыпин стремительно наскочивал на Думу, сопровождая речи вызывающими взглядами и кручением усов. Главный военный прокурор Павлов брал на себя неблагоприятную задачу защищать смертную казнь и систематически сгонялся с трибуны возгласами депутатского возмущения. Неумолкаемый фонтан красноречия министра финансов Коковцова столь же успешно прикрывал его бездарность, как и сквозившую из каждой фразы радость о том, что крупный заем на нужды реакции лежал уже в Государственном казначействе.

Карьеристы минуты, вроде Макарова, товарища министра внутренних дел, пытались подводить идеологическое основание под безнадежные правительственные распоряжения, и наконец, заведомые воры и мошенники, как Гурко — излюбленный человек высших сфер,

*М. А. Стахович. Бывший член Государственной думы
теперь член Государственного Совета*

*Член Государственной думы
епископ Э. Ю. барон фон-дер-Рооп.*

Лишен должности и выслан за политическую деятельность

нагло издевались в своих речах над самим существом народного представительства.

Странно дисгармонировали эти убогие фигуры бюрократического мира с величественным обликом первого народного избранника С. Муромцева, со всем вообще президиумом Думы, состоявшим из лиц, всю жизнь проводивших в созидательной деятельности там, в глубине страны. Еще более странно было бы представить себе этих героев безвременья дающими объяснения в комиссиях, но этого I Думе не довелось дожидаться. Правда, все комиссии были организованы в свое время, в каждой рассматривались собственные законопроекты, но правительство-то ничего туда не вносило, а потому не для чего было приглашать и его членов для объяснений.

Во главе бюджетной комиссии стоял И. Петрункевич, в комиссии о гражданском равноправии — князь С. Урусов, председателем комиссии по запросам — граф Гейден и аграрной, самой большой (99 человек), — Муханов, бывший губернский предводитель дворянства и камергер Его Величества, тогда уже уволенный от своей придворной должности за до-

пущение либерального адреса от черниговского дворянства. Вообще, всякий русский гражданин, следивший за движением последних лет и попавший в одно из заседаний I Думы, мог убедиться, что большинство излюбленных Россией людей было собрано здесь даже и при несовершенном избирательном законе.

Симпатии народа были им обеспечены, и с этого началась и та непристойная игра черносотенного антуража Николая, к которой поневоле примкнул кабинет Горемыкина и которая логически привела страну в то состояние политического маразма, в коем она и сейчас пребывает. Симпатии народа кололи царско-сельские глаза, и тотчас нашлись люди, симулировавшие обратные чувства. «Союз русского народа», руководимый не столько д-ром Дубровиным, которого можно было купить за недорогою цену, сколько великим князем Владимиром и К^о, организовал целую серию верноподданнических телеграмм, они лились со всех концов России, потому что во всяком городишке за казенные деньги был куплен чей-нибудь голос; эти никому не ве-

*Главный военный прокурор генерал Павлов,
прозванный Государственной думой «палачом».
Когда его убили, царь написал на докладе:
«Незаменимая утрата».*

*В. Н. Коковцов. Со времени убийства Столыпина
председатель Совета министров*

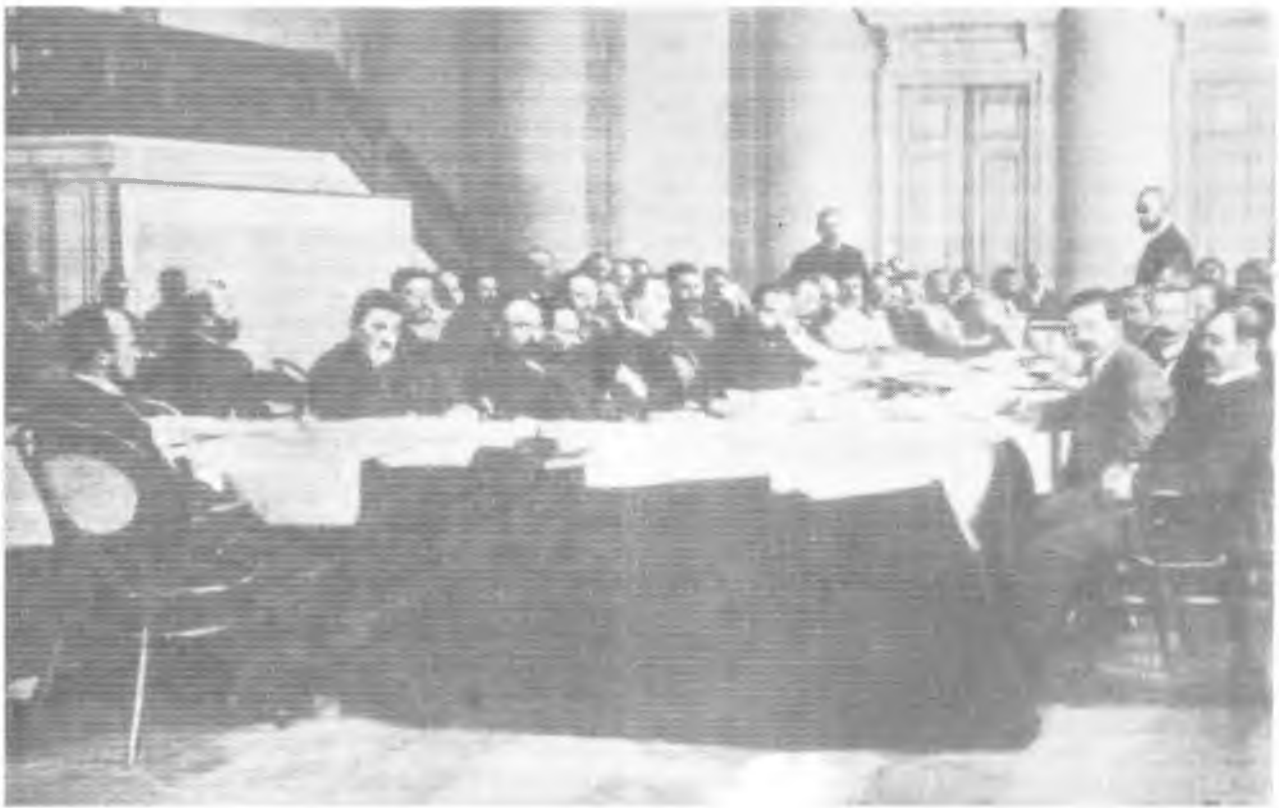
домые люди, к которым в то время еще стеснялись открыто привыкать губернаторы и архиереи, добросовестно списывали присланный из Петербурга текст телеграммы царю и на субсидируемые рубли отправляли их в столицу, мало заботясь о хохоте, которым встречало общество это странное единомыслие и тождество текстов. Еще вульгарней, конечно, было правительство, изо дня в день печатавшее черносотенные депеши на столбцах всевыносящего своего официоза.

Одной Думе было не до смеха. Под нее именно и подкапывались из погромного центра, почти совпадавшего с великокняжескими дворцами, и дерзостное неуважение, оказывавшееся парламенту от имени царя, ласково отвечавшего на самые возмутительные выкрики, требовало соответствующего отпора. Но что, кроме запроса, могла сделать Дума, тщательно избегавшая конфликтов? Горемыкин отвечал Муромцеву глупым и напыщенным письмом, имевшим тот единственный смысл, что позиция правительства обрисовывалась теперь вполне рельефно. Не только о совместной работе нельзя было и думать, но и о простом нейтралитете бюрократизма. Думе боялись открыто объявить войну и задирали разными непристойностями, в расчете на какой-нибудь

эксцесс с ее стороны. Но расчет был неоснователен, Муромцев ответил выжившему из ума Горемыкину достойным письмом, упомянувшем об обязанности Думы не допускать оскорблений, роняющих достоинство прежде всего самого правительства, и Дума перешла к другим своим делам.

13 мая кабинет окончательно раскрыл свои карты декларацией, бывшей ответом на думский адрес. Не представляя никакой деловой программы, декларация сплошь состояла из отрицательных ответов на требования адреса. Нужно было быть не только бессовестным, чтобы выступить перед народными представителями с подобной декларацией, но и совершенно потерявшим понимание действительности. Одной силы, чувствовавшейся за этими громкими фразами и впоследствии себя показавшей, было мало для России, жаждавшей реформ и успокоения, как истощенное засухой растение. Но бюрократизм никогда не рождает живых детей, и 13 мая было только одним лишним абортom негодного организма. Впрочем, мы не совсем правы. Там, где дело касалось собственной шкуры, чиновничество рука об руку с царем порождало и такие явления, жизнеспособность которых слишком очевидна, чтобы быть оспариваемой.

Думе пришлось натолкнуться на одно из этих явлений, и мы отступим на сей раз от необходимой краткости изложения, чтобы остановить внимание читателя на центральном месте длящейся русской драмы. С этого именно пункта открываются взору как действующие за кулисами жизни лица, так и самая суть разыгрываемой пьесы и даже ее возможный исход. Мы хотим подробно рассказать историю с печатанием погромных прокламаций в департаменте полиции, как она изложена в данных архива одного высокого лица, слишком близкого ко двору, чтоб мы имели право злоупотреблять его любезностью, и в данных думской канцелярии. Но прежде всего следует напомнить современнику, забывшему о разделении бывшего III отделения собственной Его Величества канцелярии всероссийского охранного отделения, что она была разделена на департамент полиции, перешедший ныне в министерство внутренних дел и им инкорпорированный, и так называемый «корпус жандармов», остающийся и по сей час главной опорой Двора, царя и абсолютизма. Как в свое время Александр II жаловался на стеснения и даже давления со стороны III отделения, перлюстрировавшего его собственную корреспонденцию, так и теперь корпус жандармов следит за Николаем не менее тщательно. И теперь над более либеральными великими кня-

*Аграрная комиссия I Государственной думы. Председатель Муханов (X);
возле него Герцеништейн и Медведев, товарищ председателя и секретарь;
все трое ныне уже не живут.*

зьями существует полицейский надзор, как был, например, над покойным Константином Николаевичем. Департамент же полиции работает на большем свете законов, а потому обычно враждует с корпусом жандармов. Наше время застает их, однако, солидарными, координирующими свои действия, и это потому, что Трепов получил право требовать к себе все дела департамента, оставаясь дворцовым комендантом, и что Рачковский, не числясь в департаменте, оставался в нем одним из важнейших чинов. Что произошло от такого объединения погромного министерства, где Николай, оставаясь в стороне, был вдохновителем, а Трепов и Рачковский исполнителями, мы сейчас и увидим.

Начиная с ноября 1905 года, то есть недолго спустя после погромов, следовавших за манифестом о конституции, к графу Витте, как председателю Совета министров, начали во множестве поступать жалобы на распространение в войсках и среди низших городских ремесленников погромных прокламаций. Все они отпечатаны на прекрасной бумаге, и содержание отдельных листов было не только литератур-

но, но и не лишено известного таланта. Граф Витте направлял как жалобы, так и образцы прокламаций к Лопухину, которому поручил исследовать дело и определить центр, из которого сыпались листки. Кое-кто из местных властей вызывался даже для допроса в Петербург, но всегда оказывалось, что тюки прокламаций попадали к ним в руки неясными путями и что распространение листов лица эти считали делом патриотическим. К розыску привлечен был заведовавший секретным отделом департамента полиции Макаров, который делился обычно своими сведениями с Лопухиным.

В середине января 1906 года Макаров явился к Лопухину, жившему в то время в одном доме с министром внутренних дел П. Дурново, и рассказал ему следующее: «Я давно уже заметил, что в моем секретном отделении завелась манера запираť особым замком одну из комнат и что далеко не все служащие знают о ее новом назначении. Путем длинных операций розыскного характера мне удалось заставить одного из чиновников признаться в том, что он проникал в эту таинственную лабораторию и что в ней изготовлялось.

А изготовлялись именно те прокламации. происхождение которых мы столько месяцев не могли определить. Я знаю, — продолжал Макаров, — что о существовании типографии известно директору департамента полиции Вуичу, что печатает прокламации жандармский офицер Комиссаров, переодевающийся для сего в гражданское платье, и что тексты прокламаций поступают из Царского Села за подписями, по-видимому, Трепова. Рачковский является частью передаточной инстанцией между дворцом и типографией, частью техником, достающим шрифты, машины и т. п. Как быть теперь?»

На совете, так как разговор происходил при свидетелях, решено было, что Макаров не может не доложить обо всем своему министру Дурново, а что Лопухин, с другой стороны, обязан довести до сведения графа Витте о конце своей миссии по расследованию погромного центра. У Макарова был уже заготовлен рапорт министру, на другой день появившийся в газетах, и он отправился наверх. Поздно вечером вернувшись от «Петрушки», он сказал: «Или эта старая лисица слишком уж хитра, или она вправду не знала о существовании типографии. Министр сказал мне, что он считает такого рода действия нецелесообразными, вредными, просто глупыми, что он никогда не прибегал к ним и тем более не стал бы прибегать, будучи министром. Что я должен оставаться служить и помочь ему ликвидировать эту гадость».

На следующее утро Лопухин виделся с Витте. Для портсмутского миротворца была выработана его искренними в то время доброжелателями следующая программа действий: печатание прокламаций начиналось в 9 часов вечера, Витте должен был к 10 часам созвать всех министров, а сам в 9 часов в сопровождении более близких ему членов кабинета, как Шипов, Тимирязев и другие, и сильного наряда полиции и чиновников нагрянуть в дом департамента, поймать Комиссарова *en flagrant delit* *, обыскать, отобрать подлинники с пометками Трепова и оттиски, запечатать комнату своей печатью и, приставив к ней надежную стражу, вернуться к 10 часам в Совет, которому и доложить все дело. Одновременно оповещались о происшедшем все главнейшие органы столичной прессы, и дело замять представлялось бы уже невозможным.

Было очевидно, что Совет министров должен был уполномочить графа Витте доложить обо всем царю, и последнему не оставалось бы ничего иного, как или отпереться от

всякой солидарности с Треповым, Рачковским и К^о и сказать: «Делайте, как хотите», или, наоборот, выразить этим господам свое доверие, в последнем случае Витте и совет выходили в отставку с честью, реабилитировав свои имена в глазах общества русского и европейского; Витте ровно ничего не теряет в практическом отношении, так что гражданского мужества особенного и не требовалось. Но и такого запаса не оказалось у этого третьестепенного авантюриста. Выслушав Лопухина, Витте забегал по комнате, заохал, стал симулировать удушье и послал вместо министров за доктором. Нужно ли говорить, что на другой день в типографии не оказалось ни листка бумаги и даже новую прекрасную машину за чем-то сломали. Еще немного спустя, на одном великосветском обеде жена Витте сказала: «А Рачковскому семьдесят пять тысяч рублей дали за типографию». Действительно, 16 января царь написал на докладе Трепова о деятельности Рачковского: «Выдать семьдесят пять тысяч рублей за успешное использование общественных сил» (не вполне дословно). Кроме того, старый парижский шпион получил звезду Станислава. Комиссарову, который сам признался Дурново, что оригиналы прокламаций находятся в надежном месте, дали орден Владимира. Вуич получил повышение, равно как и все распространители прокламаций на местах. Так, например, Климович, разбрасывавший их в г. Вильно, был назначен помощником московского градоначальника, где совместно с последним проворовался, и т. д.

Так вот откуда шла погромная война, вот где фабриковалась «исконная ненависть народа» к крамольникам, к евреям, к интеллигенции. Вот на что шли народные деньги, и вот какие заслуги награждались царем в недолгие месяцы, отделявшие его Манифест от открытия Государственной думы. Всероссийский самодержец одной рукой уничтожал то, что создавал другой, и был как бы живой эмблемой того заколдованного погромного цикла, разорвать который удалось лишь благодаря сцеплению простых случайностей. Будь граф Витте хоть сколько-нибудь честным государственным деятелем, он мог бы в эти памятные для него дни 14—18 января 1906 года повернуть руль управляемого им корабля так круто от гнилых берегов самодержавия, что последнее было бы теперь за горизонтом жизни. А вышло так, что спустя три месяца после открытия Макарова сам Витте обратился в труп как активный член правительства. Все дальнейшие его шаги только больше загоняли его в то болото, из которого он мог и себя, и страну вывести. Николай же после всей этой истории

* На месте преступления (*фр.*).

открыто стал принимать черносотенцев, отличавшихся в погромах, возложил на себя и сына значки «Союза русского народа», боевая дружина которого занималась политическими убийствами, и вообще раз навсегда открыл свою душу напоказ всему крещеному и некрещеному миру. Вот это-то дело о типографии в департаменте полиции и о ее последствиях, погромах 1 мая 1906 года и было предметом одного из первых запросов I Думы. На нем, как на суде, обнаружились обе стороны: честная, умеренная и монархически настроенная палата и двуличное, жалкое в своей трусости, министерство Горемыкина.

Единственным депутатом, который мог бы дать веские объяснения по волновавшему всех вопросу, был бывший товарищ министра внутренних дел князь С. Урусов, и понятно, что речи его ждали с нетерпением. Она не содержала в себе ничего сенсационного, кроме указания на готовившийся в Киеве грандиозный погром, но зато в такой отчетливой форме выражала отношение к политике правительства всего русского общества, что успех ее был столь же велик, как и заслужен. Слова Урусова облетели весь мир, всюду вызывая резкое порицание режиму, где царя приходится насильно отдирать от излюбленной им погромщической клики, дабы хоть сколько-нибудь поддерживать монархический принцип.

Столыпин, в то время еще неопытный министр внутренних дел, не смог, несмотря на кажущуюся ретивость, занять в этом деле достойной позиции и обнаружил не только обычные для бюрократа с большим окладом черты беспринципности, но и ту двойную игру, в которой он так искусился впоследствии, балансируя между дворцом и I Думой. Но тогда ему еще верили, и, желая помочь новичку, князь Урусов и Лопухин обратились к нему с письмами, в которых раскрывали некоторые детали скандального дела. Столыпин не ответил князю Урусову, а Лопухина просил оставить его с советами. После этого от честолюбивого, но ограниченного человека начали отступаться все сколько-нибудь порядочные люди, и в конце своей жизни Столыпин пожинал плоды своей двуличности, снedaемый зудом реформаторства, травимый партией Дурново и Акимова, теряющий престиж при том Дворе, холопом коего он так любил всегда расписываться.

Как бы иллюстрируя бессилие официальной власти, погромщики учинили 1 мая ряд избиений в городах России, окончившихся сравнительно благополучно лишь благодаря тому, что местная администрация не знала еще, какого курса придерживаться после открытия Думы. Понятно также, что Столыпина никто

Один из «ходов» I Думы

не подозревал в сочувствии погромам, на столько-то у него хватало такта и разума. Жандармы, однако, вели свою линию, и один из них, Пышкин, настолько был уличен в Вологде, что пришлось убрать его в Пермь, где он и был позднее убит одним из тех фанатиков, которых бесправие одних и безнаказанность других плодили в то время, как дождь грибы.

Чем более очевидным становилось, что внутри страны правительство продолжает реакционную политику, игнорируя Думу, тем более изменялся и тон думских речей, причем обе стороны начинали уже нервничать. Нарастанию раздражения немало помогли и прения по аграрному вопросу, который справедливо считается основой всего русского движения.

Проект большинства при всей своей умеренности носил в себе довольно взрывчатого

материала, чтобы испортить путь к мирному исходу первой сессии Думы. Принцип принудительного отчуждения разорял не помещичью массу, и без того разоренную, а десятка три ленд-лордов, богатых монастырей, да отчасти великих князей и царя, от которых должны были отойти за вознаграждение их латифундии. Этого было слишком довольно, чтобы возбудить против Думы ярость этих сфер и классов.

Первый выпад был сделан любимым заступником их, Гурко, в то время готовившимся к растрате (совместно с торговцем клезетами Лидвалем и корсетницей Эстер) около миллиона денег, ассигнованных на голодающих крестьян. Его речь, дышавшая плохо скрытой злобой и вся построенная на передержках и подтасовке лживых сведений, была встречена с возмущением даже крестьянскими депутатами. Отвечал Гурко депутат Герценштейн, ученый знаток аграрного вопроса, умеренный кадет и ничем не увлекающийся практик.

Никто не предполагал тогда, что этой речью Герценштейн подписывал свой смертный приговор и что с негодованием произнесенное им слово «иллюминации» будет потом выставлено в виде призыва к аграрным поджогам со стороны мирной кадетской партии. От словесного мошенничества чиновников, очевидно, так же мало застрахованы честные парламентарии, как от лихоимства и казнокрадства народ. В то же самое время частью депутатов начал овладевать непонятный и малообоснованный оптимизм. Резкие выпады Столыпина, Гурко, Павлова и других истолковывались как раздражение собственным бессилием, какие-то фантастические слухи о готовности царя сменить министров-чиновников на министров-депутатов бродили в думских кулуарах и кружили честолюбивые головы.

Будущие кандидаты не задумывались, по видимому, над тем, что в их руках не окажется ни одного из главных ресурсов управления — ни денег, ни армии, ни даже своей, преданной новым идеям, администрации. Как бабочки на огонь, летели они на всякие переговоры о будущем кабинете министров, производя, вероятно, смешное впечатление на искусившихся в формализме бюрократов. Если даже и допустить, что желание перемены в правящем составе было и что Трепов вел переговоры с Милюковым не на всякий случай, а выполняя поручение Николая, то и в таком случае дело было безнадежно, ибо верхи бюрократизма были бесконечно могущественнее самодержца, а ведь вопрос вставал о самом существовании их, и, зная теперь о погромной организации, можно себе представить, на что пошли бы

чиновники, чтобы сохранить свое место в государственном строе.

Между тем страна не только нуждалась в обновлении этого строя новыми людьми, но и встретила бы их с редким единодушием. Это видно было по отношению крайних левых к вопросу о кадетском министерстве. Когда слухи о нем стали настойчивей, зашли разговоры с лидерами думской левой об отношениях их фракций и партий к будущей кадетской политике. Указывалось на возможность обострения чисто революционного движения, особенно в армии и флоте, и вытекавшей отсюда необходимости вооруженного подавления мятежей. «Ну что ж, и постреляете,— заявили социал-демократы,— мы в Думе будем для порядка бранить вас за это, да ведь нельзя же допустить анархии». И т. д.

Несомненно, что общее расположение к умеренной, выполнимой программе кадетской партии должно было усыплять наблюдательность, столь нужную в смутное время. Для тех, кто не терял в эти бойкие недели I Думы самообладания и смотрел на происходившее как на шахматную партию, было очевидно, что переговоры о передаче власти кадетам или беспочвенны с обеих сторон, или явно недобросовестны с одной из них — треповской. Как бы то ни было, слухи, один другого сенсационней, проникали в народ, окрыляя надежды на Думу. Со всех сторон тянулись в Петербург так называемые «ходоки», уполномоченные крестьянских обществ, почта приносила вороха прошений, доносов на власти, жалоб. Поездки депутатов на родину еще более укрепляли связь провинции с Думой и вносили немало обманчивости в надежды на обоюдную силу. Дума начинала жить не столько верой в искренность правительства, сколько в поддержку широких народных масс, последние же готовы были на словах обещать что угодно, не имея за собой опыта координированных действий. Нельзя было считать за таковые ни всеобщую забастовку, ни аграрные стачки, протекавшие в другой атмосфере. Между тем расчет на политическую зрелость народа и погубил кадетов в Выборге, выжав из них то слабое произведение манифестационного искусства, которое вывело из строя русского движения его лучшие силы, не дав ничего народу.

Но в описываемое время о роспуске Думы весьма немногие думали. Правительство, впрочем, весьма прозрачно намекало на него своими выступлениями, а допущенный им погром в Белостоке должен был бы, в сущности, открыть глаза самым ослепленным из депутатов. После разгрома департаментской типографии и временного удаления Комиссарова

Трепов отнюдь не пал духом и лишь фиксировал направление прокламационного потока на армию, преимущественно в районе еврейской оседлости, где экономическая рознь никогда не прекращалась и где использовать ее было легче. Генерал Богданович, о котором приходилось уже говорить, был главным автором зажигательных листов, здесь не хватает места для приведения образчиков этого стиля, но можно одно сказать: прокламации были много даровитей написаны, чем циркуляры и декларации горемыкинского кабинета.

О том, что в Белостоке подготовлялось грандиозное кровопускание, не могли не быть осведомлены, кроме царскосельских инициаторов, министры внутренних дел и военный, но оба не приняли мер к его предотвращению. Губернатор Кистер довольно откровенно заявил представителям еврейского населения о неизбежности погрома, но сам не смог перенести позора своего малодушия и ушел в отставку, опровергнув только официальную версию о причинах погрома. Мало того что гражданская власть устранилась на все время погрома, но последний настолько инсценировался, что представилось возможным описать программу первого дня в берлинских газетах, таким образом за два часа до начала погрома в Белостоке берлинцы могли ознакомиться с событием, предотвратить которое могла бы разве депеша Вильгельма к Николаю.

Но, как известно, это было бы «вмешательством во внутренние дела» дружественной державы. Поэтому три дня громились дома, избивались старики, женщины и дети, самые изощренные пытки блекли пред изобретательностью распущенных солдат, и полиция безучастно созерцала сцены, одно описание коих способно было бы вызвать слезы негодования на самые сухие очи. Теперь установлено, что полицмейстер Белостока, расположенный к евреям, Деркачев был убит по наущению пристава Шереметова, который за погром получил место в Петербурге, где и был тяжело ранен немного спустя террористом. Войскам дан был благодарственный приказ генералом Хитрово, военный губернатор получил орден.

Здесь, в Белостоке, произведена была первая широкая попытка военного погрома, повторенная потом начисто, так сказать, в Седлеце. Разумеется, министерство отписалось и в данном случае племенной враждой и пропагандой еврейского «Бунда», но депутаты Белостока, русские крестьяне, в таких ярких красках обрисовали действительное, совершенно мирное соотношение местного населения, что не было надобности в заявлениях Думы, которые можно было бы объяснить ее самодовлеющей оп-

позиционностью. Пришедшие позднее описания отдельных сцен, особенно избияния на вокзале и на площади перед ним, выдавали с головой всю организацию, и Столыпин корчился под натиском депутатов, как Мефистофель перед крестами горожан из «Фауста».

Комиссия по запросам решила послать в Белосток трех депутатов, которые привезли оттуда обширный и вполне изобличающий бездействие местной и центральной власти материал. Ниже мы поймем, почему эти власти бездействовали и на чье высокое благоволение рассчитывали погромщики здесь. Нужно только отметить, что, действительно, правительство в это время было несколько растеряно и что оно так же переучитывало силу Думы, как и последняя — свою собственную. Иначе нечем объяснить допущение депутатов к следствию о белостокском погроме, а особенно то, что не решились Думу распустить, сыграв на популярном в реакционной части населения еврейском вопросе.

Между тем ныне доподлинно установлено, что приготовления к роспуску в июне шли уже полным ходом, администрация проявляла редкую старательность в преследовании всякой партийной деятельности, и жалобы на репрессии усилились как в Думе, так и в печати. Весьма возможно, что только незаконченность приготовлений задержала роспуск, и правительству пришлось воспользоваться другим поводом к нему. В Думе продолжались прения по аграрному вопросу, и интерес к нему крестьянских масс доставлял кабинету немало тревог, сельскохозяйственные стачки протекали так дружно и на таких огромных площадях черноземной полосы, что и сбор урожая, главного вывозного элемента, делался проблематичным.

Это обстоятельство заставило правительство выпустить сообщение народу, но, не имея в своем запасе ничего, кроме заезженных и лживых чиновничьих приемов, оно составило декларацию так, что никакого результата она принести не могла. Зато молчание Думы на документ, в котором ее роль сводилась к роли какого-нибудь незначащего департамента, могло быть истолковано народом как признание своей слабости и подчиненности, а потому Дума и решила выступить с контрсообщением. Можно спорить о соответствии такого акта со смыслом «Положения о Думе», и, во всяком случае, министерство имело довольно времени, чтобы предупредить Думу о незаконности ее намерения и последствиях его исполнения, но оно не сделало этого, ибо твердо решило само воспользоваться первым предлогом к роспуску.

Депутаты смутно предчувствовали опасность, но отступать назад было и принципиально, и по существу невозможно. Поэтому контрсообщение, составленное и тщательно обсужденное аграрной комиссией, проходило обычные стадии сложных парламентских актов, что заняло довольно времени и позволило докончить приготовления к роспуску вводом в Петербург войск из дальних гарнизонов. Помимо официального повода, незаконности обращения Думы к народу, у Горемыкина были и более существенные: с одной стороны, недоверие Думы и неспособность правительства приспособиться к новому строю, а с другой распад думской сплоченности.

На тексте аграрного сообщения партии впервые резко раскололись. Причин тому было тоже несколько: главная — желание кадетского центрального комитета сорвать сообщение, чтобы не повредить течению переговоров с Треповым, в которого наивные честолубивцы продолжали еще верить, и второстепенные — уклонение от обсуждения польского «коло», шедшего на поводу иезуита Гралевского, и левых, управлявшихся Азефом и К°. Наконец, несколько влиятельных депутатов отсутствовали по случаю междупарламентской конференции в Лондоне. В результате обсуждение и голосование думского аграрного сообщения являло собой обычную картину разложения парламентской силы, что не воспользоваться им было бы просто глупо. Поэтому общее настроение и в Думе, и в стране сразу и резко изменилось, в воздухе наступила затишь — верный признак надвигающегося шквала, и только одни кадетские лидеры продолжали хранить свой оптимизм.

О том, что в эти дни происходило во дворце,

известно очень мало. Настроение было изменчиво, и только ненависть к новому учреждению оставалась постоянной и все росла в объеме. По-видимому, Трепов резко изменил фронт после белостокского погрома и искренно искал сближения с либералами. Как он понимал положение вещей, таким он и рисовал Николаю, но в это время влияние некогда все сильного диктатора клонилось уже к горизонту, его место заняли великие князья, которые были еще невежественнее и еще решительнее Трепова, ибо орудовали из-за кулис, будучи в личной безопасности.

Николай, душа которого всецело была на стороне крайних действий, конечно, склонялся к разгону Думы и к санкции всех будущих репрессий, и только неуверенность в победе, которой министры не могли гарантировать, удерживала от подписи уже заготовленного манифеста. 8 июля он был подписан, и Столыпин еще раз показал себя обманщиком, уверив Муромцева, что 10 июля он выступит с речью по поводу белостокского погрома. 7-го провалилось аграрное сообщение Думы, а 8-го вечером и она сама последовала за ним в Лету истории. Говорили потом, что Горемыкин хотел задержать печатание манифеста, надеясь на новое направление дворцового влияния, и что будто бы манифест был оглашен только вследствие того, что не решились потревожить сна сибарита — министра. Но это неважно. Логика событий неумолима. Дума была барьером на жизненном пути российского бюрократизма, а последний далеко не утратил еще своей жизненной способности. При таких условиях уже 9 июля 1906 года можно было провидеть и следующий этап реакции — переворот 3 июня 1907 года, изменение избирательного закона.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Манифест 9 июля. Около Думы. В Выборге. Воззвание.
Его неуспех. Принцип пассивного сопротивления.
Распоряжения Столыпина на местах. На конгрессе в Лондоне.
Речь Кемпбелл-Баннермана.
Проект английской делегации. Черносотенцы протестуют.
Пуришкевич. «Новое время» снова поворачивает флюгер. —
Общее настроение. — Немецкие миноносцы у Петергофа. —
Угроза иностранным вмешательством на страницах официоза.

Как и все манифесты Николая, акт 9 июля был составлен чиновниками, отражавшими в нем не только свою собственную, но и царскую психологию, рядом с напыщенными фразами, вроде того что «Царь ваш призывает вас, как Отец своих детей», шли туманные заверения крестьян в том, что «пахарь русский, без

ущерба чужому владению, получит там, где существует теснота земельная, законный и честный способ расширить свое землевладение», чувствуя, наконец, что рано еще наносить решительный удар Манифесту 17 октября, но что народ не сомневается в этом стремлении, царь подписывает слова, вдвойне позорные:

и как невольное признание в том, что народ не верит царскому слову, и как заведомая ложь: «...подтверждаем... неизменное намерение наше сохранить в силе самый закон об учреждении этого установления — Гос. думы».

Роспуск, не объявленный с трибуны парламента, с выставленным в манифесте обвинением и сопровождавшийся военным положением и опечатанием залы заседаний и канцелярии Думы, был, без сомнения, также государственным переворотом. Дума не могла не увидеть в этом акте попрания тех основ конституции, без коих последняя обрацалась, как теперь принято говорить, в конституцию в кавычках («конституция»), другими словами — аннулировалась. Потребность протеста была очевидной, вопрос был только в форме его. Обычное представление о вводе в залу заседания войск, стрельбе по депутатам, красивых патетических сценах и крови народных представителей, осваивающей завоевание политической свободы, — все это в условиях XX века отходило в область неосуществимого, кстати, по случаю воскресного дня даже проникнуть в Таврический дворец было невозможно, и депутаты должны были искать иного места для собрания.

В Петербурге такое собрание было бы немедленно и без всякой революционной помпы разогнано до своего начала. Близость финляндской, тогда еще вполне свободной, территории сама указывала пункт, где без помехи можно было бы обсудить свое положение. 9-го вечером в выборгской гостинице «Бельведер» заседал уж думский кворум. Междупартийное трение, которое с такой силой действовало еще накануне, не могло исчезнуть даже под давлением общности свалившейся беды, и благодаря ему воззвание обречалось заранее на некоторую бесцветность. Наконец, не замечалось ни в ком из лидеров того подъема, вдохновения, без которых манифесты заранее обращаются в макулатуру. Самое же главное — никто, по-видимому, не был достаточно осведомлен о степени способности народа оказать Думе активную поддержку. Что касается до способов ее выражения, то нельзя не признать, что призыв русской массы к различным формам пассивного сопротивления — неплатежу повинностей, отказу от воинской службы и т. д. — был до последней степени наивен. Пройдут, быть может, десятилетия, пока народ будет достаточно для этого организован и политически развит.

Здесь же сами авторы воззвания еще два дня назад явили яркий образец неорганизованности и недомыслия в вопросе об аграрном контрсообщении. Словом сказать, выборгское

воззвание было слабым и по форме, и по содержанию документом, безопасным для правительства и лишенным даже тени героизма, составляющего единственное оправдание подобным выступлениям. Нужно было сделать кабинету Столыпина и начинавшим забирать силу придворным черносотенцам ряд глупостей, чтобы исправить ошибку выборгского собрания и окружить авторов воззвания тем ореолом мученичества, без которого в истории не остается ни следа от работы людской.

В столице все было покойно, около Думы бродили кучки любопытных, приготовления боевых дружин черносотенного «Союза русского народа», делавшиеся накануне разгона, оказались ненужными, и они стали готовиться к ряду отдельных убийств из-за угла; в Териоки командированы были Дубровиным, камергером Майковым, бароном Бугсведеном и другими придворными наемными убийцами люди для убийства депутата Герценштейна. Список жертв пополнялся быстро, хотелось уничтожить всех «выборжцев».

За границей разгон Думы произвел, по-видимому, больше впечатления, чем в России, там преувеличивали революционное настроение, ожидали нового общего взрыва, и к отвлеченному негодованию и презрению к царю, шутя игравшему самыми животворящими элементами государственной жизни, выросло и опасение, как бы с огромного русского пожара не полетели искры и на Запад, где было довольно своих счетов с развивавшимся социалистическим и анархическим движением. В Англии, где такой опасности не существовало, общее возмущение приняло формы демонстрации. Наиболее внушительной была овация, сделанная на одном из заседаний междупарламентского конгресса мира, членами коего были пять депутатов только что разогнанной Думы. Печатью всего мира было отмечено крупное международное значение речи председателя конгресса и первого министра Англии Кемпбелль-Баннермана, законченной возгласом:

«La Douma est morte, vive la Douma!» *

Николаю наносилось оскорбление действием на виду цивилизованных стран и лицом, высокое положение коего исключало возможность игнорирования. Тогда же возникла и мысль о посылке в Россию особой делегации с приветственным адресом от представителей английских палат, печати и общества.

«Мы, члены парламента, представители муниципальных и просветительных учреждений и другие британские граждане, — говорилось в адресе предполагавшейся делегации, — желаем,

* Дума умерла, да здравствует Дума! (фр.).

ввиду закрытия первой сессии первого русского парламента, передать ему выражение наших симпатий и уважения. Наша собственная история научила нас той истине, что только представительный образ правления и гражданская свобода суть единственные надежные основы, на которых могут покоиться национальный прогресс и народное благосостояние. Полные добрых пожеланий по отношению к России, мы следили с живейшим интересом и горячими надеждами за созданием Думы и за ее борьбой за власть. Мы научились преклоняться перед гением русского народа. Сердца всех мужественных людей были тронуты зрелищем его героизма, его жертв и страданий, претерпленных им в его долгой и тяжелой борьбе за свободу. Мы надеемся, что в недалеком будущем свобода восторжествует в России и тогда наконец сделается возможным для народов Англии и России оформить ту дружбу, которая соединит их, — дружбу, основанную на общности идеалов, культуры, опирающейся на мир».

Само собой разумеется, что прием делегаций мог вырасти в грандиозную демонстрацию оппозиционности русского общества и, того больше, его ненависти к правительству и царю. Воздействовать на английское правительство было невозможно, ни по очевидной его симпатии к Думе, ни вследствие исключительной неспособности русского посла в Лондоне графа Бенкендорфа. Поэтому оставалось прибегнуть к помощи черных сотен, благо это было и привычно для правящих сфер, и симпатично царю. Стимулировать негодование якобы оскорбленного в своих чувствах народа стоило ровно столько, сколько стоили телеграммы, посланные из разных городов по данному из Петербурга сигналу. Погромная практика этих патриотов ручалась и за то, что при благосклонном нейтралитете полиции прием английской делегации мог повлечь за собой избиения и во всяком случае скандал. Идти навстречу таким явлениям значило профанировать самую идею приветствия, по существу глубоко мирную, и официальный приезд англичан не состоялся¹.

Непристойный гвалт черносотенной прессы опьянял вдохновителей, и они под конец дошли до такой наглости, что начали рассылать телеграммы коронованным особам, требуя самых странных вещей: так, императору Вильгельму послан был приказ не принимать графа

¹ Приезжали только трое представителей Англии, вручившие адрес Муромцеву на вечер у председателя кадетского клуба.

Витте и т. п. Европа становилась, таким образом, не только свидетельницей, но как бы и участницей происходивших в России кликушеских выходов приверженцев абсолютизма, купленных за небольшие, в сущности, деньги. Эти выходы трепали царское имя, как никогда не трепали его самые крайние революционеры, и никто не способствовал в такой мере крушению династического и даже монархического начала в русском народе, как их защитники. Всего плачевней было в то время поведение признанного за официоз «Нового времени», которое, в сотый раз изменив свое направление, начало издеваться над прогрессивною частью общества и подводить идеологическое основание под преступную деятельность «Союза русского народа» и родственных этой партии организаций.

Общее настроение продолжало, однако, оставаться неопределенным и тревожным, и, несмотря на решительность действий, ни правительство, ни Николай не чувствовали себя прочно. В Петергофе, даже не шутя, готовились к бегству в случае всеобщего восстания, и на рейде долго спустя после 8 июня все еще болталась какая-то флотилия нерусского происхождения и службы. Атмосфера Двора не могла быть веселой, как и всегда, впрочем, и в ней трудно было зародиться трезвым и продуманным государственным актам. В области же чувства нетронутые культурой представители царствующего дома и во главе их необразованный и ленивый Николай могли склоняться лишь к крайним, всегда грубым и часто пахнущим кровью решениям.

Здесь абсолютно отсутствовали не только минимальная доза любви к родине и народу, но и самая элементарная национальная гордость. Довольно сказать, что не постеснялись преподавать официозу «России» мысль припугнуть общество иностранным вмешательством в русские дела. Глубокое негодование было ответом на эту недостойную выходку, ответом через головы влиятельной камарильи самому царю, не понимавшему, вероятно, степени своего падения в глазах народа. Одно было хорошо в этом акте русской драмы, что характеры персонажей окончательно обозначились и будущие их поступки и взаимоотношения обрисовывались с достаточной полнотой. Предстояли еще долгие годы борьбы, и учет сил был более, чем когда-либо, необходим. Сил моральных, так как грубая, физическая сила оставалась по-старому в руках Николая и его правительства.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Междудумье.— Переговоры с мирнообновленцами.—
Визит Н. Львова к царю.— Убийства Герценштейна и Иоллоса.—
Казанцев.— Восстание в Кронштадте и Свеаборге.—
«Память Азова». — Казни начинаются.—
Взрыв волнений в армии и деревнях.— Террор усиливается.—
Аптекарский остров.— Граф Игнатъев.— Генерал Павлов.—
Фон-дер-Лауниц.— Замешательство властей.—
Седлецкий погром.— Полковник Тихановский и жандарм Петухов.—
Награды и следствие.— Общественное мнение о погроме.—
Столыпин невозмутим.— Презрение к нему распространяется.—
Военно-полевые суды.—
Как крушится просьба о помиловании приговоренного к смерти.—
Разлагающее влияние полевых судов на армию.—
Казни без суда в Варшаве и генерал-губернаторская власть.—
Экспроприации.— Ограбления поездов.— Анархия.—
Озлобление умеренных буржуазных кругов.—
Кризис промышленности и финансов.—
Досадное разложение оппозиции.— Разочарование рабочих кругов.—
Заигрывание с армией.— «Семеновцы, дорогие мои!».—
Россия переходит фактически к федерально-анархическому строю.

Наступил критический для Столыпина момент. Нужно было и конституционный декорум соблюсти, и контрреволюционерам некоторую волю дать, чтобы самому удержаться на месте. Лавировать между такими противоположными позициями было бы не под силу и самому Макиавелли, не то что его российским подражателям. Вот почему смехом была встречена попытка Столыпина заручиться согласием нескольких общественных деятелей войти в состав его кабинета. Ни граф Гейден, ни Н. Львов, ни Д. Шипов не решились связать судьбу своих добрых имен с именем столыпинского кабинета и поставили условия, которые были неприемлемы для правительства, распустившего парламент, требовавший того же, то есть выполнения царем обещаний, данных 17 октября. Между тем отказ этих лиц толкал Столыпина в объятия самых крутых реакционеров, и обе стороны сознавали это, вот почему Столыпин и ввернул в сообщении о неудачном исходе переговоров фразу о том, что они прервались вне доброй воли договаривавшихся. Министр проговорился или, вернее, свалил вину на царя, который, разумеется, и слышать не хотел о каких-либо уступках, разве их вынудил бы новый взрыв революции. Для виду Николай принял у себя Н. Львова, человека настолько преданного монархизму, что ему приписываются слова: «Если бы этим можно было спасти Россию, то я не задумался бы пойти в «Союз русского народа».

Львов был потрясен аудиенцией. «Я ожидал,— говорит он,— увидеть государя, убито-

го горем, страдающего за родину и свой народ, а вместо этого ко мне вышел какой-то веселый, разбитной малый, в малиновой рубашке и широких шароварах, подпоясанный шнурочком»... (форма стрелкового батальона императорской фамилии, где Николай любит бывать и много пить, однажды он пустился даже вприсядку в присутствии солдат, оравших непристойные песни, среди поголовно пьяных офицеров).

Разговор соответствовал костюму и настроению. Львов в тот же день заболел нервным расстройством и долго не мог оправиться от свидания со своим идеалом. Царю не нужны были такие люди, они или казались ему жителями иных миров, или он издевался над их идеализмом и искренностью, чуждый этим понятиям от природы. Ему понятней, милей были рассказы Лауница о засеченных крестьянах и спаленных деревнях, а еще лучше — детали погромов и патриотических манифестаций.

В этом отношении ближайшие же к роспуску дни несли ему веселые развлечения. 18 июля был убит в Териоках депутат Герценштейн, и, как теперь установлено, убит членами той партии, к которой и принадлежал сам царь, не понимавший неприличия партийности для монарха. Позднее, когда убили Иоллоса, тоже члена I Думы и друга Герценштейна, выяснилась и система этих убийств, где не брезговали никакими средствами, чтобы уничтожить кого-нибудь из мирных деятелей. Так, убийца Иоллоса, Казанцев, воображал, что действует по постановлению

революционного комитета и что Иоллос был черносотенцем. За этот обман Казанцев впоследствии отплатил убийством же одного из своих вдохновителей.

Вообще в террористической деятельности союзников отсутствовал единственный моральный мотив — убеждение в нужности радикальных действий, так сказать террористическая честность, но этого качества не было, как видно по всем поступкам царя и его правительства, и в центре правления. Оттуда исходили акты, имевшие всю разрушительную силу террора и бесчестные по своей внутренней природе. Наряду с ними самые бесчисленные и кровавые страницы последующих за роспуском Думы недель являются в ореоле героизма, самые зверские детали восстаний бледнеют перед хладнокровием, с каким на виду Петергофа расстреливали мятежников, погружая потом их тела в воды залива, плескавшиеся и у ступеней Монплезира, одного из царских увеселительных домиков.

Восстания в Кронштадте и Свеаборге, следовавшие одно за другим почти без перерыва, были неудавшимся сигналом к мятежу всех русских крепостей и всего флота. Неудавшимся не потому, что начались преждевременно, а, потому, что во главе их стояли несведущие люди,

*Владимир Набоков,
член I Государственной думы,
один из вождей партии «Народной свободы» («выборжец»)*

*М. М. Винавер, член I Государственной думы,
председатель Общества
для достижения полноправия евреев*

что среди офицеров было только ничтожное число лиц, способных к риску, что разобшение офицеров и нижних чинов есть теперь неизбежное явление во всех армиях как последствие введения всеобщей воинской повинности. Явление это губительно отзывалось на современных войнах, но полезно для правительств, боящихся революции. Так и вышло, что мятеж флота выразился в спорадических вспышках, показав озлобление матросов, трусость офицеров (повальное бегство с «Памяти Азова» при первом намеке на бунт) и отсутствие координации действий. Зато казни, которые начались тотчас вслед за подавлением мятежей, рисовали озлобление правительства, его храбрость в совершении безнаказанных убийств и организованность репрессий.

То же разложение начинало замечаться и в деревне. Лишившись надежды на Думу, крестьяне охотней поддавались крайней пропаганде, следствием чего было учащение поджогов усадеб, а следовательно, и карательных

ответов власти. Обоюдное озлобление создавало еще более страстную обстановку, чем это было в худшие месяцы додумской революции, и естественным результатом оказалось необычайное развитие террора. Словно эпидемия уничтожения охватила людей, вчера еще не помышлявших о том, что сегодня руки их должны обогреться кровью своих ближних.

Ряды более или менее профессиональных террористов начали пополняться случайными людьми, зачастую молодежью, почти детьми. Техника приготовления всяких разрушительных веществ и снарядов, следуя закону спроса и предложения, пошла таким ускоренным темпом, что вскоре всякий мог домашним способом изготовить снаряд любой силы. Уследить за всеми такими лабораториями было невозможно, а потому и жертвы террора стали почти повседневным явлением. Месяц спустя после роспуска Думы сам Столыпин едва не попал в их число. Его дача на Аптекарском острове была полуразрушена страшным снарядом, заключенным в портфель переодетого жандармом террориста, шедшего с тремя товарищами на верную гибель. Здесь было много случайных жертв, и не слыханное еще покушение заставило предположить, что самый террор подвергся эволюции: родился максимализм.

В ту же зиму были убиты один за другим: генерал Павлов, главный военный прокурор, граф Игнатьев, глава камарильи, генерал фон-дер-Лауниц, петербургский градоначальник, — все излюбленные Николаем люди. Как и раньше бывало в подобных случаях, правительство растерялось и готово было опять идти на уступки. Но теперь нельзя уже было рассчитывать на общественное доверие, довольно было обманов, и, быть может, только эта безнадежность и заставила власть воздержаться от нового заигрывания с народом и направила ее действия в сторону сугубой репрессии. Выход был спасителен, хотя бы и временно, так как общество еще меньше могло строить свое благополучие на терроре, чем бюрократизм на уступках.

Весь период между первыми двумя Думами, период тем более интересный, что впервые самодержавие восстанавливало себя под конституционной вывеской, можно рассматривать как битву крайних элементов государства, битву тем более ожесточенную, что обе стороны обладали последними новинками военной техники и, отбросив все правила и законы войны, вцепились друг другу в горло. Тревожно оставалось положение армии, где мятежи перемалывались из одной части в другую и где не было ни одного вполне верного полка. Нужно

А. Петражицкий, член I Государственной думы, выдающийся правовед, умеренный кадет («выборжец»)

было лечить ее героическими средствами: снова полетели прокламации Богдановича, царского друга, снова нашлись командиры, взявшие на себя организацию погрома.

Место найти было легко — любой город в черте еврейской оседлости подходил для этого. Выбрали Седлец. Полковник Тихановский, начальник местного гарнизона, вел приготовления к погрому так открыто, что жандармское отделение могло следить за каждым его шагом и доносить Столыпину. Поэтому министр никак не мог отговориться неведением, да и передача властью гражданской своих полномочий Тихановскому была заранее известна в Петербурге. Погром с начала и до конца был чисто военным, кровавым пиром. Как всегда, не было ни одного убитого солдата и сотни убитых или раненых евреев и других горожан, ни одного ограбленного военного и расхищенные магазины. Ни одного возгласа против царя, следившего с жадностью каннибала за перипетиями погрома из далекого отсюда кабинета, и звуки гимна, портреты и хоругви, какими это избиение прикрывалось в надежде, что хоть одна пуля попадет в изображение полковника с невинными, тускловатыми оча-

ми. Впрочем, когда нужно было провоцировать погром, полицейские револьверы и ножи служили уничтожению эмблем еще лучше бундовских (кстати сказать, бессмысленность таких оскорблений была слишком очевидна, что бы кто-нибудь из революционеров шел на них).

Жандармский офицер Петухов составил правдивое описание седлецкого погрома, ныне оглашенное в печати. Для вида было назначено следствие, но не могли утерпеть, и раньше, чем следователь мог взяться за свое перо, последовали высочайшие и более мелкие благодарности войскам Седлецкого гарнизона, награды Тихановскому и его товарищам по погрому, все дело предстало в своем естественно-безобразном виде и вызвало не только единодушное осуждение в Европе, но и некоторые деловые напоминания ее правительств и особенно банкиров, после чего погромы словно отрезало. И мы полагаем, что в ближайшее время они невозможны. Одесса держалась дольше, благодаря тому что ее губернаторы не стеснялись, подобно ялтинскому сатрапу Думбадзе, действовать как бы от имени царя, но и там погромы начали затихать к концу этого бурного периода.

Столыпин оставался невозмутим, лишенный чувства человечности и в рабском пресмыкании перед монархом видящий как бы providentialное назначение русского дворянина, он все более замыкался в кругу скрытых и явных погромщиков, и все дальше отходили от него сколько-нибудь порядочные люди. Презрение к нему становилось все шире, пока он не начал терять престиж свой и в дворцовых сферах. Обычный результат беспринципной, себя не уважающей деятельности. От переговоров с мирнообновленцами (отделившись от октябристов, граф Гейден, князь Е. Трубецкой, М. Стахович и другие образовали партию «Мирного обновления») до учреждения постоянных полевых судов путь Столыпина был очень короток.

Смертная казнь в какие-нибудь два месяца настолько популяризировалась, что перестала устрашать даже простых воришек. Негодование общества, однако, росло и в известных письмах Льва Толстого навсегда получило свое закрепление. Но нельзя не признать, что с годами и общество как бы притерпелось к виселицам, и протест против казней из крика души обратился в отвлеченную проповедь. И тут, в самом остром, пробном для человеческой совести вопросе помилования приговоренных к смерти, Николай и Столыпин оказались достойными друг друга, своего рода «Робертом и Бертрамом». Николаю не хотелось получать изюда в день просьбы о помилова-

нии, никому не приятно вечное напоминание о его порочных привычках. Поэтому он сложил единственную драгоценность царей — право миловать — на Столыпина, а тот был так жесток и груб душой, что принял это право с предвзятой мыслью не пользоваться им.

Вот чем объясняются систематические отказы на просьбы бесчисленных русских *morituri** и безнаказанность генерал-губернаторов, введенных типический для русской реакции институт административной казни. Для видимости каждая просьба о помиловании совершала цикл по канцеляриям, а Столыпин покойно отвечал на мольбы и запросы, что «не от него зависит отказ». Он становился как бы наемным убийцей, безнаказанность которому гарантировалась. Иметь во главе правления такой дуумвират — царя и Столыпина — для страны значило быть обреченной на вполне самодовлеющую реакцию, что она и испытала в последующие годы. Лишенная творческих сил, погруженная в крови, разврате и казнокрадстве, реакция эта вносила *à la longe*** немалую дозу разложения и в далеко отстоявшие общественные и политические сферы, и в этом, быть может, лежит разгадка и ее жизненности. Всякое движение пресса несло с собой и немедленный эффект в виде ли трупа или сосланного, забитого, оштрафованного, и залог будущего в виде ослабления всех связей общественного организма.

Армия начала разлагаться первой, потому что ее офицеры входили в полевые трибуналы, а солдаты были постоянными и дешевыми палачами на службе этих трибуналов. Правда, за самими палачами нужно было иногда присматривать, так, в Варшаве, потом в Риге были случаи, когда за расстреливающими взводами ставились роты других полков, чтобы стрелять по своим товарищам в случае отказа их от экзекуции. В Варшаве вообще казни получили особое развитие, так как к беспощадному местному военному и военно-полевому суду присоединялась еще инициатива столь же беспощадного генерал-губернатора Скалона.

Это именно ему, а потом московскому генерал-губернатору Гершельману принадлежала счастливая мысль о бессудных казнях. По единоличному решению Скалона без тени предварительного следствия казнены были за время его начальствования шестнадцать человек. Гершельман велел повесить троих, отменив единоличной властью решение полевого суда, коим эти люди были приговорены к каторге. Не это, впрочем, удивительно, реакция так же

* Идущие на смерть (*лат.*).

** На аркане (*фр.*).

склонна к эксцессам, как и революция, а то, что долго спустя, когда уже и самый пыл у палачей миновал, сенат, высшее судилище, цитадель беспристрастия, нашел бессудные казни действиями закономерными. Вот когда реакция принесла худший из ее обычных плодов. Но и здесь царя не миновала участь самодержцев — отвечать морально за всех мошенников, его окружающих. Сенат нашел, что один из параграфов исключительного положения дает право генерал-губернатору принимать всякие меры, предусмотренные законом, лишь бы о том было «известно Его Императорскому Величеству». Сатрапы доказали, что они свое временно доносили царю, и таким образом открылся новый вид убийств, небывалый и во времена Ивана Грозного. За Николаем незаметно укоренялась кличка «кровавого», пока услужливый Пуришкевич не закрепил ее с думской трибуны.

Тем временем ценность человеческой жизни понижалась с той же быстротой, как и ценность государственной ренты. Максимальное наказание вызывало максимализм и в чисто уголовной области, если человека казнили за ограбление одного рубля, одной бутылки водки (факты), то уж лучше было ему запастись

А. Венедиктова, казненная по подозрению (!) в участии в кронштадтском военном мятеже в 1906 году, так как случайно находилась там в дни мятежа. Повешена беременной.

З. В. Конопляникова, убившая генерала Мина; казнена в 1906 году.

парой бомб и товарищей и взорвать железнодорожный поезд, банковскую контору, почту, казначейскую карету и т. п. ...Экспроприации стали принимать гомерические размеры, превосходя самое пылкое воображение авторов уголовных и сыщических романов.

Образовались многолюдные шайки, сплоченные дисциплиной и богато снабженные полевыми телефонами, сигнальными аппаратами, чуть ли не оркестрами трубачей. Жить или служить на станциях, в банках и больших магазинах сделалось так же рискованно, как в Техасе полвека тому назад. К обычным жертвам террора стали присоединяться ни в чем не повинные граждане, пока число их далеко не переросло в синодиках убитых числа служащих. Водворялась худшая из анархий, и было время, когда даже тень законности исчезла с лица некогда могущественной империи. Буржуазные классы должны были бы первые озлобиться и всецело перейти на сторону правительства, можно даже предполагать, что оно было на это, донельзя отвлекая полицию больших городов к чисто политическим функциям. Но расчет не оправдался. Злоба была на

Генерал Гершельман, московский генерал-губернатор и палач, приказывавший казнить людей без суда. Любимец царя, против которого и Столыпин ничего не мог сделать. Покушение на Гершельмана не удалось.

экспроприаторов и такая же на правительство, ему как бы говорили: «Думы, стеснявшей вас, нет, деньги и солдаты есть, законы новые хоть ежедневно издавайте в порядке 87-й статьи, основных законов, а где же порядок? Чья жизнь, чья честь, чье имущество обеспечено в вашем царстве?»

С каждым днем правительство теряло сторонников, царь — монархистов. С каждым месяцем русская промышленность погружалась все глубже и глубже в полосу кризиса. С каждым полугодием заботы министра финансов возрастали, преддумский засм таял в карательных отрядах, генерал-губернаторствах, черносотенных субсидиях и тому подобных «полезных» для государства мероприятиях. Но ни курс бумаг, ни остановка жизни не пугали так правительство, как организованность оппозиции. И самые ухищренные меры принимались к ее распылению.

Во время Думы обострению отношений между кадетами и социал-демократами много

способствовали Азеф и его товарищи по двойной службе — Николаю и революции. После Думы пригодились исключительные законы, снова загнавшие в подполье все, что стояло левее кадет. Кадет уже изгоняли систематически отовсюду, чуть не с частной даже службы. В результате усиленная травля и привела к тому, что оппозиция разбилась, разбрелась по своим углам, занялась домашними делами, притаилась до лучшего времени. Вышло, что разлагавшееся правительство было крепче организовано разлагавшейся общественной массы, что сила его была в бессилии народа.

Рабочие круги, всегда шедшие в первых рядах освободительной армии, были разочарованы в своих вождях, скомпрометировавших себя со времени повторных мятежей, как последние стачки потеряли сцепление, сделались случайными. Армия революции разбивалась на партизанские отряды, и шайка чиновников разбивала их поочередно, все более опьяняясь победой, все глубже запуская щупальца репрессий. С подлинной же армией начиналось сверху небывалое еще заигрывание. Не говоря уже о материальных подачках, улучшении пищи, одежды, казарм или о смягчении условий службы, но и в самом отношении начальства, и особенно царя, сказалась яркая перемена.

Все делалось открыто с цинизмом людей, прижатых нуждою к стене. Части гвардии вызывались одна за другой в царскую резиденцию, Николай выходил к солдатам, неизменно неся на руках наследника, проделывая весь ритуал взбадривания патриотических чувств, передавая малютку на руки какого-нибудь старого вахмистра, снимаясь в общей группе с офицерами, угощая солдат чаем. Одновременно изобретались для них всевозможные жетоны, медали, крестики и другие знаки отличия, всегда за подавление чего-нибудь. Наконец, совершенно отмякнув душой при виде семеновцев, от которых единодушно отвращались взоры его подданных, царь воскликнул в конце своего обращения к ним:

«Семеновцы! Дорогие мои!!!»

Семеновцы должны были прослезиться, но месяц спустя офицеры этого полка уверяли, что не только пропаганда среди их солдат существует, но и предотвратить ее они бессильны. Несколько позднее командир этого полка Мин был убит Коноплянниковой.

Таким образом, и здесь не было ничего верного, анархия доползла до самого трона, а Россия с ее генерал-губернаторствами переходила, в сущности, к федеральному строю. Все запуталось, закружилось в бешеном вихре беззакония и репрессий.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Выборы во II Думу. — Сенатские разъяснения. —

Переход к «европейским» порядкам. —

Открытое давление администрации обличается повальным устранением прогрессивных кандидатов. — «Выборжцы». — Состав их преступлений. —

Снятие бойкота с Думы левыми партиями и одновременное обострение отношения их к кадетам. —

Почему все нападали на кадет. — Результат выборов. —

Дума левее. — Безнадежное положение чиновничества.

Распуская Государственную думу, правительство прекрасно сознавало, что настроение избирательной массы не может сколько-нибудь заметно измениться, а последовавшие за сим события указали, что если и произошло изменение, то в сторону радикализма. Между тем в манифесте 9 июля царь обязывался созвать II Думу по старому избирательному закону, и, при всей беззастенчивости чиновничества, неудобно было менять этот закон без особого повода.

Перспектива получить еще более оппозиционную Думу улыбалась тем менее, что в период бездумья правительство опять начало привывать к самовласти и бесконтрольности и впереди как бы светился уже отрадный идеал — реставрация самодержавия. Нужно было изобрести коррективу к старому избирательному закону, а за такими изобретениями дело в Петербурге никогда не стояло. Несмотря на царское же обещание расширять круг избирателей понижением цензовых требований и введением в политическую жизнь новых классов населения, кабинет Столыпина вошел в соглашение с сенатом, и это продажное учреждение охотно приняло на себя роль, которой в благоустроенном государстве погнушалась бы сыщицкая контора. Сенат взялся «разъяснять» избирательный закон, и вот сотни тысяч избирателей полетели из списков, как пыль под щеткой усердного лакея, вместо расширения прав, получилось планомерное сокращение демократического избирательского слоя и соответственное усиление дворянско-поместного. Всех «разъясняли», и русский язык обогатился новым словом, означавшим отныне всякое изгнание, увольнение от службы и тому подобные беды. Шулерский прием был употреблен в удачный момент — протесты общества были платоничны, не представлялось ведь никаких средств парализовать действие сенатских разъяснений. Отсюда перекидывался мост к тем «европейским» порядкам, о которых с такой завистливой досадой писал Николай в своей пометке на виттевской просьбе об отставке. Нечего было даже инструктировать губернато-

ров и председателей кассационных избирательных инстанций: как оголодавшая стая гончих, они и сами накинулись на избирателей, забыв все охотничьи правила, хватая зубами направо и налево, нагло издеваясь над самыми ясными указаниями закона.

Привычное сервилистическое ухо ловило с полуслова, с простого намека угодное в Царском Селе, и царь покрывал своей мантией новое беззаконие, как делал это неоднократно и до и после периода бездумья. Ему и в самом деле казалось, что он наводит европейские порядки, но они столь же напоминали Европу, сколько водка, ввозимая к дикарям, является цивилизующим фактором в руках авантюристов и купцов. Дикарями были, понятно, администраторы, так как народ прекрасно понимал свои интересы и еще в первую избирательную кампанию показал себя достаточно зрелым для использования благ представительного строя.

Открытое давление правительства облегчалось еще и тем обстоятельством, что наиболее опасные кандидаты в Думу были устранены от выборов, как привлеченные к суду за выборгское воззвание. Если откинуть сто крестьянских депутатов да тридцать «польского кола», тактика которых заранее была известна и безвредна, то две сотни кадетского большинства являли собой такую силу, против которой и сенатские разъяснения оказались бы бессильными, если б не пришел на помощь выборгский процесс. Правда, неуспех возвания давал в руки левых партий, бойкотировавших I Думу, солидный козырь для избирательной борьбы, но увеличение радикального крыла Думы не могло входить в расчеты Столыпина, и для него легче было пойти на риск — уничтожить центр за счет усиления флангов, из коих один, правый, был бы на стороне правительства.

Здесь не место для разбора степени основательности привлечения авторов выборгского возвания к суду. И в специальной, и в общей прессе достаточно убедительно было доказано, что за преступление, совершенное на финляндской территории, нельзя было судить

Выборгский процесс. Обвинитель — прокурор Зиберт.

За успешное проведение процесса ему было обещано место в Петербурге; привычный алкоголик, в состоянии запоя стрелявший из пистолета по людям, принимая последних за привидения. По наущению Камышанского начал речь с анекдота о том, будто бы Муромцев открыл в Выборге заседание словами: «Заседание Государственной думы продолжается». Остановленный криками: «Ложь, неправда!», сбился с тона, скомкал речь и места не получил.

на русской. Наконец, отсутствовал и согрus delicti * — оригинал воззвания (хранящийся, впрочем, и теперь на самом виду правительства весьма просто), и были только неясные указания на распространение воззвания двумя-тремя депутатами. Организовать при таких условиях судилище было нелегко даже и для Щегловитова, похвалившегося с думской трибуны необязательностью для него законов.

С трудом подыскивали следователя, согласившегося вести следствие, и, так как он был в отпуску, написали приказы задним числом. Из провинциального суда пригласили алкоголика-прокурора Зиберта, которому обещали

место в Петербурге, если он возьмется обвинять выборжцев. Один председатель судебной палаты, Крашениников, готов был от души приняться за остатки первого парламента, угнетенный тем, что кое-кто из его семейных был осужден за политические преступления. На депутатах вымещалась досада за семейные неурядицы, и это было еще единственным объяснимым мотивом, во всем остальном дело шло под открытым флагом произвола и политического расчета, обманувшего, впрочем, относительно исхода выборов во II Думу.

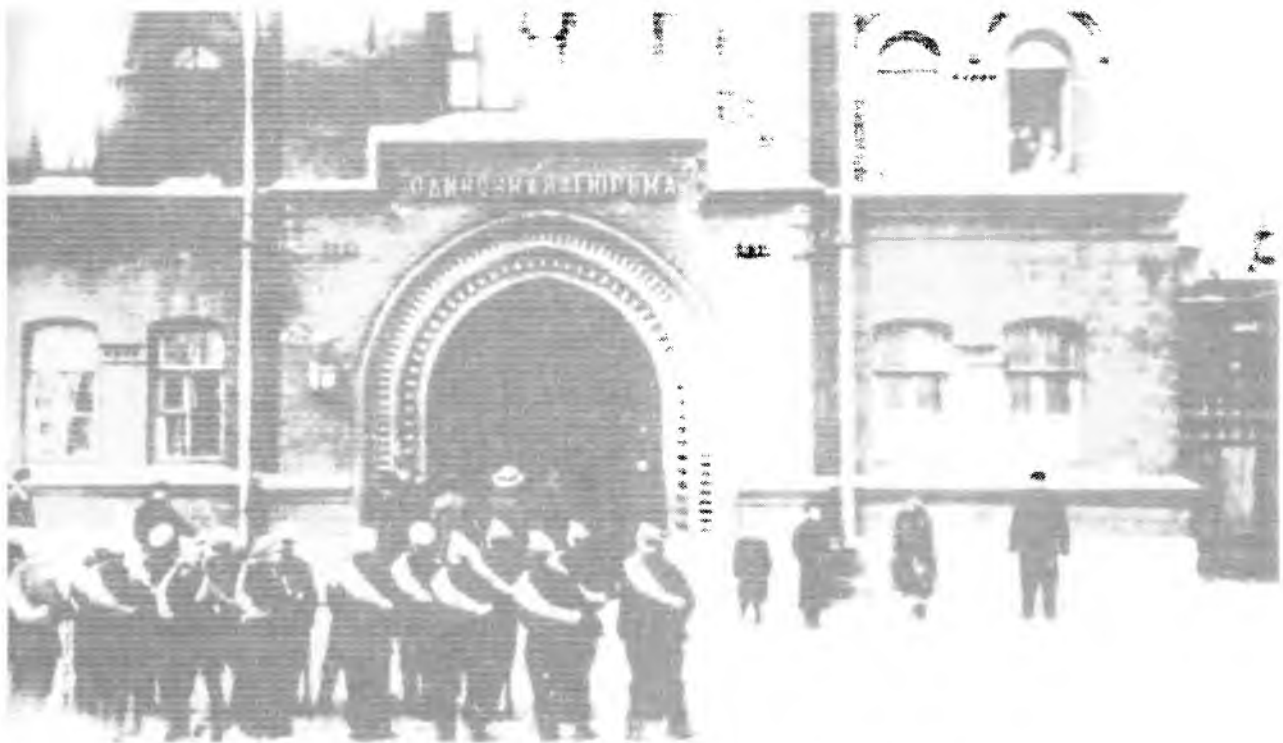
На самом процессе мы больше не останавливаемся и возвращаемся к выборам. Для крайних левых урок, данный бойкотированием I Думы, не пропал даром. Хотя политика правительства, создавшего вокруг бывших депутатов ореол страдания, и не позволяла использовать левым промаха, сделанного воззванием, они не могли не рассчитывать, что радикальные взгляды должны были быть еще очень живы в неуспокоившихся рабочих массах. И действительно, социал-демократы, сняв бойкот с Думы, получили там значительно большее число мест, нежели при выборах в первую.

Победа не могла быть истолкована как результат падения кадетского престижа и объяснялась вышеуказанными действиями правительства. Но и левым, и правым хотелось выставить ее именно в таком свете, поэтому отношение к кадетской программе начало так же быстро и неосновательно обостряться, как и отношение к кадетской тактике. Между тем если и был драматизм в этой стадии освободительного движения, то он заключался не в соответствии программы и тактики прогрессивного интеллигентского большинства, а именно в их противоречии.

Правительство было по-своему право в своей злобе, ибо программа была жизненна, гарантировала тот Existenzminimum * политического существования, который одновременно был моральным ядом для чиновничьего строя. Меры его поэтому сводились не к тому, чтобы ослабить кадетскую тактику, а уничтожить, по возможности, самую партию. С другой стороны, левые должны были бы радоваться слабости кадетской тактики, обесценивавшей достоинства программы, но они предпочитали нападать на программу, невольно выдавая этим свое слабое место, опять же оказывалось, что требования кадетов были минимальны, осуществимы и должны были популяризироваться с каждым новым промахом справа и слева, правило «минимум программы и максимум тактики» выполнялось в это время

* Вещественные доказательства (лат.).

* Прожиточный минимум (лат.).

«Выборжцы» в тюрьме. Члены I Думы садятся в тюрьму в Петербурге.

одним правительством, программы не было никакой, а казни учащались с каждым днем. В борьбе Столыпина с революцией кадеты были неприятными свидетелями, да, впрочем, обе стороны начинали в то время сознавать, что результатом их борьбы только и может быть взаимоуничтожение и что хотя бы и временно, но опустевшим полем овладеют те умеренные общественные круги, мимо которых на верхнюю ступень государственного развития все равно не пройти. Очевидно, что ненависть к людям, не принимавшим участия в бою и начинавшим покойно выжидать его исхода, должна была усилиться.

Таким образом, через всю эпоху бездумья проходит доминирующая цель — ослабить, распилить мирную оппозицию, а непокорную легко было донять армией и полевыми судами.

Результаты выборов во II Думу были для правительства, пожалуй, еще более неожиданными, нежели в первую. Дума резко полевела. Исключенные из избирательных списков умеренно-либеральные члены бывших «Союза освобождения» и земских съездов заменены были менее известными, но более радикальными представителями образованной демократии. Рабочие, впервые участвовавшие в кампании, торопились наверстать упущенное в 1906 году и послали самых махровых пред-

ставителей российского социализма — превосходный материал для провокации Азефов. С Кавказа снова приехали революционеры. Партия народной свободы была отброшена в зале заседаний вправо и очутилась в незавидном соседстве с правыми, среди которых чернели фигуры Пуришкевича, Крушевана и других представителей черносотенства, столь прославившегося потом своей тактикой в III Думе.

Можно было рассчитывать на ряд скандалов, на расслоение голосов при обсуждении злободневных запросов, но на совместную работу с этой Думой правительство было еще менее способно, нежели с первой. Впрочем, миф об этой «совместной работе» был давно рассеян. Более откровенные люди из правительственного лагеря сами не скрывали этого. Так, Гурлянд, способный и честолюбивый, но совершенно беспринципный человек, из профессоров Ярославского лицея попавший в редакторы официальной «России», сам говорил: «Какая там совместная работа! Ни бюрократизм, ни царь не могут существовать одновременно с Думами, кто-нибудь должен уступить путь, погибнуть в борьбе, я хорошо знаю, что погибнут в конце концов мои хозяева, но я нанялся их защищать и сделаю все возможное, чтобы продлить дни их жизни».

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

II Дума.— Начало эры парламентских скандалов.—
Их подкладка и вдохновители.— Субсидирование скандалистов.—
10-миллионный фонд.— Прошлое некоторых скандалистов.—
Зурабовский инцидент.— Придирка правительства и союзников.—
Открытая подготовка разгона.—
Создание легенды о заговоре против царя.— Разгон.—
Конфуз правительства.— Торжество черных сотен.—
Народ безмолвствует.— Переворот 3 июня 1907 года.
Новое положение о Думе.— Наивность правящих.

Уже первое заседание II Думы давало представление о будущей ее физиономии. Председатель Головин собрал 356 голосов из 458, правые почувствовали свою силу. Эру скандалов открыли, однако, не люди, а сам Таврический дворец. Словно в отчаянии от созерцания происшедшей с Думой перемены, потолок залы заседаний рухнул в самоубийственном порыве незадолго до четвертого заседания парламента, вся короткая жизнь коего была рядом провалов. По суровой иронии судьбы были разможены места оппозиции, преимущественно кадетов, но только в пылу негодования можно было заподозрить здесь, как сделали иные из членов Думы, адское покушение на жизнь оппозиции, которая еще не расписывалась устами своего лидера Милюкова в своих чувствах к Его Величеству, а была оппозицией Николаю и его министрам.

Дума горячо принялась за дело. Продовольственный вопрос, помощь голодающим, законопроект об отмене военно-полевых судов, аграрное законодательное предложение, роспись государственная и другие неотложные дела были одновременно пущены в ход, но как раз работоспособность парламента и не нравилась правительству. Не будучи в состоянии конкурировать с ним на этом поприще, кабинет изыскал лучшее приложение своим действительным наклонностям и занялся наускиванием крайних фракций против центра. Интерpellации давали для этого богатую почву. Бессудные казни, совершенные московским генерал-губернатором Гершельманом, избиения в акатуйской каторжной тюрьме, насилия над мирными гражданами в Камышине, Ланчухтах и других городах, наконец, избиение депутата Сигова и многих других в городе Красноуфимске — все это были охапки жару, который подбрасывался кочегарами правительства под ненавистный ему котел парламентаризма, чтобы он скорее взорвался. Истязания в рижской тюрьме, приведения к расстрелу солдатами заключенных в камерах арестантов, причем ружья покойно просовывались в решетки дверей,

за которыми в паническом страхе жались заключенные, дали повод царю написать на докладе министра: «Молодцы конвойные, не растерялись».

Подобные выходки не могли не влиять еще более раздражающе на общую атмосферу, и это было только выгодно Столыпину и солидарной с ним камарилье. Подогревали всякого сообразно с его темпераментом. На заседаниях крайних левых ораторствовал Азеф, издеваясь в душе над наивностью аудитории и ее бездарного лидера депутата Алексинского, крайних правых можно было купить за деньги и субсидии, которые под разными видами давались и обещались щедрой рукой. Фонд, «употребление коего известно Его Величеству», как говорится в легальном титуле росписи, был теперь производительнее расходуем, нежели раньше, когда из него черпали одни дворцовые и министерские проходимцы. Впрочем, их думские конкуренты не были церемонней, прошлое многих из них соприкасалось с уголовным кодексом, других бивали по физиономиям, третьи только что оставили казнокрадство.

Таким людям не было ни малейшего дела ни до достоинства Государственной думы, ни до народного блага, ни даже до здравого смысла, не оставляющего ни одного вора и разбойника на рискованной работе. Здесь риск отсутствовал, и это разнуздывало самые низменные инстинкты. Дума впервые должна была применять 38-ю статью учрежденной Государственной думы к зарывавшимся скандалистам, так были удалены из залы заседаний депутаты Пуришкевич, Келеповский, Сазонович сразу на 15 заседаний, но Дума не одерживала такими мерами побед, напротив, она рубила сук, на котором держалась. Ее подстерегали на каждом шагу, и, когда депутат Зурабов позволил себе в закрытом заседании неуважительно отозваться об армии, правые и министерство подняли шум, явно бивший на резкий рефлекс думского большинства и разгон. В сущности, извинение, достаточно унизительное для Думы и принесенное ее председателем военному ми-

нистру, было уже началом конца ее *. В дальнейшем можно было почти не считаться с Думой, и оставалось только подготовить мотив к роспуску, не повторить ошибок, совершенных «по неопытности» в июле 1906 года.

В начале мая, среди разгара прений по аграрному вопросу, начинают носиться слухи о якобы раскрытом заговоре на жизнь царя. Слухи крепнут, проникают в Думу, и 7 мая 33 депутата вносят запрос по этому поводу; Дума после неопределенного (не все еще готово было) ответа Столыпина переходит к очередным делам. В тот же день она принимает запрос об обыске в квартире члена Думы Озоля и арест его, и с тех пор всякое спокойствие исчезает из Таврического дворца.

Сознание беспомощности перед надвигающейся провокацией обезоруживает самых стойких оптимистов. А тут, словно на смех, начинают проявлять разрушительную иници-

* О провокации против II Думы см. книгу Е. Д. Черменского «Буржуазия и царизм в первой русской революции». М., 1970. С. 403—408.

ативу и такие элементы, которые раньше робели выступать. В половине мая все священники, члены левых фракций, получили предписание своего начальства выйти из состава этих фракций. Это неслыханное издевательство над правами депутатов служило лучшим показателем непрочности Думы, и она ровно ничего не прибавила к своему существованию тем, что в тот же день, когда признала предложение синода не подлежащим своему рассмотрению, выразила так долго вынуждавшееся у нее порицание политическим убийствам и террору.

Тем временем правительство как бы нарочно подсовывало Думе законопроекты, бывшие в самые больные места русской жизни и заведомо неприемлемые. Так, в половине мая Дума должна была обсуждать законопроект об ответственности за восхваление преступных деяний в речи и печати, несколько дней спустя — об усилении ответственности за распространение среди войск противоправительственных учений и суждений и т. д. Дума отклоняла такие проекты, раздражая сферы и как бы по-

Петербург в день открытия II Государственной думы. Столкновение с полицией

*Г. А. Алексинский,
лидер с.-д. фракции II Государственной думы,
непримиримый враг правительства и близорукий политик,
ныне эмигрировал и потерял, вместе с партией,
влияние на ход освободительного движения.*

нуждая их скорее приступить к намеченному разгону.

И вот 1 июня Столыпин требует закрытого заседания, в котором предлагает Думе ни много ни мало как немедленно устранить всех членов социал-демократической фракции, а шестнадцать из них разрешить немедленно арестовать. Здесь снова Столыпин показал себя во весь рост, он прекрасно знал, насколько эфемерно все дело о заговоре на царя и кто стоял во главе этой жалкой провокации, все тот же Азеф; мало того, в руках министра давно уже находился новый избирательный закон, который нельзя же было составить за один день до опубликования (3 июня). Словом, Дума была просто схвачена за горло и задушена, как проезжий на большой дороге разбойниками.

При таких условиях можно ли было ожидать, чтоб она выдала часть своих членов? Это было бы и бесполезно, как бесполезно ожидать пощады грабителя, вынужденного убийством замести следы преступления. Дума снова показала полную лояльность, передав требование правительства в комиссию и дав ей самый

краткий срок для ответа. Но царь не стал дожидаться ответа, и 3 июня одним махом разогнал Думу и обнародовал новый избирательный закон, бывший, по признанию самих официозов, государственным переворотом. Как всегда, наряду с откровенными действиями — нарушением слова, данного 17 октября и торжественно подкрепленного 9 июля 1906 года, в манифесте красовалась и ложь, и столько же неумная, сколько и ненужная, о причинах роспуска второго парламента.

Но громкие фразы о покушении на драгоценную жизнь монарха решительно никого не умиляли, монархический принцип рушился в народе еще со времени I Думы, народ, как неорганизованная масса, не выступал и теперь активно, сознавая силу административного и военного аппарата и бессилие оппозиции. Ликовали одни черносотенные журналы, обязанные к тому субсидиями или замаскированными подачками.

Правительство настолько было наивно в под-

*Доктор Караваев,
лидер трудовой группы II Думы.
Убит в Екатеринославе во время выборов в III Думу
по наущению местных черносотенных кандидатов в Думу.*

готовке и выполнении переворота, что не озаботилось даже о муслировании народной радости по случаю раскрытия заговора. Поздравления поступали туго, церкви пустовали, повсюду чувствовался как бы конфуз от того, что, как говорит пословица, «не посмотрев в святцы, бухнули в колокол». Новым избирательным законом окраины России были почти лишены представительства в Думе, вместо принципа «Россия для русских» вводился принцип «Россия для чиновников и черносотенцев», самодержавие начинало вставать из гроба, пространство тот же гнилостный запах, с которым оно было похоронено в октябре 1905 года. Сделав главное — уничтожив либеральную оппозицию в палате депутатов и зажав ей рот вне стен Таврического дворца, — правительство наивно вообразило, что все теперь пойдет хорошо. Жизнь показала очень скоро, что вместо уничтоженной народилась оппозиция с другой стороны и что союз с черными сотнями не больше гарантировал жизнь чиновничеству, чем с революционерами. Наконец, само министерство должно было перенять у своих врагов чисто революционный метод действия.

*Священники Григорий Петров
и Константин Колокольников (к.-д. и с.-р.),
члены II Думы, ныне лишенные сана*

Трудовая группа II Государственной думы в своем партийном клубе

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Николай становится центром реакционного похода на народ.—
Личные симпатии. — Симпатии царицы. Орлов.—
Советы великого князя Владимира. — Опасность ссоры с родными.—
Неосведомленность. — Беспринципность.—
«Кормление» прежнего времени и современное взяточничество.—
Рассказы Коковцова.— Любезности по адресу полиции.—
Подъем полицейского духа.— Потакание войскам.— Новые формы.—
Интимная сторона царской жизни как предмет персудов в кордегардии.—
Преторианский полк. Ненадежность семеновцев и конвоя.—
Зависимость от охраны все растет.— Теперь, пожалуй, не щекотно.—
Растет и общее озлобление, направляемое на личность Николая.—
Алкоголизм. — Карикатуры.

Еще со времени диктатуры Трепова, при котором министр внутренних дел Булыгин не больше значил, чем какая-нибудь архивная крыса, было хорошо известно о существовании второго правительства, не совпадавшего вполне ни с явным, ни с камарильей. Это было правительство погромов, провокаций, белого

террора. Достаточно изобличенное I Думой, оно не думало складывать оружие, ибо ничто не указывало на перемену в настроении и симпатиях Николая, возле которого группировались высокопоставленные погромщики.

Да и не одни высокопоставленные. Со свойственной всем Романовым памятью на фами-

Бессарабские черносотенные депутаты. Члены II Государственной думы от Бессарабской губернии, гнезда черносотенцев и скандалистов II и III Дум.

Сидят (слева): Пуришкевич, Крупенский, Демянович, Синаидино, Крушеван — все неоднократно отличались дикими выходками и стремлением к кулачной расправе с политическими противниками.

лии царь при представлениях губернаторов прежде всего осведомлялся, в добром ли здорье пребывали его друзья. Ярославский губернатор Римский-Корсаков, союзник, всегда, например, передавал Кацаурову, местному устроителю погромов, о том, что «Его Величество изволил о Вас осведомляться». В Москве были: Грингмут, Ознобишин, Восторгов, в Почаеве — отец Виталий, редактор-издатель погромных «Почаевских листков», в Саратове — епископ Гермоген, в Царицыне — Илиодор и т. д. и т. д. Доктор Дубровин, председатель «Союза русского народа» и организатор политических убийств, жил в Петербурге, в постоянном и тесном общении с дворцовыми сферами. Он удостоивался милостивых телеграмм и всяких иных знаков монаршего внимания, а после 18 июля, после убийства Герценштей-

на, окончательно вообразил себя диктатором, союзников — своими рабами, а их кассу — собственным капиталом.

Постепенно царь отдалялся от порядочных людей, еще встречавшихся среди придворной и чиновной знати, и, в свою очередь, они от него отказывались. Сами немало помогши моральному депрессу Николая, они оставили его на произвол черносотенцев, от которых можно было научиться только мании преследования в буквальном и переносном смысле этого понятия. Худшее было еще впереди, они играли только на струне самодержавия, а царю всего более хотелось соблюсти свою «клятву» во время коронации.

Он мог бы, конечно, не очень рассчитывать на Божью помощь в своих обманах народа, потому что ни Ходынская катастрофа, ни того

Николай с семьей

более страшные поминки по этому злосчастному дню 14 мая при Цусиме не давали на это права. Да и почти полное совпадение октябрьских дат для крушения поезда в Борках и абсолютизма в Петербурге должно было бы воздействовать на религиозное мирозерцание царя. Но злоба дня всех одинаково подчиняет себе, а когда она вполне соответствует злобе монарха на личные неудачи, то и народу приходится с ними считаться, расплачиваясь своими боками за удары, не так давно еще нанесенные им своему повелителю. Всякий получал по делам своим: крестьяне — поджоги, совершаемые разными карательными генералами, и убийства, совершаемые корнетами и стражниками; рабочие — массовые высылки, их хозяева — субсидии и поощрение к локаутам; прогрессивная оппозиция — изгнание со службы, тюрьму, убийства (Герценштейн, Иоллос, Караваев, Яковлев и др.). Левые — казни, казни и казни. Евреи — погромы. В этом своеобразном «саду пыток», в который волею самодержца обратилась империя его предков, было где разгуляться мстительному воображению, выказать свои симпатии, и Николай широкими жестами являл их всему миру. Царица в это время разделяла тревоги, которые приносит жертвам своим страшная *mania persecutiva* *, с бывшим прибальтийским усмирителем молодым и красивым генералом Орловым. Связь была всем известна, да на этих высотах праздности и сытости трудно не возникать всевозможным излишества, запретным развлечением и фаворитизму.

Мужу не могли нравиться эти отношения, его самолюбие отца семейства страдало, но отвлечь жену не было ни умения, ни, может быть, охоты. Его больше еще тревожили отношения к нему великих князей — дядей и кузенов. Как ни старался он исполнять советы Владимира и восстанавливать значение своего титула, проклятая конституция все еще чадила на всю Россию и кружила головы подданным. Вместе с тем родственные советы сопровождались весьма прозрачными угрозами устроить дворцовый переворот, если царь откажется от черносотенной политики. Правда, душа его очень лежала к ней, но чего не сделаешь ради спасения своей жизни и династии, а чего доброго, либералы, хотя бы вроде павшего Витте, могли опять увлечь, как сирены, на дно конституционного моря. И Николай с особенной готовностью шел в объятия Богдановича, Дубровина, Восторгова, писал рескрипты и депеши погромщикам, украшал орденами убийц. А уж их дело было отстранять от него опасных

людей, хотя бы и приходилось для сего спускать бомбы в печь виттевского кабинета.

Неосведомленность царя была велика, но и понятна, ни цари, ни министры обычно ничего не знают, но в то время как последние могут иногда ориентироваться в окружающем их океане лжи и преступлений, руководясь прежним служебным и житейским опытом, для царей нет иного выхода, как или всем верить, или никому не верить. Случается, и русский царь тому пример, что начинают с первого и кончают последним. Возврата тогда к доверию нет, и вся политика принимает ультраичный и шаткий характер, а места сведущих советников занимают или проходимцы, кликуши, гадалышки, или низшие придворные служители. Если же к неосведомленности присоединяется и беспринципность, как было в данном случае, то нет границ тому беззаконию, которое в самое короткое время может водвориться на месте права.

Всякий может тогда, прикрываясь только фиговым листком верноподданничества, разгуливать нагишом среди одетых людей, попирая их права и не выполняя ни одной из своих обязанностей. Наконец, самые обычные и жалкие черты человеческой низости доползают, как зловредные испарения, к верхушкам палым, к подножию трона, и народу является картина царя, ничем не отличающегося от любого казнокрада. В старину дело было проще: воеводы посылались в провинции столько же на управление ими, как и на свое «кормление», и эта система жила еще на наших глазах в Персии, ныне взяточники должны прикрывать свои «художества», но по пословице: «Грошового вора вешают, а рублевого — чествуют»; прикрытие по мере возвышения рангов становится все прозрачней, пока наконец сам царь не устанавливает руководящего принципа словами: «Если городской возьмет триста рублей, то это — взятка, а если тридцать — дополнение к содержанию».

Другими словами: «по чину бери»!

Руководствуясь приблизительно столь же почтенными мотивами, Его Величество подписал не дальше как осенью 1910 года одной княгине высочайшее повеление министру финансов выдать ей сто двадцать тысяч рублей. Коковцов, который сам рассказывал об этом председателю бюджетной комиссии III Думы Алексеенко, иллюстрируя свою фразу: «Трудно у нас быть министром финансов», отвечал княгине (назвать он не пожелал): «Высочайшее повеление я должен исполнить, и сто двадцать тысяч рублей Вы получите, но я должен буду доложить государю об их источнике». Высокой даме было решительно все равно, докладывая

* Мания преследования (*лат.*).

кому хочешь, только деньги были бы налицо, и она, предовольная, отбыла в свой дворец. Министр же так доложил Николаю:

— 10-миллионный фонд исчерпан, по бюджету нет ни одного параграфа, который позволял бы покрыть выданную сумму без ведома Государственной думы. Посему не представляется иного источника, как ресурсы кабинета Вашего Величества.

Царь помолчал секунду и сказал нехотя:

— Ну что ж...

Вскоре после этого, продолжал Коковцов, приезжает ко мне одна из фрейлин государыни, княжна Орбелиани, привозит собственноручную записку государя о выдаче ей десяти тысяч рублей. Я извинился и сказал, что по записке выдать не могу, необходимо высочайшее повеление. Княжна храбро ответила: «Хорошо» — и уехала. Как-то встречаю ее во дворце немноко спустя и спрашиваю шутя: «Ну, что высочайшее повеление?» — «Ни за что не дает»...

Чем это лучше распоряжения какого-нибудь помещика XVIII века, приказывавшего управляющему собрать на деревне денег для какой-нибудь его забавы? И как ярко сказался в этой небольшой детали нашего управления вотчинный взгляд Николая на Россию!

Порядок помещичьей вотчины поддерживался сельской полицией, и Россия держалась всегда тем же учреждением. Когда роль полиции усиливалась обстоятельствами, приходилось особо награждать, даже заискивать перед ней. Полицейский строй не делал исключения для монарха, а, взяв на себя охрану его самого и его интересов, требовал подчинения себе, сам как бы становился самодержцем. Нынешнее царствование и есть по преимуществу царство полицейских, им на долю выпало всего больше наград — денежных, служебных и орденских. Теперь хороший горodовой на Невском украшен, как какой-нибудь профессор черной и белой магии, не только российскими, но и иностранными медалями, а различные даты правления Николая увековечены на его груди разнообразными значками, где эмблемы власти и божия промысла переплетаются, насколько только хватает воображения составителей.

В армии эти аллюры не нравились, но и ее ждало утешение. За пуговицами с орлами вместо гладких и другими мелочами последовала вскоре после восточного разгрома полная перемена форм. Можно было подумать, что подвиги войск были так грандиозны, что необходимо стало запечатлеть их пестрой одеждой, высокими киверами, помпонами, шнурами, чтобы еще издали мирные обыватели замечали фигуры победителей и готовились к изъяс-

лению своего почтения и благоговения перед ними. Увы, это были только битые справа налево, спереди и сзади офицеры, умевшие побеждать только русские деревни и фабрики; и обыватели, завидя их, спешили скорей перебираться на другую сторону улицы, чтобы не попасть под выстрелы или сабельные удары удалцов, черпавших свой патриотизм по ресторанам и веселым домам. Небывалое число убийств и поранений, совершаемых теперь почти безнаказанно, — военные суды оправдывают по приказаниям свыше всех таких господ — лучше всего характеризует то моральное разложение офицерского состава русской армии, с которым, полагаем, «добрые соседи» считаются при разных ультиматумах и свиданиях не меньше, чем с другими дефектами нашего развинченного режима.

Как ни странно, все эти авансы и отличия не прибавили уверенности в преданности армии, и ни Семеновский полк, ни даже конвой царя не гарантировали ему полноты покоя в Царском Селе. Пришлось учредить из бывшего «сводно-гвардейского» полка особый полк, чисто преторианского характера, который и несет теперь охрану царской семьи, задариваемый, задабриваемый, сделавшийся не только свидетелем великолепия и пышности царской жизни, но и ее изнанки.

В летние дни, когда окна всех этажей открыты, из них доносятся до караульных солдат, коротающих на скамьях гауптвахты свое время, не только звуки рояля или детского смеха, но и переборы царя с царицей, темой коих бывает и генерал Орлов, ныне умерший, но и в могиле близкий. Приходится дежурным офицерам докладывать о таких невольных свидетельствах по начальству, дразни и сплетни волной плывут по дворцу, выливаются через ряды охраны и высокие заборы на улицу и, мешаясь с ее обычною грязью, размазываются по всей земле русской, подтачивая престиж царя, династии, монархизма.

Еще более, чем от внешней охраны, стала зависеть судьба Николая и его семьи от охраны тайной. Совершенно невероятно было бы предположить, что он принимал участие в обсуждении погромов, прокламаций и в тому подобных треповских и великокняжеских делах, но дух его был с ними, оправдывал их, радовался успехам, и охрана жадно присасывалась к царскому имени, укрывалась под горностаевой мантией самодержца, высовывала свое ядовитое жало из-под трона российского, держава ее была сильна, сплочена, организована, как только воровские и разбойные шайки бывают крепки, потому что иначе — всем сразу конец, и широкие полномочия были ее скипетром. Чувствует царь свою зависимость от

охранников и будет чувствовать ее до конца жизни, и не только потому, что, отвернись он от них, и будет убит каким-нибудь Азефом, но и потому, что всегда грозит ему шантаж, бояться коего есть все основания.

Когда начиналась революция, царь, лишенный всякого понимания своей роли в государстве, сказал однажды одному из своих кузенов: «Cela me chatouille» *.

Теперь, пожалуй, ему не было щекотно: зависимость от хода революции сменилась еще горшей зависимостью от жандармов, дворцового коменданта, от гартингов, азефов, от того человеческого отребья, которое самодержавие должно было воплотить в себе, чтобы продлить свой жалкий век хоть на несколько лет. Совершенно понятно, что общее озлобление на давление тайной полиции, замечаемое в самых отдаленных от дворца областях жизни, связывается, переходит и укореняется как озлобление на царя, на его несчастную звезду и дегенеративную, злую волю.

Как щепка, попавшая в сложный механизм под театральной сценой, Николай мешает смене декораций, какую бы пьесу ни затевали играть. Это он останавливает, одним своим существованием, смену режима. И с обеих сторон, справа и слева, устремлено на него злобное внимание, на давление отвечает давление миллионов человеческих ненавистей, ждущих случая, чтобы воплотиться в революционную форму. Жить в такой обстановке, дышать таким воздухом очень трудно. Хочется забвения от мыслей, приходящих сами собой, не спрашиваясь, царская ли это голова или голова

каторжного, загубившего десяток человеческих жизней. Алкоголь — вот друг мятущихся умов, терзаемых совестью душ, усталых от корсета представительства тел. Алкоголь, этот поставщик львиной доли бюджетных поступлений, по праву занимает и в обиходе царя высокое место. Алкоголь хочет проявлять себя не в одном буйстве разодетого павлином гусара или в lamentациях голодного, но пьяного мужика, а и в управлении империей, поддерживать которую на международном торжище он имеет высокую честь и приятную обязанность...

Жизнь Николая невесела, нехороша. Это неисчерпаемый источник сатиры, карикатуры и издевательства, каким всегда бывает появление в общественном верху отрицательных типов, героев безвременья. Диким улюлюканьем, гомоном, насмешками отвечает толпа на всякий шаг балансирующего на высоте, не очень трезвого и не очень твердого эquilibриста власти, пока не валится он в ее объятия, чтобы быть навсегда уничтоженным, затертым, переходя и в самую историю под какой-нибудь позорной кличкой.

Вот чем объясняется невероятное число карикатур на Николая, их злобность и остроумие. Все народы чувствуют на себе гнет, исходящий из восточной половины Европы. Всем насадили и продолжает солить русский абсолютизм, и за него должен расплачиваться тот, кто лицемерно плачется о невозможности изменить присяге, данной при короновании. Бедные клятвопреступники, давшие Европе конституции, тяжело им видеть с того света этого крепкого собрата!

* «Это щекотно» (фр.).

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Расцвет «Союза русского народа».

«Вече», «Русское знамя», «Русская земля», «Новое время»...

Унизительная роль Суворина. — «Земщина». — «Виттова пляска».

Губернаторы и архиереи открыто ломаются в ряды Союза. —

Ликвидация погромов. — Систематическое помилование. —

Повышения по службе для погромщиков. — Одесские союзники. —

Граф Коновницын. — Генерал Каульбарс. Резины.

Одесские погромы. В Одесском университете. —

Процессы Васковского, князя Гагарина, Пассека. —

Союзники сменяют губернаторов и телеграфируют европейским монархам. —

Покушение на жизнь графа Витте. Каморра народной расправы.

Боевая дружина Союза. — Дезобри. В Бессарабии.

Крушеван. — Братья Крупенские. Пуришквич. — В Курске. —

Граф Доррер. Марков. Касаткин-Ростовский. —

Говоруха-Отрок. — Преследование независимых судей.

Витте, Арнольд, Скарятин, Бибилов и другие. —

«Три тысячи» отделов «Союза русского народа». —

Официальная хлестаковщина.

Растраты.— Протоиерей Восторгов и икона.—
Грингмут.— Сотрудники «России». — Гурлянд, Сыромятников. —
Бутерброды и казенные перья.
Концентрация всего бездарного, преступного и беспринципного.—
Поправление октябристов.—
Устойчивость кадетской программы и тактические ошибки.—
Утомление.— Попытки организации оппозиции.—
Слухи о возрождении русского масонства.

Наступало время, когда русские черные сотни могли развернуть свои силы на расчищенном для них поле. Не было еще примера в нашей истории, чтобы правительство и царь так охотно и быстро выдвигали вверх какой-нибудь класс населения. Чиновничество, дворянство, даже опричнина Ивана Грозного, все должны были хоть сколько-нибудь потрудиться, чтобы снискать монаршее благоволение и извлечь из него материальные или иные выгоды. Здесь же не только не было заслуг, если не считать погромов, но и вся-то группа людей, так задушевно принятая в царские объятия, висела, так сказать, в воздухе, была невесома, не поддавалась численному учету. Разумеется, что, когда выяснилась роль, отводимая для всего черносотенного, нашлось довольно людей, спешащих всегда половить рыбку в мутной воде, а еще больше всякого отребья, кинувшегося на подачки, бесплатное оружие, дешевый чай с хлебом и тому подобные немудрые приманки.

Деньги лились сверху довольно полновесной струей, но, как теперь установлено, главная часть их систематически застревала в карманах центрального совета «Союза русского народа», а всего больше у Дубровина. На субсидии же продолжали издаваться погромные газеты, находившие себе читателей в так называемых «чайных» Союзах, притонах, где под покровительством администрации шла самая открытая пропаганда контрреволюционных идей. Особенно отличались «Вече», подходившее, по мнению графа Витте, к мирозерцанию Николая, и «Русское знамя», лейб-орган доктора Дубровина. Здесь не только травилась вся оппозиция гуртом, но и провоцировались убийства отдельных лиц.

Какие-то мрачные значки печатались во главе листов, и по ним местные «отделы» выступали коллективно. На непосвященный глаз выходило, что существует мощная и единодушно настроенная организация, на деле же орудовала небольшая шайка аферистов и мошенников, по большей части уголовных типов, опиравшаяся на вынужденное содействие беспринципной администрации. За этими-то героями реакции потянулся и издатель «Нового

времени» Суворин, давно уже стяжавший себе славу хорошо подмазанного флюгера, при малейшем ветерке меняющего свое направление. «Русская земля», потом «Земщина» — все это вышло из-под его руки. Но сомнительно, чтобы правительство извлекло существенную пользу из всей этой прессы, не выключая и самого «Нового времени», главными читателями которого пребывают доселе те же чиновники и военные, то есть люди и без того утратившие, в зависимости от службы, мужество открыто исповедовать свои мнения.

У черных сотен были и сатирические журналы, и следует признать, что «Виттова пляска» (она же «Плювиум») была вообще самым остроумным из всех сатирических изданий того времени. Однако даже остроумие не могло спасти журнала от краха, и ныне с трудом перебиваются лишь «Земщина» да «Русское знамя», хороший доход дают, правда, «Московские ведомости» при 2500 подписчиках, но зачем поддерживает правительство такую прессу, сказать трудно, если не думать, что по оскудению ее клиентуры оно может отчасти учитывать возрастание оппозиционности в стране. Как бы то ни было, черные сотни стали одно время на первом месте в строе управления.

Губернаторы и архиереи возлагали на себя знаки Союза, открывали чайные заведения, служили молебны, подвывали сообща с чиновниками пьяной голытьбе, оравшей национальный гимн, писали верноподданнические депеши и открыто прислуживались к тем членам этой оригинальной партии, кто был понаглее. Главным делом, после организации погромов, были просьбы о помиловании осужденных судами погромщиков. Равным образом просили о помиловании простых воров и убийц, если можно было установить их участие в каком-либо погроме. Царь миловал погромщиков систематически, это общеизвестно и покрыло его позором в глазах всего мира. Он выразил свой взгляд графу Коновницину, рецидивисту-вору, одесскому союзнику, от которого открещивается даже предводимый им отдел, в такой формуле:

«Я знаю, что русские суды относятся к участ-

никам погрома с излишней строгостью и педантично, даю вам мое царское слово, что буду всегда исправлять их приговоры по просьбам дорогого мне «Союза русского народа».

«Услужливый дурак опаснее врага». Коновницын сам разгласил слова, после которых становилось очевидным, что правосудие самим царем признавалось чем-то враждебным, неуместным, ненужным. Погромщики чиновные — полицейские, губернаторские и другие — повышались по службе, равно как и все провокаторы-жандармы. Список их занял бы целую главу, явление стало общим, зато честные полицейские и жандармы упорно обходились по службе, и вскоре водворился в ней такой повальный разврат, какого не видывала Россия ни в какие времена.

По мере роста реакционного засилья срывались последние фиговые листы, и люди, связавшие судьбы свои с современным режимом, утрачивали всякий стыд, торопясь нажиться и просто нагуляться за счет все более терявшегося правительства, потакавшего стремлениям государя. Дошло до того, что одесские, например, погромы стали явлением обычным, что местные союзники были сплошь вооружены резинами, ножами и револьверами и что генерал-губернаторы и командующий войсками Каульбарс потакалием погромщикам совершенно разорили некогда цветущий город, так что иностранные консулы должны были жаловаться на него своим правительствам.

«Все мы в душе сочувствуем погрому», — сказал однажды генерал Каульбарс на официальном приеме властей после одного из самых кровавых избиений. Сказал не только по глупости, но и для того, чтобы быть услышанным в Царском Селе. Местный университет сделался как бы очагом погромов, так как среди студентов-евреев были на всех курсах вкраплены провокаторы, а черносотенная студенческая клика являлась на лекции всегда вооруженной. Администрация вмешивалась в чисто академические дела, а позднее путем временного устранения части профессоров, так же как в городской думе — гласных, проводила в совет (и городскую управу) своих ставленников — черносотенцев. Все делалось открыто, в сознании своей силы. Одновременно ликвидировали дела и в других университетах. Один за другим последовали процессы ректоров Пассека, Васьковского, князя Гагарина, обвинявшихся в допущении в 1905—1906 годах различных отступлений от регулярной академической жизни, но главным образом в принадлежности к оппозиции.

Забывали, что только благодаря умеренности их и популярности среди студентов бес-

Барон Каульбарс, одесский погромщик, с которым не могли справиться даже представители иностранных держав. Во время страшного погрома в Одессе он открыто заявил на официальном приеме: «Все мы сочувствуем этому погрому».

порядки никогда не раздувались в будущее революционное пламя и что научные занятия продолжались иногда под грохот мятежей и в самый разгар казней. Довольно было союзникам сделать донос, хотя бы и явно лживый, на совет какого-нибудь университета, как из Петербурга сыпались репрессии, а послушная русская Фемида снимала повязку с глаз и, подобоострастно следя за указаниями Щегловитова, рассовывала по разным углам империи заслуженных ученых и педагогов, затягивая университетский кризис до самого последнего времени. Впрочем, не лучше жилось и ставленникам самого Столыпина, губернаторам. И всегда-то состав этих первых слуг правительства хромал, бюрократизм не сумел воспитать ни одного даровитого поколения своих питомцев, всегда ответственные губернаторские посты замещались людьми, знавшими одну лишь фразу: «Чего изволите?», часто глупыми и иногда просто безграмотными (кстати,

главный начальник управления по делам местного хозяйства Гербель и до сих пор пишет, как какая-нибудь малограмотная кухарка, да и не один он из высших чинов малограмотен).

Теперь, когда всякая административная деятельность была парализована требованием «бороться с крамолой», в губернаторы стали попадать и гвардейские капитаны (Нейдгардт, Джунковский, граф Татищев, Веретенников и многие другие), и совершенно беспринципные люди из департаментской мелкоты, выдвигавшиеся исключительной готовностью исполнять приказания начальства. Так вот и такие-то губернаторы не всегда находили возможным потакать местным погромщикам и раздражали их излишней закономерностью своих действий. По доносам каких-нибудь сапожников из местного «отдела» такие губернаторы переводились в другие города или увольнялись в отставку.

Озорство союзников доходило, как мы уже упоминали, до телеграфирования европейским государям: королю Эдуарду — о неприсылке депутации, императору Вильгельму — о неприеме графа Витте и т. д. Самому Витте спустили в печку разрывной снаряд, другим грозили убийствами, третьим — поджогами; вообще за угрозами дело не стояло, и не было, кажется, тогда сколько-нибудь честного чиновника, который не ожидал бы себе за свою честность всяких неприятностей — и снизу и сверху. Образовалась какая-то «каморра народной расправы» (вероятно, та же боевая дружина «Союза русского народа»), которая и рассылала свои приговоры на визитных карточках с грубым изображением черепа и костей; такие карточки получили в свое время Герценштейн и Иоллос.

В боевой дружине орудовал в качестве главаря некий Дезобри, подделыватель векселей и обвинявшийся по многим другим уголовным делам. Его тщетно разыскивали курьеры судов, но в квартире его всегда дежурили парадно одетые городовые, охранявшие драгоценную особу громилы от его же собственных дружинников, которых он всячески обсчитывал. Бессарабия, страна всяких дворянских эксцессов, поставляла почему-то особенно много членов в Союз, и одно время вся Россия знала имена Крушевана, Пуришкевича, Крупенских и других молдавско-российских влиятельных черносотенцев. Потом все эти союзники перегрызлись между собой, не поделив то ли денег, то ли сферы влияния. Другим гнездом черной сотни оказалась Курская губерния. Отсюда появились граф Доррер, губернский предводитель дворянства, устроитель курского погрома, где он сообща с генерал-адъютантом Стру-

ковым, исполнявшим в это время сенаторскую миссию, раздавали громилам деньги, Марков, член III Думы, имитирующий Петра Великого и излюбленный гость Николая, человек тоже обвиняемый в разных уголовных преступлениях, Говоруха-Отрок, цепной пес «объединенного дворянства», князь Касаткин-Ростовский, воскликнувший на одном из съездов, что он всегда сумеет «издохнуть у ног своего государя», но которому судьба уготовила обычную смерть на собственной постели.

Все это был настолько бездарный и, главное, темный народ, что, несмотря на все их стремление к власти, им так и не удалось добиться каких-нибудь хлебных постов. При помощи избирательного закона 3 июня они проникли только в Государственную думу, где и доселе раздаются их исступленные голоса, делающие царю столь любимый им *succès de scandale* *. Влияние таких лиц было бы совершенно незаметно, если б высокое покровительство, оказываемое им Николаем, не заставляло играть в их дудку более способных людей, стоявших во главе разных министерств. Несмотря на упорство, с каким Столыпин уклонялся от тесного сближения с «Союзом русского народа», он не мог уберечь своего кабинета от членов этой партии, одни открыто, как Рухлов, министр путей сообщения, или Кривошеин, министр земледелия, другие тайно, как Щегловитов и Коковцов **, но все они тянули в руку союзникам, раздавали места и выгоняли со службы по указке дубровинской команды.

Особенно усердствовал Щегловитов, человек способный, бывший «либерал», хороший юрист, но продавший богу честлюбия свою совесть. Он объявил открытый поход против судейской честности, ввел политику в стены судов и обратил несменяемость судей в фикцию. В дружном единении со своим повелителем он сменил в короткое время с десятком всеми уважаемых судей и других чинов ведомства — кого перевел, кого в отставку. Назовем хотя бы Витте, председателя томского суда Арнольда, председателя московской судебной палаты, его брата, прокурора московского суда Скарятину, Бибикова и т. д. Остававшихся на службе и подозреваемых в либерализме судей упорно обходили наградами, переводами на лучшие места и при всяком удобном случае вызывали в министерство для отеческих внушений.

Щегловитову прекрасно были известны истинные силы черных сотен. Его нельзя было

* Скандальный успех (*фр.*).

** В. Н. Коковцов был противником «Союза русского народа», лишил его правительственной поддержки.

запугать цифрой «трех тысяч» отделов «Союза русского народа». Общее число подписчиков черносотенных газет не достигало этого числа, и большинство отделов состояло из пары-другой местных пьяниц, предводимых каким-нибудь мелким чиновником, причем все они субсидировались понемногу из центральной кассы. Знали об этом и Рухлов, и Кривошеин, вообще все, может быть, и сам царь знал.

Почему же министры вели такую политику, нарушали и законы, и здравый государственный смысл? Почему покрывали они своим авторитетом невероятную хлестаковщину, развившуюся в недрах Союза, растраты союзных сумм, наконец, убийства и погромы? Ответ может быть один: царь был сам «союзником», и если не числился в его боевой дружине, то разве только по ненужной скромности. А время было таково, что за отсутствием подходящих кандидатов на русский трон опасности дворцового переворота ниоткуда не грозило, и положение Николая укрепилося. Было и еще одно обстоятельство, с которым министры невольно должны были считаться, раз уже они вступили на круто склоненную плоскость реакции. Это открытое недоверие к ним дворцовых сфер, влиявших на царя в еще более активном контрреволюционном направлении. Царь доверял лишь немногим мелким слугам, а душа его лежала к людям грубым, необразованным, беспринципным, преступным, на их фоне он еще чувствовал себя человеком, не потерявшим обличья известной душевной опрятности, словом, он стоял здесь выше окружающих его проходимцев, и тем сильнее выражалось его к ним благоволение.

Нечего говорить, что из-за выгод, приносимых этим царским расположением, не замедлили народиться интриги между самими союзниками, а так как за каждым числилось немало уголовного, то взаимные разоблачения вскоре достигли сказочных размеров, и к 1910 году не оставалось ни одного так или иначе не ошельмованного союзника. Даже известный поп Восторгов, перед которым, ради его близости с царем, униженно заискивал Святейший синод, не смог реабилитироваться в обвинениях в растлении учениц ставропольской гимназии, взятках и тому подобных хороших делах. Махнув на все рукой, Восторгов начал вести себя так, как обычно ведут себя продажные люди, открыто издеваясь над своими хозяевами. Так, он с ехидной радостью рассказывает о том, как, поднося маленькому наследнику какую-то икону, он выдал ее за величайшую редкость, в его, Восторгова, роду передававшуюся из поколения в поколение. «А икону-то я накануне купил в лавочке, да и не за до-

рого», — добавлял царский друг; слушатели-союзники надрывались от смеха, а царь в это время, быть может, усердно молился на новую дворцовую святыню о «великих щедрых милостях»!

Так же издевались над ним в интимных беседах и сотрудники его второго официоза, газеты «Россия», Гурлянд, Сыромятников, Гурьев и другие писатели по заказу, «казенные перья», как их называют в России. Поедая казенные бутерброды, строча статьи на любые темы и в любом направлении, эти неверные слуги абсолютизма переставали под конец уважать хотя бы купленную совесть, и им оставалось продавать плативших им, и во главе их самого монарха. Они делали это, участвуя параллельно с «Россией» в прогрессивных изданиях (Гурьев — в «Утре России», московской газете) или же компрометируя правительство разоблачением секретнейших переговоров о вмешательстве Германии в наши внутренние дела, отторжений Польши за деньги и тому подобных комбинаций, понемногу открывавших глаза самым слепым из еще преданных царю людей.

Так-то, мало-помалу выясняли силы, способности, численность «союзников», и определилась их роль в будущей фазе освободительного движения. Все бездарное, беспринципное и даже преступное, что породило годы реакции, водворившейся прочно с Александром III, составляло кадр, из коего черпали министерства, начиная с графа Д. Толстого и кончая Столыпиным. Однако, прежде, по крайней мере, хотя все та же перебиралась старая и грязная чиновничья колода, но хоть какой-нибудь служебный опыт числился за каждой из приглядевшихся ее фигур. Теперь понабрались новые люди, похожие на крапленые, шулерские карты, с помощью которых обманывались одинаково хорошо и Россия, и царь, и Европа. Одновременно понизились и цензовые претензии к уму и честности, воровство было признано с высоты престола дополнением к жалованью, убийства — высшим выражением верноподданнического патриотизма, изуверство — расцветом православия.

В такой обстановке легко было разбираться и тем общественным кругам, которые, напуганные революцией, продолжали сторониться всякой «политики». Между правительством, потакавшим царю-союзнику, и умеренной прогрессивной оппозицией оставалось все меньше и меньше места. Одни октябристы, руководимые честолобцем Гучковым, которому даже до Витте было так же далеко, как водам Роны до вершины Монблана, продолжали кидаться за столыпинским перстом всюду, куда

Барон Мейендорф, член III Государственной думы, один из лучших типов того консерватизма, который должен появиться в России тогда, когда ей будет что хранить

бы последний ни направлялся. Но давно известно, что, кто не уважает себя, того и никто не уважает, поэтому одновременно с общественным презрением к «партии последнего правительства», как назвал ее князь Е. Трубецкой, росло презрение к октябристам и самого правительства. Оно хотело на что-нибудь опираться, а можно ли было опираться на болотную жижу, из которой только по недомению кое-где торчали кочки, вроде барона Мейендорфа, Н. Хомякова, профессора Капустина и других немногих приличных политических деятелей.

К концу III Государственной думы влияние этой партии сведено было к нулю народившейся националистической группой. Гучков потерял «тон», без коего не делается политической музыки, и позиции царя со Столыпиным вычертились на фоне общей враждебности еще резче. Тогда-то и пришлось прибегать к таким оживляющим впрыскиваниям, как нашумевший случай с коленопреклонением Шалапина и хора оперы, и другим сильно действующим патриотическим выходкам, аранжированным охотниками отличиться.

Среди хаоса, в который повергало страну разнуздавшееся министерство Столыпина, среди крушения программ партий, стоявших вправо и влево от кадетской, только эта последняя пребывала устойчивой. Становилось очевидным, что выведенный еще до революции баланс государственной реформы был близок

к той средней линии, что разделяла абсолютизм от социализма и по которой должна была двинуться после 17 октября Россия. Между тем программа эта не была никем использована, а люди, ее составившие, не только не употреблены в дело, но отстранены от него на возможно долгий срок. К сожалению, пассивное положение кадет не способствовало пересмотру их обычной тактики полумер, и последняя продолжала наносить престижу партии серьезные удары. Впоследствии ряд удачных выступлений Миллюкова и главным образом новые промахи «гучковских молодцов» (октябристов) выправили этот престиж до его прежней высоты, одновременно с этим снова начали усиливаться репрессии против и ее печати, а так как и та и другая заметно увеличили число своих адептов, то получилось впечатление общего нажатия пресса. Выходило, что среди всеобщего молчания и успокоения правительство продолжало угнетать народ уже безо всякой нужды и этим самым расписывалось в окончательной неспособности к каким бы то ни было реформам. Казалось, наступало время и для оппозиционных сил выступить против явно ослабленного врага. Но силы эти продолжали бездействовать.

Период утомления был тем более естествен, чем беднее и некультурнее была в этот момент своей истории Россия. Первый этап освобождения движения потребовал весь запас средств и лиц, и реакция поглотила их почти без остатка. Легенда о еврейских и японских миллионах, данных на «революцию», была лишь легендой, люди были выброшены с насиженных мест и из привычных профессий, и должно было пройти время, раньше чем накопилась общественная энергия. За счет слабости общества была сильна реакция, сама не обладавшая ни одной калорией политической теплоты, бывшая холодной, как труп.

Нечего говорить, что попытки объединения оппозиционных сил производились постоянно, но они терпели неудачу столько же вследствие партийной дифференциации, сколько и утомления общества. Конец 1910 года принес, однако, одновременно с указанием на разрастание оппозиционности и признаки известного пробуждения от спячки. Событиями, вызвавшими наружу эти признаки, были кончины председателя I Думы Муромцева и Льва Толстого. На их значении мы остановимся впоследствии, но организующее влияние их было ясно в самый момент появления, и правительство поспешило с новыми репрессиями, особенно в высшей школе. Возле волнений молодежи может нарасти новая волна движения, в которой будут повинны не политические партии, а только са-

мо правительство, всегда бредшее ощупью, даже и среди бела дня. До чиновников доходят всякие слухи, и на всякий случай они борются со всеми одинаково, не жалея средств и циркуляров.

Недавно большой смех возбудило ассигнование сто шестьдесят тысяч рублей на борьбу с масонскими ложами, якобы возобновившимися в России после столетнего почти промежутка. Разумеется, если масоны и существуют, то бок о бок с министерскими дворцами, и лो-

вить их бесполезно. Мы думаем, однако, что в настоящее время сколько-нибудь широкое распространение ордена в России невозможно. Страх, напущенный азефщиной, еще не рассеялся, и взаимное недоверие всех конспиративно действующих групп слишком велико, чтобы число адептов масонства могло быть велико *.

* Как раз в эти годы оформляется русское политическое масонство.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Выборы в III Думу.— Наконец удача по европейскому рецепту.—
Центр и правительство.— Их взаимоотношения.—
Президиум.— Эстрада.— Водевили и скандалы.—
Недолгое торжество кабинета.— Опасности возникают с другой стороны.—
87-я статья основных законов.— Ее слабость.—
Одновременно слабеет и темп государственной жизни.—
Промышленники влевеют.— Совещания их с прогрессистами.—
Спасение Столыпина.— Националисты.—
Клуб и Союз.— Русское собрание.— Противовес «Союзу русского народа».—
Столыпинский галстук.— Моральная слепота Николая.—
Итоги четырехлетней работы III Думы.—
Общее разочарование.— Смена председателей.—
Аудиенция Хомякова в Царском.— Хомяков — советчик.

Осенью 1907 года произведены были выборы в III Думу, обновили закон 3 июня. По дороге, расчищенной для дворян-помещиков, могли двигаться без всякой предвыборной подготовки кандидаты правительства — черносотенцы и октябристы, остальные партии почти лишены были возможности агитировать за своих кандидатов, так придирчива стала, после соответствующего циркуляра, администрация. «Европейский» рецепт, попавший в русскую избирательную аптеку, превратился в препарат, от которого кадеты и даже мирнообновленцы должны были гибнуть, как мухи.

В результате в Таврический дворец явились подонки русской интеллигенции, среди коих десятка два способных людей сразу приобрели вид и аллюры политических вождей, с мнением их понемногу привыкла считаться пресса, затем читатели. Таким образом, помимо того, что правительство делало вид, что опирается на бездарное большинство, и этим дискредитировало себя, но и самый принцип парламентаризма как бы отцветал, не успевши расцвести. Худшие стороны его были привиты правительством, которое, быть может, бессознательно, но действовало в данном случае в соответствии со своими интересами.

Центр занимали октябристы с А. Гучковым

во главе. Партия носила в себе элемент разложения, не успев еще проявить себя в Думе, среди полтораста членов ее была дюжина тех людей, из которых при другом режиме могли бы выработаться хорошие типы консерватизма. Здесь им делать было нечего, так как хранить нечего было, а товарищи по фракции столь очевидно тянули вправо, что о какой-нибудь разумной парламентской работе и влиянии на ход внутренней политики и думать было нельзя. Столыпин, называвший октябристов «сливками» русского прогрессивного общества, был лишь грубым и циничным льстецом, так как сам презирал лакействующую партию Гучкова — как всегда лакеи презирают друг друга. Он и не подумал «совместно» работать с этими господами, а просто перешел к приказам о поддержке всего, что ему угодно было, проводить в русскую жизнь — главным образом его аграрного закона, которым насаждалось частное крестьянское землевладение за счет уничтожения общинного строя.

Оппозиция, все еще не вполне объединенная, была бессильна даже и в моменты единодушия и утешалась разве тем, что без труда громила пошлости и глупости, которые угодно было изрекать с трибуны ораторам центра и правой. Следует отметить, что вульгарный тон, водво-

*А. И. Гучков,
бывший председатель III Государственной думы,
честнолюбивец и склонный к авантюризму человек;
эти качества скоро свели влияние его к нулю,
так как твердость равно отсутствовала
и в темпераменте этого деятеля,
и в его политической программе.*

рившийся в Думе, насажден был самим председателем Н. Хомяковым.

Богатый помещик, сибарит по привычкам, безудержный остряк, что неминуемо влечет к плоскости, отяжелевший физически, этот человек начал свою политическую карьеру с того, что назвал трибуну Думы «эстрадой». На этой «эстраде», за которой виделась дремлющая фигура Хомякова, просыпавшегося только для шутки или *bon mot* * сомнительной ценности, скандалисты и шуты Думы поставили за четыре года своего ангажемента целый ряд водевилей и выдающихся скандалов. Здесь родился, вырос и пышно разросся своеобразный парламентский жаргон, раньше и на площадях вызывавший суровые реплики полицейских. Здесь публика бывала подчас слушательницей таких откровенностей, от которых и не одни дамы краснели. В боевые

дни в воздухе залы заседаний можно было, по русской поговорке, «хоть топор вешать»: так густо пропитывался он бранью, улюлюканьем, истерическим визгом Пуришкевича, Маркова и К^о.

Здесь очень скоро «правые» поняли свою силу и смяли октябристов, которые не решались протестовать против выходов своих соседей. Не решалось протестовать против этого, хотя бы закулисно, и правительство, конституционное лицемерие которого тут же и всплыло наружу. Увидев, что вместо «красной» опасности с левой стороны возникает «желтая» справа, Столыпин с товарищами бесцеремонно повернулись спиной к только что организованному законом 3 июня центру и начали всячески заигрывать с горланами крайней правой. Не забудем, что созыв Думы III совпал с расцветом «Союза русского народа».

Царь открыто исповедовал и проповедовал свое с ним братское единение, а придворные прихлебатели открыто тянули в сторону модных черносотенцев. Министрам, кичившимся всегда честью ответственности «только перед государем», и не оставалось ничего иного де-

*Родзянко, председатель III Думы,
октябрист-реакционер, недалекий человек,
ведущий узкопартийную политику.
Совершенно непопулярен, заслуг в прошлом не имеет.*

* Острота (фр.).

лать, как подчиниться союзникам, иначе они летали с мест, как мячики. Все до одного делали скрепя сердце вид горячих сторонников дубровинской шайки, и все, понятно, старались не запачкаться чересчур, чтобы не потерять пути к отступлению в тот момент, когда престиж Союза должен был упасть. Но влияние черных сотен продолжалось настолько долго и отражалось в жизни так далеко, что с ним в конце концов пришлось считаться не только правительству, а, следовательно, и всей чиновничьей армии, не только октябристскому большинству, но даже и оппозиции, которую всегда можно провоцировать на какую-нибудь демонстрацию и последствия таковой.

Либеральная пресса ежедневно цитировала черносотенную, и уже одно это подкрепляло престиж Союза в глазах не посвященных в действительную силу и численность царской банды. Да и на самом деле во все отрасли управления вводились приемы и обычаи, так резко отличавшиеся от того, что творилось в дореволюционные годы, что невольно обывателю приходилось воскликнуть: «При Плеве куда лучше было!»

Эта фраза сделалась припевом общих жалоб, и казалось, что общество было бы радо возвращению и той доли закономерности действий властей, что существовала при убитом министре-реакционере. Центральный орган — кабинет министров подавал первый и самый внушительный пример деморализации власти, обеспечивая за правительством посредством 87-й статьи их основных законов возможность законодательствовать во время парламентских каникул. Но составители этой статьи все же не имели в виду того употребления, какое сделал из нее доморощенный русский Бисмарк — Столыпин.

Слабость редакции этой статьи, дававшей широчайший простор министерской изобретательности, была использована Столыпиным до конца. Разогнав II Думу и не опасаясь III, не всей тяжестью своей власти обрушился на аграрный вопрос. Здесь мы не будем разбирать ни самого закона, ни его последствий, признаем только, что это есть единственное деловое выступление нынешнего кабинета, но и оно покоится на разрушении векового института русской общины, самими правительствами признававшегося основой нашей государственности. Мало того, мера Столыпина вводилась чисто революционным путем, и только безответственность придавала ей видимость закономерности. Насильственно разрушая деревенский уклад и создавая, наряду с сотнями «сильных хуторян», тысячи пролетариев худшей разновидности — сельскохозяйственной, Сто-

*Князь Волконский,
товарищ председателя III Государственной думы.
В бытность свою предводителем дворянства
Тамбовской губернии считался одним из недалеких
и малоспособных представителей своего сословия.
Без образования; карьеру сделал, примкнув к привилегиям,
у которых все остальные были еще слабее
в умственном и образовательном отношении.*

лыпин вел себя, как едва ли повел бы любой из социалистских главарей, попав ко власти. Были и другие случаи применения 87-й статьи, главным образом в области репрессии.

Вследствие этого постепенно слабел и самый темп, так сказать, русской жизни; между безвольным царем, ограниченным министром и бездарной Думой страна должна была или восстать, или погрузиться в спячку, последнее, как мы уже доказывали, было естественнее. А так как одновременно с упадком государственных сил наступал и промышленный кризис, то сильный торгово-промышленный класс не мог оставаться равнодушным к деятельности правительства. Оставив традиционную косность и преданность «исконным» заветам монархизма, класс этот постепенно переходил на сторону прогрессивной оппозиции. В целях согласования его интересов с тем государственным строем, которого добивались умеренные политические партии, начались так называемые «беседы» видных московских купцов и промышленников с представителями партий, главным образом кадетской.

*В. А. Караулов,
выдающийся депутат III Государственной думы,
бывший «народоволец» и каторжник.
Пользовался всеобщим уважением
за искренность и правдивость свою.
Был специалистом по вероисповедным вопросам
(ум. 1910)*

Столыпину и Коковцову эти беседы не предвещали ничего доброго, но прекратить их не хватало решимости, да и невыгодно было. Считая совершенно ошибочно газету «Утро России» (в Москве) органом объединившихся купцов и кадет, Столыпин предписал московскому градоначальнику Адрианову душиť эту газету штрафами и при первом подходящем случае закрыть. Но порядочность Адрианова, с одной стороны, и явная беспринципность «Утра России» — с другой, сохранили этот орган П. Рябушинского (основателя и «бесед») от разгрома.

Видя неудачу с октябристами, неудачу с промышленниками, наконец, неудачу с союзниками, Столыпин обратился к мысли организовать с помощью администрации новую политическую группу, объединив в ней все

чиновничество, дворянство (поместное) и тех из разночинцев, кто почему-либо не примкнул к другим партиям. Объединяющим лозунгом был выдвинут национализм, не замедливший, конечно, обратиться в карикатуру и вызвавший ряд националистических выступлений в Думе и официозной прессе.

С помощью правительства, денежной и моральной, основались «Союз националистов» и клуб. Черносотенцы, в свою очередь, основали с царской субсидией «Русское собрание», где приютились и союзники. Националистические марши игрались, таким образом, сразу на двух барабанах, а в Думе им вторили депутаты, набранные графом Бобринским из октябристов и правых. К общему удивлению, идея захватила несколько просвещенных людей из оппозиции, которые выступали с проповедью какого-то «здорового» национализма. Этот эпитет, прилагаемый у нас и к «консерватизму», и к «патриотизму», и к чему угодно, лучше всего указывает на обратное глубокое

*В. А. Маклаков, известный адвокат и политик.
Его речи в Государственной думе
всегда составляют злобу дня и часто наносят
непоправимые поражения членам правительства,
против коих обрушиваются
фундаментальная логика и пламенное красноречие
московского депутата.*

нездоровье государственного организма, разъедаемого чиновничьей гангреной и анархией сильнее, чем революцией.

Шатание из стороны в сторону, к которому как-то все привыкли, регулировалось только маятником казней. Из дня в день тянулись к эшафотам люди разных профессий, партий и классов, и В. Стэд, кажется, нарочито для опроса Столыпина, приезжал по этому поводу в Россию. Мы уже знаем, что, взяв на себя от царя право помилования, Столыпин являлся центральной фигурой периода казней; безответственный перед Думой, он именно в ней, однако, нашел свой приговор, который в метком определении депутата Родичева перейдет и в историю. Говоря о казнях в одном из заседаний, когда Столыпин сидел на своем месте, Родичев назвал веревку висельника «столыпинским галстуком». (Определение было не ново, так как во времена усмирения Польши та же веревка называлась там «муравьевским галстуком» — по имени Муравьева-Вешателя.)

Скандал был большой, Родичев принес министру извинение, но «слово не воробей, вылетит — не поймаешь». Царь, узнав о случае, выразил Столыпину свое сожаление, но в такой форме, что даже преданный ему не за страх, а за совесть министр сказал, выйдя из кабинета: «Как он не понимает, что ведь у меня же сын есть!», признавая неизбежной преемственность клочки из поколения в поколение.

О. Я. Пергамент, выдающийся цивилист и математик, член III Государственной думы, один из защитников на Выборгском процессе. Преждевременно погиб вследствие травли и неблагоприятно сложившихся обстоятельств.

Физ. Телес.			
Скульпта.			
Своб. проф.			
Канц. Телес.			
	I Дума	II Дума	III Дума

Распределение членов I, II и III Государственных дум по занятиям

Итоги деятельности III Думы были до такой степени ничтожны или отрицательны, что, кажется, ей самой это стало под конец очевидным. По крайней мере, октябристы и правые боятся выборов в Думу, которая должна быть радикальней, в прежнем смысле, слишком уже сильно и всеобщее негодование на бесплодность нынешнего состава.

Председатель Хомяков, немало способствовавший обращению парламента в балаган, сам не выдержал плодов своей сонливости и балагурства и после одного из устроенных ему Марковым и К^о кошачьих концертов так же флегматично сошел навсегда со своей «эстрады», как и входил на нее в ноябре 1907 года. Покой был ему всего дороже. Но когда прихо-

дилось бывать у царя, в Хомякове просыпался дух его отца, известного в свое время славянофила, и он пускался в рассуждения, которые Николаю казались столь же непонятными, как и бестактными. В последнюю же аудиенцию Хомяков напроосто посоветовал царю не слушать приближенных, которые-де все обманывают его, не говорят правды, не понимают, ведут Россию к гибели. Царь начал приподниматься со стула, собираясь, вероятно, подать голос в защиту Столыпиных и Марковых, но Хомяков еще раньше встал и сказал, как если б говорил со старым приятелем: «Вы уж извините, Ваше Величество, а я домой поеду, на крещенский парад не останусь (дело было 6 января), нездоровится...»

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Дворцовая жизнь входит в свою колею.— Гадалка.—

Царь начинает снова показываться на улицах.—

Смена влияний.— Смерть Орлова.— Семейные нелады.—

Психическая болезнь царицы.— «Штандарт».—

Блиндированный подвал в царскосельском дворце.—

Такая же комната для Столыпина в Таврическом дворце.—

Пулеметы на войне и в дворцовых коридорах.— Новые заказы.—

«Высочайше» установленные образцы гарантируют военные поражения.

Смена трех Дум не оставила во дворце царя ни малейшего конституционного запаха. Проходившие через кабинет Муромцев, Головин, Хомяков и Гучков оставались для хозяина людьми с другой планеты, которых он органически не способен был понимать. Здесь реагировали на иные события. Был страх перед революцией, и Манифест 17 октября был дан с тем, чтобы при первом удобном случае от него отвернуться. Был блудливый ужас в момент разгона I Думы, и миноносцы стояли с разведенными парами, готовые умчать царскую семью за пределы столь любящего ее государства. Было стремление попытать судьбу — доставали юродивых, как Митьку, и шарлатанов, как Филипп или Папюс. Нападал приступ богомольства, отрывали монашеские трупы и справляли канонизацию, как бы навязывая синодским циркуляром самому Творцу нового святого.

Крупные впечатления перемешивались с повседневными мелочами, дразгами, сплетнями, где адюльтер всегда доминировал, и общая атмосфера пышного дворца не отличалась существенно от атмосферы уездного городка или армейской казармы. Искусство, литература, наука — все это годилось для плебса, кормившего немногочисленную группу туне-

ядцев и неучей, для которых жизнь должна была походить на цветочный ковер под безоблачным небом. Должна, но не была. И с этой общечеловеческой точки зрения царь, его семья и приближенные были одинаково достойны сожаления и участия.

За год войны и революции настроение этих людей должно было претерпеть радикальную метаморфозу, и в сознание их, помимо воли, проник целый ряд представлений тем более страшных, чем новее, непривычнее они были. Вот почему вместе с освободительной волной отхлынула и большая часть дворцовых тревог, там ведь тоже хотелось отдохнуть, забыться, вернуться к скабресным анекдотам, охоте, безмятежному *farniente* * в обществе любовниц и любовников. Постепенно смягчались вести снаружи, редко приставали министры с неприятными, сложными делами, и в затихавшем воздухе дворца люди-пауки заплетали свои паутинны, окутывая всех и все серыми, однообразными петлями пошлости и житейской пустоты. Вот и привычная фигура гадалки мелькает из-за позолоты и парчи, Столыпин может заверять клятвой, что стало безопасно на улицах, террористы переловлены и перевешаны, царь

* Безделье (фр.).

все с опаской выехал бы в открытом экипаже за пределы своего парка, но стоило гадалке прикинуть судьбу России на кофейной гуще, бобах или картах и сказать, что покушение не предвидится, как Николай успокаивается и начинает выезжать туда и сюда. Официозам остается только делать вид, что народ снова боготворит своего монарха, и усиленно подчеркивать, что «Его Величество изволили проследовать в открытом экипаже».

Шли годы, тревоги чередовались с надеждами, менялись и дворцовые влияния, и как мельчала окружающая дворец жизнь, так мельчали и окружавшие царя советчики, сильные фигуры графа Игнатьева, Трепова, Победоносцева сошли в могилы, водворились посредственности в черносотенном смысле: дедулины, оболенские; их сменяли восторговы, а этих — распутины, профессиональные растлители и сватоши.

В общем, влияния не отличались планомерностью и вращались возле интересов материальных, а не политического характера. За это время и в жизни государыни, и без того надтреснутой и ненормальной, произошла большая перемена — умер ее фаворит генерал Орлов. Мания преследования наложила на него свою руку тяжелее, чем на других, и скрутила молодой еще организм в какие-нибудь два-три года. Тем искренней и горше были высочайшие слезы, проливавшиеся над безвременной могилой прибалтийского умиротворителя, и это были одинокие слезы, генерал не оставил по себе доброй памяти. Императрица долго продолжала посещать дорогую могилу, и так как паломничества эти не могли не быть известны ее мужу, то семейные нелады, от которых никакая власть не страхует, обострились, учащались сцены и увеличивалось число их невольных свидетелей. Во дворце было так же тошно, как в буржуазной семье накануне распада. На беду, психическое состояние Александры Федоровны внушало все худшие опасения, подкраившись, как всегда, незаметно, по закоулкам, устроенным коварной наследственностью, тяжкий психоз выбрал удачную минуту и громко заявил, водворясь поплотнее в бедном человеческом мозге: «J'y suis, j'y reste» *.

Этим удобным случаем было крушение императорской яхты «Штандарт» в финляндских шхерах. Не крушение, простая постановка на мель зазевавшимися придворными мореплавателями, но кто поймет это в первый момент? Царицу с детьми посадили на шлюпку и от-

правили на первый попавшийся островок. К несчастью, острова кишели солдатами, которым даны были прямолинейные, но мало продуманные инструкции палить без предупреждения по всякому приближающемуся судну. Они и открыли беглый огонь по катеру со «Штандарта». Было от чего «в отчаяние прийти», всякая мать поймет это, и больная царица сделалась еще больнее.

К обычной форме маниакального помешательства примешалась вскоре странная, но неприменимая любовь к одной из придворных дам, к Вырубовой. Разлуки с ней приводили жену Николая в такое возбуждение, что однажды пришлось из шхер посылать за возлюбленной фрейлиной миноносцев, и тогда царица успокоилась. Слухи проникали в народ, помешательство царицы становилось общеизвестным и связывалось с судьбой ее сына, рожденного уже после начала болезни. Но Алексей когда еще вырастет, да и будет ли царствовать, а вот мужу и детям сообщество психически больной жены и матери было и тяжело, и опасно, поэтому испробовано было все, что могли дать богатство и власть.

Держали в Вилла-Франке яхту для изоляции на море, строили дворец в Крыму для изоляции на суше, интернировали за решетками замка Фридберга близ Наугейма. Осматривали большую святила мировой медицины, молились о ней архипастыри всех церквей, общее сочувствие родного немецкого народа могло быть полезно как успокаивающее средство. Ничто не помогало. Над семьей Николая нависло, вдобавок к прежним, новое бедствие, и хорошо еще детям, что отец их чадолубив и мил с ними.

Следует думать, однако, что все это молодое поколение заражено повышенной психической возбудимостью, ибо вся обстановка дворцовой жизни слагалась за эти годы так, чтобы дурно влиять на детскую мозговую систему. Невозможно было утаить от детворы, которой нужна беззаботность, что во дворце устраивались блиндированные подземные помещения.

От кого хотели скрываться? Не от народа, если войска верны, а пулеметы на местах и заряжены? Значит, от самих войск? Значит, на преторианцев так же мало надежды, как на каких-нибудь урупских казаков, стрелявших из-за баррикад? Где же верные люди, на кого можно положиться, кто силен на самом деле, а не по виду? Все это были естественные темы для размышлений под детскими полами в те вечерние часы, когда во всякой частной семье ребятишки безмятежно засыпают под напевы няни или мурлыканье раскормленного серого кота. Как всегда на войне

* «Я здесь, и здесь останусь» (фр.). Ответ генерала Мак-Магона в 1855 году, после взятия Малахова кургана, на сообщение о том, что укрепление будет взорвано русскими.

стремятся разрушить прежде всего прикрытие, щит, заслоняющий вражескую грудь, так и народ, сражающийся с чиновничеством, устремляет самые разрушительные силы свои на щит, которым одета грудь этого чудовища, на царя, именем коего освящается и новая солдатская пуговица, и убийство невинного младенца, подозреваемого в метании бомбы или выстреле, никого не убившем. Приходится блиндироваться и другим героям этой многоактной драмы.

Для того случая, когда Столыпин мог бы надолго остаться в Таврическом дворце или даже заночевать, была блиндирована одна из комнат второго этажа: это выяснилось случайно, когда комиссия, заведующая зданием, хотела приспособить там какое-то из думских учреждений, отделение библиотеки или что-то в этом роде. Недоставало только поставить возле двери в этот своеобразный альков пару пулеметов вместо традиционных бронзовых львов или грифов. Между прочим, пулеметами щедро украшены все наружные коридоры царской резиденции, и видеть их может даже не посвященный в технику охраны.

Это смертоносное оружие стояло здесь и в то время, когда на Дальнем Востоке за каждый пулемет можно было бы дать по целому батальону солдат, но охрана империи была далеко не так близка сердцу ее царя, как охрана своего дома, в котором он все более плохо себя чувствовал. Пулеметы оставались на своих местах, а для армии спешно заказывались за границей новые. В комиссии по обороне III Государственной думы об этих пулеметах зашла речь весьма интересная. Нужно сказать, что комиссия не могла нахвалиться присылаемыми из морского и военного министерств «сведущими людьми», техниками, дававшими объяснения по смете. Все это, по словам членов комиссии (кадетов), были, по видимому, честные, образованные и умные люди, которыми всякое государство могло бы гордиться. Одна черта только и отличала их от европейцев, был пункт, действовавший на них, как прикосновение волшебной палочки, при наименовании которого офицеры эти впадали в настоящий транс и разучались членораздельной речи. Эти слова были: «высочайший указ» и «высочайше установленный образец». Произнеся их, сведущее лицо становилось невинно, как новорожденный младенец, ла-

скающий дуло направленного на него пистолета.

— Вы заказали такому-то заводу полторы тысячи пулеметов, как видно из параграфа такого-то этой сметы?

— Да.

— Отвечают ли они последнему слову техники?

О да, это высочайше установленный образец 1905 года.

— Очень хорошо. А патроны к ним заказаны?

— Как же.

— Чем они снаряжаются?

— Порохом, конечно.

— Какого образца?

— Высочайше установленного образца 1908 года.

— А вам известно, что этот порох приблизительно в четыре раза разрушительней того, которым снаряжались патроны для пулеметов 1905 года?

— Известно...

— И что такие патроны будут рвать ствол пулемета?

— Дда... будут...

— Так как же вы заказываете пулеметы одни, а патроны к ним другие?

— Это высочайше установленные образцы, — невозмутимо произносит техники, и по лицам их не видно, издеваются они над думской комиссией, над самими собой, над этими глупыми, ничего не означающими словами, над самим царем, наконец, или говорят серьезно...

То же было и с заказами угля, и с постройкой броненосцев, и с чем угодно. Одни пуговицы и покрои панталон не возбуждали сомнений и недоумений в встревоженных депутатах, считавших, кажется, себя не на шутку ответственными перед родиной за состояние ее вооруженных сил. Только в области одежды и медалей царское имя не компрометировалось, и по всей справедливости можно было предоставить эту область в полное распоряжение самодержца. Все остальное было уже явным злоупотреблением чиновных воров в штатских и военных мундирах.

Страна жила, не думая о том, что все прошлые и все будущие военные поражения совершаются и будут совершаться по заранее предусмотренному и «высочайше установленному образцу»!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Герои нашего времени.— Гурко и Лидваль.— М-ме Эстер.—
Духовное песнопение перед корсетной мастерской.—
Думбадзе.— Его статьи и подвиги.—
Покрытие его грехов из казенных сумм.—
Дружба со столыпинскими детьми.—
Четверостишие о Пергаменте сердечно трогает первого министра.—
Думбадзе наглеет.— Телеграмма Бекману.— Отставка последнего.—
Не Иванов ли 17-й? — Суворин клеветает на Герарда.—
Меньшиков.— Его статьи о федерализме и погромах.—
Аудиенция в Царском Селе.—
Под царские выходы подводится идеологическое основание.—
Дубровин и дело Герценштейна.— Юскевич-Красковский и Гамзей Гамзеич.—
Барон Бугсгевден.— Скандальное помилование.—
Союзники в Ливадии.— Марков в Царском Селе.—
Маразм Богдановича.— Веретенников.— Горчаков.—
Толмачев.— Гершельман.— Скалон.— Драчевский и погром в Ростове.—
Рейнбот.— Почаевская лавра.— Илиодор.—
Иван Кронштадтский.— Падение его престижа в народе.—
Гонения на либеральных министров.— Кауфман.— Шварц.—
Щегловитов развертывается.— Принцип необязательности закона.—
«Петрушка» Дурново снова всплывает.—
Интриги в высших бюрократических сферах.— Склонение влияния Столыпина.—
Морские штаты.— Царь зовет Столыпина в «Союз русского народа».

Независимо от какого-либо руководства или плана слагалась из пестрых событий описываемых здесь лет определенная и очень яркая картина русской действительности. Фон ее, поскольку входили в ее состав широкие слои населения, разрозненно действовавшие, но единодушные в своей ненависти к угнетающему их режиму, мы пытались набросать в предыдущем изложении, теперь нам остается взять наудачу несколько фигур, выступивших волею судеб на первый план картины, фигур настолько характерных, чтобы не нужно было разбрасываться в поисках иных типов. Сделать это тем более легко, что люди эти еще живут, и всякий день приносят доказательства тому, что их жизнь и работа типичны для современного уклада и что благодаря им самая государственность русская получает такой определенный тон, что исчезает всякая опасность одновременности двух мнений о ней среди цивилизованной части человечества.

По окончании этой части нашей печальной задачи нам останется обвести контуры центральных лиц из группы правителей и сделать несколько беглых замечаний общего характера, они приподнимают занавес над ближайшим будущим государства, каким оно рисуется политическим кругам, не потерявшим головы ни в развал революции, ни в реакционные годы. Как ни странно, но никогда в доконституционное время не сказывался так резко на

подборе высшей бюрократии и администрации личный вкус царя. Как будто и в этой области представительный строй несколько освобождал руки бывшего самодержца, не вольного даже в выборе ближайших сотрудников. Но это лишь казалось, на деле же растерявшемуся чиновничеству ничего не оставалось, как тесно прильнуть к царю, временно отрешиться от инициативы, а кстати, взвалить на него и всю ответственность за последствия личной политики. И все перечисляемые ниже типы государственных мужей должны быть судимы с одной, общей точки зрения — их чрезвычайной популярности у царя, не устающего выказывать им знаки своего доверия и любви.

Что бюрократизм встретил учреждение Государственной думы со скрежетом зубным, это было ясно и естественно; столь же естественно было ожидать, что сквозь корректную оболочку высшего его органа должна будет прорваться наружу злорадия чиновничьей души и что для этой роли организм выдвинет наиболее типичные свои элементы. Действительно, вскоре после открытия I сессии парламента страна могла уже созерцать изнанку своего строя во всей ее полноте и отталкивающем безобразии. В записках одного из первых депутатов читаем:

«Но к кому Дума чувствовала настоящую брезгливость, так это к прославленному герою «лидвалиады» (поставка хлеба в голодающие

губернии), товарищу министра внутренних дел Гурко. Небольшого роста, с самонадеянным выражением лица, свойственным всем представителям этой фамилии (автор ошибается, дети фельдмаршала Гурко унаследовали это выражение от своей матери, урожденной графини Салиас, и для Салиасов-то и характерно оно), с закинутой назад головой и высоко вздернутым толстым носом, задрав на стол сложенные накрест ноги, пренебрежительно поглядывая на депутатов, этот невзрачный человек как бы олицетворял в себе все худшие стороны бюрократизма и самое отношение последнего к народному представительству».

Гурко выдвинулся при Плеве, который оценил его способности и беспринципность в должной мере. Странно только, что всемогущий министр, брезговавший явными ворами, не оценил Гурко с этой именно стороны. Наклонность к широкой жизни не по средствам и хищнической добыче денег была (и есть)

одной из отличительных черт семьи героя турецкой войны и усмирителя Польши. Жена последнего брала открыто взятки во время пребывания Гурко в Твери и Варшаве, обращалась с казенным имуществом занимаемых ими дворцов как со своим, увозила мебель, часы, люстры и т. п. Это их сын пытался убить в Монте-Карло известного русского богача Половцева, известно, что в борьбе Половцев успел укусить Гурко за палец, и по этому признаку его арестовали в Париже.

Известно также, что именно наш герой, Иосиф Гурко, передал брату яд из губ в губы при свидании в тюрьме, и последний не дожил до суда. Довольно сильные натуры! Когда открылась вся эта история, знающие семью Гурко говорили про покушавшегося на Половцева: «Это еще не самый дрянной из братьев погиб», намекая на Иосифа, уже тогда подававшего надежды превзойти всех наглостью и преступностью. Добравшись до солидного поста, Гур-

Суд над убийцами депутата Герценштейна. Заседание суда происходит в финляндском поселке близ Териок.

ко вспомнил, вероятно, что его тезка, Иосиф прекрасный, был приставлен к раздаче хлеба голодающим египтянам, и постарался пристроиться к такому же занятию в России. Но, будучи отвратителен лицом, он и в деле своем явился полной антитезой предшественника и в короткое время растратил около миллиона казенных денег, ассигнованных I Думой на помощь бедствующим крестьянам.

Весьма резкие слова лидера трудовиков Аладина, сказанные в то время, оказались пророческими, а ассигнование чиновникам денег на дело, требующее особой щепетильности в отчетах, неблагоразумным. Компания, в которой работал Гурко, оказалась вполне подходящей. Это были: содержательница корсетной мастерской некая Эстер (она же была сводницей) и Лидваль, промышлявший и клозетами, и игорными домами, и чем вообще подойдет.

Дружеское трио быстро приспособилось к ассигнованным Думой миллионам, из них были погашены векселя Гурко, удовлетворены аппетиты его, Лидваля и корсетницы, дана взятка нижегородскому губернатору барону Фредериксу за содержание веселого притона (Лидвалем), в общем всего до восьмисот тысяч рублей. Лидваль скрылся, бедствует теперь в Лондоне и охотно рассказывает о роли Гурко, бывшего инициатором всей эпопеи. Гурко был осужден сенатом и в течение трех лет не мог занимать никакой должности, но Николай не мог оставить в беде столь импонировавшего его темпераменту молодца и помиловал его, как миловал погромщиков, убийц и вообще всех преступников, расписывавшихся в своей преданности ему. Черносотенцы, бывшие в момент процесса Гурко в особом фаворе и единственными, имевшими право собраний, после одного из митингов продефилировали перед корсетной мастерской Эстер и почтили еврейку-сводницу и ее высокого друга пением церковной молитвы: «Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас!»

Самые странные явления становились обычными, и Божество, вероятно, перестало разбираться в обращениях к нему, несшихся с этой удивительной части земного шара, где по Его произволению Николай и его сподвижники показывали свое удалство и изобретательность.

Не успел закатиться Гурко, как новая звезда выступила на реакционном небосклоне — главноначальствующий города Ялты в Крыму генерал Думбадзе. Необразованный и придурковатый строевой офицер, Думбадзе нюхом не годяся понял, что нужно делать, чтобы быть в силе, так как наличность царской резиденции вблизи Ялты ставила его в непосредственную близость к дворцовому ведомству и самому

*Суд над убийцами Герценштейна.
На первом плане Ларичкин,
ныне выдавший все детали дела
и всех участников,
кончая камергером бароном Бугсгевденом
и генералом фон дер Лауницем,
не говоря о докторе.
Справа Пруссаков, бывший секретарь главного совета
«Союза русского народа»,
разоблачивший его боевую деятельность.*

Николаю. Прежде всего он пустился в полемику с прогрессивной прессой и издателями революционных прокламаций. Написанные нелепым языком и исполненные крикливого пафоса, эти генеральские статьи служили украшениями сатирических журналов, перепечатывавших их дословно.

Потом наступил период активной борьбы с крымской крамолой, существовавшей, впрочем, только в воображении начинавшего мешаться в уме генерала. Думбадзе летал, окруженный отрядом конных стражников, по городу и уезду, наводя страх на мирных жителей и смеша революционеров, если только они были там. Наконец, неудовлетворенный этими бескровными победами, царский любимец, увешанный орденами и обложенный пачками монарших телеграмм, до того раздражил местное население, что покушения на его, генерала, жизнь появились уже как естественный

результат белого террора. После второго покушения ошалевший генерал не только сжег немедленно дачу, из которой сделан был в него неудачный выстрел (от этого поджога сгорела и другая, ни в чем уже не повинная дача), но и вырубил все деревья, окружавшие их. Кажется, если б здесь случайно находилась гора, он срыл бы ее, а если б плескалось море, попытался бы засыпать последнее.

Человек явно выживал из ума, но его продолжал хвалить Николай, и чиновники-министры заискивали в уездном Чингисхане. За убытки, нанесенные дачевладельцам (несколько десятков тысяч рублей), Столыпин заплатил из десятиллионного фонда, так как и подумать не смел о возможности судебного процесса для лица, бывшего столь же безответственным, как сам царь. Да и личные отношения, предусмотрительно завязанные Столыпиным с Думбадзе, мешали этому. Министерские и думбадзевские дети вели между собой (по распоряжению папаш) нежную дружбу, и Столыпин после одной из поездок в Крым сам рассказал председателю Думы Н. Хомякову трогательную историю о том, как хор из его и думбадзе детей пел сложенную ими песенку про одесского депутата Пергамент (крещенного еврея, известного адвоката и математика), бывшего одним из заметных членов III Думы:

«Жид Пергамент
Попал в парламент,
Сидел бы лучше дома
И ждал погрома».

Мало мудреного, что царские милости и дружба первого министра свихнули генеральский мозг окончательно. Думбадзе было теперь мало местных крамольников, местной печати. Он хотел искоренять крамолу всероссийскую, писал новые статьи уже в столичных журналы, грозил отдельным лицам и группам и кончил тем, что послал дерзкую телеграмму финляндскому генерал-губернатору Бекману, изменившему, по его мнению, государю тем, что допустил какое-то местное торжество. Дерзость эта всполошила высшие сферы, начинавшие понимать, что положение самих министров стало бы непрочным и унижительным, если не пресечь в корне озорства отбившихся от рук маленьких сатрапов.

Началась глухая борьба с Думбадзе. Говорили, что Столыпин поставил вопрос ребром: «или он — или Думбадзе». В результате остались на местах оба, а получил отставку... финляндский генерал-губернатор, которому поставлено было в вину... исполнение закона! Это вовсе не шутка, а всем известное дело. Из Думбадзе выработывался тот тип диктатора, который был выведен небезызвестным публи-

цистом Шараповым в его памфлете «Иванов 17-й», где первый попавшийся под царскую руку полковник русской армии наводит в два месяца полный порядок в империи. Насколько незavidно было положение добросовестных чиновников Николая, видно особенно по финляндскому генерал-губернаторству. Предшественник Бекмана, Герард, один из самых почтенных членов Государственного Совета (по назначению), был не только уволен за закономерность своих действий, но еще и оклеветан «Новым временем», упорно отвиливающим и до сего времени от суда, к которому притянул суворинский орган обиженный Герард.

Газета эта тоже стояла на линии безответственных любимцев, так как главный столп клеветничества и политического изуверства — Меньшиков чрезвычайно импонировал Николаю. Царя так же оглушала и вызывала приятный холодок в спине гаерская трескотня меньшевистских фельетонов, как оглушает крестьянского парня, впервые услышавшего плохой духовой оркестр в заезжем цирке, звук меди. Самая способность изо дня в день писать сотни строк, где часто попадались блески настоящего публицистического дарования, должна была поражать мозг человека, с трудом комбиниовавшего свои речи и пометки из двух-трех десятков заученных фраз. Зато эти фразы вызывали в преданном Иуде (в свое время Меньшиков воспевал и кадетов, и революцию) настоящие припадки хамства, и он выворачивался наизнанку, лишь бы подвести под царские помышления какой-нибудь особый, божественный смысл.

Упорно говорили последнее время, что Меньшиков почти еженедельно приглашается к царю, разделяя с другими проходимцами завидную судьбу прописывать русскому императору рецепты спасения самодержавия. В немногие светлые промежутки, когда на чернильной душе бывшего либерала играют еще блики чести, а природный ум вступает в свои права, Меньшиков проговаривается вещами, которые никому другому не прошли бы даром. Так, однажды он написал превосходную статью, в которой доказывал без обычных ужимок то, что Россия уже опоздала с реформами и что ей нужна, так сказать, «сверхреформа», именно переход к федеральному строю. С убедительностью, которой не худо было бы поучиться многим присяжным русским федералистам, Меньшиков говорил о единстве, сплоченности и силе государства, которые обеспечивал только федеральный его строй. В статье не было ни одной фальшивой ноты, и потому-то вся она была сочтена за талантливую буффонаду, и автора не тронули.

Затем снова наступил период запоя черносотенными идеями, продолжающийся и до сих пор. Довольно сказать, что пометка царя о желательности насаждения во всех школах солдатской игры через посредство унтер-офицеров запаса вызвала дикий восторг Меньшикова, прокричавшего, что Россия уже спасена гением ее государя. Этот же человек не стеснился взять под свою защиту и тех погромщиков и политических убийц, которых жаловал царь. Дубровин, совершенно разоблаченный в подготовке и организации убийства Герценштейна, находил до самого своего падения сочувствие на столбцах «Нового времени».

Вместе с губернаторами Меньшиков расширялся перед посланниками «Союза русского народа», ведшими себя в провинции так, как никогда ни один сенатор-ревизор не мог себя вести. Убийцы Герценштейна, Юскевич-Красковский и Тополев, слышавший больше под своей партийной кличкой Гамзей Гамзеича, были помилованы царем, опиравшимся на сочувствие своего полуофициоза, а один из главных подстрекателей, барон Бугсгевден, продолжает стоять очень близко и к боевой дружине Союза, и к царю.

Союзники, руководимые такими приближенными, как Бугсгевден или Майков (камергер и погромщик), могли держать себя свободно в царском присутствии и дерзали требовать аудиенций, где бы царь ни находился. Именно в Ливадии, куда загнала царя болезнь Александры Федоровны, и было выхлопотано (безо всякого труда) скандальное помилование Тополева, причем союзники нарочно признавались тут же в том, что действительно Гамзей и Дубровин руководили убийством. Таким образом, они накрепко пришли к своей боевой дружине и самого Николая, не снимавшего, впрочем, с мундира и малиновой рубашки значка Союза.

Депутат Марков, стяжавший славу первого думского скандалиста, был не однажды и очень ласково принят царем, показывавшим ему своего сына Алексея, между тем Марков не мог оправдаться во взводимых на него обвинениях в хищениях, произведенных в Курской губернии, и суд только потому не накладывает на него своей руки, что руки эти давно закованы в кандалы Щегловитовым. Марков и Пуришкевич сменили впавшего в маразм генерала Богдановича и ждут только знака, чтобы начать писать погромные прокламации и устраивать погромы, которыми они продолжают грозить народу с думской трибуны. Действительно, если к тому времени уцелеют на своих местах губернаторы, вроде тех, кого мы сейчас переберем, то погромы, хоть и неболь-

шие, потому что народ уже не тот стал, но устроить еще будет можно.

Военный инженер, полковник Веретенников, всячески старавшийся пристроиться к петербургскому городскому самоуправлению, славному на всю Россию своими хищениями, и не успевший в этом, использовал свои связи в 1906—1907 годах в ином направлении и довольно легко получил место губернатора в Киеве.

Союзники ликовали, когда губернатор оказался по своей исключительной бестактности и свободе обращения с казенными суммами неудобным и его собирались убрать, полетели телеграммы к царю об его оставлении в Киеве, пришлось, во внимание к этим знакам любви, направить Веретенникова не в суд, где ему по всем правилам надлежало очутиться, а в Кострому, губернатором же. Здесь он установил несколько интересных рекордов административной находчивости, между прочим, издавал на казенные средства провокационную газету «Рабочий», в которой сам упражнялся в агитации и уловлении крамолы. В короткий срок Веретенников разогнал столько служащего народа, восстановил против себя такие спокойные дотоле круги, что уже никакие связи и телеграммы не могли отсрочить отставки.

В Вятке орудовал еще более глупый и готовый на все человек-князь Горчаков. Пользуясь его ограниченностью, подчиненные воровали на глазах у всех, маскируя свои преступления повальным преследованием всех честных людей за крамолу. Губернатор и сам не разбирался хорошенько в том, что кому принадлежит, и налегал на разбиравшихся в этом, почитая их за революционеров. Это тоже был любимец Николая, которому знал, чем угодить, принося в царский кабинет всякие губернские сплетни. Так, он сам с радостью рассказывал, будучи уже калужским губернатором, как после смерти Льва Толстого он имел высочайшую аудиенцию и как, кончив доклад, он торжественно произнес:

— Не могу скрыть от Вашего Императорского Величества, что А. Л. Толстая находится в незаконной связи с Чертковым!

Тогда, продолжает находчивый администратор, государь взял меня за руки, крепко потряс их и сказал душевным голосом:

— Благодарю, благодарю Вас, теперь мне все стало понятно!

Интересно было бы знать, конечно, что могло стать понятным, кроме того, что оба, и докладчик, и император, стоили друг друга, но Горчаков не дерзал анализировать царских чувств. Да и мог ли что-нибудь анализировать человек, заставлявший губернскую полицию,

Босоногая страница. Один из типов, поощряемых царем, который старается со всеми знакомиться, как бы ища той правды и мудрости, которых не видит вокруг себя, и вообще не знает. Рядом с босоножкой — секретарь Ивана Кронштадтского, специалист по устройству свадеб.

чиновников и даже железнодорожных служащих своей губернии распространять написанную его женой черносотенную брошюру, в которой губернаторша вела рассказ от имени заводской кобылы и пускалась в такие конно-заводческие подробности, что московский цензурный комитет привлек автора к суду за порнографию! Дело уладилось, но стало известно далеко за пределами губернии.

Одесский градоначальник Толмачев, организатор местной боевой дружины среди черносотенных студентов и бесцеремонно подтастовывающий выборы в городскую и Государственную думу, в совет университета, покровитель союзников и устроитель хлебных дел для их главарей, тоже отличался в Царском Селе, и рука власти долго не достигала до его воротника, чтобы вывести вон из разоряемого им города.

О московском генерал-губернаторе Гершельмане и варшавском Скалоне мы уже упоминали. Эти стали на рискованную позицию, подвывая от царского имени бессудным казням

людей, на которых иной раз не возводилось даже агентурных обвинений. К общему удивлению, оба попали в цель, царь не огорчился их убийствами, а сенат отпустил им грехи и благословил на новые. Только резкое возмущение европейского общественного мнения заставило сократить число казней, и усердию Скалона и Гершельмана был положен естественный предел.

Не менее приятен был и петербургский градоначальник генерал Драчевский, он сам рассказывал о своей аудиенции перед отправлением на место службы, в город Ростов, в эпоху погромов. Нужно заметить, что именно его назначению предшествовал известный ростовский погром, и, желая показать царю свою заботливость, будущий правитель Ростова указал государю на трудность успокоения города, взволнованного погромом.

— А большой был погром? — спросил Николай.

— Сорок евреев убито, Ваше Величество, кроме раненых.

— Только-то? — протянул тот, — а я думал гораздо больше.

Так как Драчевский, выйдя из кабинета, рассказал историю и все увидели, что он теперь знает, какой погром надо устроить, то пришлось министру посылать ему депеши с просьбой воздержаться от политики угождения этим вкусам.

Дело московского градоначальника генерала Рейнбота, проворовавшегося слишком открыто и широко, чтобы быть заматым, не столько огорчило царя с этой стороны, сколько тем, что Рейнбот не мог никак поделить власти с Гершельманом, и оба топили друг друга. Но так как Гершельман имел в глазах царя огромное преимущество как безответственный и хладнокровный палач, то Рейнботу пришлось ответить за такие, по его мнению, пустые дела, о которых и разговора не зашло бы, если б в его служебном балансе была пара-другая висельников. Висельники-то возле него были, да не те, например Климович, его помощник, разбрасыватель треповских прокламаций и открытый вор, Моисеенко, начальник сыскающей полиции и он же глава московских громил и разбойников, и т. д. ...Длитель этот перечень можно сколько угодно, только места не хватает.

В другой области, где царь всегда особенно афишировал свои чувства, в церковной, по его излюбленным представителям духовенства также можно было судить о желательном для него направлении церковной политики. Тщетны были просьбы честных архиереев, обер-прокуроров и высокопоставленных советников ца-

ря, если они просили об обуздании или суде проповедников и устроителей погромов, священников Виталия, Илиодора, Восторгова, епископа Гермогена и им подобных членов «Союза русского народа».

Почаевский монастырь, из типографии которого триста лет назад исходили первые в том краю (да почти и во всей России) книги религиозного содержания, выпускал в XX веке тучи гнуснейших прокламаций, где призывы к погромам и политическим убийствам чередовались с доносами на высших чинов государственного управления. Ни одна революционная партия не могла так подрывать престижа власти, как эта покровительствуемая царем литература, и однако ни синод, ни Столыпин не могли прекратить преступной деятельности Виталия. Так же безнаказанно действовал в другом городе Илиодор, самолично участвовавший в уличных избиениях и обративший свою церковь в место черносотенных митингов, иконы храма безмолвствовали, а кадильный дым безмятежно перевивался с трехэтажной руганью, висевшей в воздухе после всякой зажигательной речи безумного попа.

Знаменитый Иван Кронштадтский немного запоздал по возрасту к погромному периоду, а то показал бы себя. Обозленный позором, которым он покрыл себя, бежав из своего Лурда при первом уличном беспорядке, когда одно его слово могло остановить чернь, он пустился в открытую антисемитическую проповедь в Петербурге, открыл даже целый курс политической пропаганды, а в церковных речах дошел до такой откровенности, что однажды предал анафеме самого Столыпина.

Речь была без сокращений в свое время напечатана в официозе петербургского градоначальства, вызвав немало смеха и недоумения. Курьезно, что одновременно с ростом фавора у царя и черносотенцев престиж Ивана в народе систематически уменьшался, и смерть российского чудотворца, сочетавшего чистейший шарлатанизм и легкомысленность по части женщин с иступленностью иллюмината, не произвела за пределами столицы никакого впечатления. Явность царских симпатий была так велика, что союзники могли расширять рамки своих выступлений против неугодных им представителей власти за любые пределы. Добралась скоро и до министров. При вынужденном молчании одной части прессы и поощрении другой нетрудно было создать фикцию широкого негодования, ибо никто не называл царю числа читателей союзнических листков. Особенно доставалось Кауфману, министру народного просвещения, и он действительно был сменен ставленником черносотенцев Шварцем.

Иеромонах Илиодор в гостях в Иоанновском монастыре в Петербурге

Последний, впрочем, так перестарался по части ущемления высшей школы в административные тиски, что пришлось удалить его.

Столыпин, видимо, тяготился зависимостью своей от навязываемых ему черной сотней товарищей и старался проводить своих родных и друзей, создавая из них сплоченную группу, свергнуть которую было уже потрудней. Непотизм был тем хуже, что родня как назло была бездарна и совершенно неизвестна, вследствие чего происходили настоящие курьезы, как, например, назначение на место Шварца графа Кассо, и не помышлявшего о чести еще за неделю до назначения и решительно не понимавшего дела. Балет и спорт — вот где была его сфера. Один Щегловитов держался прочно все эти годы, да и где было сыскать человека, который соединял бы с умом, образованием, специальными знаниями еще и полную беспринципность и готовность к покрытию всяких преступлений, если из этого можно было извлечь материальную или иную выгоду? Наконец, он развернулся так пышно, что не мог уже сдерживать благоухание генерал-прокурорского цинизма, и с думской трибуны громко и торжественно установил принцип необязательности для него закона.

Вместе с глупыми националистами, аплодировавшими громко, аплодировал ему в душе и «Петрушка» Дурново, начавший понемногу всплывать на поверхности бюрократического болота. Для этого закон никогда не был препятствием, и Щегловитов, по его мнению, вел «настоящую линию». Сам же Дурново избрал иной путь к влиянию — интригу в высших чиновничьих сферах, замутив их, а главное — ссадив ненавистного Столыпина, всем мозолившего глаза своим хотя бы и приторным, но все же конституционализмом, а больше того — личной честностью, и лукавый «Петрушка», прикрываясь простаком Акимовым, председателем Государственного Совета, добился того, что последний стал чаще бывать у царя, нежели Столыпин, и со слов своего руководителя нашептывал против первого министра.

За исходом борьбы следили с тем большим интересом, что была третья сторона, с которой велись подкопы, — Витте проснулся от вынужденной спячки и стал пробираться к власти, продолжая, по обыкновению, раскланиваться на два фронта. И странно, что изо всей этой

группы, быть может, ниже всех в общественном мнении стоял не миллионер за казенный счет Витте, не плутяга Дурново, не тупица Акимов, а именно Столыпин. Его унижительная роль при обсуждении морских штатов, когда он после царской оплеухи не ушел, как обещал, в отставку, еще больше вызвала к нему общее презрение, нежели роспуск двух Дум и переворот 3 июня, где проявлена была известная спешность. Вероятно, Николай понимал, что теперь Столыпин достаточно низок для того, чтобы обратиться к нему с любым предложением. И он сказал ему: «Петр Аркадьевич, отчего вы не запишетесь в члены «Союза русского народа»? Ведь Дубровина теперь нет в главном совете».

Изумление было велико, но Столыпин не решился опуститься окончательно на дно, где давно пребывал внутренне презираемый им повелитель, и отвечал новым и решительным отказом. Этого ему не простили, и акции некогда всесильного министра пошли еще быстрее под гору. Где ты, графский титул, где кличка «спасителя России»?..

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Правители.— Падение умственного и нравственного уровня все усложняющейся жизни.—

Старые князья Константин, Николай и Михаил.— Слабоумие Владимира.—

Растрата им денег, собранных на собор в память убийства Александра II.—

Мария Павловна.— Широкие нравы.— Переписка с Бисмарком.—

Священная дружина, предтеча «Союза русского народа».—

И здесь регресс.— Сыновья Владимира.— Дома и на войне.— Алексей Александрович.—

Пьянство, катанье после Цусимы.— Баллета.—

Татуировка.— Слон и граммофон.— Сергей Александрович.—

Гомосексуализм.— Юдофобство Сергея.— Павел.—

Александра Георгиевна и Елисавета Федоровна.— Драма в селе Ильинском.—

Николай Николаевич.— Охоты.— Мнение о Дубасове.—

Николай Михайлович.— Александр Михайлович.— Дети Константина.—

Психоз на тронах и возле них.— Старая царица.— Михаил Александрович.—

Шереметевская.— Слухи о бурном объяснении Михаила с братом и матерью.—

Мелюзга.— Общее число князей.— Еще царь.—

Помилование поджигателя Федорова.— На свободе.— Случай с трамваем.—

Потребность в мистицизме. Во что это вырождается.—

Григорий Распутин.— Старьевщик еврей и иконы для царицы.—

Дружба с Рачковским.— Награждение орденом с себя.— Дети.—

Мнение крестьян о наследнике и царе.—

Атмосфера праздности, богатства и страха.—

«Императорская религия» и горный департамент.— Расцвет дурных инстинктов.—

Почва для провокации всякого рода.

В числе рассеянных в революции миражей, заслонявших горизонт политической и гражданской свободы, было и традиционное почтение к царствующему дому. Холопское отношение дворянства, впоследствии выродившееся в чиновничье низкопоклонство, продолжаясь из века в век, сделало то, что далеко не один

простой народ привык смотреть на правителей снизу вверх. Огромные деньги, сыпавшиеся из кошельков подданных в государственную казну, не только давали заработок властям, но и покрывали такой густой позолотой царский трон, царя и его родню, что с течением времени эмблемы эти и особы сделались в букваль-

ном смысле слова «драгоценными». Народ давал полную возможность членам одной семьи делать все для ее собственного возвеличения и думал, что наверху правления находятся какие-то особые люди, живущие, думающие и понимающие лучше, нежели управляемые, погруженные по шею в низменные житейские болота. Фикция держалась ровно столько времени, как и вера в мощь государства, управляемого полицией. Золотой трон, золотые мундиры, золотые слова манифестов — все оказалось мишурой, обманным жалким пухом. «И было крушение их великое», как говорит Библия. Жадная до всего сенсационного, скандального, толпа с тем большей и злой радостью начала трепать по земле вчерашних кумиров, чем больше оказывала им раньше доверия и преданности.

Дворянство и бюрократия, сами свалившиеся в пропасть, не думали о том, как бы своими телами прикрыть обнаружившуюся наготу царствующих, и последним ничего не оставалось делать, как так и пребыть голыми навсегда. Да, можно без преувеличения сказать, что престиж дома Романовых утрачен навсегда, и ниже мы приведем ряд фактов биографического характера, который докажет нам это. Окна дворцов открыты вихрем 1905 года настужь, и взоры толпы, в них устремленные, не отворотить ни ружейным, ни каким другим огнем.

Одним из самых зловещих признаков, предсказывавших еще за много лет до революции предстоящую катастрофу, было все возраставшее несоответствие между развитием народа и его правителей. Пока несоответствие это было в пользу царей, государство продолжало усиливаться, и хотя упрочивалось самодержавие, но много перепало и народу, выходящему из своих исторических пеленок. Петра I, конечно, нельзя ставить в общий ряд. Будучи не только физическим, но и духовным ростом на голову выше своих современников, он внес в свою деятельность и всю ту свежесть, все творение, которые влила в его жилы кровь его действительного отца, пылкого, умного и самовластного патриарха Никона.

Промежуток между ним и Екатериной II, естественно, должен был показаться темным. Но эта государыня принесла с собой в Россию вместе с другими добрыми стремлениями и сознание, что царствующие должны быть умны, образованы и хорошо развиты, если они хотят действительно управлять, усиливать свое государство изнутри и раздвигать его внешние границы.

Созерцание нравов и порядков двора Елизаветы, жизнь с мужем Петром III и знакомство с историей своего века были в этом отношении

Великий князь Константин Николаевич

хорошей школой. Не быв в состоянии влиять на воспитание своего сына Павла, царица перенесла все заботы свои на внука Александра, который и получил превосходное по тому времени образование. Даже суровый брат его, Николай, и тот призвал к своему наследнику лучших людей. Как бы ни судить царствования этих двух Александров, но следы разумного воспитания сказались на них благотворно. Если бы не умер наследник Александра II, Николай *, также руководившийся просвещенными людьми, судьба России на рубеже XX века могла бы оказаться иной.

Но именно благодаря странной близорукости, заставлявшей обращать внимание только на воспитание наследников, братья последних получали поверхностное, преимущественно военное образование, держались в стороне от хода государственных дел и, быв поставлены судьбой во главе их, отражали черты своей необразованности и скудного умственного развития и на всем управлении. Таковы были

* Николай Александрович.

Великий князь Николай Михайлович

царствования Николая I и Александра III. Последний является настолько отставшим в развитии и опыте от окружавших его, что личная политика, от которой не свободен никакой монархический режим, должна была самым реакционным образом отразиться на всем царствовании, если б даже и не предшествовали ему цареубийство и революционное брожение. Все же плачевнее стремление Александра замкнуться в узком кругу семейных интересов и соответствующее его примитивным взглядам воспитание наследника. Таким образом, в то самое время, как расширялась государственная территория и жизнь усложнялась общим ходом мировой истории и цивилизации, самодержцы русские все более отходили от того типа просвещенных монархов, который обещал выработаться еще столетие тому назад.

По этой понижающейся линии шло и поведение правящего класса, а равно и традиционной опоры абсолютизма — поместного дворянства. Первый, будучи бесконтрольным и самовластным, быстро втянулся в казнокрадство

и лень, а второе, лишенное даровых рабочих, промотало свои поместья и перешло в паразитарное состояние, расширив влияние на царей и на местное управление. Такова была общая конъюнктура еще в то время, когда были живы братья Александра II, свидетели великих реформ и пробуждения народа к сознательной жизни.

Впрочем, и эти осколки бывшего романовского типа были в значительной степени тронуты теми чертами вырождения, которые на их потомстве сказались уже воочию. Константин Николаевич, сначала суровый генерал-адмирал, а потом попавший под тайный политический надзор сподвижник деятелей освобождения крестьян, под старость сошел с ума, успев передать психическую неустойчивость и двум старшим своим сыновьям, слабоумному и опустившемуся Николаю и нынешнему президенту Академии наук Константину. Николай Николаевич старший, лихой кавалерист и неутомимый донжуан, не только распустил вверенную ему часть армии, но, всегда нуждаясь в средствах, открыто лихоимствовал, особенно прославившись этим в годы турецкой войны, когда интенданты и поставщики отваливали в великокняжеский бумажник львиную долю своих барышей.

Еще при жизни своей жены связавшись с балетной танцовщицей Числовой, великий князь прижил с нею многочисленное потомство, получившее фамилию Николаева и доселе сосущее казну. От непрестанных кутежей и разврата Николай Николаевич впал под конец своей жизни в маразм и одно время усиленно приставал к своей собственной дочери (от Числовой). Получив от нее во время какой-то семейной попойки удар бутылкой по лицу, непристойный отец заболел и вскоре впал в то жалкое состояние, которое известно под именем «навиходоносоровой болезни». Его Высочество воображало себя, как и следовало ожидать, конем, стояло в нарочито построенном во дворе стойле, жевало овес, лягалось и в таком времяпрепровождении скончало свои дни, оставив неопишуемые долги, разоренные дворцы и плохую, воровскую славу.

Михаил Николаевич, по мере возможности вносивший в артиллерийское ведомство начала того разложения, которое привело русскую армию к Мукдену, был женат на принцессе, в жилах которой текла более или менее чистая еврейская кровь. Вследствие этого дети его оказались здоровее и способнее своих двоюродных братьев. Но их мать была стяжательница и доходила до взяточничества вещами, бриллиантами и разными дорогими безделушками. Живя всегда скромно, эта семья является те-

перь одной из самых богатых отраслей дома Романовых.

Когда выросли дети Александра II и мало-помалу заступили места своих дядей, общественное внимание сосредоточилось на них, как на ближайшей родне и помощниках царствующего императора. Нужно сказать, что во второй половине прошлого века престиж недосыгаемости царей поблек, и не только в обществе, но и в народе ходили всякие слухи, в общем низводившие земных богов до уровня улицы. На этом уровне дети царя-освободителя стяжали себе разнообразные, но столь прочные репутации развратников и кутил, что они живы и до сих пор. Судьба не обидела их ни способностями, ни, особенно, наружностью: красавцы выросли на подбор. Отдав должную и щедрую дань приключениям молодости, все должны были бы пожениться на немецких принцессах, остепениться и зажить добрыми семьянинами, хотя бы по внешности. Но совершил это один Владимир; браки Павла и Сергея были драматичны и не отвечали обычному лоску дворцовой жизни.

Великий князь Владимир Александрович делил свою судьбу между строем, последовательно проходя в нем ступени, ведущие к фельдмаршалству (не дожил), и Академией художеств, президентом которой он состоял. Женат был на Марии Павловне, давшей ему красивых, но окончательно беспутных детей и отличавшейся столь любвеобильной натурой, что среди гвардейской молодежи фавориты великой княгини перестали быть редкостью. Офицеры чередовались со штатскими, знатные — с людьми простого происхождения. Оценка поведения высокой дамы была сделана, между прочим, известным артистом театра Гитри в один из сказочных кутежей, о которых Петербург узнавал на другой же день. Гитри навсегда был выслан из Петербурга. Такова-то была семейная жизнь Владимира, когда с нее снимался колпак придворного и общебуржуазного *comme il faut* *.

Как и великий князь Николай Николаевич старший, Владимир всегда нуждался в деньгах, оплачивать приходилось не только свои, но и жинины и детские развлечения, а натуры у всех были широкие. Занимать было невесело, векселя рано или поздно предъявляли по взысканию. И немолодой уже князь, царский брат и командующий войсками округа, смело пошел по тому пути, который простых смертных приводит в Сибирь, по пути растраты чужих денег. Этими деньгами были три миллиона рублей, собранные по всенародной подписке на

*Мария Федоровна, императрица,
доселе оказывающая влияние на Николая II.
Это она отставала Столыпина,
в котором царь давно был разочарован.
Опора придворной камарилы.*

постройку храма на месте убийства Александра II. Владимир состоял председателем комитета по постройке, секретарь Академии художеств Есеев — секретарем комитета, деньги неосторожно были переданы туда же. Сколько лет продолжали черпать из этого фонда, сколько перепадало Есееву, также любившему «пожить», сколько художнику Клеверу, почему-то прикосновенному к комитетским делам и деньгам, теперь трудно установить... Одно ясно: у всякого денежного фонда есть конец, и он в один прекрасный день пришел к трем миллионам.

Есеев попал в ссылку, не выдав ни одним звуком своего высокого патрона, деньги пополнили из других источников и принялись наконец за постройку церкви, конченной только на двадцать шестой год после смерти Александра II. В то время как великий князь жуировал

* Как надо (фр.).

и ездил на парады, жена его, вперемежку с развлечениями и увлечениями, занималась и политикой. Говорили всегда о ее честолюбии и недовольстве своей довольно скромной ролью, всякое затруднение в русских делах, всякий намек на смену режима, а главное — на возможность нового цареубийства волновали честолюбивую душу Марии Павловны, муж которой вступал в последнем случае в регентство. На этой почве возникла переписка великой княгини с Бисмарком, которая была, однако, прервана довольно необычным образом.

Когда воцарился Александр III, его направление окружающим было почти неизвестно. Старый Двор чуждался наследника, подражая самому царю, его не любившему, но тем более следовало этому Двору опасаться перемен с восшествием на престол нового царя, следовало обезопасить себя и своих близких, следовало изолировать Александра III от всякого общения с новыми людьми, даже припугнуть его. Ради этой почтенной цели образовалась так называемая «Священная дружина», протекта современного «Союза русского народа», разница, и существенная, была лишь в том, что Союз состоит из подонков населения, а состав дружины был высокоаристократическим. В нее входили гвардейские офицеры, чины Двора, молодые чиновники Государственного Совета и частные лица петербургского высшего света.

Молодые шпионы проявили недюжинные способности, но судьба не дала им развернуться как следует, царь оказался реакционером от головы до пят. Наибольшая неприятность постигла именно жену великого князя Владимира: ее корреспонденция к железному канцлеру была выслежена графом Шуваловым, адъютантом ее мужа, молодым крезом, преследовавшим какие-то неясные, но сильные цели. Владимир выгнал Шувалова из дома, но когда Шувалов через некоторое время был пожалован в флигель-адъютанты, то Владимир с ним помирился. Владимир, как все кутилы, был добродушен. Таким образом, в смысле организации черных сотен оказался регресс. Богачей и знать, отдававших славу имен своих предков во власть позора добровольного шпионажа, сменили голыши и безродные торговцы совестью, убийцы и погромщики, самое же главное — Александр III глубоко чужд был дрянной затее, выросшей возле его трона, как сорная трава на пьедестале заброшенного памятника, а Николай, свалившись с этого трона, сам обратился в плевел, распустившийся при содействии союзников и громил до нынешнего своего печального облика.

Из сыновей Владимира проку не вышло, да и не могло выйти. Кирилл, едва не утонувший

при взрыве «Петропавловска», всем антипатичный и гордый человек, был выслан за границу по причинам матримониального характера.

Борис перешеголял в кутежах отца, братьев, кузенов, весь гвардейский корпус. В ресторанах он раздевал кокоток и выпускал их голыми в общие залы. На войне завел целый гарем, причем те же кокотки носили здесь платье сестер милосердия, а когда Куропаткин просил молодого наглеца удалиться из армии, Борис бросился на главнокомандующего с обнаженной саблей и даже оцарапал ему нос.

Лучше остальных был Андрей, военный юрист. Дочь Елена, красавица, кружившая головы офицерам и на которой одно время просил позволения жениться великий князь Михаил Александрович, вела себя довольно неприужденно, и ее немного запоздалый брак с греческим королевичем не столько вышел эпилогом чистого девического романа, сколько циркулировавших в столице пересудов.

Алексей Александрович, заменивший на посту генерал-адмирала строгого и неподкупного Константина, всю жизнь прожил холостяком, если не считать его морганатического брака с Жуковской, потомство которой носит фамилию графов Белевских. Горький пьяница и распутник, Алексей был к тому же ленив и ограничен, а по части служебного долга отличался полной невинностью. Покрывая своим именем все ведение дела морской обороны России, он развратил морское ведомство так основательно, что едва ли ему суждено теперь оправиться когда-нибудь и догнать ушедшие вперед европейские флоты. Все виды уголовных преступлений в обращении с деньгами были тут налицо, и притом в колоссальных цифрах. От постройки броненосцев в лапах строителей, министров морских и всяких других оставалось около половины ассигнованных миллионов. Пушки не стреляли, плиты брони распозались, ибо вместо заклепок ставились деревянные втулки, а то и просто сальные свечи. Подряды сдавались тому, кто большую взятку давал, и этому развращающему влиянию подвергались мало-помалу даже иностранные заводы (Викерс в Англии, Никкольс в Америке).

Когда война с Японией произвела экзамен творению великого князя Алексея, то флот опустился на дно Желтого моря, а система поднялась со дна петербургского воровского моря на поверхность и торжественно поплыла перед изумленными народами. Не для того поплыла, чтобы войти в последнюю гавань — каторгу и ссылку, а чтобы под флагом конституции оставаться тем, чем всегда была, — флотилией пиратов. Великий князь Алексей

в день известия о цусимской гекатомбе безмятежно катался по петербургским улицам, направляясь к своей возлюбленной, артистке Михайловского театра Баллета. Там ждали его туалетные принадлежности в виде массивных серебряных слонов и других экзотических зверей, граммофоны, в которые великий князь напевал осипшим от беспробудного пьянства голосом порнографические шансонетки и простую русскую ругань, никого уже не удивляла пышная татуировка выхолненного, хотя и одряблевшего адмиральского тела — парфорсная охота на лисицу. Эта татуировка была настоящей эмблемой: как жокеи на лошадях скакали вокруг туловища Алексея, так морские разбойники в мундирах рыскали вокруг расходимого им морского бюджета, и как лисица скрывалась в центре адмиральского трупя, так от русского флота всегда торчал только один хвостик — дырявые «калоши», как называли свои суда сами моряки. Остальное было переварено молохом абсолютизма вместе с другими его детищами.

Алексей мало занимался службой, он был постоянным гостем европейских курортов и игорных притонов, открывателем всемирных выставок и т. п. В Париже много смеялись над его подъемом на Эйфелеву башню, где он велел приставить к флагштоку лестницу и влез на нее, чтобы похлопать рукой по верхушке палки. Лубэ и придворные не без страха созерцали над собой тучную фигуру Алексея, колеблемую алкоголем и ветром, и были рады, когда русский чудака опустился на площадку и можно было везти его к другим увеселениям. Умер Алексей, но наследство его долго еще будет заботить Россию, и за счет этого наследства первым разовьется и выиграет будущую кампанию немецкий флот.

Третий брат царя Сергей, сначала строевой офицер, потом московский генерал-губернатор, более всего славен был своими противостественными наклонностями, расстроившими его семейную жизнь и сотворившими служебные карьеры окружающих его красивых адъютантов. Были и штатские возлюбленные, один из них и доселе не скрывает своих бывших отношений с великим князем и показывает на своих выхолненных пальцах драгоценные перстни, заработанные худшим из видов разврата. В области управления Сергей заявил себя только неимоверным юдофобством, и его губернаторство было сплошным мартирологом еврейского населения Москвы.

Бомба Каляева положила предел жизни, никого не согревшей, не оставившей после себя ничего, кроме отвратительного морального члада. Вскоре после женитьбы Сергея его брат

Павел сделался постоянным гостем в Москве и подмосковном селе Ильинском, несмотря на последовавшую затем женитьбу его на греческой королевне Александре Георгиевне, занятое в семье брата положение не изменялось, и молодая должна была очень страдать от двойственности своего мужа, которого любила. Убедившись в конце одной из своих беременностей в действительном положении вещей, Александра родила преждевременно и скончалась от эклампсии, оплакиваемая всеми, кто знал поближе милую женщину, не перестававшую вспоминать голубое небо Греции и свое веселое, скромное детство. Елизавета взяла к себе и воспитала всех ее детей, и один из них, князь Дмитрий Павлович, в 1906 году выдвигался черносотенцами на место Николая II, которого предполагалось ссадить с трона за его слабование. Павла сменил Трепов. Потом пришли болезни, сказалась и общая склонность гессен-дармштадтской фамилии к психозу. Великой княгиней мало-помалу овладели мистицизм и преувеличенная филантропическая деятельность. Ныне она открыла нечто вроде женского монастыря, где подражающие ей великосветские девицы ищут временного успокоения от своих романов в уходе за больными, посте и молитвах. Как слышно, Елизавете вдохновляет легенда о ее родственнице, баварской Елизавете, канонизированной после смерти.

Сверстник описанных выше князей, сын Николая Николаевича, носивший то же имя и приставку «младший», служил в кавалерии и считался хорошим ездоком, еще лучше он умел гоняться за волками и истреблять алкоголь во всех его видах. Гусарские кутежи (великий князь долгое время командовал царскосельскими гусарами) славились как украшение гвардейской жизни в эпоху Александра III, когда жизнь эта вообще стала делаться скромнее. Свободительное движение застало Николая Николаевича пожилым, сморщившимся генералом, инспектором кавалерии, он стал во главе контрреволюционной шайки не столько по приверженности своей к абсолютизму, ибо жизнь кончалась, желания тоже, сколько из охотничьей страсти напустить собак — черные сотни на зверей — революционеров. Что касается до поощрения Трепова и других устроителей погромов, то откуда было появиться в пьянице гусаре каким бы то ни было принципам, тем более пониманию государственных нужд?

Одно время Николая Николаевича тоже прочили на трон, в случае дворцового переворота, но штуки союзников открылись раньше времени, и ему удалось снова заслужить доверие царя, начинавшего чувствовать себя неудобно среди всех этих милых дядей и кузенов, тянущих

шихся или толкаемых на его собственное место. Для характеристики великого князя довольно привести его слова о Дубасове после разгрома Москвы в декабре 1905 года: «Я отдал бы Дубасова под суд. Он возился с Москвой восемь дней вместо того, чтобы в три дня не оставить камня на камне».

Дети Михаила Николаевича вышли типом в отца, а темпераментами и способностями в мать, полуеврейку, полупринцессу Ольгу Федоровну, знаменитую взяточницу и собирательницу богатств. Николай занимается нумизматикой, историографией и критикой царя, за все эти склонности фавором не пользуется. Александр, подкапывавшийся в свое время под дядю генерал-адмирала, теперь сидит на его

месте, но о реформе и чистке флота все еще не слышно. Михаил под фамилией фон-Амора долгое время скитался за границей, женившись против воли матери и Александра III. Теперь прощен, но с родиной связей не восстанавливает, предпочитая жуировать на Ривьере. Дети Константина Николаевича наследовали рост, длинные шеи, выпуклые глаза, непрочность психики. Старший сын Николай, обвиненный отцом в краже бриллиантов своей матери, был выброшен из императорской фамилии, жил где-то в провинциальной глуши, женатый на дочери простого исправника, и впал под старость в полное слабоумие. Другой, Константин, президент Академии наук, писал стихи («К. Р.»), служил в строю, управлял военно-

*Наследник великий князь Алексей Николаевич.
Снят на осле, подаренном ему в Ракониджи итальянским королем.*

учебными заведениями и всюду показал себя добросовестным, более чем дюжинным работником.

XX век застаёт на тронах и возле них такое обилие психически неуравновешенных людей, что вопросы личной политики начинают являться перед народами в новом, еще более чреватом последствиями виде и тревожном освещении. Очевидно, что, чем больше суживается круг брачащихся членов правительствующих семей, тем более подвигается вперед естественное вырождение, а то обстоятельство, что из этих матримониальных операций не исключаются своевременно ветви, зараженные настоящим безумием или другими болезнями, влияющими на потомство, еще более отягчает будущее династии. Представительный строй вносил некоторые поправки в создававшееся положение, но и законодательным палатам приходилось не однажды в отчаянии опускать руки перед новыми и новыми сюрпризами, исходившими из дворцовых недр. Ни культура, ни выдающиеся способности отдельных монархов, ни высокая личная честность их не спасали нацию от ущерба, наносимого проявлением личной воли безответственных лиц.

С этой точки зрения всегда понятна была популярность невест из датского дома, все они были здоровы, милостивы, с хорошей наследственностью. Довольно взглянуть на старую русскую царицу, под слоем искусно наведенной живописи не утратившей ни блеска глаз, ни доброй улыбки, чтобы оценить физическое здоровье как совершенно необходимое для продолжительницы династии условие. Даже младший сын ее, Михаил, рожденный уже немолодыми супругами, поражает здоровьем. Этот бедный царский брат, бывший долгое время наследником, не любим Николаем, который подозревает и его в посягательстве на престол.

На деле же Михаил думает только о своей гражданской жене Шереметевской, даме не первой молодости, попавшей к князю через двое рук, но влияющей на него, причем политика исключается. Правда, Михаил не скрывает своего насмешливого и слегка брезгливого отношения к неспособному, запутавшемуся в дрянных делах брату и говорит вообще о России и ее строе, не заботясь о выборе выражений. Все это доносится куда следует. И не дальше как в 1910 году ходили упорные слухи о бурной сцене между царем и его матерью, с одной стороны, и Михаилом — с другой. Николай наступал на несчастного «Мишу» с кулаками, грозил убить его, «Миша» на коленях клялся в своей невинности. В результате он опять был отправлен к своему полку, в Елец,

где легче за ним следить и где не на кого ему опереться, если б даже и захотел выступить против брата более активно.

О других семьях не стоит упоминать, молодежи, совершенно незаметной, развелось теперь так много, что даже титулов на всех не хватает, есть императорские высочества, светлости и «князья крови». Последний титул, впрочем, всего больше идет к самому царю, как о том и засвидетельствовал в III Думе черносотенный депутат Пуришкевич. В самом деле, ничья психология не представляется такой странной и полной противоречия, как Николая II.

Внешняя скромность, даже застенчивость, печальные глаза и недобрая усмешка губ, чадлюбие и равнодушие к чужой жизни. Домоседство и алкоголь, лень к делам и резкость суждений. Подозрительность и вера на слово всякому проходивцу. Любовь к преступлениям, огню и крови и живая, по-видимому, вера в божество. Щепетильная обрядность и столоверчение, открытие мошей и выписка филиппов и папюсов и т. д. без конца. Здесь не только двойственность, неизбежный спутник всякой живой человеческой души, здесь просто анархическая смесь разных наклонностей, неустойчивость мыслительного аппарата, машина, где одни винты ослаблены, другие перевинчены, трегья растеряны.

Словно на смех, одарила Немезида этот отпрыск романовского дома всеми отрицательными чертами его представителей и дала так мало положительных. Все это отразилось от услужливого бюрократического зеркала на управлении государством и внесло во все дела ту же пуганицу, анархию, что царили в царской голове. Возьмем, опять наудачу, несколько типичных его действий последнего времени. Всем известна снисходительность Николая к погромщикам и политическим убийцам, их помилования вошли в своеобразную систему «борьбы с судом», как это сказал сам царь графу Коновницину, тут все же можно нащупать мотив, если угодно, даже широкий, однобокой политической амнистии. Но вот малмыжский исправник Федоров присуждается к семи годам каторжных работ за поджог собственного дома с целью получения страховой премии.

Царь дарует ему полное помилование, совершенно не понимая, в какое дикое положение ставят его люди, подсовывающие такие ходатайства, но безотчетно следуя врожденной ненависти к народу и любви к полиции, охраняющей самодержавие. Но и в этой привязанности конец может наступить совершенно неожиданно, в самом деле, нужно бы понять, как трудна с внешней стороны охрана царской

жизни, по нынешним временам приходится охранять и президентов республики, и даже лидеров политических партий. Между тем довольно было невежественной бабе-гадалке уверить Николая, что «теперь» покушения не будет, как он бросает все предосторожности, выходит на улицу без предупреждения и для начала едва не попадает под вагон трамвая, не растерявшийся вагоновожатый получает крупную денежную награду, полицейские сердца бьют мелкую дробь, а гадалка может торжествовать: «Вот и трамвай его не берет!»

Пренебрежение к труду и заботам личных слуг есть показатель низменности хозяйской натуры. Но как связать эти частые проявления с теми запросами духа, которые хоть и в крайне уродливых формах, но всегда ярко выражаются этим странным человеком? Умер Толстой. Царь списал приготовленную для него напыщенную резолюцию на докладе, призывая Бога к милостивому суду над скончавшимся отлученным христианином. В реакционной печати царские слова расцвечивались бенгальскими огнями открытой лести, но это не удовлетворяло Николая, его ум, охотно вращающийся в области религиозных исканий, тревожился сомнениями, правильно ли поступил синод, запретив заупокойные службы и похороны по обряду? Казалось, было бы с кем посоветоваться на эту тему, но царь выписывает из Сибири своего давнишнего приятеля, кого бы вы думали, однако?.. Григория Распутина, профессионального растлителя девушек и разоблаченного даже ультрачерносотенным архиереем Гермогеном негодая.

Вот подлинные слова Распутина в вагоне I класса сибирского экспресса, сказанные его спутнику г. Х.: «Не в первый раз еду в Царское Село... Правда, придворные меня не любят... Ну да я как бы к дядьке наследника в гости хожу, а там меня проводят к царю, и я с ним и царицей за одним столом сижу, чай пьем, разговариваем. А теперь меня царь вызывает, чтобы насчет того поговорить, правильно ли попы поступили, что Толстого отказались хоронить. Царь считает, что поступили они глупо» (характерно, что Распутин, едучи в Царское, уже знает мнение царя. Не переписывается ли он с ним?).

Когда на шестой или седьмой день пути, сойдясь с Распутиным поближе, его спутник спросил: «Ну а скажите, неужели правда все эти гадости, что про вас в газетах пишут?», Распутин, ухмыльнувшись, ответил: «Половина-то, конечно, вранье, ну а впрочем... все мы люди, все мы человеки»... И плотоядно хихикнул. Вот к чему и к кому приводит царя извращенная потребность в мистике.

Так же неясна, но сильна потребность и во внешних доказательствах культа. Примитивная вера фиксируется не столько на познании божественной воли, сколько на изображениях божества. Только у царей, вроде Николая или изгнанного португальского короля Мануэля, можно видеть изголовье кровати увешанным иконами в том беспорядочном изобилии, которое встречается у прислуг, недавно приехавших из деревни в город. Все кажется мало, на всякую новую житейскую задачу или заботу хочется выискать специфически действующее святое изображение. Оригинально, что такого рода мании бывают иногда заразительны. Молодая царица, до замужества с презрением относившаяся к православию, чувственная сторона коего претила ее душе, теперь скупает иконы по всей России. Еще оригинальней, может быть, то обстоятельство, что главным поставщиком ее является некрещеный еврей Гоберман, московский старьевщик. За старые, прокоптелые иконы платят очень хорошо. Молятся самым странным изображениям: так, в дворцовой гатчинской церкви обращает на себя внимание образ, где среди обычных русских святых ликов красуется рыцарь в латах, но с собачьей головой, легенда гласит, что его стесняла красота лица и по молитве его Господь обменял ему голову на собачью.

Впрочем, не то же ли осуществлялось и в мире реальном? Разве не более странна дружба со шпионом Рачковским? Разве последний не своего рода рыцарь-собака? Рыцарь для Николая и собака для всего русского народа, который оба они готовы были предать за один день своего благополучия? Разве снятие с себя царем ордена Владимира и возложение его на предательскую грудь не более слепой поступок, нежели украшение деревянной доски с несуразным рисунком золотом и камнями? И разве не глубоко печально, что и новое поколение Романовых воспитывается в такой же затхлой, разлагающей атмосфере?

Между прочим, в сером крестьянстве, где по необходимости многие вопросы жизни обсуждаются с упрощенной стороны, существует глубокое недоумение и неудовольствие по поводу больших вкладов членов царской семьи. Так, ходила легенда, что наследник получал грудным ребенком тринадцать тысяч рублей в год (почему именно, не известно, придумано, вероятно, ради суеверного страха перед этой цифрой), что поэтому нужно убить младенца, а отец его, видимо, «не в своем уме».

Что бы сказали эти простые люди, узнав действительную стоимость содержания этого младенца? Что подумали бы они при известии о суммах, полагающихся каждому члену им-

ператорской фамилии в год из удельных средств? Об их личных богатствах? «Мирские захребетники», бобыли и нищие, живущие за счет общин и укоряемые под сердитую руку в тунеядстве, показались бы после этого святыми. Да и втолковать русскому крестьянину невозможно, чтобы царь тратил из составленного из его же копеек бюджета шестнадцать миллионов в год по одной смете министерства Двора, да столько же распихано по сметам других министерств! Зато какой звон идет, когда царь жертвует по случаю какого-нибудь бедствия пять — десять тысяч рублей...

В этой атмосфере богатства, праздности (ибо вся жизнь проходит в представительстве, охотах, забавах и поездках) и в последнее время страха могли бы выродиться и испортиться до мозга костей и более устойчивые генерации, нежели романовская. Смутное чувство, что люди во дворцах непохожи на обыкновенных людей, живут иными интересами, нуждаются в особых основах для оправдания себя, это чувство никогда, кажется, не исчезало в народе, и весьма возможно, что резкое изменение внешнего уклада царской жизни было бы истолковано в низах населения так же, как крушение монархии. Не этому ли чувству следует приписать дикую выдумку, поднесенную Николаю II, об особой «императорской» религии? И не одна шутливость руководила этим вообще не знавшим шутки государем, когда он приказал сдать курьезный проект в горный

департамент. «Религия» действительно была своего рода «ископаемой», и изобретатели ее следовали весьма понятной интуиции.

Дурные инстинкты развиваются на описанной почве и ею порождаются. Безответственность легко переходит в самодурство, а самодурство в безволие. Страх за жизнь ведет к подозрительности, а последняя — к огульной ненависти. Окружающие невольно приспосаблиются, иначе должны отходить, лишаться великих и, главное, богатых милостей.

Зло расходуется концентрическими кругами, докатываясь до самых мелких корней всей системы управления. Отражаясь, наконец, от твердого дна — народной массы, оно вновь поднимается к своему первоисточнику, как правильно функционирующая кровеносная система, и здесь-то проявляется наихудший продукт обмена жизненных веществ — провокация всякого рода. Провоцируют тот же страх, ту же праздность, то же легкое отношение к деньгам. Провоцируют погромы, убийства, роспуски парламентов, отставки министров. Провоцируют фаворитизм, как это сделала жена попавшего в опалу министра Двора, поехавшая в Гатчину, как только почувствовала приближение родов, чтоб разрешиться от бремени на пороге царской гостиной. Да всего и не перечтешь, за изобретательностью дворцовых и министерских сфер не угонишься. Народу было впору разобраться в главном виде провокации — политической игре Плеве, Азефа и К°.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Азефовщина.— Бурцев и его роль в освободительном движении.—

Черняк.— Слухи об Азефе.— Герасимов.— Гартинг.— Карпов.—

Кто убил Старынкевича и Блока? — Невысокая цена Курлова.—

Петров-Воскресенский.— Дело Лопухина.— В чем его вина? —

Предательство Столыпина.— «Варварин суд».—

Надежда царя на суровый приговор.— «Вот так здорово!».—

Действительное значение разоблачений Лопухина.— Мелкие провокаторы.—

Провоз оружия, подброс, фабрикация бомб.—

Рачковский-бомбист.— Будоговский.— Комиссаров, Пономарев,

Миллер, Пышкин и другие.— Безнаказанность.— Награды.

Где неравенство достигает предела терпимости, там возникает борьба, где борьба, там разгораются страсти и утрачиваются моральные масштабы, где эти масштабы исчезают вовсе, там вырастает провокация как последнее оружие; оно остро и отравлено, но, как чумная бацилла, недолговечно. Однажды извлеченное на свет из-под плаща наемного преступника, оружие это ржавеет, и яд его выветривается, таким светом бывают разоблачения провокаторов. В лице Азефа (правильнее Азева, как это имя пишется и выговаривается

по-русски) Россия побила мировой провокационный рекорд, а в Бурцеве она же нашла и единственного в своем роде разоблачителя. Эти два имени навсегда связаны между собой, а результат их взаимоотношения — трагедия несчастного Лопухина — придает особенно мрачный характер еще не вполне закончившемуся процессу борьбы ядовитой змеи и профессионального истребителя.

Нам нельзя обойти крупную фигуру Азефа одним упоминанием о ее роли, и мы приводим здесь выдержки из письма В. Бурцева к мини-

Евно Азеф. Как известно, разоблачение Азефа повлекло за собой ссылку Лопухина, а Столыпин признал в Думе, что Азеф есть верный царский слуга. Азеф продолжает получать жалованье, но роль его кончена, и промышляет он, через субагентов, вроде Пуццато или Жученко, по мелочам.

стру юстиции Щегловитову, оставляя при этом в стороне вывод Бурцева о мотивах, двигавших волею Азефа во все время его работы в с.-р. партии и департаменте полиции.

«Азеф, по заявлению председателя Совета министров П. А. Столыпина в его речи к народным представителям в Государственной думе в начале 1909 года, состоит тайным агентом департамента полиции с 1892 года, и его наиболее «плодотворная» — для департамента полиции — деятельность относится к 1903—1908 годам».

В эти годы, вплоть до начала 1909 года, Азеф в глазах всех членов партии социалистов-революционеров, к которым он принадлежал формально в продолжение почти десяти лет, был одним из видных ее членов, а последние пять лет — членом центрального комитета, организатором, фактически главой боевой организации социалистов-революционеров в 1903—1908 годы, то есть тогда, когда ею был

совершен ряд террористических убийств выдающихся представителей русского правительства.

Летом 1904 года Азеф настоял на том, чтобы боевая организация предприняла убийство министра внутренних дел Плеве, он лично выработал план, привлек к выполнению его Сазонова и других, за три недели до совершения убийства он приехал в Петербург, поселился на конспиративной квартире Савинкова и Сазонова, прожил там безвыездно дней десять и отсюда руководил всем заговором. Накануне первой попытки убийства Плеве — 8 июля — Азеф уехал в Вильно. После неудачи этого первого покушения Азеф вызвал Сазонова к себе в Вильно и там снова дал ему инструкции для нового покушения. 15 июля Плеве был убит в Петербурге, а Азеф, получив в Варшаве от Савинкова условленную телеграмму о совершившемся убийстве, в тот же день выехал в Вену и оттуда 16 июля дал телеграмму заведующему политическим сыском, чтобы установить на всякий случай себе ложное алиби.

Осенью 1904 года Азеф в Швейцарии организовал заговор для убийства великого князя Владимира, великого князя Сергея и Клейгельса. Для этого Азеф послал в Россию три отряда террористов, все детали этих покушений были выработаны под его непосредственным руководством. Им же был уезжающим в Россию террористам дан динамит, которым была впоследствии начинена в Москве бомба Каляева, убившего великого князя Сергея. Для организации покушения на великого князя Сергея Азефом были посланы в Москву Каляев, Д. Брильянт, Савинков и другие.

23 апреля 1906 года Азеф был в Москве, он лично расставлял террористов с бомбами по улицам, по которым должен был проезжать генерал-губернатор Дубасов, и руководил всем заговором. Дубасов был ранен, а его адъютант, граф Коновницын, убит.

Один из наиболее видных участников боевой организации, работавший все время рука об руку с Азефом, известный революционер Борис Викторович Савинков, недавно опубликовал подробное описание убийства министра внутренних дел Плеве и великого князя Сергея и обстоятельно рассказал как о своем участии в этих террористических актах, так и об участии Азефа.

В переданном в наше распоряжение полном тексте своих воспоминаний Савинков делает такого рода заявление о роли Азефа в партии:

«Азеф состоял членом партии с самого ее основания; он знал о покушении на харьковского губернатора князя Оболенского (1902) и принимал участие в приготовлениях к убий-

ству уфимского губернатора Богдановича (1903). Он руководил с осени 1903 года боевой организацией и в разной степени участвовал в следующих террористических актах: в убийстве министра внутренних дел Плеве, в убийстве великого князя Сергея Александровича, в покушении на великого князя Владимира Александровича, в покушении на петербургского генерал-губернатора генерала Трепова, в покушении на киевского генерал-губернатора генерала Клейгельса, в покушении на нижегородского губернатора генерала барона Унтербергера, в покушении на московского генерал-губернатора адмирала Дубасова, в покушении на министра внутренних дел Дурново, в покушении на офицеров Семеновского полка генерала Мина и полковника Римана, в покушении на заведующего политическим розыском Рачковского, в убийстве Георгия Гапона, в покушении на командира Черноморского флота адмирала Чухнина, в покушении на премьер-министра Столыпина и в трех покушениях на царя. Кроме того, он заранее знал об убийстве Татарова, об убийстве генерала Сахарова в Саратове, об убийстве петербургского градоначальника фон-дер-Лауница, об убийстве главного военного прокурора генерала Павлова, о покушении на великого князя Николая Николаевича, о покушении на московского генерал-губернатора Гершельмана и т. д.»

«Он был членом центрального комитета и принимал участие во многих крупных революционных предприятиях и в обсуждении всех без исключения планов, в том числе планов московского, свеаборгского и кронштадтского восстаний».

Далее Бурцев сообщает, что Азеф был одним из организаторов покушения на жизнь нынешнего товарища министра внутренних дел Курлова в Москве весной 1906 года, он тогда же принимал участие в убийстве тверского губернатора Слепцова и т. д. Азеф организовал ряд динамитных мастерских, в которых были приготовлены снаряды, употребленные в удавшихся террористических актах — против Плеве, великого князя Сергея, Дубасова, Гершельмана и т. д., Азеф организовывал побег наиболее видных террористических деятелей и т. д.

Почти во всех террористических актах, как тех, где Азеф сам принимал участие, так и в тех, в которых он, по-видимому, участия принимать не мог, мы видим террористов, долго, целые годы пред этим работавших под непосредственным руководством Азефа в динамитных мастерских или в иных террористических предприятиях. Укажу на один такой пример.

*Г. А. Гершуни,
известный революционер-террорист (р. 1870).
Безжал с каторги за границу, умер от ран,
полученных от трения кандалов на ногах.
Убил уфимского губернатора Богдановича
по наущению Азефа.*

Председатель Совета министров П. А. Столыпин указал на убийство петербургского градоначальника фон-дер-Лауница как на акт, который не был предупрежден Азефом, так как он об этом покушении не знал и сам в это время был за границей. Нет! Азеф знал, что члены боевой организации в это время приняли покушение на фон-дер-Лауница, хотя не мог знать некоторых деталей этого покушения. Но участниками убийства, «Адмиралом» и Сулятицким, были лица, которые состояли в одной с Азефом организации, хорошо ему были известны и до того действовали по его указаниям. Сулятицкий, бывший одновременно с «Адмиралом» в церкви, где последним был убит фон-дер-Лауниц, находился там с браунингом и должен был убить председателя Совета министров П. А. Столыпина и не выполнил этой своей задачи лишь потому, что

П. А. Столыпин случайно не приехал в церковь вместе с фон-дер-Лауницем.

До начала 1905 года департамент полиции, как таковой, не знал об участии Азефа в террористических актах, совершенных боевой организацией; знали ли об этой стороне его деятельности отдельные члены департамента полиции и охранных отделений, я не буду утверждать в данное время. Но с 1905 года активная роль Азефа в боевой деятельности социал-революционеров перестала быть тайной для некоторых из видных деятелей политического розыска, но Азеф был ими амнистирован ввиду тех услуг, которые он оказывал департаменту полиции до и после этого времени. Его не привлекли к ответственности даже тогда, когда я с 1908 года стал громко в литературе обвинять его в активном участии в террористической борьбе.

В начале 1906 года Азеф был тайно для

революционеров арестован в Петербурге генералом Герасимовым, начальником петербургского охранного отделения, и содержался под стражей в продолжение двух дней. С ним в камерах охранного отделения заключен был договор. Своим согласием на дальнейшую помощь политическому розыску Азеф купил прощение за свое участие в деле убийства Плеве и великого князя Сергея.

Но и после этого договора Азеф активно участвовал в организации покушения на генерал-губернатора Дубасова, генерала Гершельмана, губернатора Слепцова и т. д.

В 1908 году он готовил цареубийство — не удавшееся не по его вине: для успеха дела Азеф сделал все. А генерал Герасимов старался спасти Азефа и упрасивал Лопухина взять назад свои слова, сказанные мне об Азефе в поезде железной дороги между Кёльном и Берлином.

*Бомбисты, арестованные в Финляндии в их лаборатории: Борцов, Пиотровский и Каменецкий.
Сняты в костюмах финляндской тюрьмы, с ручными кандалами.*

Во время запроса в Государственной думе об Азефе в феврале 1909 года председатель Совета министров П. А. Столыпин высказал совершенно ложный взгляд на Азефа, идущий вразрез со всеми очевидными фактами, как на агента департамента полиции, лишь предотвращавшего своими донесениями террористические акты. С тех пор Столыпин не сделал ничего для выяснения истинной роли Азефа, и Азеф укрывается от преследования за свои преступления, прежде всего благодаря этому на него взгляду г-на Столыпина.

Здесь можно только отметить излишнюю мягкость выражений по адресу Столыпина, который теперь не может уже казаться столь невинным младенцем, как во время ответа по запросу I Думы о погромной типографии в департаменте полиции. Конечно, Столыпин знал не хуже Бурцева биографию своего сотрудника, а его награды проходили через те же столыпинские руки, связав свою судьбу и имя с нынешним режимом, первый министр не уйдет от справедливого суда истории, как не ушел бы он и от нелицеприятного суда присяжных после крушения нынешнего правительства и династии.

Избегая участи Черняка, погибшего при загадочных обстоятельствах на пароходе, шедшем из Швеции в Европу, Азеф тщательно скрывается от любопытных взоров. Слухи о его пребывании в Царском Селе едва ли основательны, так как теперь он там не нужен. Всего вернее, что он руководит через своих агентов, членов крайних партий, оставшихся еще не разоблаченными, сетью мелких доносов и организацией провокации в высшей школе. Для такого большого корабля, как Азеф, море это слишком мелко, и, вероятно, недалек тот момент, когда он или опустится, как Зубатов, Гартинг и другие, на дно жизни, обеспеченный крупной пенсией, или же покажет себя каким-нибудь выдающимся шагом, от которого никакие гадалки никого не спасут.

Разоблачения Бурцева сыграли большую роль в движении этих лет, навсегда раскрыв истинную природу внутренней политики правительства, они заставили последнее снять маску доброжелательства к обществу и народу и выступить в качестве откровенного их врага, интересы коего противоположны интересам страны. Расписавшись в сотрудничестве с Азефом, Гартингом, Рачковским и другими, министерство Столыпина потеряло в глазах всех порядочных людей, независимо от их политических взглядов, всякое право на уважение и тем усилило общую оппозиционность до небывалой степени.

Убийство жандармского полковника Карпо-

ва лишило Столыпина и его полицию последнего выдающегося провокатора. Как выяснилось на суде из показаний его убийцы, Петрова-Воскресенского, Карпов производил опыты с бомбами и готовил ряд террористических провокаций. Между прочим, этот Петров, также считавшийся агентом департамента и бывший доверенным лицом Карпова, признался, что это он в сообществе с другим агентом убили беззащитных, честных и ни в чем не повинных губернаторов Старынкевича и Блока, мысль о полной бессмысленности и низости этих двух преступлений и привела Петрова к мести Карпову, толкавшему его на такие же новые убийства. Попутно выяснилось, что в охранном отделении был составлен список лиц, на которых можно было покушаться в провокационных целях, и недавний шеф жандармов Курлов, о карьере которого ходили самые лестные для него слухи, сам оказался в этом списке, и притом далеко не в конце его (кандидаты на бомбу расположены были по рангам); конец списка соприкасался с министрами и царской фамилией.

Все знают, что без помощи Лопухина, бывшего директора департамента полиции, Азеф, быть может, не был бы так успешно разоблачен Бурцевым; знают и то, как относится к своему бывшему сотруднику русское правительство. За Лопухиным Бурцев охотился со дня его выхода в отставку, надеясь на его разоблачения, но он хранил молчание до тех пор, пока не получил достаточных сведений о подготовке Азефом цареубийства. Сознание, что, продолжая молчать, он делается как бы моральным сообщником террористов, заставило Лопухина согласиться на беседу с Бурцевым и открыть ему роль Азефа в департаменте полиции.

Таким образом, вина Лопухина состояла в том, что он хотел спасти жизнь царю. Столыпин, друг детства Лопухина, предал его в тот момент, когда должен был и мог по совести выяснить Николаю характер выдачи Лопухиным служебной тайны, в сущности даже не наказуемой для отставного чиновника, но он сделал все возможное, чтобы утопить своего бывшего друга, ибо это есть вообще единственное средство держаться самому у власти при абсолютизме. Повлиять на сенат было тем легче, что царь вполне усвоил себе роль Азефа и, дрожащий от страха перед им же нанятым убийцей, проявил необыкновенное рвение в деле Лопухина и высказал надежду, что он непременно понесет суровое наказание. Одновременно Азефу даны были наградные деньги и обеспечена, по возможности, скрытность убежища. Сенат выставил обвинителем Лопухина одного

из самых отвратительных типов современного русского правосудия, Варварина, который, однако, перестарался и повел процесс так, что за Лопухина встали даже и те элементы общества, которые не могли ему простить службы в департаменте полиции и считали его отчасти попустителем провокации. «Варварин суд» — эти два слова сделались крылатыми и заменили старую русскую поговорку о неправом суде: «Шемякин суд». Сенат приговорил Лопухина к пяти годам каторги, запечатлев в стенографическом отчете процесса такое разложение суда, какого не являл еще ни один трибунал Европы. Но царю это-то и понравилось. Не помня себя от радости, он «начертал» на докладе о лопухинском деле тоже своего рода крылатые слова: «Вот так здорово!»

Дело Лопухина мы считаем последней страницей истории русского самодержавия. По драматизму положения, в котором очутился верный слуга самодержца, по естественности злобы разоблаченного механизма правления, по невозможности следовать вперед прежней политике, по единодушию в оценке действий Азефа, Столыпина и Николая — эта страница навсегда останется не только интересной, но и загадочной. Ибо как сама провокация, так и режим, на ней созидавший свою жизнь, всегда похожи на двуликого Януса, а спор о том,

какое же из них есть действительное лицо, не может быть разрешен.

В сравнении с этим делом мелочи той же категории совершенно утратили для публики интерес, и даже выступление думской оппозиции потеряло в таких случаях прежнюю остроту. Комиссаров, Будоговский, Миллер, Пономарев, Пышкин и многие другие устраивали погромы, провозили оружие, подбрасывали нелегальную литературу и опускались до самых шулерских приемов с одной целью — провоцировать рефлекс и жить за счет его ликвидации. Здесь стоит отметить только признание «Петрушки» Дурново, что Рачковский получил однажды пятьсот рублей из сумм министерства внутренних дел на изготовление бомб.

«Но я этого не одобрял и теперь не одобряю», — добавил смысленный министр, умывая свои хищные руки перед фактом, выгоды которого он всегда смог бы использовать, не пачкаясь в крови своих сослуживцев — губернаторов. Безнаказанность провокаторов, награды чинами и орденами, повышения по службе — все это открыто делается и доселе. Никто не может теперь ни делать себе иллюзий, ни выделять из общей массы врагов государства ни министров, ни царя, и они, в свою очередь, не могут изменить раз принятому курсу и докаяться на азефовских плечах до уготованной самими себе могилы.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ

- Путешествие за границу. — Гартинг по-прежнему в силе. — В Англии. —
В Шербурге. — В Ракониджи. — Отношение итальянского народа не изменилось. —
Максим Горький. — Неуважение к Николаю за границей. —
Карикатуры. — Обращение Вильгельма II. —
Алкоголизм и его последствия. — Скандальное хождение в солдатской форме. —
Болезнь царицы обостряется. — Все становятся подозрительными к царю. —
Возвращение к узколичной политике. — В высшей школе. —
Черты вырождения. — Аудиенция Герасимова. —
Никто не влияет. — Возможность всяких неожиданностей.

Разоблачение Азефа не только спасло жизнь царя, так как Азеф просил дать ему три месяца для приведения в исполнение цареубийства, после чего согласился предстать перед товарищеским судом, но и на некоторое время освободило его от обычных цепей, которыми более или менее опутаны все правители в своей личной жизни. Дело в том, что разоблачение Лопухина внесло в ряды социалистов-революционеров такое разложение, какого не могли внести все провокаторы, вместе взятые. Центральный комитет распался, партия должна была вступить в долгий период бездействия, чтобы очистить свои ряды от изменников. Главный

контингент террористов, руководившийся до толе Азефом, удалялся от дела, опасаясь новых предательств, и улицы, дома, дороги делались доступными для царя, засижившегося дома и задолжавшего визиты европейским собратьям.

Этим перерывом он и поспешил воспользоваться, чтобы навестить английского короля, президента французской республики и итальянского короля. Но по пословице: «Старый друг лучше новых двух» — охрану своей особы царь поручил все же Гартингу, старому провокатору, он же Ландезен, которого Франция не желала даже видеть больше на своей террито-

*Ее императорское высочество великая княгиня
Татьяна Николаевна*

*Ее императорское высочество великая княгиня
Ольга Николаевна*

*Ее императорское высочество великая княгиня
Анастасия Николаевна*

*Ее императорское высочество великая княгиня
Мария Николаевна*

*Его императорское высочайшее величество великий князь
Александр Николаевич*

рии. В генеральском чине, купаясь в деньгах и обдумывая, где бы поселиться под старость покойнее, не одна провокационная крыса дослуживала своим носом и хищничеством последнюю службу Николаю.

Разумеется, и без него все обошлось бы хорошо, да еще и много спокойней было бы для иностранной полиции, но царь уже не мог нигде показываться без хвоста из агентов-провокаторов. Побывав в Англии, Николай переплыл Ла-Манш и в Шербурге увиделся с Фальером, причем на землю, кажется, вовсе не сходил. Сделав из собственной страны как бы сплошную мину и не рискуя принимать европейских монархов иначе как на воде, по крайней мере в 1904—1908 годах, он и чужие земли не подозревал в особенном гостеприимстве.

Да и вправду, русский государь был хлопотливым гостем, можно было подумать, что императорский поезд был битком набит динамитом или чумными бациллами, так охранялась публика от приближения к этому временному жилищу повелителя русских. Расстраивалось движение тысячеверстных европейских линий,

войска выводились на охрану пути, начальство лишалось сна и аппетита, пока не пролетало наконец мимо их станций и участков мигающее сотней глаз огнедышащее чудовище, почти бесшумно пронося человека с худшей репутацией в мире, его больную жену и придворную челядь.

Довольно сказать, что в одной Италии триста батальонов несло охрану вокруг Ракониджи, ибо настроение итальянского народа нисколько не изменилось от того, что местные радикалы наговорили в парламенте и прессе всяких бестактностей и что Максим Горький одним своим присутствием наводил на самые злоедающие предположения. Итальянцы по-прежнему от души презирали русского императора и если не приводили в исполнение старой угрозы освистать его, то только потому, что они питали совершенно иные чувства к своему королю («первому кандидату в президенты итальянской республики», как называют его шутя в республиканской партии) и не хотели осложнить и без того нелегкую задачу занимать северного деспота. Да тот, впрочем, чувствовал себя в Европе повсюду не по себе. Как ни вылощенные сферы, в которых вращаются путешествующие монархи, но и они не свободны от проявления интимных ощущений; мысли, высказываемые в кругу близких, становятся немедленно общим придворным достоянием и создают атмосферу, которую невольно ощущают самая грубая кожа, самые невзыскательные к чистоте легкие.

Царь не мог не чувствовать, что кругом него все насыщено было глумлением, насмешкой, брезгливостью и, на лучший конец, простым любопытством. Отношения, вроде тех, что доставались на долю «ангелоподобного» Александра I, реформатора Александра II и даже на долю слоновобразного «миротворца» Александра III, такие отношения и не могли ожидать слабого, неспособного царя Николая II, но он мог бы внушать некоторое сожаление, как человек, переживший революцию, и как несчастный муж больной Александры. Но и того не было. Вильгельм II не скрывал своего пренебрежения к гостю, которому можно было приказывать, как какому-нибудь прусскому губернатору; карикатуры пестрили страницы журналов и заборы садов, остроты раздавались со всех театральных подмостков, и серьезные немецкие газеты добивали злосчастного правителя России из осадных орудий своих передовых статей. Доходило до того, что вмешивалась дипломатия, прося обуздать какой-нибудь «Simplicissimus» или «Kladderatsch», но при всем наружном сходстве рецептов, прусского и русского, они внутренне были на-

Царь в солдатской форме

*Царь с наследником цесаревичем
Алексеем Николаевичем*

стоящими полюсами. И ливень карикатур и насмешек не убывал и не убывает.

Слухи о том, что царь сильно пьет, давно бродили по свету; но теперь, когда любой студент-медик по почерку Николая может определить отравление алкоголем, а любой кавалерийский вахмистр скажет, видя, как дрожит рука держащего поводья: «Эге, брат, выпиваешь», теперь не скроешь своего образа жизни. Мало-помалу стеснение пропадает, привычки выносятся на улицу. И года три спустя после того, как царь плясал вприсядку в малиновой рубашке на полковом празднике «императорских» стрелков (в присутствии солдат), он дошел до того градуса свободы, когда хочется всем демонстрировать свое душевное состояние. Одевшись солдатом, взвалив на плечи ранец и взяв ружье, Николай вышел, слегка пошатываясь, из своего крымского дворца и промаршировал десять верст, отдавая честь проходившим офицерам, испуганно оглядывавшимся на это чудо.

Скандал был настолько велик, что для ликвидации его придумали новый поход, в другой уже форме, чтобы придать делу вид преднамеренности и, кстати, возбудить в армии восторг перед «до всего доходящим» царем-батюшкой. Но солдата XX века, да еще побывавшего в революционной переделке, этими наивностями не проймешь. Он очень хорошо понял, что царь действительно «дошел», но не до солдатской участи, конечно, а до той грани, за которой алкоголикам чудятся зеленые змеи, пауки и другие гады. Пришлось замолчать, и распространение фотографий и описаний подвига «самодержавнейшего» государя прекратилось.

Кто знал семейную жизнь Николая, особенно в эти годы, тот не осудил бы его с общечеловеческой точки зрения. Люди запивают и от меньшего горя, особенно люди неустойчивые, невежественные, ленивые по природе. Жить бок о бок с женщиной, которая от злобных выходок молодости незаметно перешла к ипохондрии и, наконец, безумию, а в то

же время рожала и кормила детей, знать свою зависимость от Азеев и Рачковских, к которым не могло не быть презрения даже и в душе дегенерата, видеть вокруг только низкопоклонные выражения лиц и быть уверенным, что, как только уйдешь из комнаты, эти лица немедленно перемигнутся и кто-нибудь постарается сострить,— такая жизнь при доминирующем чувстве безответственности и отсутствии живого интереса к большим операциям, каковыми так богата жизнь народа, должна была быстро сточить и те немногие возвышения над животным состоянием, какие свойственны самым примитивным натурам, и обратить стремления организма к линиям наименьшего сопротивления.

Наследственность — запой отца и злоупотребления вином и женщинами деда — помогла разгрому царского организма так же, как преемственность реакции — разгрому государственного. Рядом с этим росло недоверие и подозрительность: когда чувствуешь себя как бы виноватым перед всеми, очень скоро начинает казаться, что это все перед вами виноваты, всюду видишь тогда опасности, обман. Если есть возможность при такой обстановке как-нибудь осуществлять свою волю, то проявляется она в формах резких, необдуманных, способных раздражать или трогать — глядя по настроению. Когда, как это было с последней историей в высших русских школах, царь брал в свои руки руководство репрессиями против студенчества и профессуры — это всех раздражало, путало расчеты правительства и создавало кризис не одной школы. Когда черты вырождения и недомыслия сказывались дома, они могли увлажнять глаза сентиментального свидетеля их. Таким свидетелем сделался однажды уволенный за «либерализм» товарищ министра народного просвещения Герасимов. После обычных и незначащих фраз, которыми цари отделяются от докучливой обязанно-

сти говорить с незнакомыми и неинтересными людьми, что называется, для красоты слога «высочайшими аудиенциями», Николай вдруг сделал «простое» лицо и спросил Герасимова:

— А что, вы получили пенсию?

— Как же, Ваше Величество, получил, приношу Вам глубокую благодарность.

— Это очень хорошо, — добродушно перебил царь, как бы отвечая на свою собственную мысль. Потом не удержался и высказался:

— Они ведь могли бы и не дать...

Это «они», направленное против правительства, тяжесть которого давала себя чувствовать и Николаю, глубоко тронуло Герасимова, и, чтобы не выдать волнения, он поспешил отвесить новый поклон, но царь, думая, верно, что отставной сановник собрался уходить, удержал его за руку и сказал:

— Погодите. Вы куда едете отсюда?

— В Смоленск, Ваше Величество.

— Покажите по карте, по каким дорогам вы поедете. Я люблю знать, как едут бывшие у меня... — И с этим он подвел оторопевшего Герасимова к карте России, по которой он и показал царю простую черту — Николаевскую и Новоторжскую железные дороги, которые известны всякому школьнику.

Долго еще не мог оправиться от этой аудиенции чиновный либерал, и Бог весть, сколько людей, «едущих от него», этого странного человека в рубашке и шароварах, увозили с собой те чувства жалости и расположения, на которых многое можно было построить, если б Николай знал вообще цену таким чувствам. Но, одновременно с падением всякого личного на него влияния и увеличением порций вина, эра конституционная незаметно сливалась с фантастической эрой «неограниченных возможностей», в которой страна потеряла всякое равновесие и которая грозит миру всякими сюрпризами.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Внешнее торжество реакции.— Все умолкает.— Политические партии.—

Профессиональные организации.— Печать.—

Штрафная система.— Ссылка.— Тюрьма.— Казни.—

Несколько итогов. Чиновничество продолжает численно расти.—

Аграрная реформа как средство борьбы с революцией.—

Как готовятся к IV Думе.

Законы движения неизменны. Будет ли то движение космической пыли или кончающих жизнь планет какой-нибудь Солнечной системы, будет ли это жизнь остановившегося в развитии народа или народа, перешедшего к революционной борьбе за право такого разви-

тия.— все совершается в математически определяемых формах и пределах, и только слепцы не видят этого. Вот почему уже в момент наибольшего подъема русского освободительного движения можно было предсказать крупное падение волны, вынесшей Россию на пу-

стынный берег 11 октября, и, следовательно, наступление реакции. Совершенно невозможно в беглых очерках, каковыми является эта книга, подвергнуть создавшееся после разгона первых Государственных дум положение анализу, да для него мало и перспективы. Мы должны принять на веру то, что всем было очевидно, то есть торжество реакции.

В июле 1906 года Николаю не пришлось воспользоваться флотилией дружеских миноносцев, а в июне 1907 года он смог уже совершить переворот сам. Еще через год, и в те же месяцы, члены I Думы сидели по тюрьмам, а члены II — на каторге. Наконец, еще через год аграрная реформа Столыпина шла полным ходом, а молчание стало основой нового государственного строя. Как за циклоном неизбежно следует антициклон, так вихрь свободы уступил место вихрю репрессий. Привольно было разгуливать ему по великой русской равнине, обрушиваясь на правого и виноватого, старого и молодого. С торжествующим свистом заглядывал он в самые сокровенные углы жизни, и никакая шуба благонамеренности не спасала от простуды. И кто знает, не больше ли убытков причинил и причиняет этот вихрь именно покойным, равнодушным к политике массам, нежели политическим партиям, отдавшимися обязательной работе?

Но и последним приходилось плохо. «Кто не со мной, тот против меня!» — объявляло правительство, и так как с ним решительно никого не было, то вся страна взята была под подозрение. Если не считать недолгого якшанья с черными сотнями, делавшегося в грубую угоду царю, да лицемерного объявления о солидарности с октябристами, то правительство действительно находилось как бы под воздушным насосом. Но так как деньги, чиновники и армия находились в его цепких лапах, так же как и царь, то дышать можно было еще очень недурно. За отсутствием реальной атмосферы создавалась, при помощи «Нового времени» и желтой прессы, атмосфера воображаемая, и чиновничье благополучие отождествлялось с народным. Правда, в эту блаженную оркестровую картину врывались из окон Таврического дворца иные звуки — дикие, режущие царские и министерские уши.

Дисгармония была тем досадней, что голоса народных представителей звучали громче бюрократических и литавры официозов так же бессильны были покрыть их, как бессильна барабанная дробь у эшафота казнимого не дать народу увидеть выражения его лица. И бесконечная, гнетущая, каторжная песня погибающего народа проходила через все этапы реакции, окрашивая ее в черную и красную

краски. Все, что имело вид или хотя бы намерение организации, разметалось в прах администрации, повсеместно получившей исключительные полномочия. Кадеты, даже мирно-обновленцы, не говоря уже о социалистах, объявлены были противоправительственными партиями, и преследование их, в то время как думские фракции работали на дневном свету, производило странное впечатление. Профессиональные союзы, будь то типографы или трубочисты, писатели или кондитеры, закрывались, громились, обыскивались, ссылались. Печать, забравшая в 1905—1906 годах большую инерцию движения, поддавалась ту же, но гениальная выдумка — административный штраф (до 3000 рублей — при «чрезвычайной» и до 500 рублей — при «усиленной» охране) — зажала редакторские рты плотнее всяких судебных приговоров и тюремных замков. Ссылочная дорога, наторенная еще при Плеве, стала многолюдна, как Невский проспект, хотя движение по ней совершалось только в одну сторону.

Дебри северной Сибири кишели людьми, которыми не побрезговало бы и густонаселенное государство, но которые были выброшены за борт русского, как загнившая в трюме мука. Болезни, физические и психические, косили эту публику, как жатвенная машина спелую пшеницу, и вести о разыгравшихся на далеком севере драмах доходили с очередной почтой через три-четыре месяца до Петербурга, когда никакие думские запросы не могли уже помочь жертвам белого русского террора. Тюрьмы были переполнены до того, что сам П. Дурново считал население их удвоенным против нормы, а губернаторы в приказах благодарили начальников тюрем за то, что «при таком состоянии» тюрьмы они не переморили заключенных тифом или цингой. Царь же благодарил за расстрелы арестантов и за усмирение беспорядков да миловал тех служащих тюрем, которые попадали от времени до времени под суд за истязания, «исчезания», как говорит народ, и вправду, после этих «исчезаний» люди исчезали... на тот свет.

На каторге били, секли и истязали с еще большим рвением. Мягкие начальники, если только можно предположить их возможность, сменялись, посылались профессиональные истязатели, одно появление которых вызывало возмущение и самоубийства арестантов. Особенно славится акатуйская каторжная тюрьма, но и повсюду происходило приблизительно то же. О казнях можно почти не говорить после известных выступлений Льва Толстого и В. Короленко — «Не могу молчать» и «Бытовое явление».

В. Г. Короленко.

*Не менее чем своими беллетристическими
и публицистическими произведениями,
знаменит смелой борьбой
против гнета и произвола,
в последнее время в особенности своими
выступлениями против казней.
Неоднократно подвергался жестоким карам.*

Так писал адвокат Грузенберг в «Праве» (1910 г., № 23) о казнях:

«За четырехлетний период — с 1905 по 1908 год — смертная казнь применена к 2289 лицам. Если вспомнить, что мало-мальски серьезные революционные вспышки тушились карательными экспедициями, отрядными и военно-полевыми судами, то указанное число казненных по приговорам нормально действующих судов должно быть признано чудовищным.

Как увидим ниже, жизнь отнята по этим приговорам не только у виновных в пролитии крови или в тяжких имущественных посягательствах, — нет! казнили и тех, кто не пролил ни единой капли крови.

Сотни администраторов, получивших бесконтрольное право распоряжения жизнью граждан, стали заполнять военные суды общеуголовными делами.

Недаром во всеподданнейшем отчете за 1907 год излагается: «Число дел о лицах гражданского ведомства, переданных на рассмотрение военных судов, на основании исключительных положений (об усиленной охране, о чрезвычайной охране и военного положения), в отчетном году значительно возросло, в сравнении даже с 1906 годом, несмотря на то что закон 18 августа 1906 года об обязательной военной подсудности лиц гражданского ведомства за политическую пропаганду в войсках, весьма влиявший на увеличение дел этой категории, в 1907 году утратил силу, как изданный в порядке 87-й статьи основных законов и отклонен Государственной думой второго созыва. В 1905 году таких дел было 165, в 1906 году — 960, а в 1907 году число их возросло до 1950» (с. 37).

Однако это указание не уменьшило числа дел о лицах гражданского ведомства, передаваемых на рассмотрение военных судов. В следующем, 1908 году, году усиленной деятельности III Государственной думы и насту-

*Брешко-Брешковская, так называемая
«бабушка русской революции», вновь сослана в Сибирь,
несмотря на свои 75 лет.*

пившего, по удостоверению правительства, успокоения, было предано, на основании положения об охране, военному суду 7016 лиц гражданского звания.

Из них казнено было по приговорам этих судов 1340 человек!

За один этот год отнято более жизней, чем за все предшествовавшие 33 года деятельности военно-окружных судов, и в полтора раза более, нежели за весь так называемый революционный период (с 1905 по 1907 год включительно). И здесь смертная казнь применена к 48 военным, в то время когда лиц гражданского звания казнено 1292 человека, то есть свыше 99 процентов общего числа.

Как было указано, наказание смертью не всегда применялось за пролитие крови, за посягательство на жизнь или за тяжкие имущественные преступления.

Достаточно отметить, что 280 человек в рассматриваемый период были казнены за чисто политические преступления, без малейшего посягательства на жизнь или имущество. И из этого числа казненных политических противников на замиренный 1908 год падает 118 человек.

Если прибавить к этому 51 казнь за неповиновение и сопротивление властям, без посягательства, однако, на жизнь должностных лиц, и 12 случаев казни за похищение имущества, без малейшего насилия над личностью (простой грабеж), то ссылка на государственную необходимость как на основание к отнятию жизни вряд ли может быть признана правдивою.

Заканчивая статистический обзор деятельности военно-окружных судов по применению смертной казни за указанное 34-летие, нельзя не обратить внимания на ужасающие случаи применения смертной казни в исключительной зависимости от личного усмотрения жалобщиков.

Согласно примечанию к статье 1548 уложения о наказании, отмененного лишь 26 июня 1908 года дела об угрозах начинаются не иначе как по частным жалобам, а потому до обращения приговора к исполнению могут быть оканчиваемы примирением.

Между тем из всеподданнейшего отчета главного военно-судного управления за 1907 год усматривается, что три лица гражданского звания были подвергнуты смертной казни за угрозы, предусмотренные 1545—1548-й статьями уложения о наказании.

Таким образом, вопрос о даровании жизни трем человекам был поставлен в зависимости не от воли носителя верховной власти, а от произвола частных лиц. Они не пожелали ее

Группа ссыльных в Сибирь политических преступников.

Стоят в дверях вагона:

(сверху) Бутценко, Езерская, Фиалка, Школьник, М. Спиридонова и Измайлович

даровать — и государство совершило казнь». Мы не можем найти ничего лучшего для характеристики периода казней, как нижеследующее письмо Льва Толстого к В. Короленко по поводу статьи последнего.

«В. Г., сейчас прослушал вашу статью о смертной казни и всячески во время чтения старался, но не мог удержать не слез, а рыдания. Не нахожу слов, чтобы выразить вам мою благодарность и любовь за эту и по выражению, и по мысли, а главное, по чувству — превосходную статью. Ее надо перепечатать и распространять в миллионах экземпляров. Никакие думские речи, никакие трактаты, никакие драмы, романы не произведут одной тысячной того благотворного действия, какое должна произвести эта статья. Она должна произвести это действие потому, что вызывает такое чувство сострадания к тому, что переживали и переживают эти жертвы людского безумия, что невольно прощаешь им какие бы то ни было их дела. Кроме всех этих чувств,

статья ваша не может не вызывать еще и другого чувства, которое я испытываю в высшей степени,— чувства жалости не к одним убитым, а еще и к... которые совершают эти ужасы... Радует одно то, что такая статья, как ваша, объединяет многих живых, неразвращенных людей одним общим всем идеалом добра и правды, который, что бы ни делали враги его, разгорается все ярче и ярче».

С разных сторон, но одинаково ярко нарисовали эти писатели кошмарную картину русской жизни, фиксировавшейся у виселицы Его Величества. Не было ни одной души на Руси, которая не испытывала бы временами того же чувства, что заставляло Толстого умолять о «мыльной веревке» на шею, чтобы перестать видеть этот ежедневных пир палачей, среди коих народ первое место отвел Николаю, прозвав его «кровавым»¹. И что всего, быть может, ужаснее, что наступило, наконец, время, когда общество начало привыкать к казням, перестало реагировать на новые приговоры. Вот опаснейший момент русской современности, вот низина, из которой, мнилось, не могло быть подъема к сознательной жизни, вот могила России, ее гниение заживо. Но беда, кажется, миновала. Запас энергии, сделанный при раскате с одной горы, оказался достаточным, чтобы проскочить мертвое пространство, и 1912 года застает нас свидетелями повсеместно замечаемого восстановления общественных сил, пробуждения спавших, отдыха утомившихся.

По приблизительному подсчету, пострадало за 1905—1910 годы от разных репрессий до полумиллиона человек; разбита была целая армия, притом состоявшая из лучших сил страны. Мало мудреного, что реакция была довольна собой, но еще меньше следует сетовать на период спячки и обвинять русский народ в склонении перед фатумом. Всякая другая нация обессилела бы так же, если б из нее извлекли такое количество рабочей энергии. Скажем больше, оставшиеся все же оказались так страшны Николаю, что он одобрял все новые репрессии, пока наконец сам лично не принял за высшую школу.

Одновременно продолжался и рост чиновничьей армии; подавление жизни требовало не меньше людей и средств, нежели самые широкие реформы. Одно передвижение войск внутри страны стоило десяти миллионов рублей, да сколько создано было новых должностей,

¹ Прозвище это закрепил Пуришкевич в такой форме в одной из думских речей, что вышло, как будто это он от себя назвал царя «кровавым». Все газеты, помещавшие в тот день стенографический отчет, были конфискованы, но слово уже было закреплено.

*Политические ссыльные в акатуйской тюрьме.
В центре М. Спиридонова*

стражи, тюрем, палачей, полевых судов и т. д. без конца. Взять хоть одну аграрную реформу, которой Столыпин так же рассчитывал победить революционную гидру, как недавно Плеве — войной с Японией. Тысячи чинов всех рангов поспешили пристроиться к новому казенному пирогу, а на их места продвинулись новые паразиты. И если кто-то рассчитал, что при теперешнем темпе землеустроительных работ потребуется не менее полувека, чтобы перевести общинную Россию к хуторской, то на ту же работу нужны будут миллиарды рублей, которых взять будет неоткуда. Вся эта легкомысленная затея, однако, есть лишь небольшая отсрочка ожидающего нынешний режим краха. Секретная переписка министров лучше всего изобличает их сознание, что враг этот не за горами. Вот что писал Столыпин Коковцову: «В городе служит управляющим казенной палатой некто Н. Это честный, уважаемый всеми человек, имеющий влияние на местное общество; вследствие этого он может оказать нежелательное для правительства влияние при выборах в IV Думу, и я прошу В. П.-ство перевести его в другую губернию».

Мы выбрали из груды документов это письмо, как настоящее *testimonium paupertatis* *, выданное Столыпиным и себе, и режиму.

Здесь нет цинизма, а голая правда: честный инновник теперь не годится, значит, не годится и честный режим. Мошенник же всегда знает, что в конце концов будет изобличен, и, чем ближе к этому, тем более он наглеет, тем грубее становятся его приемы, тем чаще сопровождает он простые кражи убийством, вынужденный заматывать свои неловкие следы. И приемы правительства за последнее время становились грубее и откровеннее.

Оно уже не может отвечать на запросы парламента иначе как завсдомой ложью. Как не лгать министерству, когда глава государства неоднократно всенародно лгал, брал назад обещания, нарушал им же созданные законы и, таким образом, сам падал все ниже и ниже в общественном мнении! Союзники держатся еще на своей позиции; но долгая осада истощила их разрушительные средства, подбила орудия, лишила надежды на выход из-за стен крепости. И стрельба фортов становится беспорядочней, хотя и ожесточенней, к грохоту ее присоединяются ненужные выходки, вроде похода на высшую школу. Наконец, испытываются героические средства, своего рода впрыскивание мускуса, вроде коленопреклоненного пения гимна знаменитым Шаляпиным, тем самым Шаляпиным, что с шапкой в руках собирал деньги на Московское вооруженное восстание. В этих знаках холопства не нуждались сильные реакционеры, как Николай I, но без них не мог обойтись валяющийся с трона его правнук; что нужды в том, что за стенами театра стоял гомерический хохот над подтасованной сценой, — зато в самом театре неистовствовала черная сотня; она вместе с царем упивалась эфирным ароматом самодержавия, зажмурив глаза, чтобы не видеть дна опорожненной склянки. Что еще выдумать, чем поднять падающий пульс, как бы удержаться еще хоть на год на своих местах? Никто не знал.

Меньше всех, может быть, знал сам Столыпин. По мере того как власть, в силу вещей, сосредоточивалась в его руках, он терял вместе с самообладанием и умение ориентироваться среди хаоса, нагроможденного его же разрушительной политикой. Немудрено поэтому, что мысль начинала подсказывать крайние решения, прыжки в неизвестное.

Похожий на корабль без руля, но с продолжающей работать машиной первый министр «рыскал», как говорят моряки, в спокойных водах застоявшейся русской жизни с той же

Шварц, бывший министр народного просвещения, крутой реакционер, показавшийся Столыпину слишком либеральным, за что и заменен Кассо, родственником Столыпина, полной безличностью

резкостью и некоординированностью движения, как если б кругом бушевала буря. Никто и никогда не мог предсказать за месяц, неделю вперед, не сделает ли Столыпин нового грандиозного промаха, куда направится выстрел его сорвавшегося со станка осадного орудия — политики репрессий. В этом отношении именно перед ответственными моментами боя — выборами в парламент — сделал Столыпин наибольшую оплошность — в вопросе о введении земства в северо-западном крае. Независимо от того, что националистическая тенденция мероприятий последних лет сама по себе не выдерживает снисходительной критики, она во всяком случае должна быть облечена в наизысканнейшую форму, чтобы стимулировать осуществление народных желаний. Государственная дума, правда, приняла правительственный законопроект, и в Государственном Совете нельзя было ожидать препятствий, но в жизни часто бывает, что верные расчеты не оправдываются. Столыпин своей надменностью, тупостью и самомнением гораздо больше раздражал бюрократов верхней палаты, чем оппозицию нижней, которой его промахи были всегда на руку.

* Свидетельство о бедности (лат.).

Накопившееся чувство лишь искало выхода, и проект о земстве в крае, о роли которого даже среди консервативных слоев далеко не все мнения сходятся, был очень удобным случаем навалить надоевшему диктатору палок в колеса. Совет провалил проект. Что же делает Столыпин? Теряя в пылу гнева всякую меру, он распускает палаты среди сессии на три дня и проводит закон по 87-й статье основных законов!

Он вынуждает у царя подпись под неслыханным в истории парламентов актом, вводя его в заблуждение относительно мнения Государственной думы, за одобрение которой он поручился. Конституция русская должна была получить смертельный удар, если бы палаты не реагировали на незакономерный роспуск. Но из чувства ли самосохранения или ненависти к зазнавшемуся временщику, только Совет и Дума возобновили свои занятия выражением такого внушительного недоверия Столыпину, что вопрос его отставки считался решенным. Члены Совета Трепов и П. Дурново, уволенные царем «в отпуск» (по жалобе министра) как «зачинщики» и интриганы, удостоились сочувственных демонстраций от самых закоснелых реакционеров, и оппозиционность Николаю свила наконец последнее гнездо свое в недрах Мариинского дворца! Николай, сказавши про Столыпина по этому поводу: «il m'a insulté» *, затаил против него понятную злобу и выгнал бы с радостью, но тогда вмешались царицы: по их мнениям, только Столыпин обеспечил царю жизнь и возможность выездов, отставка его равна возобновлению террора.

В жалких объяснениях своих Думе и Совету премьер затем открыто и нагло прикрывался именем царя, как и судившиеся одновременно с этим случаем другие прежние любимцы Николая — Рейнбот, Вонлярлярский. Все преступное, что они ни делали, прикрывалось царским именем, как броней. Они искусно

затягивали царя в самую глубь своих махинаций, пользуясь его неведением и презрением к законности. Подложное завещание князя Огинского проводилось через сенат не в законные сроки и не в законной форме — по личным распоряжениям царя; худшие из рейнботовских воровских дел оправдывались одобрениями царя подобных же дел его в других сферах управления Москвою и т. д. и т. д.

Словом, в конце пятилетнего периода «успокоения», когда можно было бы ожидать, что все потревоженные смутой фигуры паноптикума, называемого русским правительством, будут расставлены по местам, в позах, приличествующих их званиям, они оказались не только по-прежнему в беспорядке, но и спавшими навсегда. Точно и вправду все это было только из воска, точно внутренний огонь, которым продолжает гореть Россия, растопил их неживые тела скорей и сильнее, нежели пожары, мятежи и военные погромы недавних лет. Какой-нибудь полоумный монах Илиодор лез во дворец самодержца с тою же уверенностью в победе, как и Столыпин, и Марков 2-й, и босоногая старуха ворожея, и только оппозиция держится от него на орудийный выстрел. Да и как подойти, когда, например, ревизия сенатора Нейдгардта (петербургской городской думы) была прекращена царем только потому, что если тронуть стародумцев, то все они окажутся ворами, будут осуждены и на их места водворятся ненавистные кадеты!

Такой политике в одном нельзя отказать — в откровенности. Не раз на расстоянии этих очерков мы убеждались в этом качестве ее, но никогда не проявлялась прямолинейность чернотенства на верху правления так ярко, как в 1911 году, среди всеобщего спокойствия, накануне выборов. Никогда еще царь и его министры не были более жалки и бессильны пред лицом надвигающихся международных осложнений и неотложности внутренних реформ.

* «Он меня оскорбил» (фр.).

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Внутреннее бессилие реакции.— Нет корней у нее в народе.—

Нет людей, нет верной армии.— Нет лишних денег.—

Трудность займа.— Выколачивание податей.—

Кризис промышленности продолжается.— Подавленное настроение в высших сферах.—

Вожжи выпадают из рук Столыпина.— Ревизии не помогают.—

Общественное мнение. Существует ли оно? — Похороны Муромцева и Толстого.—

Где теперь идет организационная работа? —

Кооперативное движение.— Мелкий кредит.— Просветительные учреждения.—

Съезды, общества, начинания культурно-политического характера.—

Крушение монархического принципа.—

Выступление Милюкова по поводу «Союза русского народа».— Молчание — знак согласия.

Линия жизни волнообразна, но понятное движение ей несвойственно так же, как и перерыв, остановка. Всегда и все попытки запрудить мутную и полноводную реку, несущую народы к их предопределенному идеалу, или обратить воды ее вспять — терпели неудачу. Все реакции были внутренне бессильны, и тем более, чем резче был предшествовавший им подъем. Поэтому и не зная размеров прошедшего над Россией революционного урагана, по нынешней тишине можно было бы определить эти размеры близко к истине. Нам кажется особенно характерным то обстоятельство, что это чувство бессилия отнюдь не навязывалось правительству общественным мнением; напротив, последнее довольно единодушно расписывалось в полном признании силы реакции, готовилось даже к новому полустолетию пребывания под прессом. Не было меры, которую правительство не могло бы ввести, опасаясь протеста, и оно заранее знало, что задавит всякий намек на такой протест. И тем не менее его энергии хватило только на три года, если считать руки реакции развязанными с июня 1907 года, разгона II Думы, и бессилие ее, ставшее очевидным в 1910 году, когда похороны Муромцева и Толстого открыли всем глаза на действительное положение вещей. Наконец, в начале 1911 года студенческое движение отметило и точку, с которой кривая революции вновь начинает подниматься.

Вовсе не нужно было быть оптимистом, чтобы предсказывать недолговечие реакции. Элементарное наблюдение над ее основами давало в руки историка право утверждать, что дни нынешнего режима сочтены. В самом деле, в чем мог бы он черпать свои силы? В сочувствии широких народных масс? В наличии талантливых, честных и убедительных сотрудников царя? В безусловной верности армии? В золотом запасе государственного казначейства и, наконец, в прочности международного положения России? Беглый обзор этих основ дает неутешительный для Николая и его пра-

вительства вывод. Народ не только по-прежнему ненавидит чиновничество и помещиков, но, испробовав и свою способность к организации во время аграрных стачек, и приемы, с которыми подошло к его насущнейшим нуждам правительство,— розги, нагайки, расстрел, сожжение сел, ссылка и казни, народ усилил в себе старые чувства, и Столыпин в конце своей жизни не делал себе в этом отношении иллюзий. Сознательно проводя революционным путем аграрную реформу, насильственный перевод общин на хутора, преследование упорствующих крестьян и не довольно ретивых землеустроителей и создавая массы сельскохозяйственного пролетариата, он знал, что все это обратится против правительства и помещиков при первом же удобном случае.

Людей, нужных реакции, нет. Есть несколько способных, как Щегловитов, Кривошеин и т. п., но добросовестность их или проблематична, или заведомо скомпрометирована, да и эти-то люди сосредоточены в центральном органе, а на местах у них нет буквально ни одного способного помощника, ни одного губернатора или наместника; единственно неподкупный и разумный человек, консерватор и преданный монарху, кавказский наместник граф Воронцов-Дашков, находится в открытой оппозиции к правительству. Довольно сказать, что, когда к престарелому царедворцу начали приставать, зачем он держит у себя чиновником члена I Думы, подписавшего выборгское воззвание, он отвечал, что «иначе он и не уважал был его, и держать не стал бы». Остальные готовы вешать, ссылать, сечь, но подать разумный совет, разобраться в окружающих — органически неспособны.

Верность армии еще более сомнительна. За эти четыре года состав ее переменился, в нее вошли те самые крестьяне, которые участвовали в аграрном и рабочем движении или испытании на своих родных престель репрессий. Вольноопределяющиеся вносят организованную пропаганду, а среди офицеров, особенно

армейских, насчитывается немало просвещенных людей, которые только из страха суда не организовываются для совместной работы. Будучи противниками ввода армии в политической движение, мы утверждаем, что в случае возобновления революции армия не проявил на внутреннем театре войны с ней прежних качеств. В связи с этой опасностью и находятся последние шаги правительства в иностранной политике, и, стремясь то к оккупации Кульджи, то к войне с Турцией, то к разделению Персии, оно хочет старыми дрожжами вновь взбодрить опавший военный патриотизм, спаять распылившуюся преданность престолу. Но, по свидетельству самих семеновских офицеров, даже на их излюбленную царем часть гвардии положиться нельзя. История с конвойным казаком, входившим в группу террористов, еще приближает к Николаю опасность, даже со стороны собственных телохранителей.

Рычаг современной жизни, в чем бы она ни проявлялась, — деньги — не может долго удержаться. Охрана царя, министров, чиновников, стража и полиция для народа, восстановление

армии и флота, аграрная реформа, наконец, необычайно развившееся казнокрадство и хищения всякого рода — результат вынужденной неразборчивости при комплектовании чиновничьей шайки беспринципными и послушными людьми — все это требует таких затрат, что о накоплении свободной наличности не может быть серьезной речи, и та наличность, что теперь имеется, составлена за счет самых неотложных мер созидательного характера.

Деньги продолжают идти на многообразное разрушение жизни, и если можно говорить о фатуме, то он проявляет себя именно на Николае, обрекая его правление на систематическое уничтожение накопленного предками материала и культурного капитала страны. Возвращение к накоплению было бы равносильно капитуляции, смерти, ибо передавало бы, при современной мировой конъюнктуре, власть в руки народного представительства. Пополнение государственных средств путем займов, по-видимому, исчерпано, и изверившаяся в прочность русского строя мировая биржа ставит все более тяжкие условия. Кроме того,

П. А. Столыпин за своим рабочим столом

международное положение не таково, чтобы обосновывать свободному отливу золота Россию. Если б еще Россия оставалась державой, с которой следовало бы считаться различных комбинациях ее европейским соседям, но ряд дипломатических Цусим после дной военной указал России ее настоящее место в европейском концерте — за турецким арабаном.

Комплекс этих условий приводит к затяжному промышленному кризису, к выколачиванию податей, к скупке собственной ренты в ценах ее повышения, к рабству у банков, к отказам в требуемых Думою ассигнованиях, безличной внешней политике и бесполезности внутренней. Самый решительный человек должен при наших условиях почувствовать упадок энергии, он не захочет показать этого и будет, напротив, усиливать свою деятельность, о постороннего зрителя этой деятельностью е обманешь.

Явна дискоординация мер: аграрная реформа и провоцируемая высшая школа; готовность к войне с Австрией и отвод войск от границы; потребность в лояльных окраинах агрессивная политика в Польше и Финляндии; невозможность второй дальневосточной кампании и ультиматум Китаю и т. д. т. д.

Настроение высших сфер не может быть одро, и чиновники, как крысы, уже чувствуют приближающуюся к делу опасность и готовятся покинуть его *. В том числе первым был Столыпин, купивший себе домик в покойной улице Петербурга, где он рассчитывал сидеться во время грозы, когда она разразится. А отдохнувший Витте понемногу вытаскивает нос из своей конуры; так-то сменяются надежды и влияния на вершину горы в то время, как она уже подмыта водами, столь же разрушительными под землей, как в бурных горных потоках. Одним из серьезных признаков конца следует считать и полную неудачу атачных правительством ревизий; всюду, где они работали, открывалась система хищений, узел которой находится непосредственно на спине Николая. Всякая попытка добрать-ся до этого узла вызывала в царе припадок цекотливости, и он всемерно защищал своим делом всех воров России, ручаясь за их честность.

После яростной защиты государственного изменника Шмида, члена III Думы, после ряда юмилований одних воров и принятия в свиту других (Клейгельса, фон-Валя, Рейнбота и др.) юкрытые казнокрадства было только логичес-

* К моменту публикации книги В. П. Обнинского в России начался новый промышленный подъем.

ким продолжением открыто исповедуемой не-обязательности общечеловеческой морали для царя. Этим же он начисто и навсегда отделился от народа, и если физическое отделение как бы запаздывает, то это лишь вследствие того, что с царем сросся бюрократически-полицейский строй, отделить который не так просто, как совершить дворцовый переворот или царевубийство. Сознывая сою живучесть, чиновничество еще менее считается с общественным мнением, чем царь, который едва ли и подозревает о влиянии последнего на общий ход жизни. В эпохи реакции влияние это учитывается весьма неверно и самим обществом преуменьшается. Поэтому случаи, подчеркивающие наличность определенного, объединяющего большие классовые группы настроения, действуют чрезвычайно плодотворно и на возвращение уважения общества к самому себе, своей моральной силе и устанавливают авторитет общества в глазах засильников.

1910 год принес два таких случая, глубоко печальных и одновременно поучительных: смерти председателя III Думы Муромцева и Льва Толстого. Четыреста тысяч людей, провожавших гроб Муромцева, триста делегаций, до тысячи венков — это было неожиданно и тем более потрясло царя и министерство. Московский градоначальник едва не лишился места за то, что полиция вела себя в этот день по-европейски и не провоцировала ни беспорядков, ни простого замешательства. Царской семье похороны Муромцева не понравились: даже там оценили их значение. В другом роде, но не менее внушительно было впечатление от похорон Толстого, когда с такой силой выразилось отчуждение народа от господствующей церкви; к краху правительственного авторитета присоединился крах церковный. Утешительного в этом было для самого народа немного, но существующему строю наносились сокрушительные удары, против которых не было даже средств защиты, если не считать, что студенческие демонстрации после смерти Толстого дали повод к репрессии против высшей школы, но оружие это обоюдоостро, при малейшем ветерке пламя волнения молодежи перебрасывается в рабочие сферы, а оттуда в народ.

Народ, примолкший после разгромов 1906—1907 годов, совершает теперь цикл обновления своих сил. Организованность политическая должна покоиться на материальной организованности, потому-то и легко было подавить аграрное движение, что разгорелось оно в обстановке бедноты. Инстинктивно следуя верному направлению, народ обратился теперь к накоплению материальных средств и знания. Несмотря на все тормозящие влияния, Россия

дала в области кооператива, мелкого кредита и агрономической такую картину, которой можно было изумиться и верующему в жизнеспособность нации исследователю.

После ряда голодовок, стачек и среди несомненного оскудения общегосударственного достатка народилось кооперативное движение, регулируемое теперь десятком специальных повременных изданий; при скупости, с какой правительство и земство дают средства для организации мелкого кредита, за последний отчетный год роздано было, главным образом из частных средств, полтораста миллионов рублей в ссуду различным артелям и товариществам. Требования на агрономов выросли до

того, что их ищут многими десятками для одной какой-нибудь губернии: 70 — в Пермскую, 50 — в Московскую и т. д.

Не меньше оживления замечается и в сфере народного просвещения, не говоря уже о том, что стоит разрешить какой-нибудь съезд, к которому можно пристегнуть общепросветительные задачи, как на него съезжаются со всех концов России тысячи людей, привозящие, наряду с описаниями бедствий, и живую веру в народ, и свое стремление идти работать в его среде. Обычное насильственное закрытие таких съездов не может искоренить жизнеспособности народа и его интеллигенции и только увеличивает ряды оппозиции, как это было, на-

Обеденный стол у Столыпина

пример, с общеземским съездом по народному образованию, которому департамент полиции поставил совершенно неприемлемые условия, несмотря на строго консервативный состав его участников.

Наблюдается стремление к созданию обществ смешанного характера, где официальная «культура» прикрывала бы собой непризнаваемую «политику», но, как учреждения легализованные, такие общества мало развивают свою деятельность, и она поневоле переносится в подполье. Об этой, подпольной, стороне движения мы, по понятным причинам, говорить не будем. Смутные слухи, доставляемые правительству его шпионами — Жученко, Пуцята и другими, не дают в его руки нитей организаций, и сомнительно, чтобы они попали теперь в эти руки: все стало осторожней.

Положение Николая и его сотрудников и тем еще бесконечно труднее положения любого из его предков — реакционеров и их прави-

тельств, что никогда еще монархический принцип не стоял так низко в народном сознании. Передача всей полноты власти министрам, одобрение казней и карательных действий, помиловании убийц и беспощадность к так называемым «аграрникам», осужденным за аграрное выступление, наконец, частые отлучки из Петербурга, где ничто от этого не менялось, все это лучше пропаганды указывало народу на то, что, может быть, вовсе и не нужно, чтобы наверху сидел какой бы то ни было царь, чтобы всякий человек годился для того, чтобы своей фигурой завершать сложную пирамиду власти, лишь бы пирамида была сложена из хорошего материала и самим народом. Выступления в Думе по поводу деятельности «Союза русского народа» и весьма прозрачный намек на солидарность Николая с погромщиками и убийцами не вызвали ни возмущения, ни протестов. Дума как бы подписала общий приговор царю. И только в потоке событий факт этот не был достаточно оценен.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Кое-что о международном положении.— Позор на Балканах.—

Восточные осложнения.— Китай поднимает голову.—

Бессилие военное и финансовое.— Недостаток взрывчатых веществ.—

Финляндский вопрос.— Слабая компенсация внешних поражений.—

Протесты европейских ученых и парламентариев.—

Инкорпорация Выборгской губернии.— Роспуски сеймов.— Военная подать.—

На Кавказе.— Распыление войск во враждебной стране.—

Как живет Сибирь.— Микадо или царь — все равно.—

Сколько времени думают продержаться на Дальнем Востоке.

Как ни странно это, но мораль, обязательная для отдельного гражданина и без которой невозможен индивидуальный прогресс, обнаруживает по мере объединения людей в общества изклонность к вращению возле некоторой постоянной оси. И наконец, одновременно с кристаллизацией общества в современный государственный организм она совершает вольт в 180 градусов, уходит из угла зрения, и ее место занимает чистейший аморализм. Все, однако, делает вид, что это и есть нужный порядок вещей, и только с такой точки зрения обсуждаются вопросы международного характера. А хоть здесь государство XX века вполне соприкасается с какой-нибудь первобытной общиной, для которой и теперь добро заключается в том, что она поймает и съест чужака, а зло в том, что ее члена съедят чужаки, но нам приходится следовать той же сомнительной тезей, чтобы определить нынешнее место России среди держав и ожидающее ее ближайшее будущее.

Россия, завязшая по шею в дальневосточном вопросе, Россия, истощенная войной, обедневшая людьми и деньгами, такая Россия была некоторым державам удобна в экономическом отношении, так что те и радовались ее поражению на Востоке, как и тому, что, в свою очередь, желтая опасность отодвигалась вследствие временного ослабления Японии.

Таким образом, благодаря целому ряду дипломатических поражений, Россия дожила до того, что она принуждена была дать Австрии присоединять Боснию и Герцеговину. Оставив в этот исторический момент сербский народ на произвол судьбы, Россия проиграла свое место в будущем союзе славянских государств, и весьма возможно, что это ее место будет занято Австрией.

Одновременно с этим экономическое влияние немцев проникло глубоко в русские территории, так что оно вызвало большую тревогу во многих слоях русского народа. Рассказывают о такой сцене: будучи председателем III

Думы, Хомяков на одной и аудиенций обратил внимание царя на немецкие траншеи в Польше. Царь тогда сказал: «Я вам еще интересней карту покажу» — и, достав из стола карту Волынской губернии, показал Хомякову такие же ряды колоний, угрожающих уже и восточному театру будущей войны.

Одним словом, слабость России чувствуется на всей линии, и больше всего на Дальнем Востоке, где России грозит опасность не только со стороны Японии, но и со стороны Китая. Известно же, что на русской границе расположено не меньше ста тысяч человек вооруженных и обученных по-европейски китайских войск.

В общем итоге наше военное бессилие покоится не только на распылении армии и на грозящем безденежье, но и на таких фактах, как отсутствие заводов для изготовления взрывчатых веществ; все элементы ввозятся к нам из соседних государств, и простое закрытие границы для них заставило бы умолкнуть русские пушки, где бы они ни стреляли.

Кроме разных безумных с точки зрения международных русских интересов действия правительства последних десяти — пятнадцати лет, мы и дома ухитрились наделать таких дел, что европейское общественное мнение должно было так же вмешаться в них, как дипломатия во внешне вопросы. В частности, это особенно рельефно выступило в финляндском вопросе.

Финляндская свобода была бельмом на глазу у петербургского правительства, легко покрившего под ярмо реакции остальные части империи. Как в отношениях с державами, так и здесь всегда было легко изобрести своего рода *casus belli* *, чтобы отнять дарованные права. На сей раз поводом было укрывательство на финляндской территории русских революционеров. Отсюда до систематического роспуска сеймов и проведения через Думу и Совет закона об общеимперском законодательстве, уничтожавшем самую конституцию Финляндии, было всего несколько шагов. Грозили инкорпорировать Выборгскую губернию, чтобы отодвинуть финляндскую границу подальше от столицы. Но Финляндия находилась в слишком тесном общении в европейских государствах, была связана с ними договорами финансового характера, и вмешательство заинтересованной стороны было неизбежно. Поэтому от идеи инкорпорации целой губернии перешли к более скромному проекту включения двух финляндских уездов в Петербургскую губернию, поход же против самостоятельности лояльного и трудолюбивого народа

довели до его естественного предела — ненависти к русским и всех видов пассивного сопротивления.

Ученые всех стран высказали обоснованный протест против насилия Николая, но ему до этого никакого дела не было. Парламенты обращались с однородными заявлениями к нашим законодательным палатам, но они шли на поводу у Столыпина, как хорошо дрессированные собаки, готовые рвать кого угодно. Ответом на заступничество Европы было усиление репрессий, введение подати и другие меры, столь же гарантирующие действия этого буфера государства, сколько гарантирует целость дома заложная под него мина с зажженным фитилем.

По отзывании войск с европейской границы и восстановлении против себя Финляндии оставалось еще по возможности испортить дело и на другом возможном театре войны, на Кавказе. Задача была выполнена блистательно, и, помимо раздробления кавказской армии в целях охраны страны от революции, царю обеспечены на турецкой границе такие военные сюрпризы, от которых Россия не скоро оправится. Наконец, и на Востоке огромная Сибирь продолжала жить совершенно самостоятельно, утрачивая постепенно и ту связь с центром, какая была раньше. Война показала населению Сибири, что на Россию надежда плоха в случае движения желтой расы на запад. Там определенно говорят, что для населения безразлично, чьими быть подданными — Николая или Микадо; оба сидят за пять тысяч верст, и уж во всяком случае больше шансов на свободное развитие при японском владычестве, нежели русском.

Спросят, неужели это правда, неужели правительство не знает этого, неужели оно бесильно изменить печальное положение дел? Да, правда; да, знает; да, бессильно. В 1910 году Кривошеин, кандидат на место Столыпина, категорически ответил князю Львову, известному руководителю общеземской организации, приглашая его взять на себя исследование переселенческого вопроса на крайнем Востоке: «Мы можем продержаться там не более пяти лет».

Ассигновать в сознании этого сотни миллионов на Амурскую дорогу и усиление крепостей, гнать туда переселенцев и морочить страну и самих себя могли только люди, потерявшие давно головы, люди, стремительно падавшие вниз и увлекающие за собой своего царя. Глубоко прискорбно, что с этим хламом движется и стомиллионный народ, теряя одну за другой свои позиции в грядущем развитии мира.

* Повод к войне (*лат.*).

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

События последнего времени.— Расцвет власти Столыпина и охраны.—
Муслирование патриотических чувств.— Киевские торжества.—
Смерть Столыпина.— Поведение Николая Александровича.—
Кандидатура Курлова.— Химерические толки в народе.—
Равнодушие общества и переполох в правительственной среде.—
Завершенная система изоляции правителей и их уничтожения.

Мы приближаемся к событиям последних дней и с ними и к естественному концу и нашему труда. Нарастающая волна мирового движения увлекает за собой самые инертные массы, и русский народ, так еще недавно явивший мощь и здоровье своего духа, не может долго оставаться на мертвой точке, где задержали его реакционные годы. Впрочем, инертность эта лишь кажущаяся, и в глубинах общественных и народных никогда не прекращалась работа освободительной идеи, равно как на верху правления не прекращалось заигрывание пресса, идею эту душившего.

И мы должны были бы кончить печальную повесть об императоре Николае на полуслове, если б судьбе не угодно было одним мановением подвести итог главной цели его царствования — сохранению самодержавия. Первого сентября 1911 года в киевском театре во время парадного спектакля и в присутствии царя был тяжело ранен и через три дня умер от заражения крови Столыпин.

Для России, издавна привыкшей к насильственным смертям своих правителей, сам по себе факт убийства министра не имел бы особого значения, если б этот министр не олицетворял собою принципа самодержавия, стремящегося жить в конституционной атмосфере. Эту жизнь можно было поддерживать лишь непрерывным разрушением правовых норм, и вся внутренняя политика Столыпина построена была на таком разрушении. Кончилось тем, что Николаю пришлось механически соглашаться со всеми предложениями своего «верного слуги», как начал он называть покойного министра. Шутя он назвал его также «императором», а жену его — «третьей императрицей». Но за шуткой сквозила плохо скрытая неприязнь к чиновнику, оттершему в тень своего царя. Поэтому, как ни был действительно предан своему монарху этот всевластный человек, он не мог не тяготиться под конец своей службой, не мог не сознавать затаенной личной вражды к себе Николая. Карьера его была на закате, но, повторяю, пуля охранника провела между легкими и печенью диктатора одну из тех черт, за которыми история вписывает итоги баланса целой эпохи.

Параллельно с властью Столыпина гипер-

трофировалось и типичнейшее из русских установлений — охрана. Давно обратившаяся в «государство в государстве» и поставленная в основу всего управления, она неминуемо должна была при крушении своем повалить и самую систему. Так и случилось. В дни киевских торжеств, когда под предлогом освящения памятника Александру II была с огромными затратами на бутафорию поставлена патриотическая феерия, в которой царь занимал первое место, а его «верному слуге» отказывали в экипаже и личной охране, агенты ее совершили убийство человека, выполнявшего свою роль и становившегося неприятным царю и опасным самой охране. Среди тысячи душ профильтрованного чиновного и военного люда, по странной случайности слушавшего вместе с царем «Сказку о царе Салтане», осмеивающую царский деспотизм, только агент охраны анархист Богров мог совершить казнь над питавшим его учреждением в лице первого чиновника империи.

И в этот драматический момент Николай не мог найти лучшего исхода накипевшей в его душе тоски по популярности, как пожать лавры казненного энтузиазма на виду места, где еще дымилась пролитая из-за него человеческая кровь. Рок императора оставался верным себе до конца, пятная кровью белый китель, под которым живет сумрачный дух последнего византийца. В приказе министра Двора, вышедшем на другой день после покушения, о Столыпине не обмолвились ни словом, точно это был не первый министр, а щепка, убранный с царской дороги метлой монарха. И в довершении всего царь уехал в Крым, не дождавшись похорон своего «слуги», как не хотел он хоронить и другого не менее «верного слугу» — Трепова.

Личная безопасность была ему в Киеве во всяком случае более гарантирована, нежели в пути или на севастопольском смотре, дело было не в ней. И быть может, наиболее всеми отмеченной чертой события была именно та необычайная черствость и мелкота души, которая так наглядно проявлена была царем в эти дни. Зато не всем еще известно, что тотчас вслед за убийством Столыпина, когда зашла речь о его заместителе, царь настаивал на Курлове

Дм. Богров, убийца Столыпина

как на своем кандидате. Нужно было долго втолковывать ему, что возмущение будет слишком всеобщим, что Курлова прямо обвиняют в пособничестве убийству, что, наконец, этот человек расхитил вместе с товарищами по охране за одни киевские дни почти миллион рублей. Впрочем, психология этой кандидатуры вовсе не сложна. Николай Александрович дорожит и интересуется только своей жизнью, своими удовольствиями, своей семьей и глубоко равнодушен к судьбе своих слуг и народа.

Вся работа охраны сводится к тому, чтобы покупать дни царской жизни смертями его окружающих, и самый в этом отношении надежный человек всегда был бы и самым приятным царю кандидатом в премьеры. Теперь же, с переходом власти к Коковцову и с вынужденной отставкой Курлова, вопрос о личной безопасности Николая снова как бы виснет в воздухе, и придется опять отсиживаться по загородным дворцам.

Эта шитая белыми нитками подкладка киевского акта породила в народе самые химерические толки, между прочим — о причастности к убийству самого царя, толки, которые мы приводим лишь как одни из симптомов крушения в России монархического принципа.

Поистине нужно было много стараний для того, чтобы стать в глазах народа не только профессиональным предателем его интересов, но чуть ли не убийцей.

Полноценная расплата за культивирование чиновничества и полиции, за глухоту и слепоту, в которых, впрочем, столь же повинна общая обстановка жизни самодержца, как и его личный темперамент.

Народ отнесся к киевскому убийству равнодушно. Не было того оживления, какое после смертей Сипягина и Плеве наблюдалось в чопорном Петербурге, не было и страха усиления репрессий. Общественное мнение безмолвно указывало на огромный рост самосознания, сплоченности народа, резко отделившего себя от царя и его приспешников. И то же чувство отторгнутости, одиночества заставило встрепенуться первых чинов правительства. Там поняли, быть может поздно, что секретная полиция, как циркулярная пила, одновременно подпиливала революционные и правительственные корни и что, таким образом, дни полицейского строя были сочтены.

Крест Столыпина, пробитый насквозь во время покушения

Вот почему наблюдается уверенность общества в наступлении эры реформ и в укреплении конституционных начал. Как паровоз, с заднего хода переходящий на передний, не может сразу развить полной скорости, так и имперский механизм не в состоянии сделать скачка до вершины, намеченной в Манифесте 17 октября.

Народ подождет, он терпелив и смирен, но в его сознании место, отводившееся прежде монархическим традициям, опустело надолго, если не навсегда. Царь может ездить по церквям и парадом, вслушиваясь в заунывные молитвы попов и солдатские приветствия по команде, но с народом его ничто не связывает, и такова же судьба его наследника. Систематическое изолирование правителей должно было привести их к самоистреблению, и не все ли

равно Немезиде, уничтожают ли они себя сами или руками своих наемников. В кровавом свете переживаемой Россией революционной эры контуры событий, человеческих дел и характеров упрощаются, скелет с косою, стоящий за каждым из властителей, заставляет их, помимо воли, показывать миру изнанку духа, и нет уже нужды притворяться лучшими, чем они есть. Курлов может оставаться любимцем царя, воры, погромщики, убийцы могут миловаться по-прежнему, и по-прежнему тюрьмы могут наполняться деятелями освобождения.

Царь не ищет примирения с народом, но если б и хотел, то нет путей к примирению. В сорок четыре года люди не перерождаются, если в них не заложены начала человечности, любви к правде и деятельного милосердия.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Какой же исход? — Физический и химический процессы. —
Возможность здорового патриотического подъема в случае
внешних осложнений. — Его гибельность для Николая и чиновничества. —
Последнее в крайнем случае изменит царю,
но вскоре умрет само в нынешней своей формации, уступив место
новым государственным организациям.

Нам кажется ясным, что если в некоторых отношениях Россия и отстанет, благодаря своему режиму, от других цивилизованных государств, то о разложении ее как целого думать не приходится. История бюрократизма отнюдь не совпадает с историей русского народа, напротив, они полярны. В то время как абсолютистский принцип и носители его вырождались и все более мельчали, народа создавал свой язык, литературу, науку, искусство, именно в этих свидетельствующих о жизнеспособности нации областях он и занял хорошее место в мировой культуре.

Так что если говорить о конце, о смерти, то следует разуметь лишь чиновничество и ту форму монархии, гипертрофия которой привела к современному кризису. Как мертвые туши каких-нибудь допотопных животных, лежащие поперек ручья, нагромождают они фарватер русской жизни, и она прорывается, то сворачивая отдельные части этой баррикады, как это было в октябре 1905 года, то подтачивая ее изподволь, как это началось после первых двух Дум. Очень трудно предсказывать, в каком направлении фиксируется эта работа живой воды. Слишком много одинаково мощных факторов входят в революционное движение, раз оно совершается одновременно в двух плоскостях, политической и социальной.

Интересы России переплетаются, наконец,

с интересами других стран, и международные мотивы еще более усложняют всякий прогноз. Судя по тому, что крайние выступления недавних лет достаточно скомпрометировали самый принцип революционного саботажа, включая сюда и террор, и что, напротив, организованные действия более мирного характера неоднократно приводили к успеху, можно думать, что переход к прочному правопорядку совершится без особых потрясений, хотя и замедлится. Но с другой стороны, правительство имеет, в свою очередь, постоянную возможность провоцировать бурные формы революции, и так как подавление их вооруженной силой бесконечно легче, нежели реформирование всего уклада государственного строя, то можно ожидать и таких именно действий.

История с высшей школой, ведомая к тому же лично царем, есть один из опасных в провокационном смысле шагов. Другим шагом была бы война. 1911 год грозил в этом отношении с двух фронтов, и мы пытались показать, что успех далеко не обеспечен для нашего оружия. В таких условиях новое поражение могло бы вызвать, одновременно с подъемом здорового патриотического чувства, еще и негодование на правителей, история дает и этому живые примеры.

Армия, воодушевленная общим сочувствием нации, может на военном театре перейти тогда

к успехам, но ими уже не воспользуется прежний царь или прежнее правительство, которые будут свергнуты восставшим народом. Если же, против ожидания, военные успехи будут обеспечены в начале кампании, то они несколько укрепят положение правителей, и вот почему они так охотно рискуют войной; выиграть можно, а без войны проигрыш, конец всегда ближе. Совершенно очевидно также, что как царь охотно предал бы чиновничество, если б ему и его потомству обеспечили за это царство, так и бюрократия предаст своего главу при наступлении краха; ей даже легче сделать это, ибо, каков бы ни был последующий режим, без чиновников он обойтись не может и на первые годы большинство средних и маленьких чинов будет оставлено на своих местах. Изменится только верхний слой, и от новых людей будет зависеть, чтобы все честное и способное осталось с ними и перешло к плодотворной административной и всякой работе.

Россия не так богата людьми, чтобы можно было сменить весь старый механизм на новый, да и мелкие колеса его находятся в хорошем состоянии: число прогрессивно думающих людей, служащих Николаю ради куска хлеба и компромиссы коих с грубо житейской точки зрения вполне понятны и простительны, велико. Это известно в бюрократических верхах, и они не доверяют преданности и режиму своих под-

чиненных. Мы уже видели, по словам Кривошеина, что наверху нет веры и в общую прочность своего положения. Один из наиболее прославившихся губернаторов, разгромивший целый край своим управлением и еще два года назад сохранявший бодрость, сказал в 1911 году прокурору местного суда, тоже черносотенцу: «Воспитывайте своих детей так, чтобы они готовы были и способны перенести переворот, политический и социальный, потому что он неизбежен и может застать их врасплох». Такие разговоры можно слышать повсюду. Испытав свои способности в обстановке полного наружного покоя и сознавая, что покоя внутреннего она создать абсолютно не может, бюрократия должна была прийти к выводу, что конец ее влияния недалек. Вывод же этот не мог не выразиться в ряде актов, значение которых воспринимается народным сознанием интуитивно. В 1911 году Россия сошла с точки, на которой многие думали видеть ее закрепленной на долгие годы. Теперь каждый месяц может принести события, которые будут все более изменять положение весов, на одной чаше которых виднеется судорожно цепляющиеся за коромысло Николай, министры, крупные воры и лендлорды, а на другой — миллионы маленьких людей, делающих жизнь. Какова будет эта жизнь, можно наметить в общих чертах даже и теперь.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Будущий строй Российского государства.—

Конiec послепетровского периода.— Мнение Ключевского.—

Будущее династии Романовых.— Да Романовы ли они? —

Последний самодержец.

Строй России определяется не только ее историей, но и простым взглядом на этнографическую карту ее. Ряд резко выраженных национальных групп, занимающих столь же ясно очерченные территории. Десяток языков и вер, почти можно сказать, что и десяток разных историй, только случайно связанных узлом царского самодержавия. Полное отсутствие ассимиляции и господство разных интересов центра и окраин. И рядом с этим — необходимость единения, как единственного способа устоять против натиска с Запада и выполнить провиденциальную задачу защиты европейской культуры от желтой опасности. Федерализм через автономизм есть единственная форма, обеспечивающая развитие России и ее место в ряду мировых держав.

Мысль эта красной нитью проходит через умы всех сколько-нибудь любивших родину

русских, к каким бы партиям и классам они ни принадлежали, притом проходит через целое почти столетие. Как часто бывает с простыми неизбежными вещами, идея эта все отстранялась, и ей боялись взглянуть в глаза, так как устраивали жизнь несоответственно с ней; но в последнее время, когда оказалось, что пренебрежение к естественному закону вызывало крах государства, идея заняла свое место во главе всех остальных идей о будущем русском строе, и с нею считаются даже и те, для кого она несет смерть. Александр II неоднократно говаривал, что «дал бы конституцию, да она приведет к автономизму».

Король румынский высказал представителю царя в Яссах, что переход к автономизму упреждает русское правление. Наконец, президент Лубэ прямо советовал Николаю перейти к областной автономии. Но для царя автоно-

мизм был совершенно чуждым понятием, а правительство, конечно, истолковывало такую форму с точки зрения своих выгод. Ждать отсюда реформы такого рода вообще невозможно, она придет одновременно с общим переворотом. Не характерно ли, что советы этого рода исходят отовсюду, за исключением заинтересованных в русском status quo держав? Ведь не посоветуют же они не только федерации, но и простой автономии, потому что знают хорошо, как быстро начнет расти после этого действительного объединения Россия, как трудно будет им самим пробиваться на Восток!

А опасность воссоединения частей бывшего польского царства и, еще того больше, опасность всеславянской федерации и оттеснения от южных морей заставляет их принимать все меры к отсрочке реформы русского строя, и в этом они по необходимости играют на руку русской реакции. Но движение внутри России приняло такие серьезные размеры, идея так жива и так легко объединяет и организует людей, что, быть может, и будущая фаза освободительного движения пройдет под лозунгом федерализма. Знаменитый русский историк В. О. Ключевский, быв спрошен в Петербурге одним сановником о том, каким представлялся ему наступающий период русской истории, высказался в том смысле, что период этот будет федеральным.

Несомненно, конечно, что России придется пройти и стадию более скромного характера, сохраняя монархический автономный строй; наконец, и элементарная децентрализация управления была бы значительным шагом вперед; но, повторяем, на инициативу нынешнего правительства рассчитывать нельзя. Специализировавшись в области репрессий, оно перестало бы быть самим собой, если бы изменило политику, ему нет вообще иного выхода, как длить реакцию. В лице его кончается послепетровский период русской истории. Бюрократизм, перенесенный с европейской почвы на русскую, разросся на ней тем более пышно, чем слабее были развиты свои, так называемые «исконные», начала, о которых любят упоминать в манифестах... В короткое время две главные движущие силы той эпохи, царская власть и церковь, были поглощены новой, и, выделив для своей охраны обширную крону в виде полиции, ствол чиновничьего строя прочно стал над русской землей.

Но рост территории и населения был интенсивней, нежели чиновничества, и уже в начале XIX века появились первые сухие ветви, указывающие на истощение корней. В следующие годы процесс усыхания шел все быстрее, и XX

век приносит России вместе с позором войны и весть обновления. Ожидать быстрой смены старого и нового строя могли только политические утописты, которых плодит всякая революция. Но обычная в таких случаях агония ускоряется у нас, благодаря тому что в лице самодержцев монархия нашла такой элемент разложения, в котором как бы сосредоточивались все отрицательные стороны, все тлетворное, что таит в себе абсолютизм.

За триста лет своего существования династия, носящая фамилию Романовых, выдвинула немало интересных типов, отражавших свои черты и направления; переплетаясь между собой, следы отдельных эпох и даже царствований вносили в жизнь страны те глубокие внутренние противоречия, которые приводили от времени до времени к потрясениям революционного характера.

«Мир качался», по выражению летописца XVII века, и это качание проходит через всю историю дома Романовых. Самодержавие их, с самого начала узурпированное боярами и только в руках Петра I принявшее личный характер, тесно сплелось с образовавшимся укладом жизни, влияя на него и в нем же черпая новые силы. Но, будучи всегда сверхкорыстным, оно с течением времени перешло в паразитарную форму, продолжая все брать и ничего не давать. Войны XIX века раскрывали народу истинное значение абсолютизма и стачивали традиции, пока не только абсолютизм, но и просто монархический принцип не крушились в начале XX столетия, заставив русский мир «закачаться» сильнее, чем когда бы то ни было.

Одновременно с внутренним разложением, которого не могли остановить реформы Александра II, как не доведенные до их логического конца, шел процесс вырождения и царствующего дома. Стушевываясь перед разрастающейся бюрократией, царь все более обращался к личной жизни, и в ней развивались те стороны духа, которые обычно воспитывает праздная, богатая, безответственная жизнь. Как самодержавие стало паразитом на народном теле, так самодержцы стали паразитами на теле бюрократизма. Нет ничего удивительного поэтому, что тот исторический момент, который застал бюрократизм изжившим самого себя, гниющим заживо, застал и на престоле наиболее яркий тип вырождения, какой только мог явиться после трех столетий неправильной, нехорошей, часто преступной жизни одной семьи самодержцев.

Судьба и здесь была сурова по отношению к русскому народу: она длила жизнь династии искусственно, приливая к ней постороннюю,

живую кровь. Больше того, Россия не имеет даже и сомнительного удовольствия видеть во главе правления людей, в которых течет хоть бы одна капля русской крови, и совершенно неизвестно, почему царствующий дом присвоил себе не принадлежащее ему имя. В самом деле, отбросим предполагаемое происхождение Петра I от патриарха Никона, хотя физическое и моральное сходство их разительно. Допустим, что в лице преобразователя своего строя Россия имела действительно потомка рода, избранного на царство.

Но далее, как известно, Екатерина Скавронская была горничной пастора Глюка, после которого перешла на то же *emploi* к Меншикову. У последнего увидел ее Петр и, велев ей вечером «посветить ему в спальне», из комнаты уже не выпустил. В следующие годы связь продолжалась, пока наконец Екатерина не была перевезена в Москву, где у нее родилась дочь Елизавета; сохранились письма, из которых видно, что Петр ждал этого ребенка, думал о нем, считал своим. Незаконной дочери Петра, Елизавете, походившей на родителей и бывшей красивой, было три года, когда родители ее повенчались. И вот, совершенно для всех неожиданно, в момент свадьбы появляется возле венчающихся, рядом с трехлетней Елизаветой, еще девочка девяти лет, типичная чухонка, тоже дочь Екатерины, но от совершенно неизвестного лица, девочка, к которой Петр был более чем равнодушен. Современная картинка рисует обеих девочек крепко ухватившимися за платье матери и, по тогдашнему выражению, «привенчивающимися» к новому союзу двух людей (узаконение). Когда старшая, Анка, как ее называли в народе, подросла, ее выдали с небольшим приданым за незаметного голштинского герцога, что еще более подчеркивает равнодушие Петра. Впоследствии, при вступлении на престол Елизаветы, она не была признана народом, считавшим ее незаконной дочерью, и царицей. Бунт подавили, многим порезали языки; многих сослали, и Елизавета дожила свой век на престоле без потрясений.

Но когда после нее появился Петр III, сын голштинского герцога от брака с неизвестной чухонской девицей и женатый на немке, то только грубая сила могла заставить признание в нем Романова. Это одно. Второе — несомненное происхождение Павла I от Екатерины и Салтыкова, когда романовская кровь тоже только чудом могла попасть в жилы будущего

полоумного царя. Противники этой версии обычно ссылаются на то, что никто не имеет права придавать значение альковным легендам, что, согласно римскому праву, *is pater, quem nuptiae demonstrant* *. Охотно принимаем это правило, но тогда откуда же, как не из сплетен, почерпнули они уверенность в романовском происхождении Анны, родившейся за шесть лет до внедрения Екатерины в Москву и ее прочного сожительства с царем?

Таким образом, очевидно, что в жилах Николая II, как и его ближайшей родни, нет никакой романовской крови, а если отрицать отцовство Салтыкова для Павла I, то и капли русской. Дом Романовых, да простит нам читатель эту шутку, действительно дожил до XX века и простоит, если не сгорит, вероятно, еще столетие, но он находится на одной из московских улиц (Варварке) и сложен из хороших кирпичей, а не из разваленных и неспособных дегенератов; он расписан старинными арабесками, в которых русский стиль свободно сочетался с византийским и арабским, а не теми картинками печали и гнева, которыми приходится пользоваться, восстанавливая облик последнего российского самодержца.

Да, последнего, что бы ни говорили сила реакции, влияние родственных связей, международная конъюнктура. Трудно сказать, будет ли царствовать Алексей, но если и будет, то в обстановке, навсегда очищенной от малейшего запаха абсолютизма, в каких бы скрытых формах он ни ухитрился сохраниться.

Мы думаем, что, как ни скромна была наша задача, как ни стремились мы, в понятной человеческой жалости к семье, заброшенной во всем величии обстановки как бы на необитаемый остров, где грозит одинокая смерть, рисовать образ Николая Александровича возможно мягкими штрихами, все же дни жизни и царствования его выступили перед нами в близком к их действительности и достаточно печальном свете. И чем ярче будет разгораться над бедной родиной, несущей в себе столько здоровых сил, заря политической и социальной свободы, тем мрачнее будет сгущаться туман над именами ее царей, в том числе и кровавым Николаем, пока не скроет их навсегда в недрах истории, холодной, бесстрастной и немилосердной.

* Отец тот, у которого во время брачного союза этот сын родился (юридическая форма римского права).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ПРОГРАММА «СОЮЗА ОСВОБОЖДЕНИЯ»

«Союз освобождения» находит, что тяжелый внешний и внутренний кризис, переживаемый Россией, в настоящее время настолько обострился, что народ должен взять решение этого кризиса в свои руки, вместе с другими общественными группами, выступившими против существующего режима. «Союз освобождения» требует поэтому немедленного созыва Учредительного собрания на началах всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов для выработки русской конституции.

«Союз освобождения» считает далее необходимым выступить уже в настоящее, подготовительное к созыву Учредительного собрания время с определенной программой. Общю и непосредственно целью своей деятельности «Союз освобождения» считает коренное преобразование государственного строя России на началах политической свободы и демократизма.

Для осуществления провозглашенных Союзом начал политической свободы и демократизма мы требуем признания в основном государственном законе прав человека и гражданина. В состав их прежде всего входит равенство всех перед законом, без различия пола, вероисповедания и национальности.

Всякие сословные различия и всякие ограничения личных и имущественных прав поляков, евреев и других отдельных групп населения должны быть отменены. Далее сюда относится неприкосновенность личности и жилища. Никто не может быть ни обыскан, ни арестован, ни наказан иначе как в порядке общего судопроизводства, представляющего подозреваемому и обвиняемому все средства защиты на всех стадиях судебного разбирательства. Каждому гражданину должна быть предоставлена полная свобода передвижения; паспортная система должна быть признана. Затем необходимо обеспечение свободы совести. Всякие религиозные преследования должны быть прекращены; никто не может быть вынужден исповедовать какие-либо вероучения или принадлежать к какой-либо вероисповедной организации; наоборот, всякий имеет право свободно либо выбирать себе то или другое вероучение и присоединиться к тому или другому вероисповедному обществу, либо отказаться от всякого вероучения и перестать принадлежать к той церкви, членом которой он считался.

Из признания начал свободы совести вытекает, с одной стороны, освобождение церковных обществ от государственной опеки и с другой — освобождение государства от подчинения церковным интересам.

Ведение актов гражданского состояния должно быть для всего населения делом гражданских властей.

Равным образом необходима свобода печатного слова. Свобода печати подразумевает полную отмену цензуры и право издавать и распространять всевозможные произведения печати, как периодической, так и непериодической, на всех языках, без всяких разрешений, залогов или других каких-либо ограничительных мер. За преступ-

ления и проступки, совершенные путем печати, виновные отвечают только перед судом, причем никакое мнение, выраженное в печати, не подлежит преследованию и в судебном порядке, если в этом мнении не заключается общего уголовного правонарушения.

Наконец, мы требуем свободы устного слова, публичных собраний и союзов. Все граждане должны иметь право произносить речи, читать лекции, устраивать собрания как в закрытых помещениях, так и под открытым небом. Они должны иметь право образовывать постоянные и временные союзы для всяких целей, прямо не запрещенных уголовным законом и притом без всякого предварительного разрешения полицейской власти.

Союзы и публичные собрания должны иметь право коллективных обращений в установленном законом порядке к законодательной власти с заявлениями и ходатайствами. Но как никакое народное представительство не может быть признано выражающим мысль и волю страны, если законами страны неизбежно не утверждены равенство всех граждан перед законом, неприкосновенность личности и жилища, свобода совести, свобода печати, свобода собраний и союзов, точно так же никакие права человека и гражданина не будут обеспечены до тех пор, пока закон не будет выражением воли народа и пока исполнительная власть не будет подчинена контролю народного представительства. Для этого необходимо, чтобы законодательная власть принадлежала народному представительству, организованному на началах всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов, без различия пола¹. Представители народа должны иметь право законодательной инициативы.

Утверждение государственного бюджета должно быть неотъемлемым правом народного представительства.

Никто не обязан платить налогов и пошлин, не предусмотренных сметой или когда смета уже потеряла законную силу. Высшие органы исполнительной власти, министры, должны быть ответственны перед народным собранием, которое, таким образом, не только облечено правом обсуждать действия министров и их подчиненных и требовать от них объяснений, но имеет также право, при соблюдении известных условий, привлекать министров к судебной ответственности. Мы требуем не только того, чтобы народное представительство было организовано на начале политического равенства, мы добиваемся также того, чтобы государственное устройство преобразованной России было утверждено на широком местном и областном самоуправлении. В вышеозначенной организации народного представительства уже намечено нами требование, чтобы освобожденная Россия сознательно и решительно порвала с угнетением окраин и бюрократической централизацией. Из этого следует прежде всего, что конституция Финляндии, обеспечивающая ее особенное государственное положение, должна быть всецело установлена и торжественно признана в ос-

¹ По вопросу о женских избирательных правах меньшинство осталось по практическим соображениям при особом мнении, ввиду чего съезд признал этот пункт программы необязательным для меньшинства.

новых законах Российской Империи. Всякие дальнейшие мероприятия, общие Империи и Великому Княжеству Финляндскому, должны быть впредь делом соглашения между законодательными факторами Империи и Великого Княжества. Самое широкое областное самоуправление должно быть во всяком случае предоставлено областям Империи, резко обособленным по своим бытовым и историческим условиям, например Польше, Литве, Малороссии или Закавказью. В отношении народностей, входящих в состав России, мы безусловно признаем их право на культурное самоопределение. Употребление в начальных школах и во всех местных учреждениях народного языка должно быть принципиально признано необходимым для всех народностей Российского государства. В то же время во всей стране должно быть на основе всеобщей подачи голосов создано обобщенное широкими правами, действительно независимое самоуправление, сельское, участковое, уездное, губернское, а также городское. Ему должны быть предоставлены все отрасли местного благоустройства, в том числе и полиция. Но политическим переустройством не может быть ограничиваемо коренное государственное преобразование России. Политическая реформа необходима также и ради осуществления глубоких культурных, правовых и экономических преобразований. Первое место должно принадлежать школьной реформе. Немедленно должно быть приступлено к организации в стране всеобщего начального обучения с чисто светским характером, которое впоследствии должно быть сделано обязательным.

Средняя школа и высшие учебные заведения тоже должны подвергнуться организационной реформе. Мы требуем автономии университетов и других высших учебных заведений и передачи начальной и средней школы в полное заведение местного самоуправления.

Программы низшей, средней и высшей школы должны быть согласованы друг с другом, чтобы была обеспечена возможность последовательного прохождения обучающимися всех трех ступеней школы. Обучение в общественных и государственных школах всех типов должно быть бесплатным. В области суда мы считаем необходимым в полной чистоте восстановить основы судебных уставов 1863 года и дать им окончательное осуществление. Суд должен быть равным для всех; учреждение исключительных судов по каким бы то ни было поводам недопустимо. Поэтому должностные лица должны быть предаваемы суду и судимы в общем порядке. Институт земских начальников и волостные крестьянские суды должны быть отменены. Гласность суда должна быть восстановлена во всей полноте, и закрытие дверей по политическим соображениям не должно быть допускаемо. Судьи должны быть независимы и потому несменяемы и не награждаемы. Суд присяжных должен получить возможно широкое распространение с исключительной подсудностью ему всех преступлений. Закон о печати должен быть пересмотрен, и постановления его, противоречащие началам политической свободы, должны быть отменены. Смертная казнь, применяемая почти исключительно в интересах поддержания существующего строя, подлежит, безусловно, отмене.

Вся хозяйственная жизнь России до корня извращается политическим рабством, в котором коснеет страна.

Освобожденная Россия должна порвать с системой внешних захватов и с финансовой и экономической политикой, разорявшей страну. Контроль народных представителей над расходованием народных средств прекратит практиковавшееся до сих пор расточение народного достоинства. Относительно системы обложения мы требуем: 1) отмены выкупных платежей, взимаемых с крестьянских земель; 2) развития прямого и постепенного понижения и уничтожения косвенных налогов; 3) реформы прямого обложения на основе прогрессивной пропорциональности налогов и доходов облагаемых лиц. Наряду с изменением финансовой политики необходимы отказ от покровительства отдельным предприятиям и предпринимателям и уси-

ленное покровительство развитию производительных сил народа. Постепенное понижение таможенных пошлин не только улучшит положение сельского хозяйства, но и будет содействовать в сильной степени расцвету самой промышленности. Рядом с отказом от неразумного протекционизма должны быть проведены широкие аграрные реформы. Политическое освобождение России должно быть вместе с тем и завершением дела освобождения крестьян¹.

В этих целях необходимо: 1) новое наделение безземельных и малоземельных крестьян государственными, удельными и кабинетскими землями и, где их нет, частновладельческими, с вознаграждением нынешних владельцев этих земель; 2) образование государственного земельного фонда для широкой организации, с помощью государства, переселения крестьян на эти земли; 3) создание арендного права, гарантирующего земледелу плоды его улучшений, и учреждение примирительных палат для регулирования арендной платы в интересах трудящихся и для разбора споров и несогласий между арендаторами и землевладельцами; 4) распространение рабочего законодательства на земельно-рабочих применительно к условиям земледелия.

В области рабочего вопроса необходимо, прежде всего, создание благоприятных условий для развития коллективной самостоятельности рабочих; право стачек и явочный порядок для профессиональных обществ и союзов. Затем мы признаем необходимым: 1) реформу рабочего законодательства и инспекцию труда в направлении присущего им ныне бюрократического характера и распространения их на все виды наемного труда; 2) законодательное регулирование продолжительности рабочего времени путем введения 8-часового рабочего дня в тех производствах, где это возможно немедленно, и приближение к нему в других производствах; 3) отмену сверхурочных работ, кроме технических необходимых; 4) развитие охраны труда женщин и детей; 5) законодательное регулирование всех отношений найма, которые поддаются такой нормировке; 6) учреждение примирительных палат, составленных из выборных представителей труда и капитала, в равном числе с обеих сторон для разбора всех вопросов договора о найме, не поддающихся законодательной нормировке; 7) обеспечение рабочим постоянного вознаграждения от предпринимателей за утерянную трудоспособность вследствие несчастного случая или профессиональной болезни; 8) введение государственного страхования на случай смерти, старости, болезни и неспособности к труду и привлечение рабочих к участию в управлении страховыми учреждениями на равных правах с предпринимателями.

Настоящая программа, представляя собою то общее, на чем объединились все группы «Союза освобождения», конечно, не могла охватить всех частных взглядов и мнений, которые высказывались при ее выработке.

С другой стороны, так как принятые Союзом решения диктовались условиями того политического момента, в который происходило ее обсуждение, то решения эти и могут считаться обязательными лишь постольку, поскольку политические условия останутся неизменными. Допущение такого временного и условного элемента в свои программные решения «Союз освобождения» считает неизбежным и необходимым условием для всякой политической программы, преследующей цели реальной политики. Только дальнейший ход политической жизни может показать, какие изменения и дополнения в принятой программе окажутся нужными, и самая необходимость оставить некоторые решения временно открытыми показывает, что в этих случаях за отдельными членами и группами Союза остается свобода выбора тех действий и решений, которые диктуют им их совесть и их общественные убеждения.

¹ Мы употребляем это выражение не в сословном смысле, а в его экономическом значении, разумея под крестьянами мелких хозяев-земледельцев, лично обрабатывающих землю.

РЕЗОЛЮЦИЯ ЧАСТНОГО СОВЕЩАНИЯ ЗЕМСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Частное Совещание земских деятелей в заседаниях, происходивших 6, 7 и 8 ноября 1904 года в Петербурге, обсудив вопрос об общих условиях, необходимых для правильного течения и развития нашей общественной и государственной жизни, пришло к следующим заключениям:

1. Ненормальность существующего в нашей жизни порядка государственного управления, с особой силой проявляющаяся с начала 80-х годов, заключается в полной разобщенности правительства с обществом и в отсутствии необходимого в государственной жизни взаимного между ними доверия.

2. Отношения правительства к обществу имели в своем основании опасение развития общественной самостоятельности и постоянного стремления к устранению общества от участия во внутреннем государственном управлении. Исходя из этих оснований, правительство стремилось к проведению административной централизации во всех отраслях местного управления и к опеке над всеми сторонами общественной жизни. Взаимодействие с обществом признавалось правительством исключительно в смысле приведения деятельности общественных учреждений в соответствие с видами правительства.

3. Бюрократический строй, разобщая верховную власть с населением, создает почву для широкого проявления административного произвола и в опеке над всеми сторонами общественной жизни. Взаимодействие с обществом признавалось правительством исключительно в смысле приведения деятельности общественных учреждений в соответствие с видами правительства.

4. Правильное течение и развитие государственной и общественной жизни возможно лишь при условии живого и тесного общения и единения государственной власти с народом.

5. Для устранения возможности проявления административного произвола необходимо установление и последовательное проведение в жизнь принципа неприкосновенности личности и частного жилища. Никто без постановления независимой судебной власти не должен быть подвергнут изъятию и ограничению в своих правах. Для вышеуказанной цели необходимо, кроме того, установление такого порядка привлечения к гражданской и уголовной ответственности должностных лиц за нарушение закона, который обеспечивал бы практическое осуществление начала законности в управлении.

6. Для полного развития духовных сил народа, для всестороннего выяснения общественных нужд и для беспрепятственного выражения общественного мнения необходимо обеспечение свободы совести и вероисповедания, свободы слова и печати, а также свободы собраний и союзов.

7. Личные (гражданские и политические) права всех граждан Российской Империи должны быть равны.

8. Самостоятельность общества является главным условием правильного и успешного развития политической и экономической жизни страны. Так как значительное большинство населения России принадлежит к крестьянскому сословию, то следует прежде всего поставить это последнее в положение, благоприятствующее развитию в нем самостоятельности и энергии, а это возможно только путем коренного изменения нынешнего неполноправного и приниженного состояния крестьян. В этих целях необходимо: а) уравнять крестьян в личных правах с лицами других сословий; б) освободить от административной опеки сельское население во всех проявлениях его личной и общественной жизни и в) оградить его правильной формой суда.

9. Земские и городские учреждения, в которых по преимуществу сосредоточивается местная общественная

жизнь, должны быть поставлены в такие условия, при которых они могли бы с успехом выполнять обязанности, присущие правильно и широко поставленным органам местного самоуправления; для этого необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано не на сословных началах, а чтобы к участию в земском и городском самоуправлении были привлечены по возможности все наличные силы местного населения; б) чтобы земские учреждения были приближены к населению путем создания мелких земских единиц на началах, обеспечивающих их действительную самостоятельность; в) чтобы круг ведомств земских и городских учреждений простирался на всю область местных польз и нужд и г) чтобы названным учреждениям были предоставлены должные устойчивость и самостоятельность, при наличности которых только и возможны правильное развитие их деятельности и создание необходимого взаимодействия правительственных и общественных учреждений. Местное самоуправление должно быть распространено на все части Российской Империи.

10. Мнение большинства: Но для создания и сохранения всегда живого и тесного общения и единения государственной власти с обществом на основе вышеуказанных начал и для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни без условно необходимо правильное участие народного представительства как особого выборного учреждения в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации.

11. Ввиду важности и трудности внутреннего и внешнего состояния, переживаемого Россией, Частное Совещание выражает надежду, что Верховная власть призвет свободно избранных представителей народа, дабы при содействии их вывести наше Отечество на новый путь государственного развития в духе установления начал права и взаимодействия государственной власти и народа.

Председатель Совещания Д. Шипов. Товарищ председателя Совещания Иван Петрунkevич. Товарищ председателя Совещания кн. Г. Львов. Секретарь Частного Совещания Ф. Кокошкин. Секретарь Частного Совещания Л. Брехатов. Секретарь Частного Совещания Ф. Головин. Бар. А. Ф. Стюарт, С. А. Петров, Г. А. Смирнов, А. К. Еремеев, В. А. Кудрявый, Н. Я. Масленников, А. И. Урул, Д. А. Перелешин, Бар. П. Ю. Будберг, Л. В. Юмашев, М. В. Родзянко, Н. А. Карышев, П. И. Геркен, В. В. Марковников, А. Н. Баратынский, А. В. Васильев, Н. В. Лесли, П. В. Исаков, В. С. Соколов, Н. В. Равеский, Э. К. Загорский, Кн. Петр Д. Долгоруков, Н. В. Ширков, А. Н. фон-Рутцен, Е. Д. Артынов, М. В. Челноков, В. Ф. Мейен, Н. Ф. Рихтер, Н. И. Гучков, С. А. Муромцев, Н. Н. Хмелев, А. А. Савельев, Г. Р. Килевейн, В. А. Горинов, А. В. Иконников, М. А. Прокофьев, А. М. Коллюбякин, С. Г. Бердников, И. А. Корсаков, С. Н. Маслов, В. В. Михалевский, Ф. В. Татаринов, А. А. Стахович, А. А. Артыганьев, В. Н. Ладженский, В. В. Ковалевский, Ф. А. Лизогуб, В. П. Горбунов, М. В. Калитин, Граф П. А. Гейден, А. Н. Брянцинов, В. Ф. Эман, Кн. Н. С. Волконский, В. К. Федоровский, А. А. Ушаков, Г. Н. Костромитинов, В. А. Племянников,

Н. А. Шишков, Д. Д. Протопопов, В. П. Марков,
С. А. Гвоздев, А. А. Авчинников, К. К. Арсеньев,
В. Д. Набоков, А. Д. Юматов, К. Б. Веселовский,
С. А. Котляревский, Н. Н. Львов, А. М. Масленников,
А. А. Павлов, Кн. С. М. Баратаев, Н. Н. Метельников,
Б. Т. Садовский, И. Г. Полуктов, А. М. Вороновский,
В. П. Энгельгардт, Я. Т. Харченко, М. И. Колобов,
В. Д. Измайлов, Г. А. Новосильцев, В. И. Вернадский,
В. Д. фон-Дервиз, Н. К. Милуков, В. Д. Кузьмин-Карава-
ев, М. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, Кн. М. В. Голи-
цын, Р. А. Писарев, Р. Ф. Коропочинский, И. Г. Жуков-
ский, В. Г. Колокольцев, А. А. Свечин, Б. М. Хижняков,
А. П. Крылов, Н. К. Глебов, Кн. Д. И. Шаховский,
В. Г. Якунчиков.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШИЙ УКАЗ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ

12 декабря 1904 года

О ПРЕДНАЧЕРТАНИЯХ К УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОРЯДКА

По священным заветам Венценосных Предков Наших, непрестанно помышляя о благе вверенной Нам Богом Державы, Мы, при неперменном сохранении незыблемости Основных Законов Империи, полагаем задачу правления в неусыпной заботливости о потребностях страны, различая все действительно соответствующее интересам Русского Народа от нередко ошибочных, проходящими обстоятельствами навеянных стремлений. Когда же потребность той или другой перемены оказывается назревшею, то к совершению ее Мы считаем необходимым приступить, хотя бы намеченное преобразование вызвало внесение в законодательство существенных нововведений. Не сомневаемся, что осуществление таких начинаний встречено будет сочувствием благомыслящей части Наших подданных, которая истинное преуспеяние России видит в поддержании государственного спокойствия и непрерывном удовлетворении насущных нужд народных.

Во главе Наших поставляя мысль о наилучшем устройстве быта многочисленного у нас крестьянского сословия, Мы усматриваем, что, согласно Нашим предсказаниям, дело это уже подвергается обсуждению: наряду с подробным, на местах, рассмотрением первоначальных предположений министерства внутренних дел, ныне в особом, из опытейших лиц высшего управления, совещании изучаются важнейшие вопросы устройства крестьянской жизни на основании сведений и отзывов, заявленных при исследовании в местных комитетах общих нужд сельскохозяйственной промышленности. Мы повелеваем, чтобы работы эти привели законы о крестьянах к объединению с общим законодательством Империи, облегчив задачу прочного обеспечения пользования лицами этого сословия признанным за ними Царем-Освободителем положением «полноправных сельских обывателей».

Обозревая засим обширную область дальнейших народных потребностей, Мы, для упрочения правильного в Отечестве Нашем хода государственной жизни, признаем неотложным:

1) принять действительные меры к охранению полной силы закона — важнейшей в самодержавном Государстве опоре Престола,— дабы ненарушимое и одинаковое для всех исполнение его почиталось первейшею обязанностью всех подчиненных Нам властей и мест. неисполнение же ее неизбежно влекло законную за всякое произвольное действие ответственность, и в сих видах облегчив потерпевшим от таких действий лицам способы достижения правосудия;

2) предоставить земским и городским учреждениям возможно широкое участие в заведовании различными сторонами местного благоустройства, даровав им для сего необходимую, в законных пределах, самостоятельность, и призывать к деятельности в этих учреждениях, на однородных основаниях, представителей всех частей заинтересованного в местных делах населения; с целью успешнейшего же удовлетворения потребностей оного образовать сверх ныне существующих губернских и уездных земских учреждений, в теснейшей с ними связи, общественные установления по заведованию делами благоустройства на местах в небольших по пространству участках;

3) в целях охранения равенства перед судом лиц всех состояний ввести должное единство в устройстве судебной в Империи части и обеспечить судебным установлениям всех степеней необходимую самостоятельность;

4) в дальнейшее развитие принятых уже Нами мер к обеспечению участи рабочих на фабриках, заводах и промыслах озаботиться введением государственного их страхования;

5) пересмотреть изданные во времена беспримерного проявления преступной деятельности врагов общественного порядка исключительные законоположения, применение коих сопряжено с значительным расширением усмотрения административных властей, на которые они распространяются, так и допущением вызываемых ими стеснений прав частных лиц только в случаях, действительно угрожающих государственной безопасности;

6) для закрепления выраженного Нами в манифесте 26 февраля 1903 года неуклонного душевного желания охранять освященную Основными Законами Империи терпимость в делах веры подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения;

7) произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих право инородцев и уроженцев отдельных местностей Империи, с тем чтобы из числа сих постановлений впредь сохранены были лишь те, которые вызываются насущными интересами Государства и явную пользоу Русского Народа, и

8) устранить из ныне действующих о печати постановлений излишние стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы, предоставив тем отечественной печати, соответственно успехам просвещения и принадлежащему ей вследствие сего значению, возможность достойно выполнить высокое призвание быть правдивою выразительницею разумных стремлений на пользу России. Предуказывая на сих основаниях ряд предстоящих в ближайшем будущем крупных внутренних преобразований, часть которых по прежде данным Нами указаниям подвергается уже предварительному исследованию, Мы с тем вместе, по разнобразию и важности сих преобразований, признаем за благо установить самый порядок для обсуждения способов для наиболее быстрого и полного их осуществления. В ряду Государственных Наших учреждений задача теснейшего объединения отдельных частей управления принадлежит Комитету Министров; вследствие сего повелеваем Комитету Министров по каждому из приведенных выше предметов войти в рассмотрение вопроса о наилучшем способе проведения в жизнь намерений Наших и представить Нам в кратчайший срок свои заключения о дальнейшем, в установленном порядке, направлении подлежащих мероприятий.

О последующем ходе разработки означенных дел Комитет имеет нам докладывать. К исполнению сего Правительствующий Сенат не оставит надлежащее распоряжение.

ПЕТИЦИЯ, С КОТОРОЙ РАБОЧИЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ГАПОНА ШЛИ К ГОСУДАРЮ

9 января 1905 года

Государь!

Мы, рабочие и жители города Петербурга, наши жены, дети и беспомощные старцы — родители пришли к тебе, Государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам.

Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества; нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. — Нет больше сил, Государь. Настал предел терпению.

Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного просили. Мы желали того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука.

Первая наша просьба была, чтобы хозяева вместе с нами обсудили наши нужды, но и в этом нам отказали — в праве говорить о наших нуждах, находя, что за нами не признает закон такого права. Незаконны оказались наши просьбы уменьшить число рабочих часов до 8 в день и устанавливать цены на наши работы вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией завода, назначать чернорабочим и женщинам плату за их труд не ниже 1 р. в день, отменить сверхурочные работы, лечить нас внимательно и без оскорбления, устроить мастерские так, чтобы в них можно было бы работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега, копоты и дыма.

Все оказалось, по мнению наших хозяев, противозаконно. Всякая наша просьба — преступление, а наше желание улучшить наше положение — дерзость, оскорбительная для наших хозяев. Государь, нас здесь больше 300 000 — и все это люди только по виду, только по наружности, в действительности же за нами, как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, даже права говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать меры к улучшению нашего положения.

Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку, карают, как за преступление, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалеть рабочего, бесправного, измученного человека, — значит совершить тяжкое преступление.

Весь народ рабочий и крестьяне отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, не только совершенно не заботящихся об интересах народа, но и попирающих эти интересы. Чиновническое правительство довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели. Мы даже не знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят. Народ лишен возможности выражать свои желания, требования участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организоваться в союзы для защиты своих интересов.

Государь, разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? Не лучше ли умереть всем нам — трудящимся людям всей России! Пусть живут и наслаждаются капиталисты и чиновники-казнокрады, грабители русского народа. Вот что стоит перед нами, Государь!

И это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи же в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников, разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой.

Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение. Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы, они направлены не ко злу, а к добру как для нас, так и для тебя, Государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для нас всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы сам народ помогал себе, ведь только ему известны истинные его нужды. Не отталкивай же его помощи: прими ее, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий. Пусть тут будет и крестьянин, и рабочий, и священник, и капиталист, и учитель; пусть все, что бы они ни были, изберут своих представителей, пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, — а для этого повели, чтобы выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов. Эта самая главная наша просьба; в ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пастырь для наших ран, без которого наши раны вечно будут сочиться и поведут нас быстро к смерти.

Но одна мера все же не может залечить всех наших ран; необходимы еще и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, Государь, о них от лица всего трудящегося класса России.

I. Меры против нищеты народной:

- 1) Передача земли народу и отмена выкупных платежей; дешевый кредит.
- 2) Отмена косвенных налогов и замена их прямым прогрессивным подоходным налогом.
- 3) Исполнение заказов военного и морского ведомств должны быть в России, а не за границей.
- 4) Прекращение войны по воле народа.

II. Меры против невежества и бесправия русского народа:

- 1) Немедленное возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.
- 2) Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, собраний, совести в деле религии.
- 3) Всеобщее и обязательное народное образование на государственный счет.
- 4) Ответственность министров перед народом и гарантия законности управления.
- 5) Равенство перед законом всех без исключения.
- 6) Отделение церкви от государства.

III. Меры против гнета капитала над трудом:

- 1) Отмена института фабричных инспекторов.
- 2) Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как по постановлению этой комиссии.
- 3) Свобода потребительно-производительных и профессиональных союзов немедленно.
- 4) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.
- 5) Свобода борьбы труда с капиталом немедленно.
- 6) Нормальная рабочая плата немедленно.
- 7) Непременное участие представителей рабочих классов в выработке законопроектов о государственном страховании рабочих немедленно.

Вот, Государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе; лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно организоваться рабочим для защиты своих интересов от новой эксплуатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства. Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой, и славной, а имя твоё запечатлится в сердцах наших и наших потомков на вечные времена; а не повелишь — мы умрем здесь, на этой площади перед твоим дворцом. Нам некуда дальше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу. Укажи, Государь, любой из них — мы пойдем по нему беспрекословно, хотя бы это и был путь смерти.

Пусть наша жизнь будет жертвой для пострадавшей России. Нам не жалко этой жертвы, мы охотно приносим ее.

ПРИЛОЖЕНИЕ V

ПОЛОЖЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ ОБЩЕЗЕМСКИМ СОВЕЩАНИЕМ

22—25 апреля 1905 года

1. В организации народного представительства Российской Империи не может быть допущено ни сословное начало, ни так называемое представительство интересов (т. е. отдельные выборы от различных классов или групп населения).

2. В основу будущей постоянной организации народного представительства в Российской Империи должны быть положены следующие начала:

а) необходимы выборы представителей от населения путем всеобщей, равной и тайной подачи голосов;

б) вышеозначенные выборы от населения должны быть, т. е. представители должны быть избираемы непосредственно гражданами, имеющими активное избирательное право;

в) наряду с представительным собранием, избираемым путем всеобщего и прямого голосования (палатой народных представителей), должно быть образовано особое представительство от реорганизованных на демократических началах и распространенных на всю Российскую Империю органов местного самоуправления;

г) обе палаты должны быть равноправны.

3. Мнение большинства (71 голос). Представительное собрание, главной задачей которого будет установление государственного правопорядка Российской Империи, должно состоять из одной палаты народных представителей, избранных путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Мнение меньшинства (37 голосов). Первое представительное собрание, главной задачей которого будет установление государственного правопорядка Российской Империи, должно состоять из народных представителей, избранных путем всеобщего, равного, тайного, но двухстепенного голосования.

Мнение меньшинства (17 голосов). Первые выборы в представительное собрание должны быть произведены:

а) в земских губерниях — губернскими земскими собраниями, пополненными представителями крестьянского населения и рабочих там, где развита фабричная промышленность, а также городскими думами значительнейших городов, пополненными представителями рабочего класса и высших учебных и научных учреждений;

б) в неземских губерниях (губернии Западного края, Область Войска Донского, Прибалтийские, Привисленские губернии) должны быть введены коллегии на началах, на коих организованы земские учреждения;

в) применение к остальным окраинам общего избира-

тельного закона должно составить предмет занятий первого собрания народных представителей с привлечением делегатов от этих окраин.

4. Никакое правильное собрание, однако, невозможно до тех пор, пока не будут предоставлены населению неприкосновенность личности, свобода слова, печати и собраний и пока не будут повсеместно отменены положение об усиленной охране, а также административная карательная власть земских начальников и сельского и волостного начальства.

5. Только немедленный созыв народного представительства с правом участия в осуществлении законодательной власти может привести к мирному и правильному разрешению насущных политических, общественных и экономических вопросов современной жизни России.

6. Если окажется, что представители земства и городов могут участвовать в Особом Совещании под председательством гофмейстера Булыгина по выбору общественных учреждений, а не по приглашению правительства, и притом на равных правах с правительственными членами совещания, и если участие в выборах таких представителей будет предоставлено всем губернским земским собраниям, то желательно, чтобы они участвовали в совещании во всех стадиях его деятельности. В противном случае общественным деятелям лучше было бы уклониться от участия в этом совещании. Но и при участии общественного элемента деятельность совещания может быть лишь тогда плодотворна, если она будет доступна самой широкой гласности.

7. Задача Особого Совещания под председательством гофмейстера Булыгина должна заключаться в выработке:

а) порядка избрания представителей в первое представительное собрание, которое должно иметь право участия в осуществлении законодательной власти;

б) общих условий, необходимых для производства свободных выборов, а именно: отмены положения о мерах к охране государственного порядка и спокойствия от 14 августа 1881 года, широкой, политической амнистии, отмены дискреционной власти над крестьянами земских начальников и волостного и сельского начальства, установления права собраний и союзов и права свободного выражения мысли путем слова и печати.

8. Главной задачей первого представительного собрания должно быть не столько законодательство по частным вопросам, сколько установление государственного правопорядка.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

ОБРАЩЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ПО ПОВОДУ ИЗБИЕНИЙ НА КАЗАНСКОЙ ПЛОЩАДИ

Его Высокопревосходительству господину Министру Внутренних дел.

Глубоко потрясенные теми событиями, которые только что произошли в Петербурге, мы решаемся обратиться к Вашему Высокопревосходительству с следующим заявлением. Волнения среди учащей молодежи давно уже перестали быть у нас чем-то случайным и редким, они уже давно обратились в периодическое явление нашей жизни и из года в год повторяются все чаще и чаще и принимают все более широкие размеры. Каждый раз эти волнения подавляются строгими мерами, и тем не менее через короткий промежуток времени они вспыхивают снова. Очевидно, объяснения их нельзя искать в каких-либо постоянных влияниях или случайных обстоятельствах. Причина этих непрерывных волнений действительно лежит гораздо глубже. Она заключается в ненормальности общих условий жизни, созданных для русской учащей молодежи. Всякая попытка общения молодежи между собою,

не укладывающаяся в тесные рамки официально утвержденных кружков, вызывает подозрения и преследования. Каждая попытка учащихся в высших учебных заведениях обратить внимание: правительства на недостатки существующего внутреннего порядка этих заведений, в какие бы мирные формы она ни была облечена, рассматривается как преступление и влечет за собою кары для ее участников. Наряду с этим массовые насилия полиции не вызывают ни суда, ни наказания. Достаточно напомнить факт избивания студентов полицией в Петербурге в 1895 году на Невском проспекте и 8 февраля 1899 года на Васильевском острове. Общество лишено возможности высказывать свое мнение в вопросах, касающихся быта высших учебных заведений. Печать, которая могла бы осветить недостатки существующего порядка и указать путь к исправлению, вынуждена молчать. Профессора, лишённые возможности направлять жизнь учебных заведений, лишены вместе с тем и авторитета среди учащейся молодежи. При таких условиях нет места нормальной жизни высших учебных заведений. На деле этой нормальной жизни и не существует. За последние годы наши высшие учебные заведения переживают тяжелый и болезненный кризис. Все дело научного преподавания в них до крайности затруднено. Среди молодежи идет непрерывное брожение, как нельзя более, конечно, мешающее ее научным занятиям. Предоставленная исключительно самой себе, не видя нигде помощи и защиты, она облекает свой протест, за неимением легальных форм, в нелегальные. Правительство, стремясь подавить этот протест, пришло к изданию временных правил 29 июня 1899 года. В отмену общих законов, эти правила установили для студентов особый суд и особую кару в виде отдачи в солдаты, распространили отбывание воинской повинности на лиц по болезни или по семейному положению освобожденных от нее законом, наконец, дозволили отдачу в солдаты лиц, не достигших призывного возраста. События последних дней показали, к чему может вести применение этих правил на практике. Но эти же события показали и другое: что кары, обрушивающиеся на учащуюся молодежь, могут идти еще далее и принимать еще более жестокие формы. За последние дни на улицах Петербурга полицией и войсками было произведено жестокое избивание учащейся молодежи и публики. Правда, правительственное сообщение, основанное на донесениях местных властей, находит, что действия полиции были вызваны необходимостью и не заключали в себе ничего особого. Но эти донесения местных властей несогласны с истиной. В 12 часов дня 4 марта на площади Казанского собора собралась толпа, тысячи в 2—3 человек, состоящая по преимуществу из учащихся в высших учебных заведениях, мужчин и женщин. Кто-то из этой толпы прочитал воззвание. Затем были сделаны попытки поднять флаг с надписью: «отмена временных правил». В этом состояла вся манифестация. Полиция не приняла никаких мер к ее предупреждению, и толпа до 12 часов дня сходилась вполне беспрепятственно. Однако полиция знала, несомненно, заранее о готовящейся манифестации. В соседних с Казанским собором местностях были собраны и спрятаны сотни конных и пеших казаков и городовых. В 12 часов, без категорически предписанного законом предупреждения и обращения к толпе с требованием разойтись, на площадь ринулись полицейские и казаки и началось зверское избивание. Полиции и казаков было собрано такое громадное количество, что они едва ли многим уступали в численности демонстрантам и, следовательно, имели полную возможность восстановить порядок, не прибегая к крайним мерам. Но участники демонстраций даже не разогнали, их просто били. Казаки врывались в толпу и работали нагайками направо и налево. Полицейские вытаскивали из толпы отдельных лиц и принимались нещадно бить их. Били нагайками, шапками, кулаками, били мужчин и женщин, топтали ногами падавших, били до того, что избиваемые лишались чувств. Некоторые из студентов

пытались защищаться галошами и снежками, наконец, доведенные до отчаяния, оборонялись чем попало: палками, железными прутьями, взятыми от ковров с паперти, но все это лишь усиливало избивание. Свидетелем этих сцен была громадная толпа публики, стоявшая около оцепленной казаками площади. Напрасно эта публика молила полицейских властей прекратить бесцельное и жестокое побоище. Результатом таких просьб было лишь то, что избиванию и арестам подверглась и часть публики, не участвовавшей в демонстрации. Среди избитых есть известные писатели, вся вина которых заключалась в том, что они просили полицию прекратить побоище, отнимали избиваемых людей или пытались успокоить студентов. Среди свидетелей этих сцен были высокопоставленные по своему служебному положению лица. По донесению местных властей, всего арестовано 760 человек, и из них получили удары и поранения, потребовавшие медицинской помощи, 18 мужчин и 14 женщин, тогда как полицейских и казаков ранено 26 человек. Насколько можно верить этим донесениям, исходящим от тех лиц, которые распорядились побоищем, видно уж из того, что в одном Литовском замке, как нам достоверно известно, 5 марта было около 100 пострадавших, нуждавшихся в медицинской помощи. Несомненно, много раненых разошлось и по домам. Наконец, едва ли возможно поверить тому, что вооруженная сила, напавшая на безоружную и состоявшую наполовину из женщин толпу, понесла столько же потерь, как и эта толпа. Слух о событиях 4 марта, несомненно, вызовет глубокое негодование во всем русском обществе, как он уже вызвал такое негодование в Петербурге. Кому было нужно это бесцельное избивание на улицах столицы, кто был виновником этого зверского избивания учащейся молодежи, — возмущенная общественная совесть ждет ответа на эти вопросы. Донесения местных властей показывают, что не они дадут такой ответ, которым могло бы удовлетвориться общество. Этот ответ может быть дан только судом.

Ввиду этого люди, сознающие гражданский долг, не могут молчать. Мы сознаем этот долг и заявляем, что только отмена временных правил 29 июня 1899 года устранит ближайшую причину теперешних студенческих волнений, только суд над виновными в избивании 4 марта, кто бы ни были эти виновные, успокоит возмущенную общественную совесть.

1) Лансере — дир. об-ва страх. «Урбэн» и др., 2) Н. Анненский — н. с. и литератор, 3) Н. Шателен — проф. Элек. ин-та, 4) Д. Стасов — прис. пов., 5) П. Гейден — граф, президент Имп. Вольно-Эконом. об-ва, 6) фон-Рутцен — стат. сов., 7) В. Воронцов — врач-литератор, 8) М. Гольдштейн — магистр, 9) А. Шахматов — акад. (Акад. наук), 10) М. Стоюнина — вдова действ. стат. сов., 11) И. Потапенко — литератор, 12) Н. М. Соколовский — прис. пов., 13) В. Смирдов (Вересаев) — врач-литератор, 14) Э. Кавос — н. с., 15) И. Кирсанов — прис. пов., 16) В. Бауман — проф. Горн. ин-та, 17) Е. Ганейзер — дв. литератор, 18) Явейн — проф. Тех. ин-та, 19) Ф. Родичев — стат. сов. прис. пов., 20) Р. Ульянов — инж.-тех., 21) Т. Макаров — инж.-тех., 22) Л. Пантелеев — дв. издатель, 23) П. Лесгафт — пр., д-р. Спб. Биол. лаб., 24) Бскетов — акад., засл. проф., 25) Арсенев — д. с. с., вице-президент Имп. В. Эк. об-ва, пред. адм. отдел. юрид. общ., публицист, 26) М. Долбня — проф. Горн. Ин-та, 27) В. Герард — пр. пов., 28) В. Люстих — прис. пов., 29) Н. Карабчевский — пр. пов., 30) В. Матэ — проф. Имп. Акад. худ., 31) В. Хижняков — земск. гласн., 32) Свешников — пр. пов., 33) М. Слепцова — жена д. с. с., 34) Зарудный — прис. пов., 35) С. Винавер — лит., 36) В. Вейнберг — лит., 37) Н. Кареев — быв. проф., 38) В. Лопатин — дв., 39) В. Скобелевич — проф. Эл. Ин-та, 40) П. Анненков — дв., 41) А. Шмекевич — дв., 42) Г. Явейн, 43) В. Анзимилов — зем. гл., 44) Н. Рубахин — лит., 45) Ф. Мартиновский, 46) И. Яз-

бицкий инж.-тех., 47) Сакитин - - инж.-тех., 48) Е. Репьева, 49) О. Беренштам - - ж. ды., 50) К. Пятницкий - чл. об. рус. антроп., 51) Н. Гуревич - - д-р мед., 52) В. Поляков - - врач, 53) В. Глинка - - поч. мир. суд., пр. - пом. пр. пов., 54) М. Беренштам - - пом. прис. пов., 55) К. Демидович Демидецкий - - пом. пр. пов., 56) А. Троцкий - - инж.-тех., 57) В. Фатьянов дв., 58) Я. Коробко - - инж.-тех., 59) В. Беренштам - - пом. прис. пов., 60) Фесенков инж. пут. сообщ., 61) В. Мякотин, 62) Азаров - - врач, 63) О. Стадников, 64) И. Пичахи - - пом. пр. пов.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII

ВЫБОРГСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ!

Народу от народных представителей
Граждане всей России!

Указом 8 июля Государственная дума распущена. Когда вы избирали нас своими представителями, вы поручали нам добывать земли и воли! Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составляли законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удаленных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей. Вместо нынешней Думы правительство обещает созвать другую через семь месяцев. Целых семь месяцев Россия должна оставаться без народных представителей в такое время, когда народ находится на краю разорения, промышленность и торговля подорваны, когда вся страна охвачена волнениями и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Целых семь месяцев правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодавшую Думу, а если ему удастся совсем задушить народное движение, то не соберет никакой Думы.

Граждане! Стойте крепко за попранные права народного представительства, стойте за Государственную думу! Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способы добиваться этого: правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне недействительны, и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. — Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копеечки в казну, ни одного солдата в армию!

Будьте тверды в своем отказе, стойте за свое право все, как один человек. Пред единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не может. Граждане! В этой вынужденной, но неизбежной борьбе ваши выборные люди будут с вами.

9. 1 июля 1906 года

А. Алвазов, С. Алкин, А. Андреева, И. Антонов, К. Афанасьев, А. Ахтямов, А. Бабич, Х. Боготуров, С. Балахонцев, В. Баласников, З. Баратов, Р. Бондарев, И. Бородин, Л. Брамсон, А. Бремер, Г. Брук, И. Бугров, Ф. Буслов, И. Быстров, И. Бычков, Букейханов, М. Винавер, П. Витковский, В. Вихарев, А. Возовик, А. Волкович,

Т. Волков, В. Врагов, З. Выроввей, А. Взялов, И. Галецкий, К. Геллат, М. Герценштейн, И. Гомартели, Н. Гредескул, М. Гудилин, М. Деларю. С. Джантюрин, С. Дюнахидзе, Я. Дитц, И. Долговуков, М. Дьяченко, И. Дюмаев, Н. Езерский, С. Ермоласов, И. Ершов, И. Жилкин, Н. Жордания, И. Замыслов, М. Земцов, Г. Иоллос, И. Кальянов, В. Карандашев, М. Каценельсон, М. Квасков, Н. Ковалевский, Ф. Кокошкин, С. Колокольников, М. Коммиссаров, Константинов, С. Корнильев, С. Котляревский, И. Крылов, Ф. Крюков, И. Кубилис, И. Кузнецов, И. Кузнецов, М. Куликов, М. Кутомалов, И. Лавренев, В. Лебедев, М. Лебедев, Ш. Левин, А. Ледницкий, Г. Литварев, М. Литвинов, Т. Локоть, А. Ломшаков, Л. Лопас, В. Лунин, И. Лысенко, А. Макушин, М. Масленников, А. Маслов, И. Матвеев, А. Медведев, И. Метальников, Н. Миклашевский, В. Микишин, Н. Морев, С. Муромцев, А. Муханов, В. Набоков, Д. Назаренко, В. Недоносков, К. Некрасов, Т. Нестеренков, В. Нечасов, Н. Николаевский, И. Новгородцев, В. Обнинский, В. Оболенский, И. Овчинников, Н. Огнев, Н. Огородников, В. Окунев, О. Онипко, Н. Онацкий, Л. Остроносков, Л. Петражицкий, К. тер-Петросянц, И. Петрунчик, М. Петрунчик, А. По, С. Притуло, Д. Протопопов, В. Радоков, И. Рамишвили, В. Рогов, С. Розенбаум, Н. Ромашов, И. Ростовцев, Ф. фон-Рутцен, С. Рыжков, И. Савельев, И. Садырин, П. Сафонов, Н. Семенов, А. Сидинский, Д. Скульский, Л. Смирнов, И. Соломко, В. Строгонов, И. Субботин, Т. Сидельников, С. Сеффер, С. Таран, Г. Твердый, Я. Теннисон, А. Тесли, А. Токарский, П. Толстой, А. Топчибаев, Л. Туманян, С. Тумбусов, Г. Ульянов, С. Урусов, А. Ушаков, В. Федоровский, З. Френкель, А. Хартохай, А. Хоментовский, А. Хрущов, С. Церетев, П. Целоусов, И. Чаксте, И. Чижевский, Чурюков, Г. Шапошников, Д. Шаховской, М. Шефтель, В. Шемякин, Н. Ширков, Е. Шольц, И. Шраг, Ф. Штейнгель, И. Шувалов, Шершеневич, Г. Кедрин, Г. Щепкин, В. Якушкин, В. Яновский, Л. Яснопольский, Ф. Михайличенко, Якубсон

ПРИЛОЖЕНИЕ VIII

(ВОЗЗВАНИЕ, ВЫПУЩЕННОЕ СЕЙЧАС ЖЕ ПОСЛЕ ВЫБОРГСКОГО ВОЗЗВАНИЯ)

*Партия Социалистов-Революционеров
В борьбе обретешь ты право свое!*

К ПАРТИЙНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

Принимая во внимание неизбежное всенародное возбуждение, связанное с роспуском Гос. думы, учитывая то впечатление на народные массы, которое должны произвести обращения к народу Гос. думы и Труд. Группы, ЦК ПСР считает неизбежным немедленно объявить и начать открытую войну с правительством.

Считая вместе с тем, что необходимо для обеспечения больших шансов победы занять наиболее выгодную позицию, ЦК полагает, что инициативу боевого выступления должен взять на себя сам народ, не выжидая дальнейших действий правительства.

С этой целью ЦК постановил: все наличные партийные организации и силы должны немедленно начать боевое выступление, руководясь при этом следующими соображениями:

1) Главное внимание должно быть обращено на крестьянство и на войска.

2) Городское движение должно обязательно согласовать свои действия с выступлением крестьянства и армии. Все наличные силы крестьянских организаций должны быть двинуты в деревню. Крестьянство должно быть призвано к открытому восстанию. Все сельские и волостные

власти должны быть смещены, изгнаны, а при вооруженном сопротивлении — уничтожены.

Все сельские и волостные учреждения должны быть заняты восставшими крестьянами, казенное имущество и казенные деньги (казначейство, банки и волостные сумы) должны быть конфискованы на нужды восстания; по селам и уездам должно быть введено революционное самоуправление. Все земли помещиков, казны, уделов и пр. должны быть захвачены и переданы во временное распоряжение революционных комитетов и новых организаций местного революционного самоуправления (необходимо шадить людей, непосредственно не выступающих против народа, и не истреблять имущества, полезного для крестьян).

Необходимо, чтобы крестьянское восстание приняло наступательный характер и не ограничилось пределами данной местности. Особенное внимание партийные организации должны обращать на те местности, где ожидается инициатива восстания, при этом концентрировать в них силы и принимать соответствующие меры, обеспечивая успешность его, чтобы движение от них распространилось на другие уезды и охватило всю губернию. Обеспечив и закрепив позиции в деревне, крестьяне должны идти на города и, соединяясь с войсками и рабочими, захватывать их, вводя всюду новые выборные власти.

К войскам партийные организации должны обратиться с воззванием — отказываться от исполнения приказаний правительства и с убеждением не стрелять в крестьян и рабочих. Воззвания должны призывать войска немедленно же переходить на сторону народа, начиная с отказа признавать поставленное царем начальство и кончая открытой вооруженной борьбой с ним.

Необходимо вводить в строй революционного войска рабочих, вооружать их захваченным казенным оружием и обучать обращению с ним. В городах парторганизации должны немедленно, где это возможно, приступить к созданию беспартийных боевых Советов рабочих депутатов для общего руководства боевыми действиями городского рабочего населения, координируя свое выступление с действиями крестьянства и армии. СРД должны проводить всеобщую забастовку с переводением ее, возможно, в вооруженное восстание.

Особенное внимание СРД должны обратить на то, чтобы выступление городского рабочего населения не было изолированным от выступления крестьянства и армии и тем не раздробило единства действий и сплоченности революционных сил.

Рекомендуется широкое развитие террористических действий против всех активных лиц администрации — действий как партизанских, так и массовых.

В общем ЦК обращает внимание всех партийных организаций на то, что движение должно принимать резко наступательный характер. Сфера революционного воздействия должна постоянно расширяться и, начинаясь в отдельных, наиболее подготовленных и выгодных пунктах, захватывать окрестные местности. Необходимы боевые общины и местные соглашения с другими организациями и общая координация действий.

Центральный Комитет Партии
Социалистов-Революционеров
1 июня 1906 года

ПРИЛОЖЕНИЕ IX

(ОБРАЩЕНИЕ ПОСЛЕ ВЫБОРГСКОГО ВОЗВЗАНИЯ)

ОТ ПАРТИИ МИРНОГО ОБНОВЛЕНИЯ К ИЗБИРАТЕЛЯМ

Указом Правительствующему Сенату Гос. дума распущена. Мы, бывшие члены ее, обязаны заявить, что прежде всего мы беспрекословно подчиняемся Верховной воле Государя Императора. В силу ст. 105 основных законов,

Государю, несомненно, принадлежит право роспуска Думы. Мы считаем себя обязанными подчиниться не только по долгу подданных, но и по глубокому сознанию, что было бы преступно среди переживаемых Россией опасностей и смут колебать Государеву власть.

Мы в глубине своей совести сознаем, что, когда мы отстаивали в Гос. думе увеличение площади крестьянского землевладения, уравнивание всех в свободах и перед законом, мы этим стремились оправдать возложенные на нас полномочия.

Но со стороны находившегося у власти министерства мы встретили не помощь, а противодействие, вовлекшее нас в борьбу с ними, при которой совместная работа явилась невозможной.

Государю угодно было сменить министерство и путем новых выборов в новый состав Думы проверить соответствие наших заявлений с действительными желаниями народа. Созыв Думы назначен на 20 февраля. Манифестом 9 июля Государь еще раз подтвердил, что конституционный строй сохраняется в Российской Монархии, что народные представители будут созданы и права их не будут умалены. Поэтому первое слово наше, на ком лежало народное доверие, наше первое слово ко всем избирателям — призыв к спокойствию и противодействию каким бы то ни было насилиям. Только старательной подготовкой к новым выборам и сознательным осуществлением их может народ доказать, что дорожит своим представительством в деле правления и участием в создании законов.

К будущим выборам должны быть направлены усилия русского народа, а нужды его будут выражены теми, кого он сознательно выберет. Всякие насилия, беспорядки и нарушения законов представляются нам не только преступными, но среди переживаемой смуты прямо безумными. Они только вызовут крутые меры правительства, вынужденного охранять силой и во что бы то ни стало целостность государства и безопасность граждан; они не только повлекут множество жертв и бесплодных потерь, прольют кровь и создадут на Руси несказанный грех, но они повлекут обесиленную и истощенную Россию — нашу святую Родину — к окончательному разорению, к распадению, к гибели. Страшась этого в будущем, сознавая в прошлом свою правоту перед Государем и народом, мы, бывшие народные избранники, приглашаем тех, кто нам верил и, подавая за нас голос, выбрал нас, спокойно подчиниться закономерной воле царя и продолжать мирную и упорную работу отстаивания нужд, прав и свободы русского народа.

По уполномочию:

Граф Гейден, Н. Н. Львов,
М. А. Стахович

ПРИЛОЖЕНИЕ X

(ОБРАЩЕНИЕ СОЦ.-ДЕМ. И ДРУГИХ ГРУПП К КРЕСТЬЯНАМ)

МАНИФЕСТ

ко всему российскому крестьянству

Товарищи крестьяне! Два с половиною месяца тому назад вы по всему лицу земли русской мучительно искали верных излюбленных людей для посылки в Гос. думу. На Гос. думу возлагали вы все свои надежды. Были и тогда люди, которые с суровой решительностью говорили вам, что мирным путем нельзя ничего добиться, что с правительством добром ничего не поделаешь, что только силой можно сломить злобное упорство.

Но тяжело было вам поверить, что за освобождение народное придется заплатить страшно дорогой ценой — ценой крови человеческой. И в сердцах ваших тихо

тепились, как восковая свеча перед иконой, последняя надежда: быть может, выборные от всей русской земли, собравшись вокруг царского трона и передав дружно, в один голос, о бедствиях народа, добьются справедливых законов и порядков, добьются земли и воли.

Тяжелому испытанию подверглись ваши надежды. Ваши представители нашли вокруг царя раззолоченную толпу великих князей, членов царской фамилии, придворных, богатейших помещиков, министров, сановников. Все они цепко держались за свою власть над народом, за свое многотысячное жалование, за свободу расхищать казну, за миллионные поместья и капиталы. Они окружали царский трон и пропитали его ядом своей злобы, и от всего правительства с царем во главе народные представители услышали короткий ответ — ни земли, ни воли!

Саких народных представителей, самое Гос. думу, царь и министры соглашались терпеть только в том случае, если они будут покорно давать народные деньги в распоряжение казнокрадов да одобрять новые заграничные займы, которые ввергнут русский народ в неоплатный долг и закабалят не только вас, товарищи крестьяне, но и детей и внуков ваших.

Правительство объявило народу войну.

Дума была избрана народом, и только сам народ мог лишить ее своего доверия. Царским указом правительство распустило Думу. Это правительство сказало, что не доверяет как раз тем, кому доверяет народ. Оно растоптало и права Думы, и права народа.

Мирные переговоры между народом и правительством кончены.

Начинается с новой силой великая борьба, в которой, может быть, прольются потоки крови. И вся эта кровь падет на голову преступного правительства. Оно не шадит народ, и народ не пощадит его. И правительство знает это. Оно плохо надеется на услугу войска. В войске неспокойно. Солдаты начинают чувствовать свою кровную связь с народом.

И вот правительство наше добилось того, что австрийский и германский императоры сговариваются уже отдать свои (чужеземные) войска в распоряжение царского правительства для войны с русским народом. Это — прямой заговор против родины с чужестранцами, это — государственная измена правительства, это — предательство отечества. Долой беззаконное правительство, ему никто не имеет права подчиняться; исполнять его распоряжения преступно. Везде и всюду народ должен смещать местных властей и заменять их своими выборными, народными, везде и всюду отбирать и отдавать в руки этих законных народных выборных властей все правительственные суммы и капиталы. В их же распоряжение должно перейти и войско. Его обязанность — стать на защиту народа и отечества от изменнического правительства.

Вместе с войском, с рабочими городов, и со всеми другими тружениками, и со всеми преданными народу людьми трудовое крестьянство должно свои дела взять в свои руки.

Ему не дали земли и воли. Оно само должно взять волю, сместив все правительственные власти и заменив их своими выборными. Оно само немедленно должно взять всю землю, но не расхватывать ее беспорядочно, а передать ее во временное распоряжение своих выборных волостных и уездных властей, впредь для нового земельного закона всенародными избранными, которые на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования составят Учредительное собрание. Пришла пора всей стране встать, как один человек, для спасения родины от гибели, для страшного всенародного суда над изменниками — врагами народа. Нет, не удадутся врагам их кровавые замыслы, покорно народ не отдастся в руки своих угнетателей. Он не хочет больше жить жизнью надорванной рабочей клячи. Он хочет вольной и светлой человеческой жизни. Лучше смерть, чем возврат к опостылевшим

старым порядкам. Не пожалеем же себя! Избавив всю нашу родину, детей и внуков наших от неслыханных злодейств преступного правительства. Встанем же разом, дружно и сильно. Каждый за всех и все за каждого.

Нельзя медлить: отечество в опасности!

Спасите родину!

Волю и землю всему народу!

Долой народных врагов, изменников, насильников, злодеев!

Долой все царское правительство!

Дорогу свободному русскому народу!

Комитет Трудовой Группы Гос. думы

Комитет Социал-Демократической фракции Гос. думы

Всероссийский Крестьянский Союз

Центральный Комитет партии Соц.-Революционеров

Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии

Всероссийский Железнодорожный Союз

ПРИЛОЖЕНИЕ XI

(ОБРАЩЕНИЕ СОЦ.-ДЕМ. И ТРУДОВОЙ ГРУППЫ К АРМИИ И ФЛОТУ)

МАНИФЕСТ

К армии и флоту!

От Трудовой Группы

и Социал-Демократической фракции

Гос. думы

Солдаты и матросы! Правительство царским указом распустило Гос. думу и собрало со всех сторон войска для того, чтобы силою оружия подавить народ. Народные представители были избраны вашими отцами и братьями для того, чтобы заявить царю про все народные обиды и добиться для народа земли и воли. Но царь не пожелал послушать избранных народа. Он послушал своих прежних помещиков, которые не желают выпустить из рук свои имения, свои многотысячные оклады и безответственную власть. Вся Россия разделилась теперь на две стороны. На одной стороне — огромное большинство, все крестьянство и рабочие, все бедные и угнетенные, лучшие из ученых и образованных людей, сознательные солдаты, лучшие офицеры и все мученики, которые в тюрьмах, в том числе тысячи солдат и матросов. На другой стороне — кучка насильников: Тренов, Победоносцев, маньчжурские генералы, которые убегали от японцев, но расстреливали Москву, Одессу, Читу, земские начальники, полиция, шпионы и вся черная сотня. Они рассчитывают на вашу силу для того, чтобы подавить весь русский народ. Будете ли вы стрелять в народ, проливать народную кровь, пробивать штыками народную грудь? Вспомните вы, сыновья крестьян, дети русского народа: в это самое время в той деревне, откуда вы родом, собственные братья ваши, те, которые остались дома, тоже волнуются, требуют земли и воли, а правительство посылает туда других солдат для того, чтобы стрелять и избивать их. Зачем вы будете защищать правительство? Разве вам хорошо живется? Разве вы сами не угнетены? Вас угнетают хуже, чем всех других, отдают вас в рабскую службу денщиками к офицерам, истязают в штрафных батальонах за каждое смелое слово, ссылают в каторгу и расстреливают. Мы, народные представители, желали улучшить ваше положение, мы хотели издать законы о сокращении военной службы до двух лет, об отмене денщицкой службы, о назначении солдатам месячного денежного жалования, о строгом запрещении всяких оскорблений солдат со стороны военных чинов; мы хотели улучшить участь солдат, как и вообще улучшить долю всего трудового народа.

Чтобы помешать этому, правительство поспешило разогнать Государственную думу.

Солдаты и матросы! Мы, законно избранные представители от крестьянства и рабочих, заявляем вам: без Госдумы правительство незаконно, приказы его не имеют законной силы.

Мы призываем вас: 1) Перестать повиноваться незаконному правительству и выступить против него вместе с нами и со всем обездоленным народом. Вы присягали защищать отечество. Ваше отечество — это русские города и села и весь русский народ; защищайте же его, стойте вместе с ним за землю и волю. 2) Всякий, кто будет стрелять в народ, есть преступник, изменник и враг народа. Тем, которые будут стрелять в народ, мы объявляем от лица их братьев и отцов, что им не будет возврата в родные селения и что над их именами будет тяготеть вечное проклятие народа. 3) Правительство вступило в переговоры с австрийским и германским императорами; немецкие войска готовы будут вторгнуться в нашу страну защищать опустылевшее народу правительство силою чужеземного оружия; за такие переговоры мы объявляем правительство, как виновное в государственной измене, вне закона.

Солдаты и матросы! Ваша священная обязанность — освободить русский народ от изменнического правительства и защищать Государственную думу. Всякий, кто положит свою голову в этой священной войне, покроет себя неувядаемой славой, и русский народ благословит его имя. В этой борьбе избранные народные будут вместе с вами. Смело же за родину, за народ, за землю и волю против преступного правительства!

Соединенный Комитет Трудовой Группы и Социал-Демократической фракции Государственной думы.

С.-Петербург, 12 июля 1906 года

ПРИЛОЖЕНИЕ XII

(МАНИФЕСТ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПАРТИЙ В НАЧАЛЕ ДЕКАБРЯ 1905 г.)

МАНИФЕСТ

Правительство на краю банкротства. Оно превратило страну в развалины и усеяло их трупами. Измученные, изголодавшиеся крестьяне не в состоянии платить подати. Правительство на народные деньги открыло кредит помещикам. Теперь ему некуда деваться с заложенными помещичьими усадьбами. Фабрики и заводы стоят без дела. Нет работы. Общий торговый застой. Правительство на капитал иностранных займов строило железные дороги, флот, крепости и запасалось оружием. Искьяли иностранные источники, исчезли казенные заказы. Купец, поставщик, подрядчик, заводчик, привыкшие обогащаться на казенный счет, остаются без наживы и закрывают свои конторы и заводы. Одно банкротство следует за другим. Банки рушатся. Все торговые обороты сократились до последней крайности.

Борьба правительства с революцией создает непрерывные волнения. Никто не уверен больше в завтрашнем дне.

Иностранный капитал уходит обратно за границу. Уплывает в заграничные банки и капитал «чисто русский». Богачи продают свое имущество и спасаются за границу. Хищники бегут вон из страны и уносят с собой народное добро.

Правительство издавна все доходы государства тратило на армию и флот. Школ нет. Дороги запущены. Несмотря на это, не хватает даже на продовольственное содержание солдат. Проиграли войну отчасти потому, что не было достаточно военных запасов. По всей стране поднимаются восстания обнищавшей и голодной армии.

Железнодорожное хозяйство расстроено, кассы железных дорог опустошены правительством. Чтобы восстановить железнодорожное хозяйство, необходимы многие сотни миллионов.

Правительство расхищало ссудо-сберегательные кассы и роздало вклады на поддержку частных банков и промышленных предприятий, нередко совершенно дутых. Капиталом мелких вкладчиков оно ведет игру на бирже, подвергая его ежедневному риску.

Золотой запас государственного банка ничтожен в сравнении с требованиями по государственным займам и запросам торговых оборотов. Он разлетится в пыль, если при всех сделках будут требовать размена на золотую монету.

Пользуясь безотчетностью государственных финансов, правительство давно уже делает займы, далеко превосходящие платежные средства страны. Оно новыми займами покрывает проценты по старым.

Правительство год за годом составляет фальшивую смету доходов и расходов, причем и те и другие показывают меньше действительных, чтобы по произволу считать избыток, вместо ежегодного недочета. Бесконтрольные чиновники расхищают и без того истощенную казну.

Приостановить это финансовое разорение сможет только после свержения самодержавия Учредительное собрание. Оно займется расследованием государственных финансов и установит подробную, ясную, точную и проверенную смету государственных доходов и расходов (бюджет).

Страх перед народным контролем, который раскроет перед всем миром финансовую несостоятельность правительства, заставляет его затягивать созыв народного представительства.

Финансовое банкротство государства создано самодержавием так же, как и его военное банкротство. Народному представительству предстоит задача по возможности скорее произвести расчет по долгам.

Защищая свое хищничество, правительство заставляет народ вести с ним смертельную борьбу. В этой борьбе гибнут и разоряются сотни тысяч граждан и разрушаются в своих основах производство, торговля и средства сообщения.

Исход один — свергнуть правительство, отнять у него последние силы. Надо отрезать у него последний источник существования — финансовые доходы. Необходимо это не только для политического и экономического освобождения страны, но в частности, и для упорядочения финансового хозяйства государства.

Мы поэтому решаем:

Отказываться от взноса выкупных и всех других казенных платежей.

Требовать при всех сделках при выдаче заработной платы и жалованья уплаты золотом, а при суммах меньше пяти рублей — полновесной звонкой монетой.

Брать вклады из ссудо-сберегательных касс и из государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом.

Самодержавие никогда не пользовалось доверием народа и не имело от него полномочий.

В настоящее время правительство расправляется в границах собственного государства, как в завоеванной стране.

Посему мы решаем не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всем народом.

Совет Рабочих Депутатов

Главный Комитет Всероссийского Крестьянского Союза

Центральный Комитет и Организационная Комиссия Российской Социал-Демократической Рабочей Партии

Центральный Комитет Партии Социалистов-Революционеров

Центральный Комитет Польской Социалистической Партии

Из многочисленных адресов, которые получили осужденные на каторгу невинные члены второй Государственной думы, печатаем лишь два нижеследующих. Первый был подписан сотнями известных общественных деятелей, второй — многими тысячами кавказских жителей.

1-й адрес гласит:

Депутаты-каторжане!

Шлем вам свой привет. Возмущенные тем насилием, с которым вы были брошены в тюрьму и преданы суду, вершившемуся в потемках, мы выражаем свое глубокое уважение тому мужеству, с каким вы защищали ваши убеждения и вели борьбу за дело народного освобождения. Закрытые двери суда — мы уверены в этом — не помешают народу узнать истину и оценить ту стойкость, с которою вы отстаивали достоинство народных избранников.

2-й адрес гласит:

В особое присутствие Правительствующего Сената.

Гг. сенаторы и сословные представители!

Вы судите народных представителей! 20 октября вы должны произнести приговор над деятельностью социал-демократической фракции второй Государственной думы!

Волею народа они, наши представители, заседали в Государственной думе. По царскому слову они пользовались неприкосновенностью личности. Но из Государственной думы они попали в тюрьмы, и их ждет приговор Вашей карающей руки!

За что же?

Они наши представители! Они печальники земли русской! Во всей своей деятельности они стремились выполнить волю пославшего их народа и отстаивать свободу и землю в борьбе с защитниками старого порядка, уже осужденного в Манифесте царя от 17 октября.

Нам «дарована» свобода, но нас гнетет произвол! Нам обещана законодательная Дума, но защитники бюрократических порядков готовили заговор против народного представительства!

И вот они, смелые борцы за наше кровное дело, представители трудящегося народа земли русской, отстаивали дело трудящейся России, раскрывая все злоупотребления старого режима и его козни против народа и народного представительства! И за это их заточили по тюрьмам, и их ждет Ваш грозный суд!

Гг. сенаторы и сословные представители! Наших представителей обвиняют в заговоре против государства! Наши представители действовали и боролись открыто, и не заговорицам 3 июня взваливать эту жалкую клевету на головы защитников наших интересов! Не путем заговора, а сплочением народных масс, не заговорами, а борьбой сознательного народа они стремились идти и вести народ к свободе народной! И за это на них обрушилась пока сильная рука заговорщиков 3 июня!

Гг. сенаторы и сословные представители!

Вы судите по воле правительства народных представителей! Мы с ними! Мы солидарны со всей деятельностью наших представителей! Так судите же и нас — народ, пославший своих представителей в Г. думу и предугазававший пути их деятельности.

Народ, пославший своих депутатов, теперь отданных в ваши руки, требует этого!

Мы требуем свободы для наших представителей!

Мы добьемся свободы и для них!

(БРОШЮРА,
КОТОРУЮ РАСПУТИН РАСПРОСТРАНЯЛ
В ТЫСЯЧАХ ЭКЗЕМПЛЯРОВ
ВО ВРЕМЯ КИЕВСКИХ ТОРЖЕСТВ)

Григорий Евфимиевич Распутин-Новый

ВЕЛИКИЕ ДНИ ТОРЖЕСТВА В КИЕВЕ!
ПОСВЯЩЕНИЕ ВЫСОЧАЙШЕЙ СЕМЬИ!
АНГЕЛЬСКИЙ ПРИВЕТ!

С.-Петербург.

Типография М. П. Фроловой, Галерная, 6.

1911

ДНИ ТОРЖЕСТВА КИЕВЛЯН

Что поразило восторгнуться и возрадоваться Киевскому граду? Какие радости? Боже! Боже! Велик Батюшка-Государь! Так трепещет весь простой народ, и аристократия, и неверующие. У неверующих страх, а у верующих и в лицах их отражается свет душ. И украшенные сердца их наполнены любовью к родине. И служит приезд Государя к обновлению Родины. И солдатики чувствуют себя светозарными и сильными. И в эти дни на всю жизнь готовы и заразились силой благодатной и храброй воинов. Никто не может дать обновления, как посещение Самого Батюшки Царя. Никто не может поведать: как? почему? — у всех торжественная сила от Батюшки-Царя! Поймите силу высших властей — Небесных Творцов, — то и земной Творец, и Управитель наш, и Создатель охраны на земле нас хранит и милует; потому и радость и ликование у всех верующих. Такая радость, что не всяк может православный христианин сказать случившегося с ним от радости, увидя Батюшку-Царя! А у злых и у неверующих такая злоба бывает, — они хотят, но у них сила ничто, — потому сильные радости у толпы народа; и злые завистники не могут принести зла, — их, злых, толпа тает, как снег от жары, потому что радость и «ура», как гром и молния. Как гром грянет, то мы крестимся, а «ура» — сила. Злые бессильны и «ура» бегут, как бесы — молитвы; противники Родины трепещут, и бегут, и скрываются. И столкновение публики нечто иное — тысячи толпы, и все обновлены духом, — как волны на море плещут. И народ от украшения и ожидания напряжения не может равнодушно говорить о дивном приезде. Что ни приезд, а будто с небес — ожиданье, как Самого Господа. Толпа движется по Киеву, и народ от радости не может усидеть — всего трепещет и веселится; и в сердцах у них более, чем иллюминации; а иллюминацию нельзя простым огнем назвать, т. е. вещи заставляют радоваться. Что же скажешь? Украшен Киев. Боже! Боже! Всевозможными цветами и гирляндами, и флагами; они стараются украсить и убрать. Несметным счетом флагов испестрен весь — для дорогого Гостя нашей Родины. И все чувствуют силы в себе — поддержать свой град Киев и спешно приносят в жертву силы и чтут дорогого Гостя Родины и Земли. И ничто, нет сравнения, как я был очевидцем и видел, что турки ожидали своего султана. Народ, начальство — да, ожидает, а простой — вот ничего уж; еще видел и другие нации, и тоже одно начальство, а простой народ — будто нет. А чем объясните? Тем, что велика православная вера и в ней явился Избранник и Помазанник Божий. А слов на это совсем нет, и сравнить нельзя. Господи, мы счастливы. А о маленьких потешных и сказать нельзя. О их, во-первых, успехах: как ангелы между херувимами, как они занимаются! Ведь не верится себе: такие крошки, а сами в деле, как и нужно. Так радуешься — смотришь, вот и видишь в юношах, как они

показывают в себе будущую защиту всех нас. Только бы в них сохранить веру. Эти потешные — это стена каменная, где мы за ней прячемся. И вся армия стоит и трепещет. Боже! Как дисциплина — в ней нет в то время ни зависти, ни коварства, поэтому и назвались христоролюбивые войны до смерти.

Что же более изукрашен? Вокзал. Чувства живые и поражающие — как в раю слово говоришь, что все ожидает: вся природа и все украшения. Врата Киева привет воздают дорогому Гостю, Батюшке, — Утешителю нас: вот Его посэдка как будит всех спящих. Наверно, ежели бы Он стал почаше ездить, то Он бы увидел как Его ждут и любят и светом любви освещают. А им говорят, не высказывали своих нужд; это мне говорили из «Союза русского народа», — им не велели. А почему не высказать правду Отцу Родины? Жаль, что запретили сказать дорогому Батюшке. Ведь мужичок перед Царем врать не будет: «что, то озбочен», кто запретил говорить ему. Давай, Боженька, благополучия! Батюшка наш приехал с радостью и потом еще раз за разом поселил оживления своим посещением. Господи, яви милость свою на нас! Давай мужества Батюшке-Царю, чтобы Он нас более и более посещал все Своепосаженный рассадник земли.

Ведь как же! Посмотрите на Союзников, как они подходят, как величайшие святые! Да где же они будут врать? О Господи! Все-таки не так они вылили свое горе дорогому Отцу: они воистину слуги Церкви и Батюшки, Великого Царя. И собрались в Киев тысячами; идут они, как сокровища, всех названий партии и сплотились единым духом. Вот для них-то и нужно посещать Россию по разным городам. Когда они видят Царя, у них единый дух: а в них громадная сила, то евреям и деться некуда, — это оплот кружки Михаила Архангела и разные названия... но не видят и бранятся между собой; потому — у них сила и друг другу покориться не могут. Эти кружки нужны для евреев: они очень их боятся. Когда они идут по Киеву, то жиды шушукуются и трепещут; армии меньше боятся, потому у них дисциплина не позволяет, а у «Союза русского народа» нет дисциплины. Теперь, как можно, надо основывать кружки и не ссориться; то евреи и не подумают просить равноправия. Только надо, чтобы посреди их был пастырь — хороший батюшка. Так это Киев дал понять приезд Батюшки-Царя. Необходимы кружки, и начинать с водки, и чтобы не было ее; а кто пьет — тех не нужно: от них вред.

Как ограден и поучителен приезд Хозяина Земли!
А в самой-то Матушке-Лавре Киевской какое ожиданье!

Боже! Какая радость! — Как река, течет мира, что-то иное: большие тысячи по деревам как птица! Господи! И служба непрестанна, везде переполнено! Господи! Это никогда того скопления не встретишь, а все трепещут Одного Лица. Хотя полные братья, да бегают бегом. Сколько может дать Один Человек силы и подумать, что-то тут не само по себе творится. Кто-то невидимо предстает с тем Лицом, даст подумать. И для всех живущих в Лавре такая неожиданная радость, и не знают, как Его встретить. Все они в поднягом духе, и убрано — уж не в духе человеков, а в духе Бога и Разуме Его. Что же скажешь о том, почему это все? Потому Сам Господи дал праздник. Словно Лавра переродилась!

Великое дело — посещать Обитель Царям! В то время все молятся с наслаждением. Только поболе нужно пускать богомольцев. И навеки остается Их посещение, где побывали, как веселилась толпа народу Святому Семейству Их Величеств. С Энергией высшей степени кричали «ура». Нужно, чтобы все общество пело «Народный гимн» и молитвы. И какая в толпе сила ума и слова. Толпы давали знать, что этот народ безопасен, и организация очень нужна: ранее прежде не было «Союзов» и было посещать Россию опасно. — а теперь опора в них в надежде посещения. Богу угодно, Он и дает силы охранять Святую семью:

тем более что все в куче — все Семейство Великих сего мира.

И все киевляне свидетельствуют, что прежним тем Царям не было такого почета. Это свидетельство доказывает, что не было «Союзов» и выписывали из деревьев встречать. А в настоящее время много и так пришло; весь народ так пришел и весь отдался, только бы видеть. И после этого вот здесь, где удостоились повидеть всю семью, и все бежали в Лавру и служили молебн. О, Святое дело! И у всех явилось желание и единодушие поблагодарить Господа и всех, всех Святых Киевских Чудотворцев: Федосия, Антония. И крик и вопли были святые и нелишние. Как святая Лавра была освещена! И какие разных цветов огни горели. И давало понять, что это велик день для киевлян. И вера тоже горела у всех разными цветами: у кого более, у кого менее, и получится в разном свете: зеленый и белый свет — иллюминация, подъем духа у всех верующих. Господи! Как изукрашен Киев! Первый день приезда Великого Семейства прямо сияет, и сравнения подобного и не найдешь примера. Да, есть пример: выше есть благочестивые люди, которые удостоились видеть Небесный Чертог, и много Отцов, которые описывают небесную красоту в таком же духе, но там не от рук человека освещено. А что народу! Тысячами и толпами! Боже! Миллионы ходят, но настроение у всех поднято, и сердятся друг на друга. потому что толкаются все, все по Крещатику. Но сердятся не вредно, потому что не знают друг друга.

Какой дивный привет Александру II памятник. Как Его чтит Сам Государь со всем Своим Семейством. Как его открывали, с какой честью! И со многими полчищами войск и священнослужителей; шли крестным ходом. Сам Государь из Михайловского Монастыря с Дочерьми и Митрополит, было духовенства сотни. А миру черняди множество, толпы народа; и все начали молиться, и молились вместе со всеми, но молитвенников очень мало, потому простой народ не пускают; а тут надо руки пожать и плакать дорогие замараются. — помолиться — упасть на землю, и места у них дорогие, а простой народ и стеснен; но Сам Государь со всем Семейством за всех молился и депутация — да.

Когда Государь скомандовал на караул, то Его звук, как молния поразила всех, и так все всрепнулись, и потом войска здоровствовались с самой Семейей Их Величеств, и у солдатиков в лицах свет озарен, как лучи. Между солдатами и Царем, когда здоровствуются, видится: Бог да Царь посреди их. И солдатики марш играют и плывут, словно лебеди; и все депутации стали на колени и пропели: «Боже, Царя храни». Пели гимн у памятника, это после Государева отъезда, когда поехали к себе во дворец. И всю неделю, каждый день толпа всех народов видит Государя и вместе радуются и все светят; как лучи, сверкали очи от радости. — чем чаще видишь, тем более хочется.

Солдатики просто не человеки, подобны ангелам; без сомнения, они от музыки забыли все человечество, и музыка отрывает их от земли в небесное состояние; и сила у них, как у рыцарей.

И вот еще поразило, когда Государь был в Купеческом Соборании, — там было не что иное, как рай: пускали ракеты и подобные светилам небес. Когда молились, то видели благочестивые люди, что светились, озарены лучами: так и в августе 31-го, когда там была Семейя Их в Купеческом саду; депутации пели «Боже, Царя храни», гимны — непохожи звуком человеков, от любви сердца. И слушатели с умножением вынесли трепет в душах; горение умиление от такого редкого события. Волна духовно в душах пела к упокоению, и все представители получили обновление и говорили и не верили себе: как? они ли счастливы? Это у них до смерти всякий день будет повторяться, как и у всех, кто видел Святую Семейю, и все не верят себе, сколь дивно величие Божие! Воистину Помозанник Христов!

Как это видать Христианина, когда стоишь в ряду и ожидаешь Их Высочайших — Семейю. Христианин не может стоять равнодушно, такая в нем волна славы, что вверху скачет; а которые с ним, с Государем, у сопровождающих, у тех больше Киева — да.

Когда Наследник к потешным прибыл, то получилась картина, то ни с чем не сравнить эту картину. Это было небесное состояние, как ангелы и херувимы. Чистота горела до небес. Вся музыка — ангельский звук, совсем небесное состояние, земного не было. Ну, после у потешных гордость будет. Для простолюдыя это — да; для левой они — молодцы; для внутренней — это да. Как потешные идут, то на них с умилением смотришь, и без слез — нельзя. Великое торжество от них получается.

Даже и училища увидели кротость на себе после посещения Великого Счастья — Батюшки-Царя. И так на них повлияли дивные кроткие очи Батюшки-Царя; и они обещали учиться с кротостью все: Духовная Академия и все учебные заведения снова переродились. Храни их Боже!

О, какие были проводы! Миру стояло на много верст, и ничем их не оценить, — не люди, а какая-то в них светила радость. Смотришь на них, что их тут нет, они где-то в седьмом небе, а тело на земле. Вот что может дать Самодержавная Семейя: у кого слезы как ручьи, у кого трепещут ноги, кто мысленно высказывает свои нужды, кто делится радостью, кто печалью, и все открывают

более, чем батюшке (священнику), свои недостатки: все скорби и грехи — все Батюшке-Царю и Святому Семейству великого мира.

Солдатики на проводах стояли рядами; они, как ангелы, охраняют славу на небе, отдались в послушанье и в военную дисциплину. И уподобились за свое послушанье в лица ангелов, поэтому назвались христоролюбивые воины.

И как в виду всех перерождаются все учебные заведения при посещении Великого Монарха. Когда при проводах все классы были на панелях, провожали с кротостью и с радостью, а маленький класс девочек пример и сравнение, как вели во храм Иоаким и Анна Святую Отроковицу, так и эти девочки готовы служить и Богу, и видеть Батюшку-Царя; это в них говорила чистота и ласка действия и отражались на Святом Семействе. Дивная картина малюток — их святость.

Очень радуют все детские выходы, как они бросали цветочки по пути и намеревались бросить Их Величествам. Это смотришь — не видишь, что бросают они ручками, а будто хотят вместе с букетом упасть к ним в экипаж, на колени.

И как возрастают, ничем не украсишь, как украсило само Святое Семейство.

Август 1911 г.

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К НЕЗАКОНЧЕННОМУ ПОРТРЕТУ

Незадолго до начала первой мировой войны в Берлине была выпущена богато иллюстрированная книга «Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II». По формату схожая с блистающими золотом альбомами, посвященными 300-летию дома Романовых, она ничего общего не имела с ними по своему антицаристскому содержанию и именно поэтому, видимо, вышла анонимно. Крамольный вывод о том, что Николай II своей политикой ведет Россию к пропасти, в канун юбилея прозвучал таким резким диссонансом, что министерство императорского двора пошло на затраты: часть тиража книги, поступившая в открытую продажу, была изъята.

Имя автора выяснилось сразу же после Февральской революции, когда оно появилось в его воспоминаниях, содержавших отрывки из книги *. Тогда же была начата ее публикация отдельными выпусками, однако из задуманных 40 или 50 брошюр появилось как будто только пять **.

Анонимность книги и мизерный тираж (около 500 экземпляров) сыграли с ней дурную шутку. Серьезный, очень редкий труд рассматривался иногда как апокрифический, авторство которого не подтверждено или маловероятно.

В исторической литературе до сих пор иногда ссылаются на книгу Обнинского как на анонимную. Между тем его авторство в 1917 году было подтверждено авторитетным справочным изданием ***, а позже лидером кадетов П. Н. Милюковым ****. Но самым убедительным

аргументом в пользу Обнинского служит полное совпадение проводимых в книге оригинальных взглядов с той весьма своеобразной общественной позицией, которую занял в I Думе и отстаивал в последующих работах этот левый кадет, весьма радикально отклонившийся от официальной платформы своей партии.

Книга В. П. Обнинского до сих пор не потеряла своего значения как публицистически яркий обзор царствования Николая II. Хорошо информированный автор — не только свидетель, но и участник политической борьбы российского либерализма против царского самодержавия — сумел создать живую, многоцветную картину своего времени. Не претендуя на глубину и панорамную всеохватность, эта картина (как может теперь установить сам читатель) обладает не только большим впечатляющим действием, но и очень верна по существу, если не требовать от нее статистических данных и справочных сведений.

Приходится лишь сожалеть, что вынужденная редкость книги сделала ее практически неизвестной и недоступной советским читателям. Редко ссылались на нее и те авторы брошюр о Николае II, которые сами же черпали из нее материалы и факты. Между тем книга «Последний самодержец» заслуживает внимания и популярности среди всех интересующихся отечественной историей. Заслуживает уважения и ее автор.

Виктор Петрович Обнинский (1867—1916) — политический деятель и публицист начала XX века. В молодые годы он служил офицером в одном из гвардейских полков в Царском Селе, мог близко наблюдать будущего императора Николая II, в то время еще наследника.

После неудачного экзамена в Военно-юридическую академию молодой офицер, не скрывая обиды, вышел в отставку. Пришлось послужить рядовым статистиком в Министерстве путей сообщения, а затем конторским служащим на частном элеваторе. Встречи с разнообразными людьми, и прежде всего с портовыми

* См.: *Обнинский В.* Девяносто дней одиночного заключения (тюремные записки). М., 1917. На обложке: Последний самодержец. Воспоминания в тюрьме. В 1917 году отрывки из книги появились и в журнале «Голос минувшего», и в сборнике «Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования» (М., 1917).

** Николай II последний самодержец. Вып. 1—5. Пг., 1917. В Харькове в 1917 году вышел только один выпуск из семи или девяти намечавшихся (Последний самодержец. Харьков, 1917).

*** См.: Новый энциклопедический словарь. Пг., 1917. Т. 29. С. 132.

**** См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 176.

рабочими, позволили ему постепенно отбросить кастовые предрассудки и воззрения русского дворянина, помещика, гвардейского офицера, чиновника. Несколько лет после женитьбы В. П. Обнинский провел в Новгородской, а затем в Калужской губернии, столкнулся с нищетой, убожеством и безграмотностью русского крестьянства. Был выбран предводителем дворянства Малоярославского уезда, где когда-то жил в ссылке Радищев. Его активность замечает и местное земство. Сначала он становится гласным уездного земства, а вскоре выбирается председателем губернской земской управы.

После того как царю был отправлен достаточно смелый по тем временам адрес калужского земства, автором которого, как все знали, был его председатель, имя Обнинского становится популярным в кругах либеральных общественных деятелей, сплотившихся вокруг «Союза освобождения». В 1905 году Обнинский — один из организаторов конституционно-демократической партии. На следующий год как кандидат этой партии он избирается в I Государственную думу. Там он зарекомендовал себя решительным сторонником радикальной аграрной реформы. Взгляды калужского либерала на земельную проблему приближались к демократическим воззрениям эсеров и социал-демократов. К тому же, хорошо знакомый с реальным положением дел в российской деревне. Обнинский был убежденным противником всякого централизма и единообразия в проведении земельных преобразований, указывал на большое различие в местных условиях, которые нельзя не учитывать. Веру этого левого кадета, как показывает его думская речь 19 мая 1906 года, составляли три основные идеи — широкое самоуправление, автономия народов, демократизация политической жизни.

Талантливое обличение российского абсолютизма, явный радикализм взглядов Обнинского невольно пробуждают интерес к его личности — слишком уж не похож он на традиционного кадета из «оппозиции его величества». В отличие от кадетов, симпатизирующих конституционной монархии, Обнинский явный республиканец. Он весьма скептичен, порою ироничен к буржуазному либерализму. В конце 1904 года по директиве «Союза освобождения» во многих городах устраивались банкеты в связи с 40-летием судебной реформы. В резолюциях провозглашались конституционные и демократические требования, вплоть до лозунга всеобщего избирательного права. Скептически настроенный к речам либеральных ораторов, Обнинский оценивал эти банкеты

как «симуляцию революции». Его насмешливая оценка банкетной кампании земцев была принята полнее, чем в эмиграции Милюковым *. Позднее Обнинскому претила пассивность кадетской партии, ее «обычная тактика полумер». Главные расхождения со своей партией были у него все же не по тактическим вопросам, а по самым существенным проблемам российской жизни.

В отличие от большинства кадетов-«первотумцев» (членов I Государственной думы), которым казалось, что стоит добиться конституции и само собой падут национальное закрепощение и неравенство, Обнинский понимал недостаточность чисто конституционных увлечений своих коллег. В политических прогнозах он выходил далеко за пределы кадетизма, упорно защищавшего мысль о возможности мирно достичь «вершин» Манифеста 17 октября. Ссылаясь на небывалый рост самосознания и сплоченности народа, резко отделившего себя от царя и его приспешников, Обнинский утверждал, что монархические традиции потеряли свое обаяние, что «в кровавом свете переживаемой Россией революционной эры», очевидно, нет путей к примирению народа с царизмом. Воры, погромщики, убийцы милуются по-прежнему, и по-прежнему тюрьмы наполняются деятелями освобождения.

Будучи членом I Государственной думы, Обнинский примкнул к многочисленной фракции автономистов, которую составили национальные парламентские группы — украинская, литовская, эстонская, казачья и другие. Выступал несколько раз докладчиком от аграрной комиссии и защищал принцип: «Вся земля должна принадлежать трудящимся». Призывал решать вопрос о земле не по шаблону — учитывать разнообразие местных, особенно национальных, условий. Даже крестьянских депутатов должны были поразить слова Обнинского о том, что он выступает за радикальную аграрную реформу, хотя и знает, что с первым же оборотом тяжелых колес она раздавит «нас, крупных и средних землевладельцев, навсегда» **.

Обнинский отдавал несомненное предпочтение мирному развитию страны. Но, в отличие от многих коллег по кадетской партии, очень сомневался, что переход к конституционному правопорядку совершится в России без особых потрясений. Его беспокоила постоянная способность правительства провоцировать бурные формы революции. Поскольку подавление во-

* Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. С. 276.

** Государственная дума: Стеног. отчет. Первая сессия. Спб., 1906. Т. 1. С. 504.

оруженной силой каких-либо антиправительственных выступлений бесконечно легче, чем реформирование всего государственного строя, следует ожидать, предупреждал публицист, именно таких действий.

Когда I Дума, просуществовав 72 дня, была разогнана правительством, Обнинский вместе с другими кадетами подписал протестующее Выборгское воззвание. За это вместе с другими «перводумцами» отсидел три месяца в одиночной камере. Пребывание в тюрьме позволило Обнинскому окончательно определить направление своих жизненных интересов. Он выбрал сферу публицистики. С литературными «пробами» пера, какими явились «Сказки старого гнома» (подражание Андерсену), было покончено.

В тюрьме созрела идея создания истории своего времени, необходимой, по его мнению, для следующего поколения даже более, чем для современников.

Никаких справочных пособий под руками не было. И первоначальные наброски приобрели форму дневника: содержанием их стали не рутинные события затворнического быта, а воспоминания и размышления о событиях и встречах на жизненном пути. По выходе из тюрьмы один за другим начинают появляться первые труды Обнинского, посвященные первой русской революции, — «Полгода революции», «Летопись революции» и, наконец, наиболее близкая к понятию исторической монографии книга «Новый строй» (1909), в которой раскрывались сущность и последствия антиконституционного переворота, совершенного Николаем II и Столыпиным 3 июня 1907 года.

В череде газетно-журнальных публикаций кануна первой мировой войны следует отметить статью, посвященную «Войне и миру» Л. Толстого. Автор ее — Обнинский довольно точно обрисовал признаки современного милитаризма, создавшего громадные армии и флоты, подчинившего себе «работу промышленного и научного гения». Он разъяснил: в мирное время армии являются оплотом консерватизма, охраняют власть правительства; погоня за новыми вооружениями тормозит реформы, улучшение условий труда. Обнинский предупреждал о неизбежности нового военного катаклизма, который явится всевропейской войной народов и поставит ребром основные проблемы их социальной жизни*.

С началом мировой войны Обнинский — фронтовой корреспондент «Русских ведомостей». Итогом его наблюдений на Юго-Западном фронте стала интересная, но не изданная до

сих пор рукопись «Галицийская кампания 1914—1915 гг.».

Глубоко сочувствуя страданиям простых людей, Обнинский согласился принять на себя заведование отделом помощи военнопленным в Главном комитете Всероссийского земского союза. Эффективность работы этого учреждения вызвала черную зависть и недоброжелательство официальной покровительницы русских пленных в Германии императрицы Александры Федоровны.

Война, однако, принесла крушение главных надежд Обнинского на мирное решение национальных проблем народов России. Оказались мертворожденными созданное по его инициативе в середине 1914 года. «Общество единения народностей России» и его журнал «Народы и области». Передовая статья первого номера этого журнала, написанная Обнинским, свидетельствовала о его наивном идеализме — ожидании реформ в национальном вопросе от царского правительства. Цель журнала — сплочение народов России — вызвала недоумение его сотоварищей по партии, называвших его «благороднейшим рыцарем, настоящим романтиком национального вопроса»*, но оставлявших его одиноким даже в близкой среде. Между тем мысли Обнинского в национальном вопросе далеко опережали взгляды тех «реальных политиков» Прогрессивного блока, которые так и не смогли отказаться от привычки разделять нации на великие и малые.

Еще в Думе Обнинский цитировал афоризм Сенеки: «Мудрец знает, когда ему нужно умереть». Обман царского правительства, заявлявшего об освободительной миссии войны, не сразу был понят Обнинским, а когда он разглядел эту ловкую уловку царизма, то примириться с происходящим не мог. Уход из жизни представился ему своевременным.

Чем интересна для нас книга Обнинского? Какие достоинства и по сие время не утратили своего значения и потому привлекают наше внимание? Прежде всего это свободное изложение фактов и сведений, известных лично автору как очевидцу и современнику событий. Он выступает как бы в роли мемуариста, информация которого подтверждается более поздними авторами, писавшими воспоминания уже в эмиграции. Его книге присуща несомненная достоверность. Это понятно. В нашем распоряжении, писал Обнинский в предисловии, «достаточное количество проверенных данных, чтобы мы могли быть увлечены на

* Обнинский В. II. Война сто лет назад и теперь // Война и мир. М., 1912. С. 277—278.

* Ефремов С. Против течения // Голос минувшего. 1916. № 5. С. 151.

путь памфлетов, вынужденных довольствоваться рассказами досужих придворных сплетников». Документированное изложение политических акций, цитаты из манифестов, указов, заявлений партий, опора на речи депутатов Думы, воспоминания крупных деятелей образуют надежную канву политической истории. Личное участие в работе I Думы и кадетской партии, журналистские знакомства с видными политиками и администраторами позволяли Обнинскому не из третьих рук знать о сокровенных фактах деятельности министров и придворной камарилы, погромной практике департамента полиции и губернаторов. Бесценный подбор фотографий в книге помогает читателю и сегодня воссоздать во всей сложности и контрастности широкую картину русской жизни — от голодающей деревни до парадных залов царских дворцов.

Весьма ценны наблюдения Обнинского морально-нравственного облика правящих кругов империи. Начиная с самого Николая, убежденного в «необязательности» общечеловеческой морали для царя, и его министра юстиции Щегловитова, заявлявшего в Думе о «необязательности для него закона», представители власти вместе с шефом жандармов могли заявить, что для подавления крамолы «все средства безнаказанно дозволены». Обнинский отнюдь не революционер, он противник Московского декабрьского восстания, но и он объясняет появление в народе озлобления, анархических настроений не только его отчаянным положением, но и произволом власти. В пример он приводит кабинет Витте, запятнавший себя допущением погромов и актов террора, бессудными казнями, продолжавшимися и при Столыпине.

Малоизвестны и потому особенно интересны факты подавления российскими войсками национальных дивизий в Прибалтике и на Кавказе. Карательные экспедиции обрисованы в книге как жестокие эпизоды колониальных войн, оставлявших завоеванную страну в полном разорении. Падение русского престижа на окраинах империи Обнинский объясняет «наклонностью правительства к насильственному привитию идеи государственного единства, которой отличаются все годы русской революции».

Заметное место в обзорной книге Обнинского занимают события общественно-политической жизни страны. Быть может, он несколько преувеличивает роль земства как антипода чиновной бюрократии, но несомненно: для массы провинциальной интеллигенции земство в то время было «фабрикой общественного мнения», а не пятым колесом в телеге рома-

новской империи, как считали царь и его губернаторы. Левый кадет Обнинский, несомненно, симпатизирует своей партии, ее лидеру Миллюкову, хотя и критически относится к ее пассивности и колебаниям. Но переговоры кадетов и октябристов — этой русской «Жиронды» — со Столыпиным и Треповым о вступлении в правительство Обнинский оценивает как ошибку «наивных честолобцев». Впоследствии и советские, и зарубежные историки подтвердили эту оценку. Не доверяя партии крупной буржуазии (октябристам) и их вождям — Гучкову и Родзянко, Обнинский сожалеет о повороте в их сторону «глубокого и честного мыслителя» П. Б. Струве. Резко отрицательно относится он к партии эсеров, которых характеризует как получивших «влияние и власть людей без всякой совести, без всякого государственного сознания». Однако, как очень чуткий к правам и достоинству человека журналист, Обнинский очень эмоционально и потому отчасти наперекор собственному взгляду на террор реагировал на факты отмищения эсерами за поруганную честь их товарищей. Убившие полицейских (истязателей Марии Спиридоновой), по его мнению, «истинные уполномоченные всенародного суда».

С известным подъемом описывается в книге эпопея I Государственной думы, хотя Обнинский не переоценивает ее значение и полностью признает наивность опубликованного кадетами Выборгского воззвания с призывом населения к пассивному сопротивлению правительству. Резко осуждает он государственный переворот 3 июня 1907 и созданную на основе нового избирательного закона III Думу, где явное преобладание получило право-черносотенное большинство.

В отличие от российских и зарубежных разоблачительных памфлетов, большей частью довольно легковесных по содержанию и жаждущих пустить еще одну стрелу в ставшую популярной мишенью фигуру Николая II, автор книги ставит гораздо более широкую задачу — показать анахронизм российского самодержавия. Для Обнинского жизнь Николая и история России — два расхолящихся процесса. Жизненное кредо императора — укрепление самодержавия, завещанного ему предками. Сформировавшееся к началу XX столетия самосознание русского общества не желало мириться с деспотической властью, унаследованной от прошлого, требовало введения конституционного строя. Исчезновение абсолютизма стало одной из ведущих тенденций современной истории. «Абсолютизм исчезает с лица земного шара, уступая место самодетельности освобожденных народов», — писал Обнинский, пред-

рекая грандиозные социальные катаклизмы в Европе, в которых несомненное участие примет и Россия.

Очень точно обрисовал Обнинский один из вариантов правительственных настроений — склонность к войне. Рассчитывая, что первые же успехи в начале военных операций укрепят положение правителей, они охотно рискуют войной: выиграть можно, а без войны конец всегда ближе.

Публицист нисколько не сомневался — и это подтвердилось в февральские дни 1917 года, — что бюрократия при наступлении краха тотчас предаст своего верховного правителя.

Давая на последних страницах генеалогическую справку о династии Романовых, Обнинский осторожен в предсказании о том, будет ли царствовать Алексей, но уверен, что абсолютизма в России не станет в ближайшее время. Как же представляет либеральный публицист будущий государственный строй России?

Агония самодержавного строя ускорится процессом вырождения царствующего дома, семьи Романовых, в которой в действительности нет никакой романовской крови. Паразитическое существование императорской фамилии, ее праздная, богатая, безответственная жизнь сделали самодержавие паразитом на народном теле.

Главное, что, по мнению Обнинского, будет определять будущее устройство страны, — многообразие составляющих ее народов при сознании необходимости единения: «Федерализм через автономизм есть единственная форма, обеспечивающая развитие России и ее место в ряду мировых держав». В отличие от очень умеренных, скорее даже подозрительных к идее российской федерации деятелей кадетской партии, допускавших автономии лишь для Польши и Финляндии, стремления Обнинского принимали все более определенные очертания: он жил мечтами о законченном здании свободной, демократической, федеративной России. Он хорошо, однако, понимал: ждать от правительства подобной реформы невозможно, она придет «одновременно с общим переворотом». Он надеялся, что лозунг федерализма явится основой будущей фазы освободительного движения.

Строгие критики могли бы сказать, что книга Обнинского не соответствует требованиям академического труда, что иногда автор выступает не только в роли публициста, но и в роли репортера. Но мне представляется, что Обнинского по нашей журналистской табели о рангах следовало бы называть политическим обозревателем, берущим в необходимых случаях интервью у видных

деятелей и не стесняющимся ссылаться на личные впечатления.

Свободная форма изложения, мемуарные фрагменты, подслушанные высказывания министров и лидеров Государственной думы, наконец, личный взгляд на происходящие события делают чтение книги Обнинского порою просто увлекательным. Здесь и описание, похожее на новеллу с неожиданным концом литературного вечера, устроенного наставниками детей Александра III для юного великого князя Михаила Александровича, и своего рода вернисаж спиритов и юродивых, которых привечали в семье Николая II, и галерея казнокрадов, скандалистов и развратников, именуемых великими князьями императорской фамилии. Перед читателем предстают достойные старых голландских художников жанровые зарисовки пьяного досуга гвардейского офицерства в Царском Селе, разнузданного штурма буфетных стоек знатыми гостями Зимнего дворца. Обрисованы в книге и приметные фигуры политического небосклона Российской империи — министры-пройдохи и губернаторы-черносотенцы, генералы-каратели, погромщики и провокаторы.

Обнинского можно было бы упрекнуть за некоторые диспропорции в содержании. Он поглощен обличением полицейско-деспотического режима и почти не касается социально-экономических проблем. Много внимания уделяет он политической деятельности буржуазно-либеральных партий, думским дебатам и лишь мимоходом касается массового движения, позиций социал-демократии, других демократических сил. Но свою главную задачу — обрисовать кризис самодержавия, разложение династии и всей правящей верхушки, несостоятельность господства дворянско-помещичьей бюрократии — он выполнил. Нельзя слишком многого требовать от автора, писавшего по следам событий. Перед нами не фундаментальная научная монография, а живой политический очерк. Популярный стиль книги не лишает ее серьезности, ибо ее обличительный пафос обоснован и строго документирован.

Наибольшее внимание Обнинский, естественно, уделяет Николаю II.

Пожалуй, первым в русской печати Обнинский дал не парадный и не карикатурно-шаржированный портрет Николая II. Жаль, что портрет, скорее, этюд этот вынужденно остался незаконченным.

Последний самодержец предстает перед читателем как глава «военно-полицейского» государства, взирающий на страну как на свою обширную вотчину. «Вотчинный взгляд на

Россию», личная политика императора вместе с тем неразрывно связана с «чиновничьим абсолютизмом», ибо царь и чиновничество — «невольные близнецы». Не отрицая правильности этих тезисов, можно лишь отметить, что Обнинский не шел глубже внешних наблюдений, не сделал вывод, к которому уже давно к тому времени пришла демократическая мысль, а именно: царь — лишь первый помещик России, его опорой является чиновная бюрократия, состоящая из крупных землевладельцев. И едва ли не главная отличительная черта высших сановников — способность к воровству «в гомерических размерах». Все они, очевидно, могли присоединиться к бодрому девизу министра народного просвещения Д. Толстого: «Лишь бы на наш век хватило!»

Государственная деятельность и сама личность Николая II очень ярко высвечиваются зарисовкой отдельных эпизодов и высказываний царя, относящихся к важным моментам российской истории. Чего только стоит грозная речь по поводу «бессмысленных» мечтаний земцев о представительном правлении, во время которой перепуганный председатель тверской земской управы даже выронил блюдо с дарами и соль посыпалась к ногам императора. «Горестная примета!» — шептали растерянные придворные, и даже сам Николай сделал было движение поднять упавший хлеб.

Подмечает Обнинский и полное безразличие Николая II к человеческим жертвам, к бедствиям народа, к поражениям русской армии и флота во время войны с Японией. Здесь и Ходынка, и «кровавое воскресенье» 9 января 1905 года, и равнодушная реакция на известие о потоплении военных кораблей на Тихом океане. Для царя, как он сам же сказал к удивлению собеседника, это только «укус блохи».

Что интересует и даже радует императора — это беспощадные действия карательных отрядов, это разнузданная свирепость погромщиков. И тех и других Николай поощряет, награждает, милует и спасает от суда. Он с гордостью принимает знаки «Союза русского народа» и становится как бы официальным покровителем всех черносотенцев.

Автор рисует не семейно-бытовую драму, а трагедию государства, во главе которого стоит такая личность, как Николай II. Почти все свойства характера, отмеченные потом и недругами, и почитателями «последнего самодержца», предугаданы автором. «Кажущееся безволие» как скрытая форма упрямой и злой воли, внешняя деликатность при очевидной нетерпимости к другим мнениям, нежная любовь к детям и черствость к жертвам погромов, показное миролюбие и коварная по-

литика развязывания войны — все эти черты Обнинский объединял понятием «черты византизма», подразумевая присущие Николаю хитрость и вероломство, его полное «нравственное уродство».

Под образ жизни, строй мысли (менталитет) царской четы автор стремится подвести патологическую основу — признаки морального вырождения, вследствие чего один являлся «нравственным уродом», а другая находилась «в тяжком психозе», полученном по наследству. Думается, речь в данном случае должна идти не столько о моральной патологии и психической невменяемости (что, конечно, имело место), сколько об определенных социально-психологических типах упрямых и ограниченных правителей в период острых кризисов абсолютной монархии.

На наш взгляд, автор книги не обратил достаточного внимания на привитые Николаю с юности понятия и представления об источниках своей власти, на его политические верования. Ведь важнейшими лекциями для наследника, кроме военных, считались курсы обер-прокурора синода К. П. Победоносцева по основам государственного и гражданского права. Вдохновитель реакции 80-х годов, он был запечатлен потом в саркастическом портрете А. Блока:

В те годы дальние, глухие
В стране царили мрак и мгла.
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла.

Фанатичный противник прогресса, он горячо защищал единственно якобы присущую России и дарованную Богом форму государственного правления — самодержавие, настойчиво прививал наследнику неуважение к представительному образу правления, демократическим учреждениям, недоверие к либеральным течениям общественной мысли.

Дух Победоносцева пронизывает данные Николаем в 1903 году наставления министру народного просвещения Г. Э. Зенгеру: он рекомендовал на первое место в образовании поставить закон божий, а воспитателями назначать бывших военных *, — словом, дать школе «фельдфебелей в Вольтеры».

Немало способствовали укреплению веры Николая в незыблемость самодержавия и уроки его наставника по истории, весьма консервативного профессора Е. Е. Замысловского, знатока царствования первых Романовых. Считая своим идеалом «тишайшего» царя Алексея Михайловича, Николай появлялся на придворных балах в его костюме и даже своего сына

* См.: Былое. 1918. № 1. С. 61.

назвал в его честь. Надо думать, правление Алексея Михайловича привлекало внимание Николая теми своими сторонами, которые представлялись ему достойными подражания. Это прежде всего постепенное уменьшение влияния земских соборов и Боярской думы, подчинение непосредственно царю Приказа тайных дел, руководство переговорами с представителями иностранных держав. Особенно близки Николаю взгляды его далекого предшественника о неограниченности царской власти и ее божественном происхождении.

Действительно, в царских манифестах и речах не раз звучали выражения, как бы шедшие из глубины веков. Он не раз утверждал: «От Господа была вручена нам власть над народом нашим». На протяжении всего царствования главной своей задачей считал «охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял мой покойный, незабвенный родитель».

Николай при всех исторических коллизиях упрямо отстаивал свою неограниченную власть, видимо всерьез полагая, что она от Бога, что она передана ему его отцом и должна достаться в таком же виде его сыну и что это его святой долг перед Россией. На этой струне стали играть всякого рода чиновные и нечиновные проходимцы. В итоге царь отстранял тех, кто мог и хотел разумными действиями его спасти, и следовал за теми, кто под флагом преданности самодержавию толкал его к катастрофе. Усвоенный царем лукавый принцип «сначала успокоение, а реформы потом» позволял при временном затишье общественного движения забывать обещания, а вынужденные уступки брать назад.

Хронологически книга Обнинского заканчивается событиями 1911 года — убийством Столыпина и назначением председателем Совета министров В. Н. Коковцова. Судьбы истории отпустили царизму еще пять с небольшим лет, включающих драматические годы мировой войны. Но и эти пять лет остались годами нереализованных возможностей.

В июле 1914 года Николай под давлением великих князей и министров без большого сопротивления согласился на всеобщую мобилизацию, подтолкнувшую Германию к объявлению войны России. Войну в Петербурге встретили как большой праздник.

Военная эйфория закончилась через несколько месяцев с гибелью армии Самсонова. Весной 1915 года последовали новые серьезные неудачи на фронте, и в августе Николай решил, вопреки мнению большинства министров, принять на себя обязанность Верховного главнокомандующего. Вся его военная деятель-

ность не занимала и полутора часов в день и состояла в приемах докладов начальника штаба Ставки генерала Алексеева. Николай больше всего дорожил своим покоем и привычками. Он гулял, катался по Днепру на лодке, совершал автомобильные экскурсии, принимал гостей.

Министру иностранных дел Сазонову он как-то сказал: «Я, Сергей Дмитриевич, стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией. Иначе я давно был бы в гробу» *.

В 1916 году положение в стране начинает постепенно приобретать черты революционной ситуации. Огромные жертвы войны, начавшаяся разруха и голод способствуют росту антивоенных настроений в тылу и в армии. Продолжаются перетасовки в Совете министров (его уже называют «кувырк-коллекгией»), разложение государственного аппарата. Неудачи на фронте, разруху в стране многие объясняют влиянием «темных сил» на управление, безответственностью придворной камарильи, распутищиной. Даже великосветское общество начинает опасаться, что все это ведет к гибели монархии.

Публикации (уже после 1917 года) мемуаров виднейших политических деятелей того времени, среди которых надо отметить воспоминания Витте, Коковцова, Родзянко, а также послов Бьюкенена и Палеолога, помогают ближе познакомиться с личностью Николая, проникнуть в его заветные мысли, которые он не поверял своему дневнику и очень редко высказывал в письмах. Крупные, а больше мелкие тайны закулисной политики придворной камарильи вскрыла Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, образованная для расследования преступлений царского правительства. Кое-что немаловажное вопреки своему апологетическому тону добавляет и так называемая «литература приживалок» — воспоминания придворных разного ранга, включая любимую фрейлину царской семьи Вырубову. Все эти источники позволяют существенно дополнить книгу Обнинского, обогатить новыми красками, интересными деталями ее исторические портреты, а кое в чем и подправить их.

Обнинский очень мало рассказывает об императрице. Близко с ней он никогда не встречался, ибо вышел в отставку еще до ее появления в России. Поскольку во многих изданиях, особенно мемуарных, чуть ли не главная вина

* Шавельский Г. Николай II в Ставке // Новый журнал. 1953. Кн. 34. С. 176—177.

за крушение Российской империи возлагается на царицу, расскажем о ней подробнее.

Алиса, принцесса Гессенская, росла долгое время у своей бабушки, английской королевы Виктории, которая передала внучке свою не любовь к Пруссии и Вильгельму II, привязанность к Англии. В Кембридже она получила степень доктора философии, была довольно начитанна в религиозной литературе.

Став русской императрицей и перейдя в православие, она получила имя Александры Федоровны. Глубоко прониклась церковной обрядностью, воспылала любовью к монастырям, к мощам и иконам. В ее комнате всегда горели лампы.

С рождением сына мистическое настроение Александры Федоровны только усилилось. Наследственная болезнь Алексея (гемофилия) обратила ее к молитве во имя целительного чуда всемогущего и милосердного Бога. Только ближайшие придворные знали о болезни наследника. Эту тайну тщательно скрывали даже от других членов императорской фамилии. Александра Федоровна тяжело переживала случавшиеся у мальчика приступы кровотечения, сознавая себя невольной причиной болезни, поражающей мужскую линию Гессенского дома. Постоянная тревога и страдания, видимо, сломили ее, Александра Федоровна впадала иногда в неконтролируемую истерику, иногда в депрессию, мешавшую ей отдавать себе ясный отчет в событиях и людях. Появление во дворце «божьего человека» Распутина, о котором Обнинский имел еще очень скудные сведения, она встретила с затаенной надеждой. Когда же однажды Распутину удалось внушением остановить кровотечение у больного мальчика, Александра Федоровна уверовала в то, что у сына появился спаситель, а у царской семьи преданный друг. Распутин же, улавливавший слабости людей, сумел внушить царице веру в то, что он божий избранник и ниспослан спасти династию, что он понимает нужды народа и знает, как его осчастливить. Он умело подыгрывал тщеславию императрицы; называл Екатериной Великой, убеждал, что только она способна спасти Россию, пренебрежительного порою отзывался о слабом Николае.

Когда еще в 1911 году Столыпина спросила его дочь, можно ли устранить Распутина, он ответил:

— Ничего нельзя сделать. Я каждый раз, как к этому предоставляется случай, предостерегаю государя. Но вот что он мне недавно ответил: «Я с Вами согласен, Петр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы».

По отзыву Столыпина, «императрица бо-

льна, серьезно больна. Она верит, что Распутин один на всем свете может помочь наследику, и разубедить ее в этом выше человеческих сил» *.

Распутин, несомненно, обладал недюжинным умом и способностью внушения, был, как сказали бы сейчас, экстрасенсом. Испытавший на себе его воздействие Родзянко полагал, что в научном отношении Распутин представлял исключительный интерес. С точки зрения житейской Распутин был далеко не прост. Кутежи и оргии мнимого святого старца не мешали ему поддерживать связи с банковскими и биржевыми дельцами, устраивать за взятки кредит, ссуды, подряды, продвигать по службе «нужных» людей, выпрашивать для них чины и ордена... Связи и влияние Распутина привлекали к нему карьеристов и мошенников. Подвизались в его окружении и лица, связанные с германской разведкой.

Появление при Дворе в качестве тайного дирижера правительства разгульного проходивца вызывало общее негодование. Невольно начал меркнуть священный для верноподданных ореол императора и его семьи. Распутинщина вызвала гневные обличения в Думе, грубые выпады в печати, глумливые насмешки в офицерских собраниях. Во время войны, особенно с конца 1915 года, возмущение союзом царской семьи с «грязным мужиком» охватило влиятельные общественные круги, включая не только лидеров буржуазно-помещичьих партий, но и членов императорской фамилии.

Изданная «Переписка Николая и Александры Романовых», послужившая за рубежом канвой многих романов и нескольких фильмов о крахе царской монархии, но у нас мало известная из-за долгих лет заточения в спецхраны, позволяет набросать отнюдь не одномерный портрет царицы. Нет оснований приписывать ей лицемерие и двоедушие, когда она сожалеет о боевых потерях русских войск, а при начале германского наступления на Прибалтику советует «помешать немцам все разрушить и утвердить с их бесовскими аэропланами» **.

Получая от родственников конфиденциальные письма из Германии, намекавшие на возможность сепаратных переговоров о мире, она не выступала в их пользу, как это, например, делал, к неудовольствию союзных послов, экспремьер Витте.

Нельзя не видеть и ее стараний принести какую-то личную пользу военным усилиям страны. В Царском Селе, а затем в Зимнем

* Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк, 1953. С. 328–331.

** Переписка Н. и А. Романовых. Т. 3. С. 177, 181.

дворце при ее участии открываются офицерские госпитали, где она вместе со старшими дочерьми, пройдя фельдшерские курсы, делает перевязки тяжелораненым, а иногда выполняет обязанности операционной сестры. Заботы ее распространяются на создание медицинских складов, формирование санитарных поездов и на посещение пленных-инвалидов, вернувшихся из Германии, и беженцев из Прибалтики, для которых она просит устроить больше питательных пунктов.

Под влиянием опасений «старца» она рекомендует правительству не повышать цену на мясо, а, желая избежать забастовок в Питере, настаивает перед министром путей сообщения Рухловым на быстрой доставке муки и масла, застрявших где-то в Сибири *.

Нельзя не видеть, что во время войны в царской семье произошло серьезное перераспределение обязанностей. В довоенное время поглощенная заботами о детях и почти неразлучная с супругом Александра Федоровна лишь изредка, и то по случайным, второстепенным поводам, вмешивалась в дела управления. Ее беседы с премьерами, с министрами были скорее данью ритуалу. С началом поездок Николая в Ставку, а затем с более продолжительным пребыванием в ней как Верховного главнокомандующего Александра Федоровна стала чувствовать себя как бы вице-императором. Хотя Николай и не узаконил каким-либо формальным документом нового положения своей супруги, о чем он одно время даже подумывал, она очень энергично принялась внушать министрам необходимость действовать. Такие внушения проводились обычно с глазу на глаз, ибо, когда попытались созвать совещание министров, установилось ледяное молчание — ни царица, ни министры не знали, что говорить.

Обладая волевой и даже деспотической натурой, Александра Федоровна, которая всегда требовала от Николая быть «более самодержцем», с отъездом царя в Ставку стала сама командовать премьером Горемыкиным. «Не беспокойся о том, что остается позади,— пишет она в Ставку 22 августа 1915 года,— не смейся над своей глупой старой женошкой, но на меня надеты невидимые «брюки», и я смогу заставить старика быть энергичным». Через три дня, 25 августа, она уже готова руководить и Ставкой. «Я вижу, что присутствие моих «черных брюк» в Ставке необходимо — такие там идиоты» **.

* См.: Переписка Н. и А. Романовых. Т. 3. С. 160, 299.

** Переписка Н. и А. Романовых. Т. 3. С. 252, 258, 265.

Царица вновь и вновь напоминает Николаю: «Мы Богом возведены на престол, и мы должны твердо охранять его и передать его неприкосновенным нашему сыну». Требует: «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом». Но способностей такого рода у Николая нет. Он отвечает: «Бедный старый муженек — без воли» *.

Однако Александра Федоровна не могла не видеть, что положение в стране все ухудшается, растет общественное недовольство. Тяжелые думы все чаще и чаще посещают ее: «Ах, мой Ники, дела идут не так, как следовало бы», вздыхает она ** и с тоской задумывается о будущем детей, «таком неизвестном» ***.

Как мать и жена, Александра Федоровна ставила семейный долг выше патриотического и на государственные дела смотрела как на продолжение семейных обязанностей. В стремлении спасти мужа и сына, которых она любила без памяти, она не ведала, что творила, и сама готовила их гибель. В трагическом ослеплении все, что она предпринимала для здоровья сына, укрепления престола и династии, оборачивалось огорчительными последствиями, злыми пересудами в столичных сферах, громкими обвинениями в измене в Думе и в печати.

Перед роспуском Думы на каникулы 16 декабря 1916 года, Милюков с тревогой говорил: «Атмосфера насыщена электричеством, в воздухе чувствуется приближение грозы. Никто не знает, господа, где и когда грянет удар».

Удар же, который действительно последовал, был только попыткой укрепить пошатнувшийся трон царя. Это было убийство Распутина — акция отчаяния великосветской фронды, представителями которой в данном случае выступили великий князь Дмитрий Павлович, князь Ф. Ф. Юсупов и один из главарей черносотенцев, В. М. Пуришкевич. Убийство «старца» вызвало в столице ликование — ненавистный зверь был повержен, злого духа не стало. Прохожие радостно поздравляли друг друга, проходившие мимо особняка Юсупова становились на колени и крестились. В театрах публичка требовала гимна, в церквях — благодарственного молебна, в офицерских собраниях, великосветских салонах пили за здоровье патриотов. Однако после устранения Распутина стало ясно, что дело не в старце. Открыто это заявил 15 февраля 1917 года Керенский, когда

* Переписка Н. и А. Романовых. Т. 5. С. 174--176, 188--192.

** Там же. Т. 3. С. 245.

*** Там же. С. 449.

назвал величайшей ошибкой искать агентов, изменников, темные силы и немецкое влияние. «У нас есть гораздо более сильный враг, чем немецкое влияние, — это царская власть». В «Речи» цензура заменила последние слова на «это система» *.

Союзнические послы еще пытались спасти Николая, старались давать ему здравые советы. За две недели до начала революции самонадеянный царь не внял и предостережениям Родзянки. Упрямство монарха убеждало широкие общественные круги в неспособности царизма пойти на соглашение с Думой, с умеренной оппозицией. Именно после убийства Распутина получили хождение слухи о подготовке дворцового переворота. Как бы то ни было, в кругах кадетов и октябристов обсуждался вопрос о насильственном устранении Николая с престола **.

Разговоры о желательности дворцового переворота велись и членами императорской фамилии. Тифлисский городской голова Хатисов предлагал главнокомандующему Кавказским фронтом великому князю Николаю Николаевичу провозгласить себя царем, но тот отказался. Вдова великого князя Владимира Александровича великая княгиня Мария Павловна, в свою очередь, была не прочь сосздать на престол одного из своих сыновей — Кирилла, Бориса или Андрея. Но все это были скорее досужие мечтания, а не реальные планы действия. Действительные нити заговора вызревали в кругах буржуазных деятелей. Наиболее представительной из них, видимо, была группа, объединенная масонской ложей «Верховный совет народов России». Эта ложа ничего общего не имела с мистическими обрядами и ритуальными действиями масонов XVIII века. Это был политический клуб, координационный центр нескольких влиятельных партий. Недалеко в ложу входили лидеры и видные представители буржуазных партий. Ведущим организатором заговора был Гучков, который вынашивал план «маленького дворцового переворота для большой войны». Надеялись захватить царский поезд на пути в Ставку или обратно, с тем чтобы вынудить царя отречься в пользу Алексея с регентом великим князем Михаилом Александровичем. У заговорщиков были связи со Ставкой, с командующими фронтами. Начальник штаба Ставки генерал Алексеев давно уже считал необходимым снятие Николая с поста Верховного главнокомандующего ввиду его полной бесполезности.

Настоятельные требования со всех сторон

* Речь. 1917. 16 февраля.

** См.: Василевский И. М. Николай II. Пг.: М., 1923. С. 126.

о реформе правительственной власти вынудили Николая обещать явиться 22 февраля в Думу и объявить о даровании ответственного министерства. Внезапно он изменил свое решение и уехал в Ставку, откуда объяснил супруге причину своего внезапного отъезда: «Мой мозг отдыхает здесь — ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания. Я считаю, что это мне полезно». Несложный политический кризис таким образом легко был снижен до сферы быта и гигиены умственной деятельности. Николай, как это бывало и прежде, твердо надеялся, что брожение в верхах как-нибудь успокоится и все останется по-прежнему. На этот раз, как это было и в 1905 году, не обошлось.

Российская монархия, стоявшая несколько веков, и династия, правившая 304 года, были свалены за несколько дней.

Назначенная Временным правительством Чрезвычайная следственная комиссия по преступлению царского режима не смогла обвинить царя в каком-либо конкретном преступлении. Ему ставили в вину неумение управлять, подбирать необходимых людей, незнание истинных нужд народа. Но стало очевидно, что такие же претензии можно предъявить и тем, кто пришел к нему на смену. Оказались недоказанными и упорные слухи об измене царицы. Никакого прямого провода в Берлин у нее не было, а компрометирующую ее переписку с немецкими родственниками она успела после отречения Николая сжечь.

Несколько раз посетил царственного узника министр юстиции Керенский. Николаю II и Александре Федоровне, еще недавно мечтавшей его повесить, он очень понравился. В дневнике Николай записал (22 июня 1917 г.): «Этот человек положительно на своем месте в нынешнюю минуту. Чем больше у него власти, тем лучше».

Керенский поначалу собирался отправить царскую семью в Англию, правительство которой по просьбе Керенского и Милюкова решило пригласить Николая с семьей на жительство. Но Петроградский Совет запротестовал. Вскоре изменил свою позицию и Лондон, устали посла Бьюкенена заявивший, что британское правительство более не настаивает на приглашении. Видимо, оно опасалось стачек протеста, которые могли возникнуть по всей стране. Офицюз «Дейли телеграф» выразил опасение, что царица может превратить Англию в центр новых интриг. Королевское правительство проявило несомненную неблагодарность к кузену короля и союзнику, верность которого высоко оценил в своих мемуарах Ллойд Джордж.

В начале августа Керенский проводил царскую семью в выбранный им местом ссылки Тобольск. Известие об Октябрьской революции Николай встретил с возмущением, но еще большее его и Александры Федоровны негодование вызвал Брестский мир, в котором они увидели лишь предательство интересов России.

В связи с появлением в Тобольске и окрестностях все новых и новых подозрительных лиц, прибытием явных посланцев монархических организаций советские власти встревожились. Было решено перевести Романовых в Екатеринбург. Там для царской семьи было отведено здание купца Ипатьева, которое получило временно название «Дом особого назначения».

В Екатеринбурге британский консул Т. Рстон пытался тайно содействовать освобождению царской семьи. По его инициативе разрабатывается даже план ночного похищения Романовых. Белые офицеры пытались с фальшивыми разрешениями московских и уральских властей проникнуть в дом Ипатьева. Но судьба императора была уже предreshена. Настроения в пользу истребления царя и царской семьи появились еще в 1905 году. Они окрепли в конце 1916 года, когда даже буржуазные политики начинали присоединяться к самым крайним предложениям. «Шадить и жалеть его нечего, когда он губит Россию», — заявлял видный лидер октябристов С. И. Шидловский. Ему вторил на этой конспиративной встрече с генералом Крымовым самый неумолимый к императору среди собравшихся М. И. Терещенко, которого Родзянко счел нужным одернуть*.

Советская власть первоначально рассчитывала подготовить суд над Николаем II, но для организации этого процесса ничего не было сделано. В середине июля 1918 года, в связи с наступлением на Урале белых, Центр, признав, что падение Екатеринбурга неизбежно, дал указание местному Совету предать Романовых казни без суда. Отряд чекистов в ночь на 17 июля жестоко расправился с царской семьей (царь, царица, пятеро детей) и четырьмя их приближенными.

Решение о казни царской семьи без следствия и суда оправдывалось чрезвычайными обстоятельствами. Впрочем, нельзя отрицать и другого: больше всего здесь действовали соображения о необходимости политической профилактики, о целесообразности избежать монархических мятежей во имя спасения царской семьи, избежать консолидации контрреволюционных сил, которые добивались реставрации царизма. Оправдывались тогда эти дей-

ствия и принципами революционной морали — во имя революции допускалось любое отступление от законности. В этом смысле Николай и его семья стали жертвами так называемой пролетарской морали.

Названием своей книги Обнинский намекал скорее не столько на судьбу Николая II, сколько на обреченность самодержавия. Взгляд этот был почти общим в демократической среде. Преобразование России в буржуазно-демократическом направлении Ленин в канун первой мировой войны считал неизбежным. При этом он подчеркивал, что «реформистских возможностей в современной России нет»*. Он исходил не только из силы российского пролетариата, но и из представления о том, что русская буржуазия не способна к самостоятельному прогрессивному развитию. Опыт войны заставил Ленина несколько уточнить свои оценки предвоенной ситуации. Утверждая, что война за три года продвинула Россию вперед лет на тридцать**, он допускал, что, «не будь войны, Россия могла бы прожить годы и даже десятилетия без революции против капиталистов»***. Но крах самодержавия он, очевидно, считал неизбежным.

Возникает в связи с этим вопрос, который по-разному разрешают историки, особенно западные: а был ли шанс у царской монархии сохранить свою власть в мирных условиях? Был ли предопределен крах самодержавия в марте 1917 года? Можно ли считать лишь капризом истории, как думал английский посол Бьюкенен, что на российском троне в критический момент существования империи оказался очень недалекий и вялый консерватор? Видимо, личность Николая в какой-то мере действительно предопределила крушение монархии. Но это обстоятельство нельзя переоценивать. Задолго до Бьюкенена внимательные наблюдатели, оценивая глубинную социальных антагонизмов в России, предвещали падение царизма. Едва ли не первым, кто предсказал фатальную судьбу нового царствования, был Фридрих Энгельс, предположивший при вступлении на престол Николая, что «самодержавие едва ли переживет эту последнюю смену монарха»****. Спустя полтора месяца в письме Г. В. Плеханову от 8 февраля 1895 года Энгельс еще более определенно предсказывал судьбу самодержца: «А уж если дьявол революции

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 57.

** См. там же. Т. 34. С. 113.

*** Там же. Т. 32. С. 31.

**** Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 293.

* См.: Родзянко М. В. Крушение империи. С. 208.

схватил кого-либо за шиворот, так это Николай II» *.

С первых же лет XX века в самых различных кругах положение в России сравнивают с последними годами царствования Людовика XVI **. Еще в 1904 году лидер эсеров Виктор Чернов опубликовал памфлет «Последний самодержец», а в 1906-м, в момент разгона I Думы, к такому же выводу пришел проникательный В. О. Ключевский: «Династия прекратится. Алексей царствовать не будет» ***.

Перед правительством и самодержцем с самого начала выдвигалась альтернатива, ставшая совершенно неотложной после революции 1905—1907 годов: идти ли далее по пути модернизации российского общества или же стремиться задержать его развитие, даже вернуться к каким-то прежним его этапам? И если возвращение к временам почитаемого Николаем II царя Алексея Михайловича было невозможно, то затормозить европизацию страны, проведение каких-либо демократических преобразований стало целью Николая II.

Более гибкие политики — Витте, Коковцов — могли бы присоединиться к мнению Столыпина, который еще в 1907 году безуспешно разъяснял императору, что «правительство должно становиться во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия — признак бессилия правительственной власти». Премьер-министр рекомендовал уступки начинать заранее, при перевесе сил. Этому совету упрямый и недалекий самодержец следовать отказывался и потому был вынужден уступать натиску революции или оппозиции всегда слишком поздно, когда уже власть теряла силу. Так было в 1905 году, так случилось в 1917-м.

В условиях развития в стране постоянных политических кризисов самодержавная власть переживала драматические моменты выбора. Очень точно это подметил еще Черчилль в годы первой мировой войны. Перед царем, по его словам, всегда стояли альтернативы: «Война или нет? Наступление или отступление? Вправо или влево? Демократизировать или не уступать? Изменять или сохранять?» ****

Проявляя завидную последовательность, император неизменно предпочитал поворот вправо, неуступчивость и отказ от всяких реформ.

И все же царизм, независимо от своих

устремлений, в какой-то мере пытался предотвратить надвигающуюся революцию и экономически — столыпинской реформой, и политически — созданием Государственной думы. Столыпинская реформа стала последней попыткой (с шансами на успех) отсрочить падение царизма. Но сорок с лишним потерянных лет после 1861 года оставили в деревне сильные остатки крепостничества, помешавшие сформироваться крепкому крестьянству, которое могло бы послужить опорой буржуазной монархии; прерванное войной столыпинское переустройство не успело довершить этого процесса.

Рассказывая об экономическом развитии страны, Обнинский подчеркивал, что во многих отношениях оно было как бы независимо от действий правительства. Упомянув об успехах кооперации и мелкого кредита, историк еще не мог привести данных о результатах промышленного подъема, начавшегося в 1910—1911 годах. Не знал он и о попытках приглушить деловую активность промышленных компаний различными запретами и ограничениями, что попыталось сделать правительство Горемыкина весной 1914 года. Общее возмущение промышленников заставило Николая II отменить эти ограничения. Царизм не решился допустить представителей финансово-промышленных кругов на министерские посты и во время войны, не доверяя их политическому курсу, их способности к управлению.

Между тем российское народное хозяйство подтвердило свои неисчерпаемые возможности еще в годы экономического подъема — в канун мировой войны. В 1909—1913 годах промышленное производство возросло на 50 процентов и Россия по его объему вышла на пятое место в мире. Особенно примечательными были высокие темпы развития — 8,8 процента в год. Велики были и успехи сельского хозяйства, ускорение которым дала столыпинская реформа. Посетившие в 1913 году Россию немецкие специалисты по аграрному вопросу определили, что через 10 лет проведение крестьянской реформы превратит Россию в сильнейшую страну Европы *. Прогнозы французских экономистов, относящиеся к тому же времени, в сроках более осторожны, но столь же оптимистичны — они предсказывали, что Россия будет доминировать в Европе к середине XX века **. (Возможно, прогнозы их оправдались бы, если бы не война.)

Способности русских предпринимателей подтвердились вновь в 1915—1916 годах, когда

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 334.

** См.: Былое. 1918. № 2. С. 208.

*** Миллюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. I. С. 407—409.

**** Цит. по: Иоффе Г. З. Великий Октябрь и эпилог самодержавия в России. М., 1987. С. 18.

* См.: Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин. Париж, 1973.

** См.: Тэри Э. Россия в 1914 г. Париж, 1986.

они вкупе с военно-промышленными комитетами, земскими и другими общественными организациями добились исключительных успехов в перестройке на военный лад сотен заводов и фабрик, чтобы вопреки интендантам-казнокрадам и чинушам-взяточникам снабдить фронт оружием, боеприпасами, продовольствием. Работа промышленности в это время оказалась столь эффективной, что потом еще три года белые и красные вели гражданскую войну при помощи запасов, сделанных в 1916 году.

Российское самодержавие, являясь реликтом феодальной эпохи, оказалось, как и монархия Австро-Венгрии и Германии, весьма негибкой формой государственной власти, не сумевшей приспособиться к изменившимся в стране условиям, к политической ситуации XX века. Анахронизм самодержавного управления усиливался ретроградными взглядами царя и царицы, в глазах которых не только деятели думской оппозиции, но даже некоторые великие князья являлись революционерами. Николай II вряд ли когда-либо признавал необходимость хотя бы частичного обновления политического фасада империи. Он не раз подумывал об уничтожении Думы и о возвращении к ничем не ограниченному самодержавию, категорически отказываясь ввести ответственность правительства перед Думой.

В итоге за охватывающий всего около десяти лет период весьма урезанного конституционализма в России не успел сформироваться фундамент парламентского строя, правового государства, гражданского общества. Миновать эти необходимые стадии цивилизации означало лишиться прочных опор демократического государства, что и произошло при строительстве социализма в нашей стране.

Невозможно, конечно, согласиться с мнением многих советологов о прямой преемственности между царской Россией и СССР. Но отдельные сходные черты психологии советских вождей и масс были подмечены ими верно.

Самодержавие оставило население страны лишенным основ современной политической культуры. Это не мешало, конечно, революционному свержению царизма, ликвидации буржуазно-помещичьего строя, но не могло содействовать и созданию демократического государства. Народу, одержавшему победу в гражданской войне, не позволили преодолеть его политическое бескультурье, унаследованное от старого режима. Отсюда слаборазвитое чувство гражданского достоинства, примирение с беззаконием и произволом власти, готовность к обожествлению диктатуры и ее вождей.

Вот почему для нас интересна книга о последнем самодержце, о самодержавии, неосознанное наследие которого во многом, очевидно, способствовало деформации созданного после Октября общества.

* * *

Новое издание книги В. П. Обнинского «Последний самодержец», предпринятое восемьдесят лет спустя после выхода первого, полностью воспроизводит авторский текст. Сноски автора обозначены цифрами, сноски научного редактора — звездочками. При подготовке переиздания не удалось, к сожалению, восстановить для воспроизведения все фотографии, хотя зрительный ряд предлагаемой вам книги достаточно богат: это почти двести портретных и сюжетных иллюстраций.

*С. С. Волк,
доктор исторических наук*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Брак Александра Александровича.— Принцесса Дагмара и Николай Александрович.— Отношение Александра II ко второму сыну.— Занятие искусства.— Уединенная жизнь.— Дети.— Война 1877—1878 годов.— Русшукский отряд.— Запой.— Ванновский.— Боткин.— Отвращение к военному делу.— 1 марта 1881 года.— Крушение «конституции».— Победоносцев.— Граф Толстой.— Уход Лорис-Меликова, Милютин и других.— Письма к Александру графа Л. Толстого, Цебриковой и других.— Казни.— Перовская.— Начало реакции.— Влияние общей обстановки на детство Николая

ГЛАВА ВТОРАЯ. Опять Гатчина.— На антресолях.— Общий тон жизни.— Семейные добродетели.— Воспитание и образование детей.— Англичанин.— Спорт.— Живопись.— Характеры и наклонности трех братьев.— Игра в блоху.— Английский язык вместо родного.— Приятные стороны в характере Александра III.— Его любовь к Мише. Случай в с. Ильинском.— Генерал Данилович

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Поездки лиц царской фамилии по России.— Владимир Александрович и Пугачев.— Крушение в Борках.— Ушибы и их последствия.— Охрана царского пути.— Начало болезни Александра III

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Путешествие наследника вокруг света.— Причины поездки.— Состав свиты.— Неумение хорошо обставить поездку.— Как проводили время на корабле.— Барятинский и Ломен.— Вино, охоты.— Драки между князьями.— Падение Георгия.— В Японии.— Бестактности.— Покушение на Николая.— Было ли сотрясение мозга? — Разражение черепной кости, его последствия

ГЛАВА ПЯТАЯ. Закладка сибирского пути.— Генерал Е. В. Богданович.— Значение дороги.— Хищения.— Технические и стратегические дефекты.— Внутреннее разложение России впервые делается очевидным для желтой расы.— Возвращение через азиатские владения.— Ненаблюдательность.— Показная сторона.— Результаты путешествия

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Служба в войсках.— Общий дух гвардии того времени.— Принц Ольденбургский и его чудачества.— Извращенные наклонности и их распространение в петербургских общественных кругах.— Удаление двадцати офицеров.— Будущие архипастыри Гермоген и Сера-

3 фим в их числе.— Гусары.— Их командир великий князь Николай Николаевич.— Пьянство и разврат.— Родство с Гостиным двором.— Рассказ о волках.— На крыши.— Плохая компания.— Отравление организма алкоголем.— Любовные похождения.— Кшесинская.— Поляки не сумели использовать ее влияния.— Преображенский полк.— Великий князь Сергей Александрович.— Привилегии первого батальона и их результат.— Дурной тон полка.— Нейдгардт.— Рыцарские чувства Николая 20

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Болезнь Александра III.— Захарьин.— Янышев.— Иван Кронштадтский.— Ливадия.— Кухарка.— Агония.— Подписание манифеста о восшествии на престол при жизни императора.— Отказ от престола и женитьбы.— Смерть Александра.— Итоги его царствования 24

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Похороны Александра III.— Беспорядочность процессии.— Белый и черный рыцари.— Неорганизованность либеральных кругов 25

12 **ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.** Брак с Алисой Гессенской.— Шутки по ее адресу.— Впечатление первого ее приезда.— Бедность.— Свадьба.— Надежды на новое царствование.— Чиновничий абсолютизм не умирает.— Бессилие царей.— Организованность бюрократии.— Перестроение рядов камарильи.— Старые генерал-адъютанты понемногу отстраняются.— Свита при трех последних императорах.— Ее деградация, умственная и моральная.— Личные симпатии Николая.— Дурное общество замыкает его от жизни 26

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Прием депутатов.— Тверские земцы.— Роль Твери в истории освободительного движения.— Скандал с Тверским блюдом.— Речь из шапки.— Бессмысленные мечтания.— Общие впечатления в обществе и народе.— Роль Победоносцева 29

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Министры и приближенные.— Горемыкин, И. Дурново, Куропаткин, Ванновский, Победоносцев.— Его роль в синоде.— Случай с митрополитом Иоанникием.— Витте.— Ермолов.— Граф Муравьев, Боголепов, Т. И. Филиппов.— Фон Валь, Клейгельс.— Украденный пароход.— Н. В. Муравьев.— Генералы свиты и гвардии 31

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Коронация.— Устарелость церемонии.— Неурядица.— Борьба влияний.— Полцимейстеры Власовский и князь Волконский.— Московский городской голова Алексеев.— Ходынская катастрофа.— Впечатление

- в народе и обществе. Новые бестактности, рескрипт Сергею, продолжение празднеств.— Князь «Ходынский». Муравьев и Постников созерцают гекатомбу самодержавия. Посольства развозят повсюду весть о начинающемся упадке русского бюрократизма
- 36
- ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Бюрократия начинает опасаться за себя.— Сипягин.— Плеве.— Реакционные меры.— Усиление власти администрации.— Земские начальники.— Проект сокращения земского самоуправления.— Явно враждебная обществу позиция чиновничества.— Московское юридическое общество.— Влияние Сергея возрастает.— Выселение евреев
- 39
- ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Усиление деятельности политической полиции.— Умеренность либеральных кругов.— Необходимость создания фикции их революционности.— Система застрапывания царей.— Постепенное овладение жан-дармами и самих чиновников.— Мнение об этом А. Лопухина.— Институт провокации.— Зубатовщина.— Неподатливость рабочих
- 41
- ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. В высшей школе.— Крушение толстовской политики.— Разгон лучших профессоров по заграничным университетам.— Ковалевский, Вионоградов, Муромцев, Эрисман и другие.— Кого выдвигал Делянов на их места.— Понижение уровня преподавания
- 43
- ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. В армии.— Результат реформ Ванновского.— Пьянство и кулачная расправа.— Драгомиров.— Отсутствие живого интереса жизни солдата как следствие введения всеобщей воинской повинности.— Разложение военного духа.— Регресс военной техники.— Изобретатели.— Воровство интендантов
- 45
- ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. Во флоте.— Развращение всей среды.— Безответственность генерал-адъютанта.— Самодурство Константина.— Великий князь Александр Михайлович и Кази.— Их интрига.— Кастовый характер ведомства.— Непотизм.— Перепроизводство морских офицеров.— Ценовая система.— Хозяйственный способ постройки судов.— Адмирал Верховский.— Частые крушения.— «Русалка», «Гангут».— Залески.— Невнимание ко всему этому Николая.— Такое же невнимание его и во всех других отраслях государственного хозяйства
- 47
- ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. В администрации.— Губернаторы.— Их подготовка.— Безответственность.— Протекция.— Общее развращение на принципе «рука руку моет».— Назначения военных на административные места учащаются.— Способности и знания губернаторов.— Взятчики
- 49
- ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Юстиция.— Крушение заветов 1864 года.— Деградация принципов правосудия.— Манассин.— Муравьев.— Манухин.— его мнение о наказании убийцы великого князя Сергея.— Акимов.— Дело Ермолова.— Щегловитов.— Разложение нравов судебной магистратуры и самих судей.— Сенат.— Судейская несменяемость.— Новое поколение юристов.— Бегство в адвокатуру.— Создание особого типа обвинителя и защитника по политическим делам
- 52
- ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. Печать.— Рептилии.— «Московские ведомости».— Катков.— Петровский.— Грингмут.— Лев Тихомиров.— Суворин.— Ухтомский.— Мещерский.— Отношение царя к рептилиям.— Юбилей «Московских ведомостей».— Подарок царя бывшему революционеру.— Проблески будущего черносотенства
- 53
- ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. В земствах.— Усиление административного гнета.— Неорганизованность реакционеров-гласных помогает сплотиться прогрессивным земским элементам.— «Союз освобождения» начинает подсказываться общей конъюнктурой
- 55
- ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. Первые проявления брожения.— Рабочие.— Студенческие волнения.— У Казанского собора.— Князь Вяземский и генерал Клейгельс.— Печать.— Террор снова усиливается.— Карпович открывает серию министерских убийств.— Покушение на Победоносцева.— Тупая политика правительства.— Польский вопрос.— Поездка царя в Варшаву.— Финляндский вопрос.— Бобриков и его мнение о финляндцах.— Убийство Бобрикова.— Культ Шаумана.— Кавказ.— Голицын.— Величко.— Армяно-татарская распря.— Раздача нефтеносных земель.— Чиновничье землевание.— Падение русского престижа на Кавказе.— Батум.— Духоборы.— Их выселение в Северную Америку.— Участие в этом деле графа Льва Толстого.— Старообрядчество.— Насильственное крещение детей старообрядцев.— Рогожское кладбище.— Повсюду сеется раздражение, но пресс продолжает завинчиваться.— Принцип самодержавия начинает колебаться в народе.— Продолжительность отождествления чиновничества с царем и его возможные последствия для династии Романовых
- 56
- ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Неведение еще царит в Петербурге.— Сипягин.— Его личная дружба с царем.— Личные средства не мешают обычному обращению с народными.— Дверные ручки в министерской квартире.— Проповедь самодовлеющей реакции.— Упрощенное земское самоуправление.— Общая путаница.— Губернаторские недоумения.— Воссоздание опричнины.— Земские стражники.— Убийство Сипягина.— Петербургское настроение в этот день.— На него не обращают внимания
- 61
- ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Без колебаний.— Назначение В. Плеве.— Его характер и темперамент.— Охрана министра.— Жалованье.— Плеве забирает силу.— Отношение его к Государственному Совету.— Отношение к земству.— Неутверждение Д. Шипова.— Ревизии Зиновьева и Штюермера.— Подбор губернаторов.— «C'est à en pleurer!» — Выплывают герои безвременья: Гурко, Стишинский, Шванебах.— Их идеолог С. Шарапов.— Общество «Пахарь».— Типичный продукт разложения нравов.— Реакция усиливается.— Плеве понимает опасность положения.— Борьба с С. Витте.— Креатура Вышнеградского.— Кто пишет рескрипты?
- 62

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. Записка Витте о земстве. — Местные совещания о нуждах сельского хозяйства. Падение Витте. — Развал затей Плеве. — Восточные проекты. — Пекинский поход. Генерал Грибский и благоговешное потопление трех тысяч китайцев. — Разгром на Востоке подготавливается

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. Подготовка Японской войны. — В Корее. — Концессии на Ялу. — Чьи деньги? — Алексеев, Безобразов, Абаза, Павлов и К°. — Безошибочный расчет Японии. — Красная книга о японских переговорах. — Разговор Плеве с Лопухиным. — Способности камарильи развертываются, а царь втягивается в грязь

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. Потакание невежеству Николая. — Его набожность и устарелые религиозные понятия. — Аудиенция Л. Л. Толстого. — Клопиада. — Незадачи с наследником. — Переход к увлечению спиритизмом, понимаемым как колдовство. — Филипп. — Справка Рачковского о судимости этого шарлатана. — Награды Филиппу. — Письмо Николая к Лубэ. — Использование легенды о старце. — Обычная подкладка извлечения трупов монахов. — Курская история. — Губернатор Милютин. — Серафимовы мощи. — Отказ архиепископа в признании их святости. — Смена архиепископа. — Саровские торжества. — Русский чиновничий Лурд. Ваханалия лицемерия. — Мода на Серафима. — Убогие проstackи и фарисеи. — Козельский юродивый «Митька», казанский мужик. — Отношение к церкви русских царей. — Победоносцев и англиканский епископ. — Архирейские карьеры. — Леонтий Московский об Иверской Божией Матери. — Растраты, хищения. — Монастырские имущества. — Отзывчивость монашества к народным бедствиям. — Темное царство

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. Порядочные люди мало-помалу устраниваются. — Возвышение Трепова. — Высокие связи. — Покушение на него. — Перевод в Петербург. — Блестящая атмосфера для развития его способностей. — Погромы времени Плеве. — Кишинев, Гомель. — Письмо Плеве к губернатору Раабену попадает в «Times». — Вопрос Стэда и ответ ему министра

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. В ожидании войны. — Круговой обман. — Две иностранные политики. — Делеши к Алексею. — 38-я параллель и традиционное «Господь с вами». — Наивная вера в помощь Бога преступникам. — Жестокое наказание ожидает царя. — Стигивание войск. Недочеты вооружения, одежды, продовольствия. — Поздно исправлять. — Последние приготовления Японии. — Внутренние осложнения одновременно с возникновением войны. — Аграрные беспорядки в Полтавской и Харьковской губерниях. — Князь И. М. Оболенский и телесные наказания. — Лопухин — знаток аграрного вопроса. — Плеве сманивает его в департамент полиции, но поздно и здесь что-либо исправлять. — Гроза приближается. — В Дальнем и Порт-Артуре. — Общее веселье и неосведомленность. — Бал в Зимнем дворце. — Царь о войне с Японией. — Обычная обстановка балов. — Где делаются иногда карьеры? — Рассказы графа О. Келлера

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ. Взрыв трех броненосцев. «Коварный враг». — Манифест. «Укус блохи». — Первые впечатления. — Патриотический подъем. — «Варяг». — Черносотенные демонстрации

66 ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Война. — Тюрнечен. — Артур. — Осада его. — Госпожа Стессель. — Цены продуктов. — Моряки. — Назначение Макарова. — Гибель «Петропавловска» с Макаровым и Верещагиным. — Рассказ Рылевского. — Лаоян. — Мукден. — Терпеливый полководец. — Эскадра Рождественского. — Небогатов. — Небывалый морской переход. — Угольные станции. — Потопление английских рыбаков. — Пробойна «Авроры». — Цусима. — Общее раздражение. — Развал армии. — Линевич. — Петербургские влияния. — Гриппенберг. — Кандидатура великого князя Николая Николаевича. — Дети великого князя Владимира на войне. — Объезды войск по городам. — Серафим не помогает. — Неслыханный позор. — Крушение престижа России на Западе и Востоке

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ. Негодование нарастает. — Раскаianie земства и других учреждений в ассигнованиях на войну. — Красный Крест и общеземская организация. — История с генералом Сухомлиновым. — Хищения открываются. — Интендантство и пожары складов. — Организация общественных сил начинается. — Убийство Плеве. — «Плевок». — Участие Азефа установлено

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. «Союз освобождения». — Его печатный орган и мнения о нем в России. — Программа Союза. — Временное замешательство правительства. — Назначение князя Святополк-Мирского. — Эра «доверия». — Нескольких новых назначений. — Бессилие отдельных лиц. — Правитель канцелярии министра внутренних дел Любимов как символ бюрократической живучести. — Борьба князя Святополк-Мирского с камарильей. — Тверское земство. — Возвращение высланных земцев. — Наследие Ширинского-Шихматова. — Земство оживает и готовится к организованному выступлению. — Департамент полиции также. — Банкеты. — Съезд земцев 6—8 ноября 1904 года. — Резолюция большинства и меньшинства. — Адреса царю земские и дворянские. — Неудовольствие чиновников. — Указ 12 декабря 1904 года. — Недоверие общества. — Что думали лучшие представители бюрократизма? — Совещание о созыве Земского Собора

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Священник Гапон. — Рабочие организации. — Генерал Фулон. — Двойная игра. — Грандиозный план. — Приготовления к шествию. — Накануне 9 января. — Бессилие князя Святополк-Мирского. — Совещания в редакции «Сына отечества». — Хождения по министерствам. — В царской семье. — Трусость эксплуатируется инициаторами бойни. — Свита и великие князья. — Угрозы великого князя Владимира. — День 9 января. — Все разыгрывается как по нотам. — Общие впечатления. — В рабочих сферах. — Письма Гапона к царю, рабочим и крестьянам. — Неудача провокации. — Революция делается неизбежной. — Убийство в Москве великого князя Сергея Александровича

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ. Роль интеллигенции в начавшемся движении. — Съезды земских и городских деятелей. — Высочайшие указы переходного времени. — Депутация земцев у царя 6 июня. — Состав депутации. — Обычные впечатления. — Острота графа Гейдена. — Значение делегации и речи князя С. Трубецкого. — Булыгин. — Характеристики его, сделанные царем и «Петрушкой» Дурново. — Булыгинская Дума. — Назначение Трепова товарищем к Булыгину. — Просьба об отставке Булыгина и князя Урусова. — Резолюция Николая на прошении Булыгина. — Трепов забирает силу. — Волнения растут. — Избиение детей и булыгинское остроумие

106

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ. Стачечное движение. Надежды крайних партий. — Ликвидация войны. — Мир в Портсмуте. — Соревнование Муравьева и Витте. — «Отступное». — На фабриках и в деревнях. — Популярность стачечного принципа. — Волнения во флоте. — «Потемкин». — В Севастополе. — Великая забастовка. — Москва и Петербург. — Общее сочувствие и участие. — В Царском Селе. — Смятение. — Витте в роли спасителя отечества

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. 17 октября. — Манифест. — Сцены во дворце. — Неподготовленность администрации. — Забастовка Булыгина. — Витте бездействует. — Трепов не теряет. — Синод и армия. — Наверху разделяются на два лагеря. — Темные силы торжествуют. — Минтинги. — Демонстрации. — Общее ликование. — Опять «бессмысленные мечтания». — Предвестники новой «Ходынки»

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. Контрреволюция. — Простота организации. — Готовность чиновничества к перевороту. — Старые дрожжи. — Еврейские погромы. — Типография в департаменте полиции. — Трепов, Рачковский, Комиссаров, Будоковский, Богданович, Николай — погромщики. — Прокламации. — Климович и другие. — Материальные средства. — Отдельные сцены погромов. — Расстрелы в Минске, Ревеле и других городах. — Участие полиции и войск. — Негодование в России и за границей

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. Революция развивается. — Умышленное бездействие администрации. — Брожение в рабочей среде. — Во флоте. — Лейтенант Шмидт. — На окраинах. — Балтийское движение. — В Польше. — На Кавказе. — Необходимость репрессий. — Террор усиливается. — Убийство губернаторов Богдановича, Старикевича и Блока

ГЛАВА Сороковая. Аграрное движение. — Лауниц, Струков. — Пантелеев, Сахаров. — Курлов. — Движение в Прибалтийском крае и на Кавказе. — В Сибирь. — Карательные экспедиции. — Их состав. — Кавалерия и казаки. — Орлов, Безобразов, Меллер-Закомельский, Соллогуб, Ренненкампф. — Офицеры, солдаты, матросы. — Сиверс и барон Корф. — «Молодец!» — «Лесные братья». — Озверение с обеих сторон. — Ермолаев, Левицкий, Веверн, Алиханов. — Старосельский и Наливкин. — Скалон, Бурчак и другие. — Генерал Рудов. — Филонов и Луженковский. — Открытое письмо Короленко. — Аврамов и Жданов. — Отношение царя к явлениям само-

управства. — Отличие Лауница за его поведение в Тамбовской губернии. — Жена офицера Данилова и инженер Яновский. — Общий беспорядок в делах. — Падение курса. — Почтово-телеграфная забастовка. — «Петрушка» Дурново выдвигается. — Новые съезды, резолюции и волнения в войсках. — Земцы у графа Витте. — Союзники у царя. — Новые попытки забастовок. — На национальной плоскости революции

133

ГЛАВА Сорок первая. Московское вооруженное восстание. — Была ли здесь провокация? — Влияние провокации и шпионажа на течение русской революции. — Участие в подготовке восстания войск, студентов и рабочих. — Явное сочувствие населения. — Дружинники. — Дом Фидлера. — Пресня. — Адмирал Дубасов. — Семеновцы. — На Казанской железной дороге. — Мин. — Риман. — Награды. — Подавление восстания

143

ГЛАВА Сорок вторая. Чрезвычайные законы вместо свобод. — Краткая история их. — Мнения П. Дурново, Хрулева и других реакционеров. — Затяжной призыв власти. — Неуважение к закону. — Неумение остановиться вовремя и поощрение беспорядка в управлении. — Частичные отмены. — Обман Европы

147

ГЛАВА Сорок третья. Учреждение Государственной думы. — Отношение к ней различных общественных групп. — Некоторое влияние их на будущий центр Думы. — Политические партии организуются

151

ГЛАВА Сорок четвертая. Центр: кадеты, партия «демократических реформ». — Правое крыло: октябристы первого призыва. — Левое крыло: радикалы, трудовики, социал-демократы, социал-революционеры. — Анархисты. — Дашнакцутюн. — Максимализм. — Симпатии Николая лежат вне этой амплитуды настроения масс. — Причины в воспитании и обычном невежестве русских царей. — Приспособление к этим чертам вызывает организацию черных сотен

ГЛАВА Сорок пятая. Черные сотни. — Их состав. — Поведение администрации и духовенства. — Центральный орган. — Центральные средства. — Апологет черносотенства Е. Богданович. — Его прошлое и настоящее. — Сабля Буланже. — Дубровин. — Кацауров. — Полубояринова. — Марков 2-й. — Граф Доррер. Развитие «Союза русского народа». — Возложение знаков Союза на царя и наследника. — Окончательное вступление их в организацию погромов и убийств. — Прием черносотенных делегаций. — Извозчики. — Положение упрощается. — Кажущаяся двойственность царя. — Витте о политических убеждениях Николая. — Столыпин, Гучков и Милюков борются с ними

153

ГЛАВА Сорок шестая. Выборы в I Думу. — Витте отказывается от давления на выборы. — Упреки Николая. — Как в Европе делают. — Дурново волнуется. — Неожиданные результаты. — Бойкот Думы социал-демократами. — Повсеместная победа конституционных демократов. — Имперский съезд. — Приподнятое настроение. — Временное сокращение террора. — На это обращают внимание Азефа и его помощников, которые и готовят покушение на адмирала Дубасова и убийство адмирала Кузьмича. — Бю-

прократы, в свою очередь, торопятся с изданием основных законов.— Небрежная редакция их.— Откровенность графа Витте по этому поводу.— Отставка кабинета графа Витте.— Новое министерство.— Горемыкин, Столыпин, Щегловитов.— Отношение царя к будущему парламенту выясняется

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ. Созыв Государственной думы.— На местах.— Проводы депутатов.— Кто прошел в Думу.— Депутаты съезжаются в Петербург.— Обыски.— Охрана повсюду.— Петербург оживает.— Молодая царица раскладывает мантию.— Ее отношение к готовящемуся событию.— 27 апреля.— На улицах.— Во дворце.— Клака.— Тронная речь.— Скандальное молчание Думы.— Впечатления на царской трибуне.— На Неве.— «Кресты».— У Таврического дворца.— Маневры артиллерии.— Гусары практикуются.— Острота фон-дер-Лауница.— В Думе.— Молебн.— Открытие Думы.— Фриш.— Министры.— Избрание Муромцева.— Требование амнистии и значение этого вопроса в дальнейшем ходе событий.— Наивность и неосведомленность депутатов.— Присяга и титул самодержца.— Когда началось падение Трепова.— Доклад Муромцева и знакомство его с царем.— Кадетский клуб

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ. Конституирование Думы.— Партии.— Адрес царю.— Союз автономистов.— Крестьянская группа.— Ерогинское обещание.— Отсутствие черносотенцев.— Депутаты Способный и Ильин.— Кто оказался на правой.— Центр и его лидеры.— Левые и их лидеры.— Умеренные и их лидеры.— Общая характеристика I Думы.— Начало раскола.— Работоспособность министерства Горемыкина.— Его ораторы: Столыпин, Павлов, Гурко, Макаров, Коковцов.— Президиум Думы.— Комиссии.— Вид залы заседаний.— Телеграммы в «Правительственном вестнике».— Переписка Муромцева и Горемыкина по этому поводу.— Карты раскрываются.— Декларация 13 мая.— Первый запрос Думы о типографии в департаменте полиции.— Речь князя Урусова. Двойственность Столыпина обнаруживается. Письма к нему князя Урусова и Лопухина.— Невежество министра.— Первомайские погромы.— Вологда.— Жандарм Пышкин.— Тон речей Столыпина и Гурко.— Прения по аграрному вопросу. Герценштейн, «иллюминации».— Принцип принудительного отчуждения.— Над Государственной думой собираются тучи.— Слепота центральных партийных комитетов.— Переговоры о кадетском министерстве.— Мнение левых о нем.— Общая атмосфера.— Надежда народа на Думу.— «Ходоки».— Поездки депутатов на родину.— Белостокский погром.— Подготовка войск.— Прокламации генерала Богдановича.— Бессилие гражданской власти.— Губернатор Кистер.— Предупреждение в европейской прессе.— Деркачев и Шереметев.— Отзывы местных депутатов о взаимоотношениях еврейского и христианского элементов населения.— Отдельные сцены погрома.— На вокзале.— Трехдневный срок.— Как реагировала на погром Государственная дума.— У Столыпина.— Парламентская анкета.— Ее результаты.— Приготовления к разгону Думы за-

канчиваются.— Треповские переговоры.— Правительственные сообщения о Белостоке и аграрное контрсообщение Думы.— Его перипетии.— Срыв сообщения.— Левые и польское «коло».— Междупарламентский конгресс.— В ожидании разгона.— Манифест заготовлен.— Легенда о горемыкинском покое.— Столыпин-обманщик.— Логичность разгона

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ. Манифест 9 июля.— Около Думы.— В Выборге.— Воззвание.— Его неуспех.— Принцип пассивного сопротивления.— Распоряжения Столыпина на местах.— На конгрессе в Лондоне.— Речь Кемпбелл-Баннермана.— Проект английской делегации.— Черносотенцы протестуют.— Пуришкевич.— «Новое время» снова поворачивает флюгер.— Общее настроение.— Немецкие миноносцы у Петергофа.— Угроза иностранным вмешательством на страницах официоза

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ. Междудумье.— Переговоры с мирнообновленцами.— Визит Н. Львова к царю.— Убийства Герценштейна и Иоллоса.— Казанцев.— Восстание в Кронштадте и Свеаборге.— «Память Азова».— Казни начинаются.— Взрыв волнений в армии и деревнях.— Террор усиливается.— Аптекарский остров.— Граф Игнатьев.— Генерал Павлов.— Фон-дер-Лауниц.— Замешательство властей.— Седлецкий погром.— Полковник Тихановский и жандарм Петухов.— Награды и следствие.— Общественное мнение о погроме.— Столыпин невозмутим.— Презрение к нему распространяется.— Военно-полевые суды.— Как крушится просьба о помиловании приговоренного к смерти.— Разлагающее влияние полевых судов на армию.— Казни без суда в Варшаве и генерал-губернаторская власть.— Экспроприации.— Ограбления поездов.— Анархия.— Озлобление умеренных буржуазных кругов.— Кризис промышленности и финансов.— Досадное разложение оппозиции.— Разочарование рабочих кругов.— Заигрывание с армией.— «Семеновцы, дорогие мои!» — Россия переходит фактически к федерально-анархическому строю

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. Выборы во II Думу.— Сенатские разъяснения.— Переход к «европейским» порядкам.— Открытое давление администрации обличается повальным устранением прогрессивных кандидатов.— «Выборжцы».— Состав их преступления.— Снятие бойкота с Думы левыми партиями и одновременное обострение отношения их к кадетам.— Почему все нападали на кадет.— Результат выборов.— Дума левее.— Безнадежное положение чиновничества

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. II Дума.— Начало эры парламентских скандалов.— Их подкладка и вдохновители.— Субсидирование скандалистов.— 10-миллионный фонд.— Прошлое некоторых скандалистов.— Зурабовский инцидент.— Придирака правительства и союзников.— Открытая подготовка разгона.— Создание легенды о заговоре против царя.— Разгон.— Конфуз правительства.— Торжество черных сотен.— Народ безмолвствует.— Переворот 3 июня 1907 года.— Новое положение о Думе.— Наивность правящих

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. Николай становится центром реакционного похода на народ.— Личные симпатии.— Симпатии царицы.— Орлов.— Советы великого князя Владимира.— Опасность ссоры с родными.— Неосведомленность.— Беспринципность.— «Кормление» прежнего времени и современное взяточничество.— Рассказы Коковцова.— Любезности по адресу полиции.— Подъем полицейского духа.— Потакание войскам.— Новые формы.— Интимная сторона царской жизни как предмет пересудов в кордегардии.— Преторианский полк. Ненадежность семеновцев и конвоя.— Зависимость от охраны все растет.— Теперь, пожалуй, не шекотно.— Растет и общее озлобление, направляемое на личность Николая.— Алкоголизм.— Карикагуры

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. Расцвет «Союза русского народа».— «Вече», «Русское знамя», «Русская земля», «Новое время».— Унизительная роль Суворина.— «Земщина».— «Виттова пляска».— Губернаторы и архиереи открыто ломаются в ряды Союза.— Ликвидация погромов.— Систематическое помилование.— Повышения по службе для погромщиков.— Одесские союзники.— Граф Коновницын.— Генерал Каульбарс.— Резины.— Одесские погромы.— В Одесском университете.— Процессы Васковского, князя Гагарина, Пассека.— Союзники сменяют губернаторов и телеграфируют европейским монархам.— Покушение на жизнь графа Витте.— Каморра народной расправы.— Боевая дружина Союза.— Дезобри.— В Бессарабии.— Крушеван.— Братья Крупенские. Пуришкевич.— В Курске.— Граф Доррер.— Марков.— Касаткин-Ростовский.— Говоруха-Отрок.— Преследование независимых судей.— Витте, Арнольд, Скарятин, Бибииков и другие.— «Три тысячи» отделов «Союза русского народа».— Официальная хлестаковщина.— Растраты.— Протоиерей Восторгов и икона.— Гринмут.— Сотрудники «России».— Гурлянд, Сыромятников.— Бутерброды и казенные перья.— Концентрация всего бездарного, преступного и беспринципного.— Поправные октябристов.— Устойчивость кадетской программы и тактические ошибки.— Утомление.— Попытки организации оппозиции.— Слухи о возрождении русского масонства

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. Выборы в III Думу.— Наконец удача по европейскому рецепту.— Центр и правительство.— Их взаимоотношения.— Президиум.— Эстрада.— Волевили и скандалы.— Недолгое торжество кабинета.— Опасности возникают с другой стороны.— 87-я статья основных законов.— Ее слабость.— Одновременно слабеет и темп государственной жизни.— Промышленники лезут. Совещания их с прогрессистами.— Спасение Столыпина.— Националисты.— Клуб и Союз.— Русское собрание.— Противовес «Союзу русского народа».— Столыпинский гастрол.— Моральная слепота Николая.— Итоги четырехлетней работы III Думы.— Общее разочарование.— Смена председателей.— Аудiences Хомякова в Царском.— Хомяков советчик

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ. Дворцовая жизнь входит в свою колею.— Галатка. Царь начинает снова показываться на улицах.— Смена

влияний.— Смерть Орлова.— Семейные нелады.— Психическая болезнь царицы.— «Штандарт».— Блиндированный подвал в царском дворе.— Такая же комната для Столыпина в Таврическом дворце.— Пулеметы на войне и в дворцовых коридорах.— Новые заказы.— «Высочайше» установленные образцы гарантируют военные поражения

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. Герои нашего времени.— Гурко и Лидваль.— М-ме Эстер.— Духовное песнопение перед корсетной мастерской.— Думбадзе.— Его статьи и подвиги.— Покрытие его грехов из казенных сумм.— Дружба со столыпинскими детьми.— Четверостишие о Пергаменте сердечно трогает первого министра.— Думбадзе наглет.— Телеграмма Бекману.— Отставка последнего.— Не Иванов ли 17-й? — Суворин клеветает на Герарда.— Меньшиков.— Его статьи о федерализме и погромах.— Аудiences в Царском Селе.— Под царские выходы подводится идеологическое основание.— Дубровин и дело Герценштейна.— Юскевич-Красковский и Гамзей Гамзеич.— Барон Бугсгевден.— Скандалное помилование.— Союзники в Ливадии.— Марков в Царском Селе.— Маразм Богдановича.— Веретенников.— Горчаков.— Толмачев.— Гершельман.— Скалон.— Драчевский и погром в Ростове.— Рейнбот.— Почаевская лавра.— Илиодор.— Иван Кронштадтский.— Падение его престижа в народе.— Гонения на либеральных министров.— Кауфман.— Шварц.— Щеголовитов развертывается.— Принцип необязательности закона.— «Петрушка» Дурново снова всплывает.— Интриги в высших бюрократических сферах.— Склонение влияния Столыпина.— Морские штаты.— Царь зовет Столыпина в «Союз русского народа»

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ. Правители.— Падение умственного и нравственного уровня все усложняющейся жизни.— Старые князья Константин, Николай и Михаил.— Слабоумие Владимира.— Растрата им денег, собранных на собор в память убийства Александра II.— Мария Павловна.— Широкие нравы.— Переписка с Бисмарком.— Священная дружина, предтеча «Союза русского народа».— И здесь регресс.— Сыновья Владимира.— Дома и на войне.— Алексей Александрович.— Пьянство, катанье после Цусимы.— Баллета.— Татуировка.— Слон и граммофон.— Сергей Александрович.— Гомосексуализм.— Юдофобство Сергея.— Павел.— Александра Георгиевна и Елисавета Федоровна.— Драма в селе Ильинском.— Николай Николаевич.— Охоты.— Мнение о Дубасове.— Николай Михайлович.— Александр Михайлович.— Дети Константина. Психоз на тронах и возле них.— Старая царица.— Михаил Александрович.— Шереметьевская.— Слухи о бурном объяснении Михаила с братом и матерью.— Мелюзга.— Общее число князей.— Еще царь.— Помилование поджигателя Федорова.— На свободе.— Случай с трамваем.— Потребность в мистицизме. Во что это вырождается.— Григорий Распутин.— Старьевщик сврей и иконы для царицы.— Дружба с Рачковским.— Награждение орденом с себя.— Дети.— Мнение крестьян о наследнике и царе.— Атмосфера праздности, богатства и страха.— «Императорская религия» и горный департамент.— Расцвет дурных инстинктов.— Почва для провокации всякого рода

208

193

211

197

203

218

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. Азефовщина.— Бурцев и его роль в освободительном движении.— Черняк.— Слухи об Азефе.— Герасимов.— Гартинг.— Карпов.— Кто убил Старынкевича и Блока?— Невысокая цена Курлова.— Петров-Воскресенский.— Дело Лопухина.— В чем его вина?— Предательство Столыпина.— «Варварин суд».— Надежда царя на суровый приговор.— «Вот так здорово!» Действительное значение разоблачений Лопухина.— Мелкие провокаторы.— Провоз оружия, подброс, фабрикация бомб.— Рачковский-бомбист.— Будоговский.— Комиссаров, Пономарев, Миллер, Пышкин и другие.— Безнаказанность.— Награды

227

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ. Путешествие за границу.— Гартинг по-прежнему в силе.— В Англии.— В Шербурге.— В Ракошидзи.— Отношение итальянского народа не изменилось.— Максим Горький.— Неуважение к Николаю за границей.— Карикатуры.— Обращение Вилгельма II.— Алкоголизм и его последствия.— Скандальное хождение в солдатской форме.— Болезнь царицы обостряется.— Все становятся подозрительными к царю.— Возвращение к узколичной политике.— В высшей школе.— Черты вырождения.— Ауденция Герасимова.— Никто не влияет.— Возможность всяких неожиданностей

232

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. Внешнее торжество реакции.— Все умолкает.— Политические партии.— Профессиональные организации.— Печать.— Штрафная система.— Ссылка.— Тюрьма.— Казни.— Несколько итогов.— Чиновничество продолжает численно расти.— Аграрная реформа как средство борьбы с революцией.— Как готовятся к IV Думе

236

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. Внутреннее бессилие реакции.— Нет корней у нее в народе.— Нет людей, нет верной армии.— Нет лишних денег.— Трудность займа.— Выколачивание податей.— Кризис промышленности продолжается.— Подавленное настроение в высших сферах.— Вожжи выпадают из рук Столыпина.— Ревизии не помогают.— Общественное мнение.— Существует ли оно? — Похороны Муромцева и Толстого.— Где теперь идет организаци-

онная работа? — Кооперативное движение.— Мелкий кредит.— Просветительные учреждения.— Съезды, общества, начинания культурно-политического характера.— Крушение монархического принципа.— Выступление Милокова по поводу «Союза русского народа».— Молчание — знак согласия

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. Кое-что о международном положении.— Позор на Балканах.— Восточные осложнения.— Китай поднимает голову.— Бессилие военное и финансовое.— Недостаток взрывчатых веществ.— Финляндский вопрос.— Слабая компенсация внешних поражений.— Протесты европейских ученых и парламентариев.— Инкорпорация Выборгской губернии.— Респуски сеймов.— Восная подать.— На Кавказе.— Распыление войск во враждебной стране.— Как живет Сибирь.— Микадо или царь — все равно.— Сколько времени думают продержаться на Дальнем Востоке

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. События последнего времени.— Расцвет власти Столыпина и охраны.— Муслирование патриотических чувств.— Киевские торжества.— Смерть Столыпина.— Поведение Николая Александровича.— Кандидатура Курлова.— Химерические толки в народе.— Равнодушные общества и переполох в правительственной среде.— Завершенная система изоляции правителей и их уничтожения

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. Какой же исход? — Физический и химический процессы.— Возможность здорового патриотического подъема в случае внешних осложнений.— Его гибельность для Николая и чиновничества.— Последнее в крайнем случае изменит царю, но вскоре умрет само в нынешней своей формации, уступив место новым государственным организациям

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ. Будущий строй Российского государства.— Конец послепетровского периода.— Мнение Ключевского.— Будущее династии Романовых.— Да Романовы ли они? — Последний самодержец

ПРИЛОЖЕНИЯ

С. С. Волк. Несколько штрихов к незаконченному портрету

Обнинский Виктор Петрович ПОСЛЕДНИЙ САМОДЕРЖЕЦ

Очерк жизни и царствования императора России Николая II

Редакторы Л. С. Макарова, А. Е. Шерешевская
Художник Г. В. Колоскова
Художественный редактор О. Н. Зайцева
Технический редактор Н. К. Капустина

ИБ № 9415

Сдано в набор 05.07.91. Подписано в печать 31.03.92. Формат 84х108/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. л. 30,45. Уч.-изд. л. 33,51. Тираж 75 тыс. экз. Заказ № 2112. С021.

Российский государственный информационно-издательский центр «Республика»
Министерства печати и информации РСФСР.

Издательство «Республика». 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Большой герб Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы.

**Малый гербъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ
Князей, младшихъ сыновей Императора**

**Малый герб Ихъ Высочества, Князей крови
Императорской.**